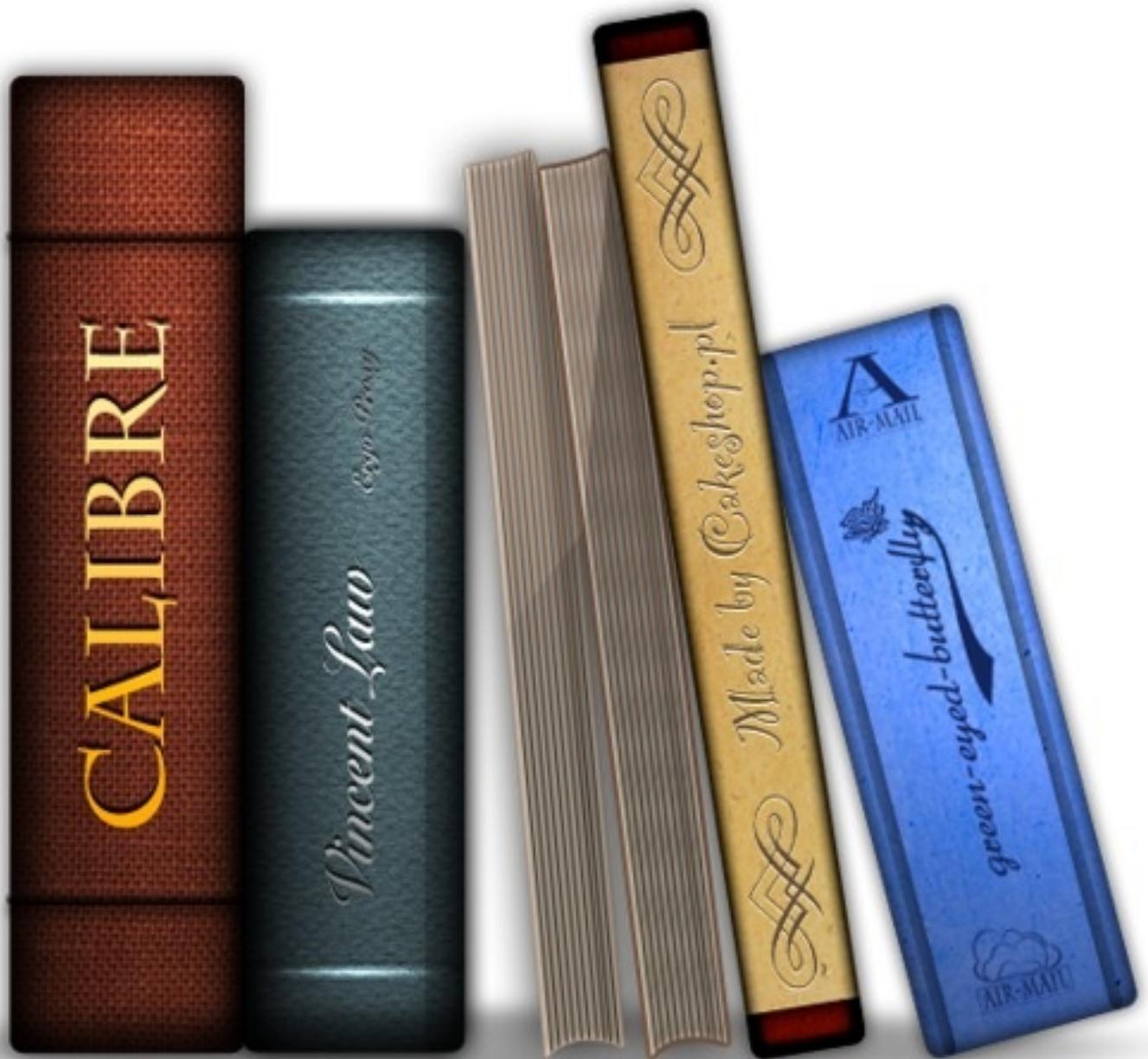

Седьмая чаша

К. Сэнсом & С Sansom

Книга 4 из Шардлейк

calibre 0.7.44

Annotation

Англия, 1543 год. В фонтане на территории Линкольнс-Инн, известной адвокатской палаты, найден труп Роджера Эллиарда, друга Мэтью Шардлейка — одного из лучших в Лондоне специалистов сыскного дела. Шардлейк по просьбе вдовы покойного начинает расследование, и тут неожиданно выясняется, что за несколько дней до этого было совершено аналогичное преступление. Убитым оказался доктор Пол Гарней, личный врач лорда Латимера, последнего мужа леди Кэтрин Парр, на которой собирается жениться не кто иной, как Генрих VIII, король Англии...

Изданные миллионными тиражами, романы К. Дж. Сэнсома о приключениях Мэтью Шардлейка читаются во всем мире.

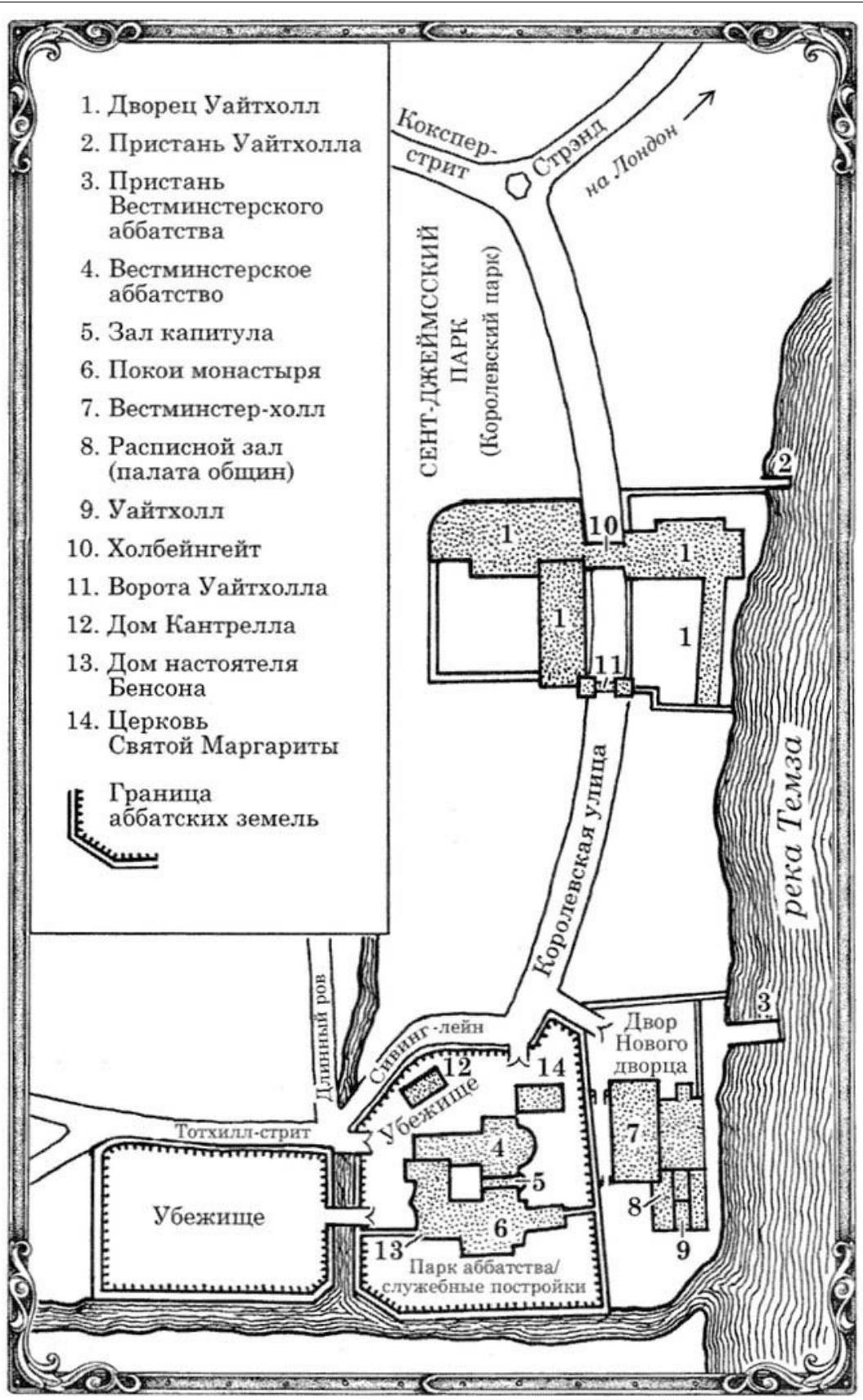
- [К. Дж. Сэнсом](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Эпилог](#)
- [Исторические заметки](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)

- [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

К. Дж. Сэнсом
«Седьмая чаша»

1. Дворец Уайтхолл
2. Пристань Уайтхолла
3. Пристань Вестминстерского аббатства
4. Вестминстерское аббатство
5. Зал капитула
6. Покои монастыря
7. Вестминстер-холл
8. Расписной зал (палата общин)
9. Уайтхолл
10. Холбейнгейт
11. Ворота Уайтхолла
12. Дом Кантрелла
13. Дом настоятеля Бенсона
14. Церковь Святой Маргариты

Граница аббатских земель

Кокспер-стрит

Стрэнд на Лондон

СЕНТ-ДЖЕЙМСКИЙ ПАРК (Королевский парк)

Королевская улица

река Темза

Длинный ров

Свинг-лейн

Тотхилл-стрит

Убежище

Убежище

Парк аббатства/служебные постройки

Двор Нового дворца

9

8

5

4

12

14

11

10

1

2

3

Глава 1

Свечи в люстрах под высокими потолками Большого зала Линкольнс-Инн пылали огнем, поскольку спектакль начался лишь под вечер. Присутствовало большинство членов корпорации. Барристеры были, как обычно, облачены в мантии, их жены — в свои лучшие платья. После часового просмотра спектакля в стоячем положении спина у меня разболелась, и я испытал жгучую зависть к старым и немощным, для которых в зале поставили кресла.

Традиционно премьеры новых пьес проходили в Линкольнс-Инн в марте, но в этом году представление перенесли из-за небывалых снегопадов. Даже теперь, через месяц после положенного срока, было холодно не по сезону. С губ собравшихся срывались облачка пара и тут же поднимались к потолочным балкам. В тот год ставили «Искушение богатством», тяжеловесную нравоучительную пьесу, в которой участники представления в пышных костюмах изображали человеческие грехи и добродетели. Актер, выступавший в роли Добра, бесподобный в своих светлых одеждах и белой фальшивой бороде, читал нотацию тому, кто олицетворял Лицемерие, пытаясь отучить его от вероломства и наставить на путь истинный. Эту нудную тираду уместнее было бы адресовать собравшимся в зале адвокатам. Мне надоело смотреть на сцену, и я перевел взгляд на находящиеся в тени лица зрителей.

Главный казначей Роулэнд, малопрятный человек с худым и вечно кислым лицом, глядел на актеров и, вероятно, думал, что следовало бы нанять труппу с менее дорогими костюмами, хотя приходилось признать, что никаких особых декораций для этой пьесы не потребовалось. Прямо напротив я увидел своего старого недруга, Стивена Билкнэпа. Жадным взором он ощупывал коллег-адвокатов. Его выцветшие светло-голубые глазки вечно бегали и никогда не смотрели прямо в лицо другим. Встретившись со мной взглядом, он тут же отвернулся. Это был, пожалуй, самый бесчестный из всех юристов, которых я когда-либо знал. У меня до сих пор саднило в груди при воспоминании о том, как полтора года назад из-за бессовестных махинаций его покровителя, Ричарда Рича, я вынужден был прекратить судебное преследование этого прощельги. К моему величайшему удивлению, сейчас он выглядел усталым, даже больным.

В некотором отдалении, держа за руку жену, стоял мой друг Роджер Эллиард, в дом которого я был приглашен на ужин после спектакля.

Актеры тем временем разыгрывали уже новую сцену. Блуд заключил пакт о дружбе с Пристрастием. Обнимая его, Блуд внезапно скрючился, как бы от боли, упал на колени и продекламировал:

Увы, сражен я наповал!
Такая боль — стоять нет мочи,
И коль лекарство не принять,
Умру до следующей ночи!

И протянул дрожащую руку к зрителям. Я заметил, что Билкнэп смотрит на него с выражением удивленного презрения, а вот Роджер вдруг отвернулся. Я знал почему и позже собирался поговорить с ним об этом.

Наконец спектакль закончился. Актеры отвесили нужное количество поклонов, зрители похлопали в ладоши, и мы, разминая замерзшие конечности, вышли в Гейт-хаус-корт. Солнце уже садилось, заливая здания из красного кирпича и тающий снег янтарным светом. Была суббота, канун Пальмового воскресенья,^[1] никаких дел в тот день не слушалось. Зрители шли к воротам или, если они были постояльцами Линкольнс-Инн, возвращались к себе, плотнее запахивая полы плащей.

В ожидании Эллиардов я стоял у выхода, раскланиваясь со знакомыми. Взглянув на окна Эллиардов, я увидел яркое освещение и мелькающие силуэты слуг с подносами. Ужины, которые давала Дороти, пользовались заслуженной славой, и я не сомневался, что даже сейчас, во время Великого поста, ее стол будет ломиться от яств и гости наедятся так, что их животы станут звенеть, как барабаны.

Невзирая на холод, я ощущал приятную расслабленность и покой, какого не чувствовал уже очень давно. Пройдет чуть больше недели, и наступит Пасха, а двадцать пятого марта официально начнется новый, 1543 год. Раньше мои мысли были заняты исключительно тем, какие еще неприятности принесет мне наступающий год, но теперь я ожидал лишь новой, интересной работы и приятного времяпрепровождения с добрыми друзьями.

Одеваясь в то утро, я замер и посмотрел на собственное отражение в стальном зеркале спальни. Я делал это крайне редко, ибо вид горбатой спины действовал на меня угнетающе. Но сегодня я заметил седые волоски в шевелюре и углубляющиеся морщины на лице. Что ж поделать, в минувшем году я разменял сорок лет, и рассчитывать на молодость уже не приходилось.

В тот день, перед спектаклем, я прогулялся вдоль Темзы, поскольку в кои-то веки, впервые после долгой и холодной зимы, услышал, как трещит лед. Я стоял на причале Темпл и смотрел на реку. Огромные глыбы льда в водовороте серой воды налезали друг на друга и сталкивались, оглашая окрестности громким стуком и треском. Я пошел дальше по мягкому подтаявшему снегу, с облегчением думая, что вот наконец-то пришла весна.

Стоя у дверей, я поежился, несмотря на подбитое мехом пальто. Хотя воздух сегодня и был заметно теплее, холоду не убавилось, а я так и не набрал тот жирок, который растерял во время лихорадки полтора года назад.

Кто-то хлопнул меня по плечу, и от неожиданности я слегка подпрыгнул. Это был Роджер. Его худобу компенсировала толстая шуба. Рядом с ним, улыбаясь мне, стояла его жена Дороти с покрасневшими от холода щеками. Ее каштановые волосы скрывал французский капюшон, вышитый жемчугом.

— Ты пребывал в глубокой задумчивости, Мэтью, — сказал Роджер. — Размышлял о высоком моральном пафосе пьес?

— Высоком, как каланча, и тяжеловесном, как лошадь, — вставила Дороти.

— Уж это точно, — согласился я. — Кстати, кто выбирал пьесу?

— Казначей.

Роджер посмотрел на Роуланда, который был погружен в беседу со старым судьей и поминутно кивал с необычайно важным видом.

Понизив голос, Роджер продолжал:

— Он искал что-нибудь далекое от политики. В наше время это весьма осмотрительно, но итальянская комедия была бы лучше.

Мы вместе прошли через двор. Я обратил внимание на то, что снег с фонтана Гейт-хаус-корта, замерзшего добрых три месяца назад, почти сошел, обнажив дорожки серого льда. Пройдет совсем немного времени, и фонтан вновь заработает, наполняя двор нежным плещущим звуком. На поверхности льда виднелось несколько монеток. Люди продолжали бросать монетки даже в замерзший фонтан — на удачу как в судебных, так и в сердечных делах. Как бы яростно адвокаты ни открещивались от этого, они все же были самым суеверным из всех сословий.

У двери нас приветствовал Элиас, старый дворецкий Роджера, служивший в этой семье уже многие годы. Он проводил меня на второй этаж. Там я помыл руки и прошел в гостиную, где толстые свечи отбрасывали уютный маслянистый свет на кресла и диваны. Около

дюжины гостей — сплошь адвокаты и их жены — либо сидели, развалившись, либо стояли, подпирая стены, а Элиас и мальчик обносили их вином. В очаге гудело пламя, наполняя комнату теплом и сладким ароматом душистых трав, разложенных на деревянном полу. Огонь отражался в столовом серебре, которым был уставлен накрытый белоснежной крахмальной скатертью стол. Стены были увешаны картинами в богатых рамах, в основном портретами библейских персонажей. Такова была последняя мода. Над большим камином располагался, пожалуй, самый ценный предмет обстановки во всем Линкольнс-Инн, гордость и отрада Роджера. Это было большое деревянное резное панно, на котором ветки деревьев затейливо сплетались со стеблями цветов, висели фрукты, выглядывали морды различных животных: медведей, оленей и даже единорога. Рядом с этим шедевром деревянного творчества Роджер вел оживленную беседу с Эмброузом Лодером, юристом из моей адвокатской конторы. В каждом движении Эллиарда сквозила неумная энергия, он возбужденно жестикулировал, доказывая что-то толстому Лодеру, стоявшему неподвижно со скептической миной на краснощекой физиономии.

Дороти, со своим обычным веселым и добродушным выражением лица, ярким пятном выделялась на фоне черных одеяний двух юристов. На ней было зеленое платье из шелковой узорчатой ткани, с золотым отделочным кантом впереди и высоким воротником, открытым у горла. Этот наряд ей очень шел. Увидев меня, она извинилась перед мужчинами и направилась в мою сторону.

Я знал Дороти почти двадцать лет. Ее отец был барристером высшего ранга в моей первой адвокатской конторе. В то время нам обоим было двадцать с небольшим, и меня необычайно влекли к себе ее изящество, ум и доброта — редкое сочетание качеств. А ей, похоже, вполне нравилась моя компания, и, поскольку она не испытывала ни малейшего предубеждения против моего горба, мы скоро стали друзьями. Через некоторое время я осмелился мечтать о том, что наша дружба может перерасти в нечто большее. Правда, я никак не выдавал своих истинных чувств, и поэтому мне оставалось винить лишь самого себя, когда я узнал, что Роджер, мой друг и коллега, уже сделал ей предложение руки и сердца и оно принято. Позже он уверял, и я с готовностью верю ему, что не подозревал о моих чувствах по отношению к Дороти. Она же пыталась подсластить пилюлю, уверяя, что все вышло как нельзя лучше, иначе она, мол, оказалась бы перед слишком сложным выбором. В это было трудно поверить, поскольку Роджер сочетал в себе красоту, ум и неумную энергию, благодаря которой

он был подвижен, как ртуть.

Дороти, как и я, разменяла недавно четвертый десяток, но, если не брать в расчет небольших морщинок вокруг глаз, выглядела гораздо моложе. Она наклонилась, и я расцеловал ее в пухлые щечки.

— Веселого Пальмового воскресенья тебе, Дороти.

— И тебе тоже, Мэтью. — Она сжала мне руку. — Как твое самочувствие?

— Сейчас вполне сносно.

Меня часто беспокоила спина, но в последние месяцы я добросовестно выполнял все упражнения, которые прописал мне мой друг доктор Гай, и чувствовал себя гораздо лучше.

— Выглядишь ты хорошо.

— А ты, Дороти, с каждым годом выглядишь все моложе. Пусть этот год принесет тебе мир и процветание.

— Хотелось бы надеяться. Но недавно случилось весьма странное знамение, ты не слышал? Темза выбросила на берег двух огромных рыб — здоровенных, серого цвета, с половину дома каждая. Раньше они, видимо, находились подо льдом.

Огоньки, плясавшие в глазах Дороти, подсказывали мне, что она находит эту историю восхитительно абсурдной.

— Они были живыми?

— Нет, они лежали на грязном берегу Темзы в районе Гринвича. Люди сотнями переходили через Лондонский мост, чтобы поглазеть на них. Все твердят, что в канун Пальмового воскресенья такое знамение предвещает нечто ужасное.

— В последнее время люди во всем видят знамения. Среди лондонских начетчиков это стало настоящей модой.

— Верно.

Вероятно, уловив в ответе горькую нотку, она бросила на меня испытующий взгляд. Двадцать лет назад Дороти, Роджер и я — мы все были сторонниками Реформации, надеясь на то, что благодаря ей в мире возникнет новое христианское братство. Дороти и Роджер до сих пор верили в это. И хотя многие из их теперешних гостей в прежние дни тоже тяготели к реформаторству, в последнее время большинство обрело тихую гавань в повседневной профессиональной жизни. Люди были напуганы или разочарованы волнами религиозных конфликтов и репрессий, которые приобрели еще больший размах через десять лет после окончательного разрыва между нашим королем и Римом. Любопытно, думалось мне, догадывается ли Дороти о том, что моя вера тоже поизносилась до дыр и

вот-вот закончится?

Она переменяла тему разговора.

— Но есть и хорошая новость. Сегодня мы получили письмо от Сэмюеля. Значит, дороги в Бристоль снова открыты. — Она вздернула черные брови. — Воспользовавшись своим даром читать между строк, я пришла к выводу, что у него появилась девушка.

Сэмюель был единственным сыном Роджера и Дороти, светом их очей. Несколько лет назад они переехали в Бристоль, родной город Роджера, где ему предложили должность рикордера — мирового судьи с юрисдикцией по уголовным и гражданским делам. Год назад он вернулся к своей практике в Линкольнс-Инн, но Сэмюель, который в свои восемнадцать лет находился в учении у торговца мануфактурой, отказался переезжать, чем, насколько мне было известно, весьма расстроил родителей.

Я мягко улыбнулся.

— А ты уверена, что не домысливаешь в этом письме то, что хотела бы в нем прочесть?

— Нет! Он даже имя ее назвал — Элизабет. Она дочь торговца.

— До окончания срока учения он не сможет на ней жениться.

— Вот и хорошо. Значит, у них будет время, чтобы понять, подходят ли они друг другу. — На губах Дороти появилась плутовская улыбка. — А у меня — возможность послать в Бристоль какого-нибудь шпиона. Хотя бы твоего помощника, Барака. Я слышала, ему нет равных в делах такого рода.

Я рассмеялся.

— Барак по горло занят работой на меня. Придется тебе поискать другого шпиона.

— Мне нравится его едкое чувство юмора. Кстати, у него все в порядке?

— В прошлом году они с женой потеряли ребенка. Для него это стало тяжелым ударом, но он держится.

— А она?

— Я давно не видел Тамазин. Давно собираюсь пригласить их в гости, да никак не соберусь. А надо. Она столько возилась со мной, когда меня скрутила лихорадка.

— Суд прошений забирает все твое время.^[2] А еще то, что ты стал барристером высшего ранга. Я никогда не сомневалась в том, что ты когда-нибудь достигнешь подобных высот.

— Да, — улыбнулся я. — И это хорошая работа. Уже больше года прошло с тех пор, как архиепископ Кранмер назначил меня одним из двух барристеров, защищающих в суде интересы бедняков, а с этим назначением

пришло и звание барристера высшего ранга. Никогда раньше я не получал такого удовольствия от своей работы. Но должен признаться, нагрузка весьма велика, а клиенты... Что ж, бедность не делает людей ни добрей, ни покладистой.

— Она этого и не может! — с горячностью подхватила Дороти. — Бедность — это проклятие!

— Но я не жалуясь. Даже эта работа бывает разной.

Я помолчал.

— Вот как раз сейчас у меня появилось новое дело. Мальчика упрятали в Бедлам.^[3] Завтра я встречаюсь с его родителями.

— В Пальмовое воскресенье?

— Дело не терпит отлагательств.

— Понятно. Сумасшедший клиент.

— Сумасшедший он или нет, еще предстоит выяснить. Его отправили туда по приказу Тайного совета. Это одно из самых странных дел, которые мне только попадались. Весьма, весьма интересное, хотя, признаюсь, связываться с Тайным советом мне бы не хотелось.

— Ты обеспечишь торжество правосудия, я в этом не сомневаюсь.

Дороти положила ладонь мне на плечо.

— Мэтью!

Рядом со мной внезапно возник Роджер и горячо пожал мою руку. Он был невысок и гибок, с худым, но красивым лицом, не знающими покоя голубыми глазами и черной шевелюрой, уже начинавшей редеть. Его, как всегда, переполняла энергия. Даже несмотря на то, что Дороти досталась ему, я любил этого человека всей душой.

— Я слышал, вы получили письмо от Сэмюеля? — спросил я.

— Ага, написал, чертенок! Наконец-то!

— Меня ждут дела на кухне, — проговорила Дороти. — Скоро увидимся, Мэтью. Поговори пока с Роджером, у него есть интересная идея.

Я проводил ее легким поклоном, снова повернулся к Роджеру и тихо спросил:

— Ну что, как твои дела?

Он тоже понизил голос.

— Со мной такого больше не было, но я был бы рад повидаться с твоим другом доктором.

— Я заметил, как ты резко отвел глаза в сторону, когда во время спектакля Блуд скрючился на сцене.

— Да, это пугает меня, Мэтью.

Вид у него вдруг стал беспомощным и беззащитным, как у ребенка.

На протяжении последних недель Роджер несколько раз без всяких видимых причин терял сознание и падал в обморок. Он боялся, что у него начинается падухая — ужасная болезнь, которая заставляет здорового с виду человека ни с того ни с сего валиться на землю, корчиться и рычать, аки зверь. Болезнь неизлечимая, которую одни считают разновидностью временного умопомешательства, другие — свидетельством одержимости дьяволом. То, что приступ мог начаться в любой момент, заставляло людей сторониться больных этим недугом, и уж, по крайней мере, ни о какой карьере юриста для них и речи быть не могло.

Я ободряюще сжал его руку.

— Гай докопается до причин, обещаю тебе.

Роджер открыл передо мной душу за ужином на прошлой неделе, и я пообещал ему устроить встречу с моим другом доктором не позже чем через четыре дня.

Роджер хитро улыбнулся.

— Будем надеяться, я услышу от него то, что хочу услышать. Дороти я сказал, что у меня рези в желудке. Думаю, так будет лучше. Ведь женщины готовы паниковать из-за любого пустяка!

— Мы тоже, Роджер, — улыбнулся я. — И иногда без всяких поводов. Причины твоих обмороков могут быть любыми, и не забывай, обморок — не припадок. Настоящих припадков у тебя, к счастью, не было.

— Да, я знаю.

— Дороти сказала мне, что у тебя родилась какая-то новая идея.

Я решил сменить гнетущую тему.

— Верно. — Он криво ухмыльнулся. — Я как раз излагал ее другу Лодеру, но его она, похоже, не заинтересовала.

Роджер обвел взглядом своих гостей и тихо добавил:

— Дело в том, что все мы здесь не бедные.

Он взял меня под руку и отвел чуть дальше в сторону.

— Я читал последнюю книгу Родерика Мора «Плач христиан по Лондону».

— Тебе следует быть осторожнее. Некоторые называют ее крамольной.

— Их пугает правда. — Голос Роджера звучал тихо, но настойчиво. — Господи, книга Мора — это обвинительный акт в адрес нашего города. В ней показано, как все богатства монастырей перешли к королю и его царедворцам. Закрывались монастырские школы и больницы, хворые оказывались предоставленными самим себе. Если раньше они могли рассчитывать на помощь монахов, то теперь лишились и этого. Легионы несчастных, лежащих на улицах, больных и полумертвых от голода — это

позор всем нам. Вчера в Чипсайде я видел мальчика, сидевшего на мостовой возле какой-то двери. Его голые ноги были обморожены и поражены гангреной. Я дал ему шестипенсовик, но ему была нужна больница, Мэтью.

— Но, как ты уже сказал, они в своем большинстве закрыты.

— И именно по этой причине я собираюсь добиваться открытия больницы, которая будет существовать на средства судебных корпораций. Сначала соберем деньги по подписке, потом пойдут добровольные взносы адвокатов.

— Ты говорил об этом с казначеем?

— Еще нет. — Роджер вновь улыбнулся. — Сначала я хотел опробовать убедительность моих аргументов на этих людях.

Он кивнул на пышнотелого Лодера.

— Амброуз, к примеру, говорит, что нищие представляют опасность для прохожих своими ужасными гнойными язвами и зловонными миазмами. Он готов пожертвовать некоторое количество денег на то, чтобы очистить от них улицы. Другие жалуются на надоедливых попрошаек, которые шагу не дадут ступить. Этим я пообещал спокойную жизнь без нищих. Для тех, кто не склонен к благотворительности, найдутся свои аргументы.

Роджер перестал улыбаться и устремил на меня серьезный взгляд голубых глаз.

— Ты мне поможешь?

Я задумался.

— Даже если эта твоя затея увенчается успехом, что сможет одна больница на фоне беспросветной нищеты, царящей вокруг?

— Помочь хотя бы нескольким несчастным.

— Я помогу тебе всем, что будет в моих силах.

Если кому и была по плечу подобная задача, то только Роджеру. Его безудержная энергия и быстрый ум дорогого стоили.

— Я первым сделаю взнос по подписке и, если хочешь, помогу тебе провести ее среди других.

Роджер стиснул мои пальцы.

— Я знал, что ты поможешь. Скоро я организую комитет...

— Еще один комитет?

Это вернулась Дороти, покрасневшая после кухонного жара. Она бросила на мужа шутливо-вопросительный взгляд. Роджер обнял ее за талию.

— Это связано с больницей, милая.

— Людей будет нелегко убедить. Их кошельки и так отощали после всех королевских налогов.

— И отощают еще больше, — добавил я. — Говорят, у нового парламента потребуют новых денег, чтобы король мог пойти войной на Францию.

— Пустая трата денег, — с горечью произнес Роджер. — А сколько пользы они могли бы принести! Но с другой стороны, для него это самый подходящий момент, чтобы провернуть подобное мероприятие. Сейчас, когда король скоттов умер и на троне находится девочка-младенец, Шотландия не сможет вмешаться в войну на стороне Франции.

Я кивнул в знак согласия.

— Король отправил шотландских лордов, плененных при Солвей-Мосс, домой, но прежде они, как рассказывают, поклялись поженить принца Эдварда и наследницу шотландского трона Марию.

— Ты, как всегда, прекрасно информирован, Мэтью, — проговорила Дороти. — Барак до сих пор приносит тебе на хвосте сплетни от своих дружков из числа дворцовой челяди?

— А почему бы и нет?

— Я слыхала, что король присмотрел себе новую жену.

— Эти слухи не затихают с того самого дня, как казнили Кэтрин Говард, — фыркнул Роджер. — Интересно, кто будет новой счастливицей?

— Леди Латимер, — ответила Дороти. — На прошлой неделе умер ее муж, и послезавтра состоятся пышные похороны. Это означает, что король поразвлечется с ней в течение нескольких лет, а дальше — одному богу известно.

Эти слухи до меня не доходили.

— Бедняжка, — проговорил я, перейдя на шепот. — Ей стоит побеспокоиться о своей голове.

— Да, — кивнула Дороти.

Несколько секунд она молчала, а потом подняла руки над головой, хлопнула в ладоши и громко крикнула:

— Друзья мои, ужин готов!

Мы дружно отправились в столовую. Длинный старинный дубовый стол был уставлен серебряными приборами, слуги под неусыпным наблюдением Элиаса расставляли блюда с угощением. Гордостью стола были четыре больших цыпленка. Вообще-то в Великий пост дозволялось есть только рыбу, но поскольку река в эту лютую зиму сильно промерзла, цены на нее взлетели до небес, и король разрешил подданным есть белое мясо.

Мы расселись. Я оказался между Лодером и Джеймсом Рипроузом, старым барристером с жесткими бакенбардами, обрамлявшими сморщенное, как печеное яблоко, лицо.

Напротив нас сидели Дороти, Роджер и миссис Лодер — такая же пухлая и самодовольная, как ее муж. Она одарила меня улыбкой, продемонстрировав полный набор белоснежных зубов, после чего, к моему вящему изумлению, сунула пальцы в рот и вытащила оба ряда. Я заметил, что зубы крепились к двум деревянным протезам, выточенным с таким расчетом, чтобы надеваться на несколько гнилых пеньков — все, что осталось от ее настоящих зубов.

— Они выглядят просто изумительно, — сказала дама, перехватив мой взгляд. — Их изготовил для меня лекарь-брадобрей из Чипсайда. Разумеется, кушать с ними я не могу.

— Убери их, Джоанна, — произнес ее муж. — Никто не желает любоваться твоими зубами во время еды.

Джоанна надула губы, насколько это вообще было возможно без единого зуба во рту, а потом убрала вставную челюсть в маленькую коробочку, которую спрятала в многочисленных складках своего платья. Я с трудом удержался от того, чтобы не поежиться. Мода, заимствованная у французов и получившая распространение в высшем свете Англии — носить полон рот зубов, вырванных у мертвецов, — казалась мне отвратительной.

Роджер вновь заговорил о больнице, которую задумал создать, только теперь свои аргументы он адресовал старому Рипроузу.

— Подумайте о тех больных и беспомощных, которых мы могли бы забрать с улиц и, возможно, вылечить, — убеждал он.

— О, это было бы стоящим делом, — соглашался старик, — но как быть с другими нищими: здоровыми и вполне дееспособными, которые заполнили улицы и не дают прохожим шагу ступить, требуя подаяния, а подчас и угрожая? Что делать с ними? Я старый человек, и мне иногда бывает страшно выйти из дома одному.

— Очень верное замечание, — согласно затараторил брат Лодер, перегнувшись через меня, чтобы его могли слышать другие участники разговора. — Те двое, которые в прошлом ноябре ограбили и убили несчастного брата Гудкоула возле ворот, были монастырскими слугами, лишившимися хозяев. И их нипочем не изловили бы, не начни они бахвалиться в таверне, где пропивали денежки бедного Гудкоула, и не окажись ее хозяин честным человеком. Он-то и вызвал констебля.

— Ага, ага, — часто закивал головой Рипроуз. — Нет ничего

удивительного в том, что оставшиеся бесхозными слуги безнаказанно воруют и убивают, а город может предложить нам в качестве защитников всего несколько констеблей, в большинстве своем таких же стариков, как я.

— Городской совет должен назначить сильных мужчин, которые сумеют выжечь эту заразу каленым железом! — припечатал Лодер.

— Ну к чему такие жестокости, Амброуз? — тихо укорила его жена. — Помнится, в молодости ты доказывал, что безработные бедняки имеют право на получение работы, что город должен платить им за полезный труд, к примеру, за мощение улиц. Ты всегда цитировал Эразма Роттердамского и Хуана Вивеса, писавших об обязанностях христианской общины по отношению к обездоленным.

Закончив эту тираду, женщина одарила мужа приторной улыбкой. Возможно, это была ее месть за колкое замечание относительно вставной челюсти.

— Точно-точно, Амброуз, я тоже хорошо это помню, — с готовностью схватился за нежданную поддержку обрадованный Роджер.

— И я, — подхватила Дороти. — Ты очень сурово отзывался насчет обязанностей короля в отношении бедных.

— Ну, поскольку с той стороны данной проблемой, похоже, никто не интересуется, я не представляю, что мы можем тут сделать. Поселить десять тысяч вшивых попрошаек в лучших гостиницах и кормить их за столом для почетных гостей?

— Нет, — мягко ответил Роджер, — просто использовать наш статус состоятельных людей, чтобы помогать хотя бы немногим несчастным до тех пор, пока не настанут лучшие времена.

— Однако по улицам стало тошно ходить не из-за одних только попрошаек, — мрачно проговорил старый Рипроуз. — Теперь на каждом углу появились эти пустозвоны-начетчики с Библиями в руках. Один вон каждый день с утра до вечера торчит в конце Ньюгейт-стрит и что-то гавкает про грядущий апокалипсис.

За столом послышался одобрительный гул голосов.

За годы, прошедшие после падения Томаса Кромвеля, поддержка королем реформаторов, которые воодушевили его на разрыв с Римом, исчерпала себя. Он никогда в полной мере не разделял лютеранские воззрения, а сейчас в значительной степени дрейфовал в обратную сторону, к старой форме религии — чему-то вроде католицизма без Папы. Причем этот процесс сопровождался все более жестоким подавлением любого инакомыслия. Сомневаться в том, что хлеб и вино во время таинства причастия действительно превращаются в тело и кровь Христовы, было

равнозначно ереси, за которую полагалась смертная казнь. Даже концепция чистилища вновь обрела прежнюю респектабельность. Все это вместе являлось анафемой в адрес тех радикалов, для которых единственным источником истины являлась Библия. Преследования лишь заставили многих реформаторов влиться в ряды радикалов, и в Лондоне они были особенно осмелевшими и крикливыми.

— Знаете ли, что я видел сегодня на улице? — спросил кто-то из гостей. — Возле одной церкви люди раскладывали на снегу ветки, готовясь к завтрашнему празднованию Пальмового воскресенья. Неожиданно налетела целая свора юнцов подмастерьев и раскидала ветки ногами, крича, что это папистский праздник, а Папа — антихрист.

— Этот религиозный радикализм является для черни дополнительным поводом устраивать вакханалии, — угрюмо заметил Лодер.

— Да, завтра могут возникнуть проблемы, — сказал Роджер.

Я кивнул. В Пальмовое воскресенье в традиционных церквях состоятся литургии, по улицам пройдет процессия, во главе которой будет шагать ослица, везущая младенца. А проповедники-радикалы в своих церквях станут поносить привычные церемонии, объявляя их папистским богохульством.

— Будет еще одна чистка, — с ноткой обреченности в голосе проговорил кто-то. — До меня дошли слухи, что епископ Боннер намерен с новой силой обрушиться на людей Священного Писания.

— Только бы не было больше никаких аутодафе, — негромко проговорила Дороти.

— Город не поддержит этого, — заявил Лодер. — Люди не любят радикалистов, но сожжения им нравятся и того меньше. Боннер не посмеет зайти так далеко.

— Вы полагаете? — осведомился Роджер. — Разве он не такой же фанатик, только находящийся по другую сторону баррикад? Весь город оказался разделен на две части.

— Большинство людей хотят всего лишь спокойной жизни, — проговорил я. — Даже те из нас, кто прежде называл себя радикалистами.

Я хитро улыбнулся, посмотрев на Роджера, и он кивнул, поняв намек.

— Фанатики со всех сторон, — сокрушенно проворчал Рипроуз. — А мы, обычные бедные люди, посередке. Иногда я со страхом думаю, что они принесут всем нам смерть.

Компания разошлась далеко за полночь, и одним из последних ушел я. Выйдя из дома, я почувствовал, что, пока мы сидели за столом, на улице

опять подморозило и подтаявший снег превратился в наст, хрустевший под подошвами башмаков.

После разговора, состоявшегося за столом, настроение мое было уже не столь радужным. Все верно, Лондон превратился в несчастный город — город нищих и фанатиков. Если состоится чистка, ситуация станет еще хуже. Кое о чем я умолчал за ужином. Родители мальчика, отправленного в Бедлам, являлись членами радикальной протестантской конгрегации, и проблемы с психическим здоровьем их сына имели религиозное наполнение. Я не хотел бы иметь ничего общего с этим делом, но должность обязывала рассматривать жалобы граждан, а родители мальчика мечтали, чтобы их сына отпустили.

За спиной послышался хруст наста под чьими-то ногами. Я вздрогнул и обернулся. Обнесенная стеной территория Линкольнс-Инн обычно была довольно безопасным местом, но теоретически злоумышленники могли пробраться и сюда. Ночь была темной, луну наполовину скрыли облака, и в этот поздний час лишь несколько окон отбрасывали на снег квадраты света.

— Кто здесь? — окликнул я темноту.

Она не ответила, но зато до моего слуха донесся быстрый звук удаляющихся шагов. Наморщив лоб, я двинулся в том же направлении. Звук доносился от дальнего конца постройки, в которой жили Эллиарды. Она имела общую стену со зданием Линкольнс-Инн. Заворачивая за угол, я положил ладонь на рукоятку кинжала.

Впереди находилась внешняя стена. Тот, кто оказался между мной и нею, загнал себя в ловушку. Но... там никого не было. Маленький пяточок между постройками и двенадцатифутовой стеной был совершенно пуст. По моему позвоночнику пробежал холодок.

А потом я увидел, что снежная опушка на верхней кромке стены нарушена. В этом месте через стену только что кто-то перелез. Я стоял и молча созерцал эту картину. Чтобы перемахнуть через четырехметровую стену, необходимо обладать нечеловеческой силой и ловкостью. В иной ситуации я сказал бы, что это невозможно, но пустой двор и потревоженный снег на стене говорили красноречивее любых слов.

Размышляя о том, что все это может значить, я двинулся обратно. Нужно будет завтра же сказать сторожу, чтобы он насыпал на верхнюю кромку стены битого стекла.

Глава 2

На следующий день я отправился на службу спозаранку. Родителям мальчика, помещенного в Бедлам, было назначено на девять. Информация о деле, которую мне прислали из суда общих тяжб, была хоть и разрозненной, но пугающей. «За поношение истинной веры в припадке безумия», как значилось в предписании, мальчика определил в Бедлам ни много ни мало сам Тайный совет, хотя претензий к парню не высказал даже епископский суд. Значит, дело политическое и, следовательно, в высшей степени опасное. Я попытался успокоиться, напомнив себе, что в любых действиях ни на шаг не отойду от норм и рамок юридической практики, но снова посетовал на судьбу за то, что заниматься этим делом выпало именно мне.

Из бумаг следовало, что мальчик, Адам Кайт, является сыном главного каменотеса и активного прихожанина церкви Святого Мартина, расположенной на Крик-лейн. Я отправил туда Барака, и тот, вернувшись, охарактеризовал тамошнего викария как «ругателя и визгуна».

Это само по себе было неутешительной новостью. Из опыта общения с духовными отцами я вынес убеждение, что они в большинстве своем упрямые, несговорчивые люди, которые вколачивают в собеседника библейские цитаты, как плотник гвозди.

Задумавшись, я по невнимательности наступил в лужу разлитых на мостовой помоев, поскользнулся и едва не упал. Кто-то засмеялся.

Во всех церквях города звонили колокола, возвещая о наступлении Пальмового воскресенья. В последнее время я ходил в церковь, только когда в этом возникала насущная необходимость. В следующее воскресенье я собирался навестить в дом Божий, чтобы совершить ежегодную исповедь и причаститься. Не могу сказать, что я с нетерпением ожидал наступления этого дня.

Очередной каприз погоды принес оттепель, и Канцлер-лейн развезло не хуже проселочного тракта. Проходя через ворота Линкольнс-Инн, я думал, соизволит ли казначей хоть чуть-чуть раскошелиться, чтобы сделать Линкольнс-Инн неприступным для злоумышленников. Сторожу я, как и собирался, рассказал о том, как накануне ночью едва не столкнулся с незванным гостем.

Холодная капелька вдруг поползла по моему лицу. За ней — вторая, третья... Первый дождь после двух месяцев сплошных снегопадов. К тому

моменту, когда я добрался до своей конторы, разразился настоящий ливень, и моя шапка промокла насквозь. К моему удивлению, Барак уже находился в приемной. Он развел огонь в камине и расположился за большим столом, приводя в порядок документы для завтрашнего судебного заседания. Столешница вокруг него была завалена прошениями, письменными показаниями, заявлениями. Красивое лицо моего помощника осунулось, глаза покраснели от недосыпа, щеки покрывала щетина.

— Ты бы побрился, а не то его честь удалит тебя из зала «за неуважение к суду».

Несмотря на мои грубоватые манеры, между нами существовала крепкая дружба. Мы познакомились, работая по заданию прошлого хозяина Барака, королевского министра Томаса Кромвеля. После того как три года назад Кромвеля казнили, Барак стал работать на меня и оказался хоть и нестандартным, но весьма эффективным помощником.

— Ладно, — проворчал он. — Родители писюна-психа скоро придут.

— Не называй его так, — велел я, просматривая подготовленные Баракom бумаги.

Все находилось в идеальном порядке, каждый документ сопровождала аннотация, написанная каллиграфическим, напоминающим вереницу крохотных паучков почерком Барака.

— Ты и в воскресенье сидишь на службе? И вчера наверняка тоже здесь был? Ты явно уделяешь бедняжке Тамазин меньше внимания, чем она заслуживает.

— За нее можете не волноваться, — буркнул мой помощник, встал и принялся собирать гроссбухи и документы.

Я смотрел на него и недоумевал, что могло случиться между ним и его женой, чтобы Барак дневал и, судя по его виду, даже ночевал на службе. Тамазин была замечательной женщиной, такой же энергичной и жизнелюбивой, как сам Барак. Они поженились в прошлом году, хотя произошло это несколько второпях. В связи с ее беременностью. Их сын умер в тот же день, когда родился. Барак продолжал вести себя в обычной для него манере грубоватой непочтительности, но теперь что-то странное звучало в его шутках, а иногда и появлялось в глазах. Я знал: потеря ребенка часто заставляет супругов крепче держаться друг за друга. А еще чаще — разводит.

— Ты видел родителей Адама Кайта вчера, когда они приходили договариваться о встрече. И отца семейства, и его супругу. Что они собой представляют?

Барак повернулся ко мне.

— Рабочие люди. Он каменотес. Начал с того, как велика милость Всевышнего, позволившего обратиться с их делом с суд прошений, поскольку Он никогда не оставляет своей благодатью тех, в чьей душе живет истинная вера.

Барак сморщил нос.

— По-моему, они зациклены на Библии. Набожные люди, насколько я успел заметить, обычно выглядят весьма уверенными в себе, а эти Кайты больше напоминают парочку драных котов.

— Неудивительно, учитывая то, что случилось в их семье. Я понимаю. Казалось, что Барак колеблется. Наконец он спросил:

— А вы что, и впрямь пойдете туда, где соберутся все эти припадочные, чтобы рвать на себе одежды и греметь своими цепями?

— Наверное.

Я снова заглянул в бумаги.

— Мальчику семнадцать лет. Предстал перед Тайным советом третьего марта за необузданное и непристойное поведение в склепе Крест Благовествующий собора Святого Павла, где «метался, издавая странные стоны и крики». Был направлен в Бедлам для излечения. Дальше — ничего. Никаких обследований состояния его здоровья врачом или консилиумом врачей не проводилось. Это против правил.

Барак устремил на меня очень серьезный взгляд.

— Ему еще повезло, что его не обвинили в ереси. Вспомните, что произошло с Ричардом Мекинсом и Джоном Коллинзом.

— Нынче совет ведет себя более осторожно.

Мекинс был пятнадцатилетним подмастерьем, которого сожгли на рыночной площади Смитфилда за то, что он посмел усомниться в присутствии плоти и крови Христовой в таинстве причастия. Дело Джона Коллинза было страшнее: этот юнец пустил стрелу в изваяние Христа внутри церкви. Многие посчитали его сумасшедшим, но поскольку в прошлом году король выпустил эдикт, позволяющий казнить умалишенных, Коллинза тоже сожгли заживо. Жестокость этих расправ заставила народ ополчиться против стальной религиозной узды, с помощью которой епископ Боннер правил городом. С тех пор аутодафе не случалось.

— Говорят, Боннер решил снова взяться за радикалов, — заметил Барак.

— То же самое я слышал вчера за ужином. А что думаешь обо всем этом ты, Джек?

У Барака до сих пор сохранились друзья среди тех субъектов, что

работали на королевский суд, изображая из себя завсегдатаев таверн и пивнушек и рассказывая потом своим хозяевам о царящих в народе настроениях. Мне казалось, что совсем недавно он провел не один час, выпивая с этими сомнительными старыми приятелями.

Барак снова посмотрел на меня серьезным взглядом.

— Говорят, что теперь, когда Шотландия больше не представляет собой опасности, король хочет заключить союз с Испанией и пойти войной на Францию. Но для того, чтобы стать приемлемым союзником для императора Карла, он должен проявить жесткость по отношению к еретикам. Вот почему он, по слухам, проталкивает через парламент закон, который запретит женщинам и простолюдинам читать Библию, а епископу Боннеру предоставит более широкие полномочия чинить расправы над лондонскими переводчиками Библии. По крайней мере, так толкуют в Уайтхолле, так что я на вашем месте был бы поосторожнее с этим делом.

— Понятно. Спасибо тебе.

Информация Барака ставила меня в еще более щекотливое положение. Я выдавил из себя улыбку.

— А вчера за ужином до меня дошел слух, что король присмотрел себе новую жену. Леди Латимер.

— Насколько мне известно, это правда. Но на сей раз у него, похоже, не все гладко. Он не по нраву этой даме.

— Она ему отказала? — изумился я.

— Так говорят. Ее можно понять. У короля покрыты язвами обе ноги, и по Уайтхоллу он передвигается в основном на носилках. С каждым годом он становится все толще, а его характер — все хуже. Кроме того, болтают, что ее сердце уже принадлежит кому-то другому.

— Кому же?

— Об этом ничего не известно.

Поколебавшись, Барак добавил:

— Возможно, для этого дурня Кайта было бы лучше остаться в Бедламе. Да и для вас тоже. По крайней мере, тогда вам не пришлось бы снова связываться с Тайным советом.

Мне оставалось лишь вздохнуть.

— Я адвокат и действую в рамках закона.

— У вас не получится прикрываться законом, коли в деле замешаны такие люди. Вы сами это знаете.

Барак, как, собственно, и мне, было неуютно от одной мысли, что опять придется иметь дело с могущественными врагами, которых мы нажили в прошлом. Ведь в Тайном совете заседали и герцог Норфолкский,

и Ричард Рич.

— Мне просто не повезло, что это дело досталось именно мне, а не Херриотту, — сказал я. — Но поскольку так уж случилось, вести его буду я, причем с превеликой осторожностью. Я возьму бумаги к завтрашнему заседанию, а ты, как только появятся Кайты, проводи их сразу ко мне.

Слова Барака растревожили меня. Я прошел в свой кабинет, закрыл дверь и приблизился к разделенному надвое оконному проему. Дождь припустил еще сильнее, заливая стекло и не позволяя толком разглядеть Гейт-хаус-корт. Я слегка поежился. Стук дождя, барабнящего в окно, неизменно воскрешал в памяти ту ужасную ночь, когда, ровно полтора года назад, я в первый и последний раз в жизни убил человека. Спасая собственную жизнь. И все равно ужасный предсмертный хрип до сих пор преследовал меня. Я глубоко вздохнул. Увы, от хорошего настроения вчерашнего вечера не осталось и следа. Может, ощутив себя счастливым, пусть даже ненадолго, я сам себя сглазил?

Бедлам, думал я. Само это название вызывало у жителей Лондона страх и отвращение. В течение долгого времени Вифлеемская больница являлась единственным в городе медицинским заведением, где лечили умалишенных. Хотя сумасшедшие были обычным явлением на улицах Лондона и почти у каждого горожанина имелись знакомые семьи, в которых кто-то тронулся умом, люди старались держаться от помешанных подальше. Их боялись не только потому, что считали опасными или, хуже того, одержимыми. Просто они являлись живым напоминанием, что безумие может настичь любого — внезапно и приняв одну из тысячи ужасных форм. Вот почему Роджер так боялся, что проявившиеся у него симптомы являются предвестниками падучей. В Бедлам, насколько мне известно, помещали только самых тяжелых больных. Некоторые были выходцами из богатых семей, другие содержались там за счет благотворительных взносов. А время от времени туда — с глаз долой — сажали таких, как Адам Кайт, оказавшихся костью в горле властей предержавших.

В дверь постучали, и Барак впустил супружескую пару средних лет. Я удивился, увидев, что вместе с ними в кабинет вошел и некто третий — священнослужитель в длинной рясе. Он был высок и худ, с густыми бровями, пышной седеющей шевелюрой и красным холерическим лицом. Муж и жена были одеты во все черное и имели подавленный вид. Маленькая хрупкая женщина напоминала птичку и еле удерживалась от рыданий. Ее муж был высоким широкоплечим мужчиной с обветренным лицом. Он поклонился, она сделала глубокий реверанс. Церковник окинул

меня холодным оценивающим взглядом. Похоже, его не впечатлили ни Линкольнс-Инн, ни моя черная мантия, ни кабинет, заставленный книгами по юриспруденции.

— Я адвокат высшей категории Шардлейк. А вы, должно быть, мастер и госпожа Кайт?

Я улыбнулся, пытаюсь помочь супругам расслабиться и почувствовать себя свободнее. Обычно сопровождающий бывает наиболее агрессивной стороной. Скорее всего, церковник, пожаловавший ко мне вместе с четой Кайтов, является их приходским священником, и именно от него следует ожидать проблем.

— Дэниел Кайт, к вашим услугам, — представился мужчина, поклонившись. — А это моя жена Минни.

Женщина вновь присела и неуверенно улыбнулась.

— Мы очень благодарны вам за то, что вы решили потратить на нас воскресенье, — добавил Кайт.

— Пальмовое воскресенье, — с гримасой отвращения уточнил церковник. — По крайней мере, если уж мы оказались здесь, нам не придется лицедреть все эти папистские церемонии.

Он с вызовом посмотрел на меня.

— Я Сэмюель Мифон. Эта несчастная семья — мои прихожане.

— Прошу вас, садитесь, — предложил я.

Они рядом сели на лавку, причем Мифон оказался посередине. Минни нервно подвернула полы своего платья.

— Я ознакомился с бумагами, поступившими из суда, — сообщил я, — но в них содержатся лишь голые факты. Расскажите мне о том, что произошло с вашим сыном, с самого начала и во всех подробностях.

Дэниел Кайт бросил нервный взгляд на Мифона.

— Я предпочел бы услышать это от вас и вашей супруги, — поспешно вставил я. — Не считите за неуважение к преподобному, но свидетельства из первых рук — наиболее ценные.

Мифон слегка поморщился, но кивнул, позволяя мастеру Кайту говорить.

— Еще полгода назад наш сын Адам был великолепным парнем: полным жизни, здоровым. Для нас он — благословение Господне, поскольку других детей у нас нет. Он работал подмастерьем в моей мастерской на рынке Биллингстейт.

— Вы — каменотес?

— Главный каменотес, с вашего позволения.

Несмотря на то что мужчина пребывал в расстроенных чувствах, в его

голосе прозвучала нотка гордости. Я взглянул на его руки. Они были большими, заскорузлыми, испещренными шрамами.

— Я надеялся на то, что Адам пойдет по моим стопам и унаследует семейный бизнес. Он был на редкость трудолюбивым. И рьяным прихожанином нашей церкви.

— Истинно так, — с торжественным видом кивнул преподобный Мифон.

— Мы — приверженцы истинной Библии, сэр, — с вызовом пояснил Кайт.

— Как бы ни смотрел на нас этот греховный мир, — добавил Мифон, метнув в меня яростный взгляд из-под кустистых бровей.

— Все, что вы сообщите мне относительно ваших религиозных убеждений, будет сохранено мною в тайне, — пообещал я.

— Как я погляжу, вы не веруете так, как веруем мы, сэр.

В голосе Дэниела Кайта прозвучала даже не злость, а жалость.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать мои воззрения, — с натянутой улыбкой заметил я.

Мифон вновь пронзил меня взглядом.

— Я вижу, Господь обидел вас, сэр, но уверен: Он сделал это лишь для того, чтобы вы имели возможность обратиться к Нему за помощью.

Во мне стала закипать злость. С какой стати этот незнакомец берет на себя смелость рассуждать о моем горбе? Дальнейшие разглагольствования церковника решительно пресекла Минни Кайт.

— Мы, сэр, хотим только одного, — сказала она, — чтобы вы помогли нашему бедному мальчику. Так скажите, может ли закон помочь нам?

— Но для начала вы расскажите мне обо всем, что произошло. Прямо, подробно и без утаек.

Минни съежилась от резких звуков моего голоса. Ее супруг, поколебавшись, продолжил свой рассказ.

— Я уже сказал вам, что Адам был замечательным мальчиком. Но примерно с полгода назад он вдруг сделался тихим, стал грустить, замыкаться в себе. Это не могло не беспокоить нас с матерью. Как-то раз я оставил его одного в мастерской. Когда я вернулся, он стоял в углу на коленях и молился, умоляя Всевышнего простить ему грехи. «Почему ты занят этим сейчас, Адам? — спросил я его. — Господь отвел одно время для работы и другое — для молитвы». Тогда сын подчинился, хотя мне показалось, что, поднимаясь с колен, он издал такой тяжелый вздох, какого я не слышал никогда прежде.

— Но с тех пор мы неоднократно слышали от него эти вздохи, —

вставила Минни.

— Вот как все это начиналось. Мы всегда поощряли Адама в его стремлении возносить молитвы Господу, но с того момента он вообще ничем, кроме этого, не занимался.

Голос Кайта дрогнул, и мне передался страх, затаившийся на дне души этого человека.

— В любое время суток, в любом месте: хоть в мастерской, хоть в дружеской компании — он мог вдруг бухнуться на колени и начать молиться. Истово, одержимо, прося Всевышнего отпустить его грехи и дать ему знак, если он спасен. Доходило до того, что он отказывался есть и лежал, скрючившись, в углу мастерской. Мы пытались поднять его, но он сопротивлялся и отказывался вставать, поджимая ноги. А когда все же вставал, каждый раз испускал этот ужасающий вздох.

— В нем звучало отчаяние, — добавила Минни, — безысходность.

Она опустила голову, пряча слезы.

— Наш сын уверен в том, что он одержим, сэр, — проговорил Кайт, глядя на меня.

Я смотрел на троицу, сидевшую в кабинете. Как мне было известно, религиозные фанатики, разделявшие воззрения Лютера, считали, что человечество делится на спасенных и проклятых, что только те, которые придут к Нему через Библию, обретут спасение в день Страшного суда. Остальное человечество обречено гореть в геенне огненной на вечные времена. А день Страшного суда, конец света, предсказанный в Книге Откровения, должен был наступить, по их мнению, в самом скором будущем.

Я был почти благодарен Мифону за то, что тот нарушил затянувшееся молчание.

— Эти добрые люди привели своего сына ко мне, — заговорил он. — Я беседовал с Адамом, пытался убедить его в том, что иногда Господь посылает сомнения тем, кого любит больше других, чтобы испытать крепость их духа. Я провел с ним полных два дня в посте и молитвах, но так и не смог пробиться к его душе.

Преподобный покачал головой с видом полного отчаяния.

— Он сопротивлялся всем моим усилиям.

Минни подняла на меня взгляд. Ее лицо было потерянным и безжизненным.

— К тому времени от Адама остались лишь кожа да кости. Мне приходилось кормить его с ложечки, пока муж держал его, чтобы он снова не бухнулся на пол. «Я должен молиться! — беспрестанно твердил он. — Я

не спасен!» Подумать только, слова «молитва» и «спасение» стали вызывать во мне ужас!

— Какие грехи Адам приписывал себе? — спокойно осведомился я.

— Этого он не говорил. Похоже, ему казалось, что он совершил все возможные грехи. До этого он был простым жизнерадостным парнем, иногда шумным, беспечным, но не более того. Он никогда не делал ничего плохого.

— А потом стал убегать из дома, — заговорил Дэниел Кайт. — Прятался в дальних улицах и пустынных закоулках, где никто не мог помешать ему молиться. Нам приходилось в буквальном смысле охотиться на него.

— Мы боялись, что он замерзнет до смерти, — вставила Минни. — Он убегал, даже не надев шубы, и мы искали сына по отпечаткам его босых ног на снегу.

С неожиданной для меня яростью женщина ударила себя кулачком по колену.

— О, как он только мог поступать столь жестоко со своими бедными родителями? Вот это и есть настоящий грех!

Мужчина положил натруженную ладонь на руку жены.

— Ну же, Минни. Имей веру. Господь ниспошлет нам ответ.

Он повернулся ко мне.

— Десять дней назад, когда на дворе бесилась такая вьюга, что нормальный человек и носа из дома не высунет, Адам пропал. Я в последнее время держал сына в мастерской, чтобы не спускать с него глаз, но он стал проворным, как обезьяна, и стоило мне отвернуться, как он отпер дверь, выскользнул на улицу — и поминай как звали. Где мы только не искали его! Но так и не нашли. А вечером того же дня к нам заявился чиновник от епископа Боннера и сообщил, что Адама нашли стоящим на коленях прямо в снегу перед Благовествующим Крестом во дворе собора Святого Павла и умоляющим Всевышнего послать ему знак, что он спасен и будет вместе с другими избранными допущен в райские кущи. Он кричал, что близится конец света, молил Господа и Иисуса Христа не низвергать его в геенну огненную в день Страшного суда.

Минни не выдержала и разрыдалась, ее муж умолк. Было видно, что его тоже переполняют эмоции. Глубину страданий этих простых людей было невозможно измерить, а то, что сотворил их сын, являлось чрезвычайно опасным. В собор Святого Павла допускались только священнослужители. Религиозная доктрина короля состояла в том, что *sola fide*, «только вера», не способна обеспечить человеку царствие небесное.

Даже теория о разделении человечества на спасенных и проклятых была менее ортодоксальной.

Я посмотрел на Мифона. Тот сидел с хмурым видом и задумчиво перебирал пальцами густые волосы на макушке.

— Когда же Адам предстал перед Тайным советом? — Я мягко попытался вернуть Дэниела Кайта к нашему делу.

— Да, да, — спохватился тот. — Его привезли туда из епископской тюрьмы. Вызвали и меня. Я приехал во дворец на Уайтхолл. Там, в большой комнате с пышным убранством, за столом сидели четверо мужчин в богатых одеждах.

Голос Дэниела дрогнул, на лбу выступили капельки пота.

— Там был Адам, закованный в цепи, а с ним — тюремщик.

Он бросил взгляд на своего викария.

— Преподобный Мифон тоже пришел туда, но ему не дали говорить.

— Они бы не стали меня слушать, — сказал Мифон и добавил с презрительной гримасой: — Да я на это и не рассчитывал.

Мысленно согласившись с преподобным, я спросил:

— Кто были те люди?

— В белых одеждах сидел архиепископ Кранмер. Я видел его, когда он служил мессу в соборе Святого Павла. Рядом еще один церковник, крупный мужчина злого вида, с каштановыми волосами. Одежды двух других, как мне помнится, были отделаны мехами и драгоценными камнями. Один был маленьким, с пронзительным голосом, у другого — длинная буряя борода и худое лицо.

Я медленно кивнул. Маленьким бледным человечком, вероятно, был сэр Ричард Рич, бывший протеже Томаса Кромвеля, злобный двурушник, который после падения Кромвеля сразу же переметнулся в стан консерваторов. Второй по описанию напоминал лорда Хартфорда, брата последней королевы и реформатора. Церковником со злым лицом был, несомненно, лондонский епископ Боннер.

— Что они вам сказали?

— Они спросили, каким образом Адам оказался в подобном состоянии, и я честно рассказал им все, что знал. Бледный мужчина сказал, что это похоже на ересь и мальчика необходимо сжечь. А в следующий момент, раньше чем надзиратель успел удержать его, Адам соскользнул на пол и стал фанатично молиться о спасении души. Члены совета велели ему встать, но он обращал на них не больше внимания, чем если бы они были мухами. Тогда архиепископ сказал, что Адам явно не в своем уме и его нужно отправить в Бедлам, чтобы парня там подлечили. Бледный все

пытался обвинить Адама в ереси, но остальные не соглашались.

— Понятно, — в раздумье кивнул я.

Видимо, Рич решил, что сожжение еще одного радикального протестанта прибавит ему очков в глазах традиционалистов. А вот Кранмер, помимо того, что был от природы добросердечным человеком, не хотел, чтобы на улицах Лондона опять запылали костры. Заключение Адама в Бедлам означало решить проблему без шума и хотя бы на первое время.

— Это заставляет меня задать один важнейший вопрос.

Я поочередно посмотрел на каждого из родителей.

— Адам действительно безумен?

— Думаю, что да, — пролепетала Минни.

— Если он умственно здоров, сэра, мы опасаемся, что дело может обернуться еще хуже.

— Хуже? — переспросил я.

— Одержимость, — сказал, как отрезал, Мифон. — Вот чего я боюсь. А вдруг в юношу вселился нечистый и заставляет его прилюдно высмеивать милосердие Господа нашего? Если дело обстоит именно так, то я сумею спасти Адама, только постоянно находясь рядом с ним, усердно молясь вместе с ним, сражаясь за него с дьяволом.

— А вы в это верите? — спросил я каменотеса.

Тот переглянулся с Мифоном и закрыл лицо своими большими руками.

— Я не знаю, сэра. Да поможет Всевышний моему бедному сыну, если это правда.

— Думаю, Адам сейчас пребывает в великой растерянности и страхе.

Минни встретила взглядом с викарием, и я понял, что духом она сильнее своего благоверного. Женщина повернулась ко мне.

— Но в чем бы ни заключалась истина, пребывание в Бедламе убьет его. Адам заперт в промозглой одиночной камере, где нет огня и царит постоянный холод. Он ничего не делает для себя. Он лишь лежит, скорчившись, и на полу молится, молится. А нам разрешено проводить с ним всего лишь один час в день. С нас требуют плату за его содержание — три шиллинга в месяц, больше, чем мы можем себе позволить. Но даже получая эти деньги, они не заставляют его кушать и ухаживать за собой. Надзиратель будет только счастлив, если наш мальчик умрет.

Минни посмотрела на меня умоляющим взглядом.

— Они боятся Адама.

— Из-за того, что он может быть одержим?

Она кивнула.

— А вы в этом сомневаетесь?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Но если Адам останется в Бедламе, он умрет.

— Его должны выпустить под мою ответственность, — проговорил Мифон, — но они на это не пойдут. Только не эти вероотступники и паписты, окопавшиеся в Тайном совете.

— Значит, по крайней мере, в одном мы сошлись, — подытожил я. — Парня необходимо вытащить из Бедлама.

— Да-да, — с готовностью закивал отец мальчика, обрадовавшись тому, что почувствовал хоть какую-то почву под ногами.

Некоторое время я молча размышлял, а потом неспешно заговорил:

— В этом деле я вижу две проблемы. Одна — юридическая. Любой, кто не в состоянии позволить себе адвоката, имеет право потребовать рассмотрения дела судом прощений. Однако судья может заявить, что это дело государственной важности, и тогда его вновь будет рассматривать Тайный совет. Но с другой стороны, если у вас нет возможности платить суммы, которые требуют за содержание вашего сына в Бедламе, суд может постановить, чтобы их вносил совет. Кроме того, суд может вмешаться и прекратить лечение, если сочтет его неудовлетворительным. А вот добиться того, чтобы Адама выпустили, дело гораздо более сложное.

Я сделал глубокий вдох.

— Что будет, если его отпустят? Вдруг он снова сбежит? Вдруг опять произойдет то, что уже было возле собора Святого Павла? В конце концов его обвинят в ереси. Если посмотреть на положение дел с этой точки зрения, то Бедлам вполне может оказаться наиболее безопасным местом для Адама при условии, что его не удастся привести в чувство. Связываться с Тайным советом очень опасно.

Я не стал напоминать про бедного Джона Коллинза, но по лицам собеседников видел, что они и сами не забыли, ужасная участь постигла того несчастного.

— Его должны выпустить из этого ужасного места, — настаивал Мифон. — Единственное лечение для бедного Адама заключается в том, чтобы он понял: Господь ниспослал ему эти испытания, и он не должен ставить под сомнение Его милость. Если же в Адама вошел дьявол или его мозг оказался поврежден по какой-то иной причине, только я смогу излечить его с помощью своих собратьев по вере.

Преподобный посмотрел на родителей Адама.

— Аминь! — произнес Дэниел Кайт, а Минни молча опустила глаза долу.

— Его не выпустят до тех пор, пока совет не убедится в его

нормальности, — заметил я. — Но кое-что я все же могу сделать. У меня есть один знакомый врач, очень умный человек, который наверняка сумеет подобрать к Адаму и, может быть, даже помочь ему.

— Нет! — решительно мотнул головой Дэниел Кайт. — Все врачи — безбожники!

— К моему другу это не относится, — поспешил я успокоить каменотеса.

Я счел за благо не сообщать о том, что мой друг Гай раньше был монахом, а в душе до сих пор продолжал оставаться католиком.

Мой ответ не развеял сомнений главы семейства, но его жена с облегчением выдохнула.

— Приведите его, сэра, мы согласны на все. Вот только у нас нет денег, чтобы заплатить ему...

— Я уверен, тут можно будет что-нибудь придумать.

Женщина посмотрела на мужа. Он помялся, бросил быстрый взгляд на Мифона и сказал:

— Это не повредит, сэра. Хуже уже точно не будет.

Судя по лицу преподобного, он собирался что-то возразить, но я не позволил ему сделать этого, поспешив заметить:

— Разумеется, с точки зрения интересов Адама дело это весьма щекотливое. Я со своей стороны буду держать его на контроле и побеспокоюсь о том, чтобы плату за лечение с вас не брали. В суде прошений сейчас скопилось так много дел, что судья буквально не разгибается, чтобы разгрести эти завалы. Но если мы представим наше дело как не терпящее отлагательств и нам улыбнется удача, надеюсь, примерно в течение недели оно может быть рассмотрено.

— Благодарю вас, сэра, — сказала Минни.

— Но я даже не буду пытаться подать прошение об освобождении Адама, если не будет данных об улучшении его психического состояния. — Я посмотрел на Мифона. — Такое прошение будет неизбежно отклонено.

— В таком случае нам, видимо, не остается ничего другого, кроме как дожидаться вердикта докторов.

Он говорил ровным голосом, но взгляд оставался враждебным.

— А я тем временем нанесу визит в Бедлам. Нагоню страху на его зрителей, а заодно навещу Адама.

Супруги обменялись удивленными взглядами.

— Это будет очень благородно с вашей стороны, сэра, — сказал Дэниел Кайт. — Но должен вас предупредить: безумие моего несчастного сына являет собой ужасающее зрелище.

— За свою жизнь мне пришлось много чего повидать, — ответил я, хотя, признаться, при мысли о предстоящем визите в Бедлам по коже начинали бегать мурашки.

— Мы отправляемся к Адаму завтра в девять утра, сэр, — сообщила Минни. — Может, вы поедете вместе с нами?

— Да, перед заседанием суда у меня как раз будет свободное время.

— Вы знаете, как туда добраться, сэр? Проедете через Бишопсгейт и сразу же ищите ворота Бедлама.

— Непременно приеду.

Улыбнувшись, я поднялся из-за стола.

— Я сделаю все, что в моих силах, но повторяю: дело крайне сложное.

Я проводил гостей в приемную, но Мифон задержался в дверях и негромко проговорил:

— Не думаю, что от вашего доктора будет прок. Пути Господни неисповедимы, и через все испытания и преследования Он в итоге приведет к миру истинных христиан. Включая Адама.

Зеленые глаза преподобного горели под кустистыми бровями, и все же мне в голову пришло, что есть в нем какое-то актерство, словно он играет роль Добродетели в пьесе, зрителем которой является весь Лондон.

— Действительно, — согласно кивнул я. — Молюсь о том, чтобы бедный юноша обрел мир в своей душе.

— Сейчас мы отправляемся в нашу церковь и тоже будем усердно молиться за него.

После того как за ними закрылась дверь, я еще раз просмотрел бумаги и подошел к окну. По двору, заливаемому дождем, брели Кайты, нагнув головы и придерживая головные уборы.

— Он — не один из нас, — услышал я голос преподобного Мифона. — Он не обретет спасения в конце пути.

Они дошли до ворот и скрылись из вида.

Несомненно одно: теперь я в ответе за Адама Кайта. Именно мне придется решать, что в наибольшей степени отвечает его интересам, и скорейшее освобождение из Бедлама вряд ли входит в эту категорию, что бы там ни толковал Мифон. Для Минни Кайт благополучие сына важнее всего, поэтому, уверен, она должна прислушаться к моему мнению.

Я вышел в приемную. Барак сидел за столом и, хмурясь, смотрел в огонь. Когда я окликнул его, он вздрогнул от неожиданности.

— У тебя очень задумчивый вид, — сказал я.

— Я просто размышлял над тем, отправиться ли к брадобрею прямо сейчас или дождаться, пока закончится дождь. Тот викарий так посмотрел

на меня, когда вошел...

— Ручаюсь, он разглядел в тебе безбожника. Я слышал, как он по доброте душевной обрек меня на вечные муки, когда проходил мимо окна кабинета.

Я вздохнул.

— Для меня очевидно, что это он запер Адама в комнате и в течение двух дней молился вместе с ним. Довел парня до полного истощения, хотя от того и так уже оставались кожа да кости. Иногда я задумываюсь: а может, если Боннер вычистит побольше таких типов, это будет не так уж плохо?

Перехватив удивленный взгляд Барака, я поспешил успокоить его:

— Не пугайся, это я так шучу.

Из моей груди снова вырвался вздох.

— А если говорить серьезно, я пытаюсь понять, есть ли у этих людей будущее и неужели религиозная реформа сделает их своими марионетками? И от этих мыслей мне становится страшно.

— Но вы все же взяли дело?

— Я обязан взять его, но можешь не волноваться, я буду очень осторожен. Я хочу, чтобы мальчика посмотрел Гай, но сначала должен сам повидаться с Адамом.

— В Бедламе?

— Да, — в третий раз вздохнул я. — Завтра.

— Хотите, я поеду с вами?

— Нет, я должен быть один. Но все равно спасибо за предложение.

— Жалко, — понурился Барак. — Мне хотелось проверить, правду ли говорят, что вопли и завывания больных слышны аж на противоположной стороне улицы, отчего прохожие пускаются бежать подальше от этого страшного места.

Глава 3

Вскоре дождь прекратился. Выглянуло солнышко, и за окном вновь воцарилась холодная и ясная погода. В прозрачном воздухе все выглядело более четким. Голые ветви деревьев были каллиграфически вычерчены на фоне синего неба, в углах коричневых проплешин безжизненных полей за домами все еще виднелись полосы нерастаявшего снега.

Встреча с Кайтами дала мне обильную пищу для размышлений, и я решил прогуляться, чтобы хорошенько все обдумать.

Я шагал по ближайшим предместьям Лондона: вдоль Холборна, а затем по Шу-лейн. Праздничные службы по случаю Пальмового воскресенья уже шли полным ходом. Двери многих церквей и ворота церковных погостов были украшены гирляндами, на мостовых перед ними разбросана зелень. Но некоторые Божьи дома выглядели буднично и невзрачно, как в любой другой день. Клир одного из приходов проводил службу прямо в церковном дворе. Хор мальчиков в белых саккосах^[4] распевал гимн перед крестом, украшенным зелеными гирляндами, а рядом стояли трое мужчин, одетых пророками, с длинными фальшивыми бородами и нарядными головными уборами. Они напомнили мне персонажей вчерашней пьесы.

Я вспомнил, как кто-то из гостей Роджера рассказывал о подмастерьях, сорвавших подготовку к празднованию Пальмового воскресенья. Ходило много историй о противоречиях, раздиравших несметное число крохотных лондонских приходов. В одной церкви радикально настроенный викарий соскоблил со стен древние фрески и заменил их нравоучительными цитатами из Библии; другой консервативный настоятель допускал в своем храме только богослужения на латыни. Недавно мне рассказали, что священник-традиционалист, разозлившись на прихожан-радикалов, которые громко разговаривали во время звона колокола, возвещающего о возношении Святых Даров, принялся орать на них: «Еретики! На костер вас!» Стоит ли после этого удивляться, что в последнее время многие, подобно мне, старались держаться подальше от церквей!

Ровно через неделю настанет Светлое Христово Воскресенье, когда, согласно закону, каждый гражданин должен исповедоваться. Обо всех, кто пренебрежет этой обязанностью, будет доложено епископу Боннеру. Уважительными причинами для отсутствия в исповедальне могли служить болезнь или срочные дела, связанные с работой. Я решил воспользоваться

этой возможностью, потому что мне была невыносима даже мысль о том, что я должен распахнуть душу перед своим приходским священником, приспособленцем и бесхребетником, чьим единственным принципом было держать нос по ветру, лишь бы удержаться на своем посту. А если уж исповедоваться, то одним из моих грехов было давно зреющее сомнение в том, что Бог вообще существует. В этом заключался еще один парадокс: яростная борьба между папистами и сторонниками сакраментариев^[5] вообще отвращали многих от веры.

«По плодам их узнаете их», — сказал Христос, но плоды и тех и других ревнителей веры с каждым годом выглядели все более гнилыми.

Когда я спускался по Шу-лейн, украшенные гирляндами двери одной из церквей распахнулись и из них повалили прихожане. Завершилась литургия. Эти люди заметно отличались от тех, которых я видел в другом церковном дворе. Женщины были одеты в темные платья, мужчины — в угольно-черные дублеты^[6] и накидки; манеры их были чинными и полными благоговения. Наверняка точно такая же паства и у преподобного Мифона — тесно спаянная группа радикалов. Ведь многие люди даже бросили свои дома и переехали в тот приход, где викарий разделял их религиозные воззрения. Если епископ Боннер попытается навязать подобным церквям старые традиции, это будет чревато серьезными неприятностями вплоть до бунтов. И все же он продолжал затягивать свою сеть: недавно был обнародован новый список запрещенных книг; священников, проповедовавших без разрешения официальных властей, арестовывали.

«А что случится, если эти жесткие меры будут иметь успех?» — думалось мне.

Радикалы попросту уйдут в подполье. Многие уже проводят в домах нелегальные собрания, на которых обсуждают Библию, еще сильнее укрепляясь в своих убеждениях.

Я порядком устал, когда вернулся в свой дом на Канцлер-лейн, расположенной недалеко от Линкольнс-Инн. Меня встретил аппетитный запах жарящейся рыбы: моя домохозяйка Джоан готовила обед. И с большим нетерпением ждал окончания Великого поста, когда снова можно будет употреблять в пищу мясное. Я прошел в свою гостиную и сел перед камином, но даже благословенное тепло не помогало избавиться от напряжения. И причиной тому было не только дело Адама Кайта, вовлекавшее меня в опасные водовороты доктринальных противоречий. Хуже было осознание собственного неверия, которое с каждым днем

становилось все глубже.

Ранним утром я отправился в Бедлам. Под накидкой на мне был надет мой лучший камзол, не позабыл я и цепь, свидетельствующую о высшем адвокатском звании. На обслуживающий персонал больницы не помещает произвести впечатление.

Признаюсь, собираясь в сумасшедший дом, я испытывал волнение. Я ничего не знал о безумии. К счастью, эта беда обошла стороной и мою семью, и моих друзей. Мне было известно лишь то, что доктора подразделяют сумасшедших на буйно-помешанных, с припадками и непредсказуемым поведением, и меланхоликов, которые замыкаются в себе, погружаясь в неизбывную грусть. Меланхолики встречались чаще, и обычно их болезнь протекала легче. Я знал, что и сам обладаю некоторой склонностью к меланхолии. А Адам Кайт? Кто он — буйный или тихий?

Капризная погода вновь принялась кусаться. Ночью выпал снег и теперь сиял в лучах утреннего солнца. Я трусил на своем добром коне по имени Бытие. Мне было жаль выводить его из уютной конюшни, но улицы стали слишком скользкими для пешей ходьбы, а Бедлам находился в противоположном конце города.

Я проехал под Лондонской стеной в Ньюгейте и двинулся по Ньюгейт-стрит в направлении рынка. Торговцы расставляли свои лотки в тени машины заброшенной церкви, оставшейся от давно сгинувшего в пучине времен мужского монастыря Святого Мартина. Благодравные мужние жены в белых чепцах уже разглядывали выложенные на прилавки товары. Проезжая мимо рынка, я услышал, как кто-то кричит, а на пересечении Ньюгейт-стрит с древней торговой улицей Шамблз увидел мужчину в темном дублете. Несмотря на колючий холод, на нем не было верхней одежды. Он стоял на пустом ящике, размахивал большой Библией в черном переплете и что-то кричал прохожим, которые поспешно отводили глаза. По всей видимости, это был тот самый надоедливый пустомеля, о котором упоминал за ужином старый Рипроуз. Я внимательно присмотрелся к крикуну. Это был молодой человек с раскрасневшимся от обилия эмоций лицом.

Мясники на бойнях, расположенных позади Шамблз, уже принялись за работу. В четверг заканчивался Великий пост, и они заранее начали забивать коров и овец. Из дворов бежали ручейки крови и стекали в сточную канаву, что тянулась посередине улицы. Указывая на них своей Библией, уличный проповедник вещал грудным голосом:

— То же будет и с людьми в последние дни мира! Их глаза

расплавятся, кожа отделится от их костей, а остальное растечется кровью на две тысячи миль вокруг! Так предсказано в Апокалипсисе!

Выезжая с Шамблз, я слышал, как он призывает:

— Обратись к Богу, и лишь тогда ты познаешь сладость спасения Его!

Если бы констебли наложили лапу на этого крикуна, он дорого заплатил бы за проповедь без разрешения.

По всему Чипсайду подмастерья готовили к дневной торговле лавки своих хозяев, устанавливая ярко раскрашенные полотняные тенты. Дыхание облачками пара вырывалось из их ртов в холодный воздух. Некоторые разгоняли бездомных нищих, проведших ночь на ступенях лавок, награждая их пинками и зуботычинами, если они двигались недостаточно проворно. Вдоль большого акведука, протянувшегося от Тайборна до Чипсайда, начали выстраиваться калеки, готовясь к долгому дню попрошайничества. Толкаясь и галдя, как голодные вороны, они расселись возле кондуита, [\[7\]](#) поджидая лондонцев, которые вскоре должны были потянуться за водой. Проезжая мимо, я смотрел на их худые обветренные лица. Мое внимание привлек старик с копной седых волос. Он дрожал всем телом, изо рта текла слюна. Увидев меня, он протянул руку и крикнул:

— Помогите старому монаху из Гластонбери, сэр! Они повесили моего аббата!

Я бросил старику шестипенсовик, и тот, пока его не опередили другие нищие, бросился за монетой с удивившим меня проворством.

Как много бездомных появилось в последнее время в Лондоне! С тех пор, как власть позакрывала монастыри, на улицах повсюду можно было наблюдать душераздирающие сцены. Большинство прохожих предпочитали просто отводить глаза в сторону, превращая таким образом страдальцев в невидимок. Среди нищих было много бывших монахов, а также бедняков, приехавших в город после того, как их земли были отданы под пастбища, а дома разрушены. Больные, которые раньше могли найти хотя бы временное пристанище в монастырских больницах, теперь лежали прямо на мостовых и здесь же умирали. Сейчас я окончательно решил, что непременно помогу Роджеру в осуществлении его плана с больницей. Так я хоть что-то смогу сделать для этих несчастных.

Я снова проехал под городской стеной и стал подниматься по Бишопсгейт-стрит. Больница располагалась за городской чертой, где каждый год, будто на дрожжах, росли новые дома. Накануне днем я зашел в Линкольнс-Инн и прочитал все, что сумел найти в библиотеке, про Бедлам. Изначально это было монастырское лечебное учреждение. Избежать

расформирования ему удалось благодаря пациентам из богатых семей, которых можно было «доить» и дальше. Король назначил нового попечителя больницы. Сейчас эту должность исполнял царедворец по имени Метвис. Тот, в свою очередь, назначил постоянного директора. Этот человек, по мнению родителей Адама Кайта, надеялся на то, что мальчик умрет.

Возле Бишопсгейта мне пришлось остановиться. По дороге медленно двигался траурный кортеж: черные кони, черные кареты и бедняки в конце процессии, распеваящие псалмы. Хоронили какого-то богача. Процессию возглавлял благородного вида старик с белой тростью. Это был эконом покойного, сжимавший в руке посох, символизирующий власть хозяина. Скоро он разломит его и бросит в могилу. По размаху траурного кортежа я предположил, что хоронят, должно быть, лорда Латимера, чью вдовицу, по слухам, присмотрел для себя король. Я снял головной убор. Мимо проехала большая карета. Шторка на ее дверце отдернулась, и из окошка выглянула женщина. Ее лицо было обрамлено широким черным капюшоном. Ей было около тридцати лет. Скошенный подбородок и маленький ротик делали ее лицо, которое и во всем остальном было прехорошеньким, просто поразительным. Она смотрела в толпу широко открытыми, невидящими глазами, и мне показалось, что в них затаился страх.

Карета проехала дальше, и леди Кэтрин Парр скрылась из виду.

Двигаясь по Бишопсгейту, вскоре я увидел двойные деревянные ворота в высокой каменной ограде. Они были открыты, и я въехал в просторный, засыпанный снегом двор, посередине которого высилась часовня. Три стороны двора были образованы задними стенами построек, в качестве четвертой выступало длинное двухэтажное здание из серого камня, по виду очень старое. Некрашенные деревянные ставни некоторых окон были открыты. Между постройками тянулись узкие тропинки, по которым сновали люди. Значит, Бедлам все же не является чем-то вроде тюрьмы, и звона кандалов здесь не слышно.

Я остановил лошадь возле большой двери в торце здания, спешил и постучал. Дверь открыл мужчина плотного телосложения с грубо вылепленным насмешливым лицом и в грязном сером халате. На его широком кожаном поясе болталась тяжелая связка ключей.

— Я мастер Шардлейк, — представился я. — У меня договоренность о встрече с Адамом Кайтом.

Мужчина оценивающе оглядел мой наряд.

— Вы юрист, сэр?
— Да, а вы смотритель Шоумс?
— Нет, сэр, он отошел, но скоро должен вернуться. Я другой смотритель, Хоб Гибонс.
— Родители молодого Кайта уже здесь?
— Нет.
— Тогда я их подожду.
Смотритель отступил в сторону, пропуская меня внутрь.
— Добро пожаловать в чертоги безумия, — проговорил он, закрывая дверь. — Полагаете, вам удастся освободить Адама Кайта?
— Я на это надеюсь.
— Мы были бы рады, если бы он ушел. Из-за него нервничают другие психи, поэтому мы постоянно держим его взаперти. Некоторые считают, что он одержим.
— А что думаете вы, Гибонс?
Смотритель пожал плечами.
— Думать — не моя забота. — Он наклонился ближе. — Если у вас есть немного свободного времени, сэр, я могу показать вам наших знаменитостей: Короля Стульчака и Закованного Ученого. Всего за шиллинг.
После некоторых колебаний я протянул ему монету. Чем больше я узнаю о том, что здесь творится, тем лучше.

Гибонс повел меня по выбеленному коридору, который тянулся через все здание. Справа были окна, слева — ряд крашенных в зеленый цвет деревянных дверей. Было холодно, и в воздухе слабо пахло человеческими нечистотами.

— Сколько у вас пациентов?
— Тридцать, сэр. Разношерстная публика.
Я заметил, что на уровне человеческого роста в дверях вырезаны глазки. В проеме открытой двери стоял еще один служитель в сером халате и заглядывал в палату.
— Ты принес воду для мытья, Стивен? — послышался женский голос изнутри.
— Да, Алиса. Забрать твой ночной горшок?
Сцена выглядела вполне мирной, даже домашней. Перехватив мой взгляд, Гибонс улыбнулся.
— Алиса большую часть времени совершенно нормальна. Но бедняжка страдает падучей в тяжелой форме. Не успеешь оглянуться, как

она вдруг валится на пол и принимается кататься в судорогах, брызгая пеной.

Я невольно подумал о Роджере.

— Ей разрешено приходить и уходить, когда она захочет. А вот этому парню — нет.

Смотритель остановился перед дверью, запертой на тяжелый засов, и улыбнулся мне, продемонстрировав обломанные серые зубы.

— Познакомьтесь с его величеством.

Он открыл смотровой глазок и отступил в сторону, чтобы я мог заглянуть внутрь.

Зрелище, представшее моему взгляду, заставило меня выдохнуть и сделать шаг назад. Квадратная камера с закрытыми ставнями на окнах освещалась единственной свечой, воткнутой в горлышко бутылки, стоящей на полу. На выкрашенном белой краской стульчаке для ночного горшка сидел невероятно жирный мужчина. Его борода была коротко подстрижена — в точности так же, как у нашего короля, каким его чеканят на монетах. Грузное тело было облачено в совершенно невероятный пестрый наряд, сшитый из разноцветных лоскутов. В руке больной держал трость для ходьбы, на один конец которой был насажен деревянный шар — по всей видимости, это был его «скипетр». На лысом черепе сумасшедшего красовалась бумажная корона, выкрашенная в желтый цвет.

— Как вы сегодня, ваше величество? — спросил Хоб.

— Неплохо, дружок. Можешь привести моих верноподданных, я приму их.

— Может быть, позже, сир. Мне сначала нужно вычистить сортиры.

— Ах ты, дерзкий раб!

Гибонс захлопнул дверцу глазка и хрипло рассмеялся.

— Убежден в том, что он король. Раньше был школьным учителем, правда, не очень хорошим. Ученики издевались над ним, играли в футбол на его уроках. А потом он вдруг решил, что является королем, и все его беды растаяли как дым.

— Шутовски изображать короля — это опасно, — заметил я.

Гибонс кивнул.

— Именно поэтому родственники поместили его сюда — подальше от посторонних взглядов. Сумасшедшие вообще произносят много опасных речей. Но на то они и психи, чтобы не понимать: нынче нужно быть особенно осторожным в том, что говоришь.

Он улыбнулся и вздернул брови.

— А теперь пойдёмте, я покажу вам нашего Закованного Ученого. Он

обитает через две палаты. Весьма образованный субъект.

Гибонс окинул мою одежду насмешливым взглядом.

— Доктор общего права из Кембриджа. Не получив должности, которой добивался, напал на директора своего колледжа и едва не отправил его к праотцам. К таким, как я, он вполне терпим, а вот образованных людей просто ненавидит. Видели бы вы его в гневе! Если вы войдете в его палату, он набросится на вас и вцепится в лицо. Его мы держим под неусыпным надзором, но я могу открыть смотровой глазок, чтобы вы поглядели на него.

— Нет уж, спасибо.

— Он любит рисовать карты и планы, а сейчас перепроектирует для нас систему канализации. Вы, наверное, заметили, как у нас пахнет?

— Да, весьма дурно.

Я услышал неподалеку звук голосов и узнал возбужденный, злой голос Дэниела Кайта.

— Где это? — спросил я.

— В гостиной. Они, должно быть, вошли через черный вход. Так вы точно не хотите посмотреть на нашего ученого? — спросил смотритель уже с явной издевкой.

— Нет, — резко ответил я, — не хочу. Отведите меня к Кайтам.

Гибонс проводил меня в маленькую комнату с расставленными кругом дешевыми стульями, обшарпанным столом и огнем, горящим на решетке жаровни. Стены каморки были голыми. Минни Кайт сидела на стуле с совершенно опустошенным видом, а ее супруг горячо спорил с пухлым, мрачного вида человеком в черной куртке без рукавов.

— Вы могли бы попытаться накормить его! — кричал Дэниел.

— Ага, еще чего! Чтобы один из моих смотрителей силком поднимал его с пола, а второй засовывал в рот еду? У них нет на это ни времени, ни желания. Он их пугает. Да он всех пугает! Лежит на полу, мычит, бормочет, зовет Бога... Неудивительно, что половина моих сотрудников считает его одержимым. Пищу ему приносят, а уж есть ее или нет — это его дело.

— Какие-то проблемы? — вмешался я в спор. — Вы, должно быть, главный смотритель Шоумс?

Когда толстяк повернулся ко мне, я представился:

— Я мастер Шардлейк, адвокат семьи Кайт.

Шоумс посмотрел сначала на меня, потом на Кайтов.

— Каким образом вы можете позволить себе адвокатов, если вы даже не в состоянии оплачивать мои счета? — агрессивно спросил он.

— Я назначен судом прошений.

— А-а, — фыркнул главный смотритель. — Адвокат бедняков! А по оснастке не скажешь, — добавил он, явно намекая на мою богатую одежду.

— Вот именно, — резко ответил я, — адвокат, который может опротестовать в суде выставяемые вами счета и поставить вопрос о неправильном лечении. Это случится завтра, если то, что я увижу здесь сегодня, мне не понравится.

Шоумс поглядел на меня своими глубоко посаженными поросячьими глазками.

— За мальчиком трудно ухаживать, он...

— Он нуждается только в питании, — проговорила Минни. — И чтобы кто-то набрасывал ему на плечи плед, когда он падает на пол.

Женщина повернулась ко мне.

— Здесь так холодно, а этот негодяй отказывается развести огонь.

— Огонь стоит денег!

Я повернулся к Кайтам.

— Мне хотелось бы увидеть Адама.

— Мы как раз собирались к нему.

— Отправляйтесь к нему, если угодно, только вы от него все равно ничего не добьетесь.

Толстяк буравил меня взглядом, и я понял: для этого человека Адам Кайт — всего лишь досадная помеха, и он не будет сожалеть, если тот отдаст Богу душу. Не пожалеет об этом и совет, у которого станет одной проблемой меньше.

— А потом, мастер Шоумс, — сказали, — мне хотелось бы побеседовать с вами.

— Что ж, идите. Меня пока ждут другие дела.

Нас отвели к еще одной зеленой двери. Она была заперта. Шоумс отпер ее и заглянул в палату.

— Он в вашем распоряжении, — проговорил смотритель и удалился.

Я вошел следом за Дэниелом Кайтом в светлую комнату со стенами, выбеленными известкой, и частично открытыми ставнями на окнах. Как и говорила Минни, здесь царил пронизывающий холод, а также невыносимо тяжелый запах — смесь нечистот и немытой кожи. Из обстановки в палате была лишь низенькая кровать на колесиках и стул.

Обратившись лицом в угол, на коленях стоял мальчик-подросток с грязными черными волосами и что-то бормотал себе под нос. Слова текли так быстро, что их смысл было трудно уловить.

— Каюсь в моих грехах, каюсь... Послушай меня, пожалуйста... Послушай, во имя Иисуса...

На мальчике была рубашка с пятнами от пищи и кожаный джеркин.^[8] Его колено охватывала железная скоба, от которой тянулась цепь к металлическому кольцу в полу. Минни подошла к мальчику и положила руки ему на плечи, но он этого даже не заметил и никак не отреагировал.

— Цепь нужна для того, чтобы он больше не сбегал на церковные дворы, — пояснил Дэниел.

Он не приблизился к сыну, а стоял неподвижно, повесив голову на грудь.

Я набрал в грудь воздух и подошел к Адаму. Он был широкоплеч, но очень худ. Я присел и заглянул ему в лицо. Это было жалкое зрелище. Возможно, когда-то мальчик был красив, но сейчас на него было страшно смотреть. Брови вздернуты вверх в гримасе страдания, широко раскрытые, словно от ужаса, глаза невидящим взором смотрят в стену, с губ вместе со слюной срываются сбивчивые слова:

— Скажи мне, что я спасен! Яви мне милость свою!

Он на мгновение умолк, будто к чему-то прислушиваясь, а затем воскликнул с еще большим отчаянием:

— Господи! Прощу тебя!

— Адам, — умоляющим голосом позвала его мать. — Ты испачкался. Я принесла тебе чистую одежду.

Она попыталась поставить его на ноги, но Адам сопротивлялся и продолжал жаться в угол.

— Оставь меня! — сказал он, даже не взглянув на мать. — Я должен молиться!

— Он все время такой? — спросил я Минни.

— Теперь — да.

Она отпустила плечи сына, и мы оба встали.

— Он не хочет подниматься на ноги, а когда его пытаются заставить, издает такие жалостные вздохи, что сердце разрывается.

— Я попрошу своего друга доктора осмотреть Адама, — негромко проговорил я. — Хотя, откровенно говоря, пока он находится в таком состоянии, его вряд ли можно будет забрать отсюда.

— О нем нужно заботиться, — сказала женщина, — или он умрет.

— Я вижу это и поговорю с главным смотрителем Шоумсом.

— Если вы оставите нас ненадолго, сэр, я попытаюсь почистить его. Иди сюда, Дэниел, помоги мне поднять его.

Мужчина подошел к жене.

— Тогда я отправлюсь на переговоры со смотрителем прямо сейчас. Приходите в гостиную, когда закончите. Я буду ждать вас там.

Минни улыбнулась мне дрожащими губами.

— Благодарю вас, сэр.

Ее муж все так же отказывался встречаться со мной взглядом.

Я оставил их и отправился на поиски Шоумса, исполненный гнева на то, как Адаму позволяют барахтаться в собственных нечистотах. То страшное и неведомое, что повредило ум этого несчастного, оставалось за пределами моего понимания, но уж с ленивыми и продажными чиновниками я умел справляться.

Шоумса я нашел в его личном кабинете. Он пил пиво и смотрел на жаркий огонь, пылавший в большом камине. Услышав, как скрипнула дверь, он повернул голову и наградил меня свирепым взглядом.

— Я хочу, чтобы мальчика кормили! — рявкнул я. — Если понадобится, то и силой. Сейчас мать переодевает его, и я желаю, чтобы он оставался чистым. Вы должны за этим проследить. Я добьюсь судебного решения, в соответствии с которым этому пациенту будет обеспечен надлежащий уход, а счета по его содержанию будет оплачивать совет.

— А кто будет платить моим сотрудникам до той поры? Платить за работу, которую они выполняют, не говоря уж о том, что им приходится постоянно успокаивать других пациентов, которые нервничают из-за того, что среди них находится одержимый?

— Бедлам располагает собственными средствами. Кстати сказать, у вас в штате есть врач?

— Да, раз в две недели приходит доктор Фрит. Он увлечен составлением собственных микстур, но от них мало пользы. Была одна женщина-травница, она нравилась многим пациентам, но доктор Фрит ее прогнал. Назначение врачей — это вообще не моя обязанность. Этим занимается смотритель Метвис.

— А священник у вас есть?

— Эта должность вакантна с тех пор, как преставился старый викарий.

Я смотрел на его толстое, красное злое лицо и думал о несчастных безумцах, судьбы которых вручили в руки его и таких, как он, ленивых и некомпетентных болванов.

— Я требую, чтобы в палате Адама Кайта разводили огонь.

— Вы заходите слишком далеко, сэр! — возмутился Шоумс. — Огонь — это непозволительная роскошь, и я не собираюсь оплачивать ее из средств Бедлама, иначе моя должность достанется смотрителю Метвису.

— В таком случае я добьюсь того, чтобы вам вообще запретили выставлять счета за услуги больницы.

Шоумс по-волчьи зыркнул на меня.

— Вы забрали чересчур много воли, бумажная душа.

— Не больше вашего. Ну так как?

— Ладно, я прикажу, чтобы у него разводили огонь.

— Я прослежу за этим.

С этими словами я развернулся и вышел.

Я вернулся в комнату для посетителей, сел и погрузился в глубокие раздумья. Вид Адама Кайта потряс меня. Что бы ни заставило рассудок мальчика помутиться, не могло быть и речи о том, чтобы добиваться у суда признания его *compro mentis*.^[9] Оставалось только надеяться, что Гай хоть чем-то сможет помочь ему.

Дверь отворилась, и я поднял голову. Молодая женщина в сером халате смотрителя ввела в комнату седоволосую даму. Мне было странно видеть женщину-смотрителя, но я предположил, что они необходимы для ухода за пациентами женского пола. Значит, здесь все же не до конца утратили стыд.

Больная шла деревянной походкой, опустив голову на грудь. Смотрительница вела ее к стулу у окна. Добравшись до цели, пациентка брякнулась на стул и обмякла, тяжелая и безжизненная, как мешок с капустой. Увидев меня, смотрительница сделала книксен. На вид ей можно было дать тридцать с небольшим лет. Глубокие синие глаза и каштановые волосы, выбивавшиеся из-под белого чепца, делали ее несколько вытянутое лицо привлекательным. В нем угадывался характер.

— Вы позволите, чтобы Сисси немного посидела здесь, сэр? — спросила она.

— Разумеется.

— Она сегодня что-то хандрит, и мне не хочется оставлять ее одну в палате. Сисси, я захватила для вас иглу и нитки. Вы ведь любите штопать халаты?

Было странно видеть, как молодая женщина говорит со старухой так, будто та — маленькая девочка. Сисси подняла бессмысленный взгляд, и смотрительница вручила ей мешочек с вышиванием и рваный халат. Она положила халат на колени старой женщины и попыталась всунуть в ее толстые пальцы иглу с продетой в нее ниткой.

— Ну же, Сисси, ведь вы просто чудо что за мастерица! Покажите, как вы умеете шить.

Сисси с неохотой взяла иглу.

— Она не доставит вам хлопот.

Женщина снова присела и оставила меня наедине с Сисси, которая

принялась шить, не поднимая на меня глаз.

«Значит, не все зрители — бесчувственные скоты», — подумал я.

Вскоре вернулись Кайты. Я поднялся со стула и пересказал им свой разговор с Шоумсом.

— Значит, Адаму придется остаться здесь? — спросила Минни.

— До тех пор, пока его не приведут в чувство, находиться здесь для него — безопаснее всего.

— Возможно, такова воля Господа, — сказал Дэниел Кайт и посмотрел на меня с неожиданным вызовом. — Иногда Всевышний посылает самые страшные испытания именно тем, кого любит больше других, как Иова. Так говорит преподобный Мифон. Может быть, это — предупреждение людям, напоминание о близящемся конце света и о том, что они должны перестать грешить. Адам пугает людей, напоминает им о том, что они тоже должны молиться.

— Нет! — набросилась на мужа Минни. — Господь не стал бы столь жестоко испытывать несчастного, который так верит в него!

— Кто ты такая, чтобы решать за Господа? — фыркнул мужчина. — Если это не Бог, то сатана, и, значит, наш сын действительно одержим нечистым, как многие утверждают.

Они оба находились на грани срыва, и я видел это.

— Он очень болен, — мягко проговорил я.

— А вам откуда знать? — огрызнулся Дэниел Кайт. — Вы не истинный верующий!

Он посмотрел на жену, на меня, повернулся и вышел.

— Не сердитесь на него, сэр, — сказала Минни. — Он повсюду ищет ответы и не может их найти. Он очень любит нашего мальчика.

— Я понимаю, хозяйюшка, и обещаю сделать все, что в моих силах. Теперь за Адамом будет надлежащий присмотр, а я прослежу, чтобы для бедняжки делалось все, что необходимо. Очень скоро я снова свяжусь с вами, а вы, если уход за вашим сыном не станет лучше, немедленно сообщите об этом мне.

— Непременно. Мы навещаем его каждый день.

Женщина сделала книксен и вышла следом за мужем. Я повернулся и увидел, что Сисси смотрит на меня с любопытством в своих коровьих глазах. Встретившись со мной взглядом, она тут же опустила голову к своему шитью. Вскоре послышались шаги, и в комнату вошла смотрительница. Выражение ее лица было озабоченным.

— Я услышала громкие голоса, — сказала она. — С Сисси все нормально?

— Да. — Я виновато улыбнулся. — Это кричал один из моих клиентов.

Она подошла и посмотрела на работу Сисси.

— Отлично сделано! Халат будет как новенький.

Старая женщина поблагодарила ее улыбкой. Молодая вновь повернулась ко мне.

— Вы навещали Адама Кайта, сэр?

— Да.

— Как жаль его родителей!

Она поколебалась, бросила быстрый взгляд в сторону открытой двери и, понизив голос, сказала:

— Многие здесь боятся Адама. Боятся, что он одержим дьяволом. А смотритель Шоумс надеется на то, что, не получая лечения, он совсем захиреет и умрет.

Она наморщила лоб.

— Шоумс — нехороший человек.

— Я только что преподавал смотрителю Шоумсу примерный урок. У него будут крупные неприятности в суде, если он не обеспечит Адаму должного ухода. А вам спасибо за информацию.

Я улыбнулся женщине.

— Как вас зовут?

— Эллен Феттиплейс, сэр.

Она поколебалась и спросила:

— Что за хворь у юного Адама? Я никогда не слышала о подобных случаях.

— Я тоже. Но у меня есть знакомый доктор, и он приедет, чтобы осмотреть мальчика. Он хороший человек.

— А вот от доктора Фрита нет никакого толку.

— Приятно видеть, что хоть одному смотрителю есть дело до своих подопечных.

Женщина вспыхнула.

— Вы очень добры, сэр.

— Как случилось, что вы стали здесь работать, Эллен?

Она подняла на меня взгляд и грустно улыбнулась.

— Я сама была пациенткой Бедлама.

— О-о! — изумленно протянул я.

Эта женщина производила впечатление самого вменяемого человека из всех, кого я встретил здесь сегодня.

— Мне предложили должность помощника смотрителя, когда мне...

стало лучше.

— Вы не захотели уходить отсюда?

И снова грустная улыбка.

— Я никогда не смогу уйти отсюда, сэр. Я не покидала стен Бедлама вот уже десять лет. Здесь я и умру.

Глава 4

Следующие два дня я был занят в суде, но вторая половина четверга выдалась свободной, и я организовал встречу Роджера с Гаем. Это был Великий четверг Страстной недели, завершающейся Пасхой, и, возвращаясь из суда в Вестминстере в Линкольнс-Инн, я видел, что церкви вновь заполнены прихожанами. Завтра покровы, которые скрывали алтари во время Великого поста, уберут, и те из прихожан, которые остались верны старым традициям, поползут на коленях к кресту. После мессы с алтарей снимут праздничное убранство в память о том, что Христос бы предан после Тайной вечери, а в Уайтхолле король совершит омовение ног двенадцати беднякам.

Я с грустью думал о том, как мало все это значит для меня теперь. Близилась четыре выходных праздничных дня, но для меня они будут наполнены скукой и праздностью. Утешало только одно: после окончания поста Джоан обещала приготовить запеченное седло барашка.

На дворе по-прежнему стоял холод, а небо оставалось пепельно-серым, хотя снега больше не было. Перед тем как отправляться за Роджером, я заглянул в свою контору и с удовольствием увидел, что в камине весело полыхает огонь. Барак и мой младший клерк Скелли трудились за письменными столами. Я снял отороченную мехом накидку и стал греть руки у огня. Поглядев на Барака, я заметил, что он чисто выбрит, но на его дублете не хватало пуговицы, а на груди виднелось подозрительное пятно — похоже, от пива.

«Интересно, где он шлялся всю ночь?» — подумал я и снова вспомнил о Тамазин.

Их дом располагался рядом с лавкой Гая, и я решил, что на обратном пути, захватив Роджера, загляну к ним, словно невзначай.

— Я заходил в канцелярию суда, — сообщил Барак. — Апелляция по делу Адама Кайта будет слушаться в следующий вторник, тогда же, когда и дело Коллинза.

— Хорошо.

Меня так и тянуло посоветовать ему почистить дублет, но не хотелось, чтобы мои речи напоминали нравоучения сварливой старухи. Кроме того, я знал: у Барака хватит ума явиться на судебное заседание в незаляпанной одежде. Я быстро просмотрел новые документы, поступившие из суда, и снова набросил на плечи накидку.

— Я собираюсь отвести мастера Эллиарда к Гаю, — сообщил я.

Барак внимательно разглядывал что-то за окном.

— Что это там со старым мерзавцем Билкнэпом? — с любопытством спросил он.

— С Билкнэпом?

Я подошел и тоже посмотрел во двор.

— Похоже, он вот-вот откинёт копыта.

Мой старинный недруг сидел на лавке возле все еще замерзшего фонтана. На снегу рядом с ним лежал ранец. Даже на таком расстоянии в глаза бросалась нездоровая бледность его худого лица.

— Действительно, что это с ним? — удивился я.

— Говорят, он уже не первую неделю болеет, и с ним постоянно приключаются обмороки, — сообщил Скелли из-за своего письменного стола.

— То-то мне-то показалось, что во время спектакля он выглядел неважно.

— Надеюсь, все-таки ничего серьезного, — пробормотал Барак.

Я загадочно улыбнулся.

— Мне пора идти.

Покинув их, я двинулся через Гейт-хаус-корт. Чтобы добраться до жилища Роджера, нужно было миновать фонтан. Билкнэп не шевелился. Его худое тело буквально утонуло в богатой шубе, подбитой мехом куницы, но, даже несмотря на столь теплое одеяние, погода не располагала расслаиваться на лавке.

Поравнявшись с ним, я остановился.

— Брат Билкнэп, — окликнул я его, — с вами все в порядке?

Он бросил на меня быстрый взгляд и тут же отвел глаза в сторону. Этот человек вообще не выносил прямых взглядов.

— У меня все прекрасно, брат, — процедил он. — Просто решил присесть ненадолго.

— Вы уронили ваш ранец. Он промокнет.

Билкнэп наклонился и поднял ранец. Я обратил внимание, что у него трясутся руки.

— Уходите! — сказал он.

Меня удивило то, что он выглядел испуганным.

— Я лишь хотел помочь, — сухо пояснил я.

— Вы? Помочь мне?

С его губ сорвалось насмешливое кудахтанье. Он поднялся с лавки и поплелся прочь. Я покачал головой и пошел своей дорогой.

Роджер находился в своей приемной. Он держал в длинных пальцах письменное показание, изучая его при свете свечи, поскольку день был пасмурным.

— Подожди минутку, Мэтью, — с улыбкой попросил он.

Дочитав документ до конца, Роджер с довольным кивком передал его клерку.

— Отличная работа, Бартлетт. Очень хороший черновик. А теперь, Мэтью, пойдем повидаем эту твою клистирную трубку.

Мой друг нервно улыбнулся.

— Я вижу, ты надел сапоги для верховой езды. Очень предусмотрительно. Я тоже переобуюсь, чтобы не погубить хорошие туфли в снежной каше.

Он захватил свои башмаки из крепкой старой кожи, которые часто носил, и мы пошли к конюшням.

— Обмороков больше не было? — осторожно поинтересовался я.

— Нет, слава богу.

Роджер глубоко вздохнул. Я видел, что тревога не отпускает его.

— У тебя сейчас много работы? — спросил я, чтобы отвлечь друга от грустных мыслей.

— Так много, что у меня не хватает рук.

Роджер был несравненным специалистом в области ведения судебных дел и по возвращении в Лондон в значительной степени упрочил свою и без того блестящую репутацию.

— Сегодня, после того как мы вернемся от доктора, мне нужно повидаться с одним клиентом, дело которого я буду вести «про боно».^[10]

Роджера окликнул женский голос, и мы обернулись. К нам спешила Дороти в одном домашнем платье, неся в руках что-то, завернутое в клеенку.

— Ты забыл это, — сказала она.

Роджер покраснел и взял из рук жены загадочный предмет.

— Это его моча, — чистосердечно пояснила женщина. — Для доктора.

Роджер смущенно улыбнулся и пробормотал:

— Ну что бы я без нее делал?

— Забыл бы где-нибудь собственную голову, муженек, — ответила Дороти и поежилась.

— Возвращайся в дом, дорогая, — сказал Роджер, — а не то тебе тоже понадобится доктор.

— Уже иду. Счастливо, любовь моя. До свидания, Мэтью. Приходи к

нам отужинать на следующей неделе.

Она повернулась и пошла к дому, обнимая себя руками от холода.

— Ненавижу обманывать ее. Она все еще думает, что у меня какие-то нелады со сварением желудка. Но я не хочу сильно ее тревожить.

— Я знаю. Пойдем, и постарайся не уронить свою драгоценную ношу.

Пока мы неторопливо ехали по Чипсайду, Роджер был погружен в свои мысли и потому неразговорчив. Торговцы складывали лотки, убирали товар, и нам приходилось то и дело лавировать между разбросанными по дороге пустыми коробками. В опасной близости от копыт наших лошадей воробьями суетились босоногие мальчишки в лохмотьях, подбирая с земли гнилые овощи — остатки прошлогоднего урожая, выброшенные торговцами. У раздаточной станции водовода опять собирались нищие. Один из них, размахивая палкой, на которую был насажен кусок протухшей свиной грудинки, вопил во все горло:

— Помогите Тому из Бедлама! Помогите бедному умалишенному! Видите? Вот, на палку насажено мое разбитое сердце!

— Он наверняка Бедлама и в глаза не видел, — сказал я Роджеру. — Если бы все нищие, которые утверждают, что они там побывали, говорили правду, Бедлам должен был бы быть размером с Вестминстер-холл.

— Каким образом там оказался твой клиент?

— Он действительно скорбен умом. На него нельзя смотреть без содрогания. Я хочу попросить Гая осмотреть мальчика. Может быть, он сумеет разобраться в причинах странного недуга, поскольку мне сие недоступно.

— Значит, доктор Малтон — знаток в душевных болезнях? — с неподдельным интересом спросил Роджер.

— Вовсе нет, — поспешил я успокоить товарища. — Но он практикует почти сорок лет и за это время сталкивался с самыми разными болезнями. И он очень хороший врач — не чета тем коновалам, которые знают лишь слабительное да кровопускание. Страх нашептывает тебе, что у тебя может обнаружиться падучая. Но такие же симптомы могут быть вызваны сотней других причин. Кроме того, у тебя ни разу не было даже намека на припадок.

— Видел я такие припадки. Ими страдал один из моих клиентов. Как-то раз он повалился прямо у меня в конторе и принялся в корчах кататься по полу. Изо рта у него шла пена, а от глаз остались видны одни только белки.

Роджер потерянно потряс головой.

— Жуткое зрелище, доложу я тебе. И эта напасть приключилась с беднягой, когда он уже был не первой молодости.

— Эта страшная сцена, которую ты видел, и заставляет тебя воображать всякие ужасы. Не знай я тебя как умного юриста, назвал бы нытиком и дураком.

— Может, так оно и есть, — усмехнулся Роджер.

Желая отвлечь друга от мыслей о собственной болезни, я рассказал ему про уличного проповедника, что стоял на Ньюгейте, суля реки крови.

— Может ли человек, который возвещает подобные вещи, быть хорошим христианином? — спросил я. — Даже несмотря на то, что в следующую минуту он уже разливался соловьем о сладости спасения.

Роджер покачал головой.

— Мы живем в сумасшедшем и злом мире, Мэтью. *Mundus furiosus*.^[11] Это мир, в котором все против всех, а молитвы наполнены и ненавистью, и злостью. Радикалы предсказывают конец света, потешая одних и смущая других.

Роджер посмотрел на меня с печальной улыбкой.

— Помнишь, в юности мы читали о глупости торговли индульгенциями, о бесконечных церемониях и мессах на латыни, которые не позволяли обычным людям понять смысл посланий Иисуса?

— О да, мы тогда были завзятыми книгочеями. Вспомнить хотя бы книги Хуана Вивеса, писавшего о том, что христианский правитель может положить конец безработице, поощряя общественные работы, строительство больниц и школ для бедных. Но мы тогда были молоды и полны мечтаний, — с горечью закончил я.

— Мечтаний о христианском обществе, живущем в добре и гармонии. — Роджер вздохнул. — Ты гораздо раньше меня понял, что все вокруг прогнило.

— Я тогда служил у Томаса Кромвеля.

— А я всегда был настроен более радикально, чем ты.

Он повернулся ко мне.

— И все же я по-прежнему верю в то, что государство и церковь, не будучи намертво связаны с Папой Римским, могут быть превращены в нечто хорошее и глубоко христианское, несмотря на продажность наших властителей и всех этих новых фанатиков.

Я ничего не ответил.

— А ты, Мэтью? — спросил Роджер. — Во что ты веришь сегодня? Ты никогда не говоришь об этом.

— Я и сам не знаю, Роджер, — тихо признался я. — Нам сворачивать.

Давай сменим тему разговора. Улицы здесь узкие, дома — совсем близко, а наши голоса слышны далеко. Нынче нужно говорить с осторожностью.

Солнце уже садилось, когда мы въехали на узкую улочку в Баклсбери, где жил и работал Гай. На ней было видимо-невидимо аптекарских лавок, и Роджер изменился в лице, увидев чучела аллигаторов и прочие диковинные предметы, выставленные в витринах. Когда мы спешили и привязали лошадей к ограде, он испытал огромное облегчение, обнаружив, что в витрине Гая нет ничего ужаснее стеклянных банок с разноцветными пилюлями.

— Почему твой друг обосновался в такой дыре, если он действительно хороший врач? — спросил Роджер, доставая склянку с мочой из седельной сумки.

— Гая только в прошлом году приняли в корпорацию врачей — после того, как он спас ногу богатому олдермену. До этого из-за темной кожи и того, что раньше он был монахом, его туда не пускали, несмотря на то что во Франции Гай получил степень доктора. Он мог быть только аптекарем.

— Но почему он по-прежнему остается здесь? — недоумевал Роджер.

Он сморщился от отвращения, заметив в соседней витрине детеныша мартышки в банке с рассолом.

— Он говорит, что привык к жизни здесь.

— Среди всех этих чудищ?

— Это всего лишь бедные мертвые существа. — Я ободряюще улыбнулся. — Некоторые аптекари утверждают, что сушеные части человеческих тел, растертые в порошок, могут творить чудеса. Гай к их числу не относится.

Я постучал в дверь, и ее почти сразу открыл мальчик в синем халате подмастерья. Это был ученик аптекаря Пирс Хаббердин, которого Гай взял в обучение годом раньше. Высокий темноволосый подросток, он обладал столь привлекательными чертами, что на улице вслед ему оборачивалось множество женских головок. Гай говорил, что ученика отличают необычайное трудолюбие и добросовестность, что было большой редкостью среди лондонских подмастерьев, получивших печальную известность из-за расхлябанности и отсутствия дисциплины. Парень отвесил нам низкий поклон.

— Добрый вечер, мастер Шардлейк. А вы, должно быть, мастер Эллиард?

— Да.

— Это, наверное, ваш анализ мочи? Позвольте, я заберу его.

Роджер с видимым облегчением избавился от треклятой склянки, и Пирс провел нас в лавку.

— Сейчас я позову доктора Малтона, — сказал он и оставил нас.

Я вдыхал сладкий мускусный запах лечебных трав, который наполнял врачебный кабинет Гая, Роджер рассматривал снабженные аккуратными ярлыками банки, выстроившиеся на полках. Маленькие пучки сушеных трав лежали на столе, где стояли ступка с пестиком и крошечные весы вроде тех, что используют золотых дел мастера. Над столом висела диаграмма с изображением четырех стихий и типов человеческого темперамента, отвечающих каждому из них: меланхолический, флегматический, сангвинический и холерический. Роджер внимательно изучил картинку.

— Дороти утверждает, что я легкий, жизнерадостный человек холерического склада, — заметил он.

— С некоторым налетом флегматичности. Если бы твой характер был бы столь мягок, ты не смог бы работать юристом.

— А ты, Мэтью, вечный меланхолик. Тебя отличает привычка видеть все в черном цвете.

— Я не был таким пессимистом до тех пор, пока полтора года назад меня не свалила лихорадка.

Я посмотрел на друга серьезным взглядом.

— Если бы не Гай, она свела бы меня в могилу. Не переживай, Роджер, он поможет тебе.

Наконец в комнату вошел Гай, и я с облегчением повернулся к нему. Гаю уже стукнуло шестьдесят, и его волосы — черные, когда мы с ним познакомились, — побелели. На их фоне еще сильнее выделялась темно-коричневая кожа его лица. Я заметил, что у него начала развиваться полнота, свойственная почти всем пожилым людям.

Когда мы познакомились шесть лет назад, Гай был монастырским лекарем. Тогда монастыри давали приют многим чужеземцам, среди которых оказался и Гай Малтон. Его родиной был испанский город Гренада, а предки — мусульманами. Он сменил рясу бенедиктинца на аптекарский халат, а теперь носил уже черное, с высоким воротником, платье врача.

Когда Гай вошел, он показался мне озабоченным, словно его грызла какая-то печаль. Но когда он поднял глаза на нас, широкая улыбка осветила лицо моего друга.

— Здравствуй, Мэтью, — сказал он со своим экзотическим акцентом. — А вы, верно, мастер Эллиард?

Темные глаза внимательно ощупывали Роджера.

— Да, — ответил Роджер, нервно шаркнув ногой.

— Пойдемте в мой смотровой кабинет, поглядим, что там у вас за беда.

— Я принес мочу, как вы и просили, и отдал ее мальчику.

— Хорошо. — Гай улыбнулся. — Хотя в отличие от некоторых моих коллег я не основываюсь в своих диагнозах исключительно на анализе мочи. Для начала я осмотрю вас. Ты подождешь нас здесь, Мэтью?

— Конечно.

Оставшись в одиночестве, я опустил на стул у окна. Вечерело, бутылки и склянки отбрасывали длинные тени на пол. Я снова стал думать об Адаме Кайте. Тревога не покидала меня. А что, если Гай, который продолжал втайне от всех хранить верность прежним религиозным догматам, тоже признает Адама одержимым? Я поймал себя на том, что на протяжении двух последних дней часто вспоминаю темноволосую женщину-смотрителя. Почему она никогда не сможет покинуть Бедлам? Может быть, ее пребывание в больнице является неким принудительным заключением?

Открылась дверь, и в комнату вошел Пирс со свечой в руке и большой книгой под мышкой. Книгу он поставил на высокую полку, рядом с несколькими другими, а свечу установил в длинный подсвечник и зажег ее. К аромату трав добавился запах горячего воска.

Затем подмастерье повернулся ко мне и спросил с отменной учтивостью:

— Вы не будете возражать, если я продолжу мою работу, сэр?

— Сделайте милость.

Молодой человек сел за стол, взял пучок трав и принялся толочь их в ступке. Предварительно он засучил рукава своей робы, и я видел, как на его руках перекачиваются сильные мускулы.

— Давно ли ты работаешь на доктора Малтона? — спросил я.

— Всего лишь год.

Он повернулся ко мне и улыбнулся, продемонстрировав ослепительно белые зубы.

— Твой прежний хозяин умер?

— Да, сэр. Он жил на соседней улице. После его внезапной смерти доктор Малтон взял меня к себе. Для меня это стало большой удачей. Он человек редких знаний и к тому же очень добрый.

— Это точно, — согласился я.

Пирс снова занялся работой. Как же сильно он отличался от других подмастерьев, шумных бездельников, вечно ввязывающихся в разного рода

неприятности! Самообладание, уверенность, сквозившие в каждом его движении и слове, подходили скорее мужчине, чем мальчику.

Гай и Роджер вернулись только через час. Уже изрядно стемнело, и Пирсу приходилось низко наклоняться над столом, чтобы видеть свою работу. Гай положил руку ему на плечо.

— Хватит на сегодня, дружок. Иди и поужинай. Но сначала принеси нам пива.

— Да, сэр.

Пирс поклонился и вышел. Я взглянул на Роджера и с удовольствием увидел на его лице чувство глубочайшего облегчения.

— У меня нет падучей! — ликуя, сообщил он.

Гай тонко улыбнулся.

— Самые странные вещи могут иметь простейшее объяснение. Я всегда предпочитаю начинать с поисков самого простого объяснения, которое, как учил нас Уильям Оккам,^[12] чаще всего и является истинным. Поэтому я начал с осмотра ног мастера Эллиарда.

— Он заставил меня стоять босым, измерил мои ноги, а потом уложил на кушетку и принялся сгибать и разгибать их. Должен признаться, я был удивлен. Я ехал сюда, рассчитывая узнать диагноз, основанный на анализе мочи...

— Однако это нам не понадобилось, — с видом триумфатора улыбнулся Гай. — Я обнаружил, что правая стопа мастера Эллиарда заметно заворачивается в сторону левой, а причина этого состоит в том, что левая нога слегка длиннее правой. Этот дефект формировался годами, а спасением от него является специальный башмак с деревянной вставкой, который исправит походку. Я велю юному Пирсу изготовить такой для вас. У него очень умелые руки.

— Не могу выразить вам всей глубины моей благодарности, сэр, — с искренней теплотой проговорил Роджер.

В дверь постучали. Вернулся Пирс с тремя оловянными кружками на подносе, который он поставил на стол.

— Давайте выпьем за счастливое избавление мастера Эллиарда от падучей.

Гай взял стул и подвинул второй Роджеру.

— Роджер подумывает о том, чтобы собрать по подписке деньги на организацию больницы, — сообщил я Гаю.

Гай грустно покачал головой.

— Больницы крайне нужны этому городу. Это был бы добрый и глубоко христианский поступок. Возможно, и я смогу чем-то помочь,

посоветовать?

— Это было бы очень благородно с вашей стороны, сэра.

— Роджер до сих пор разделяет идеалы Эразма, — сказал я.

Доктор кивнул.

— Я тоже когда-то изучал труды Эразма. Они пользовались большой популярностью, когда я впервые приехал в Англию. Мне казалось, что в его рассуждениях о чрезмерном богатстве церкви и о ее излишней приверженности внешним церемониям что-то есть, но большинство моих собратьев, монахов, так не считали, утверждая, что его пером водила легкомысленность.

Лицо Гая потемнело.

— Возможно, они были более прозорливы, чем я, и уже тогда предвидели, что разговоры о реформах рано или поздно приведут к разрушению монастырей и всему, что последовало за этим. И ради чего? — с горечью спросил он. — Ради того, чтобы восторжествовали жадность и страх.

Речи Гая в защиту монахов заставили Роджера почувствовать неловкость. Я перевел взгляд с одного на другого. Гай в душе по-прежнему оставался католиком, Роджер раньше был радикальным сторонником реформ, но потом стал умеренным, а я находился даже не между ними, а вообще в стороне, особняком. Довольно одинокое местечко.

— У меня есть еще одно дело, в связи с которым я хотел попросить у тебя совета, Гай, — решил я сменить тему. — Это случай, связанный с психическим расстройством на религиозной почве или, по крайней мере, похожий на него.

Я рассказал ему историю Адама Кайта.

— И вот, Тайный совет взял да и упрятал его в Бедлам — с глаз долой, из сердца вон, — заключил я свой рассказ. — Родителя парня хотят, чтобы я вытащил их сына оттуда, но мне думается, что это не самая лучшая мысль.

— Мне известно о случаях навязчивой влюбленности, — задумчиво протянул Роджер, — но навязчивая религиозность... О таком я не слышал.

— Я слышал, — сказал Гай.

Мы оба повернулись и уставились в его темное непроницаемое лицо.

— Это новое психическое заболевание, которое Мартин Лютер добавил в копилку человеческих несчастий.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался я.

— Всегда существуют люди, которые ненавидят себя и изводят себя, испытывая чувство вины за реальные или вымышленные проступки. Я

неоднократно встречался с подобными случаями в бытность свою монастырским врачевателем. Мы всегда говорили таким людям, что Господь прощает каждого, кто раскаялся в своих грехах, ибо Он никого не обходит своей милостью.

Гай поднял голову, и в его голосе зазвучал гнев, что случилось с ним крайне редко.

— Но теперь нам говорят, что Бог будто бы по какому-то собственному капризу решил одних спасать, а других предавать вечному проклятию. Но если вы не можете рассчитывать на Божественную милость, вы обречены. Это один из основных постулатов Лютера. Я знаю, я читал его. Лютер может чувствовать себя ничтожной тварью, спасенной милостью Божьей, но задумался ли он над тем, чем может обернуться его философия для других, которые не обладают его внутренней силой и надменностью?

— Если бы это было правдой, разве не сошла бы с ума половина человечества? — спросил Роджер.

Гай неожиданно ответил на этот вопрос другим вопросом:

— А вот вы верите в то, что на вас лежит милость Божья?

— Я надеюсь на это. Я стараюсь жить по совести и верить в то, что могу быть спасен.

— Да, большинство, как вы и я, предпочитают жить надеждой на спасение, оставляя все остальное на усмотрение Бога. Но сейчас появились такие, которые абсолютно уверены в том, что они уже спасены. Эти люди могут быть опасны, поскольку считают себя особыми, не такими, как все остальные. Однако у любой монеты есть две стороны, поэтому существуют и другие — те, кто страстно желает уверенности и в то же время полагает себя недостойным. Такое состояние может обернуться тем, что происходит сейчас с вашим бедным юношей. Я слышал, это называют манией спасения души, хотя вряд ли этот термин способен передать те муки, что испытывают люди, страдающие этим заболеванием.

Он помолчал.

— Однако главный вопрос, я полагаю, заключается в другом: почему мальчик вдруг стал одержим чувством собственной греховности?

— Может, он и вправду натворил каких-нибудь великих грехов? — предположил я и с облегчением увидел, как Гай отрицательно помотал головой.

— Нет. Обычно в таких случаях речь идет о маленьких, незначительных проступках. Великими их делает то, как работают головы этих людей.

— Ты сможешь мне выяснить, что это, Гай? Некоторые в Бедламе

считают Адама одержимым дьяволом. Боюсь, они могут причинить ему вред.

— Я съезжу туда и взгляну на него, Мэтью, — пообещал Гай. — Разумеется, я поеду как врач, а не как бывший монах, иначе он и впрямь перепугается, подумав, что оказался в лапах дьявола.

Внезапно вид у моего друга сделался усталым и постаревшим.

— Спасибо. Юный Пирс поистине неутомимый работник, — зачем-то заметил я.

— Да, он хороший ученик, — ответил Гай и тихо добавил: — Возможно, даже лучше, чем я заслуживаю.

— О чем это ты? — озадаченно спросил я.

Он пропустил мой вопрос мимо ушей.

— Пирс вдобавок ко всему еще и очень умен. Он все схватывает на лету. — Гай неожиданно улыбнулся, отчего его лицо неузнаваемо изменилось. — Позвольте, я покажу вам кое-что. То, что я обсуждал с Пирсом, то, что является новым словом в искусстве врачевания, и то, чего не приемлют многие мои коллеги по цеху.

Гай встал, подошел к полке, снял с нее ту самую книгу, которую незадолго до этого поставил туда подмастерье, и с превеликой осторожностью положил фолиант на стол. Мы с Роджером встали по бокам от него.

— «De Humani Corporis Fabrica», — негромко прочитал Гай. — Трактат «О строении человеческого тела». Только что вышел из печати. Мне привез его мой друг, немецкий торговец. Это анатомический атлас, написанный Андреасом Везалием, фламандским врачом, работающим в Италии. Там давно разрешено посмертное вскрытие человеческих тел, в то время как здесь оно до последнего времени находилось под запретом.

— Старая церковь не одобряла этой практики.

— И была не права. Везалий стал первым за многие века, а то и вообще за всю историю медицины ученым, который в столь беспрецедентных масштабах занялся препарированием человеческих тел. И знаете, что он обнаружил? Что древние — Гиппократ и Гален — эскулапы, на авторитет которых прежде было нельзя покушаться без риска вылететь из корпорации врачей, ошибались!

Гай повернулся к нам. Его темные глаза блестели.

— Везалий доказал, что древние заблуждались во многих своих описаниях внутренних органов человеческого тела. А все потому, что им не было разрешено анатомировать трупы и их описания основывались на исследовании не человеческих органов, а органов животных.

Гай засмеялся.

— Эта книга наделает много шума. Научное общество попытается всячески дискредитировать, а то и вовсе запретить ее.

— Но откуда нам знать, что Везалий был прав, а древние эскулапы ошибались?

— Это легче легкого, стоит лишь сравнить описания и рисунки из этой книги с тем, что мы видим, препарировав человеческое тело. Сейчас для публичного вскрытия доступны тела четырех повешенных преступников.

При этих словах я внутренне съежился, поскольку всегда отличался некоторой брезгливостью, но Гай продолжал:

— И в правильности того, о чем я сейчас говорил, мне удалось убедиться лично.

— Каким образом? — осведомился Роджер.

— Лондонский коронер имеет право потребовать вскрытия трупа с целью выяснения причин смерти. Большинство врачей считают подобную работу ниже собственного достоинства, тем более что и платят за нее гроши. Но я предложил свои услуги, и это позволило мне убедиться в правоте Везалия. Он ни в чем не ошибся.

Гай медленно, почти благоговейно раскрыл книгу. Написанная на латыни, она включала множество иллюстраций великолепного качества, но в чем-то смешных и жестоких. По мере того, как доктор листал страницы, я видел изображение скелета, сидящего на столе в позе мыслителя, тело с начисто снятой кожей и выставленными на всеобщее обозрение внутренностями. В уголке рисунка с ворохом человеческих кишок сидел херувимчик, который испражнялся и при этом мило улыбался читателю.

Гай открыл книгу на странице с рисунком вскрытого человеческого сердца, лежащего на столе.

— Вот, — сказал он, — видите? У сердца четыре желудочка. Четыре, а не три, как нас всегда учили!

Я кивнул, хотя видел перед собой только ужасающую мешанину каких-то клапанов и тканей. Переведя взгляд на Роджера, я заметил, что тот заметно побледнел.

— Все это очень интересно, Гай, — поспешил я закончить неприятный разговор, — но, боюсь, несколько выходит за рамки нашего понимания. Кроме того, нам пора возвращаться в Линкольнс-Инн.

— Ну что ж, очень хорошо.

Обычно очень тонко чувствующий других людей, Гай сейчас, похоже, не ощутил, как покорила нас его книга. Он улыбнулся.

— Возможно, этот год является провозвестником наступления эры

чудес. Я слышал, некий польский ученый напечатал книгу, в которой доказывает, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот. Я уже попросил своего друга привезти мне экземпляр. В новом, тысяча пятьсот сорок третьем году мы можем оказаться на пороге нового мира.

— Вы знакомы со многими чужеземными торговцами? — с любопытством поинтересовался Роджер.

— Мы, кто выглядит и говорит иначе, чем остальные, должны держаться друг друга, — с невеселой улыбкой ответил Гай.

Он принес нашу одежду, а Роджер оставил на столе плату за консультацию. Гай пообещал, что лечебные вкладки в башмаки будут готовы не позже чем через пару недель. Роджер еще раз горячо поблагодарил Гая за помощь, и мы распрощались. Как только дверь захлопнулась, он стиснул мою руку.

— Не могу передать, насколько я благодарен тебе за то, что ты привез меня к доктору Малтону. Я твой должник навек!

— Какие могут быть долги между друзьями? — с улыбкой ответил я. — Рад, что сумел тебе помочь.

— Правда, можно было бы обойтись и без книги про разрезанные трупы, — пробормотал Роджер, когда мы отъезжали.

Двигаясь вверх по Баклсбери, мы доехали до Олд-Бардж, старинного здания времен Генриха III. Длинный особняк был превращен в переполненный жильцами доходный дом. Именно тут жили Барак и Тамазин.

— Послушай, Роджер, ты не будешь возражать, если здесь мы с тобой расстанемся? — спросил я. — Мне нужно кое-кого навестить.

Он посмотрел на дом и скептически вздернул бровь.

— Надеюсь, не какую-нибудь дешевую шлюху? Я слышал, здесь их хоть отбавляй.

— Нет, тут живут мой клерк и его жена.

— А я тогда отправлюсь повидаться со своим новым клиентом.

— Что за дело?

— Еще не знаю. Поверенный прислал мне письмо и сообщил про своего клиента, у которого в Саутуорке возник какой-то имущественный спор. Клиент слишком беден, чтобы оплатить услуги барристера, но стряпчий утверждает, что дело интересное, и спрашивает, не возьмусь ли я за него безвозмездно. Все это пока звучит весьма расплывчато, но я обещал подъехать и встретиться с клиентом.

— Кто поверенный?

— Человек по имени Нантвик. Я прежде никогда не слышал о нем, но сейчас так много этой публики, рыскающей по судебным корпорациям в поисках любой, даже самой мелкой работы.

Роджер плотнее запахнул накидку.

— Впрочем, нынче слишком холодно для верховых поездок. Отправлюсь-ка я лучше домой и в спокойной обстановке отпраздную конец своих страхов.

Он развернул лошадь, но придержал ее. Воздух был холодным и густым от древесного дыма.

— И где только потерялась весна? — спросил он, махнул мне рукой на прощание и растворился в ночной темноте.

Я спешил и пошел к освещенным окнам Олд-Бардж.

Глава 5

Я посещал жилище Барака еще в дни, предшествовавшие его женитьбе на Тамазин, и до сих пор помнил, какая именно из некрашенных дверей с улицы вела к нескольким ветхим квартирам, на которые был разделен старый, полуразвалившийся дом. Поднимаясь в кромешной темноте по немилосердно скрипучим ступеням, я неизменно испытывал ощущение, что все это жалкое сооружение вот-вот обрушится.

Я помнил жилище Барака как типичное логово молодого холостяка: горы грязных тарелок на столе, разбросанная по полу одежда и мышинный помет по углам. Поэтому я обрадовался, когда он сообщил, что после свадьбы они переберутся в маленький домик, расположенный где-то возле Линкольнс-Инн. Но впоследствии им пришлось отказаться от этого плана, к моему великому огорчению: Олд-Бардж был совсем неподходящим местом для молодой девушки, особенно столь домовитой, как Тамазин.

На втором этаже я постучал в дверь их каморки. Через минуту дверь приоткрылась, и я увидел головку с аккуратной прической, золотистым абрисом выделяющуюся на фоне света горевшей внутри свечи.

— Кто там? — нервно спросила женщина.

— Я, мастер Шардлейк.

— Ах, это вы, сэр! Добро пожаловать.

Тамазин распахнула дверь, и я вошел в большую комнату, служившую одновременно столовой, спальней и гостиной. Повсюду была видна заботливая женская рука: везде царил чистота, тарелки вымыты и аккуратно сложены в старом обшарпанном буфете, кровать аккуратно заправлена. Но в комнате пахло сыростью, а на стене по периметру окна бежали дорожки черной плесени. Было видно, что ее пытались оттереть, но плесень возвращалась снова и снова. Барака дома не было.

— Не желаете присесть, сэр? — Тамазин указала на стул возле стола. — Могу я взять вашу накидку? Барака, видите ли, нет дома.

— Нет, накидку я, пожалуй, оставлю. Я, гм, ненадолго.

На самом деле в комнате, где не горел огонь, было так холодно, что я не испытывал ни малейшего желания раздеваться. Я сел и принялся разглядывать Тамазин. Она была очень привлекательной молодой женщиной двадцати с небольшим лет, с высокими скулами, большими голубыми глазами и полными губами. До замужества она гордилась тем, что никогда не отказывала себе в хорошей одежде, теперь же на ней было

бесформенное серое платье с застиранным белым фартуком, а ее светлые волосы скрывал большой чепец домохозяйки. Она радостно улыбнулась, но от меня не укрылось, что ее плечи ссутулились, а глаза потухли.

— Давненько я вас не видела, сэр, — проговорила она.

— Почти полгода. Как поживаете, Тамазин?

— О, весьма хорошо. Какая жалость, что нет Джека!

— Это неважно. Я отводил друга на консультацию к доктору Малтону, а на обратном пути проезжал мимо и решил заглянуть к вам.

— Не желаете ли кружечку пива, сэр?

— Желаю, но мне, пожалуй, пора отправляться.

Я знал, что нарушаю правила приличия, находясь с ней наедине.

— Нет, сэр, не уходите! Ведь мы же с вами старые друзья.

— Надеюсь, что так.

— Мне сейчас очень нужна добрая компания.

Она отошла, налила в кружки пива из кувшина, стоявшего в кухонном шкафу, принесла их к столу и села на стул, стоявший напротив меня.

— Доктор Малтон сумел помочь вашему другу?

Я сделал глоток пива, оказавшегося, к моему удивлению, приятно крепким.

— Да. Мой друг вдруг стал без видимых причин часто терять сознание и решил, что у него приключилась падучая, но, как оказалось, у него какие-то нелады с ногами.

Тамазин улыбнулась — тепло, как в старые добрые времена.

— Представляю, какое облегчение он испытал!

— Это точно. Сейчас, небось, пляшет от радости, невзирая на неправильные ноги.

— Доктор Малтон — хороший человек. Ведь это он спас вас, когда позапрошлой зимой вы заболели лихорадкой.

— Да, я обязан ему жизнью.

— А вот моему бедному маленькому Джорджи он помочь не сумел.

— Я знаю.

Она смотрела на пустое место у дальней стены.

— Он родился мертвым, мертвым лежал в своей маленькой колыбельке, которую мы сделали сами и поставили вон там.

Женщина перевела на меня глаза, полные боли.

— Потом я не хотела, чтобы Джек убирал колыбельку. Мне казалось, пока она здесь, какая-то частица Джорджи тоже остается с нами. Но ему было невыносимо любое напоминание об этой потере.

— Приношу извинения за то, что я не пришел повидать вас после этой

трагедии, Тамазин. Я собирался, но Джек сказал, что вам лучше побыть наедине друг с другом.

— Я была сама не своя. Джек не хотел, чтобы вы видели меня такой. А вы? Как ваше здоровье, сэр?

— Весьма удовлетворительно, — улыбнулся я. — Много работаю и процветаю, в том числе и благодаря вашему Джеку.

— Он просто восхищается вами, сэр. Все время рассказывает о том, как мастер Шардлейк выиграл то или иное дело, «обнаружив новые доказательства и опрокинув все бастионы противника».

— Правда? — Я рассмеялся. — Мне действительно кажется, что иногда он смотрит на меня как на полководца.

— Так и есть, сэр.

Я улыбнулся женщине. Когда мы впервые познакомились два года назад во время большого королевского путешествия в Йорк, уверенная в себе, полная жизни Тамазин поначалу вызывала у меня некоторые подозрения, но по мере того, как мы сообща преодолевали опасности, я проникся к ней поистине отцовской привязанностью. Глядя на уставшую домохозяйку, сидевшую напротив, я думал: куда девалось все это?

Эти мысли, видимо, невольно отразились на лице, потому что губы Тамазин задрожали, а по щекам скатились две крупные слезы. Она опустила голову.

— Тамазин, — проговорил я, приподнявшись на стуле. — Ну зачем вы это?

— Простите, сэр.

— Ну же! По сравнению с тем, через что нам пришлось пройти в Йоркшире, несколько слезинок — ничто. Расскажите мне, что вас тревожит?

Она, захлебываясь, вздохнула, вытерла глаза рукавом и повернула ко мне заплаканное лицо.

— Все началось со смертью ребенка, — тихо заговорила она. — Для Джека она стала таким же потрясением, как для меня. Говорят, когда умирает ребенок, сердце матери каменеет, но у Джека оно окаменело тоже. О, он так зол!

— На вас?

— На всех. На самого Бога. Он считает, что Всевышний поступил жестоко, забрав у него ребенка. Он и раньше не особенно часто ходил в церковь, а теперь и вовсе носу туда не кажет. Завтра Пасха, но он не пойдет ни на литургию, ни на исповедь.

— А вы пойдете?

— Да, хотя... Я чувствую, будто из меня тоже выдавили веру. Но вы же меня знаете, — добавила она с оттенком своего прежнего юмора. — Я предпочитаю находиться на той стороне, где и власть.

— В наши дни это очень осмотрительно.

— По словам Джека, я хожу в церковь лишь для того, чтобы похвастаться своими лучшими нарядами.

— Да...

Она посмотрела на свой фартук.

— Что ж, в этом есть доля правды. После того как целую неделю носишь вот это, хочется хоть изредка приодеться во что-нибудь нарядное. Но я опасаясь, что, если Джек и дальше будет упрямо отказываться посещать церковь, это привлечет внимание, поползут слухи, церковные старосты начнут задавать вопросы, и в итоге он окажется в беде. Тем более что всем известно: в его жилах течет иудейская кровь.

Тамазин скорбно сложила губы, помолчала и добавила:

— Он мечтал о том, что его род продолжится через нашего ребенка, и все время говорит об этом, когда напьется.

— Он часто пьет?

Я вспомнил, каким потрепанным выглядел мой помощник сегодня утром.

— Все чаще. Уходит со своими старыми приятелями и иногда пропадает ночами. Вот и сейчас где-то шляется. И я думаю, что он водит шашни с другими женщинами.

— С кем? — ошеломленно спросил я.

— Не знаю. Наверное, с соседками. Вам же известно, что за публика здесь обитает.

— Вы в этом уверены?

Она посмотрела мне прямо в глаза.

— Да. Запах, который исходит от него иногда по утрам, не оставляет места для сомнений.

— Нет ли признаков того, что через какое-то время у вас может появиться... другой ребенок?

— Нет. Наверное, я, как старая королева Кэтрин Арагонская, не способна производить на свет здоровое потомство.

— Ну-ну, зачем вы так! Ведь со времени смерти вашего первенца прошло — сколько? — всего полгода. Разве это срок, Тамазин?

— Этого хватило, чтобы Джек отвернулся от меня. Иногда в пьяном виде он начинает сетовать на то, что я, дескать, подавила его, превратила в домашнее существо.

Она обвела взглядом свое убогое жилище.

— Как будто здесь можно хоть кого-то превратить в домашнее существо!

— Иногда Джек бывает невыносим, даже жесток.

— Что ж, он хотя бы не бьет меня. А ведь многие мужья поколачивают своих жен.

— Тамазин...

— О, протрезвев, он извиняется, он снова полон любви, называет меня цыпочкой, говорит, что не хотел меня обидеть, а все злые слова произносил лишь от злости на то, что Бог забрал у него сына. В этом я с ним согласна. Почему Господь поступает столь жестоко? — спросила женщина с внезапно вспыхнувшей в голосе злостью.

Мне оставалось лишь покачать головой.

— У меня нет ответа на этот вопрос, Тамазин. Подобные вещи и меня ставят в тупик.

— Сэр, — заговорила она, выпрямившись и устремив на меня взгляд, — не могли бы вы поговорить с Джеком, выяснить, что у него на уме? Он в последнее время стал таким странным, непредсказуемым. Я уже даже не знаю, нужна ли я ему еще.

— О Тамазин! — воскликнул я. — Я уверен в том, что он вас по-прежнему любит. А вот говорить с ним на такие темы — вещь непростая. Если он узнает о том, что мы с вами обсуждали вашу семейную жизнь, то не на шутку разозлится.

— Да, он гордый. Но вы все же могли бы попытаться выяснить хоть что-нибудь.

Она смотрела на меня умоляющим взглядом.

— Я знаю, вы умеете заставить людей разговориться, а мне больше некого попросить о помощи.

— Я постараюсь, Тамазин, но торопиться не буду. Для этого нужно очень тщательно выбрать подходящий момент.

Она согласно кивнула.

— Благодарю вас.

Я встал.

— А теперь мне пора идти. Если он сейчас вернется и застанет вас изливающей мне свои печали, то не на шутку рассердится.

Я положил ладони на ее руки.

— Но если вам станет совсем невмоготу или захочется с кем-нибудь поговорить, отправьте мне записку, и я буду тут как тут.

— Вы так добры, сэр! Иногда я часами сижу, как бесчувственное

бревно, и таращусь на эти пятна плесени, не ощущая в себе сил, не понимая, что со мной происходит. Я снова и снова отчищаю плесень, а она возвращается опять.

Женщина вздохнула.

— Это не старые добрые времена, когда я прислуживала бедной королеве Кэтрин Говард. О, я была всего лишь ничтожнейшей из служанок, но там всегда было что-нибудь интересное.

— И опасное, как показало время, — с улыбкой вставил я.

— Верно.

Тамазин помолчала.

— Говорят, скоро будет новая королева. Вдова Кэтрин, леди Латимер. Она станет шестой. С ума сойти можно!

— Действительно, странно.

Тамазин удивленно покачала головой.

— Ну был у нас еще когда-нибудь такой король?

Я оставил ее.

Спускаясь по темной, скрипучей лестнице, я вспоминал чудесный весенний день, когда поженились Барак и Тамазин. Я тогда, признаюсь, невольно завидовал их счастью. Холостяку несложно поверить в то, что все браки счастливы и благословенны. Именно это я наблюдал на примере Роджера и Дороти. Но сегодня я видел изнанку брака, грустные вещи, которые скрывались под его гладкой, ничем, казалось бы, не нарушаемой поверхностью. Я был прав, предположив, что в семье моего помощника не все ладно, но и подумать не мог, что дело обстоит так скверно.

— Чертов Барак! — выругался я, выйдя на улицу и едва не столкнувшись с джентльменом, входившим в дом, возможно, чтобы навестить одну из здешних шлюх.

Большую часть Страстной пятницы и пасхальной субботы я провел дома, работая над документами. На Пасху я не пошел в церковь. Погода оставалась не по сезону холодной, к тому же снова повалил снег. Я находился в состоянии беспокойства. В воскресенье даже достал карандаши и альбом для рисования.

В последний год я вернулся к своему старому хобби, рисованию, но в тот день из-под моего карандаша не выходило ничего путного. Я смотрел на пустой лист бумаги, но в воображении мелькали лишь какие-то расплывчатые круги и темные линии. Человек, находящийся в здравом уме, вряд ли мог бы составить из них хоть какое-то изображение.

Я улегся в постель, но уснуть не мог. В голове носились мысли о том,

как в разговоре с Бараком так подойти к теме о переживаниях Тамазин, чтобы не усугубить положение дел. Незаметно я задремал, и мне приснился несчастный безумец Адам Кайт. Будто я вхожу в жалкую каморку в Бедламе и вижу его скрючившимся на полу и отчаянно молящимся. Но, приблизившись, слышу, что в молитвах он называет не имя Господа или Иисуса, а мое. «Мастер Шардлейк...» — бормочет он и просит меня даровать ему спасение души.

Я проснулся в холодном поту.

Было темно, но до рассвета оставалось недолго, поэтому я решил, что могу заняться работой, несмотря на Светлое Христово Воскресенье. В конторе накопилось изрядно бумажной работы. Моя домохозяйка уже поднялась и донимала своего помощника, Питера, требованиями разжечь огонь, чтобы хоть немного согреть холодные с ночи комнаты. Я позавтракал, надел мантию, поверх нее — накидку и отправился на Канцлер-лейн, где располагался Линкольнс-Инн.

Выйдя из ворот, я заметил, что снова становится теплее, а выпавший снег превращается в жидкую ледяную кашу. Я оглянулся на свой дом. Высокие дымоходы, торчавшие на черепичной крыше, четко выделялись на фоне удивительного утреннего неба: бледно-голубые полосы перемежались с розовыми от восходящего солнца облаками. Я двинулся вперед, думая о прошениях, которые должны были слушаться во вторник. В их числе было и дело Адама Кайта. Миновав главные ворота и закрытую по случаю раннего часа сторожку, я пошел по слякотному двору к своей конторе.

День еще не наступил окончательно. Почти все окна были темны, кроме моих собственных! Должно быть, Барак, не заходя домой, вернулся сюда после загульной ночи.

«Ну, погоди, негодник!» — подумал я.

И тут подпрыгнул от мужского крика:

— О боже!

В тот же момент я увидел две фигуры, стоящие возле фонтана и глядящие в воду.

— О боже! — с ужасом воскликнул один из них.

Я повернулся и бросился к ним. Лед был расколот, а вода в чаше приобрела зловещий ярко-красный цвет. Сердце мое оборвалось.

Судя по коротким черным мантиям, в которые были одеты двое молодых людей, стоявших у фонтана, это были студенты. Один — низенький и плотный, второй — высокий и худой. Оба выглядели помятыми и невыспавшимися. По всей вероятности, они возвращались

после очередной студенческой попойки, длившейся всю ночь.

— Что там? — резко спросил я. — Что происходит?

Толстый студент повернулся ко мне.

— Там, в фонтане, человек, — дрожащим голосом проговорил он.

Второй показал на что-то, видневшееся из воды, и добавил:

— Вот, нога...

Я окинул их цепким взглядом, пытаюсь определить, не является ли все это глупой шуткой подгулявших студентов, но, подойдя поближе, заметил, что из гущи ледяной мешанины действительно торчит мужская нога, обутая в башмак. Сделав глубокий вдох, я наклонился и разглядел очертания черной мантии, которая, подобно крыльям, трепетала в красной воде.

На мгновение у меня закружилась голова, но я собрал волю в кулак и повернулся к студентам.

— Помогите мне вытащить его оттуда! — не терпящим возражений голосом приказал я.

Коротышка в испуге отшатнулся, но высокий, напротив, приблизился ко мне.

— Тяни его за ногу, — велел я, — а потом и я ухвачусь.

Молодой человек осенил себя крестным знамением, набрал в легкие воздуха и, ухватив утопленника за ногу возле колена, потянул на себя. Из воды появилось тело. Лед падал с него большими кусками. Второй студент пришел нам на подмогу.

Вытащив мертвеца, мы положили его на мокрую землю. Мантия облепила голову несчастного и скрывала его лицо. Я взглянул на тело. Это был хрупкий, худой мужчина.

— Поглядите на воду, — прошептал высокий студент.

Уже почти рассвело, и чаша фонтана теперь представляла собой круг цвета киновари.

— Она полна крови! — выдохнул второй. — Святой боже!

Я вновь повернулся к телу. Меня трясло, и не только от холодной воды, насквозь промочившей меня, пока я вытаскивал несчастного из фонтана. Я наклонился, взялся за край мантии и откинул ее в сторону, открыв лицо покойника.

— Господи Иисусе! — крикнул кто-то из студентов.

Он отвернулся, и я услышал натужные звуки рвоты.

Я же сидел, парализованный двойным ужасом. Первой причиной была глубокая зияющая рана на горле мужчины, протянувшаяся почти от уха до уха, ярко-красная на фоне мертвенно-бледной кожи. Второй — лицо

убитого.

Это был Роджер.

Глава 6

Несколько мгновений я не мог оторвать взгляд с жалких останков моего друга, с ужасной раны на его горле. Глаза Роджера были закрыты, на алебастровом лице застыло мирное выражение. Но почему оно не искажено болью и страхом, которые он наверняка испытал, когда на него обрушилась страшная смерть? В моей голове бессильно билась безумная надежда: вдруг то, что лежало сейчас передо мной, было вовсе не Роджером, а неким манекеном, который, решив зло подшутить, слепил из глины и сунул в фонтан какой-то сумасшедший художник. Иллюзия растаяла, когда из раны на снег вытекла струйка темной крови.

— Ради всего святого, сэр, прикройте его! — взмолился дрожащим голосом толстый студент.

Я снял плащ, наклонился, и тут на меня обрушилась волна эмоций.

— О, мой бедный друг! — вскричал я, и по лицу неудержимо потекли слезы.

Я нежно прикоснулся к щеке Роджера. Она была холодной как лед. Я накрыл тело плащом и опустился рядом с ним на колени, дав волю рыданиям.

Внезапно мне на плечо легла чья-то рука, и от неожиданности я вздрогнул. Подняв голову, я увидел участливое лицо высокого студента, помогавшего мне.

— Простите, сэр, — робко проговорил он, — что же нам делать? Скоро здесь появятся люди.

Я поднялся — ноги едва держали меня — и сделал глубокий вдох.

— Отправляйся и сообщи о случившемся привратнику. Пусть он поставит в известность констебля, а тот — вызовет коронера. Ты сможешь сделать это, сынок?

— Да, сэр.

Парень кивнул и бросился бежать к сторожке у ворот. Я же повернулся и вновь принялся смотреть на огромную каменную чашу, полную кроваво-красной воды. Солнце уже почти вошло, принеся долгожданное тепло и одновременно с этим осветив безжизненное тело и кровавый фонтан во всем их ужасе. Второй студент стоял, отвернувшись, и трясся всем телом.

— Эй! — окликнул я его. — Ты можешь сбегать через двор к моей конторе? В ее окнах должен гореть свет. Там, видно, находится мой помощник. Передай ему, чтобы немедленно шел сюда. Его зовут Барак.

Молодой человек всхлипнул, кивнул и поплелся прочь. Я посмотрел на окна квартиры Эллиардов. Они были темны. Я молился о том, чтобы Дороти все еще находилась в постели. С замиранием сердца я думал, что именно мне придется сообщить ей о гибели Роджера. Эту миссию я не мог перепоручить никому другому. Через несколько секунд ко мне подбежал Барак. Когда он увидел тело у фонтана, у него отвисла челюсть.

— Клянусь кишками Иуды! Какого черта здесь приключилось?

У него были красные от недосыпа глаза, и от него пахло вином. Однако ни то ни другое не имело сейчас равным счетом никакого значения.

— Роджер Эллиард мертв, — срывающимся голосом сообщил я. — Его убили.

— Здесь? — словно не веря своим глазам и ушам, спросил Барак.

— Ночью кто-то перерезал ему горло и бросил тело в фонтан.

— Боже праведный!

Барак наклонился, отвел полу моего плаща, посмотрел в мертвое лицо и снова накрыл его тканью. Затем он взглянул в сторону фонтана.

— Горло ему, должно быть, перерезали, когда он уже находился в фонтане. На земле крови нет.

Барак озадаченно наморщил лоб.

— И никаких следов борьбы на снегу. Если только...

Он в нерешительности умолк.

— Что?

— Если только он не сделал это сам. Он ведь боялся, что заболел какой-то страшной болезнью?

— Не было у него никакой болезни. По крайней мере, опасной. В четверг я возил его к Гаю. Ты что же думаешь, что человек способен вот таким способом лишиться себя жизни, прямо посередине Гейт-хаус-корта?

Мой голос уже звенел.

— Не пытайся казаться глупцом! Роджер был всем доволен, у него было все, ради чего стоит жить! Он вынашивал планы создания больницы для бедных, он был счастливо женат на лучшей из женщин...

Я поймал себя на том, что кричу, и осекся. Положил одну ладонь на мокрый лоб, а вторую поднял в примирительном жесте.

— Извини, Джек.

— Все в порядке, — спокойно откликнулся он. — Вы просто в шоке.

— Нет, я зол, — ответил я, чувствуя, как дрожит голос. — Все это было организовано как чудовищный спектакль.

Барак несколько секунд размышлял.

— Да, — медленно проговорил он, — если бы эти студенты не

наткнулись на беднягу, его нашли бы ваши коллеги-барристеры, направляясь на пасхальную службу.

Я вновь посмотрел на тело и стиснул кулаки.

— Кто мог совершить столь ужасающую расправу над хорошим, мирным человеком? Перерезать ему горло и оставить истекать кровью в фонтане! Да еще в день Пасхи. И за что?

Я услышал приглушенный шум голосов. Три барристера вышли из своих домов и приближались к нам. Возможно, они услышали мои крики. При виде тела один из них вскричал:

— Пресвятая Богородица!

Высокий пожилой мужчина в шелковой мантии растолкал коллег и вышел вперед. Я с облегчением узнал в нем казначея Роуланда. Его нечесаные седые волосы стояли торчком.

— Брат Шардлейк? — спросил он. — Что происходит? Меня поднял с постели привратник...

Увидев лежащий на земле труп, прикрытый моим плащом, он резко умолк и переместил наполнившийся страхом взгляд к кровавому фонтану.

Я рассказал ему все, что знал. Он глубоко вдохнул, наклонился и открыл лицо Роджера. Я едва сдержался, чтобы не потребовать у него не прикасаться к моему мертвому другу. Среди зрителей пробежал шепоток ужаса. К этому времени вокруг нас собралось не менее дюжины человек. Среди них я заметил и Билкнэпа. Всегда приходивший в возбуждение от любого скандала, сейчас он стоял молча — бледный и выглядящий больным. Я подумал, что Дороти непременно услышит гул голосов, значит, нужно незамедлительно сообщить ей о случившемся. Но в этот момент Барак тихо проговорил мне на ухо:

— Вы должны кое-что увидеть. Идемте со мной.

— Я должен поставить в известность жену Роджера...

— Но сначала взгляните на то, что я хочу вам показать.

Я постоял в нерешительности, а затем кивнул.

— Мастер казначей, — проговорил я, — вы позволите мне ненадолго удалиться?

— Куда вы собрались? — строго спросил он. — Вы и эти юнцы первыми обнаружили тело, значит, вы обязаны дожидаться коронера.

— Я вернусь через минуту, а потом сообщу о случившемся миссис Эллиард. Я друг их семьи.

Краем глаза увидев, что из-за угла вышел новый студент и направляется к трупу, старик повернулся к нему и завопил:

— Убирайся отсюда, ты, жалкий недоучка! Не на что тут тарашиться!

Я позволил своему помощнику оттащить меня в сторону. Отведя меня футов на двадцать, Барак спросил:

— Видите эти следы?

Я посмотрел вниз. Суется возле фонтана, я и двое студентов примяли снег, а сбежавшиеся позже зеваки и вовсе затоптали все место преступления. Но Барак указывал на две вереницы следов, не пострадавших от нашествия. Одна цепочка тянулась к фонтану, другая уходила от него и вела за угол здания, где жили Эллиарды. Это было то самое место, где неделей раньше я заметил неизвестного, проникшего на территорию Линкольнс-Инн.

Низко наклонившись, Барак рассматривал следы.

— Обратите внимание, насколько глубже следы, ведущие к фонтану, по сравнению с теми, что уводят от него. Словно кто-то нес сюда что-то тяжелое.

— Я слышал, как кто-то возился здесь в новогоднюю ночь, — выдохнул я. — Он перелез через стену...

— Давайте пройдем по следам.

— Я должен рассказать Дороти...

— Снег скоро растает, и следы исчезнут.

И действительно, утреннее весеннее солнце пригревало на совесть, и уже слышны были звуки капли. Поколебавшись, я последовал за Барак. Мы завернули за угол здания.

— Следы обычного размера, — заявил Барак.

— Кому бы ни принадлежали эти следы, они больше, чем оставил бы Роджер.

Отпечатки на снегу привели нас к стене, резко повернули направо и уперлись в тяжелую деревянную дверь.

— Он прошел здесь! — воскликнул Барак.

— В последний раз он перелез через стену. Если, конечно, это был тот же человек.

— Тогда он не тащил тело. — Барак подергал дверь и констатировал очевидное: — Заперто.

— Ключи есть только у барристеров. По другую сторону расположена оранжерея, а дальше — Линкольнс-Инн-филдз. У меня есть ключ, но он находится в конторе.

— Помогите, — велел Барак.

Я сделал стремя из рук, крепко сцепив пальцы. Встав на него, Барак подтянулся и оперся локтями о верхнюю кромку стены.

— Следы ведут в оранжерею, — сообщил он и спрыгнул на землю. —

Неужели он принес бедного мастера Эллиарда из оранжереи? Господи Иисусе, в таком случае он должен быть настоящим силачом. Скажите мне, в каком ящике лежит ключ, и я сбегаю за ним.

Я колебался.

— Мне нужно вернуться. Именно я обязан сообщить Дороти о смерти Роджера. Фонтан виден из их окна...

— Я все осмотрю сам, но это нужно сделать немедленно, пока следы не растаяли.

— Ты не знаешь, с чем можешь столкнуться по ту сторону забора, — предупредил я.

— Он давно скрылся, а я пройду по следам до самого конца и посмотрю, куда они меня приведут. Вы знаете лучше меня: если убийцу не задержать по горячим следам, чаще всего его не поймать уже никогда.

Барак глубоко вздохнул.

— А это не обычное убийство, совершенное из-за денег или в состоянии страсти. Душегуб ударил несчастного по голове и, когда тот лишился сознания, принес его в Линкольнс-Инн и положил в фонтан. Он был еще жив, когда ему перерезали горло, иначе из него не вытекло бы столько крови. Преступник ударил жертву достаточно сильно для того, чтобы она долгое время оставалась без сознания, но не с такой силой, чтобы убить. Это очень рискованно. А если бы мастер Эллиард очнулся и принялся сопротивляться? И вообще, все это напоминает ужасный акт мести.

— У Роджера не было ни единого врага во всем мире! Кто мог убить его? Другой барристер? Только у члена Линкольнс-Инн мог быть ключ от этой двери.

— Мы должны идти, сэр. — Барак посмотрел на меня очень серьезно. — Если вы желаете сообщить о случившемся леди.

Я кивнул, прикусив губу. Барак неожиданно стиснул мой локоть и побежал обратно к Гейт-хаус-корт. Я медленно потрусил следом за ним. Стоило завернуть за угол, как пронзительный женский крик резанул мой слух. По позвоночнику прокатилась волна холода, и я стремительно рванул вперед.

Но было поздно. В центре толпы, которая продолжала расти у фонтана, в одной только ночной рубашке, на раскисшем снегу возле безжизненного тела мужа стояла на коленях Дороти. Звук, который вырвался из ее груди, нельзя было назвать криком. Это был вой. Вой отчаяния и абсолютного одиночества.

Кто-то отбросил полу моего плаща, прикрывавшего Роджера. Она

увидела его мертвое лицо, ужасную рану и снова завывала.

Подбежав, я присел рядом и обнял Дороти за плечи. Кожа женщины под тонкой тканью была ледяной. Дороти подняла ко мне лицо. Она была буквально раздавлена, челюсть безвольно отвисла, каштановые волосы спутались.

— Мэтью? — едва выдавила она из себя.

— Да, это я, Дороти. Тебе не следовало выходить... Ты не должна была этого видеть...

Я с ненавистью посмотрел на толпу зевак. Люди шаркали ногами и смущенно отводили глаза.

— Я не сумел остановить ее, — угрюмо пробормотал казначей Роуленд.

— Могли хотя бы попытаться!

— Не смей разговаривать со мной в таком тоне...

— Да замолчите вы! — рявкнул я, с трудом сдерживая гнев, клокотавший у меня в груди.

У казначея открылся рот.

Я поднял Дороти. Едва оказавшись на ногах, она принялась судорожно дрожать.

— Пойдем в дом, Дороти, пойдем...

— Нет! — Женщина стала сопротивляться, пытаясь вырваться из моих рук. — Я не могу оставить Роджера лежать здесь!

Она уже почти кричала.

— Так надо, — убеждал ее я. — Его должен осмотреть коронер.

— Кто... убил его?

Дороти смотрела на меня так, будто пыталась найти на моем лице ответ на вопрос, что за ужас творится вокруг и почему все это происходит именно с ней?

— Мы выясним это. Давай пойдем внутрь. Казначей Роуленд позаботится о том, чтобы не было допущено ничего непочтительного. Я прав, сэр?

— Да, конечно.

Старик и впрямь оробел.

Дороти позволила мне увести себя в дом, где в дверях стоял клерк Роджера, Бартлет. Это был мужчина средних лет, добросовестный работник, приехавший вместе с Роджером из Бристоля.

— Сэр, — шепотом обратился он ко мне, — что... произошло? Говорят, мастер убит?

— Боюсь, что именно так. Послушайте, я зайду к вам позже и

посмотрю, что можно сделать с оставшейся после него работой.

— Да, сэр.

Дороти смотрела на Бартлета так, словно видела его впервые. И снова я взял ее под руки и заботливо повел по широким ступеням, ведущим в их комнаты. Старый Элиас, наполовину одетый, застыл в дверном проеме, неприглаженные волосы топорщились с одной стороны почти лысого черепа. Рядом с ним стояла молодая служанка в белом фартуке и чепце такого же цвета.

— О, миледи! — проговорила служанка с заметным ирландским акцентом и повернула заплаканное лицо ко мне. — Она только встала, сэр, и, проходя мимо окна, увидела все это. Тогда она закричала и побежала вниз, и...

— Не надо волноваться.

Я изучающе посмотрел на полненькую темноволосую девушку. Судя по всему, она была весьма чувствительным существом и сейчас искренне переживала за свою хозяйку. Отныне в повседневной жизни Дороти придется полагаться только на нее.

— Как твое имя? — спросил я.

— Маргарет, сэр.

— В доме есть какое-нибудь крепкое вино, Маргарет?

— У меня есть немного водки, сэр. Сейчас я ее принесу. Скажите, сэр, а там, у фонтана... Это действительно... наш хозяин?

— К сожалению, да. Отправляйся-ка за водкой и принеси своей хозяйке одежду потеплее. Она не должна простудиться.

Я отвел Дороти в гостиную и усадил в кресло перед камином. Она дрожала, видимо, испуг уступал место психологическому шоку. Окинув комнату взглядом, я вспомнил тот приятный вечер, который провел здесь всего неделю назад.

Пришла Маргарет. Она укутала плечи Дороти в теплую шаль и дала ей стакан с водкой, но пальцы женщины так сильно тряслись, что я забрал у нее питье.

— Остайся здесь, — велел я Маргарет. — На тот случай, если ей что-нибудь понадобится.

— Бедный мастер...

Маргарет поставила стул рядом с креслом хозяйки и тяжело опустилась на него. Было видно, что она потрясена до глубины души.

— Успокойся, — мягко проговорил я, обращаясь к Дороти. — На, выпей, тебе станет полегче.

Она не сопротивлялась. Я приложил край стакана к ее губам и помогал

ей пить, как маленькому ребенку. Ее полные щеки стали белее полотна и обвисли, словно брылы у собаки. Во время недавнего ужина я сделал ей комплимент, сказав, что она выглядит намного моложе своего возраста. Теперь она в одночасье осунулась и постарела. Я с грустью думал: вернется ли к ней когда-нибудь ее теплая, проказливая улыбка?

Водка вернула ее лицу розовый цвет, и было видно, что Дороти постепенно приходит в себя, хотя и до сих пор дрожит.

— Мэтью, — тихо заговорила она, — мне сказали, что это ты нашел Роджера.

— Его нашли какие-то студенты, а я наткнулся на них и помог им вытащить тело из фонтана.

— Я вышла в гостиную и услышала какой-то шум снаружи.

Дороти наморщила лоб, будто вспоминала что-то давно минувшее.

— Вода в фонтане была красной, а рядом стояли люди, и я подумала: «Господи, да что же там происходит?» Потом я увидела лежащее на земле тело и сразу поняла, что это Роджер. Я узнала его башмаки. Его старые кожаные башмаки.

Она всхлипнула, и я подумал, что сейчас она снова разрыдается, но вместо этого женщина подняла на меня полные слез и гнева глаза.

— Кто это сделал? — спросила она. — Кто совершил это ужасное преступление? И почему?

— Не знаю. Скажи, Дороти, где был Роджер вчера вечером?

— Он встречался с клиентом, которого собирался защищать безвозмездно.

— С тем же самым, с которым он встречался в четверг? Когда мы расстались после поездки к доктору Малтону, он сказал, что поедет повидаться со своим клиентом. Он также сообщил, что у него есть письмо, связанное с этим делом.

— Да-да. — Она снова всхлипнула. — Оно пришло во вторник, от какого-то стряпчего. Да, я помню. Этого человека звали Нантвик.

— Роджер не сказал, откуда пришло письмо?

— Из какого-то места неподалеку от Ньюгейта. Ты же знаешь этих поверенных, вечно мечущихся в поисках работы. У половины из них и конторы-то нет. Он слышал, что Роджер практикует безвозмездную защиту интересов бедных людей, и спрашивал, могут ли они встретиться в таверне на Вич-стрит в четверг вечером, поскольку днем этот потенциальный клиент занят на работе.

— Ты видела письмо?

— Я не просила Роджера показать мне его, но просьба о встрече в

таверне показалась мне странной. А Роджеру было любопытно, ты ведь знаешь, какой он доверчивый.

Дороти резко умолкла и со стоном втянула в себя воздух: отчаяние с новой силой обрушилось на нее. Она совсем забыла о том, что Роджер мертв, и говорила о нем как о живом. Она посмотрела на меня сумасшедшими глазами. Я сжал ее холодную руку.

— Дороти, я понимаю, тебе больно говорить, но мне необходимо спросить: что произошло на той встрече?

— Ничего. Этот человек так и не появился. Но чуть погода пришло второе письмо, его подсунули под дверь на Страстную пятницу. В нем содержались извинения за то, что клиент не смог явиться в таверну, и просьба к Роджеру еще раз приехать туда. В качестве срока был назван вчерашний вечер. Этого письма я тоже не видела, — тоненьким голоском добавила женщина.

— И конечно же, Роджер поехал. — Я грустно улыбнулся. — Я бы на его месте так не поступил.

Внезапно мое сознание пронзила неожиданная мысль.

— Вчера было холодно, он должен был надеть плащ.

— Он и был в плаще.

Я вздернул брови.

— Где же этот плащ?

— Не знаю.

Несколько секунд Дороти размышляла, а потом заговорила:

— Я отправилась спать, когда пробило десять, а он все еще не вернулся домой. Но ты же знаешь, увлекшись какой-то темой, Роджер мог потерять счет времени и обсуждать ее часами.

«Уже „мог“, а не „может“, — отметил я про себя. — Бедняжка начинает привыкать».

— За день я очень устала и рано отправилась в постель. Я ждала, полагая, что Роджер вот-вот придет, но не дождалась его и уснула. Проснувшись через пару часов, я не обнаружила его рядом с собой, но решила, что, не захотев беспокоить меня, он лег спать в соседней спальне. Он иногда поступает так, когда возвращается домой поздно и боится разбудить меня...

Она вновь осеклась, закрыла лицо руками и стала громко всхлипывать. Я пытался мысленно рассуждать. Клиент просил Роджера о встрече на Вич-стрит. На противоположной стороне Линкольнс-Инн-филдз. Самый короткий путь туда лежит через оранжерею. Значит, Роджер должен был взять свой ключ от двери. Но почему таинственный клиент не появился в

таверне в четверг? Мое сердце провалилось от дурного предчувствия: а вдруг Роджер взял с собой письмо, в котором ему была назначена встреча? Так поступил бы любой барристер. Но преступник вряд ли оставил бы при нем это письмо, а плащ Роджера бесследно исчез. В нашем распоряжении осталось имя: Нантвик. Имя, надо сказать, необычное.

Я посмотрел на Дороти, и сердце снова наполнилось жалостью. Она уже не плакала. В ее глазах я увидел гнев. Наверное, то же чувство горело сейчас и в моих.

— Кто это сделал? — повторила она свой вопрос. — У Роджера не было ни одного врага во всем мире! Кто этот дьявол?

— Мы поймаем его, Дороти, обещаю тебе.

— Поклянись!

— Клянусь.

Она схватила мою руку и стиснула ее что было сил.

— Ты должен помочь мне, Мэтью! Прошу тебя. Я теперь совсем одна.

— Я помогу.

Ее лицо сморщилось от нового приступа плача.

— О Роджер!

Тело женщины вновь содрогалось, из груди рвались рыдания. Маргарет обняла хозяйку за плечи, а я держал за руку. Так мы и сидели, как некая скульптурная группа, символизирующая скорбь. В этот момент к нам бесшумно приблизился Элиас и сказал, что коронер находится внизу и желает немедленно видеть меня.

Арчибальд Броун, коронер графства Мидлсекс, был старым, желчным человеком, типичным представителем прежней — коррумпированной до мозга костей — судебной породы. Какой-нибудь несчастный труп мог несколько дней разлагаться на обочине дороги, но такой судебский крючок ни за что не приступит к расследованию, пока не получит за это мзды. Они ничем не напоминали новое поколение хорошо оплачиваемых и вполне компетентных чиновников, порожденное к жизни Тюдорами. Низенький, лысый, коренастый, он являлся обладателем круглой физиономии, изрытой оспинами. Когда я подошел к фонтану, он стоял рядом с казначеем, сунув руки в карманы толстого плаща и глядя на тело Роджера. Казначей Роулэнд энергичными жестами отгонял проходящих мимо зевак, которые пытались задержаться и поглазеть на происходящее. Солнце уже растопило большую часть снега. Я размышлял над тем, где сейчас может находиться Барак.

Роулэнд махнул рукой в мою сторону и сообщил Броуну:

— А вот и брат Мэтью Шардлейк. Это он поставил в известность

констебля.

— Надеюсь, от него будет больше толку, чем от тех двух недорослей, — пробурчал коронер Броун и перевел на меня свои выцветшие глаза. — Вы говорили с вдовой? Как она?

— Плачет, — ответил я, не вдаваясь в подробности.

— Я должен допросить ее. А вы, если так хорошо с ней знакомы, можете сопроводить меня. И расскажите, что здесь, во имя всего святого, произошло?

Я рассказал ему о том, как было найдено тело Роджера, как Барак отправился по следу, и то, что поведала мне Дороти относительно странного клиента.

— Нантвик? — Казначей Роулэнд наморщил лоб. — Никогда не слышал о таком. А я думал, что знаю большинство поверенных.

Броун, сузив глаза, пристально разглядывал меня.

— Шардлейк... Это имя мне знакомо. — Он ухмыльнулся. — Вы тот самый человек из Линкольнс-Инн, которого король выставил на посмешище в Йорке пару лет назад. Я узнал вас по описанию.

«По горбу», — подумалось мне.

Я знал, что эта история будет преследовать меня до гробовой доски.

— Мы должны выяснить, с кем встречался Роджер, — холодно проговорил я.

Броун посмотрел на лицо Роджера и ткнул его голову носком башмака. От ненависти у меня непроизвольно сжались кулаки.

— Страшное дело, — прокаркал он. — Это надо же — сунуть тело в фонтан! Но выглядит он на редкость спокойным. Может, он сам перерезал себе горло, как вы думаете?

— Нет, он был вполне доволен жизнью.

— Тогда все это очень странно.

Коронер покачал головой.

— Вода в фонтане превратилась в кровь. Нужно осушить фонтан, — обратился он к казначею.

Я мучительно задумался. «Вода в фонтане превратилась в кровь». Что-то очень знакомое... Где я слышал что-то похожее?

— Где этот ваш человек, который отправился по следу? — осведомился Броун.

— Не знаю. Он ушел уже полчаса назад.

— Что ж, велите ему, чтобы доложил мне о результатах своих изысканий, когда вернется. Я должен посетить королевского коронера, прежде чем составлять список присяжных.

Я вспомнил о том, что король сейчас находится в Уайтхолле, и выругался про себя. Любое убийство, совершившееся в радиусе двенадцати миль от августейшей резиденции и за пределами Лондона — даже в таком месте, как Линкольнс-Инн, — оказывалось в сфере юрисдикции королевского коронера. Значит, он будет принимать участие в расследовании вместе с Броуном.

— Это замедлит дело.

Броун пожал плечами.

— Тут уж ничего не поделаешь.

— Сколько времени займет формирование жюри присяжных?

— Это зависит от того, пожелает ли королевский коронер составить жюри из юристов. Помимо всего прочего, сегодня Пасха. Сомневаюсь в том, что мы сумеем начать расследование раньше середины следующей недели.

Я стиснул зубы. В расследовании любого убийства важнее всего быстрота. В таких случаях необходимо действовать немедленно, пока не остыл след. Как правильно сказал Барак, большая часть убийств раскрываются либо сразу, по горячим следам, либо не раскрываются вовсе.

— Полагаю, юристы Линкольнс-Инн желали бы, чтобы коронерское расследование было проведено как можно скорее, — заметил я. — Ведь убили одного из нас.

Казначей Роулэнд согласно кивнул.

— Да, мы хотели бы, чтобы не было никаких проволочек.

— Нам необходимо отыскать этого поверенного Нантвика. Вы могли бы заняться этим, сэръ, в качестве части общего расследования, под руководством казначея?

Роулэнд кивнул.

— Да, это нужно сделать.

— Мне хотелось бы предложить кое-что, — используя свое преимущество, проговорил я, обращаясь к коронеру. — Способ убийства весьма необычен. Жертву ударили по голове, и она оставалась в бессознательном состоянии, пока ее не положили в фонтан. Возможно, стоило бы провести вскрытие тела.

Мое предложение имело весьма мрачный оттенок, но я надеялся, что Гай, возможно, сумеет обнаружить что-нибудь, что поможет нам.

— Я знаком с доктором Малтоном, который производит вскрытие тел для лондонского коронера. Он берет весьма умеренную плату. Я мог бы повидаться с ним и обсудить этот вопрос.

— А-а, этот старый мавр! — проворчал Броун. — А кто будет платить?

— Если понадобится, я заплачу. Роджер Эллиард был моим другом. И еще. — Я повысил голос. — Могу ли я попросить, чтобы его прикрыли?

— Ладно.

Коронер набросил полу моего плаща на лицо Роджера и повернулся ко мне, потирая свои пухлые ручки.

— Повторите, как звали погибшего?

— Роджер Эллиард.

— Ага, правильно. Я поговорю с вдовой, а тело можно убрать прямо сейчас. Мастер казначей, велите погрузить его на повозку и отвезти ко мне.

К тому моменту, когда старый Элиас — уже одетый, но все еще с перекошенным от потрясения лицом — провел нас в гостиную, Дороти немного пришла в себя. Вцепившись в руку Маргарет, она сидела у камина и смотрела в огонь.

— Дороти, — мягко заговорил я, — это коронер Броун. Если не возражаешь, он задаст тебе несколько вопросов.

Коронер окинул взглядом резной фриз над камином, с которого смотрели головы животных, и, причмокнув губами, проговорил:

— Ишь ты, стоящая вещица!

Дороти посмотрела в том же направлении.

— Она сломалась, когда мы переехали обратно сюда, — бесцветным голосом сказала она. — Роджер велел починить ее, но работу сделали плохо.

Только теперь я заметил, что нижний угол фриза был действительно выполнен небрежно, да и по цвету отличался от остальной поверхности.

— Все равно она красивая, — сказал Броун.

Я понял, что с его стороны это была неуклюжая попытка наладить контакт с Дороти.

— Могу я присесть? — спросил он.

Дороти махнула рукой в сторону кресла, где недавно сидел я. Коронер задал ей вопросы по поводу загадочного клиента Роджера и о последних передвижениях ее мужа, но ничего нового не услышал. Я заметил, что коронер ничего не записывает, и это беспокоило меня. Он не был похож на человека с феноменальной памятью.

— У вашего мужа были враги? — спросил Броун.

— Ни одного. Были барристеры, по отношению к которым он испытывал личную антипатию, которым он проиграл или у которых выиграл дела в суде. То же самое можно сказать про всех лондонских барристеров, но они же не убивают своих коллег... — ее голос задрожал, —

таким ужасным, отвратительным способом.

— И вы не допускаете мысли о том, что он мог сделать это сам?

Прямота, с которой был задан вопрос, ошеломила меня, но Дороти, наоборот, взвилась.

— Нет, мастер коронер, ни в коем случае! Любой вам скажет, что сама мысль о том, что мой муж мог лишиться себя жизни, нелепа. Жаль, что вы не поговорили с другими, прежде чем задавать мне оскорбительные вопросы о том, мог ли мой супруг перерезать глотку самому себе!

Я испытал восхищение по отношению к этой женщине. Сила духа вернулась к ней!

Броун покраснел и встал с кресла.

— Ну ладно, — сухо произнес он, — на сегодня хватит. Мне пора во дворец, к королевскому коронеру.

Он слегка поклонился нам на прощание и вышел. Мы слышали, как с лестницы доносятся его тяжелые шаги.

— Старый жирный индюк! — выпалила Маргарет.

Дороти взглянула на меня. В ее покрасневших глазах застыло отчаяние.

— Похоже, ему все равно, — сказала она. — Бедный мой Роджер!

— Для него это всего лишь новая работа, но обещаю тебе, я с него не слезу.

— Спасибо.

Она положила ладонь на мою руку.

— А теперь я спущусь в контору Роджера и заберу работу, которую он не довел до конца. Если ты не возражаешь.

— Да, сделай милость. И вот еще... Кто-то должен написать нашему сыну. Сообщить Сэмюэлю.

— Хочешь, это сделаю я? — участливо спросил я.

— Я не хочу отягощать тебя просьбами.

— Я сделаю все, что в моих силах, Дороти. Ради тебя и ради Роджера.

Выйдя на улицу, я с облегчением заметил Барака, следившего за тем, как тело Роджера, завернутое в мой плащ, грузят на повозку. При виде меня Барак опустил глаза вниз, и, посмотрев туда же, я увидел, что он держит в руках другой плащ, который я сразу же узнал.

— Ты нашел плащ Роджера?

— Да, в оранжерее. По размеру я решил, что он принадлежал именно мастеру Роджеру.

Я поежился. Без собственного плаща мне было холодно и неудобно.

— Ты прошел по следу?

— Так далеко, как смог. Он вел через оранжерею на поля Линкольнс-Инн, но там снег уже сошел.

— В карманах что-нибудь было?

— Ключи от дома. Ключ от оранжереи убийца, очевидно, оставил себе. И еще кошелек. Преступник не тронул кошелек, хотя там было почти два фунта.

— А бумаги? Были там какие-нибудь бумаги, записки?

— Ничего такого.

— Вчера вечером он поехал на встречу с новым клиентом в таверну на Вич-стрит.

Барак посмотрел в сторону ограды.

— Значит, его подстерегли где-то на полях. Далековато, чтобы тащить тело. — Хмурясь, он перевел взгляд на меня. — Что, во имя всего святого, происходит?

Глава 7

Двумя днями позже, во вторник после Пасхи, я и Барак шли вдоль реки в надежде поймать лодку, которая доставила бы нас в Вестминстер. На мне был новый плащ. Старый я оставил у коронера. Он был перепачкан кровью Роджера, и я больше никогда не смог бы его надеть.

В то утро впервые ощущался приход весны, ветерок был ласковым и влажным. В иной ситуации столь чудесная погода наполнила бы меня радостью, но сердце мое было занято другим. Меня ждал суматошный день. В суде под председательством мастера прошений должно быть рассмотрено пять дел, и я надеялся узнать дату слушания апелляции по делу Адама Кайта.

Направляясь к Темпл-Бар, на пересечении с Флит-стрит мы увидели, как по направлению к собору Святого Павла волокут осужденного еретика. Он был одет в серый халат, а в дрожащих руках сжимал пучок березовых розог. Голова и плечи несчастного были осыпаны пеплом, отчего волосы и лицо стали серыми. На шею осужденного была наброшена веревка, за которую люди епископа Боннера тащили его по улице. Далее следовали трое алебардчиков, вооруженных мечами. Эту маленькую процессию возглавлял человек, ритмично ударявший в барабан. Прохожие останавливались. Некоторые принимались улюлюкать, другие сохраняли серьезность. Кто-то крикнул:

— Мужайся, брат!

Солдаты принялись зло зыркать по сторонам.

Я опешил, узнав в осужденном уличного проповедника с рынка Ньюгейта. Его, должно быть, арестовали за то, что он проповедовал, не имея специального разрешения. Теперь его приведут на площадь перед собором Святого Павла, где Боннер проведет церемонию изгнания дьявола ереси. Если беднягу после этого поймают еще раз, то могут сжечь.

Лед с реки почти сошел. Серая вода поднялась, а течение сделалось бурным. Лодочники влачили жалкое существование на протяжении долгой зимы, пока река была покрыта льдом, и, наверное, из-за этого у владельца лодки, в которую мы наконец погрузились, был голодный вид. Мы велели ему отвезти нас к Вестминстеру, и он с энтузиазмом ухватился за весла.

— Там невозможно будет подняться на берег, сэра, — предупредил лодочник. — Причал поломался во время ледохода.

— Тогда гребите к причалу Уайтхолла, — распорядился я.

Меня нисколько не прельщала перспектива толкаться в толпах пешеходов, заполнивших к этому часу Вестминстер.

Мужчина принялся работать веслами, а я молча смотрел на реку. Накануне я почти весь день просматривал дела Роджера и давал поручения его клерку. Потом написал письмо молодому Сэмюэлю Эллиарду в Бристоль, а вечером снова поднялся на второй этаж, чтобы проведать его мать. Она все так же сидела у камина, глядя в огонь и держа за руку свою верную служанку. С большим трудом нам удалось уговорить ее лечь в постель.

— Слыхали про тех здоровенных рыбин? — спросил лодочник.

— Что? Ах да, конечно.

— Вишь ты, выскочили прямо из-под льда! Большущие, что твой дом. Я их самолично видел.

— А какие они? — с любопытством осведомился Барак.

— Серые, со здоровенными головами и с невиданными зубами. Теперь они уже начали вонять. Люди вспороли им брюха, чтобы поживиться рыбьим жиром. Не обращая внимания на то, что кое-кто говорит, будто они проклятые. Наш приходский священник твердит, что это левиафаны, морские чудища, провозвестники второго пришествия.

— Возможно, это просто киты, — предположил я, — что-то вроде огромных рыб, живущих глубоко в море. Я слышал, как рыбаки рассказывали про них.

— Они не с глубины, сэр, а по размеру больше, чем может быть любая рыба. Головы у них просто гигантские. Я сам видел. Да что я, их половина Лондона видела!

Лодка причалила к ступеням Уайтхолла. Мы прошли через Холбейнгейт и двинулись по Королевской улице. Я постоянно держал руку на кошельке, поскольку Вестминстер был самым людным и суматошным местом во всей Англии. Впереди темнела махина Вестминстерского аббатства, рядом с которым пигмеем казался даже Вестминстер-холл, где заседала большая часть судов. Там, в расписном зале, собиралась палата общин, а неподалеку заседал суд прошений.

За Вестминстер-холлом начинался муравейник домишек, выживших в пожаре, который лет тридцать назад уничтожил большую часть старого Вестминстерского дворца. Здесь расположились магазины, гостиницы, таверны, которые обслуживали приходивших сюда юристов, священнослужителей и членов парламента. Улицы кишели коробейниками, торгашами, проститутками, а статус Вестминстера как убежища издавна привлекал сюда и разного рода злодеев. Просьбы богатых граждан о

присвоении Вестминстеру правового положения отдельного города неизменно натыкались на отказ, правительства его то и дело менялись, а когда аббатство было распущено, канули в Лету и властные полномочия, которыми прежде обладал аббат.

Парламент собрался на очередную сессию, поэтому Королевская улица выглядела оживленнее и красочнее, чем обычно. Она была беспорядочно утыкана самыми разношерстными строениями, убогие лачуги соседствовали с двухэтажными домами богатых торговцев. Улица провоняла запахами, проистекавшими из многочисленных дубилен и кирпичного дела мастерских, расположенных на ее задворках. Я помнил, как в прошлом году, после традиционной ежегодной процессии судей, которые, облачившись в свои мантии, следовали в Вестминстер-холл, они жаловались, что по пути им приходилось проталкиваться через отары овец и стада коров, которых гнали на рынок.

Нам тоже пришлось поорудовать локтями, чтобы протиснуться сквозь толпу к дворцовому двору, минуя хозяев лавок, которые во все горло расхваливали свой товар. Уличных торговцев было несметное множество. Некоторые продавали свой товар прямо с повозок, запряженных ослами, другие — с лотков, которые висели у них на шеях на широких лямках. Тех из них, что пытались приблизиться к нам, Барак разгонял энергичными взмахами рук. Несколько одетых в лохмотья, но мускулистых молодых людей с интересом поглядывали на высокомерного вида господина средних лет, который важно шествовал по улице. Он был одет в длинную, отороченную соболиным мехом накидку и богатый дублет.

«Наверное, какой-нибудь член парламента из провинции, — подумал я. — Нашел место и время кичиться своим богатством!»

Если бы дело происходило после наступления темноты, я не дал бы за его кошелек — а то и жизнь — и дохлой мухи.

— Расследование начинается завтра, — сказал я Бараку. — Прости, я забыл тебе об этом сообщить.

— Я должен на нем присутствовать?

— Да. И Дороти тоже. Бедная женщина, это станет для нее еще одним испытанием. Они с Роджером так любили друг друга.

— Она выдержит?

— Надеюсь, что да. Дороти сильная. Сегодня утром я зашел поведать ее. Она все такая же тихая и белая как полотно. — Я прикусил губу. — Надеюсь, писаки не пронюхают о случившемся раньше времени, иначе они разнесут эту историю по всему городу.

— Да, причем с большим удовольствием.

— Я знаю. Клянусь смертью Спасителя, от этого коронера Броуна толку никакого. Расследование должно было начаться еще вчера, поскольку сегодня убийца уже может находиться в другом графстве.

Я в отчаянии покачал головой.

— Я сам навещу Гая, чтобы узнать, что дало вскрытие и осмотр тела.

Дорогу мне преградил оборванный коробейник. На шее у него висел лоток, наполненный дешевыми побрякушками.

— Кольца и броши, сэръ! — оглушительно завопил он. — Для вашей дамы! Прямиком из Венеции!

Я обошел оборванца.

Мы почти подошли к новому дворцу, прямо впереди были огромные ворота, ведущие в чертоги Вестминстерского аббатства. Толпы людей стали гуще, и, проходя под аркой ворот, я едва не споткнулся об уличного шулера, который сидел, разложив перед собой крапленые карты, и призывал прохожих «попытать счастья». Мы вошли на широкий Вестминстерский двор, который уже успели заполнить юристы. Часы на башне показывали половину десятого. Мы успели почти вовремя.

— Тамми сказала, что видела вас недавно, — проговорил Барак. — Будто бы вы нас навещали.

Значит, она ему все же рассказала. Может быть, для того, чтобы таким образом надавить на меня и заставить поговорить с ее мужем? Но сейчас время для этого было явно не подходящим.

— Я проезжал мимо Олд-Бардж, возвращаясь от Гая, — сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно более непринужденно. — В твоей берлоге царит ужасающая сырость.

Барак с мрачным видом передернул плечами.

— Я бы переехал, если бы ребенок остался жив. Но судьба распорядилась иначе.

— Тамазин выглядит немного... подавленной.

— Никак не может успокоиться после смерти малыша. В отличие от меня.

В его голосе зазвучали жесткие нотки.

— Она полна бабьих слабостей. Куда только подевалась ее прежняя сила духа?

Барак не смотрел мне в глаза, что случалось крайне редко.

Я увидел, что расположенный в центре двора фонтан под куполом, который простоял замерзшим всю зиму, снова работает, весело брызгая водой. Невольно я вспомнил фонтан в Линкольнс-Инн и на мгновение

закрыл глаза.

Уайтхолл представлял собой небольшой зал, к которому от входа вел заполненный людьми коридор. По обе стороны коридора вдоль стен стояли скамьи, а на них, робко поджимая под себя ноги, сидели истцы и смотрели на юристов, оккупировавших остальное пространство. Сюда в поисках правды стекался бедный люд со всей страны, надеясь на то, что барристеры, состоящие на государственном содержании, решат все их беды. На многих просителях была грубая домотканая одежда деревенских увальней. Большинство из них были подавлены величию всего, что их окружало, но некоторые выглядели вполне решительно.

Я увидел первого из своих клиентов, Гиба Рука, мужчину тридцати с небольшим лет, низкорослого, коренастого и с квадратным лицом. На нем была красная накидка, слишком яркая, чтобы являться в ней в суд. Рук хмуро глядел на двух мужчин, которые разговаривали в главном зале. Один был высок и облачен в дорогую одежду; приглядевшись ко второму, я с удивлением обнаружил, что это не кто иной, как Билкнэп. Мой давний недруг выглядел изможденным в своей длинной черной мантии. Он рылся в бумагах, лежавших в его адвокатской сумке. Высокий мужчина, похоже, был недоволен своим собеседником.

— Привет, Гиб! — произнес Барак, плюхнувшись на лавку возле Рука. — Что-то ты чересчур вырядился.

Рук кивнул Бараку и поднял глаза на меня.

— Здравствуйте, мастер Шардлейк. Готовы к схватке?

Я окатил его ледяным взглядом. Обзаведясь собственным барристером, некоторые мои клиенты теряли чувство меры и считали, что имеют право держаться со мной фамильярно и даже насмешливо. Подобное отношение только повредило их делу. Участие в суде требовало трезвого и уважительного поведения.

— Я готов, — ответил я. — Дело у нас верное, а если мы и проиграем, то лишь потому, что суд сочтет ваше поведение нахальным и оскорбительным. Так что следите за своим языком во время заседания. Кстати, вырядившись, как павлин, вы совершили первую ошибку.

Гиб покраснел. Он был одним из многих коттеров,^[13] разбивших за последние пятнадцать лет огороды в районе Ламбетских болот на другом берегу реки. Лондон безостановочно разрастался, и ему требовалось все больше пищи. Осушая топи, коттеры заселяли и осваивали появляющиеся участки суши, не спрашивая разрешения у землевладельцев, которые никогда не занимались этой землей, да и жили далеко от своей болотистой

собственности. Но недавно арендаторы поняли, что упускают реальную прибыль, и стали использовать поместные суды для того, чтобы выгнать коттеров с захваченных ими земель и присвоить результаты их труда.

Гиб обжаловал выселение с освоенных земель в суде прошений. В поданной им апелляции цитировались древние законы и упоминались туманные прецеденты из прошлого, которые мне удалось отыскать в архивах. В соответствии с ними, если человек возделывал участок размером меньше двух акров в течение двенадцати лет, его нельзя было изгнать с этой земли.

Гиб кивнул на Билкнэпа.

— Эта старая свинья сэра Джеффри, похоже, не очень-то доволен своим адвокатом.

— Я знаю Билкнэпа. Не надо его недооценивать.

Я не кривил душой. Он действительно был умным и умелым юристом. Однако сегодня у него, видимо, возникли какие-то проблемы с бумагами. Сейчас он лихорадочно рылся в своей сумке. Подняв голову и увидев меня, он прошептал что-то своему клиенту, землевладельцу Гиба, и они отошли в сторону.

Я сел по другую сторону Гиба. Он посмотрел на меня горящими от любопытства глазами.

— Толкуют, что в Линкольнс-Инн произошло ужасное убийство, — затараторил он. — Вроде как в фонтане нашли барристера с перерезанной глоткой. И это на Пасху!

Именно этого я и боялся: слухи все же начали распространяться.

— Убийцу непременно найдут, — лаконично ответил я.

Гиб с сомнением покачал головой.

— Говорят, никто не знает, кто это сотворил. Какой жуткий способ убийства! Ох и времена нынче пошли.

— Вы, вероятно, имеете в виду знаки и предзнаменования? — устало предположил я, вспомнив лодочника.

Гиб пожал плечами.

— Насчет этого не скажу, но зато я знаю, что в последнее время произошло несколько очень страшных убийств. В январе ужасно убили одного коттера, потом был еще один странный случай. Не удивлюсь, если коттеров убивают арендаторы! — объявил он, повысив голос.

На нас стали оборачиваться.

— Если вы не будете держать себя в руках, мы проиграем дело, — прошипел я.

— А вот и проблемы пожаловали, — прошептал Барак.

Билкнэп оставил своего клиента и направлялся к нам.

— Могу ли я поговорить с вами, брат Шардлейк?

Я заметил, что он потеет, хотя в зале, который ничем не обогревался, был холодно. Я встал.

— Извольте.

Мы отошли на несколько шагов.

— Ваш клиент, находясь в стенах суда, не должен делать оскорбительных замечаний в адрес землевладельцев, — напыщенно заявил он.

Я вздернул брови.

— И это все, что вы хотели мне сказать?

— Нет-нет...

Билкнэп колебался. От волнения он прикусил губу и набрал полную грудь воздуха.

— У меня беда, брат Шардлейк. Я не представил суду свидетельство о праве моего клиента на землю.

Я смотрел на него в изумлении. Главная обязанность любого адвоката испокон века состояла в том, чтобы представить в суд правильно составленные документы на собственность. Было известно много случаев, когда молодые барристеры проигрывали дела лишь потому, что не выполняли вовремя бумажную работу. Но Билкнэп занимался адвокатской практикой вот уже двадцать лет! Он устремил на меня взгляд своих светло-голубых глаз. В них плескалось смятение.

— Помогите мне, брат Шардлейк! — в отчаянии шептал он. — Помогите своему товарищу по цеху! Сделайте так, чтобы слушания отложили. К новому сроку я соберу все нужные документы.

— Если вы подадите документы сейчас, судья, возможно, выслушает вас, — сказал я. — Канцелярия еще открыта.

— Я потерял их! — выпалил он, словно в приступе внезапного помешательства. — Умоляю вас, Шардлейк! Я собирался принести их сегодня, думал, что они в моей сумке. Я болел! Доктор Арчер снова и снова делал мне промывание желудка, и всю прошлую ночь мои ягодицы были покрыты кровавым потом...

Многие адвокаты, руководствуясь чувством корпоративной солидарности, пошли бы ему навстречу, но мне подобные сделки претили, тем более что они всегда заключались за счет клиента.

— Мне очень жаль, Билкнэп, — тихо произнес я, — но я обязан служить в первую очередь своему клиенту.

Билкнэп издал странный звук — нечто среднее между стоном и

рычанием, — наклонился ко мне и прошипел:

— Я знал, что ты откажешься мне помочь, мерзкая горбатая жаба! Я никогда не забуду тебе этого!

Я видел, что клиент Билкнэпа, стоя чуть поодаль, с интересом следит за действиями своего адвоката. Не говоря ни слова, я развернулся и вернулся к скамье, на которой сидели Барак и Рук.

— Что ему понадобилось? — спросил Барак. — Он выглядел так, будто вот-вот набросится на вас.

— Он где-то потерял документы и не представил в суд свидетельство о собственности на землю.

Барак присвистнул.

— Вот это да! Значит, он в полном дерьме.

Я стиснул губы. Оскорбление, нанесенное мне Билкнэпом, утвердило мою решимость до последнего отстаивать интересы Гибба Рука, тем более что, невзирая на всю его браваду, перед лицом правосудия он был сущее дитя.

— Что? — возбужденно спросил он, услышав, как мы перешептываемся. — Что случилось?

Я пересказал свой недолгий разговор с Билкнэпом и добавил:

— Если бы Билкнэп выложил все начистоту, судья, если он в хорошем настроении, возможно, и согласился бы отложить слушания, но Билкнэп умеет только врать и выкручиваться.

— Значит, с сэром Джефффри покончено?

— Вполне возможно.

Билкнэп присел на корточки и вновь рылся в своих бумагах — отчаянно и безнадежно. Его руки тряслись.

В дверях зала заседаний появился судебный пристав и объявил:

— Пусть все, кто участвует в слушаниях суда прошений его королевского величества, пройдут в зал.

Билкнэп посмотрел на него взглядом, полным ужаса, а потом встал и вместе с остальными вошел в старей, выкрашенный белой краской зал с высокими грязными окнами. Единственным ярким пятном была красная мантия судьи, восседавшего на своей скамье.

Судья Стивен Эйнсворт был человеком справедливым, но острым на язык. Стоило ему дойти до нашего дела, он сразу же заметил, что комплект документов не полон. Как я и ожидал, Билкнэп поднялся со своего места и принялся врать, утверждая, что он предоставил все необходимые бумаги, но секретарь суда, должно быть, потерял их. Сразу же вслед за этим он

попросил о переносе слушаний.

— Где расписка секретаря в том, что он принял у вас документы? — спросил Эйнсворт.

— Я отдал ее своему клерку, ключ от конторы у него, а он сегодня туда не приехал. А мне пришлось выехать сюда заранее, поскольку ступени причала на Вестминстере сломаны, и...

Да, Билкнэп умел быстро соображать. Однако судья Эйнсворт повернулся к приставу.

— Приведите сюда секретаря суда прошений, — распорядился он.

Пришел секретарь и, разумеется, сообщил, что никаких документов он не получал. Билкнэп, судя по виду, был готов в любой момент упасть в обморок.

— Я подозреваю, что вы солгали мне, брат Билкнэп, — холодно проговорил Эйнсворт. — Будьте осторожны, сэр. Иск вашего клиента против Гилберта Рука отклонен из-за непредставления необходимых документов. Йомен^[14] Рук, вы можете остаться на вашей земле. Вам повезло.

Физиономия Гиба расплылась в улыбке от уха до уха. Билкнэп сел. Его лицо посерело. Клиент склонился к нему и стал что-то яростно шептать ему на ухо. Физиономия сэра Джеффри была перекошена от злости. Я обратил внимание на белоснежные зубы землевладельца. Еще один любитель вставных челюстей.

— Мастер Шардлейк, — продолжал Эйнсворт, — я слышал, вы подали апелляцию по делу некоего подростка, отправленного в Бедлам по решению Тайного совета?

— Да, ваша честь.

Задумчиво нахмурившись, судья постучал пером для письма по столу.

— Слушание подобных дел подпадает под мою юрисдикцию?

— Суть моего иска, ваша честь, состоит в том, что не было предпринято никаких действий, направленных на исследование психического здоровья мальчика. Между тем, прежде чем ограничивать свободу субъекта, это необходимо сделать. Таково требование закона.

Я сделал глубокий вдох.

— Я предлагаю привлечь к этому обследованию врача. Но если вы согласитесь начать слушания, для начала можно было бы обсудить еще некоторые вопросы, связанные с делом: во-первых, кто будет оплачивать счета за содержание юноши в Бедламе и, во-вторых, необходимость регулярных отчетов персонала об изменениях в состоянии его здоровья. Родители парня бедны.

— Ну, с этим-то я справлюсь. Суд не станет откладывать дело в долгий ящик и в ближайшее время назначит дату слушаний. Но, мастер Шардлейк...

Он посмотрел на меня долгим серьезным взглядом.

— Вы входите в опасные воды. Политика и безумие — это...

— Я знаю, ваша честь.

— Будьте осторожны. Ради блага вашего клиента и вашего собственного.

Гиб был счастлив успешным исходом своего дела. От его наглых манер не осталось и следа, он едва не плакал от облегчения. Он пообещал мне свою благодарность до гробовой доски и вышел из зала суда, чуть не танцуя.

Слушания продолжались. Для меня это был удачный день: я выиграл все поданные мной иски. В половине пятого суд встал, после чего победители и побежденные покинули зал заседаний. Мы с Бараксом стояли на ступенях суда.

— Билкнэп выглядел больным, — заметил я.

— И стал выглядеть много хуже после того, как его иском подтерлись.

— Он всегда являлся хитроумным злодеем, но сегодня был просто жалок. С этого дня он будет еще больше ненавидеть меня.

На противоположной стороне квадратного двора, окруженного зданиями, располагался расписной зал, где заседала палата общин. Там горели свечи, и их желтый свет был виден через высокие окна.

Баракс хмыкнул.

— Говорят, в эту сессию они штампуют все билли, которые король выносит на их рассмотрение.

Мой помощник сплюнул на землю.

— А тех членов палаты, которые не находятся в кармане у его величества, можно купить с помощью взяток или запугать.

Я промолчал, поскольку возразить было нечего.

— Родители Адама Кайта будут довольны, что по его делу пройдут слушания, — констатировал Баракс.

— Да. Судья Эйнсворт занервничал, узнав, что в дело замешан Тайный совет, но он честный человек. Это напомнило мне кое-что. Я не рассказывал тебе, но, возвращаясь из Бедлама, я встретился с похоронной процессией лорда Латимера и видел леди Латимер. То есть я решил, что это именно она. Вдова ехала в большой карете.

— Какая она? — с интересом спросил Баракс.

— Не такая уж и красавица, но что-то манящее в ней, безусловно, есть. Мне показалось, что она выглядела испуганной.

— Наверное, боится ответить королю «да» и боится сказать «нет».

Я печально кивнул. Явный испуг женщины произвел и на меня гнетущее впечатление.

— Что ж, теперь мне нужно найти лодку, поехать к Гаю и узнать, что ему удалось выяснить. А ты отправляйся в Линкольнс-Инн и оформи на бумаге сегодняшние решения суда. И вот еще что: напиши Кайтам и попроси их прийти ко мне завтра.

Мы пошли обратно, к пристани Уайтхолла. У ворот двора нового дворца уже выстроилась вереница ярко размалеванных шлюх, надеявшихся привлечь внимание кого-нибудь из членов парламента, когда те будут выходить после окончания дневных заседаний. Две из них наклонились, демонстрируя мне свои пышные прелести.

— Они ведут себя весьма нахально, — заметил я. — Если их поймают, то привяжут к повозке и потащат по улицам.

— Этого не случится, — хитро улыбнулся Барак. — Члены парламента будут против. Мысль о возможности покувыркаться с этими красотками — единственное, что помогает им досидеть до конца скучных заседаний.

— Может, именно поэтому они так быстро одобряют все законопроекты короля?

К тому времени, когда я добрался до Гая, уже стемнело. Его лавка была закрыта, но он сразу ответил на мой стук. Открыв дверь и впусив меня внутрь, он с мрачным видом предложил садиться. Сев напротив, Гай сцепил пальцы и уставился на меня серьезным взглядом.

— Как себя чувствует бедная миссис Эллиард? — спросил он.

— Подавлена. Мы ни на шаг не продвинулись в расследовании убийства Роджера. Не можем даже найти поверенного по имени Нантвик, который якобы присылал ему письма. Я начинаю думать, что эти письма писал и отсылал убийца.

— А как ты сам? Выглядишь очень напряженным, хотя совсем недавно держался молодцом. Ты продолжаешь делать упражнения для спины?

— Да, я выполняю все твои предписания, Гай. Я дисциплинированный пациент.

Я сделал глубокий вдох.

— И, как бы тяжело это ни было, я готов выслушать все, что ты расскажешь мне относительно осмотра тела Роджера. Прошу лишь об одном: поменьше ужасных деталей.

— Сегодня утром я съездил туда, где сейчас хранится тело. Я взял с собой Пирса...

Я нахмурился. Мысль о том, что Гай взрежет тело Роджера и станет копаться в его внутренностях, была ужасна сама по себе, но то, что это будет делать совсем посторонний человек, какой-то мальчишка...

— Я натаскиваю его, Мэтью. Лицензия на вскрытие трупов, которой я располагаю, предоставляет уникальную возможность изучать человеческую анатомию. В будущем он использует эти знания, чтобы помогать другим людям.

И все же мне было неприятно думать об этом.

— Что ты узнал? — спросил я.

— Пока я могу сказать одно: на момент смерти мастер Эллиард находился в отменном здравии.

— Так оно и было, до того момента, пока кто-то не оглушил его и не перерезал ему горло.

— Не думаю, что он был оглушен, — проговорил Гай все тем же мрачным тоном. — По крайней мере, не в том смысле, какой мы вкладываем в это слово.

Я ошарашенно смотрел на собеседника.

— Ты хочешь сказать, что в момент смерти он находился в сознании?

— Нет, не это. Ты когда-нибудь слышал про двейл?

Я отрицательно мотнул головой.

— Впрочем, зачем тебе это знать? Это жидкий компонент опия, а также некоторых других веществ, например уксуса и свиной желчи. С помощью этого вещества человека можно вогнать в бессознательное состояние. В зависимости от использованного количества. Оно может вызывать расслабление, отключение сознания или смерть. Его использовали столетиями с единственной целью: отключить пациента перед хирургической операцией.

— Значит, это сильное обезболивающее! Почему же тогда я никогда не слышал о нем?

Гай покачал головой.

— Тут все не так просто. Более того, существует большущая проблема. Правильную дозу очень трудно определить. Чрезвычайно трудно. Она зависит от многих факторов: срока хранения ингредиентов, габаритов и возраста самого пациента. Малейшая передозировка — и на руках у врача оказывается свеженький труп. По этой причине сегодня это вещество применяется крайне редко. Но я думаю, убийца мастера Эллиарда использовал именно его.

— Почему?

— Позволь, я кое-что покажу тебе.

Гай вышел из комнаты и вернулся через несколько секунд. Я с испугом думал, что за ужасную вещь он с собой принесет, но это оказался всего лишь башмак Роджера. Он положил башмак себе на колено, поднес к нему свечу, и в ее пламени стало видно большое темное пятно.

— Этот башмак был сухим. Он, должно быть, находился на той ноге, которая торчала из фонтана. Увидев это пятно, я сначала понюхал его, а потом повозил по нему пальцем и попробовал на вкус. Тут явно ощущается вкус двейла.

Он посмотрел на меня.

— Первым делом человек, принявший его, впадает в состояние эйфории, затем теряет сознание. Этим и объясняется столь мирное выражение, что застыло на лице твоего друга.

— Ты говоришь, что это вещество больше не применяется. Кто же мог использовать его?

— Очень немногие врачи и хирурги, кто-то из лекарей, не имеющих лицензии на врачевание.

Гай помолчал, снедаемый какими-то внутренними сомнениями, и добавил:

— Традиция использования этого вещества существовала в некоторых монастырях.

В комнате повисла тишина. Я пристально посмотрел на друга и спросил:

— Ты тоже пользовался этой штукой?

Гай неохотно кивнул.

— Только в тех случаях, когда думал, что пациент во время серьезной хирургической операции может умереть от болевого шока. Кроме того, у меня богатая практика в определении правильной дозы. И хотя сегодня это вещество уже не используется, его формула хорошо известна врачам. Тут никакого секрета нет.

— Значит, тут требуется богатый опыт?

Малтон кивнул.

— Убийца не хотел давать Роджеру смертельную дозу. Ему нужно было устроить эту ужасную картину в фонтане. Поэтому он накачал мастера Эллиарда двейлом так, что тот отключился и не пришел в себя даже тогда, когда ему стали резать горло.

— Что еще поведало тебе тело?

— Больше ничего. Все органы в прекрасном состоянии. Его здоровью

мог бы позавидовать и более молодой мужчина.

— Ты говоришь как-то очень отстраненно, Гай.

— Иначе и быть не может, Мэтью, в противном случае разве мог бы я спокойно смотреть на все те вещи, которые мне приходится видеть почти ежедневно?

— А вот я не могу быть таким беспристрастным. По крайней мере, в данном случае.

— Тогда, может быть, тебе стоит предоставить расследование другим людям?

— Не могу, я дал Дороти обещание найти убийцу.

— Очень хорошо.

На мгновение Гай вдруг стал таким же напряженным и усталым, каким был в тот вечер, когда я привел к нему Роджера.

— Была, правда, у него шишка на затылке. Я думаю, тот человек, с которым встречался твой друг, действительно оглушил его ударом по голове, а когда он пришел в сознание, каким-то образом принудил его принять двейл. Он снова отключился, теперь уже основательно, и убийца отнес его в Линкольнс-Инн.

— Через поле и оранжерею.

Я рассказал ему про следы, по которым шел Барак.

— Роджер был миниатюрным мужчиной, но этот негодяй все равно должен был быть очень сильным человеком.

— И целеустремленным. И злым.

Я покачал головой.

— А еще образованным. Судя по тому, что ты рассказал, он должен быть хорошо знаком с медициной. Да и с миром юриспруденции тоже, если ему удалось сочинить письмо от имени мифического поверенного, которому поверил Роджер. Но зачем? Зачем убивать человека, который никогда в жизни не причинил никому вреда? Зачем устраивать весь этот чудовищный спектакль?

— У него не было врагов?

— Ни одного.

Я снова посмотрел на башмак Роджера, и этот взгляд словно переполнил чашу. К горлу подкатила тошнота.

— Мне нужно в уборную, Гай... — с трудом выдавил я.

— Ты знаешь дорогу.

Я ушел в уборную, стоявшую на заднем дворе. Это был обыкновенный деревянный нужник с выгребной ямой, но пахло здесь не так сильно, как в других подобных местах. В воздухе, видимо, было разбрызгано какое-то

вещество, которое заглушало запах нечистот. В уборной меня долго рвало, а когда я возвращался в дом, ноги дрожали и подкашивались.

Из комнаты доносились приглушенные голоса. Дверь была приоткрыта, и я увидел Гая и мальчишку Пирса, сидевших за столом. Они поставили перед собой свечу и рассматривали в ее свете раскрытую книгу, лежавшую перед ними на столе. Я даже издали узнал анатомический атлас Везалия с его кошмарными иллюстрациями. Пирс отбросил со лба темный чуб и возбужденно проговорил:

— Смотрите, сердце на этой картинке выглядит точь-в-точь как сердце Эллиарда.

В этот момент он увидел меня, и его лицо залила краска.

— Мастер Шардлейк? Я не знал, что вы все еще здесь. Я принес книгу...

— Вижу, — коротко ответил я. — Бедный Роджер. Что бы он испытал, узнав, что самые интимные органы его тела станут предметом для болтовни мальчишки-ученика? Хотя, возможно, его эта мысль позабавила бы. А вот мне она ничуть не кажется забавной.

Я с отвращением посмотрел на цветную гравюру, где было изображено развернутое человеческое тело и показаны все внутренние органы.

— Все это лишь во имя познания, сэра, — пробормотал Пирс.

Я наградил подростка ледяным взглядом, подумав, что Гай дает ему слишком много воли.

— Нет, Пирс, это была моя вина.

Гай выглядел смущенным и расстроенным.

— Ты будешь давать показания на следственных слушаниях, которые состоятся завтра утром? — спросил я его.

— Да, конечно.

— А Адам? Ты пока не решил, когда сможешь посетить его? Мне тоже нужно в Бедлам. В пятницу утром судебных слушаний не проводится, мы могли бы поехать туда вместе. В пятницу тебе будет удобно сделать это?

Он достал длинную записную книжку в кожаном переплете и полистал ее.

— В пятницу, в полдень.

— Хорошо. А теперь я ухожу.

Я бросил злой взгляд на книгу, которая все так же лежала открытой на столе, и на Пирса, терпеливо стоявшего рядом со своим хозяином.

Гай протестующе вздернул руку.

— Нет, Мэтью, подожди.

Гай закрыл атлас Везалия и протянул его Пирсу.

— Забери ее, мой мальчик, и принеси нам вина. А потом можешь продолжить изучение книги, если есть желание.

— Да, сэр.

Гай дружески похлопал парня по плечу, и тот удалился.

— Прости, Мэтью, мы ничем не желали оскорбить Роджера Эллиарда. Просто труд Везалия чрезвычайно важен для любого, кто занимается медициной, а ты ведь сам просил меня выяснить, как и отчего погиб твой друг. Причем, уверяю тебя, даже в те минуты, когда я этим занимался, я не переставал молиться о его бедной душе.

Я улыбнулся. Я слишком хорошо знал Гая и его доброту, чтобы сердиться на него слишком долго.

— Неужели этот твой Везалий такой выдающийся? — спросил я.

— О да! И главным образом потому, что он положил начало совершенно новому подходу, основываясь на наблюдении, а не слепом следовании общепринятой доктрине.

— В таком случае его труды не очень понравятся большинству врачей.

— Конечно, ведь он подрывает их монополию на некое тайное знание, а кто знает, к чему это приведет?

Я колебался, не зная, что делать.

Он взглянул на диаграмму, висевшую на стене.

— Вполне возможно, используя подход Везалия, можно поставить под сомнение и проверить сами основы медицинской науки, которые вплоть до сегодняшнего дня считались незыблемыми.

Я проследил за его взглядом и тоже посмотрел на схему с нарисованными на ней сложными уравнениями и символами. Представление о том, что человеческое тело состоит из четырех главных жидкостей — черной желчи, желтой желчи, слизи и крови, — соответствующих четырем стихиям — земле, огню, воде и воздуху, — настолько прочно укоренилось в сознании людей, что я даже представить себе не мог, как можно бросить вызов этой догме. Точно так же, как и прописной истине, в соответствии с которой любая хворь человека вызвана дисбалансом между четырьмя стихиями его тела. Я вспомнил, как мы с Роджером обсуждали эту концепцию в последний вечер, когда я его видел.

— В таком случае мне не рекомендуется есть салат, когда у меня плохое настроение, чтобы смягчить последствия разлития черной желчи? [15] — проговорил я. — Это облегчило бы мое состояние.

Гай грустно улыбнулся.

— Я бы скорее рекомендовал тебе посещение музыкального вечера или долгую прогулку по Линкольнс-Инн-филдз.

— Только не эти поля, Гай. Похоже, именно там Роджер повстречал своего палача.

В дверь постучали. Пирс принес высокий кувшин с вином и два бокала. Когда он ушел, я сказал:

— Я обещал Дороти поймать убийцу, но беда в том, что я не знаю, как его ловить.

— Мне известно лучше, чем кому бы то ни было, как много загадок ты разгадал в прошлом. Сейчас ты просто недооцениваешь самого себя.

— Я был бы глупцом, если бы недооценил все сложности, связанные с этим делом. Из-за Пасхи и никудышной работы коронерских контор расследование начинается лишь через четыре дня после убийства. Четыре дня без официального расследования! Я надеялся на то, что королевский коронер ускорит ход событий, но этого не случилось. Готов поставить десять к одному, что убийцы уже нет в Лондоне, хотя при том, как обстоят дела, он вполне мог бы остаться здесь, втихомолку подсмеиваясь над коронерами, констеблями и их непроходимой глупостью.

Я сокрушенно покачал головой.

— Если он образованный человек, это сузит круг поисков. Ты не хуже меня знаешь, что мир медицины и мир юриспруденции весьма закрыты и их обитатели не любят делиться своими секретами.

— Возможно. Но многие неплохо разбираются в обеих науках. Впрочем, знание относительно двейла довольно необычно.

— Не только относительно самого вещества, но и о способах его применения. Подождем завтрашних слушаний. Может, что-нибудь прояснится.

Я кивнул и сделал глоток вина. Гай уже допил свой бокал, и это удивило меня, поскольку его неизменно отличала умеренность буквально во всем.

— Спасибо, что согласился взяться за Адама Кайта, — поблагодарил я. Он кивнул.

— Мания спасения души. Странный вид одержимости. Предрасположенные к маниям люди оказываются заикленными на других людях, идеях или религии. А уж от религиозных фанатиков вообще не стало прохода. Остается удивляться тому, что такие, как Адам Кайт, встречаются еще не так часто.

Гай задумчиво перевернул бокал доньшком вверх.

— Лодочник сказал мне сегодня, что огромные рыбины, которые выбросились из реки, на самом деле — левиафаны и они предвещают второе пришествие Христа.

Гай мотнул головой.

— Левиафан был только один.

— Вот и я так думаю.

— Мир стал черно-белым, Мэтью. Это манихейский мир, в котором священники призывают всех и каждого принять участие в схватке между добром и злом. И при этом, разумеется, каждый абсолютно уверен в том, что его позиция единственно правильная.

Я склонил голову и улыбнулся.

— Вроде противостояния между протестантами и католиками?

— Совершенно верно. Не забывай, мои родители были мориски,^[16] которых изгнала из Испании инквизиция. Я собственными глазами видел дикость, разыгравшуюся после того, как эти фанатики, не знающие сомнений в своей правоте, дорвались до власти.

Гай посмотрел на меня угрюмым взглядом.

— Но заметь: сколько бы несправедливостей ни натворила католическая церковь, она всегда верила в свободу воли, что люди своими действиями и своей верой могут выбрать собственный путь к Богу. Новый протестантский радикализм подобного не допускает, предоставляя человеку лишь две возможности: либо он будет спасен, либо проклят. Не благодаря своему выбору, а только по Божьему разумению. И вот в результате мы получаем Адама Кайта, который считает, что он не угоден Богу.

— А его тупой викарий не способен излечить парня и поэтому думает, что он одержим.

— Так ему проще оправдать свою несостоятельность.

— Я никогда не разделял убеждений Лютера относительно предопределения, Гай. В их споре с Эразмом Роттердамским на тему свободы выбора я неизменно стоял на стороне Эразма.

Я взглянул на Гая.

— Сегодня утром я видел, как на площадь перед собором Святого Павла тащили уличного проповедника, облаченного во власяницу и с головой, посыпанной пеплом. Боннер намерен обрушиться на протестантов и сломить их сопротивление, но они этого так не оставят. Для иноземцев наступают тяжелые времена.

— Да, ты прав. Учитывая мою смуглую кожу и монашеское прошлое, мне лучше вести себя тише воды ниже травы и как можно реже выходить из дома. А кроме того, поменьше рассуждать об открытиях Везалия и тем паче того польского ученого, который утверждает, что Земля вращается вокруг Солнца. Но разве можно тут говорить о душевном спокойствии,

даже если безвылазно сидишь дома?

Гай говорил так тихо, что я едва разобрал слова. Его лицо внезапно исказилось болью и грустью.

— Что с тобой, Гай? — участливо спросил я. — У тебя какие-то личные затруднения?

— Нет, — с усилием улыбнулся он. — Старые болячки дают о себе знать, вот и все. Но у меня в погребе достаточно вина, чтобы заглушить эту боль. Пойду-ка я спать.

Он встал из-за стола.

— Спокойной ночи.

— Я передам родителям Адама Кайта, что ты встретишься с ними. Для них это станет огромным облегчением.

Мы пожали друг другу руки, и я ушел. Я был рад, что расстались мы все-таки по-дружески. Но я не поверил Гаю, когда он сказал, что у него все в порядке.

Глава 8

На следующее утро я зашел за Дороти, чтобы сопровождать ее на коронерские слушания. Она не выходила из дома со дня смерти Роджера, и я беспокоился о том, как ей удастся вынести предстоящие хлопоты. Проходя по Гейт-хаус-корт, я заметил, что фонтан, как и фонтан в Вестминстере, уже включили и он весело брызгается струйками воды. Погода стояла теплая, в ветвях деревьев щебетали птицы. Мир природы возвращался к жизни, но я не мог найти в себе сил порадоваться этому весеннему пробуждению.

Дороти сидела в кресле перед камином, ее верная Маргарет — рядом с ней. Обе женщины были одеты в черные платья и чепцы с широкими траурными лентами. На темном фоне бледный овал лица Дороти казался белым как снег. Ее вид напомнил мне о том, как недавно я видел еще одну безутешную вдову — Кэтрин Парр.

Увидев меня, Дороти храбро улыбнулась.

— Уже пора? Да, по твоему лицу вижу, что пора.

Она вздохнула и посмотрела на фриз, висевший над камином. Я взглянул туда же. Из зарослей толстых ветвей на меня смотрел горноста́й.

— Прямо как живой, — заметил я.

— О, как нравилась эта вещь Роджеру! Его сердило лишь то, что угол фриза плохо отремонтировали после повреждения.

— Ты уверена, что сможешь выдержать то, что нас ждет сегодня? — спросил я, поглядев на ее белое лицо и впалые щеки.

— Да, — ответила Дороти, и в ее голосе прозвучала прежняя решительность. — Я должна видеть, как ловят убийцу Роджера.

— Оpozнание тела, если хочешь, я могу взять на себя.

— Да, сделай одолжение. Боюсь, что это будет для меня чересчур.

— До Гилдхолла^[17] доберемся на лодке.

— Хорошо.

Помедлив, она неожиданно для меня спросила:

— О чем говорят люди на улицах?

— Только о том, что здесь произошло жестокое убийство.

— Если кто-то осмелится сказать про Роджера хотя бы одно дурное слово, я выцарапаю ему глаза.

— Вот это правильно, хозяйка, — одобрительно проговорила Маргарет и помогла Дороти подняться с кресла.

В огромном, с колоннами, зале лондонской ратуши царило обычное оживление. Необычным было другое: два констебля, которых зачем-то поставили у входа. По залу во всех направлениях суетливо перемещались члены Городского совета и чиновники различных гильдий. Некоторые из них с любопытством поглядывали на большую группу одетых в черное адвокатов, собравшихся в дальнем углу. Я узнал суровое лицо казначея Роуланда, остальные были барристерами из Линкольнс-Инн, избранными в состав жюри присяжных. Меня удивило то, что, за исключением казначея Роуланда, все они были очень молоды. Многим было явно не по себе. В том числе и двум студентам, которые нашли тело. Они стояли с краю группы. Гай находился чуть в стороне и был погружен в беседу с Баракком.

Дороти взглянула на стоящих мужчин, поколебалась, а затем двинулась к скамейке у стены. Сев, она жестом подозвала Маргарет.

— Мы подождем здесь начала слушаний, — сказала она мне. — Для меня сейчас невыносимо говорить с кем бы то ни было.

— Как пожелаешь.

Я подошел к Бараку и Гаю.

— Здравствуй, Мэтью, — поздоровался Гай. — Это, должно быть, бедная вдова? Она выглядит ужасно бледной.

— Ей стоил о невероятных усилий прийти сюда сегодня. Но она храбрая женщина.

— Да, под ее страданиями чувствуется сила. — Он кивнул на Барака. — Джек заметил кое-что любопытное.

— Что именно?

Барак выглядел невыспавшимся и раздраженным. Неужели опять провел всю ночь в каком-нибудь притоне? Он наклонился ко мне, окатив кислым дыханием.

— Громкое убийство вроде этого неизменно собирает толпы зрителей, которые заполняют галерею для публики. Но эти констебли не пускают никого из посторонних.

— Вот как?

С одной стороны, отсутствие зевак сбережет нервы Дороти, но вообще-то подобное было немислимым. Коронерский суд,^[18] как и любой другой, всегда был открытым.

Рядом со мной появился казначей Роулэнд.

— Брат Шардлейк, можно вас на пару слов?

Мы отошли в сторонку.

— Мой клерк сообщил мне, что на слушания не допускают

зрителей, — проговорил я.

— Судебный пристав говорит, что принято решение объявить слушания закрытыми. Дескать, для того, чтобы избежать слухов и досужих разговоров. Никогда не слышал ни о чем подобном.

Нас прервал судебный пристав в черной мантии, пригласивший всех в зал заседаний. Я подошел к Дороти. Она встала со скамьи. Губы плотно сомкнуты, на щеках пылают красные пятна.

— Возьми меня за руку, Маргарет, — негромко попросила она.

Присяжные расступились, чтобы пропустить их в зал.

Нам выделили одно из помещений ратуши, где проводились слушания по самым разным вопросам. За столом сидели два коронера, перед ними выстроились ряды скамеек. Пристав провел меня и остальных свидетелей на первый ряд, присяжные заняли второй и третий. Скамейки, которые при иных обстоятельствах занимала бы публика, сейчас были пусты.

Я смотрел на двух коронеров, сидевших за столом лицом к нам. Броун сцепил пухлые руки на круглом животе. Мужчина, расположившийся рядом с ним, был совсем другим: сорока с небольшим лет, не высокий, но крепко сложенный, с квадратным лицом. Под его черной шапочкой кучерявились густые каштановые волосы; короткая, уже начинавшая сесть борода была аккуратно подстрижена. Мы посмотрели друг на друга. Взгляд его светло-голубых глаз оказался цепким и оценивающим.

— Это сэр Грегори Харснет, — прошептал Барак, — заместитель королевского коронера. Раньше он был в лагере лорда Кромвеля. Один из немногих реформаторов, которым удалось сохранить свои посты и положение.

Броун громко рыгнул. Харснет неодобрительно покосился на него, и вторую отрыжку коронер попытался замаскировать под кашель. После этого у меня не осталось сомнений в том, кто здесь главный. Пристав закрыл двери.

— Прощу тишины! — провозгласил Харснет.

Он говорил чистым негромким голосом, в котором угадывался акцент выходца из западных графств.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы заслушать обстоятельства внезапной и ужасной гибели Роджера Эллиарда, барристера из Линкольнс-Инн. Поскольку все присяжные являются юристами, мне нет нужды говорить о том, что сегодня мы осмотрим тело, выслушаем показания свидетелей и решим, можем ли мы вынести вердикт.

Присяжных привели к присяге. Молодые барристеры поочередно

подходили к судебному приставу, державшему Библию, клали на нее ладонь и произносили слова клятвы. Затем Харснет вновь обратился к нам.

— Прежде чем мы осмотрим тело, я вызываю доктора Гая Малтона, на которого была возложена задача провести исследование тела. Пусть расскажет нам о том, что ему удалось выяснить.

Гай встал и представился, перечислив все свои врачебные звания и титулы. Присяжные с нескрываемым любопытством рассматривали его смуглую кожу. Гай сообщил, что, по его мнению, Роджера ввели в бессознательное состояние, накачали наркотиком, называемым двейл, отнесли к фонтану и там перерезали ему горло.

— Он умер не оттого, что захлебнулся водой, а от обильной кровопотери. Это означает... — Гай замялся. — Это означает, что после того, как ему перерезали горло, его держали над фонтаном до тех пор, пока он не умер, и только после этого бросили туда.

В зале повисло молчание. Все присутствующие, без сомнения, пытались представить себе ужасную сцену, которую описал Гай.

— Как долго он был мертв к тому моменту, когда его нашли? — спросил Харснет.

— Несколько часов. Трупное окоchenение было замедлено холодной погодой. — Гай бросил взгляд на меня. — Я даже думаю, что к тому времени на поверхности воды должна была сформироваться ледяная корка.

— Так и было, — подтвердил я.

Я посмотрел мимо Барака на Дороти, которая вместе с Маргарет сидела справа от Гая. С виду она казалась спокойной, ее лицо ничего не выражало. В черных траурных одеждах она почему-то казалась меньше, словно усохла.

Харснет, хмурясь, посмотрел на Гая.

— Какую цель мог преследовать злоумышленник, поставив столь жуткий спектакль — убитый человек, лежащий в фонтане крови?

Гай только развел руками.

— Не могу сказать.

И снова эти слова показались мне знакомыми. «Фонтан крови...» Но где я их слышал?

— Страшное дело.

Харснет покачал головой. На его лице читалась глубокая озабоченность. Затем он медленно поднялся.

— Присяжные, — негромко проговорил он, — сейчас мы вместе произведем осмотр тела. Доктор Малтон тоже пойдет с нами — на случай, если возникнут вопросы. В бумагах говорится, что опознать погибшего

должен брат Шардлейк.

Он перевел взгляд на меня.

— Это вы?

— Да, мастер коронер.

Он посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом.

— Как давно вы знали погибшего?

— Двадцать лет. Я хотел избавить его вдову от тяжелой обязанности опознания.

Харснет посмотрел на Дороти.

— Очень хорошо, — произнес он, поднялся и вышел из зала.

За ним последовали присяжные и мы с Гаем.

Когда простыню, прикрывавшую тело Роджера, отбросили, никто из присяжных не произнес ни слова. Несмотря на то, что в воздухе предусмотрительно разбрызгали ароматическую эссенцию, здесь явственно ощущался запах разложения. Увидев мертвое лицо Роджера, я закрыл глаза. Хотя в последнее время я редко обращался к Богу, сейчас я стал молиться, чтобы Он помог поймать убийцу, дал мне сил выполнить свою миссию до конца и в кои-то веки выполнил мои просьбы. Открыв глаза, я увидел, что лица парочки присяжных позеленели. Гай показал нам страшную рану и еще раз рассказал, как наступила смерть. Вопросов ни у кого не оказалось, и мы вернулись в зал заседаний.

Когда все расселись, Харснет обвел присутствующих серьезным взглядом.

— Сегодня, — заговорил он, — нам предстоит квалифицировать смерть Роджера Эллиарда. Ясно, что это убийство, но кто совершил его? Я вызываю Джека Барака.

Он задал Бараку несколько вопросов относительно следов на снегу, которые тот обнаружил на месте убийства.

— Следы вели сначала к фонтану, а потом — в обратном направлении, — рассказал Барак. — Идя к фонтану, убийца нес что-то тяжелое, а возвращался уже налегке. Снег быстро таял, но следы отпечатались на нем очень отчетливо.

Харснет буравил свидетеля взглядом.

— Обычный человек не может пронести бессознательное тело так далеко, как вы утверждаете.

— Может, если он обладает недюжинной силой и дьявольской решимостью.

— Насколько мне известно, вы служили у лорда Кромвеля?

Интересно, подумалось мне, откуда Харснет об этом узнал?

— Это так. Я работал на него до того, как стал клерком в адвокатской конторе.

— В качестве кого?

— В качестве кого угодно, — радостно сообщил Барак. — Выполнял все, что прикажет хозяин.

— Садитесь, — холодно обронил Харснет.

Легкомысленный ответ Барака ему явно пришелся не по душе. Коронер Броун, сидевший рядом, глупо ухмыльнулся. Он вообще не принимал участия в разговоре, и его присутствие на слушаниях, очевидно, являлось простой формальностью.

Дали показания двое студентов, а после них — я. Мы рассказали о времени и обстоятельствах обнаружения тела. Харснет вызвал казначея Роуланда. На вопрос о душевном состоянии Роджера он четко и внятно ответил, что тот был жизнелюбивым, бодрым человеком, который пользовался уважением среди коллег, имел множество друзей и ни с кем не враждовал.

— И все же один враг у него был, — заметил Харснет, — жестокий и умный. Убийство было спланировано с огромным терпением и хитростью.

Я с уважением посмотрел на помощника королевского коронера. Этот человек явно обладал незаурядным умом.

— Кто-то ненавидел Роджера Эллиарда, — подвел он итог и повернулся к Роуланду. — Что с поверенным, который написал письмо мастеру Эллиарду?

— Это мифическая фигура, сэр. Никто не знает клерка с таким необычным именем, как Нантвик. Я наводил справки во всех судебных корпорациях. Кроме меня, этим никто не озаботился, — добавил он, бросив красноречивый взгляд на Броуна.

Харснет неодобрительно посмотрел на Роуланда, но своенравный старик оставался тверд и даже не отвел взгляда.

— Могу я позволить себе напомнить суду об одном обстоятельстве? — спросил Гай, поднявшись со своего места.

— Да, — прорычал Харснет.

Меня удивила злость, прозвучавшая в его голосе. Я понимал: свидетели, которые высказываются по собственному усмотрению, могут раздражать, но обстоятельство, на которое обратил внимание Роуланд, было немаловажным, да и Гай, несомненно, собирался говорить не о пустяках.

— Сэр, даже для опытного врача было бы сложно рассчитать правильную дозу наркотика. Этот человек наверняка является

дипломированным специалистом.

— Вполне возможно, — кивнул Харснет, — но, к сожалению, это не позволяет нам продвинуться ни на шаг вперед. Когда речь идет о жестокой мести, как в нашем случае, налицо должен быть подозреваемый, а я не вижу ни одного. Учитывая то, что из-за пасхальных праздников расследование началось с запозданием, не думаю, что убийцу удастся быстро изловить.

Мои глаза расширились от удивления. Коронер не имел права занимать столь откровенно пораженческую позицию. При этом я чувствовал, что, произнося эти слова, Харснет испытывал внутреннюю неловкость. Броун снова ухмыльнулся — так, будто он ожидал подобного оборота дел.

— Мы должны быть реалистами, — продолжал Харснет. — Я предвижу, что вердикт будет гласить: «Убийство, совершенное одним или группой неизвестных», и подозреваю, что они так и останутся неизвестными.

Я был потрясен. Оказывалось вопиющее давление на жюри присяжных, но никто из молодых барристеров не осмелился произнести ни слова.

И тут я услышал шорох юбок. Дороти встала со своего места и стояла, глядя на помощника королевского коронера.

— Вы не предоставили мне слова, сэ, но если кто-то здесь и имеет на это право, то это я. Я любой ценой увижу, как схватят убийцу моего мужа, и уверена, что это непременно произойдет. Благодаря помощи наших верных друзей.

Она дрожала всем телом, щеки покраснелись, но голос оставался чистым и резал воздух, словно острый нож. Произнеся последние слова, она повернулась ко мне. Я поддержал ее энергичным кивком, и она опустилась на скамью.

Я ожидал взрыва негодования со стороны Харснета, но он просто сидел, сжав губы в узкую полоску. Его лицо побагровело. Броун усмехался. Замешательство вышестоящего чиновника явно забавляло его. Мне хотелось встать и стереть эту ухмылку с жабьего лица коронера. Наконец Харснет заговорил:

— Учитывая то, что миссис Эллиард находится в расстроенных чувствах, я не стану выносить ей порицания. Скажу лишь одно: для вынесения вердикта жюри необходимы дополнительные свидетельства и улики. Поэтому сегодня я не буду настаивать на вынесении вердикта. Дело остается открытым, а я тем временем проведу самостоятельное расследование...

Я вскочил на ноги.

— В обход жюри присяжных? Разве это допустимо, сэр?

— Коронер имеет право проводить собственное расследование в тех случаях, когда считает это необходимым. Это тот самый случай. Присяжные — юристы, каковым являлся и погибший. Чем меньше эмоций и чем больше здравого смысла будет в расследовании, тем лучше для дела, а это возможно лишь в том случае, если я буду действовать в одиночку. Сядьте.

Я сел, но не сводил взгляда с Харснета.

— А теперь слушайте внимательно и накрепко запомните то, что я сейчас скажу.

Харснет обвел взглядом сидевших в зале. Он говорил медленно, отчего его акцент стал еще более заметен.

— Я не позволю, чтобы слухи об этом убийстве будоражили Лондон. Уже подписан королевский указ, запрещающий публикацию любых статей на эту тему. Все присутствующие обязаны хранить то, что они знают, в тайне, а любопытным давать от ворот поворот. Город нынче и без того переполнен пересудами. Таков мой приказ как помощника королевского коронера, и всякий, кто ослушается его, будет примерно наказан.

Харснет встал. Броун тоже хоть и с трудом, но поднялся.

— Эти слушания объявляются отложенными *sine die*.^[19] Они будут продолжены после того, как в моем распоряжении окажутся новые свидетельства. Всего наилучшего, джентльмены.

Пристав открыл дверь, и коронеры удалились. Сразу же послышался гул голосов.

— Это, должно быть, работа дьявола. Такое ужасное преступление накануне Светлого Христова Воскресенья! Убийца, скорее всего, одержим нечистым.

Я обернулся на молодого человека, произнесшего эти слова. Ну что за бред!

— А его нечеловеческая сила? Такое всегда наблюдается в случаях одержимости.

Маргарет повернулась ко мне.

— Хозяйке плохо. Нужно поскорее увести ее отсюда.

Дороти, судя по ее виду, действительно находилась в полуобморочном состоянии. Я поднялся и помог Маргарет вывести ее из зала. Рука Дороти показалась мне легкой, как птичья лапка, и я задумался: а ела ли она хоть что-нибудь все это время? Мы подвели ее к скамье, стоявшей в вестибюле, и усадили. Следом за нами вышли Барак и Гай, потом с сердитым видом

появился казначей Роулэнд. Я надеялся, что он подойдет и скажет Дороти несколько слов ободрения, но он только кивнул мне и проскользнул мимо, стуча каблуками по мраморным плиткам пола. Его в первую очередь заботила не горюющая вдова, а репутация Линкольнс-Инн и собственная власть. Вероятнее всего, в самом скором времени от Дороти потребуют освободить занимаемое помещение, принадлежащее корпорации.

Поначалу она сидела с закрытыми глазами, но потом выпрямилась и поочередно посмотрела на меня, на Маргарет, на Барака и на Гая.

— Спасибо вам за помощь и за то, что вы не позволили отвратить вас от поисков истины.

Она повернулась ко мне.

— Они ведь не станут ничего расследовать? Они считают, что убийца давно сбежал и все это пустая трата времени?

— Нет, тут что-то происходит. Не зря Харснет решил полностью забрать дело себе.

— Что он за человек?

— Мне о нем ничего не известно.

— Они пытаются похоронить дело, — с горечью проговорила Дороти. — Разве я не права?

— Ну-у...

— Будет тебе, Мэтью. Я двадцать лет была замужем за Роджером и за это время успела узнать немало о мире юриспруденции. Эти люди хотят закрыть дело и забыть о нем.

— Похоже на то. — Я сокрушенно покачал головой. — Если и дальше будем терять время, убийцу, возможно, действительно никогда не удастся найти.

— Ты сможешь мне, Мэтью? Я всего лишь женщина, они не станут меня и слушать.

— Даю тебе слово. Я начну с того, что поговорю с коронером Харснетом. Гай, ты побудешь здесь с Дороти?

Он кивнул.

— Тогда идем, Барак.

— Вы взяли на себя непосильные обязательства, — проговорил Барак, спускаясь следом за мной по ступеням Гилдхолла. — Она зациклилась на том, чтобы поймать убийцу, и я не представляю, что с ней будет, если сделать этого не удастся.

— У нас все получится, — твердо сказал я.

В дальнем конце вымощенной булыжником площади я увидел облаченную в черное фигуру Харснета. Он разговаривал с высоким,

крепким мужчиной лет тридцати. Незнакомец был одет очень дорого: под накинутой на плечи толстой шубой виднелся зеленый камзол с золотым кантом и рубашка, украшенная замысловатым испанским кружевом. На голове красовалась красная шапочка с белым пером, торчащим под залихватским углом. Ножны шпаги, висевшие на боку, были выполнены из великолепной кожи и инкрустированы золотом. Длинная медная борода добавляла великолепия облику этого господина.

В иных обстоятельствах я не рискнул бы вступать в полемику с королевским чиновником в общественном месте, да еще в тот момент, когда он занят беседой с человеком явно знатного происхождения и высокого положения, но сейчас, как никогда прежде, мной двигала ярость.

При моем приближении оба мужчины повернулись. Бородатый человек, в красивом лице которого ощущалась какая-то жесткость, с улыбкой взглянул на Харснета и проговорил:

— Правильно он сказал. Вот и Шардлейк. Явился не запылился.

Я посмотрел сначала на одного, потом на второго и задал вопрос:

— Что вы имеете в виду, сэр? Кто и что вам сказал?

Харснет тяжело вздохнул. Вблизи он выглядел куда более напряженным и озабоченным.

— Меня предупреждали, что вы можете остаться недовольны вердиктом, брат Шардлейк.

— Предупреждали? Но кто?

Тот, что был помоложе, указал на Барака:

— Избавьтесь от своей мелкой сошки, и я вам скажу.

Барак наградил его враждебным взглядом, но я кивнул и попросил помощника:

— Джек, скажи Дороти, что мне, возможно, придется задержаться, поэтому ей лучше отправляться домой. Я зайду к ней позже. А ты поезжай с ними.

Барак неохотно направился обратно к ратуше, а я повернулся к Харснету. Он смотрел на меня колючим взглядом. Его друг тоже. Мне вдруг стало не по себе.

— Рискну предположить, что вы пришли, желая выяснить, почему я отложил слушания, — спокойно проговорил Харснет.

— Да. — Я глубоко вздохнул. — Все это выглядит так, будто вы не хотите найти убийцу.

Высокий мужчина горько засмеялся.

— Вот в этом вы ошибаетесь, адвокат. — Он говорил глубоким, музыкальным голосом. — Ничего на свете мы не хотим больше.

— Тогда почему...

— У этого дела имеется политическая подоплека, — пояснил Харснет. Он оглянулся и, убедившись, что нас никто не слышит, продолжал:

— Мне говорили, что вы выступите против моего решения. А говорил это архиепископ Кранмер.

— Кто?!

Взгляд светло-голубых глаз Харснета был прикован ко мне.

— Вы действительно больше всего на свете хотите отыскать убийцу мастера Эллиарда?

При упоминании имени Кранмера по моей спине пробежал холодок. Выходит, в смерть Роджера каким-то образом вовлечена высокая политика, с которой я поклялся не связываться больше во веки веков. Но затем я вспомнил изуродованное тело Роджера и искаженное горем лицо Дороти.

— Да, — ответил я.

Богато одетый незнакомец вновь рассмеялся.

— Вот видишь, Грегори, в чем в чем, а в смелости ему не откажешь.

— Кто вы, сэр? — напрямую спросил я.

Мое нахальство заставило мужчину нахмуриться.

— Это сэр Томас Сеймур, — сообщил Харснет, — брат последней королевы Джейн.

— Так что будьте поучтивее, приятель, — проворчал Сеймур.

На несколько мгновений я утратил дар речи.

— Полученные мною инструкции состоят в следующем, — продолжал тем временем Харснет почти извиняющимся тоном. — Если вы поставите под сомнения мои действия, я должен буду доставить вас к архиепископу Кранмеру.

— Что за всем этим кроется?

— Гораздо больше, чем одна только смерть мастера Эллиарда.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Нечто поистине темное и страшное. Однако идемте. Лодка ждет. Она доставит нас до дворца Ламбет.

Глава 9

У причала Трех Журавлей нас ожидала одна из личных лодок архиепископа Кранмера, а в ней — четверо гребцов в белой форме. Харснет приказал им грести к Ламбету, и как можно быстрее.

Ледоход закончился, и река пестрела белыми парусами яхт и лодками, перевозившими лондонцев вдоль Темзы и с берега на берег. Вверх по реке ползли тяжелые баржи. Их матросы громко дули в трубы, сгоняя со своего пути более мелкие суденышки. Небо было светло-голубым, речной бриз — легким и прохладным. Но я думал о пучине под нами, из которой появились гигантские рыбы.

Позади нас высился Лондонский мост, утыканный домами и лавками, еще дальше мрачно темнела махина Тауэра. На арке в южном конце моста торчали длинные колья, на которые были насажены головы (к счастью, с такого расстояния их было не разглядеть) тех, кто бросил вызов королю или чем-то рассердил его. Среди них до сих пор находилась и голова моего старого хозяина, Томаса Кромвеля, а также головы Дирхэма и Келпепера, предполагаемых любовников казненной королевы Кэтрин Говард. Я вспомнил Томаса Келпепера, с которым познакомился в Йорке, — его красоту, петушиную гордость — и невольно поежился, оттого что снова попал в мир придворных интриг.

— Да, все еще холодно, — заметил Сеймур, неверно истолковав пробравшую меня дрожь, и плотнее запахнулся в свою шубу.

Я внимательно изучал его. Мне было известно, что он младший брат третьей жены Генриха, Джейн Сеймур, умершей при родах наследного принца Эдварда. Говорили, что она была единственной из пяти жен Генриха, кончину которой он искренне оплакивал. Старший брат Томаса Сеймура, Эдвард, граф Хартфордский, занимал высокое положение при дворе и был назначен лордом-адмиралом королевского флота. Лорд Хартфорд являлся единственным высокопоставленным реформатором, который удержался в Тайном совете после падения Кромвеля три года назад. Он был известен как серьезный, умелый политик и удачливый военачальник, который прошлой осенью успешно провел военную кампанию против шотландцев.

А вот его брат Томас заслужил репутацию безответственного ловеласа. Глядя на его красивое лицо, в это было несложно поверить: полуулыбка на пухлых губах, модная длинная борода — все говорило о чувственности

этого человека. Барак рассказывал мне, что сэр Томас считался авантюристом, и поэтому его ни за что не включили бы в состав Тайного совета, но при этом он занимал ряд весьма доходных должностей и совсем недавно был послом при дворе германского императора, который в ту пору воевал с турками.

Сеймур изящно запахивался в полы шубы, нежно поглаживая длинный меховой воротник, Харснет с его резкими чертами, серьезным взглядом и озабоченным выражением лица был полной противоположностью сэру Томасу.

Лодка плыла по беспокойной поверхности Темзы, а я с тревогой гадал, каким образом Томас Сеймур может быть связан со смертью несчастного Роджера.

Мы в молчании достигли дальнего берега и быстро двигались по направлению к дворцу Ламбет. Позади осталась пустая ниша, где раньше стояла статуя Томаса Беккета, которой кланялись все лондонские лодочники. Теперь памятник этому архиепископу, бросившему вызов королю, разрушили. Мы миновали Тауэр, за толстыми стенами которого томились в заключении еретики. Я вспомнил встреченного мною в Йорке жестокого тюремщика, находившегося на службе у Кранмера, и снова поежился. Тогда, зная, что Кромвель доверяет мне, архиепископ заставил меня взяться за выполнение опасной миссии, однако потом в нем, видимо, проснулась совесть, и, пытаясь задобрить ее, он подыскал для меня должность в суде прошений. И вот мне предстояло снова встретиться с этим неистовым, не знающим покоя, фанатично преданным Господу человеком.

Гладкую дубовую дверь, ведущую в кабинет Кранмера, я помнил еще по своему последнему визиту сюда. Харснет постучал и вошел, я и Сеймур — следом за ним.

Архиепископ Кентерберийский в белой сутане и черной епитрахили на шее сидел за большим столом. Темные, но уже седеющие волосы были неприкрыты. Ложбинки на щеках за прошедший год стали глубже. Большие синие глаза, насколько мне помнилось, всегда были наполнены страстью и жаждой борьбы. Кранмер был далек от радикального реформаторства, но тем не менее постоянно ощущал угрозу со стороны консервативных царедворцев. Многие из них с радостью сожгли бы его, будь на то их воля, но он давно пользовался расположением короля, и только это до поры до времени служило залогом его безопасности.

Рядом с архиепископом стоял второй человек, одетый в неброское, но

дорогое платье. Крупный нос, вытянутое лицо и атлетическая фигура делали его до такой степени похожим на Томаса Сеймура, что сомнений быть не могло: это его брат. Однако те же самые черты, которые делали Томаса красивым, слегка измененные и чуточку смещенные, заставляли лорда Хартфорда выглядеть уродом. У него были большие глаза навыкате, слишком длинное и худое лицо, всклокоченная борода. И все же в безыскусно одетом Хартфорде чувствовалась глубина характера, неординарность личности, целеустремленность — все то, чего недоставало его брату. Я напомнил себе, что именно он вместе с архиепископом Кранмером отправил Адама Кайта в Бедлам, хотя Ричард Рич хотел уготовить парню гораздо более незавидную участь.

Сэр Томас изысканным движением снял шапочку и сжал руку брата.

— Рад видеть тебя, Эдвард.

Он повернулся к Кранмеру и поклонился.

— Милорд. Как видите, мы привезли его.

— Да, Томас.

Голос Кранмера звучал устало, а во взгляде, который он бросил на младшего Сеймура, угадывалась неприязнь. Он посмотрел на меня и улыбнулся обычной для него печальной улыбкой.

— Ну вот, Мэтью Шардлейк, мы и снова встретились. И опять в связи с очень необычными обстоятельствами. Господин адвокат высшей категории, — добавил он, напомнив о ранге, присвоенном мне благодаря его покровительству.

Затем архиепископ повернулся к Харснету.

— Ну что, все обстоит именно так, как мы и опасались?

— Да, милорд, все в точности соответствует другому случаю.

Кранмер переглянулся с лордом Хартфордом, а потом долго смотрел на языки пламени, танцующие за каминной решеткой. Я понял: эти люди чем-то не на шутку встревожены. При этом они являются наиболее влиятельными реформаторами при дворе. Кранмер снова обратил свой взгляд ко мне и с видимым усилием заставил себя улыбнуться.

— Что ж, Мэтью, как идут твои дела в суде прошений?

— Лучше не бывает, милорд, и я еще раз приношу вам благодарность за то, что вы помогли мне получить эту должность.

— Вы заслужили ее.

Я вдруг осознал, что все в комнате смотрят на меня: Кранмер, Харснет и лорд Хартфорд — серьезно, а сэр Томас — с циничной усмешкой. От неловкости я переступил с ноги на ногу. Молчание нарушил сэр Томас.

— Можем ли мы доверять этому горбуну? — осведомился он.

— Не смейте так называть его! — уже всерьез разозлился Кранмер. — Прошу прощения, Мэтью. Да, я уверен, что он заслуживает доверия.

— После того как коронер отложил слушания, он погнался за нами, как бешеная собака.

Кранмер пристально смотрел на меня.

— Мэтью, — негромко заговорил он, — вы обнаружили тело, и, насколько мне известно, вы являлись близким другом адвоката Эллиарда и его жены. Насколько глубоко вы вовлечены во все это?

— Я обещал миссис Эллиард найти убийцу ее мужа, — ответил я.

— Вы будете это делать для себя или для нее?

Этот вопрос задал Хартфорд. Я повернул голову и встретился с ним взглядом.

— Для нас обоих, милорд. Но обещание, данное мною миссис Эллиард, является долгом чести.

— Не пропадет ли у вас желание отдать этот долг, если выяснится, что сюда вовлечена политика? — спросил Кранмер. — Тщательно подумайте, прежде чем отвечать, Мэтью. Однажды вы заявили мне, что никогда больше не желаете участвовать в делах подобного рода, но если вы решитесь помочь нам докопаться до истины, вам придется это сделать.

Я колебался. Томас Сеймур хохотнул.

— У него для этого кишка тонка. Да вы еще рассказывали, что в последний раз он потерпел фиаско, поскольку так и не нашел те бумаги.

Я опустил голову. Мне не хотелось, чтобы он видел выражение моего лица. На самом деле никакого фиаско я не потерпел, а просто решил сохранить в тайне то, что мне удалось узнать. При мысли о том, что эти мужчины способны сделать со мной, сердце забилось быстрее.

— Вы обладаете острым умом и большим опытом, — проговорил Кранмер. — И умением хранить секреты.

Я глубоко вздохнул. Перед моим мысленным взором возникло лицо Роджера: улыбающееся, дружелюбное, полное жизни. Я посмотрел на архиепископа.

— Если я смогу хоть чем-то помочь вам в этом, можете всецело располагать мною, милорд.

После того как я произнес эти слова, у меня возникло ощущение, что за моей спиной горит и рушится мост, по которому я пришел сюда.

Кранмер обвел глазами остальную троицу. Харснет и лорд Хартфорд кивнули, Томас Сеймур передернул плечами. Кранмер наградил его хмурым взглядом.

— Вы, Томас, находитесь здесь лишь благодаря вашему брату и из-за

ваших особых отношений... с ней.

Сеймур покраснел и, казалось, был готов взорваться. Он перевел взгляд на брата.

— Архиепископ прав, Томас, — с серьезным выражением проговорил лорд Хартфорд.

Сэр Томас сердито сжал губы, но кивнул. Кранмер повернулся ко мне.

— Вы, Мэтью, должно быть, гадаете, каким образом убийство вашего друга связано с политикой.

— Совершенно верно, милорд.

Он сделал глубокий вдох, словно до последнего момента не желая выдавать своих секретов, и сказал:

— Ваш друг — не единственный, кого убили столь ужасным способом.

От удивления у меня отвисла челюсть.

— То есть было еще одно похожее убийство?

— Не похожее, а в точности такое же. Совершенно идентичное, вплоть до мельчайших кошмарных деталей. Информация о нем держалась в секрете из-за личности убитого.

Архиепископ кивнул Харснету.

— Расскажите ему, Грегори.

Харснет перевел взгляд на меня и заговорил:

— Однажды утром, примерно месяц назад, в конце февраля, рабочий шел вдоль Темзы по ламбетскому берегу.

Харснет сделал паузу.

— На берегах в ту пору лежал снег, а лед на реке был не меньше ярда толщиной. Но приливы и отливы продолжали происходить даже подо льдом, образуя на берегах большие лужи. В то утро рабочий обратил внимание, что вода в одной из таких луж красного цвета и в ней что-то плавает.

Мои глаза расширились. Харснет серьезно кивнул.

— Да, он нашел лежащего там мужчину с перерезанным горлом. Точно так же, как Эллиарда бросили на всеобщее обозрение в фонтан, этого несчастного оставили в луже на берегу, чтобы его без промедления нашли.

— Боже праведный!

— Наш рабочий отправился к констеблю, который, в свою очередь, вызвал coronera.

Харснет пронзил меня острым взглядом.

— Мой коллега, coroner графства Суррей, является добрым реформатором и старается быть в курсе всех придворных новостей. Поняв,

кем был убитый, он пришел ко мне, поскольку знал о моих тесных связях с архиепископом.

— Проводились ли коронерские слушания? — спросил я.

— Нет, — на сей раз ответил лорд Хартфорд. — Было крайне важно сохранить случившееся в тайне.

Он не сводил с меня своих выпученных глаз.

— Это до сих пор необходимо.

Вновь заговорил Харснет.

— Погибший оказался врачом, доктором Полом Гарнеем. — Он помолчал. — Это был известный человек, личный врач лорда Латимера, последнего мужа леди Кэтрин Парр. Доктор Гарней лечил лорда Латимера с тех пор, как тот заболел прошлой осенью, и постоянно посещал его дом в районе Чартерхаус.

Так вот она, связь!

— Говорят, сам король обхаживает леди Латимер, — брякнул я.

— Правильно говорят, — кивнул Кранмер.

— Мы не можем рассказывать ему все! — взорвался Томас Сеймур. — Если что-то выплывет на поверхность, эта добропорядочная дама может оказаться в опасности.

— Мэтью не нарушит тайны, — отрезал Кранмер. — Если он даст мне обещание сохранить все, что мы расскажем ему, в секрете, он сдержит слово. И, я думаю, наша позиция должна быть ему близка. Клянётесь ли вы, Мэтью, не говорить ни слова о том, что связано с этим делом, никому, кроме нас? Помните, это может означать, что, если убийцу найдут, вы, возможно, не сможете рассказать вдове своего друга о том, как это случилось.

Поколебавшись, я ответил вопросом на вопрос:

— Могу я сказать ей, что убийца найден и сейчас с ним разбираются?

— Да, тем более что так оно и будет, — мрачно проговорил лорд Хартфорд, и я вновь ощутил силу и безжалостность, которые излучал этот суровый человек.

— В таком случае я клянусь, милорд.

Кранмер с удовлетворенным видом откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте, Грегори. Расскажите ему все без утайки.

— Я начал расследование, — снова заговорил Харснет, — втихомолку, никому ничего не говоря, но не нашел никаких зацепок. Как и в случае с мастером Эллиардом, доктор Гарней был человеком, уважаемым в своей профессии, имевшим много друзей и ни одного врага. Он был бездетным вдовцом, поэтому его знакомым мы сказали, будто он умер неожиданно, во

сне. Тщательное расследование ни на шаг не приблизило нас к пониманию того, кто и зачем расправился с ним. Мы не узнали ровным счетом ничего. Тайные расспросы позволили выяснить, что доктор Гарней ушел из дома лорда Латимера поздно вечером накануне. В последнее время он безотлучно находился там, поскольку Латимер уже стоял одной ногой в могиле. У него на спине была огромная опухоль. Дворецкому доктор Гарней сообщил лишь, что должен отойти в город, чтобы выполнить некую «миссию милосердия».

— Получал ли он какое-нибудь письмо? Как Роджер?

— Об этом нам ничего не известно, хотя исключать этого нельзя. Доктор Гарней тоже помогал бедным людям, которые нуждались в его совете. И возможно, погиб из-за этого.

— Было ли произведено вскрытие тела?

— Нет, но, наверное, это следовало сделать. — Харснет нахмурился. — Сегодня этот мавр дал нам очень важную зацепку, связанную с наркотиком. Из этого следует, что мы должны искать человека, имеющего отношение к медицине.

— И к юриспруденции. Это человек, обладающий всесторонними познаниями.

— Я посоветовался с лордом Хартфордом, — продолжал Кранмер, — и мы решили, что о случившемся должно знать как можно меньше людей. Кэтрин Парр была замужем за лордом Латимером в течение десяти лет, они оба являлись видными фигурами при дворе, и король давно положил на нее глаз. Когда в январе стало известно, что лорд Латимер скоро умрет, король перестал скрывать свою заинтересованность. Теперь он предложил ей выйти за него замуж.

— Еще один старый муж! Латимеру было за сорок, — с горечью в голосе проговорил Томас Сеймур.

Я вспомнил слова Барака о том, что помимо Генриха интерес к Кэтрин Парр проявляет кое-кто еще. Неужели это Сеймур? Они с вдовой, вероятно, ровесники.

Кранмер сцепил руки.

— Это был бы благоразумный, крепкий брак, а у нашего короля, видит бог, таких было мало.

Архиепископ помолчал, словно раздумывая, стоит ли расшифровывать свою реплику, и посмотрел мне прямо в глаза.

— Леди Кэтрин заинтересована в проведении религиозной реформы. До поры до времени она не афишировала свои взгляды, поскольку лорд Латимер был отъявленным консерватором, а нам сейчас так нужен

влиятельный союзник! Епископ Винчестерский Гардинер вместе с епископом Лондона Боннером, заседаая в королевских советах, делают все, чтобы сокрушить реформаторов.

Он сделал многозначительную паузу и добавил:

— Даже я не могу чувствовать себя в безопасности.

Хартфорд предупреждающе мотнул головой, но Кранмер поднял унизанную перстнями руку.

— Нет, Эдвард, уж если мы решили посвятить его в суть дела, то должны рассказать все. Тем более что через какое-то время все это и так станет достоянием гласности. Мэтью, консерваторы наступают сразу на многих фронтах. Кампания преследования уличных проповедников Лондона, которую проводит епископ Боннер, вскоре наберет новые обороты, в парламент будет внесен законопроект, предлагающий разрешить чтение Библии только аристократам и людям знатного происхождения. Для простолюдинов и женщин Священное Писание станет недоступно.

Архиепископ сделал паузу, и этим воспользовался Харснет.

— Они отберут у народа священное слово Христа, — горько сказал он.

Я бросил на него косой взгляд. Так обычно говорили радикалы. Кранмер слегка нахмурился.

— И наконец, — продолжил он, — они пытаются свалить меня. Не исключено, что и лорда Хартфорда тоже, но в первую очередь меня. Уже арестованы некоторые радикалы из числа моих людей в Кентербери, а также среди молодых придворных из Виндзора. Их обвинят в ереси. Молодые люди, которые слишком много болтают, — вот кто представляет для меня наибольшую угрозу.

Левая щека Кранмера непроизвольно дергалась, и я понял: архиепископ боится. Но он сумел совладать с собой и вновь посмотреть на меня.

Заговорил лорд Хартфорд, негромко и размеренно:

— Сейчас нас в наибольшей степени защищает то, что в окружении короля до сих пор остались умеренные реформаторы, люди, которым он доверяет. Это его врач, доктор Баттс, и новый секретарь Уильям Паджет. Пока такие, как Гардинер и Норфолк, нашептывают на ухо королю ядовитые речи, эти люди, пользуясь почти неограниченным доступом к персоне монарха, в силах противостоять им. Но королева, придерживающаяся реформаторских взглядов, могла бы помочь нам еще больше.

— Но будет ли этот брак безопасен для нее? — вклинился в разговор Томас Сеймур. — Анна Болейн пыталась оказывать на короля давление по

религиозным вопросам и была казнена. А меньше года назад была обезглавлена Кэтрин Говард.

Мне вспомнился затравленный и испуганный взгляд Кэтрин Парр, которую я увидел в карете похоронной процессии. Кранмер кивнул.

— Верно. Поэтому нечего удивляться тому, что она до сих пор не приняла предложения короля. Впервые, Мэтью, потенциальная жена отказала королю в ответ на предложение руки и сердца. Но на старости лет он нуждается в компаньонке. Я знаю, леди Кэтрин отдала решение этой дилеммы в руки Господа. Более щекотливой ситуации не придумаешь. Жестокое убийство, совершенное в ее окружении, а теперь и второе — все это должно было бы насторожить короля, который, как известно, крайне суеверен. Две шокирующие, бессмысленные смерти. Люди непременно станут говорить, что убийца одержим дьяволом.

— Об этом уже говорят, — вставил Харснет. — Поначалу мы полагали, что цель убийцы — устроить скандал, который поставил бы под угрозу брачные переговоры. Но если так, то зачем он нанес второй удар?

— Может, для того, чтобы устроить представление, которое прочно связали бы со смертью доктора? — предположил я.

— В таком случае он был недалеко от цели, — сказал Кранмер, — но этого нельзя допустить. Именно поэтому мы официально положили под сукно расследование убийства мастера Эллиарда. А неофициально я переверну каждый камушек, чтобы отыскать душегуба. Кстати, Кэтрин Парр, как и все остальные, думает, что доктор Гарней умер от удара.

Я понял, почему все они были так напряжены. Король не любил, когда от него что-то держали в тайне. Меня снова втянули в нечто, чреватое крупными неприятностями со стороны короля, в нечто весьма опасное. Во второй раз я могу и не уцелеть. Но ведь я дал клятву, и обратного хода нет.

— Способ, которым совершены эти убийства, ужасен, — сказал Кранмер, прикоснувшись к серебряному наперсному кресту, висевшему у него на груди.

Томас Сеймур мрачно рассмеялся.

— Не ужаснее того, что мне довелось видеть в Венгрии.

Он положил руку на свои инкрустированные золотом ножны.

— Я видел, как побежденная армия императора возвращалась из Буды. Им не удалось отбить этот город у турок, но в качестве трофея они привезли целую повозку отрубленных голов. На вершине этой страшной пирамиды сидел один живой турок, весь в крови, прикрывавшийся тряпками от тюрбанов своих казненных товарищей. Все смеялись, когда задняя часть повозки открылась, и турок, вопя, скатился с груди

отрубленных голов на землю.

Сэр Томас улыбнулся, и я понял, что, наблюдая описываемый им случай, он тоже смеялся.

— То была война, — возразил его брат. — Она велась жестоко, но с достоинством.

Я поглядел на Хартфорда и подумал: а что он сам видел и делал в Шотландии?

— Что ж, Мэтью, — проговорил Кранмер, — вы новый человек в этом деле, и вы хорошо знали бедного Эллиарда. Что, по вашему мнению, нам следует предпринять?

Все опять смотрели на меня. Я, как мог, расправил плечи.

— Для начала я предложил бы выяснить, имели ли доктор Гарней и Роджер общих знакомых или клиентов. Хотя было бы странно, если бы кто-то до такой степени ненавидел их обоих.

— У меня имеется обширный список друзей и пациентов доктора Гарнея, — сообщил Харснет.

— А я могу составить такой же список применительно к Роджеру, — сказал я и, посмотрев на помощника королевского прокурора, добавил: — С помощью его вдовы.

— Очень хорошо, — кивнул Кранмер. — Но она не должна ничего знать про Гарнея.

Мне была ненавистна мысль о том, что придется обманывать Дороти, но я понимал, что без этого не обойтись.

— Сколько лет было доктору Гарнею?

— За пятьдесят. Он был уже стар.

— Как он был сложен?

— Как сложен? — озадаченно переспросил Харснет. — На вид небольшой, худощавый...

— Как и Роджер. Наш убийца перенес Роджера к фонтану Линкольнс-Инн, а Гарнея к приливным лужам. Это выглядит так, будто он предпочитает убивать миниатюрных мужчин, достаточно легких, чтобы хватило сил донести жертву на руках до определенного места.

— Каковы были религиозные воззрения мастера Эллиарда? — поинтересовался Харснет.

— Он принадлежал к сторонникам реформ.

— В точности как доктор Гарней, который, правда, был весьма умеренным реформатором. Из соображений безопасности.

В словах Харснета прозвучало что-то похожее на осуждение.

— То же самое я могу сказать про Роджера. Вот видите, между ними

обнаруживается все больше общего.

— И это укрепляет меня во мнении, что преступления совершили паписты в надежде расстроить брачные планы короля, — заявил Харснет. — Боже правый, они способны на что угодно! Они сожрут бедных протестантов, как скот пожирает траву.

— А к какому лагерю вы относите себя, мастер Шардлейк? — вкрадчиво спросил Хартфорд. — Каковы ваши религиозные взгляды? Я слышал, что вы чуть ли не лаодикиец, человек неусердный в вере.

— Взгляды Мэтью не станут нам помехой, — вклинился Кранмер. — По крайней мере, до тех пор, пока он считает, что мы действуем праведными методами.

На его лице вновь появилась грустная улыбка.

— Тут проблем не будет.

— И кто же станет решать, что есть праведно? — фыркнул Томас Сеймур. — Горбатый адвокат?

Его брат повернулся к нему, внезапно вспыхнув от гнева.

— Клянусь ранами Христовыми, Томас, еще одно слово, и я вышвырну тебя отсюда! Уверен, что от этого человека будет во сто крат больше пользы, чем от тебя.

Томас Сеймур выглядел как побитая собака. Ему недвусмысленно указали, кто здесь хозяин. Кранмер повернулся ко мне.

— Мэтью, я снова приношу извинения за поведение сэра Томаса.

— Это не имеет значения, милорд, — поклонился я, хотя и чувствовал себя глубоко задетым.

Зачем только они связались с этим глупым невежей?

— Мне хотелось бы поговорить с тем рабочим, который обнаружил первое тело, и осмотреть место преступления. Сходство между двумя убийствами настолько очевидно, что это может помочь нам в расследовании.

Кранмер посмотрел на Харснета.

— Где этот человек сейчас, Грегори?

— Я велел на несколько дней посадить его в камеру, чтобы он осознал необходимость хранить молчание. Сейчас он, наверное, вернулся домой. Я велю послать за ним.

— Благодарю вас, коронер.

— Я хотел бы, чтобы вы с Грегори совместно вели расследование, — сказал Кранмер.

— Могу ли я привлечь своего помощника Барака? Он может оказаться весьма полезен.

— А-а, тот самый... — Кранмер улыбнулся. — Да, я знаю, что лорд Кромвель доверял ему. Но больше — никого, в том числе и этого бывшего монаха, а ныне врача. С доктором Гарнеем он нам не поможет, поскольку тот уже несколько недель как похоронен.

— Я понимаю.

— Обо всем происходящем вы будете немедленно информировать меня. Будете приходить только сюда и иметь дело только с моим секретарем, Ральфом Морисом. Больше я никому не верю.

— Да, милорд.

Кранмер встал. Мы с Харснетом последовали его примеру и низко поклонились.

— Грегори, Мэтью, — сказал Кранмер, — я буду молиться нашему Спасителю о том, чтобы ваши труды увенчались успехом.

— Аминь, милорд, — с чувством откликнулся Харснет.

— Вы, вероятно, вынесли дело Адама Кайта на рассмотрение суда прошений? — неожиданно для меня спросил Кранмер.

— Да, милорд. Я подал прошение о том, чтобы ему обеспечили должный медицинский уход, а его родителям не выставались счета. Кроме того, я добился медицинского освидетельствования на предмет определения его психического здоровья.

— Я позабочусь о том, чтобы Тайный совет не чинил вам препятствий. Что касается счетов за содержание парня в Бедламе, то вчера этот вопрос поднимался, и при упоминании вашего имени сэръ Ричард Рич пришел в крайнее возбуждение. Кто будет производить освидетельствование? Доктор Малтон?

— Да, милорд.

Кранмер кивнул, подумал и опять воззрился на меня своим всепроникающим взглядом.

— Ни лорд Хартфорд, ни я не хотим, чтобы мальчика выпустили. По крайней мере, до тех пор, пока его не вылечат, чтобы он больше не доводил окружающих до исступления своими сумасшедшими выходками. Пока его следует держать в безопасном месте.

— В годину испытаний христиане должны быть мудры, как змеи, и просты, как голуби, — проговорил Хартфорд.

У него было очень грустное лицо.

— Я понимаю, милорд.

Кранмер улыбнулся.

— Вот и хорошо. Позаботьтесь о том, чтобы этот ваш старый экс-монах не превратил его в паписта.

Значит, ему известно о прошлом Гая, подумалось мне. Он наверняка навел справки.

Лорд Хартфорд бросил на меня любопытный взгляд, прошел мимо, поклонившись на прощанье, и удалился, оставив меня наедине с Харснетом. Мы вышли одновременно. Как мне показалось, Харснет чувствовал себя со мной немного не в своей тарелке. После некоторых раздумий он все же сказал:

— Я приношу извинения за то, как мне пришлось вести слушания. Надеюсь, теперь вы понимаете, что так было нужно.

— Я понимаю, почему вы сделали это, сэр, — нейтральным тоном ответил я и, искоса взглянув на него, невольно подумал: каково будет работать с этим человеком?

Когда десять лет назад король порвал со Святым престолом, чтобы жениться на Анне Болейн, он позволил Томасу Кромвелю допустить в королевское окружение людей, которые были даже большими реформаторами, чем он сам, даже лютеран. После падения Кромвеля король постоянно шел на попятную, двигаясь к прежней религиозной практике, и реформаторы в большинстве своем вели себя подобно флюгеру, по крайней мере публично. Но некоторые радикалы все же остались на своих постах благодаря недюжинным способностям и хитрости.

— Я боюсь за леди Кэтрин Парр, — признался Харснет. — Я встречался с ней. Она хорошая, милая женщина. Надеюсь, убийца подобрался к доктору не через кого-нибудь из ее близких.

— Он и к Роджеру не так подобрался.

— Нет, но в чем тогда связь между двумя этими случаями? — Он серьезно посмотрел на меня. — Мы должны выявить ее, адвокат Шардлейк. Я согласен, вам стоит поговорить с человеком, обнаружившим тело доктора Гарнея. Я устрою эту встречу и пришлю вам весточку. А вы тем временем приготовьте список всех, с кем был знаком мастер Эллиард: клиентов, друзей, возможных врагов.

— Да, я поговорю с его клерком. — Я тяжело вздохнул. — И с его вдовой. А что с телом? Можно ли забрать его для похорон?

— Разумеется.

Харснет снова почувствовал себя неловко.

— Благодарю вас.

Где-то один раз пробили часы. На сегодня в Линкольнс-Инн у меня была назначена встреча с Кайтами, и еще я должен был зайти к Дороти.

Мы вышли во двор дворца Ламбет, и на нас повеяло запахом мокрой травы, забытым за долгие месяцы, в течение которых на земле лежал снег.

Я повернулся к Харснету.

— Я не понимаю, для чего вы привлекли к этому сэра Томаса Сеймура. Он выглядит...

— Ненадежным? Безмозглым хамом? — Коронер холодно усмехнулся. — Он сочетает в себе не только все эти качества, но и многие другие, куда более непривлекательные. Это человек невиданного самомнения и зазнайства, рожденный, чтобы повсюду приносить вред. Он сидит на шее у брата. Но без него нам не обойтись.

— Почему?

— Томас Сеймур хотел жениться на Кэтрин Парр, а она была влюблена в него. Почему? Это только богу известно. Видимо, иногда ум за разум заходит даже у самых здравомыслящих женщин. Из-за короля ему пришлось уйти в тень, но теперь он заставил брата привлечь его к этому делу. По его собственным словам, ради ее безопасности. Если у лорда Хартфорда и есть слабость, то это привязанность к брату. Но Томас — хуже любого паписта.

— Чем?

На лице Харснета появилась гримаса отвращения.

— Он атеист. Человек, отрицающий Бога.

Глава 10

Харснет оставил меня у реки. Отыскав свободную лодку, я вернулся к причалу Темпл, а оттуда — в Линкольнс-Инн. Необузданная злость, которую я испытывал после окончания слушаний, сменилась рассудительным страхом. Стоило мне вспомнить о могущественных людях, с которыми я только что сидел за одним столом, мои внутренности начинали скручиваться в тугий болезненный узел. Но, по крайней мере, успокаивал себя я, на сей раз нет никакой неопределенности. Мы все на одной стороне и едины в желании поймать убийцу.

Для меня было облегчением увидеть, что Барак находится в конторе и работает за своим столом, рядом с молодым Скелли. Я мотнул Бараку головой, делая знак пройти в мой кабинет. Скелли посмотрел на нас сквозь толстые стекла очков, которые он носил по причине слабого зрения. Выражение его лица было грустным. Вероятно, он чувствовал себя лишним, исключенным из каких-то важных событий, происходящих вокруг Линкольнс-Инн. Ну и ладно, так было безопаснее для всех, в том числе и для него.

Я пересказал Бараку все, о чем мне стало известно во дворце Ламбет, полагая, что он обрадуется перспективе новых волнующих приключений, но он выслушал меня молча и долго сидел, задумавшись.

— Этот Томас Сеймур, — сказал он наконец, — очень опасный тип. Лорд Кромвель не доверял ему и всячески препятствовал его возвышению, хотя при этом весьма уважал его брата.

— Его романтическая увлеченность Кэтрин Парр усложняет дело.

— Он известен как бабник, который к тому же не делает тайны из своих походов. А болтун в данном случае опаснее любого врага, особенно если Кранмер хочет сохранить все в тайне от короля.

— Это понятно, но я вынужден помогать им, я дал обещание Дороти. — Я посмотрел на Барака. — А вот ты вовсе не обязан влезать во все это, если у тебя нет желания. Тебе нет резона подставлять голову под топор.

— Это верно, — ответил он, — и все же я вам помогу.

Однако было видно, что Бараку тоже не по себе.

— Я не могу понять сути произошедшего. Одно убийство, совершенное столь необычным способом, — это дико само по себе, но два?

— А может, убийца — сумасшедший? Может, он возненавидел

Роджера и того доктора, решив, что они каким-то образом навредили ему?

— Сумасшедший не смог бы столь тщательно спланировать и выполнить эти преступления.

— Это точно. Убийца очень ловко обманул Роджера своими письмами. Возможно, что-то подобное он проделал и с доктором. Заманил их в безлюдное место, накачал каким-то образом наркотиком, а потом отнес к приливной луже и фонтану и перерезал глотки.

Я с растерянным видом пожал плечами.

— Помните ту ночь, когда вы спугнули какого-то неизвестного, который шастал рядом с жильем Эллиардов? Не исключено, что он осматривался на Гейт-хаус-корт, готовился к осуществлению своего плана.

— Это означало бы, что территория Линкольнс-Инн ему не знакома. Но зато он неплохо разбирается в тонкостях юридического дела, если сумел изготовить фальшивые письма к Роджеру, и достаточно — в медицине, чтобы рассчитать нужную дозу двейла.

Я покачал головой. А ведь стоило мне в тот вечер выйти от Роджера и Дороти чуть раньше, и я столкнулся бы с убийцей нос к носу! Убил бы он тогда и меня, чтобы я не смог опознать его?

— Не могу понять, откуда эта скотина могла узнать все это? — проговорил Барак.

— И кто мог ненавидеть Роджера до такой степени, чтобы устроить этот кошмарный спектакль в фонтане?

Я внимательно посмотрел на своего помощника.

— А ведь это был именно спектакль. Он хотел, чтобы жертву обнаружили в таком виде, да еще в людном месте. И судя по тому, что я сегодня услышал, то же самое было и с доктором Гарнеем.

Барак кивнул.

— Когда я работал на лорда Кромвеля, я сталкивался с очень странными и мрачными вещами. Но ни о чем подобном не слышал. Никогда.

— И я тоже.

Некоторое время мы молчали, потом я встал.

— Ладно, мы пока слишком мало знаем, чтобы строить предположения. Нам нужно предпринять практические шаги.

— Хорошо. С чего начнем?

— Для начала я составлю список клиентов и приятелей Роджера, чтобы проверить, не было ли у них с доктором Гарнеем общих знакомых. Для этого мне нужно будет поговорить с клерком Роджера и с Дороти. Кстати, как она вела себя по пути домой?

— Спокойно. Но было видно, что она здорово расстроена тем, как прошли и чем закончились слушания.

— Да, — вздохнул я, — мне придется быть очень осторожным в разговоре с ней. И мне хотелось бы, чтобы ты вместе со мной встретился с тем человеком, который наткнулся на тело доктора у реки. Харснет организует эту встречу.

— Каков он, этот Харснет, при ближайшем знакомстве?

— Один из ярых, как мне кажется. Но при этом твердо стоит на земле. Умен, практичен.

В голову пришла неожиданная мысль.

— Но многие коронеры не такие. А ведь мы находимся на перекрестке, где сходятся полномочия четырех коронеров — Суррея, Кента, Мидлсекса и Лондона. Полагаю, Харснету следует проверить, не было ли похожих убийств в этих графствах. Я обязательно посоветую ему сделать это.

— Гиб Рук упоминал про жуткое убийство какого-то коттера.

— Но его наверняка убили не так, как Роджера, иначе он непременно сказал бы про это. Но все равно, возможно, с ним стоит поговорить. Хорошая мысль, спасибо, Барак, — добавил я, желая воодушевить помощника. — Видишь, какая от тебя польза!

— Хорошо, хоть кому-то смог помочь, — угрюмо откликнулся он.

Поколебавшись, я спросил:

— Ты сейчас подумал о Тамазин?

Барак пожал плечами.

— Она жалуется на то, что меня вечно не бывает дома. Я не потерплю, чтобы женщина указывала мне, куда ходить и куда не ходить.

— Может, она просто ревнует? — предположил я.

— Пусть сначала перестанет ныть и жаловаться, тогда, возможно, ее компания станет для меня более привлекательной.

— Она до сих пор страдает от того, что вы потеряли ребенка, Барак, — успокаивающим тоном произнес я. — Да и ты, как мне кажется, тоже. Общее горе должно вас объединить.

По злой гримасе, исказившей его лицо, я понял, что зашел слишком далеко.

— Это касается только нас, — грубо ответил он. — Если вы намереваетесь отправиться к миссис Эллиард, не забудьте о том, что родители Адама Кайта придут в три часа.

С этими словами он повернулся и вышел из кабинета.

Идя через Гейт-хаус-корт, я ловил на себе любопытные взгляды

проходивших мимо адвокатов. Присяжные уже успели разнести новость о том, как прошли слушания, кроме того, некоторые из них видели, как я уходил вместе с Харснетом и сэром Томасом Сеймуром. Что ж, их любопытству суждено остаться неудовлетворенным. Я вошел в контору Роджера и поздоровался с его клерком.

— Здравствуйте, Бартлетт, — сказал я. — Как идут дела?

— Пытаюсь справляться, сэр, — ответил он своим бристольским говором. — Миссис Эллиард попросила меня организовать похороны, вот я и хотел спросить, можно ли забрать тело?

— Да, коронер разрешил.

— На этой неделе в суде должно слушаться два иска.

Я прикусил губу. Мне и на свою-то работу времени не хватало, а тут еще дела Роджера!

— Думаю, мы передадим эти дела барристерам, которым можно доверять и которые заплатят Дороти за работу, уже проделанную Роджером. Я назову тебе несколько имен.

— А я прослежу за тем, чтобы они заплатили, сэр.

— Спасибо, — с благодарностью улыбнулся я.

— Мастер Эллиард всегда был добр ко мне. Он был хорошим человеком.

Клерк смахнул непрошеную слезу.

— Это верно.

Я помолчал.

— Но так уж повелось, что адвокат, хочешь не хочешь, наживает себе врагов. Вы не припомните каких-нибудь недовольных клиентов или, возможно, других барристеров, которых он одолел в суде и которые могли затаить на него злость?

— Не знаю, что и сказать, сэр. Не припомню ни одного такого. Мастера Эллиарда все любили.

— Знаю. Тогда составьте для меня список всех клиентов и юристов, с которыми он профессионально общался с тех пор, как приехал из Бристоля. Вы сможете сделать это до вечера?

— Постараюсь, сэр.

Он помялся.

— Могу ли я спросить, что будет теперь? Говорят, слушания отложили?

— Будет проводиться расследование, и я принимаю в нем участие. Больше пока сказать ничего не могу, Бартлетт. А список, который я попросил вас составить, может помочь следствию.

Я посмотрел в честное лицо клерка.

— Что намерены делать вы? Вернетесь в Бристоль?

— Пока останусь в Лондоне. Здесь вся моя семья.

— Я постараюсь подыскать для вас работу в какой-нибудь другой конторе, как только вы разберетесь с делами Роджера.

Его лицо осветилось радостью.

— Спасибо! Вы... Вы добрый человек, сэр.

— Надеюсь, что это так, Бартлетт. Хотя с этим согласились бы не все.

Я поднялся по лестнице на второй этаж. Старый Элиас открыл мне дверь и с поклоном впустил внутрь. Вид у него до сих пор был пришибленный. Из гостиной вышла Маргарет.

— Как ваша хозяйка? — шепотом осведомился я.

— Немного успокоилась, сэр. А на этих проклятых слушаниях так разволновалась, так рассердилась, что я боялась, как бы ей не стало плохо. Слава богу, обошлось.

Девушка помялась.

— Она надеялась, что вы принесете какие-нибудь новости.

— Спасибо, Маргарет. Я пойду к ней.

Я заметил, что щеки девушки бледны. Жизнь прислуги тоже внезапно перевернулась с ног на голову, их будущее стало неопределенным.

Дороти, как обычно, сидела в своем кресле под фризом. Подняв на меня взгляд, она заставила себя улыбнуться, но черты ее лица остались сведены гневом.

— Что случилось? — спросила она. — Почему ты ушел с этим коронером?

— Чтобы обсудить расследование. А оно будет, Дороти, и я приму в нем участие, обещаю тебе. Завтра мы сможем забрать тело и организовать похороны.

Женщина смотрела на меня пронизывающим взглядом.

— Если они знают, что произошло убийство, для чего был нужен весь этот спектакль?

Я развел руками.

— Политика. Большого я сказать не могу. Хотел бы, да не могу.

Глаза Дороти округлились.

— Боже милостивый! Но Роджер не имел никакого отношения к политике. Он презирал всех придворных политиканов.

— Мне это известно, но его смерть каким-то образом связана с политическими интригами, и я обещал выяснить, каким именно.

— Кому ты это обещал, Мэтью?

— Кранмеру. Впрочем, я и так сказал тебе больше, чем следовало бы.

— Но ведь ты сам ненавидишь политику не меньше, чем Роджер. Ты столько раз повторял это.

— И тем не менее найти убийцу Роджера я смогу только во взаимодействии с этими людьми. Мы с ними хотим одного и того же.

Поколебавшись, я добавил:

— Я буду работать совместно с коронером Харснетом.

— С этим человеком? Вспомни, как он пытался все извратить!

— Это делалось для того, чтобы отложить слушания, не привлекать к ним внимания публики. С уверенностью могу сказать одно: он не получал удовольствия, обманывая тебя.

Она посмотрела на меня грустными, усталыми глазами.

— Может, мне стоит освободить тебя от твоего обещания найти убийцу Роджера, Мэтью? Я ведь знаю, что ты, как и любой здравомыслящий человек, боишься этих всевластных людей.

Я печально улыбнулся.

— От нас уже ничего не зависит, Дороти. Я дал обещание Кранмеру.

— Я превращаюсь в обузу, — бесцветным голосом заметила она. — Это участь любой одинокой немолодой женщины.

Я наклонился и взял ее руку.

— Нет, Дороти, ты сильная женщина. Просто сейчас на тебя обрушилось слишком много всего. Это понятно. Но со временем ты непременно вновь обретешь свою силу.

— Говорят, когда умирает любимый, ты чувствуешь рядом с собой его душу. Я сидела здесь, ждала, надеялась, но... ничего не ощутила. Я чувствую только, что Роджера больше нет, что его вырвали из моей жизни.

— Время, Дороти. Тебе нужно время, чтобы смириться с этой утратой, — попытался утешить ее я.

— Теперь у меня впереди много свободного времени. Долгие годы, которые нечем занять.

При виде ее страданий у меня сдавило сердце.

— Дороти, — негромко заговорил я, — я хотел бы попросить тебя кое о чем. Понимаю, сейчас не самый подходящий момент, но это срочное дело. Нам необходимо выяснить, были ли общие знакомые у Роджера и... у еще одного умершего человека. Бартлетт готовит для меня список его профессиональных контактов. Не могла бы ты припомнить всех остальных, кого он знал. Его друзей, которые не были связаны с юридической практикой...

— Таких у нас не было. Юриспруденция была жизнью Роджера.

— Тогда, может быть, торговцы, его парикмахер, его врач. Не уволяли ли вы в последнее время кого-нибудь из слуг?

— Нет, ни одного человека.

— Как бы то ни было, такой список мне очень нужен.

— Тогда я составлю его прямо сейчас.

Я велел Маргарет принести бумагу. Дороти склонилась над листом, подумала и написала имена всех в Лондоне, с кем был знаком Роджер. Она передала лист мне.

— Здесь все, — сказала она.

Я взглянул на список.

— Спасибо. Это поможет.

— Если тебе понадобится от меня какая-то помощь, приходи в любое время. Похороны могут подождать до будущей недели, когда из Бристоля придет Сэмюель. Я отправила ему письмо. А потом, Мэтью, приходи и поешь вместе с нами. Давайте мирно посидим и вспомним Роджера.

— Я непременно приду.

Я торопливо возвращался через Гейт-хаус-корт в свою контору, поскольку было уже почти три часа. Я пропустил обед, и поэтому в животе бурчало от голода. Среди многочисленных юристов, сновавших во всех направлениях, в отдалении я заметил Билкнэпа. Его тощее тело было искривлено и сгорблено. Словно почувствовав, что на него смотрят, он повернулся в мою сторону, наградил взглядом, полным ярости, и поковылял дальше. Может, у Роджера и не было врагов, подумалось мне, но у меня они есть, причем число их постоянно растет. Затем я выбросил этого презренного типа из головы.

Дэниел и Минни Кайт ждали в приемной моей конторы. Рядом с ними сидел Мифон в своей сутане. Сегодня на коленях у него лежала книжечка Нового Завета.

— Здравствуйте, — поприветствовал я Дэниела и Минни, демонстративно игнорируя Мифона.

— Я получил извещение из суда прошений, — окликнул меня сидевший за своим столом Скелли. — Слушания по делу мастера Кайта состоятся четвертого апреля.

Он передал мне извещение, я прочитал его и провел Кайтов и Мифона в свой кабинет.

— У меня хорошие новости, — сообщил я, когда все расселись. — Мой иск относительно изменения условий содержания Адама и отмены

оплаты за него принят к рассмотрению, которое состоится через девять дней. Я также договорился о том, что его осмотрит врач, о котором я вам рассказывал. В пятницу. Я поеду вместе с ним.

— Мы видели Адама вчера, — сказал Дэниел Кайт. — Ему ни чуточки не лучше.

— Он заговорил со мной, — добавила Минни. — Сын заговорил со мной впервые после того, как его поместили в это ужасное место. И знаете, что он сказал? Он сказал, что ощущает запах огня, чувствует, как острые когти демонов скребут его руки. Это были всего лишь вши, от которых он постоянно чешется, а он, видите, как все обернул?

Она потрясла головой и плотно сжала губы, пытаясь не заплакать.

— Минни! — укоризненно проговорил Дэниел.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы его выпускали из Бедлама раньше, чем появятся хоть какие-то признаки улучшения, — осторожно пояснил я. — Иначе он может попасть в беду. Если он будет получать приличный уход, там ему пока будет лучше, чем на воле.

Мне почему-то снова вспомнилась Эллен, добрая женщина с темными волосами, и ее странные слова о том, что она никогда не сможет покинуть Бедлам. Я перевел взгляд на Мифона, ожидая возражений с его стороны, но, к моему удивлению, он пригладил свою густую шевелюру ладонью и согласно кивнул.

— Может быть, это и к лучшему. Папистские волки нынче повсюду, честных священников подвергают арестам, а одного вчера протащили на веревке через весь город.

— Я это видел.

— Но если бы мне позволили побыть с Адамом, если бы я смог попытаться еще раз убедить его в том, что он может быть и непременно будет спасен...

— Сначала послушаем, что скажет врач, — оборвал я Мифона.

— Врач... — с безнадежностью в голосе проговорил священник. — А если мальчик одержим? Я начинаю бояться этого все больше и больше.

— А если о вашем пребывании там будет доложено Тайному совету? — заговорила Минни. — Что, если у них и там есть шпионы, и они доложат, что вы проповедуете доктрину, которую они не одобряют?

Мифон потряс головой.

— Я обязан сделать все, чтобы спасти Адама.

Он крепко сжимал Новый Завет — как икону, как талисман.

— Моя жена права, — подал голос Дэниел. — Если предоставить Адаму свободу выбора, он может натворить бед. Он не в том состоянии,

чтобы выбирать для себя удел мученика.

Он посмотрел на меня.

— Сначала выслушаем доктора.

Мужчина перевел взгляд на Мифона.

— Вот так.

— Я встретил метущееся сердце среди собственной паствы и не могу молиться вместе с ним! — страдальчески проговорил Мифон, воздев глаза к небу.

На этот раз взглядом с ним встретились и Минни, и Дэниел, и оба покраснели.

— Я передам вам все, что скажет доктор, — сказал я, поднимаясь из-за стола.

В душе я испытывал не очень-то профессиональное удовольствие от того, что эти двое бросили вызов Мифону, несмотря на то что он вновь выдвинул пугающую мысль об одержимости Адама. Это была пусть маленькая, но все же победа.

Глава 11

На следующий день я получил письмо от Харснета. Его доставил специальный нарочный, и это напомнило мне о том, какими широкими полномочиями и возможностями располагает коронер. Он просил меня встретиться с ним возле медвежьих ям в Саутуорке, завтра, в восемь утра.

Я вышел из дома в пятницу рано утром, поскольку сначала мне предстояло дойти до Лондонского моста, где должен был ждать Барак. Я выспался, но все равно чувствовал себя усталым и угнетенным. Впрочем, это ощущение не покидало меня со времени смерти Роджера. Холодный ветер гнал высоко в небе пушистые облака. На поросшем травой углу Ньюгейтского рынка, в огромной тени собора Святого Павла, я увидел полоску пробивающихся к свету крокусов.

Прохожих было совсем мало. Я шел по Шамблз, стараясь держаться подальше от вонючей сточной канавы, тянувшейся посередине улицы, куда мясники сливали бычью кровь и сваливали потроха. Впереди послышался шум драки. Дойдя до угла Шамблз и Бладдер-лейн, я увидел, как грузный мужчина в заляпанном кровью переднике отбивается от двух лондонских констеблей. Полная женщина, по всей видимости его жена, вцепилась в одного из стражей порядка и пыталась оттащить его от мужа. Вокруг дерущихся взрослых с визгом и пронзительными криками бегали трое маленьких детей. Наконец полицейский стряхнул с себя разъяренную женщину и с силой толкнул ее. Женщина плюхнулась в лужу, выбив из-под себя фонтан грязи. Ее чепец развязался, и его концы повисли. Дети, все так же вопя, подбежали к матери.

— А теперь пойдём, да не дури! — прикрикнул на мужчину другой констебль.

Тот перестал сопротивляться и позволил полицейским увести себя. Поколебавшись, я подошел к женщине, которая медленно поднималась на ноги среди орущей детворы.

— С вами все в порядке, мадам?

Она бросила на меня подозрительный взгляд.

— Цела, как видите.

— Что здесь произошло?

— Они говорят, что мой муж продавал мясо в Великий пост, вот и потащили его к епископу Боннеру.

Увидев мою адвокатскую мантию, она проговорила:

— Законник нам не поможет. Если они решили засадить его, так оно и будет, тем более что у нас все равно нет денег на адвоката. Поищите себе клиентов где-нибудь в другом месте.

С этими словами женщина поковыляла к лавке, дети побежали за ней. Один из мальчишек, вероятно уловив враждебность в тоне матери, подскочил ко мне и крикнул:

— Горбун!

Злясь на себя и на них, я пошел своей дорогой. Ведь я всего лишь хотел помочь! Но если ее мужа признают виновным, ему грозит виселица. Мне вспомнились слова Кранмера о том, что Боннер делает все, чтобы уничтожить реформаторов.

Барак, как мы и договаривались, ждал меня на Лондонском мосту. Он был бодрым, энергичным, без всяких признаков похмелья, и радостно приветствовал меня. Я заметил, что этим утром он нацепил шпагу.

— Что ж, поглядим, что ждет нас у реки, — сказал он, прикоснувшись к своему старому клинку.

— Надеюсь, какие-нибудь ответы.

Через Лондонский мост мы перешли на противоположный берег, откуда начинался Саутуорк и где нас ждал Харснет. Сегодня он выглядел королевским чиновником с головы до пят. Поверх официального платья был накинут плащ, подбитый мехом куницы. Предвидя долгую прогулку по грязному берегу, коронер предусмотрительно надел башмаки из толстой кожи.

Харснет смотрел вверх, на возвышающуюся над крышами домов арену с ямами для травли медведей. С мрачным выражением лица он повернулся к нам.

— Здравствуйте, мастер Шардлейк. И вы, Барак, разумеется.

Барак поклонился. Харснет снова посмотрел на медвежью арену и вздохнул.

— Разве не печально, что нас развлекают мучения этих обливающихся кровью несчастных и совершенно беззащитных животных? — спросил он.

— Беззащитных? — переспросил Барак и взглянул на меня.

Он вспомнил случай, когда меня едва не задрал вырвавшийся на волю медведь. Я тогда едва уцелел, но сейчас в душе был согласен с Харснетом.

— Да, — сказал я, — это жестокий спорт. Я никогда не посещаю этих представлений.

Коронер согласно кивнул.

— Вы принесли список знакомых мастера Эллиарда?

Я достал бумагу из кармана плаща.

— Составить его мне помогли жена мастера Эллиарда и его клерк. Они не могут припомнить ни одного человека, который мог бы желать ему зла.

— У доктора Гарнея тоже не было врагов. Вот список его контактов.

Он вытащил лист бумаги, отдал его мне, и мы, стоя рядом, стали читать. Среди пациентов доктора Гарнея числились некоторые придворные, а также известные лондонские купцы. Упоминались там сэр и леди Латимер. Но ни одно имя не фигурировало в обоих списках. Совпадений не было.

— Ничего, — подвел итог Харснет. — Могу я оставить себе ваш список?

— Конечно.

Он свернул оба документа и сунул их в карман.

— И все же между двумя жертвами очень много общего: религия, профессиональный статус, даже конституция. Что заставило это чудовище остановить свой выбор именно на них?

— Не знаю. Но я кое о чем подумал.

— Вот как? О чем же?

В глазах Харснета вспыхнул неподдельный интерес.

— Вполне возможно, что были и другие убийства. Мы с вами находимся на границе двух графств — Кента и Суррея. Коронеры не всегда обмениваются информацией, а некоторые вообще относятся к своим обязанностям спустя рукава. Как коронер Броун.

Харснет кивнул в знак согласия.

— Вы правы, сэр, благодарю вас. — Он одобрительно посмотрел на меня. — Я поговорю с другими коронерами.

— Мне известно по крайней мере об одном странном убийстве, произошедшем недавно на этом берегу реки Темзы. О нем рассказал один из моих клиентов. Я обращусь к нему за дополнительными деталями.

— Отличная идея. Еще раз спасибо.

Он вздохнул.

— А теперь идемте в Ламбет. Человек, который нашел тело, будет ждать нас там.

Мы шли по южному берегу реки. Вскоре дома уступили место обширным болотам. Посреди топи покачивались под ветром высокие камыши. Сухие участки земли были обработаны и засеяны овощами коттерами, поселившимися здесь же, в глинобитных домишках.

«Ну и тоскливая здесь, должно быть, жизнь», — подумал я.

— Архиепископ Кранмер очень высоко оценивает вас, — нарушил

молчание Харснет. — Он говорит, что, если бы не вероломный слуга, вы могли бы спасти лорда Кромвеля три года назад.

— Он слишком добр ко мне. И все же с тех пор я стараюсь избегать подобных ситуаций.

— Вы ввязались во все это ради своего друга. Это богоугодное дело, дело чести.

Он помолчал.

— Честь — большая редкость при дворе, в тех кругах, в которых мне приходится вращаться.

Я поймал себя на том, что начинаю испытывать все большую теплоту по отношению к этому человеку, несмотря на то, как скверно началось наше знакомство.

— Долго вы являетесь королевским коронером? — поинтересовался я.

— Я всего лишь его помощник. По большей части моя работа связана со смертями, происходящими в Лондоне. А вообще-то я получил эту должность шесть лет назад.

Он внимательно посмотрел на меня и добавил:

— Еще при лорде Кромвеле, упокой, Господи, его душу. Сейчас для реформаторов наступили трудные времена. Мы ходим по лезвию бритвы.

— Сегодня видел, как в темницу потащили мясника. По словам жены, за то, что он продавал мясо в Великий пост.

Харснет понимающе кивнул.

— Сегодня утром констебли получили приказ задержать всех мясников, подозреваемых в торговле мясом во время Великого поста. Этим несчастных подвергнут не очень тактичному допросу с целью узнать имена их покупателей. В результате те, кто ставит Слово Божье выше древних правил религиозной диеты, будут арестованы. Вот как преследует нас нынче Боннер.

Харснет улыбнулся злой улыбкой, отчего на мгновение его лицо стало неприятным.

— Впрочем, они могут обнаружить в своих сетях рыбу, которая окажется им не по зубам. Например, в нарушении Великого поста обвинили графа Сюррея, сына герцога Норфолка. Вы знакомы с его стихами?

— Боюсь, что нет.

Мне, конечно, было известно, что сын главной фигуры во фракции папистов пишет стихи.

— Уже находясь в тюрьме, он написал новую поэму. Она посвящена Лондону.

Харснет процитировал:

О, лживый Вавилон!
Кузница обмана! Логово злобы!
Ужасный рок мечом и огнем
Вскоре обрушится на тебя,
И прольется кровь мучеников.

Я вспомнил о том, как Роджер цитировал Родерика Мора, и на секунду передо мной вновь возникло его лицо. Я вздохнул и посмотрел на Харснета.

— Значит, Сюррей видит Лондон Вавилоном, каким тот предстает в Книге Откровения?

— И который будет разрушен, когда Господь придет, чтобы вершить суд над миром.

Он смотрел на меня, ожидая моей реакции.

— Я думал, Вавилоном обычно называют Рим, и никогда не мог расшифровать смысла Книги Откровения.

Харснет склонил голову.

— Если вы почитаете Откровение внимательнее, то обнаружите, что там предсказано не только как, но и когда наступит конец света.

Не дождавшись от меня никакой реакции, он снова грустно улыбнулся.

Дальше мы шли молча. Наконец затянувшееся молчание нарушил Барак.

— Как здесь покойно! — заметил он.

Я кивнул. На тропинке, кроме нас, не было ни одной живой души. Слева неспешно несла свои воды Темза, а на грязных лужах время от времени вздувались и лопались пузыри. С правой стороны ветер с шорохом шевелил заросли камыша, на противоположном берегу виднелись дома и лачуги Лондона — «логова злобы», как окрестил его Сюррей.

— Здесь будет довольнолюдно, когда начнется рабочий день, — заметил Харснет. — По этой дороге до самого вечера будут ездить и ходить люди.

Он снова повернулся ко мне.

— Архиепископ сказал, что вы взялись представлять интересы Адама Кайта. Как он?

— Очень сильно поврежден умом. Вам известно, что с ним произошло?

— Наши викарии дружат, и я раз или два встречал на собраниях его родителей. Они производят впечатление честных, здравомыслящих людей.

— Так и есть, — откликнулся я, гадая, что он имел в виду под словом «собрания».

Уж не противозаконные ли встречи тайного общества по изучению Библии?

— Мне известны опасения преподобного Мифона относительно того, что мастер Кайт может быть одержим нечистым, — заговорил Харснет. — Как бы то ни было, я думаю, ему лучше оставаться там, где он находится. Если он вновь надумает выкинуть какой-нибудь номер, Боннер устроит другой спектакль, где парню отведут главную роль. На вершине костра.

— Совершенно справедливо, сэр, — с чувством ответил я. — Полностью с вами согласен.

На Темзе начиналась жизнь, и ее серая поверхность расцвела белыми пятнышками парусов. Облачный фронт поднялся еще выше и закрыл солнце. На нашем берегу все чаще встречались большие лужи, оставленные приливами. Впереди, рядом с одним из таких грязных водоемов стояла одинокая фигура пожилого рабочего в блузе и широкополой кожаной шляпе. Он следил за нашим приближением прищуренными испуганными глазами, посаженными близко друг к другу на помятом лице. Харснет сошел с дорожки, и его башмаки с хлюпаньем погрузились на шесть дюймов в жидкую грязь.

— Осторожно, сэр! — крикнул ему Барак. — Эта трясина может засосать вас.

Мы с опаской последовали за ним туда, где ждал пожилой рабочий. Круглая лужа, возле которой он стоял, была, наверное, футов двадцати в диаметре.

— Как поживаете, Уилоуз? — приветствовал его Харснет. — Давно нас ждете?

Мужчина низко поклонился, а когда выпрямлялся, его лицо скривилось от боли.

«Видно, бедняга мается спиной», — с искренним сочувствием подумал я.

— Примерно с полчаса, сэр. Не нравится мне здесь. Все напоминает о том дне. И еще мне все время кажется, будто за мной кто-то следит.

Он перевел взгляд на заросли камыша по другую сторону дороги. Это было действительно подходящее место для того, кто решил бы затаиться здесь.

— Ну, после сегодняшнего дня мы вас больше не потревожим, — пообещал Харснет и, указав на меня, добавил: — Этот джентльмен помогает мне в расследовании. Я хочу, чтобы вы подробно рассказали ему обо всем, что случилось, когда вы нашли тело доктора Гарнея.

На лице Уилоуза появилась досадливая гримаса.

— Я столько раз рассказывал эту историю...

— Ничего, расскажете еще раз, — приветливо, но твердо сказал Харснет.

— Дело было три недели назад, когда лежал глубокий снег. Я шел в Саутуорк, на работу. Там, на Кройдон-роуд, строятся новые дома...

— Где вы живете? — перебил я.

— В Вестминстер-виллидж. Когда рассвело, я уже шел по этой дороге. На реке стоял лед, но приливы не прекращались. Воду выдавливало из-под ледяной корки, и она, заполняя впадины, образовывала вот такие озерца. Одно из них было странного цвета. Присмотревшись, я увидел, что оно красное, ярко-красное. А потом я заметил в нем какой-то темный силуэт и подошел, желая выяснить, что это такое.

— Были там какие-нибудь следы?

— Ага.

— Какие? Большие или маленькие?

— Я бы сказал, довольно большие. — Он покачал головой. — Этот кровавый водоем на фоне белого снега словно явился из кошмарного сна. Меня буквально вывернуло.

— Озерцо гораздо больше фонтана, — заметил я, — и тем не менее оно было заполнено кровью.

— Вы удивились бы, узнав, как мало нужно крови, чтобы вода сделалась красной, — проговорил Барак.

Харснет с удивлением взглянул на него.

— Странные познания для клерка из адвокатской конторы. Впрочем, вы же работали на лорда Кромвеля.

— Вот именно, — откликнулся Барак.

Я заметил, как сузились глаза старого Уилоуза. Имя Кромвеля было до сих пор способно внушать страх.

— Получается, он принес сюда тело, бросил его в приливную лужу и удалился, — сказал я.

Уилоуз выглядел испуганным.

— Люди толкуют, что был еще один такой же случай. В Линкольнс-Инн.

— А вот об этом — ни звука! — жестко проговорил Харснет.

— Я знаю, мастер, — покорно закивал Уилоуз. — Иначе я закончу свои дни в тюрьме Маршалси. Вы мне это уже говорили.

— Вот и хорошо. В таком случае продолжайте свой рассказ.

— Возле озерца я заметил пятачок, на котором весь снег был утоптан. Там тоже была кровь.

«Именно там убийца перерезал горло доктору Гарнею», — подумал я и посмотрел на озерцо; от ветра по его поверхности бежала рябь.

— Что вы сделали потом? — мягко спросил я рабочего.

— Я подошел к луже, перевернул тело и отметил, что, судя по одежде, это был знатный человек. Его лицо было белым как снег, поскольку в нем, должно быть, совсем не осталось крови. И тут я увидел его горло...

— Каким было выражение его лица?

Уилоуз бросил на меня быстрый взгляд.

— Об этом меня раньше никто не спрашивал. Но лицо действительно было странным. Спокойным, словно он спал.

«Двейл», — подумалось мне.

— Каковы были ваши дальнейшие действия?

— Я побежал в Саутуорк, за коронером. Я знаю, что так положено поступать, если найдешь труп.

Он посмотрел на Харснета.

— И вот с тех пор различные джентльмены задают мне одни и те же вопросы и требуют, чтобы я все держал в тайне.

— Для этого имеются веские причины, — сказал я.

— Так что постарайтесь делать так, как вам велено, — добавил Харснет.

Он достал из кармана шиллинг и протянул его работяге.

— Ну ладно, теперь вы можете идти.

Пожилый мужчина торопливо поклонился, бросил последний взгляд на болота и, бурча что-то себе под нос, стал пробираться к дороге. Выбравшись из грязи, он поспешно зашагал по направлению к Вестминстеру. Харснет смотрел ему вслед.

— Мне не хотелось сажать беднягу под замок, но его нужно было припугнуть, чтобы он осознал настоятельную необходимость хранить молчание.

Я понимающе кивнул и уставился на приливное озерцо.

— Все в точности так же, как было с Роджером. Доктора вызвали на какую-то встречу, накачали наркотиком и принесли сюда. Здесь ему перерезали горло и бросили в воду. По этой дороге каждый день проходит множество людей, а когда река покрыта льдом и лодки не ходят, их бывает

еще больше. Если бы старик не наткнулся на тело в столь ранний час, это был бы еще один... — я помолчал, подыскивая нужное слово, — спектакль.

Харснет задумчиво смотрел на дорогу.

— Но как ему удалось затащить доктора сюда? Гарней ни за что не стал бы ни с кем встречаться на этой тропинке, тем более ночью. Уж в этом можно не сомневаться.

Я мотнул головой в сторону реки.

— Тогда река была покрыта льдом, достаточно толстым, чтобы по нему можно было ходить. Полагаю, убийца встретился с доктором Гарнеем на том берегу, заставил его принять наркотик, после чего перетащил сюда.

Я покачал головой.

— Убийства идентичны, жертвы во многом похожи. Что же их объединяет?

— Он, вероятно, рассчитал время так, чтобы все произошло во время низкой воды, как сейчас, — заметил Барак. — Когда морской прилив поднял подо льдом уровень реки, вода, окрашенная кровью, должна была вытечь, заполнить эту впадину и залить берег.

Морской прилив. Вода, обратившаяся кровью. Эти слова молоточками стучали в моем мозгу, как было и с фразой, сказанной казначеем, про фонтан, превратившийся в кровь. Я знал эти фразы. Но откуда?

Барак наклонился к нам.

— Не оглядывайтесь, но учтите, за нами кто-то наблюдает. Он на тропинке выше по берегу, позади нас. Я на секунду увидел голову на фоне неба. Старик был прав.

— Ты уверен? — спросил я.

— Я сейчас его поймаю.

В глазах Барака зажегся азартный огонек. Я положил ладонь ему на локоть.

— Здесь кругом сплошные болота. Тебя может затянуть в трясины.

— Ничего, я рискну.

Барак повернулся, пересек дорогу и нырнул в заросли камыша. Послышался громкий плеск, как если бы он пробирался по воде, доходившей ему до пояса. Но Барак не собирался отступать. Мы с Харснетом молча ждали. Ярдах в пятидесяти от нас из камышей поднимался небольшой холм, поросший зеленью. На долю секунды я увидел над ним голову человека, возникшую на фоне серого неба, а в следующее мгновение она исчезла.

— Я пойду за ним, — сказал Харснет.

Я не мог не восхититься той отвагой, с которой коронер кинулся в

камышовые заросли следом за Бараком, разбрызгивая грязь, налипавшую на его дорогой плащ. Я хоть и не вприпрыжку, но последовал за ним, ежась от холодной воды, мгновенно заполнившей башмаки.

Впереди Барак выбрался на сухой пригорок, и его темный силуэт вырисовывался на фоне неба. Он огляделся и громко выругался:

— Проклятье!

Вскоре к нему присоединился Харснет, а затем и я. Барак смотрел на раскинувшиеся вокруг болота. В отдалении виднелись домики коттеров, а между ними и тем местом, где находились мы, колыхалось зеленое море камыша.

— Я думал, что, если поднимусь сюда, он непременно побежит, и я увижу, куда именно, — проговорил Барак. — А он взял и исчез.

— Но куда? — Харснет озирает огромное пустое пространство. — Не прошло и нескольких минут. Мы бы увидели его бегущим.

— Возможно, он залег где-нибудь в этих зарослях, — предположил я. — Они могут служить отличным укрытием.

— Тогда подождем, — лаконично сказал Харснет. — Никто не сможет долго отлеживаться в этих болотных дебрях: вода ледяная.

— Взгляните на это.

Барак указывал себе под ноги на грубый соломенный тюфяк. Джек положил на него ладонь.

— До сих пор теплый. Вот здесь он и лежал, наблюдая за нами.

Харснет нахмурился.

— Значит, он знал, что мы должны сюда прийти. Но откуда?

Он снова обвел взглядом окрестности, высматривая хоть какое-то движение. Но тщетно. Я поежился. Неужели здесь, в грязи и холодной воде, наблюдая за нами, действительно лежал убийца?

Харснет набрал полную грудь воздуха.

— Я не сойду с этого места до заката. Рано или поздно ему придется обнаружить себя. — Он посмотрел на Барака. — Хорошо, что вы захватили шпагу.

Джек поднял глаза к потемневшему небу.

— По-моему, собирается дождь.

— Это еще лучше. Тем скорее он вылезет.

Мы стояли, наблюдая за раскинувшимися вокруг болотами. Иногда, хлопая крыльями по воде, в небо взлетала какая-нибудь водоплавающая птица, но больше нигде ничто не пошевелилось, даже когда на нас обрушились тяжелые потоки ливня. Мне было неудобно стоять, заболела спина, но насколько хуже, наверное, было тому, кто лежал где-то там, в

камышях!

Харснет искоса посмотрел на меня, вероятно подумав, что в драке от меня будет мало проку.

— Вы бы отправлялись восвояси, — сказал он. — Мы с Бараком и сами справимся.

Мой помощник сидел на тюфяке, а коронер стоял, как скала.

— Может быть, вы захотите, чтобы я привел еще людей и мы прочесали бы болота?

— Нет, он может находиться где угодно. Поиск, возможно, займет много часов. Будем ждать, пока он не обнаружит себя. Вот если Барак смог бы остаться здесь...

— Конечно, он останется.

Я оставил их подкарауливать убийцу, а сам вернулся к дороге. Парочка случайных прохожих изумленно смотрели, как я вылезая из камышей в перепачканной грязию мантии и башмаках. Я оглянулся на невысокий холм, где на фоне неба стоял Харснет, как выжидающий ангел мщения.

Глава 12

Уже через час я вошел в ворота Бедлама и приблизился к длинному зданию больницы. Изнутри раздавались чьи-то крики, но слов было не разобрать. Входить внутрь не хотелось. Убийца-чудовище и сумасшедший мальчик... За одну ночь я словно перешел из нормального мира в какую-то незнакомую, чужую, пугающую страну. Я вспомнил дружескую теплоту, царившую во время ужина у Дороти и Роджера. Роджера нет, а Дороти, высушенная горем, превратилась в тень самой себя. Ее состояние не давало мне покоя. Я подумал о Бараке и Харснете, оставшихся караулить на Ламбетских болотах, и вознес молитву о том, чтобы им удалось схватить злодея. Контраст между жестокостью второго убийства и пустотой топи, в которой прятался душегуб, был пугающим, если только убийца скрывался там, а тюфяк не остался от какого-нибудь бродяги, решившего разбить на сухом взгорке временный лагерь. Впрочем, это казалось невероятным.

Поднявшись на крыльцо дома скорби, я задержал дыхание и постучал. Дверь открыл сам смотритель Шоумс. Вероятно, он увидел меня еще из окна. На его грубо выточенном лице застыло мрачное выражение. Крики теперь звучали громче.

— Отпустите меня! Отпустите меня, вы, грубияны!

До моего слуха донесся звон цепей.

— А, это вы, — проговорил Шоумс. — Я получил из суда присяжных извещение о слушаниях по делу моего подопечного, Адама Кайта. Они состоятся на следующей неделе, четвертого числа.

— Хорошо, — ответил я, — значит, вас уже поставили в известность. В суде вам предложат регулярно отчитываться о состоянии Адама.

— У меня нет времени, чтобы таскаться по судам. Это только вы утверждаете, что я о нем не забочусь.

Я наклонился к смотрителю и невольно сморщился. От него исходил скверный запах и воняло спиртным.

— Так и есть, вы, негодяй, — угрожающе проговорил я, — вы действительно не заботитесь о нем. Но судебное предписание обяжет вас делать это. Впустите меня, я должен увидеть своего клиента.

Смотритель отодвинулся в сторону, опешив от гнева, прозвучавшего в моем голосе. Я прошел мимо него. После взбучки, которую я задал этому мерзавцу, на душе полегчало.

Крики зазвучали громче.

— Там вас ждет какой-то человек, — сказал мне вдогонку Шоумс. — Говорит, что он врач, а сам черный как уголь. Мало нам спятившего мальчишки, так вы приводите сюда какого-то черного беса, чтобы пугать добрых христиан! Закованный Ученый увидел, как он проходил по коридору, и решил, что это отказавший ему в должности декан из Кембриджа, который сгорел в аду и вернулся на землю, чтобы снова мучить его.

Помолчав, зритель добавил:

— Идите, сэр. Идите и сами взгляните на то, с чем мне приходится иметь дело.

Стуча каблуками, он двинулся по коридору, а я за ним. Мне не хотелось делать этого, но я снова напомнил себе, что должен знать как можно больше о том, что происходит в этих стенах.

В двери одной из последних комнат было открыто смотровое окошко. Через него я увидел Хоба Гибонса и еще одного зрителя, которые пытались заковать в цепи мужчину средних лет, одетого в грязную белую рубашку и черные чулки. У него было длинное аскетичное лицо и редкие каштановые волосы. В эту минуту он был сравнительно спокоен и тяжело дышал от усталости. Ему уже сковали руки, и один из зрителей пытался прикрепить цепь, идущую от кандалов, к железному кольцу, вделанному в пол. Меня передернуло, поскольку эта картина всколыхнула в памяти мое недолгое, но ужасное пребывание в Тауэре.

— Это совершенно необходимо? — спросил я Шоумса.

Звякнула цепь: закованный мужчина повернулся, чтобы посмотреть на нас. Когда он увидел мантию адвоката, его глаза округлились и в следующую секунду он рванулся из рук тюремщиков, намереваясь вцепиться в меня.

— Законник! — возопил он. — Сначала призрак Пеллмана, а теперь дьявол посылает законника, чтобы тот терзал меня!

— Спокойно, псих! — рявкнул Гибонс и повернулся к двери. — Закройте, пожалуйста, окошко, мастер Шоумс.

Шоумс кивнул, захлопнул окошко, повернулся ко мне и спросил:

— Видите, что творится? Будь у него такая возможность, он вырвал бы вам глаза. За то, чтобы этого беднягу держали здесь, платит его семья, иначе неизвестно, что бы он мог натворить. Пойдемте, я отведу вас к доктору Малтону. Я оставил его в гостиной, чтобы не провоцировать пациентов. Те из них, которые находятся там же, не склонны к насилию.

Я пошел за зрителем, все еще не придя в себя после бешеной вспышки бывшего ученого.

Гостиная в этот день была полна людей. Старая Сисси сидела в своем уголке и штопала очередной халат, а за столом мужчина и две женщины играли в карты. Картина была вполне домашней. Я немного расстроился, оттого что не было смотрительницы Эллен, которая так заинтриговала меня. Гай, сложив коричневые руки на коленях, сидел на стуле у камина, не обращая внимания на любопытные взгляды Сисси и игроков в карты. Как и всякий раз, когда он оказывался в незнакомой компании, которая к тому же могла повести себя враждебно, Гай попросту отключался от реальности, уходил в себя.

— Гай! — окликнул я его. — Спасибо, что пришел. Надеюсь, я не заставил тебя ждать?

Он встал и мягко улыбнулся.

— Я пришел рано, и, похоже, здешние обитатели нашли меня... интересным.

— Пойдем, навестим Адама.

Я шагнул к двери, желая поскорее увести Гая от любопытных глаз. Внезапно одна из игравших в карты женщин вскочила, да так резко, что ее стул отлетел в сторону и с грохотом покатился по полу. Я вздрогнул от неожиданности.

— Джейн...

Другая женщина схватила ее за локоть, но та стряхнула руку и преградила нам путь. Затем, к моему удивлению, помешанная задрала подол юбки и продемонстрировала нам самую интимную часть своего тела — пучок седеющих волос на белой коже. При этом она бросала на нас плотоядные взгляды.

— Не могла вас отпустить, пока вы не увидели этого, — проговорила она и разразилась диким смехом.

— Позор! — завопила из своего угла Сисси. — Стыд, позор и грех!

Другие игроки схватили Джейн за руки, и подол ее юбки опустился. Она продолжала истерически хохотать. Гай положил ладонь на мое плечо.

— Идем, — проговорил он, и мы вышли из гостиной.

— Боже святой! — выдохнул я.

За нашими спинами смех Джейн перешел в судорожные рыдания, а остальные сумасшедшие тем временем всячески отчитывали ее, называя грешницей и базарной шлюхой. Гай покачал головой.

— Пока я ждал тебя в той комнате, я ощущал страдание за любопытными взглядами этих людей.

— Сейчас ты увидишь кое-что похуже. Шоумс! — громко позвал я.

Смотритель не появился, но из ближайшей к нам палаты вышла Эллен. На поясе ее серого халата позвякивала большая связка ключей. Несколько секунд она растерянно смотрела на Гая, а потом повернулась ко мне.

— В чем дело, сэр? Что это за шум в гостиной?

— Одна женщина устроила... — Я замялся. — Устроила... демонстрацию.

— Джейн, я полагаю.

Она вздохнула.

— Вы пришли, чтобы увидеть Адама Кайта? Я впущу вас к нему, а мне придется вернуться в гостиную.

Она отвела нас к палате Адама, но прежде, чем отпереть дверь, открыла смотровое окошко и заглянула внутрь. Оттуда слышалось торопливое молитвенное бормотание.

— Он в своем обычном состоянии, сэр, — сказала Эллен. — Извините, но я должна идти в гостиную и посмотреть, как там остальные.

Она ушла. Вопли, доносившиеся из коридора, утихли. Закованный Ученый, похоже, немного успокоился.

— Женщина-смотритель, — произнес Гай. — Невероятно!

— Она, по-моему, единственный человек из здешнего персонала, кто по-доброму относится к пациентам. Однако нам пора войти внутрь. Предупреждаю тебя, это испытание не из легких.

— Я готов, — спокойно ответил Гай.

Первым вошел я. Бумага из суда возымела эффект: в комнате пахло не так гадко, как прежде, в камине горел небольшой огонь, и Адам был одет в чистое. Но он, как и раньше, представлял собой жалкое зрелище. Истощенный до предела — кожа да кости, — он, скрючившись, лежал на полу, спиной к нам, и лихорадочно бормотал:

— Господи, ну дай мне знак, что я спасен! Спасен Твоею милостью!

Гай несколько секунд смотрел на Адама, а затем поддержнул свой плащ и с легкостью, которой было трудно ожидать от человека его возраста, присел на корточки рядом с больным и заглянул в его лицо. Адам искоса бросил на него быстрый взгляд. При виде необычного цвета кожи своего нового посетителя его глаза на мгновение расширились, но он тут же отвернулся и снова принялся молиться.

Гай вывернул голову под неестественным углом, чтобы видеть глаза мальчика. Когда Адам умолк, чтобы перевести дыхание, он мягко спросил:

— Адам, почему ты думаешь, что Господь оставил тебя?

В глазах Адама что-то промелькнуло, и я понял, что контакт между ними установлен.

— Нет, — лихорадочно зашептал он, — но если он увидит мое смирение, то даст мне знать, что я спасен!

— Почему бы тебе не подняться с пола? Мне хотелось бы поговорить с тобой, но я слишком стар, чтобы сидеть на каменном полу.

Лицо мальчика напряглось, он враждебно стиснул челюсти.

— Ну что ж, ладно, придется старику потерпеть.

— Кто вы? — прошептал Адам.

Это были его первые слова, обращенные не к Богу, а к человеку.

— Я врач и хочу узнать, почему ты считаешь, что Всевышний покинул тебя.

— Он меня не покинул! — яростно проговорил Адам.

— Но ведь он и не дал тебе знака, что твоя душа спасена?

— Еще нет. Я прочитал Библию, и я молюсь, молюсь... — На глазах несчастного выступили слезы. — Но он все не отвечает.

— Тебе, должно быть, тяжело.

— Преподобный Мифон многие дни молился вместе со мной. Он заставлял меня укрощать плоть, воздерживаясь от пищи, но я только падал в обмороки.

— Ты молишься так усердно, — мягко проговорил Гай. — Услышишь ли ты Бога, если он ответит тебе?

Адам наморщил лоб и подозрительно поглядел на Гая.

— Как же я могу его не услышать?

— Твой страх так силен, что заглушает все остальное. Чего ты так боишься — преисподней?

— Геенны огненной, — прошептал Адам так тихо, что Гаю пришлось наклониться к нему. — Прошлой ночью я видел сон.

— Что тебе снилось?

— Я находился в карете, в каких ездят богачи. В черной карете, запряженной четверкой черных коней. Мы ехали по деревенской дороге. Поля были темными, а деревья — голыми. Я не мог понять, куда меня везут. Потом мы проехали через деревню. Люди выходили из своих домов и говорили: «Его везут в преисподнюю. Все глубже и глубже. Скорбите о муках, которые ему придется претерпеть, ибо он столь мерзок, что место ему — на самом дне адской бездны». Я посмотрел вперед и увидел на горизонте красные всполохи, а в нос мне ударил запах серы.

— Кто правил каретой? — уточнил Гай.

— Не помню.

Внезапно Адам, словно сломавшись, принялся всхлипывать, по его немытому лицу потекли слезы. Гай положил руку ему на плечо.

— Плачь, — сказал он, и я увидел глубокую грусть в его глазах.

И это Гай, который с такой холодной беспристрастностью рассуждал относительно смерти Роджера и рассказывал про состояние его внутренностей! Я почувствовал прилив необъяснимого гнева.

Наконец слезы Адама иссякли. Гай сделал еще одну попытку поднять его с пола, но мальчик опять стал сопротивляться.

— Мне нужно молиться, — проговорил он бесконечно уставшим голосом. — Прошу вас. Я и так потерял время, разговаривая с вами. Я должен молиться.

— Очень хорошо, но сначала ответь мне на один вопрос. Как ты думаешь, почему Господь насыляет страдания именно на тебя? Он что, выделил тебя среди остальных?

— Нет. — Адам ожесточенно потряс головой, глядя не на Гая, а на стену. — Все должны бояться адских мук, как боюсь их я. Вечно гореть в дьявольском пламени — что может быть страшнее? В нашей церкви мы знаем истину: именно это ждет тех, кто грешит и кто не спас свою душу.

— А другие верующие, прихожане отца Мифона, — они тоже грешники?

— Да, но все они получили весточку от Бога о том, что они среди избранных, среди спасенных.

— Но не ты?

— Нет.

Адам повернулся лицом к Гаю.

— Я точно знаю, что не спасен. Преподобный Мифон говорит, что внутри меня дьявол. Я должен просить Господа избавить меня от нечистого, спасти мою душу. А теперь оставьте меня. Оставьте меня!

Этот неожиданный крик заставил меня вздрогнуть всем телом. Адам снова отвернулся к стене и принялся бубнить свои монотонные мольбы.

— Господи, услышь мои молитвы! Прошу, услышь меня!

Гай поднялся на ноги и мотнул головой в сторону двери. Мы вышли в коридор. На лице моего друга была написана злость.

— Не мог бы ты позвать смотрителя? — спросил он. — Но только женщину, а не того гоблина, который является тут главным.

— Хорошо, — ответил я и отправился в гостиную.

Там вновь воцарилась тишь да гладь. Сисси штопала, играющие шлепали картами по столу. К ним за столом присоединилась Эллен. Я заметил, что глаза Джейн красны от слез. Увидев меня, она закрыла лицо руками.

— Миссис Эллен, доктор Малтон хотел бы перемолвиться с вами

парой слов, — смущенно проговорил я.

Звякнув ключами на поясе, смотрительница встала, и мы вышли из комнаты.

— Я приношу извинения за выходку Джейн, — сказала она, внимательно глядя на меня. — Она глубоко сожалеет о случившемся. Но приход посетителей неизбежно приводит пациентов в возбужденное состояние, и с этим приходится мириться.

— Я понимаю.

— Сегодня за ней придется присматривать внимательнее, чем обычно, иначе она может причинить себе какой-нибудь вред.

Гай стоял в коридоре и наблюдал за Адамом сквозь смотровое окошко. Услышав наши шаги, он с улыбкой повернулся к Эллен.

— Мой друг говорит, что вы очень добры к Адаму.

Женщина зарделась от смущения.

— Я стараюсь.

— Он очень болен.

— Мне это известно, сэр.

— Очень важно, чтобы он все время находился под замком и не мог выбраться отсюда, иначе он может совершить какую-нибудь глупость. Но при этом не менее важно, чтобы он содержался в чистоте и ежедневно принимал пищу, даже если будет противиться этому. И постарайтесь — только очень мягко — отвлекать его на различные повседневные мелочи: необходимость есть, находиться в тепле и так далее.

— Как если бы он хандрил и его нужно было вытащить из этого состояния? Но у Адама не просто хандра, с ним все гораздо хуже, сэр.

— Я знаю, но все же постарайтесь выполнить мою просьбу. Согласятся ли другие смотрители помочь вам?

— Одни согласятся, другие нет. Но я передам главному смотрителю Шоумсу, что таковы ваши указания. — Женщина язвительно улыбнулась. — Он очень боится адвоката Шардлейка.

— Вот и хорошо. — Гай похлопал меня по плечу. — Идем, Мэтью. Найдем спокойное местечко, где мы могли бы потолковать. Кроме того, я сейчас ощущаю настоятельную потребность выпить чего-нибудь покрепче.

Мы зашли в ближайшую таверну. Я взял бутылку вина и две кружки. Гай сидел, нахмурившись, с крайне озабоченным видом.

— Этот парень, Адам, обратил внимание на цвет моей кожи, — неожиданно сказал он. — В его глазах промелькнул огонек удивления.

— Да, я это тоже заметил.

— Это, а также то, что мне, пусть и ненадолго, удалось его

разговорить, вселяет надежду. Значит, его все же можно отвлечь от бесконечных молитв.

— На него страшно смотреть. Эта история о том, как его везли в преисподнюю...

— Он страдает, как любой другой. Мне приходилось видеть такое. Это отчаяние.

Гай нахмурился.

— И само это место... — Я с неодобрением покачал головой.

— Некоторым больным, не имеющим семьи, которая могла бы о них позаботиться, в Бедламе лучше. В противном случае они просили бы подавание в городе или скитались бы в лесах, как дикие звери. А Адаму, окажись он на воле, грозила бы нешуточная опасность.

— Что ты о нем думаешь? Он производит впечатление безнадежного, неизлечимого больного.

Гай вновь задумался.

— Позволь мне спросить тебя кое о чем. Как по-твоему, что думает Адам Кайт о самом себе?

— Он полагает, что Господь оставил его.

— Это он думает о Боге. А о самом себе?

— Что он недостоин любви Всевышнего.

— Да, он занят лишь самоуничижением. Люди, считавшие себя недостойными, существовали с сотворения мира.

— Мы должны побороть это его убеждение с помощью здравого смысла, — предложил я.

— О, умоляю тебя, Мэтью! — улыбнулся Гай. — Если бы все было так просто! Нашим сознанием в большей степени правит не здравый смысл, а эмоции, и иногда они выходят из-под контроля.

Глаза Гая на мгновение стали невидящими, как в те минуты, когда он сидел в гостиной Бедлама, словно вглядываясь внутрь себя.

— А почему так происходит? — продолжил он. — Потому что иногда мы очень рано научаемся ненавидеть самих себя.

— Вполне возможно, — согласился я.

То, о чем говорил Гай, было мне хорошо знакомо. С раннего детства я выслушивал злые насмешки и был изгоем из-за моего физического дефекта, который со временем и мне самому стал казаться пугающим и постыдным.

— А эти радикальные церковники должны ненавидеть себя больше, чем кто бы то ни было. Как бы они ни пыжились на публике, они все равно понимают собственную никчемность, и если их души не попадут в геенну

огненную, то лишь по необъяснимому Божьему промыслу.

— Когда наступит конец света, а это, как они утверждают, может произойти в любую минуту.

— Всегда существовали клерикалы, предрекавшие скорый апокалипсис, а среди фанатичной части прихожан людей, уверенных в этом, еще больше. Именно в такой среде и рос Адам. Как, по словам родителей, началась его болезнь?

Я пересказал Гаю то, что услышал от Кайтов. Что Адам рос жизнелюбивым, открытым ребенком, а неистовая религиозность начала формироваться у него сравнительно недавно, в результате чего он и дошел до своего нынешнего состояния.

— Они хорошие люди, — заключил я, — но находятся под влиянием своего пастора, лицемерного догматика по имени Мифон. Однако тревога за судьбу сына помогает им — особенно матери Адама — постепенно освободиться от этой зависимости.

— Я должен встретиться с ними. — Гай поскреб подбородок. — Адам впал в такое состояние не просто так. С ним что-то произошло, и именно это «что-то» довело его до безумия. Его сон — ключ ко всему. Люди, которых он видел во сне, говорили: «Он столь мерзок, что место ему на самом дне адской бездны». И я думаю, он знает, кто правил каретой в его сне. Если мне удастся выяснить, кто это, мы, возможно, отыщем тропинку к его спасению.

— Ты возлагаешь слишком большие надежды на какой-то ночной кошмар.

— Сны — это ключи к пониманию, это путь. — Он покачал головой. — Сложно представить, что это мертвенно-бледное, изможденное создание было когда-то сильным, полным жизни юношей. Но безумие может разрушать не только разум, но и тело.

— Ты придешь к нему еще? — спросил я.

— Если этого захотят его родители и ты.

— Понятно.

Я с любопытством посмотрел на Гая.

— А я и не знал, что тебе приходилось иметь дело с умалишенными.

— Это входило в обязанности монастырского врачевателя. Меня всегда интересовали болезни ума, возможно, потому, что они столь разнообразны и их трудно сразу определить. По мнению некоторых, их порождает дисбаланс телесных жидкостей и приток дурных жидкостей к мозгу.

— Так же, как разлитие черной желчи приводит к меланхолии?

— Вот именно.

— Другие полагают, что психические болезни вызваны физиологическими нарушениями в мозгу, но обнаружить их, не считая смертоносных опухолей, насколько мне известно, пока никому не удалось.

Гай тяжело вздохнул.

— А есть типы вроде твоего друга Мифона, которые считают причиной душевных расстройств одержимость дьяволом и предлагают лечить их с помощью экзорцизма.

— К какой же школе принадлежишь ты?

— Я храню верность традиции Везалия, хотя у него было много интеллектуальных предтеч. Он начинает не с теории, а с того или иного нарушения: изучает его, исследует, пытается понять, в чем именно оно состоит и чем вызвано. Слова и действия безумца могут содержать в себе разгадку того, что происходит в его мозгу, и даже к сумасшедшему иногда применимы благоразумие и здравый смысл.

— Помнишь Сисси, пожилую женщину, которая была в гостинной? Именно так с ней ведет себя Эллен. Она пытается извлечь ее из ее внутреннего заточения, загрузить какими-то простыми будничными заданиями вроде шитья.

— Да, меланхоликам это может помочь. Имея дело с ними, главное — переключить их сознание с мрачных мыслей на повседневность.

— Послушай, — вдруг осенило меня, — а может, убийца Роджера страдает каким-нибудь душевным расстройством? Разве может нормальный человек совершить столь жестокое и бессмысленное на первый взгляд убийство?

«Два убийства», — мысленно добавил я, но вслух этого не сказал, поскольку не смел нарушить строжайший запрет Кранмера рассказывать Малтону про убийство доктора Гарнея.

— Вполне возможно, — согласился Гай. — Если только мастер Эллиард не дал кому-нибудь повода для столь ужасной мести, в чем я, как человек, знавший его, сомневаюсь.

— Да, такого быть не могло.

В моей голове родился еще один вопрос, и я сделал глоток вина.

— Гай, ты говорил, что некоторые монастырские врачи использовали двейл. Знаешь ли ты таких в Лондоне?

— Я и не знал их, Мэтью. Не забывай, я приехал в Лондон из Суссекса, после того, как мой монастырь был закрыт.

Он пристально посмотрел на меня.

— Ты думаешь о тех монахах, которые лишились всего, будучи

изгнаны из монастырей?

— Да, — признался я.

— Тогда могу сообщить тебе, что из монастырской братии двейл применяли в основном бенедиктинцы. А единственным местом в Лондоне, где у ордена бенедиктинцев имелась больница, было Вестминстерское аббатство. Но, как я уже говорил ранее, применение двейла никогда не было секретом.

— А его квалифицированное применение?

— До сих пор может быть множество лекарей, которые используют это снадобье.

Я видел, что сама мысль о том, что убийцей Роджера может быть монах, была неприятной для Гая и казалась ему неправдоподобной.

— В основе двейла лежит опий. Чтобы получить его, необходимо вырастить опийный мак. Значит, тот, кто это сделал, должен иметь сад.

— Верно. Хотя многие люди выращивают у себя мак только из-за красоты его цветов. Кстати, я сам выращивал мак в своей оранжерее лечебных трав. Для изготовления опия.

Какая досада, что я не мог объяснить товарищу: дело заключается не только в том, чтобы найти человека, имевшего мотивы для убийства Роджера. И вновь я мысленно вознес горячую молитву о том, чтобы Барак и Харснет уже поймали душегуба.

— Как миссис Эллиард? — осведомился Гай.

— Скорбит и оплакивает свою утрату.

— Ты очень трепетно относишься к ней.

— Она всегда была моим близким другом.

— Мужественная женщина.

— Да, в этом ей не откажешь.

С горечью подумав, что и Дороти я не могу поведать всей истории, я допил вино.

— Мне пора, — сказал я. — Спасибо тебе, Гай, за то, что взглянул на Адама. Я договорюсь о том, чтобы ты встретился с его родителями и осмотрел мальчика еще раз. Придешь ли ты на следующей неделе на судебные слушания, чтобы сообщить о его душевном состоянии и убедить оставить его в Бедламе?

— Да, приду. Можно, я захвачу с собой Пирса?

Увидев, как удивленно расширились мои глаза, Гай пояснил:

— Я хочу познакомить парня со всеми аспектами работы врача. Ясное дело, официально он всего лишь ученик аптекаря, но у него острый и цепкий ум. Я подумываю о том, чтобы дать ему денег на обучение

врачебному ремеслу.

— Ты в состоянии себе это позволить?

— Это будет непросто, но мои сбережения увеличились с тех пор, как меня приняли в корпорацию врачей, кроме того, я продолжаю получать пенсию как бывший монах.

Во взгляде, который он бросил на меня, читался вызов.

Я был не на шутку удивлен. Такие расходы могли оказаться непомерными для Гая, но, встретившись с ним глазами, устыдился своих мыслей, поняв, что я просто ревную. На протяжении многих лет я был его единственным другом, и вот теперь появился кто-то еще.

Я шел по оживленным улицам, торопясь поскорее вернуться домой, пока не раздался сигнал к тушению огней. Там меня поджидал Барак. Он вытирал полотенцем волосы, поскольку они, как и его одежда, вымокли под дождем. Скелли уже отправился домой.

— Удача вам не улыбнулась? — спросил я.

— Мы ждали, пока не стемнело, а потом ушли. Этот мерзавец прятался в камышах целый день, но теперь-то он наверняка сбежал оттуда.

Барак наморщил лоб.

— А как вы поняли, что у нас ничего не вышло?

— Интуиция.

— Харснет был в бешенстве на самого себя. Он сказал, что должен был оставить нас с вами наблюдать, а сам поднять на ноги всех вестминстерских констеблей, чтобы выкурить мерзавца из зарослей. Он не верит, что человек может просидеть в холодном болоте целый день.

Мой помощник вздернул брови.

— Если только ему не помогает сам дьявол.

— Только этого нам не хватает!

— Он прав в том, что пролежать там целый день и не наделать шума — это что-то невероятное. Я бы так не смог.

— Мы знаем, насколько велика решимость этого человека, — заметил я. — Но откуда он мог узнать, что мы придем туда осматривать место, где нашли доктора Гарнея? Меня это весьма тревожит.

— Меня тоже, — с чувством сказал Барак.

С минуту мы сидели молча, затем Барак спросил:

— Как там Адам Кайт?

— Безумен. Надеюсь, Гай сумеет помочь ему, но, честно говоря, сомневаюсь в этом.

— А у меня есть новости. Я отправил записку Гибу Руку, и он сразу же

прислал ответ с одним из своих сыновей. Завтра он ждет нас у себя дома, чтобы рассказать про убийство, произошедшее в Ламбете прошлой зимой.

Значит, опять на болота! И все же эта новость приободрила меня. Хотя что-то положительное после целого дня ужасов.

— Спасибо, Джек, — поблагодарил я. — Тебе пора домой. Тамазин будет волноваться.

— Сегодня я договорился выпить со старыми друзьями, — с вызовом ответил он.

Когда Барак ушел, я отправился в свою комнату.

«Бедная Тамазин, — думал я. — И бедная Дороти. Нужно было проведать ее, прежде чем идти домой».

На своем столе я увидел официальную бумагу с печатью суда прошений. Она могла сулить только дополнительную работу.

За окном пошел дождь, и тяжелые капли гулко забарабанили по стеклу.

Глава 13

Следующим утром мы с Баракком вновь отправились на болота. На сей раз — на лошадях. Стоял по-настоящему весенний день: ясный, солнечный, хотя и ветреный. Сьюки, черная кобыла Барака, трясла тонкой головой и настороженно нюхала воздух. Повсюду, даже между обвалившихся камней давно закрытого монастыря ордена доминиканцев, распускались крокусы и подснежники.

Когда мы оказались в Чипсайде, я посмотрел на попрошаек, собравшихся вокруг кондуита. Среди них был и мужчина из Бедлама, распевавший что-то невразумительное. Острым взглядом он ощупывал толпу, пытаясь встретиться глазами с кем-нибудь из прохожих, дабы, устыдившись, тот дал ему монетку.

Проехав по Лондонскому мосту, мы пересекли Саутуорк. Барак показывал, куда свернуть, потому что именно ему сын Гиба подробно объяснил, как добраться до отцовского жилища. Нам нужно было выбраться на дорогу, тянущуюся вдоль болот по дальней оконечности Саутуорка, миновать стоявшую там церковь и попасть к поселениям коттеров.

Церковь мы нашли без труда — небольшое норманнское строение, одиноко торчавшее на границе камышовых зарослей. Мимо нее шла широкая дорога, петлявшая по болотам и выведившая в конце концов на сухое пространство. На пути нам попала группа мужчин, которые пытались укрепить вконец раскисший участок дороги с помощью угольного шлака и срубленных ветвей. При нашем приближении они отступили на обочину и поклонились. Мне подумалось, что, наверное, по мере увеличения числа коттеров они решили сами поддерживать дорогу в порядке, чтобы иметь возможность возить свои продукты на рынок. Они вернули к жизни целый район, и неудивительно, что землевладельцы положили глаз на результаты их трудов.

— Нашего местного мясника арестовали, — сообщил мне Барак.

— И его тоже? — Я подозрительно посмотрел на помощника. — А ты, часом, не покупал мясо в Великий пост?

— Я бы и покупал, да Тамазин слишком осторожна для этого.

— У нее всегда была голова на плечах.

— Если правда, что Кэтрин Парр симпатизирует реформаторам, — поменял тему Барак, — она окажется в очень опасном положении, выйдя

замуж за короля Генриха. Гардинер и Боннер станут следить за каждым ее шагом, вынюхивать, подслушивать, в надежде на то, что она допустит какое-нибудь крамольное, с точки зрения папистов, высказывание, которое они тут же передадут королю.

— С них станется. Но чтобы отвергнуть предложение короля о браке, тоже требуется немалое мужество.

Барак окинул взглядом болота.

— Как могут быть связаны с ней эти два убийства? Кому могло понадобиться сорвать матримониальные планы?

— Мотив может быть у Томаса Сеймура, — сказал я.

— Никогда не поверю, чтобы сэр Томас Сеймур целый день валялся на брюхе в холодном болоте! Он скорее удавится, чем согласится испортить свой шикарный наряд.

Барак говорил весело, и все же в его голосе угадывалось какое-то напряжение.

Теперь камыш окружал нас со всех сторон. Стали появляться домики, окруженные небольшими возделанными участками.

Дом Гиба — глинобитная избушка, как и остальные, — был пятым по счету. Из дыры в соломенной крыше вился дымок.

Гиб работал на своем участке, вскапывая жирную землю. Там же трудились — копали и что-то сеяли — его жена и семеро детей. Барак окликнул хозяина по имени, и тот подошел к нам. За ним гуськом потянулось все его семейство. Пока мы спешивались, они стояли вокруг нас. Детишки, разинув рты, смотрели на мой горб.

— Это мой адвокат, — с гордостью представил меня Гиб. — Ему нужна моя помощь в одном важном деле.

Его жена, худая женщина с уставшим лицом, сделала книксен и тепло улыбнулась.

— Мы так благодарны, сэр, за то, что вы для нас сделали! Вовек не забудем!

— Благодарю вас.

Как и все адвокаты, я был падок на похвалы. Их приходилось слышать так редко. Гиб хлопнул в ладоши.

— Мейзи, дети, за работу! У нас с мастером Шардлейком секретный разговор.

Барак хитро подмигнул мне.

Семейство коттера вернулось к работе, но детишки продолжали стрелять в мою сторону любопытными взглядами.

— Не хочу, чтобы они слушали все эти ужасы, — пояснил Гиб, сразу

посерьезнев. — Привяжите своих лошадей к этому столбу и пойдёмте в дом.

Мы вошли следом за ним в хибару, где пахло сыростью и дымом. Взгляду не на чем было остановиться. Из мебели тут стояло всего несколько жалких коек, а тепло шло от огня, горевшего в яме посередине пола. Единственное окно было без стекол, грубые ставни открыты. Из окна был виден огород, за которым простиралась болота.

— Унылое местечко, — покивал головой Гиб.

— Зимой, когда все завалено снегом, здесь, наверное, очень одиноко?

— И не говорите, сэр! Одиноко и ужасно холодно. Сейчас хоть есть чем заняться. Вон, огород вскопать, и все такое. Присаживайтесь вон на ту скамейку.

Он принес слабое пиво и уселся на стул напротив нас.

— Вы хотели расспросить меня насчет бедного Уилфа Тапхольма?

— Так звали убитого?

— Да.

Он помолчал, вспоминая.

— Его нашли в январе. Его кокнула Елизавета Уэльская. Это кличка шлюхи из Бэнксайда, с которой он жил.

Гиб плюнул в огонь, а мы с Бараком переглянулись. Похоже, ложный след.

— Вы уверены, что это сделала именно она? — спросил я.

— Все в этом уверены, иначе не выдали бы ордер на ее арест. Они с Уилфом жили несколько месяцев, но постоянно собачились. Оба любили выпить. В декабре он ее выгнал, а через месяц его нашли мертвым. Коронер ищет ее, но другие шлюхи говорят, что она вернулась в Уэльс. Там она заляжет под корягу, и черта с два ее найдут.

— Но прямых доказательств того, что это ее рук дело, не было?

— Ну, кто бы это ни сотворил, он, должно быть, здорово ненавидел Уилфа.

Гиб хитро посмотрел на нас.

— А вы хотите сказать, что его отправила на тот свет не Елизавета, а кто-то другой?

— Мы ничего такого не говорим, — ответил я. — Мы не знаем. Это вы заявили в Вестминстере, что вашего друга, вероятно, убил землевладелец.

Гиб усмехнулся.

— Это я ляпнул просто так, чтобы позлить сэра Джеффри.

Он выжидательно смотрел на нас, но потом понял, что мы ему ничего интересного не расскажем.

— Что же все-таки произошло? — спросил Барак. — Ты говорил, что его убили каким-то жутким способом.

— Так оно и было. Я расскажу вам по дороге к его дому. Ключ у соседа. Я подумал, что вам будет любопытно взглянуть на его берлогу.

Гиб высунул голову в окно. Я посмотрел в ту же сторону и увидел, что его дочка, девочка лет десяти, без усталости прохаживается взад-вперед мимо окна, делая вид, будто засеивает грядку.

— У этих поросят слишком длинные уши, — проворчал отец семейства.

Я бросил взгляд на Барака. Тот пожал плечами. Все указывало на то, что это убийство не имело никакого отношения к нашему расследованию. Но почему бы не дослушать историю до конца?

— Что ж, пошли, — согласился я.

Гиб повел нас по дороге к восточной оконечности поселка. Почва становилась все более топкой, а дома малочисленными. Под нашими ногами хлюпала вода, по обе стороны дороги красовались огромные лужи, поросшие камышом. Высоко в небе резвилась пара ласточек — первые, встретившиеся мне в этом году.

— Что же случилось с Тапхольмом? — спросил Барак.

— Уилф был странным парнем, — стал рассказывать Гиб. — Он всегда был сварлив, в скверном настроении, и казалось, что ему нравится жить в одиночестве в самом дальнем доме. Мы видели его только на рынке. Пару лет назад он вдруг стал ревностным протестантом и твердил на каждом углу, что вот-вот наступит конец света, на людей обрушится чума, землетрясения и придет Христос, чтобы судить всех нас. Он говорил о радости спасения души, причем говорил с самодовольством, словно втайне радуясь тому, что сам он спасен, а остальные бедные коттеры — нет. Он ходил на тот берег реки, в какую-то протестантскую церковь. Но вы же знаете, как бывает с деревенщиной: у них все быстро заканчивается. Прошлой осенью он закрутил с этой... Елизаветой Уэльской, и она переехала к нему. Они напивались и начинали ругаться, как я уже сказал. Потом Уилф выгнал эту бабу и запил. Его часто можно было видеть, когда он, пьяный, шатался по здешним тропинкам. А затем он пропал. Сосед видел, что его дом долго стоял запертым, и решил, что Уилф подался в иные края. «Возьму-ка я его землю, пока она снова не превратилась в болото», — подумал он, взломал ставень и заглянул внутрь. Позже он рассказывал, что запах, которым шибануло оттуда, едва не свалил его с ног.

Лицо Гибба было мрачным.

— Уилф лежал на полу — связанный и мертвый. Рот заткнут кляпом. Видевшие труп говорили, что на его вытаращенные от ужаса глаза было страшно смотреть. Кто-то изрезал его ножом, связал и бросил. На бедре была огромная гноящаяся рана, в которой кишели черви. От чего он умер — то ли от раны на ноге, то ли от голода, то ли от холода, — так никто и не узнал.

Мы молчали. Эта смерть была похуже, чем та, которая постигла Роджера. Тапхольм умирал долго и мучительно.

— Если у него началась гангрена, возможно, она его и убила, — предположил Барак.

— Эта потаскуха заслуживает петли, — с неожиданной злостью заявил Гиб.

Я посмотрел на Барака, и тот слегка мотнул головой. Как бы ужасна ни была смерть коттера, она ничем не напоминала убийства Роджера и доктора Гарнея.

Мы прошли по тропинке, уходившей вбок от основной дороги, и она привела нас к одиноко стоявшей избушке — столь же убогой, как и все остальные. Ставни были закрыты, а на двери висел тяжелый замок. Один ставень был расщеплен в самом низу, там, где сосед взломал его. Гиб посмотрел на дом и быстро перекрестился.

— Сейчас принесу ключ. Он у соседа. Я быстро.

Гиб пошел обратно к главной дороге, и вскоре заросли камыша скрыли его. Я окинул взглядом огород. Тот уже начал зарастать, и на грядках уверенно лезли вверх сорняки.

— Это тупик, — проговорил Барак.

— Похоже на то. И все же...

— Что?

— Гиб описал огромную язву. Мне знакома эта фраза или похожая на нее. В последнее время люди часто произносят фразы, которые я каким-то образом знаю. Казначей Роуленд сказал про фонтан крови; человек, который нашел доктора Гарнея, тоже упомянул воду, превратившуюся в кровь.

— Нам и без этих шарад есть о чем беспокоиться, — раздраженно ответил Барак. — Послушайте, давайте скажем Гибу, когда он вернется, что нам нет нужды заходить в дом. И без того ясно, что коттера, разозлившись, убила валлийка.

— Чтобы так убить, нужно очень сильно разозлиться.

Гиб вернулся через несколько минут.

— Пит Ламмас дал мне ключ. Коронер велел ему присматривать за

домом. Сам он, правда, не хочет снова туда заходить.

Гиб помолчал.

— Послушайте, сэр, я, пожалуй, тоже туда не пойду. С меня довольно рассказов о том, как там все было. Могу я оставить вас здесь, а вы потом принесете мне ключ?

— Хорошо, — согласился я.

Гиб отдал ключ Бараку, поклонился и ушел. Я все еще был погружен в раздумья. Эти фразы не выходили у меня из головы.

— Дверь прикажете открывать мне? — с нескрываемым сарказмом осведомился Барак.

Не дождавшись ответа, он отпер замок и толкнул дверь. Открываясь, она скребла по земляному полу. Мы, не стовариваясь, отшатнулись, поскольку на нас дохнуло вонью, которая обычно стоит в мясницких лавках, смешанной с запахом пота и грязи. Изнутри доносилось жужжание, словно там вился огромный рой мух.

— Иисусе! — выдохнул Барак.

Мы боязливо ступили в темные внутренности лачуги. Я разглядел очертания стульев, стола и чего-то, что напоминало кучи мусора, наваленные на полу. Несмотря на погоду, здесь было видимо-невидимо мясных мух, вялых из-за холода. Мы то и дело отгоняли их от своих лиц. Барак прошел к ставням и открыл их.

В свете дня открылась грязная комната, охапки сгнившего камыша на полу, полная до краев ночная ваза в углу и повсюду — ворохи тряпья. Потревоженные мухи снова принялись жужжать, некоторые вылетали в окно.

— Гиб сказал, что в язве на ноге у бедолаги кишели черви, — проговорил Барак. — Вот они-то и превратились в мух. Еды здесь для них хоть отбавляй.

Он поддел ногой какую-то тряпку, и из-под нее с раздраженным жужжанием вылетело еще несколько мух.

— Думаю, это его штаны. Взгляните, они разрезаны и буквально пропитаны засохшей кровью. Господи, ну это же надо — изрезать человека ножом и оставить его умирать от гноящихся ран! Это точно какая-то месть.

Я стоял посередине зловонной комнаты и оглядывался.

— Люди коронера, вероятно, срезали одежду с тела, да и бросили, — сказал я. — Взгляни, здесь тоже лоскуты.

— Тут, наверное, уже была вся эта грязища, когда бедного дурака прикончили.

Я посмотрел на стоявшую в углу низенькую кровать. Над ней к

глинобитной стене было приколочено дешевое деревянное распятие. Реликвия, оставшаяся от протестантского прошлого бедняги?

— Идите отсюда, — предложил Барак. — Здесь нет ничего, кроме грязи и тряпья.

— Подожди, не так быстро.

От того, что я так долго находился на ногах, у меня мучительно болела спина и хотелось присесть.

— Это уединенное место, а Тапхольма не очень-то любили. Коли убийцей был кто-то из знакомых Уилфа, он наверняка знал: если посреди зимы связать беднягу и оставить умирать в этой избушке, могут пройти месяцы, прежде чем кто-то обнаружит его.

— Почему вы говорите «он»? Убила наверняка женщина.

— Сомневаюсь.

Я посмотрел на кровавое пятно на полу возле холодного очага.

— Его побороли, возможно, сбили с ног, потом связали, заткнули рот и бросили здесь. Наконец ему разрезали ногу. Пьяная шлюха, которую он выгнал из дома, скорее ударила бы по голове.

— Может, ей хотелось, чтобы он умирал долгой и мучительной смертью? — мрачно предположил Барак.

— Тот, кто убивает умело, превращая смерть в ужасный спектакль.

По пятну засохшей крови ползало несколько мух.

— Боже, как он, должно быть, страдал!

— Это убийство не имеет ничего общего с другими, — нетерпеливо сказал Барак и зло пнул ногой кучу тряпья. — Господи, а это что такое?

В груди тряпок что-то звякнуло. Барак наклонился и, зажав нос, принялся рыться в лохмотьях. Через пару секунд он выпрямился, держа в руке большой оловянный знак с изображением какого-то сооружения в виде арки. Я взял находку из руки Барака.

— Знак пилигрима, — сказал он. — Из усыпальницы Эдуарда Исповедника. Странная вещь для протестанта. Разве они не считают усыпальницы папистским пережитком? Может, его уронил один из констеблей, когда они выносили тело?

— Вряд ли. Люди сейчас не носят знаков пилигрима, если только не хотят, чтобы их приняли за папистов. Но кто-то определенно обронил его здесь. Поройся в остальном тряпье, Джек, может, еще что-нибудь найдешь.

— Повезло мне с работой! — пробурчал Джек, но все же принялся перерывать кучи грязных тряпок. — Нет здесь больше ничего, — заявил он, посмотрел на распятие на дальней стене и перевел взгляд на кровавое пятно на полу. — Несчастный. Интересно, раскаялся ли он в своем

прелюбодеянии, когда лежал здесь, а черви пожирали его ногу?

Я вздрогнул.

— Что ты сказал?

— Я сказал, интересно, пожалел ли он о своей связи со шлюхой...

— А если это все же не она?

— Кто же тогда?

— Нет-нет, ты сказал «раскаялся ли он в своем прелюбодеянии».

Почему ты использовал эту фразу?

Барак посмотрел на меня как на сумасшедшего.

— Не знаю, просто в голову пришла. Она ведь из Библии, разве нет?

Я схватил его за плечо.

— Да-да, именно так. Фразы из Библии. Их мы слышим чуть ли не каждый день. Они вошли в наш повседневный язык. Вот почему у меня в мозгу застряли и другие фразы. Я стоял в этом ужасном месте и лихорадочно размышлял: неужели такое возможно?

— Что возможно?

— О господи! Только бы я ошибался! Идем.

— В чем вы хотите ошибиться, мастер? Вы говорите загадками.

— Нам нужно в церковь. Та, которая стоит на болоте, сгодится.

Я выбрался из лачуги и быстро зашагал по направлению к дороге. Барак запер дом и поторопился следом за мной. Временами ему даже приходилось переходить на бег. Наконец мы добрались до участка Гиба. Он снова трудился в своем огороде. Я велел Бараку вернуть ключ, а сам отвязал лошадей и, используя в качестве ступеньки ствол лежащего дерева, взобрался в седло.

— Куда вы так спешите? — крикнул Гиб нам вслед, когда Барак с загоревшимся от азарта лицом бросился к своей кобыле. — Что вы там нашли?

— Ничего! — крикнул в ответ Барак и запрыгнул в седло. — Ему понадобилось в церковь, вот и все!

Дверь церкви была открыта, и, переступив порог, мы оказались под ее прохладными сводами. Она была отделана в старом стиле: стены выкрашены в яркие цвета, полы выложены узорчатой плиткой. Повсюду горели свечи и пахло ладаном, хотя ниши, в которых когда-то стояли усыпальницы и статуи святых, теперь пустовали. На пюпитре позади богато убранного алтаря лежала Библия, для надежности прикрепленная цепью. Согласно приказу, который издал лорд Кромвель за год до своего падения, Библия на английском языке должна была находиться в каждой

церкви. Эта часовня была точным отражением того, что король хотел бы видеть повсюду: никаких святых и реликвий, а в остальном все по-старому, как было до разрыва с Римом. Здесь, по крайней мере, все было гармонично.

— Что нам тут понадобилось? — спросил Барак.

— Я хочу заглянуть в Библию. Сядь на скамью и отдыхай, пока я буду искать то, что мне нужно.

— А что вам нужно?

Я повернулся к нему лицом.

— Мы говорили о фанатичных протестантах, о пророках, которые предвещают скорый Армагеддон. Они проповедуют на каждом углу. Вот почему епископ Боннер так хочет покончить с ними. Но откуда они берут эти пророчества? Из какой части Священного Писания?

— Из Книги Откровения, откуда же еще!

— Вот именно, из Апокалипсиса Иоанна Богослова. Вот откуда взято большинство тех фраз, которые не давали мне покоя. Это заключительная часть Библии, полная пророчеств. Страшных, жестоких и, в отличие от остальных глав Нового Завета, трудных для понимания. И Эразм, и Лютер сомневались в том, что Откровение на самом деле является Словом Господним, хотя Лютер называет этот текст «боговдохновенным».

— Вы говорите о том, откуда взяты фразы, которые врезались вам в память. Но как...

— Я думаю, что они взяты из определенной части Откровения. Однако, прошу тебя, посиди минутку молча, не отвлекай меня.

Тряхнув головой, Барак сел на скамью в переднем ряду, на которой лежали толстые подушки. Вероятно, во время богослужений здесь располагалось какое-то богатое семейство. Я же взобрался на алтарное возвышение и раскрыл толстую Библию в синем переплете. На фронтиспise был изображен король на троне, под которым располагались Кромвель и Кранмер. Они вручали Библию богато одетым лордам, а те, в свою очередь, передавали ее другим, рангом пониже. Затем я стал переворачивать страницы, сразу по нескольку десятков, пока не добрался до самого конца, Книги Откровения. Найдя интересовавшую меня часть, я принялся читать, водя пальцем по строчкам. Наконец я негромко окликнул своего помощника:

— Барак, иди сюда! Смотри, — сказал я, когда он подошел, — в этой части Откровения Святому Иоанну являются семь ангелов, которые изливают на землю семь чаш, наполненных гневом Бога.

— Я помню, как-то раз наш викарий читал в церкви этот отрывок, но я

не мог слушать это: уж больно было похоже на безумный сон.

— Безумный сон... Хорошо сказано. Посмотри сюда. Глава вторая. «Я дал ей время покаяться в любодеянии ее, но она не покаялась». Когда ты произнес это или что-то в этом роде, я сразу понял, откуда взялись все те фразы. Отсюда! Вот, послушай. Глава шестнадцатая: «И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю. Пошел первый Ангел и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его». Отвратительные гнойные раны! Гиб так и сказал. Нечастный Уилф Тапхольм был убит точно так же, как жертвы первого сосуда гнева Божия. А он был верующим, который совершил грех прелюбодеяния. Многие сказали бы, что поэтому на нем была метка зверя.

Барак наморщил лоб.

— Не хотите ли вы подогнуть то, что случилось с коттером, под то, о чем говорится здесь? — с сомнением в голосе спросил он. — Как протестанты пытаются подогнуть любые события под свои пророчества? Не было на нем никаких меток — ни зверя, ни кого-то еще. И вообще, что это за метка такая?

— Это число шестьсот шестьдесят шесть. Но из Книги Откровения не следует, что оно должно физически находиться где-то на теле человека.

— Если бы кто-то решил перебить всех отступников-протестантов, весь Лондон был бы завален трупами, покрытыми гноящимися ранами!

— Одна смерть может быть символичной, Барак. И я согласился бы с тобой, если бы такое совпадение было единственным. Но послушай вот это: «Второй Ангел вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море». Если Уилф Тапхольм был первым погибшим, значит, доктор Гарней был вторым. Он умер, и соленая вода морского прилива превратилась в кровь.

Барак нахмурился и сам перечитал строки Библии. Я заставил работать его скептический ум.

— Но и это еще не все, — продолжал я. — «Третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь». Роджер Эллиард умер в фонтане, и вода в нем превратилась в кровь.^[20]

Движимый внезапно нахлынувшими на меня эмоциями, я ухватился за края пюпитра.

— Бедный Роджер! Какое богохульство!

— Но ведь все утверждают, что доктор Гарней и мастер Эллиард были хорошими людьми, — заметил Барак.

— Да. Выглядит так, будто они совершили нечто греховное, или зверь, убивший их, думал, что они согрешили.

Я сделал долгий глубокий вдох.

— Роджер, подобно Тапхольму, когда-то тоже был радикалом, но впоследствии сошел с этого пути. Может, доктор Гарней тоже?

Я посмотрел на Барака.

— Ну как, ты готов согласиться со мной в том, что кто-то убивает людей в точном соответствии с пророчеством о семи чашах гнева Божия?

— Чтобы выполнить это пророчество, — медленно проговорил Барак.

— Да, хотя бы символически.

— Господи Иисусе...

Мой помощник выглядел потрясенным. Некоторое время он молчал, а потом выдал:

— Это означает, что должно быть еще четыре убийства.

— Да.

— И какое будет следующим?

Я заглянул в Откровение.

— «Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце; и дано было ему жечь людей огнем».

— Проклятье! — выругался Барак. — Сначала людей оставляют заживо гнить, потом бросают умирать в воде, а теперь начнут жечь.

— Не думаю, что это может быть связано с Кэтрин Парр, — сказал я. — В конце концов, это не политика, Барак, это религия. Безумная, извращенная религия.

Барак медленно листал страницы.

— Что произойдет после того, как будут вылиты все семь чаш? — спросил он. — Чем все закончится?

Я засмеялся как безумный, и из-под сводов древней церкви мне ответило истеричное эхо.

— А ты как думаешь? Это ведь Книга Откровения, Джек. Она заканчивается концом света!

Глава 14

Мы немедленно отправились вдоль берега Темзы во дворец Ламбет, настигивая лошадей. Прохожие шарахались в стороны, пытаясь увернуться от грязи, летевшей из-под копыт наших скакунов. Когда мы достигли цели, я тут же потребовал вызвать секретаря Кранмера. Морис появился почти сразу. Маленький бледный человечек, одетый в черное, он смотрел на нас с сомнением во взгляде. Я представился, сообщил, что имею срочные известия, и он торопливо ушел, оставив нас в Большом холле. Вернувшись через несколько минут, он приглушенным голосом сообщил, что архиепископ послал в Уайтхолл за другими, имеющими отношение к делу. Мы прошли в небольшую уютную комнату, где нам предстояло дожидаться прибытия всех участников грядущей встречи.

— Одна просьба, если позволите, — обратился я к секретарю архиепископа. — Не могли бы вы принести мне Новый Завет на английском языке?

— Я распоряжусь, чтобы ваша просьба была выполнена, — ответил он и с полупоклоном удалился.

— Вы уверены в своей версии? — спросил Барак, когда дверь закрылась. — Она звучит фантастически. Даже не знаю, что скажут на это Кранмер и остальные.

— Ты же читал отрывки из главы. Они говорят сами за себя.

— Но там говорится не о единичных убийствах, а о тысячах людей, погибших от каждой чаши.

— Мне видится в нынешних убийствах какой-то дьявольский, извращенный символизм...

Я замолчал, поскольку в комнату вошел слуга с экземпляром Нового Завета. Положив Священное Писание на стол, я открыл его на Книге Откровения. Барак заглядывал мне через плечо. Не требовалось большого ума, чтобы понять: если я прочитал или истолковал что-то не так, прием, который окажут мне могущественные люди, направляющиеся сюда сейчас из Уайтхолла, будет далеко не дружественным.

— Эта книга представляется мне полной бессмыслицей, — сказал Барак. — В ней по-разному говорится об одном и том же. Это различные версии того, каким будет конец света: ангелы, войны, чаши. В ней нет...

— Свяznego повествования? Верно. Это самая загадочная книга Нового Завета.

— Хотя текст, конечно, мощный. Он будто сам отпечатывается в мозгу. Барак прочитал:

— «И дым мучения их будет восходить во веки веков, и не будут иметь покоя ни днем, ни ночью поклоняющиеся зверю и образу его». Зверь — это дьявол?

— Да, но некоторые утверждают, что это Римско-католическая церковь. Толкований Книги Откровения столько же, сколько и толкователей, и каждый из них уверен, что прав только он. В большинстве своем они необразованные фанатики. Из-за этой книги в мире происходят большие волнения.

— Вы хорошо знаете свою Библию, — заметил Барак, с любопытством посмотрев на меня.

— Книгу Откровения — нет, но Библию в целом — да.

Я грустно улыбнулся.

— С ранней юности и лет до тридцати я был преданным сторонником реформ.

— Вы сказали, что Эразм и Лютер сомневались в подлинности Откровения. Почему?

— В нынешней Библии мы имеем только четыре Евангелия, а в древние времена их существовало множество, плюс несчетное число Апокалипсисов, в которых описывалось, каким именно будет конец света. Но древние ученые, определявшие, какой именно из христианских текстов был вдохновлен непосредственно Богом, отвергли все Апокалипсисы, кроме одного, автором которого, по их убеждению, был апостол Иоанн. Однако Эразм и Лютер сомневались в этом, потому что этот текст разительно отличался от всего остального Нового Завета обилием жестокости и насилия, тем, что в нем Иисус предстает безжалостным судьей, который вершит суд от имени Бога и «имеет ключи ада и смерти».

— Теперь их держит кто-то другой, — сказал Барак.

Он надул щеки и покачал головой. Ему никогда прежде не приходилось сталкиваться с чем-то столь ужасным, и происходящее потрясло его до глубины души. Как, впрочем, и меня, но мне сейчас было не до переживаний: нужно рассказать Кранмеру и другим о моем открытии.

Мы оба повернули головы к двери, когда она открылась и на пороге появился секретарь Кранмера.

— Его милость сейчас примет вас, мастер Шардлейк, — сказал он, поклонившись. — Но только вас одного. Ваш спутник должен остаться здесь.

Кранмер сидел за своим столом, лорд Хартфорд, Томас Сеймур и коронер Харснет стояли рядом с ним. Сегодня Томас Сеймур был в красном шелковом дублете, через прорези на рукавах которого просвечивала ярко-желтая подкладка. Его брат был одет куда менее броско, во все коричневое. В устремленных на меня взглядах мужчин читалось нетерпеливое ожидание.

— Что вам удалось обнаружить, Мэтью? — спокойно спросил архиепископ.

Я набрал в легкие воздуха.

— Милорд, у меня есть основания полагать, что я знаю, почему были убиты доктор Гарней и мой друг. И еще один человек, третий, которого убили в декабре.

Кранмер подался вперед.

— Третий?

В его голосе прозвучал испуг.

— Да. И, если я прав, нам следует ожидать еще четырех смертей.

Лорд Хартфорд нахмурился и буравил меня взглядом.

— Давайте, выкладывайте свою сказочку, — пренебрежительным тоном проговорил сэр Томас.

Как можно более подробно я рассказал о смерти Тапхольма и о том, как, размышляя о ней, я обнаружил связь с Книгой Откровения. Мои собеседники слушали в полном молчании. Взглянув на книжные полки Кранмера, я сказал:

— Если вы заглянете в шестнадцатую главу Откровения, милорд...

— Книгу Откровения я знаю наизусть, Мэтью.

Он снова умолк и напряженно думал.

Томас Сеймур засмеялся, и его громогласный смех заставил Кранмера испуганно моргнуть.

— Никогда не слышал подобных баек. Горбатый адвокат слишком много читает, и от этого, видно, повредился в уме.

Лорд Хартфорд зло посмотрел на брата.

— Не забывай, где ты находишься, Томас, и следи за своим языком!

Кранмер, казалось, погрузился в глубокое раздумье, вертя пальцами серебряное распятие, висевшее у него на груди. Когда он наконец выпрямился в кресле и обвел нас взглядом, его выразительные глаза были полны печали.

— Боюсь, Мэтью может оказаться прав. Эти смерти, даже последовательность, в которой они произошли, в точности совпадают с тем, что написано в шестнадцатой главе Книги Откровения. И в наше

время, когда любой недоучка считает себя знатоком Священного Писания, да, действительно мог найтись достаточно злобный и безумный человек, который решил, что на него возложена миссия выполнить пророчество. Потому что Откровение на самом деле является пророчеством того, что должно произойти.

Архиепископ издал вздох, прозвучавший стоном.

Я посмотрел на него. Неужели мы снова говорим об одержимом человеке, оказавшемся во власти дьявола?

Хартфорд снял с полки Писание и стал читать, а затем медленно кивнул.

— Он прав, милорд. Эти убийства во всех подробностях соответствуют описаниям событий, наступавших после того, как очередной ангел выливал свою чашу гнева. Это не может быть простым совпадением. Однако это может хоть немного утешить нас.

— Утешить? Каким образом? — с недоумением спросил Кранмер.

— Цель убийцы — осуществить пророчество, значит, тот факт, что второй жертвой стал врач лорда Латимера, наверняка не играет роли.

Он посмотрел на архиепископа.

— Действия убийцы не направлены на то, чтобы помешать новому браку короля.

Кранмер согласно кивнул.

— Да, в этом есть логика. Но король, узнай он об этом, все равно напугается сверх всякой меры.

Он перевел взгляд на Харснета.

— Генрих тоже может решить, что убийца одержим дьяволом, и навсегда отвратить свой взор от леди Латимер.

Архиепископ грустно улыбнулся.

— Он такой суеверный! Я годами пытался отучить его от этой склонности, но безуспешно.

— А так ли уж будет не прав его величество, предположив, что действия убийцы продиктованы нечистым?

Острый взгляд Харснета поочередно перепрыгивал с одного собеседника на другого.

— Подумайте о том, сколь богохульственно действует злодей, с какой хитростью он спланировал и осуществил три этих убийства, превратив их в публичные представления, подумайте о поистине нечеловеческой силе, позволившей ему переносить тела на большие расстояния.

— Убийство крестьянина тоже было задумано как представление, — вставил я, — но в его совершении обвинили женщину.

— Разве это не указывает на одержимого? — задал вопрос Харснет.

— Почему вы все так любите разглагольствовать?! — раздраженно воскликнул Томас Сеймур. — Нужно ловить этого человека, а не чесать попусту языками, строя догадки относительно того, почему он поступил так, а не иначе. Мы узнаем это, лишь когда он окажется у нас в руках.

В этом я не мог не согласиться с Сеймуром и поэтому сказал:

— Сэр Томас прав, милорд. Поймать убийцу — вот наша главная задача.

— Не стану спорить. Чем же вы займетесь теперь, Мэтью?

— Необходимо выяснить, имел ли Тапхольм общих знакомых с Роджером и доктором...

— Чушь, приятель! — прорычал сэр Томас. — Он был коттером, то есть никем, а остальные двое были знатными людьми.

— И Тапхольм, и Роджер в свое время придерживались радикальных реформаторских взглядов и, хотя по-разному, впоследствии отошли от них. Относится ли то же и к доктору Гарнею?

— Да, — ответил архиепископ, — он когда-то был настроен весьма радикально, но не так давно... разочаровался в своих прежних убеждениях.

Кранмер долго молчал, нахмурив лоб, а потом посмотрел на меня.

— Вы полагаете, что убийца намеренно выискивает людей, которые когда-то придерживались радикальных взглядов, но по той или иной причине изменили им?

— Боюсь, что именно так. И есть только одно место, где могут встречаться радикалы, принадлежащие ко всем сословиям. Церковь.

— Трое погибших жили в разных концах города, — задумчиво проговорил Кранмер. — У них не могла быть одна и та же приходская церковь.

— Иногда радикалы ходят не в церкви своих приходов, — заметил Хартфорд. — Они посещают частные молитвенные собрания и группы по изучению Библии. И почему бы им этого не делать, — с внезапно проснувшейся яростью продолжал он, — когда за свои убеждения они подвергаются гонениям и вынуждены чуть ли не уходить в подполье?!

— Вы полагаете, все это делает кто-то из набожных прихожан? — спросил Кранмер, глядя мне в глаза.

— Не обязательно, но тот человек наверняка хорошо знает реформаторов.

Архиепископ Кранмер закрыл лицо ладонями. В кабинете воцарилась мертвая тишина. Хартфорд и Харснет обменялись смущенными взглядами. Я понимал, что архиепископ очутился в очень непростой ситуации. Он, как

в тисках, оказался зажат между собственными реформаторскими убеждениями и опасностью, которую представлял радикализм для всего дела реформ. Хартфорд сразу понял это, а вот Харснет пока был поглощен охватившими его эмоциями. Сэру Томасу было вообще на все наплевать.

Наконец Кранмер опустил руки и выпрямился в своем высоком кресле. Его лицо приобрело жесткие очертания. Он устремил взгляд на меня.

— Мэтью, опасность, грозящая мне и всем остальным в этой комнате, растет с каждым часом. Некоторые до сих пор подвергаются допросам, будучи обвиненными в ереси, хотя еретиками не являются. Продолжаются аресты мясников, а теперь очередь дошла до книготорговцев. Граф Сюррей брошен в тюрьму Флит за нарушение Великого поста, и вскоре вы убедитесь в том, что все это лишь прелюдия к широкомасштабной кампании против реформаторов. Они уже подвергаются травле, их плакаты срывают.

— Да, милорд.

Хартфорд согласно кивнул.

— Мы ходим по лезвию бритвы.

— Можете ли вы представить, каким подарком стало бы для Боннера и Гардинера узнать о том, что кто-то в Лондоне убивает радикалов, отказавшихся от прежних убеждений? Это чудовищное богохульство подольет масла в огонь объявленной ими войны.

— На месте убийства Тапхольма я нашел любопытный предмет, — сказал я, достал из кармана оловянный знак и положил его на стол перед Кранмером.

Лорд Хартфорд наклонился, чтобы получше рассмотреть предмет.

— Знак пилигрима, — констатировал он. — Значит, его владелец посещал усыпальницу Эдуарда Исповедника в Вестминстере. Я видел много таких знаков на плащах людей, прежде чем доступ к усыпальницам был закрыт.

— Он не мог принадлежать Тапхольму, если тот исповедовал реформаторские взгляды, — проговорил Харснет.

— И его женщине тоже, — добавил Томас Сеймур. — Никогда не слышал, чтобы саутуоркские шлюхи носили подобные вещи.

Кранмер взял знак и повертел его в толстых пальцах.

— Значит, его обронил убийца. Возможно, знак сорвали с его плаща во время борьбы, когда он пытался связать этого несчастного коттера.

— Погодите, — вмешался Харснет, — знаки пилигрима люди нынче открыто не носят, чтобы не быть заподозренными в симпатиях к папистам.

— Да, это было бы неосмотрительно, — согласился я.

— Не исключено, что он обронил его намеренно, — предположил лорд Хартфорд.

— Да, милорд, такое возможно, — кивнул я, — но тут может быть и другая связь со старой религией.

Я набрал в грудь воздуха.

— Чтобы сломить сопротивление по крайней мере двух жертв, был использован двейл, а по словам моего друга доктора Малтона, единственным местом, где в последние годы применялся этот наркотик, являются больницы бенедиктинских монастырей. Милорд, я хотел просить вашего разрешения просмотреть архивы суда по делам секуляризации с целью выяснить, что случилось с монастырскими больницами Лондона.

Кранмер резко подался вперед.

— Вы полагаете, разгадка кроется там? — нетерпеливо спросил он. — По-вашему, это может быть бывший монах? Спятивший, озлобленный папист, убивающий тех, кто прежде принадлежал к радикальным реформаторам...

— Но ведь именно радикалы, а не паписты заявляют, что им известны все тайны Откровения.

Сэр Томас снова удивил меня своей восприимчивостью.

— Можно предположить, что цель убийств — злобно высмеять эти самые взгляды, — сказал Кранмер. — У папистской церкви есть собственные исследователи Книги Откровения, как, например, Иоаким Фиорийский.

Лицо архиепископа осветилось радостью при мысли о том, что убийца может оказаться не радикальным реформатором, а папистом. Он расправил плечи и по очереди посмотрел на каждого из нас.

— Мастер Харснет, я хочу, чтобы вы провели расследование и выяснили, был ли коттер каким-либо образом связан с двумя другими жертвами, особенно на почве религиозных убеждений. Мэтью, просмотрите архивы суда по делам секуляризации. Эдвард, — он повернулся к Хартфорду, — вы близки к королю, и я поручаю именно вам сделать все, чтобы ни слова об этом деле не достигло его ушей.

Хартфорд кивнул.

— А я? — спросил Томас Сеймур.

— А ты, Томас, держи рот на замке, — ответил ему брат.

Сеймур покраснел, а Хартфорд повернулся к Кранмеру.

— Итак, сейчас мы расследуем то, что уже произошло. А как быть с тем, что еще должно произойти? Если адвокат прав, а я полагаю, что так оно и есть, вскоре будет совершено четвертое убийство.

Он открыл Новый Завет и прочитал вслух:

— «Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. И жег людей сильный зной, и они хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу».

— Что же нам делать? — тихо проговорил Кранмер. — Когда и где это произойдет?

— Жертвой может стать любой, — заметил я. — И такой праведник, как Роджер, и закоренелый грешник вроде коттера. А уж где и когда убийца нанесет удар, предсказать и вовсе невозможно.

— Значит, остановить его мы не в силах?

— Только если поймаем. И мне кажется, нового удара не придется ждать долго.

— Почему? — спросил Харснет.

— Труп Тапхольма нашли в январе, доктор Гарней умер в феврале, а Роджер — через три недели после этого, неделю назад. Было бы логичным предположить, что новое убийство будет совершено примерно через две недели.

— А что там с оставшимися тремя чашами? — поинтересовался Томас Сеймур. — Что выльется из них?

Кранмер тяжело вздохнул.

— Излитие пятой чаши убьет грешников тьмой и великой болью. Это может означать что угодно. Шестая чаша высушит воду в Евфрате, и я не представляю, что можно сделать, чтобы изобразить нечто подобное. Наконец, когда седьмой ангел выльет свою чашу, произойдут молнии, громы и великое землетрясение.

— Милорд, — заговорил я, — у меня к вам есть еще одна просьба. Если вы выполните ее, это облегчит нам задачу.

— Слушаю вас, Мэтью.

— Это касается доктора Малтона. Именно он сказал мне, что старые монастырские врачеватели применяли двейл. Он может много знать о них, даже если не знаком с ними лично. Я хотел бы просить вас оказать ему доверие и позволить привлечь к расследованию. Он уже здорово помог нам с этим двейлом.

— Он ведь бывший монах? — резко спросил Харснет.

— Да, но Мэтью говорит, что на него можно положиться.

Кранмер посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом.

— Хорошо, я согласен. Можете рассказать ему все, Мэтью.

Хартфорд посмотрел на меня с сомнением, Харснет тоже, но

архиепископ кивнул.

Некоторое время в кабинете царило молчание. Все думали о том, какие новые ужасы могут ожидать нас впереди. А потом сэр Томас рассмеялся.

— Боже праведный, этому убийце на самом деле понадобится дьявольская сила, чтобы устроить землетрясение!

— Меня тошнит от ваших шуток, Томас! — с неожиданной горячностью набросился на него Кранмер. — Мы все знаем — или, по крайней мере, должны знать, — что в этом деле и впрямь может быть замешан дьявол, который использует все свои силы. Но мы обязаны расследовать преступления, руководствуясь здравым смыслом.

— Ты забываешь о том, что присутствовать здесь тебе позволено лишь потому, что ты мой брат, — добавил лорд Хартфорд. — А твои прежние отношения с Кэтрин Парр, на состояние которой ты мечтаешь наложить лапу, похоже, канули в Лету. С моей стороны было ошибкой привлекать тебя к этому делу.

Он сокрушенно покачал головой.

— Глупой ошибкой.

На мгновение лицо Томаса Сеймура исказила гримаса бешенства, а затем он, словно провинившийся ребенок, отвернулся и стал глядеть в окно. Кранмер вновь обратился к нам.

— Каждый из вас знает, что должен делать, — подвел он итог. — Вот и займитесь этим без промедления.

Архиепископ кивнул, давая знать, что все свободны.

Когда мы вышли в коридор, лорд Хартфорд и его брат, не говоря друг другу ни слова, пошли в противоположных направлениях, а Харснет остался стоять со мной. Чуть дальше по коридору на скамье сидел Барак. Он подошел и молча встал рядом.

— Похоже, нам и дальше придется действовать сообща, — проговорил Харснет. — Вы молодец, что догадались протянуть ниточку между убийством коттера и Книгой Откровения. Хотя я молюсь о том, чтобы это было не так.

— Мысль о том, что подобное возможно, действительно пугает.

— Прошу прощения, если я был излишне резок. Вы правы, нам необходимо подходить к расследованию с трезвым, холодным умом. Но стоит мне подумать, что кто-то, изучавший Библию, может совершать столь чудовищные вещи...

Он умолк и в отчаянии помотал головой.

— Тут все чудовищно, я никогда не слышал ни о чем подобном.

— Я тоже.

Коронер пристально посмотрел на меня.

— Мне кажется, мы должны еще раз как следует подумать о том, что это может быть за человек.

— Вы имеете в виду, не одержим ли он дьяволом, который заставляет его делать все это? Нет, сэр, я склонен думать, что это скорее душевнобольной, которого сумасшествие довело до невиданного прежде фанатизма.

Я говорил вежливо, но твердо. Из головы у меня не выходил Адам Кайт, ползающий по полу больничной палаты Бедлама. Как правильно сказал Гай, безумие может принимать самые разные формы.

— Вы думаете, что, возможно, он убивает людей, отказавшихся от библейского понимания религии?

На лице Харснета было написано возбуждение.

— Думаю, что исключать этого нельзя. Полагаю, что он может оказаться вконец спятившим религиозным фанатиком.

— Но разве может сумасшедший планировать столь изощренные убийства и безукоризненно осуществлять их? На это способен лишь дьявол. Если же вы правы, то это величайшее богохульство.

— Должен признаться, сэр, я понятия не имею, с кем или с чем именно мы имеем дело, но уверен в одном: строить всяческие предположения сейчас не имеет смысла.

Харснет склонил голову. Я видел, что он не желает затевать спор, поскольку хочет сохранить со мной хорошие отношения. Поэтому я сменил тему.

— Мне показалось, что между Томасом Сеймуром и его братом не все гладко.

Харснет кивнул.

— Лорд Хартфорд — умный, выдающийся человек. В иных обстоятельствах он мог бы стать великим религиозным реформатором и излечить многие социальные язвы. Его единственная слабость заключается в сильной привязанности к семье, а держать в узде такого субъекта, как Томас Сеймур, нелегко.

— Да уж, — откликнулся я, подумав, что истинно сильный человек не позволил бы своим слабостям помыкать собой.

— Надеюсь, вы поставите меня в известность о том, что вам удастся обнаружить в судебных архивах? Записку с пометкой, что она срочно требует внимания с моей стороны, мне передадут незамедлительно.

— Безусловно, в случае чего я незамедлительно дам вам знать.

— А если я пошлю гонца, сможет ли он отыскать вас в вашей конторе?

— Либо там, либо дома. Я живу рядом с Линкольнс-Инн, на Канцлерлейн.

— В таком случае вскоре у нас снова появится возможность побеседовать.

Харснет кивнул Бараку, поклонился мне и ушел. Я посмотрел на своего помощника. Его лицо было мертвенно-бледным.

— Он прав, — сказал Барак. — Это чудовищно.

Тут и меня пробрал ужас. Какими кошмарными оказались смерти Тапхольма, Роджера и доктора Гарнея! Все трое были убиты с маниакальной расчетливостью и методичностью.

— Безумные пророки бывали и раньше, — неуверенно проговорил я.

— Книга Откровения напугала меня, — признался Барак. — Она такая...

Он замялся, подыскивая подходящее слово.

— Безжалостная. Как этот убийца.

— Харснет считает, что он одержим. А что думаешь ты?

— Я не могу себе представить, что он такое.

— Что касается меня, то я знаю только одно: я найду убийцу своего друга. Пойдем. Мы отправляемся в Вестминстер, в суд по делам секуляризации.

Я обнял Барака за плечи и повел наружу, шагая с уверенностью, которой на самом деле не ощущал. Но это было необходимо мне самому, потому что тот, за кем мы охотились, вне всякого сомнения, являлся чудовищем в человеческом облике.

Глава 15

Назавтра я ехал к Гаю. Было воскресенье, первое апреля, мягкий и солнечный день. Птицы с веточками и пучками травы в клювах начинали вить гнезда на деревьях, только что подернувшихся дымкой первой зелени.

Был День дурака, когда люди беззлобно подшучивали и разыгрывали друг друга. Но сегодня, хотя на улицах было полным-полно народа, никто не кричал, что у моей лошади загорелся хвост. У многих был озабоченный вид. Я услышал, как прохожие перешептывались, сообщая друг другу новость о том, что двух придворных, заподозрив в симпатиях к еретикам, бросили в Тауэр.

Накануне мы с Бараком почти весь день просидели в конторе суда по делам секуляризации, пытаюсь найти записи о врачевателях лондонских монастырей бенедиктинцев. Кто-то из здешнего начальства приказал привести в порядок все документы, касающиеся монахов, получающих пенсии, что обернулось полным хаосом. Лишь ближе к вечеру, с ног до головы перепачкавшись в пыли, мы нашли три имени. Однако выяснилось, что адреса хранятся в отдельной папке, и теперь, чтобы добраться до нее, нужно было ждать понедельника, когда судейский архив вновь распахнет свои двери после выходного.

Уже подъезжая к жилищу Гая, я увидел махину Олд-Бардж, возвышающуюся над кровлями окрестных домов, и испытал укол совести. Я так и не пристыдил Барака в связи с тем, как он обращается с Тамазин. Он мастерски умел уклоняться от неприятных для него разговоров, и я боялся, что, если попробую воспользоваться своим начальственным положением, вторгаясь в его частную жизнь, это только разозлит моего помощника и не принесет никаких результатов. Я в растерянности тряхнул головой, не будучи в состоянии придумать, как тут лучше поступить.

Когда я свернул на улицу Гая, меня охватило странное чувство, которое уже один или два раза я испытал во время этой поездки. Мне показалось, что за мной следят. Я быстро обернулся в седле, но узкая улица была пуста. Тогда я сказал себе, что охота за убийцей Роджера сделала меня чересчур подозрительным, и напомнил себе, что сегодня вечером ужинаю с Дороти. Мысль об этом наполнила меня одновременно радостью и грустью.

Я привязал Бытие возле лавки Гая и постучал в дверь.

Гай впустил меня в дом, и я увидел, что у него есть посетитель —

высокий тучный мужчина с румяным лицом и длинной седой бородой. Как и на Гае, на нем была одежда врача, но гораздо лучшего покроя. В руке он держал длинный деревянный посох, которым указывал на аптекарские склянки, выстроившиеся на полках. Юный Пирс снял с полки две банки, отсыпал понемногу из каждой и принялся тщательно взвешивать их содержимое на аптекарских весах.

Незнакомец взглянул на меня поверх своего в буквальном смысле выдающегося носа.

— Надеюсь, вы позволите мне закончить мое дело, прежде чем займетесь своим пациентом? — надменным тоном обратился он к Гаю.

Тот, посмотрев на меня извиняющимся взглядом, сделал знак сесть и подождать.

Я сел и наблюдал за тем, как толстый доктор указал еще на две склянки.

— Четверть бушеля горькой полыни и унцию сурьмы. У вас есть кровь молодого петушка, сэр?

— Не держим.

— Очень жаль. Превосходное снадобье от головной боли.

— Какая удивительная мудрость, — пробормотал себе под нос Пирс.

Посетитель бросил на парня взгляд, в котором подозрительность перемешивалась с раздражением, но лицо ученика оставалось бесстрастным. Я заметил, что Гай, который записывал пожелания клиента на грифельной доске, подавил улыбку. Было видно, что коллега воспринимал его лишь в качестве аптекаря. Толстяк, видно, относился к категории эскулапов, которые внушали пациентам благоговейный страх с помощью высокомерного поведения, за которым зачастую крылось невежество.

— Это все, сэр, — проговорил покупатель. — Я заберу заказ завтра. Сколько я вам должен?

— Один шиллинг.

— У вас низкие цены.

Он вытащил толстый кошель и достал оттуда серебряную монету. Затем взглянул на меня.

— А вы юрист, сэр? Из какой судебной корпорации?

— Из Линкольнс-Инн, — коротко ответил я.

— У меня там есть пациент. Мастер Билкнэп. Может, знаете?

— В последнее время он выглядит больным и бледным, — многозначительно добавил я.

— О, скоро я поставлю его на ноги.

Врач будто не заметил сарказма, прозвучавшего в моих словах.

— Ему нужно почаще делать кровопускания, и он станет как новенький. Кстати, меня зовут доктор Арчер, и у меня большой опыт в лечении адвокатов.

Толстяк одарил меня снисходительной улыбкой, а потом, небрежно поклонившись Гаю, сунул кошель в пояс и вышел из лавки.

— Что это за тип? — спросил я.

На губах Гая заиграла язвительная усмешка.

— Арчер — самый главный человек в корпорации врачей. Я там занимаю весьма незначительное положение, поэтому вынужден угождать ему. Он сторонник традиционных методов лечения и уверен в том, что со времен Галена в медицине не появилось ничего нового за исключением его собственных знахарских снадобий. У меня он покупает ингредиенты для их изготовления. Он влиятельный человек, ему нравится покровительствовать мне, а я за это беру с него символическую плату.

Голос Гая внезапно стал усталым, он махнул рукой и сел за стол напротив меня.

— Ладно, забудем про Арчера. Чем я могу тебе помочь, Мэтью? По твоему лицу вижу, что это не просто визит вежливости.

Прежде чем отвечать, я немного помолчал. Приглядевшись к другу внимательнее, я заметил, что он выглядит уставшим и каким-то опустошенным. Мне вдруг не захотелось втягивать его во всю эту гнусную историю, связанную с убийствами. Но что поделать — я нуждался в его совете. Подумав об этом, я прикоснулся к знаку пилигрима, лежавшему в моем кармане.

Гай обернулся к Пирсу.

— Принеси нам вина, мой мальчик, — попросил он. — Кстати, тебе не следовало подтрунивать над доктором Арчером. Каким бы он ни был дураком, Арчер подозрителен и остро чувствует насмешки.

— Простите, мастер. Не сумел сдержаться.

— Я тебя понимаю, — ответил Гай.

— Что мне сказать, если снова придут те люди, которые продают жир из огромных рыб, выловленных в Темзе? — спросил Пирс. — Многие аптекари покупают его.

— И без сомнения, приписывают ему всякие магические свойства. Вели им проваливать. Пусть даже близко не подходят к моей лавке. Этот жир воняет на добрую милю.

Когда Пирс ушел, Гай снова заговорил:

— Наверное, это были именно они, а я подумал, что местные

мальчишки так шутят в День дурака: постучат в дверь и убегают.

— Ты слишком мягок с этим парнем, — заметил я. — Насмехаться над таким субъектом, как Арчер, и вправду опасно.

— Да, но Пирс любит пошутить.

Гай улыбнулся, но тут же снова стал серьезным.

— Что стряслось, Мэтью? Это как-то связано с мастером Эллиардом?

— Да.

Я колебался. Имею ли я право вовлекать его во все это? А потом решил: да, имею, потому что он может оказать нам неоценимую помощь. И стал рассказывать.

— Как выяснилось, Роджер стал третьим человеком, убитым за последнее время самым что ни на есть жестоким и извращенным способом. Причем все три убийства кажутся совершенно бессмысленными.

Я рассказал ему про Тапхольма и доктора Гарнея, как их убийства связаны с Книгой Откровения, и о том, что душегуб, возможно, выискивает тех, кто отошел от радикальных религиозных взглядов. Темнокожее лицо Гая вытянулось и потемнело еще больше.

— Я знал Пола Гарнея, — сказал он, когда я закончил свой рассказ и взял с него клятву хранить молчание об услышанном. — Не очень близко, но мы несколько раз встречались. Он производил впечатление умного, образованного человека. Не чванливого индюка, как доктор Арчер.

Гай сокрушенно покачал головой.

— Я готов поверить, что он начинал как реформатор, а потом разочаровался в этих невежественных, но убежденных в собственной правоте радикалах.

В дверь постучали. Вошел Пирс с подносом, на котором стояли стаканы и кувшин. Красивое лицо ученика вновь было непроницаемо, но что-то во взгляде больших голубых глаз заставило меня задуматься: а не подслушивал ли он? Я смотрел, как он поставил на стол поднос и направился к двери. Парень заметил, что я за ним наблюдаю. Именно этого я и хотел.

— Вот что мы нашли на месте убийства Тапхольма, — сказал я, доставая из кармана знак.

Гай повертел его в своих длинных пальцах и бросил на меня острый взгляд.

— Ты все еще думаешь, что убийцей может быть врач-бenedиктинец? Из-за этого и двейла?

— Я думаю, что такое возможно.

Гай снова посмотрел на значок, вернул его мне и шумно вздохнул.

— Не исключено, что ты прав. Мы не знаем, что сделало этого человека тем, во что он превратился.

— Вчера мы с Баракком провели целый день в архиве суда по делам секуляризации, вычисляя бенедиктинских врачей-лечивших, находившихся в Лондоне в период закрытия монастырей. Врач, лечивший монахинь в обители Святой Елены, умер, а доктор из монастыря Всех Святых вернулся к своей семье в Нортумберленд и мирно живет там, получая пенсию. Но вестминстерский врачеватель и оба его помощника до сих пор обитают в Лондоне и получают свои пенсии в Вестминстере. Их адреса мы сможем узнать только в понедельник, но имена этих троих нам известны. Врача зовут Годдард. Ланселот Годдард. Его помощники — это брат Чарльз Кантрелл и послушник Фрэнсис Локли. Эти имена тебе что-нибудь говорят?

— Говорю же тебе, я не знал никого из них. Когда я приехал в Лондон, то уже не был монахом. Кроме того, Мэтью, после закрытия монастырей в Лондон стянулось множество монахов-бенедиктинцев со всех концов Англии. То, как поступили с монахами, вполне могло свести кого-то из них с ума, — добавил он с неожиданной горечью. — Они были лишены своего дома, вырваны из привычной жизни и брошены в другой мир, где Библию воспринимают в буквальном смысле, позабыв о ее символизме и метафоричности, а фанатики с невозмутимостью реагируют на кровь и жестокость Откровения. Ты когда-нибудь задумывался о том, каким должен быть Бог, приказавший совершить все те жестокости, что описаны в этой книге? Ведь это же поголовное истребление человечества! И все же многие из этих праведников с готовностью принимают все это.

— Епископ Боннер истребит их столь же безжалостно.

— Думаешь, я этого не понимаю? — огрызнулся Гай. — Я, чью семью инквизиция изгнала из Испании — хотя мы были ревностными католиками — только за то, что наши предки исповедовали ислам.

— Я понимаю. Мне очень жаль.

— Мне тоже. Мне жаль того, что станет с миром.

Гай склонился над столом и оперся подбородком о ладони и поднял на меня глаза.

— Извини, Мэтью, — устало проговорил он. — Ведь ты пришел за помощью.

— Это как раз то, что мне нужно, Гай. Мы говорим о том, что мир сходит с ума. Харснет убежден в том, что преступник одержим, полагая, что сумасшедший не смог бы столь терпеливо планировать подобные убийства и осуществить их так тщательно. Мы считаем, что, сначала

наблюдая за нами, а потом прячась от нас, он целый день пролежал в холодных Ламбетских болотах.

— А что думаешь ты сам, Мэтью?

— Одержимость — самое простое объяснение необъяснимого, но эти убийства настолько необычны и ужасны, что я не знаю, что и думать. Даже Барак напуган. Он никогда раньше не слышал ни о чем подобном.

— Я слышал, — тихо сказал Гай.

Я смотрел на него округлившимися от изумления глазами.

— Одержимость, — медленно заговорил Гай, — это разновидность сумасшествия, о которой мы с тобой не говорили в Бедламе. Человек может быть странным образом одержим каким-то аспектом своей жизни, а в остальном быть — или казаться — совершенно нормальным. Одержимость известна со времен Древней Греции и Древнего Рима. У меня самого в прошлом году был пациент, торговец, который с юности был одержим манией собирать обувь. Он подбирал повсюду, в том числе и на помойках, туфли: мужские, женские, детские, старые, рваные, починенные. Ими был забит весь его дом. Об этом знала лишь его жена, но когда она пыталась устыдить мужа, тот отвечал, что весь этот хлам «может пригодиться». К тому времени, когда она пришла ко мне, чтобы посоветоваться, уже бывший торговец, забросив все дела, шатался по всему Лондону в поисках старых башмаков.

— Но какое отношение эта странная история имеет к нашему убийце?

— Терпение, Мэтью. Я встретился с беднягой, и он рассказал мне, что в детстве у него не было обуви. С тех пор где-то в мозгу у него засел страх, что это может повториться вновь. Он был одержим этой манией так долго, что почти забыл, с чего все началось.

— С твоей помощью он смог вспомнить это. Оно пошло ему на пользу?

Гай грустно покачал головой.

— Нет, он так и не избавился от этой мании. Возможно, просто не сумел. В конечном итоге он разорился и стал нищим. Наверное, его уже нет в живых. Он не выдержал бы жизни побирушки. Таким образом, из-за его одержимости то, чего он боялся больше всего на свете, случилось.

— Печальная история.

— Одержимость может принимать множество различных форм. Самая распространенная из них — любовь. Человек убеждает себя в том, что во что бы то ни стало должен обладать предметом своего обожания. Даже если этот другой — человек неподобающий или совершенно не подходит ему, влюбленного это не может остановить.

— О подобных случаях кто только не слышал!

— И если миром может править жестокость, почему любовью не может править извращенная ненависть?

Гай откинулся на спинку стула, вертя в пальцах стакан, который он успел опорожнить.

— Такие случаи бывали, — бесцветным голосом добавил он.

— Когда? Где?

Гай поколебался, словно находясь в нерешительности, а потом тихо заговорил:

— Тебе следует узнать, почему мои исследования в определенный момент пошли в новом направлении. Когда я был молод, жил в Париже и учился на врача, я полюбил.

Он улыбнулся.

— Да-да, не удивляйся. Это только сейчас я похож на старую, скрюченную коричневую палку. А тогда я влюбился в дочь виноторговца. Она была красива и умна, испанка по происхождению, как и я сам. Она была самым добрым человеком, которого я когда-либо знал. Мы любили друг друга, и я хотел жениться на ней, но в то же время испытывал склонность к монашеству.

Гай посмотрел на меня невидящим взглядом.

— Эту дилемму разрешил Всевышний, или, по крайней мере, так я тогда полагал. Однажды зимним вечером, когда она сидела у огня, из очага выпрыгнул уголек, и от него ее платье вспыхнуло. Она умерла от ожогов и болевого шока на следующий день.

— Ты никогда не рассказывал об этом, — сказал я. — Мне очень жаль...

— Это было очень давно. Случившееся заставило меня отвернуться от Бога, разочароваться в мирской жизни. Я неистовствовал. Мне и раньше приходилось изучать психические болезни, а теперь я с каким-то ожесточением стал копаться в самых черных закоулках человеческого сознания. Для меня это было время отчаяния, но, как говорит Фома Аквинский, такое может стать ступенькой на лестнице мистической любви. Со временем я снова обрел способность ощущать любовь Господа и вернулся к Церкви. Хотя, честно говоря, какая-то часть меня до сих пор не может простить Ему моей утраты, что делает меня еще большим грешником.

Впервые я увидел на глазах Гая слезы и понял: моего друга что-то тревожит, причем тревожит очень сильно. Я открыл было рот, но он заговорил первым.

— Когда я был молод, в Париже бурно обсуждали один случай. Этот человек вот уже шестьдесят лет как умер, но люди, когда им хотелось испытать острые ощущения, говорили о нем. Его звали маршал Жиль де Рец.

— Кто это?

— Он был французским бароном и землевладельцем, блестящим военачальником, воевавшим на стороне Жанны д'Арк против англичан, и внешне совершенно нормальным человеком. Но когда он удалился от дел и поселился в своем поместье в Бретани, бывший маршал стал похищать детей и убивать их самыми ужасными, садистскими способами.

— Детей?!

— Да-да, он творил такие вещи, о которых мне даже говорить не хочется. Местные жители знали об этом, но он был могущественным человеком и стоял над законом.

Гай уставился в меня неподвижным взглядом.

— Однажды де Рец пригасил местного брадобрея, чтобы тот причесал и уложил волосы на головах убитых им мальчиков, которые он насадил на колья и выставил напоказ в холле своего замка, а потом спрашивал, какая из них ему больше понравилась. Вот что он вытворял.

— Господи Иисусе!

— Через пять лет Жиль де Рец совершил ошибку. Он навлек на себя гнев церкви, наговорив на каком-то диспуте что-то такое, что вызвало раздражение у клириков. Тогда-то и вмешался тамошний епископ. Де Реца судили и казнили за совершенные им преступления. Когда о них стало известно, у всех застыла кровь в жилах. На суде он заявил, что совершал преступления лишь потому, что ему это просто нравилось.

— Боже милостивый!

Я вспомнил дело, с которым столкнулся три года назад. Мальчик мучил животных и убил мальчишку-нищего незадолго до того, как его самого настигла страшная смерть. У меня зачесалась вся кожа, словно по ней ползали насекомые.

Гай продолжал смотреть на меня своим странным неподвижным взглядом.

— Я думаю, на свете существует немало таких монстров.

— Которые жестоко убивают людей без видимых причин. И все же я никогда не слышал...

Я запнулся. В памяти зашевелилось какое-то воспоминание из далекого прошлого.

— Нет, подожди, по-моему, был один случай...

Гай подался вперед.

— Рассказывай!

— Когда я учился, нам, студентам, предлагали решать задачки юридического характера, что заставляло нас рыться в книгах по уголовному праву. Половину свободного времени мы проводили, листая пыльные фолианты в библиотеке Линкольнс-Инн. Я помню, один из студентов наткнулся на описание дела какого-то человека — это случилось за сто лет до того, — которого казнили за убийства нескольких молодых женщин. Где же это было? Кажется, в Норидже.

Я устало усмехнулся.

— В судебном процессе не было ничего такого, что могло бы создать юридический прецедент, но ребята зачитывались его описанием, поскольку оно изобиловало самыми что ни на есть кошмарными деталями. Ты же знаешь, что за народ эти студенты.

Гай улыбнулся.

— А к тебе это не относится?

— Нет. Я приехал в Лондон из Личфилда, и для меня здесь и без того хватило кошмаров. Мне было интереснее отыскать в библиотеке как можно больше прецедентов, чтобы потом с их помощью давить судей на процессах.

Я наморщил лоб.

— Но я не уверен, что тот человек был таким убийцей, которого ты описал. А если и так, эти типы должны быть большой редкостью. Как можно закрывать глаза на подобные вещи? Почему округа, где все это творилось, не мобилизовались для того, чтобы найти убийцу? Из твоих слов следует, что де Рец был влиятельной персоной, но будь он обычным человеком, его вычислили бы в два счета, даже в большом городе.

— Тебе лучше, чем кому бы то ни было, известно, как трудно найти преступника. Каждый город и приход осуществляет правосудие через мировых судей и коронеров, которые нередко оказываются продажными и действуют с помощью нескольких констеблей, которые обычно бывают набитыми дураками.

— И которым при расследовании убийства даже не приходит в голову, что нечто подобное могло произойти в соседних районах. Да, мы уже говорили на эту тему с Баракком и Харснетом. А еще о том, что большинство убийц, которых все-таки ловят, оказываются импульсивными и глупыми...

— Этот же, одержимый, словно страстно влюбленный, все планирует — осторожно, скрупулезно, терпеливо. Он вкладывает всего себя в свою

страшную работу, и в этом проявляется владеющая им безбрежная ярость.

— А в качестве жертв этот человек избрал отступников от радикального реформаторства.

— Он должен находиться целиком в плену у своих уродливых страстей, ставя их выше всего остального. Ему неизвестно понятие совести, в его мире имеет значение только он сам, а отсюда один шаг до того, чтобы убедить себя в том, что сам Господь назначил тебе выполнить эту миссию, которая тебе так по душе, повелев осуществить добро, богоугодное дело, подробно описанное в Книге Откровения.

Лицо Гая было помертвевшим.

— Одержимость — это страшная, страшная вещь.

— Значит, он все же ненормальный?

— Он не может быть нормальным в нашем с тобой понимании. Но вполне может быть, что его ум позволяет ему казаться нормальным и даже работать. Хотя должны быть определенные признаки отклонений от нормы. Столь серьезное душевное расстройство не может не наложить отпечаток на человека.

Гай тряхнул головой и посмотрел на меня глазами, полными боли.

— Знак пилигрима, — проговорил он.

Я вытащил оловянный знак из кармана.

— При чем тут он?

— Если мы что-то и знаем об этом человеке, так это то, насколько он осторожен. Он нипочем не обронил бы на месте преступления нечто столь редкое и противоречивое, как знак пилигрима из усыпальницы в Вестминстерском аббатстве.

— Барак считает, что, возможно, этот знак потерял вовсе не он. Один из констеблей...

— Вряд ли кто-то из них стал бы носить знак пилигрима.

— По-твоему, если знак оставил убийца, он сделал это намеренно, чтобы сбить нас с толку?

— Или, наоборот, дать нам зацепку. Возможно, это одно из проявлений его безумия. Я слишком долго изучал различные виды одержимости, Мэтью, и это будет преследовать меня до конца дней. Но зато одно я знаю наверняка: на семи жертвах этот человек не остановится. Да и как он может остановиться, если убийство стало центром его вселенной, сутью его помутившегося разума?

— Но в Книге Откровения говорится лишь о семи чашах гнева.

Гай кивнул, соглашаясь.

— Но Откровения представляют собой целую череду страшных

историй, идущих одна за другой. Воплотив в жизнь одну, убийца может выбрать любую другую, благо выбор богат.

— Боже всемогущий!

Я сидел, глядя на Гая, и мне казалось, будто меня выжали и вывернули наизнанку. В голову пришла страшная мысль. Дороти, как и мы с Роджером, некогда принадлежала к реформаторам, но затем пересмотрела свои взгляды. Я велел себе не глупить. Ни один из убитых никак не был связан с другими, и казалось, нет никаких оснований полагать, что преступник вдруг изменит себе и выберет в качестве новой жертвы Дороти. Кроме того, она женщина, а мнение женщины в нашем обществе не имело равным счетом никакого значения.

И тут мои глаза расширились. Я заметил, что дверь во внутренние помещения, спиной к которой сидит Гай, приоткрыта. Совсем чуть-чуть, буквально на полсантиметра. В щелочке что-то блеснуло. Это был глаз, глядевший на меня. Волна страха окатила мое существо с ног до головы. Значит, за мной все-таки следили? Беззвучно я указал Гаю на дверь.

Гай обернулся и раньше, чем я успел его остановить, подскочил к ней и распахнул ее настежь. За дверью стоял ученик аптекаря Пирс с большой миской в руках.

— Пирс, — скорбным голосом заговорил Гай, — что ты здесь делал? Подслушивал?

— Простите, мастер, — смущенно ответил мальчик, — я принес толченую белену, которую сам приготовил.

Он кивнул на миску.

— Я знал, что она вам срочно нужна. Подойдя к двери, я услышал, что вы разговариваете, и засомневался, постучать или нет.

Я был уверен, что он лжет, и знал, что Гай тоже не был одурачен его словами. Боль, которая не покидала его лица во время нашего разговора, мгновенно сменилась гневом.

— Так вот как ты платишь мне за то, что я подобрал тебя, когда после смерти твоего прежнего хозяина ты оказался без крова над головой и без друзей?

В голосе Гая вдруг прозвучала боль. Он умолк и смотрел на ученика, который отступил назад, продолжая сжимать миску с порошком. Гай вздохнул, шагнул вперед и положил руки на плечи мальчику.

— Ты должен научиться сдерживать любопытство, — мягко сказал он. — Умение хранить тайны — это часть нашего ремесла.

— Простите, мастер.

Мальчик потупился.

Гай взял миску из его рук.

— Спасибо, ты все сделал быстро и хорошо.

Пирс повернулся, собираясь уйти, но я окликнул мальчишку, встал и впился в него колючим взглядом.

— Мы с твоим хозяином обсуждали дело государственной важности. Если ты хоть одним словом обмолвишься о том, что тебе удалось услышать, ты закончишь свои дни в тюрьме Флит или в Тауэре, и засажу тебя туда я!

— Я почти ничего не слышал, — спокойно ответил Пирс.

В его голосе звучало смущение и в то же время упрек.

— Но я обещаю ничего не говорить. Клянусь вам, сэр.

— Смотри у меня, парень!

— Иди, Пирс, — устало проговорил Гай.

Ученик поклонился и закрыл за собой дверь.

— Я уже говорил тебе, Гай, ты даешь ему слишком много воли.

— Это мое дело, — резко ответил мой друг и тряхнул головой. — Прости, те ужасы, о которых мы говорили, растревожили меня. А что касается Пирса, то я позабочусь о том, чтобы он держал рот на замке.

— Ты обязан сделать это, Гай.

Он умолк. Я сидел, хмурясь. Я заметил, что, когда он отчитывал мальчишку, тот посмотрел на него без всякой робости, но с холодным вызовом во взгляде. Мне показалось, что по какой-то необъяснимой причине Гай его боится.

Глава 16

Я возвращался в Линкольнс-Инн. Солнце грело лицо, ветер впервые в этом году был не пронизывающим и холодным, а теплым и ласковым. Я всегда любил весну, особенно когда она наступала после такой лютой зимы, какой была эта, но из-за жути, окружавшей меня со всех сторон, яркий солнечный день казался насмешкой. Я твердил себе, что не должен сгибаться под тяжестью того, что навалилось на мои плечи.

Я мысленно вернулся к Гаю, размышляя о том, почему страшная история Жилия де Реца так потрясла его. Подумал о Пирсе и странном ощущении, что Гай почему-то боится своего ученика. Мне было понятно: Гай хочет сделать мальчика своим преемником, даже последователем, но меня не отпускало чувство, что мальчишка манипулирует Гаем так же, как избалованный ребенок по собственному усмотрению вертит слабовольными родителями.

Я въехал через ворота на территорию Линкольнс-Инн, спешил и передал поводья Бытия конюху. Первым делом я отправился к Дороти, но Маргарет, открывшая мне дверь, сообщила, что хозяйка ушла проследить за подготовкой похорон Роджера, а сопровождает ее старый Элиас. Я попросил Маргарет, чтобы после их возвращения Элиас сообщил мне об этом, сказав, что буду находиться либо у себя в конторе, либо в библиотеке.

Возвращаясь от Дороти, я завернул в библиотеку Линкольнс-Инн. Назавтра в суде прошений должны были состояться слушания, поэтому работы у меня было хоть отбавляй, но прежде хотелось выяснить кое-что, не имеющее отношения к моей адвокатской практике.

Как обычно по воскресеньям, на Гейт-хаус-корт было тихо и безлюдно. Я заметил фигуру в черном, направлявшуюся ко мне. Это был Билкнэп, и шел он из своей конторы. Когда мой извечный неприятель подошел ближе, я увидел, что выглядит он хуже, чем когда бы то ни было. Глаза покраснели, лицо было мертвенно-бледным, а на щеках горел лихорадочный румянец. Несмотря на то что он прошел всего несколько метров, Билкнэп задыхался, как если бы пробежал добрую милю.

— Как поживаете, Билкнэп?

Я испытывал жалость к этому негодяю, хотя бы потому, что его лечил высокомерный дурак доктор Арчер.

— Вы разрушили мой бизнес, — прошипел он, и жалость как рукой сняло.

— Что?

— Вы отказались помочь мне, когда я не подал вовремя документы в суд. Вы знали, что я болен, но все равно не захотели поддержать своего товарища по цеху. И вот я потерял лучшего клиента. Сэр Джеффри Колсвин надеялся получить прибыль от того земельного участка, а теперь он расскажет всем землевладельцам о том, что на меня нельзя положиться.

— Да что вы такое несете! — раздраженно воскликнул я. — Сами виноваты, сами и выпутывайтесь. Бред какой-то!

— Я заработал блестящую репутацию, помогая клиентам избавляться от недобросовестных арендаторов и коттеров — тех, на кого работаете вы, — отбросов общества, похитителей чужой земли, неудачников. Сейчас, когда я проиграл дело, сэр Джеффри...

— У меня нет времени выслушивать всю эту чушь, — оборвал я.

Его болезненное и в то же время злобное лицо не вызывало у меня ничего, кроме отвращения.

— Вы пожалеете о том, как поступили со мной, Шардлейк!

Билкнэпа трясло — то ли от злости, то ли от болезни.

— На сей раз вы зашли слишком далеко. Вы еще локти себе будете кусать, уж я об этом позабочусь.

— Билкнэп, вы говорите как исполнитель роли демона в дурной мистерии.

Я обошел адвоката и двинулся к библиотеке, сразу же выбросив из головы его глупые угрозы.

— Погодите, мастер горбун! — крикнул он мне вслед. — Вы у меня попляшете!

В библиотеке, как обычно, царил тишина. Барристеры с сосредоточенными внимательными лицами листали книги по юриспруденции, а студенты с растерянными физиономиями искали в справочниках интересующие их судебные прецеденты. Юридическая литература была систематизирована по годам выхода. Книг, вышедших в течение прошлого века, было меньше всего. После прихода в жизнь книгопечатания юридических книг выходило все больше, но те из них, что появились начиная с середины прошлого века, были немногочисленны и написаны от руки. Наконец я нашел то, что искал, — справочник за 1461 год. Фолиант был древним и потрепанным, кожаный переплет покрыт пятнами и в некоторых местах порван. Я отнес его в дальний, почти пустой конец читального зала, положил на стол и зажег свечи.

Отчет об интересующем меня деле был длинным и подробным, будто

того, кто его составлял, как некогда моих соучеников-студентов, неудержимо влекли к себе чудовищно подробные описания распотрошенных тел. Описываемые события действительно происходили в Норидже, летом 1461 года. Преступления были совершены в течение предыдущих пяти лет. Молодого человека по имени Пол Стродир арестовали, допрашивали и осудили за убийства девяти молодых женщин. Шесть из них были проститутками, а трех остальных называли «добропорядочными молодыми женщинами». Читая между строк, я понял, что именно смерть этих «респектабельных женщин» взбудоражила город, поднялся немыслимый переполох, в результате которого кузина Стродира донесла властям о том, что в ночь последнего убийства видела своего родственника с головы до ног перепачканного кровью. После вынесения обвинительного вердикта преступник признался в содеянном, но тут же обрушился с яростной филиппикой на то зло, которое представляет собой проституция, и заявил, что истребить падших женщин ему повелел Господь Бог.

Несколько вещей удивили меня. Во-первых, Стродир, обычный батрак, в отличие от Жиль де Реца не обладал ни могуществом, ни влиянием. Не имелось также никаких свидетельств того, что он был безумен. Знавшие его люди говорили, что это жизнерадостный и дружелюбный молодой человек, работавший на местных фермах. Помимо этого, никаких других деталей, связанных с личностью Стродира, мне почерпнуть не удалось. Его приговорили к повешению, и если он и сказал что-нибудь, стоя на эшафоте, об этом в отчете не упоминалось.

Я положил книгу на стол и задумался. Значит, Гай прав: случаи бессмысленных на первый взгляд серийных убийств бывали и раньше. Но заурядная личность Стродира и то, что он никому не показался странным, только подчеркивало трудность задачи, стоявшей перед нами. Нам предстояло найти убийцу, а отыскать одного-единственного человека в таком городе, как Лондон, по сравнению с которым Норидж — просто деревня, задача почти непосильная. Я снова вспомнил о ребенке-убийце, с которым мне пришлось столкнуться несколько лет назад, и подумал: а не вырос бы из него новый Жиль де Рец или Стродир, останься он жив? Впрочем, знать этого мне было не дано.

Вернувшись в контору, я некоторое время работал. Затем дверь с грохотом открылась, и от неожиданности я даже подпрыгнул на стуле. На пороге появился Барак. Он выглядел усталым и пропах потом, но при этом довольно улыбался.

— Я нашел адреса, — сообщил он. — И узнал кое-какие новости.

Я бросил на стол перо.

— В воскресенье?

— Этим утром. Отправился в суд. Там было полным-полно клерков, пытавшихся разобраться в неразберихе, которая воцарилась в архиве в связи с реорганизацией. Я уговорил их показать мне вестминстерские записи, отыскал нужные нам адреса, а заодно и ведомости по выплатам пенсий.

— Молодец, — похвалил я помощника, несмотря на то что на душе скребли кошки.

Он предпочел работать в воскресенье, хотя мог бы провести этот день дома, рядом с Тамазин.

Барак уселся напротив меня.

— Сам врачеватель не забирал свою пенсию с декабря. Последний раз его видели незадолго до убийства коттера. Его зовут Ланселот Годдард.

— Ты узнал его адрес?

— Да, это улица бедноты, рядом со Стильярдом. Я побывал там...

— Надеюсь, ты не попытался сам встретиться с ним?

— Конечно нет, — нетерпеливо ответил Барак. — Я только расспросил соседей. Им известно, что он бывший монах и снимает здесь дом с тех пор, как три года назад закрыли Вестминстерское аббатство. Годдард держался особняком, но с лавочниками и подобной публикой был накоротке. В январе он уехал, сказав, что унаследовал от матери дом. Тогда я сунулся в тот дом, где жил Годдард, но он оказался заколочен. Я пошел к домовладельцу, на соседнюю улицу. Тот сказал, что монах был хорошим жильцом: тихим и всегда платил вовремя. Домовладелец подтвердил историю про наследство, сообщив, что жилец пришел к нему, предупредил о своем отъезде и оставил арендную плату за месяц.

— Как выглядит этот Годдард?

— Мужчина лет под сорок, с высокими скулами и большой бородавкой на носу. Высокий, хорошо сложенный, темноволосый.

— А что с его помощниками?

— Их адреса я тоже раздобыл. Один, Кантрелл, до сих пор обитает в Вестминстере, другой — неподалеку от старого дома престарелых. Он живет в таверне под названием «Зеленый человек».

Я вздернул брови.

— В таверне?

— Вроде бы да. Это Локли, послушник.

Я кивнул. Не будучи монахом, он не получал пенсии и поэтому не мог

позволить себе достойного жилья, но все же монастырь и таверна — это как небо и земля!

— Что, по-вашему, могло случиться с Годдардом? Очень странно, что он исчез именно в январе. Не кажется ли вам...

— Что он убийца? Не гони коней, Джек, его отъезду вполне может быть иное объяснение.

Я пристально посмотрел на помощника.

— Он может оказаться новой жертвой.

Барак потряс головой.

— Нет, все выглядит так, что он уехал по собственной воле, но нового адреса никому не оставил.

— Мне необходимо отправить записку Харснету, — сказал я и добавил: — Ты хорошо потрудился. Я сообщу ему об этом.

Барак откинулся на стуле.

— Мне нужно было найти что-нибудь... — Он замялся. — Сделать что-нибудь...

— Что-нибудь конкретное? Среди этого необъяснимого ужаса?

Мой помощник кивнул.

— Тебе это удалось.

Я заглянул в его лицо — усталое, но все еще возбужденное, и решил, что не стану рассказывать ему про изыскания Гая и мои собственные. Пока не стану.

— Теперь тебе следует пойти домой. По твоему виду понятно, что на сегодня с тебя достаточно.

— Да. — У него сделался виноватый вид. — Я обещал Тамазин вернуться к ужину, так что я, пожалуй, пойду.

После его ухода я печально покачал головой. Если бы мне было столько лет, сколько ему, и у меня была бы такая жена, как Тамазин, я не стал бы торчать по воскресеньям в пыльных судебных архивах, донимая клерков. Затем мысли вернулись к Вестминстерскому аббатству. Насколько я помнил, это был один из последних закрытых монастырей. Король не хотел, чтобы здания были разрушены, поскольку там покоились его бабушка и другие августейшие предшественники. Он просто совершил невозможное, превратив аббатство в собор. Бывший аббат превратился в настоятеля. Было известно, что он один из агентов Кромвеля, которые, находясь внутри монастырской среды, делали все для закрытия монастырей. Его назначение породило волну саркастических насмешек.

Я написал пространную записку Харснету, отнес ее в сторожку привратника и приказал немедленно доставить адресату. Прохожих на

Канцлер-лейн можно было сосчитать по пальцам, и я невольно вспомнил чувство, уже несколько раз посещавшее меня сегодня. Чувство, что за мной следят. Идя обратно, я увидел старого Элиаса, торопливо направляющегося в мою сторону. Дороти вернулась. Мы со стариком пошли в обратном направлении, через Гейт-хаус-корт, мимо фонтана, к Дороти. Я пытался выбросить из головы мысли о Стродире и обо всех остальных убийцах, но, учитывая тот факт, что жертвой одного из таких чудовищ являлся Роджер, это было непросто.

Дверь снова открыла горничная Маргарет. Дороти, одетая в черное, сидела на своем обычном месте, перед камином, над которым висел деревянный фриз. Вдова вышивала цветочками какое-то платье, и я порадовался тому, что она хоть чем-то заняла себя. Дороти подняла на меня глаза, улыбнулась, и я еще больше обрадовался, увидев, что щеки ее немного порозовели.

— Как ты? — мягко спросил я.

— Жизнь продолжается. Часы по-прежнему отсчитывают время, даже при том, что Роджера больше нет.

— Да, это так.

— Завтра приезжает Сэмюель, а похороны Роджера я назначила на вторник. — Она посмотрела на меня. — Это будет ровно неделя со дня его смерти.

— Я знаю.

— Я стараюсь все время чем-то заниматься. Сейчас вот вышиваю, как видишь. И еще я велела приготовить роскошный ужин. Хочу отблагодарить тебя за все, что ты сделал.

— К сожалению, я делаю недостаточно, Дороти. Занятость не позволяет мне взять дела Роджера, но Бартлетт принес мне список адвокатов, которые могли бы это сделать. Это все честные, порядочные люди.

— Хорошо, деньги мне не помешают. Сегодня проведать меня заходил казначей. Он высказал соболезнования, но при этом намекнул, что они собираются принять в корпорацию нового члена, которому понадобятся эти комнаты.

— У тебя хватит денег, чтобы снять дом? Если нет, то я...

Дороти подняла руку.

— Нет, спасибо, Мэтью, но Роджер был бережливым человеком, и сэкономленных им средств вполне хватит для того, чтобы я жила достаточно комфортно. Я, правда, пока не решила, куда переехать. Сэмюель

зовет меня вернуться в Бристоль.

— Значит, ты уедешь?

При этой мысли мое сердце болезненно сжалось.

— Не знаю, — поколебавшись, ответила она. — У тебя есть какие-нибудь новости?

— Кое-какой прогресс есть, но, боюсь, это все, что я могу сказать.

— Ты еще не узнал, почему убили Роджера?

Ее голос упал до шепота.

— Нет. Но, Дороти... — Я помолчал, думая, что сказать. — Теперь мы знаем, что этот человек убил троих, причем убийства напоминали некий страшный ритуал. И пока он находится на свободе, я думаю... тебе не стоит выходить из дома одной.

— Значит, ты считаешь, что мне может грозить опасность, — тихим голосом констатировала она.

— Нет, просто... так будет лучше. Спокойнее.

Несколько секунд Дороти пристально смотрела в мои глаза, потом кивнула, а меня вновь захлестнула волна злости на того, кто сотворил все это с Роджером и с ней.

Вошел слуга с большим подносом, на котором стояли блюдо с мясом и тарелки с различными сладко пахнущими соусами. Мы с Дороти сели за стол.

— Ну вот, — проговорила она, — седло барашка. Я рада, что Великий пост наконец-то закончился. Я слышала, власти арестовывают мясников, которые в постные дни продавали мясо.

— Да.

— Я сегодня не ходила в церковь. Должна признаться, не могу найти в своем сердце ничего, кроме обиды на Бога, который допустил, чтобы с таким хорошим человеком, как Роджер, поступили столь ужасным образом.

Она перевела взгляд на меня.

— Ты считаешь, что это грех?

— Вовсе нет, я тебя понимаю, — вздохнул я. — Хотя можно было бы возразить, что нет вины Бога в том, что одно из его творений использует свободу выбора, чтобы совершать отвратительные поступки.

Дороти улыбнулась, но улыбка получилась злой.

— Логичный ответ, — сказала она. — Но логика имеет мало общего с тем, что я сейчас чувствую. Возможно, мне полегчало бы, если бы я смогла молиться, но я сейчас слишком зла.

Она нахмурилась.

— Может быть, со временем...

— Да, когда ты почувствуешь, что готова.

Я лицемерил, поскольку и сам в последнее время молился очень редко, но мне хотелось хоть как-то утешить ее.

— Ты такой чуткий, Мэтью!

Некоторое время мы ужинали в молчании, наслаждаясь вкусной едой. Затем Дороти вытерла губы салфеткой и бросила на меня неуверенный взгляд.

— Я хотела обсудить с тобой кое-что, но не решаюсь. Ты и так столько для меня делаешь...

— Я готов делать все, что в моих силах.

— Я думала об идее Роджера открыть больницу для бедных. Он только начал претворять ее в жизнь, когда его забрали у меня, но, пока был жив, успел составить список жертвователей. Не мог бы ты принять у него эстафету? Он бы так этого хотел! Это стало бы для него лучшим памятником.

— Я сделаю это, Дороти, но не сейчас. Сначала я должен закончить расследование его смерти.

— Я вижу, что ты устал, и понимаю, что не должна давить на тебя. Но если бы его мечта осуществилась, я чувствовала бы, что он все еще жив.

— Подходящий мемориал, — улыбнулся я. — Мы могли бы назвать ее больницей имени Роджера Эллиарда.

— Да. — Дороти покачала головой. — Я сижу и смотрю на этот фриз, на животных, выглядывающих из-за ветвей. Знаешь, мы с Роджером дали каждому из них имя. Оленя зовут Питер, зайца — Пол, коня — Саймон.

— Здорово!

— Нужно бы как следует отремонтировать угол фриза. Если я уеду в Бристоль, непременно возьму его с собой. В этих комнатах так много напоминает о Роджере.

Внезапно ее плечи поникли, она опустила голову и принялась тихонько всхлипывать. Я встал, обошел стол и приблизился к ней. Поколебавшись несколько мгновений, я положил ладони ей на плечи и ласково проговорил:

— Будет, Дороти. Успокойся.

В голове мелькнула мысль о том, что я впервые прикоснулся к Дороти, совершил то, чего хотел больше всего на свете на протяжении почти всей своей жизни.

Она взяла мою руку и улыбнулась сквозь слезы.

— Ты такой добрый, Мэтью. Что бы я делала без тебя!

Ее слова и прикосновение пробудили в моей душе целую бурю чувств.

Я с трудом сдерживался, чтобы не обнять ее и не осыпать поцелуями. Что-то, вероятно, отразилось у меня на лице, поскольку Дороти отпустила мою руку, и я отступил назад.

— Я сама не своя, — тихо сказала она. — Я вдруг почувствовала страшную усталость. Сегодня у меня выдался хлопотный день. Ты не будешь возражать, если я пойду спать?

— Конечно нет.

— Я обещаю быть осторожной.

— Хорошо. Осторожность не бывает лишней, особенно в нынешних обстоятельствах.

— Приходи на обед после похорон. Сэмюэль уже будет здесь. Ты, поди, не видел его с тех пор, как он был ребенком?

— Я непременно приду. — У меня вдруг почти отнялся язык. — Я... Мне... пора идти.

— Хорошо, Мэтью. — Дороти вытерла лицо. — Ну, вот и все, я в порядке. И все же мне пока трудно собраться.

Она посмотрела на меня серьезным взглядом.

— Мне нужно время.

Выйдя из дома, я прислонился к каменной стене и стоял, тяжело дыша. Только теперь я понял, что скрывал от самого себя. Осознание того, что Дороти снова одинока, распалило в душе былой огонь. Я вспомнил ее плечи и теплые руки, держащие мою ладонь. А потом — мертвого Роджера, лежащего на снегу.

— Прости меня, Господи! — прошептал я.

И тут я увидел фигуру, стоящую у дверей моей конторы, в данный момент пустой и запертой. Это была женщина, маленькая и хрупкая. Приглядевшись внимательнее, я был потрясен, узнав в ней Тамазин. Путаясь в мантии, я побежал через двор. Она стояла, прислонившись к двери. С ужасом я увидел, что ее лицо распухло и покрыто кровоподтеками, один глаз почти закрылся, одежда порвана, а чепец съехал на сторону. Она смотрела на меня, дрожа всем телом.

— Тамазин, — сбивчиво забормотал я. — Какой ужас! Кто это с вами сделал? Неужели...

На ужасную долю секунды я подумал, что это дело рук Барака.

— Я ищу Джека, — неразборчиво проговорила она опухшими губами. — Он вернулся домой, мы поссорились, и он снова ушел. Мне все время чудилось, что снаружи кто-то есть и будто подглядывает. Я слышала чье-то дыхание за дверью. Мне нужно было уходить. Я хотела зайти к вам и

проверить, нет ли здесь Джека. И всю дорогу мне тоже казалось, будто за мной кто-то следит.

— Тамазин...

Она подняла на меня глаза, в которых плескался неподдельный ужас.

— Когда я уже собиралась свернуть сюда, кто-то схватил меня, затащил за угол и принялся избивать...

Ее голос надломился. Она тяжело дышала, но не плакала.

— Кто? — с ожесточением спросил я. — Кто это был?

— У него был странный, необычный голос. Он сказал, что знает, что вы с Джеком охотитесь за ним, но вы не сможете помешать ему выполнить его миссию. Мастер Шардлейк, он знает, как зовут и вас, и Джека. Он знает, где мы живем. Кто этот человек?

Глава 17

Я отпер дверь конторы и помог Тамазин войти. Через темное помещение провел ее в кабинет, усадил и вернулся в приемную. Я запер дверь, трясущимися руками зажег лучину от углей в камине, вошел в кабинет и зажег все имевшиеся там свечи. Когда желтый масляный свет осветил темные углы, я увидел, что Тамазин неподвижно сидит там же, где я ее посадил, повесив голову на грудь. Она сняла испачканный в крови чепец и положила его на колени. Я налил крепкого вина и поднес кружку к ее губам. Зубы женщины стучали о края кружки. Меня захлестнула неистовая злоба на того, кто покалечил это чудесное личико, а потом я ощутил страх, подумав, что с ней могло произойти нечто гораздо более страшное.

Я сел напротив. Тамазин сделала несколько глотков вина, внезапно закашлялась и поднесла руку к губам. Когда она отняла руку от лица, в ее ладони лежала половинка сломанного зуба, и она ошарашенно смотрела на этот осколок. На щеке у нее был глубокий порез. В подобных обстоятельствах было не до политеса, и я перешел с женщиной на «ты».

— Тамазин, — прошептал я, — прости.

Она посмотрела на меня опухшими глазами.

— За что? В этом нет вашей вины.

Ее голос звучал глухо и неразборчиво. Я колебался.

— Что рассказал тебе Джек о работе, которой мы сейчас занимаемся?

— Ничего. Только то, что это секретно. Я боялась, что вы снова связались с политикой.

— На сей раз все гораздо хуже.

Я встал со стула.

— Тамазин, тебе известно, где сейчас находится Джек?

Женщина устало вздохнула.

— Наверное, торчит в каком-нибудь из питейных заведений. Либо в таверне «Голова турка» у Ньюгейтского рынка, либо в «Красной собаке» неподалеку от Олд-Бардж. Он пропустил ужин, поздно вернулся домой, и мы поссорились. Он вспылал и ушел.

«Черт бы его побрал!» — мысленно выругался я.

— Я схожу к привратнику и велю ему отправить кого-нибудь на поиски Джека. И пошлю за Гаем. Тебе нужна помощь врача.

Тамазин кивнула.

— Лицо очень болит.

Она посмотрела на меня.

— Вы знаете, кто он? Этот человек, что напал на меня?

— Боюсь, это тот самый человек, которого мы ищем. Скажи, он набросился на тебя за воротами?

— Да, он выскочил из проулка между двумя домами. Когда он отпустил меня, я поднялась и хотела пойти в сторожку привратника, но там было темно. Я вошла в ворота, решив, что на территории корпорации буду в большей безопасности или, возможно, вы заработались допоздна.

— Я был у миссис Эллиард. Он именно так и сказал: что мы с Джеком охотимся за ним?

— Да.

Я почувствовал, как волосы на голове зашевелились. Убийце было известно про нас с Бараксом и о том, что мы идем по его следу. Но откуда?

— Ты сказала, что у него был какой-то странный голос.

— Да. Грубый, гортанный. Слово он пытался изменить его.

— Хвала Всевышнему, что я оказался здесь. Послушай, Тамазин, сейчас я уйду, чтобы разбудить привратника. Дверь я запру.

— Будьте осторожны, сэр, он может до сих пор подкарауливать где-нибудь там, снаружи.

Я достал из стола кинжал и сунул себе в рукав. Оказавшись в приемной, я задул свечи и несколько секунд смотрел через высокие окна на Гейт-хаус-корт. Несколько верхних окон были освещены, но в окнах Дороти свет уже не горел. Во дворе не было ни души. Я сделал глубокий вдох, вытащил из рукава кинжал и вышел наружу.

Я быстро пересек двор. В окне видневшейся впереди сторожки привратника было темно. Согласно правилам, либо он, либо его помощник должны были дежурить всю ночь, но они часто напивались и спали мертвым сном. Испытывая необъяснимое удовольствие, я принялся во всю мочь колотить в дверь. Через минуту она открылась, и на пороге возник крупный краснолицый мужчина, старый солдат. От него несло пивом. Я рассказал ему о том, что на женщину было совершено нападение и злоумышленник может все еще находиться где-то поблизости, велел привести себя в порядок и послать помощника на поиски Барака и Гая.

Вернувшись в контору, я сделал все, что было в моих силах, чтобы помочь Тамазин: принес воды и чистые полотенца, чтобы она могла умыть свое бедное разбитое личико.

— Джек должен был быть со мной, — проговорила она. — Как он мог

бросить меня одну!

Ее испуг сменился злостью.

— Тамазин, ты говорила, что чувствовала чье-то присутствие за дверью.

— И не только сегодня. В последние несколько дней, когда Джек уходил, я не раз слышала снаружи чьи-то шаги. Сегодня я подкралась к двери, прислушалась и услышала за ней чье-то дыхание.

— Ты говорила об этом Джеку?

— Да, но он ответил, что это глупые бабьи страхи. А сегодня вечером, стоя у двери, я услышала снаружи шаги. Кто-то уходил. Потом скрипнула дверь, ведущая на улицу, и наступила тишина. Я не могла больше выносить всего этого и убежала из дома. Конечно, это было глупо.

Откинувшись на стуле, я размышлял. Он, должно быть, поджидал снаружи. Возможно, караулил там каждую ночь. Я ощутил давящий страх, подбиравшийся к горлу. Скорее всего он проследил за Тамазин до Линкольнс-Инн. Он следил и за мной.

Тамазин тихо плакала, и я положил ладонь на ее руку. Похоже, сегодня мне было уготовано только и заниматься тем, что утешать несчастных женщин, напуганных этим существом.

Барак появился только через час. Помощник привратника отыскал его в таверне возле Ньюгейтского рынка. Он ворвался в контору с вытаращенными глазами.

— Что случилось? Мне сказали, что на Тамми кто-то напал!

Увидев жену, Барак кинулся к ней, но резко остановился, когда она подняла голову и повернула к нему опухшее злое лицо.

— Да, Джек, напал. Тот самый вымышленный человек, плод моего воображения и бабьих страхов.

Барак повернулся ко мне. Это был редкий случай, когда я видел его растерянным. Я дал ему немного времени, чтобы успокоиться, усадил и рассказал о том, что произошло. Он не сводил глаз с Тамазин, а она, в свою очередь, со злостью смотрела на него. Она была очень сердита.

— Мне и в голову не приходило, что он может узнать, где мы живем, — сказал Барак жене. — И даже — кто мы. Как он об этом пронюхал?

Барак снова повернулся ко мне.

— И зачем было устраивать это? Он будто насмехается над нами.

— Знаешь, мне тоже показалось, что за мной следят, — тихо сказал я.

— Полагаете, это может быть кто-то из тех, кого мы знаем?

— Не знаю, что и думать. Тамазин, ты не успела его разглядеть?

— Нет, он напал на меня сзади, а когда стал избивать, я закрыла глаза. Он был очень сильным. Я упала на землю, он пнул меня и сказал то, что я уже передала вам: дескать, он знает, что вы за ним охотитесь, но все равно выполнит свою миссию.

— Все ясно. Это он.

Лицо Барака было пепельно-серым.

— Кто «он»? — Голос Тамазин задрожал. — За кем вы охотитесь? Кого он убил?

Мы с Бараком переглянулись. Он утвердительно кивнул, и я поведал Тамазин историю о трех убийствах, об их связи с Книгой Откровения и о задании Кранмера. Я, правда, не рассказал ни Бараку, ни его жене о теории Гая относительно импульсивных убийц и о моих собственных изысканиях, связанных с делом Стродира.

— Боже мой! — выдохнула женщина, когда я закончил. — Но если он стремится убить как можно больше людей, почему он оставил в живых меня?

— Думаю, ты не вписываешься в схему, которую он называет своей миссией. В Откровении говорится, что четвертый сосуд жжет людей огнем.

— Значит, он желает запугать нас? — спросил Барак. — Заставить отказаться от поисков?

— Я тоже так считаю, Джек. Вы с Тамазин должны переехать в мой дом. Сегодня же. Держась вместе, мы будем в большей безопасности. А я попрошу Харснета прислать к нам человека для охраны. Я отправлю ему письмо.

— Это хорошая мысль, Тамми, — ласково проговорил Барак.

— Куда лучше! — язвительно откликнулась она. — Не хватало твоему хозяину еще и нас охранять!

Проговорив это, она снова расплакалась. Это было совершенно не похоже на Тамазин. Я понял: женщина находится на грани нервного срыва. Посмотрев на Барака, я безмолвно произнес одними губами: «Успокой ее».

Но теперь и Барак разозлился. Тамазин поставила под сомнение его способность защитить ее.

— Это нечестно, — заговорил он. — Если бы я знал, что этот человек действительно существует... Но у тебя всегда было столько беспочвенных страхов!

Ничего глупее в данный момент он сказать не мог. Тамазин поднялась со стула и, несмотря на свои раны, непременно бросилась бы на него, если б не стук в дверь, от которого все мы вздрогнули и застыли. Оправившись

от первого испуга, я пошел открывать.

На пороге с ошарашенным видом стоял Гай.

— Ко мне явился какой-то человек и стал что-то бормотать о том, что здесь напали на женщину.

— Входи, Гай. — Я с облегчением выдохнул. — Ты пришел как раз вовремя, а то бы случилось новое кровопролитие.

Гай сразу же занялся Тамазин. У нее были порезы на лице, сломан зуб и одно ребро. Гай заявил, что ей не придется выходить на улицу по крайней мере неделю, но опасности нет, а зуб, к счастью, сломался не передний, а задний. Гай пообещал прислать к ней зубного лекаря, чтобы тот удалил остатки сломанного зуба.

Пока Гай делал Тамазин примочки с какими-то успокаивающими снадобьями, Барак сказал:

— Я принесу из Олд-Бардж кое-какие вещи. Вы действительно готовы на некоторое время поселить Тамазин у себя, сэр?

— Непременно.

Я проводил помощника в прихожую, ухватил за руку и свирепо зашептал:

— Если ты не успокоишь ее, не признаешь свою часть вины в том, что в ваших отношениях наступил разлад, ты ее потеряешь!

Барак стряхнул мою руку и зло уставился на меня.

— В отношениях с женой я как-нибудь сам разберусь! — огрызнулся он. — Что вы можете понимать в супружеской жизни?

— Достаточно, чтобы видеть, что Тамазин — настоящее сокровище.

— Я сумею защитить ее, — сказал он. — А нам с вами лучше задуматься о том, как поскорее изловить этого человека. Он либо один из наших знакомых и потому знал, что мы будем на болотах, и выяснил, где мы живем, либо...

— Либо что?

— Либо в нем действительно поселился дьявол.

Барак развернулся, открыл дверь и вышел.

В тот вечер все мы легли спать за полночь. Когда Гай уходил, я проводил его и уже на пороге шепотом рассказал о деле Стродира.

— Так я и думал, — сказал он.

Тамазин я отвел к себе домой. Барак принес из Олд-Бардж кое-какие вещи, и я устроил Тамазин в той же комнате, где она жила, когда ухаживала за мной во время болезни в прошлом году. Моя домоправительница

ужаснулась, увидев ее лицо. Когда жена Барака устроилась на втором этаже, Джоан отвела меня в сторону и прошептала:

— Бедная девочка!

— Да-да, — ответил я. — Простите, что снова втягиваю вас в разные неприятности.

Я рассказал ей, что на Тамазин напал человек, которого мы разыскиваем, и что я послал привратника к Харснету за охраной.

— Тамазин и мастер Джек почти не разговаривают друг с другом. Как же так? После того, что с ней произошло...

— Я знаю, Джоан. Между ними встала ее обида и гордость Джека. Мы должны попытаться как-то помирить их.

— Но как же можно вмешиваться в отношения между супругами, сэр?

— Если этого не сделать, они скоро перестанут быть супругами.

Джоан выглядела испуганной, усталой и внезапно постаревшей. Я вспомнил, что давно собирался нанять для нее помощницу по дому, но так и не сделал этого. Я положил руку на ее плечо.

— Все будет хорошо, — сказал я с уверенностью, которой на самом деле не ощущал.

Взгляд, которым Барак наградил меня, спустившись этим утром к завтраку, красноречивее любых слов давал понять, что обсуждений его супружеской жизни он больше не потерпит. Тамазин страдала от боли во всем теле и поэтому осталась лежать в кровати.

Харснет откликнулся на мое послание с удивительной быстротой. Едва рассвело, от него пришел человек, мускулистый мужчина лет тридцати с угловатым лицом и цепким взглядом. Он сообщил мне, что его зовут Филипп Орр, что он — один из вестминстерских констеблей и согласился присмотреть за домом из уважения к коронеру, человеку, по его словам, хорошему и богобоязненному.

«Еще один праведник», — подумал я, хотя и был благодарен Харснету за то, что тот так быстро предоставил нам охрану.

С Орром коронер прислал письмо. Он писал, что желает срочно допросить настоятеля Вестминстерского собора Бенсона относительно бывшего лекаря и двух его помощников. Харснет просил меня и Барака сопровождать его и сообщал, что будет ждать у ворот аббатства в половине девятого утра. В письме также содержалось напоминание об утреннем заседании суда прошений в Вестминстерском дворце, где я должен присутствовать. Я был благодарен коронеру, что он не забыл и об этом.

— Он действует весьма расторопно, — сказал я Бараку, когда мы

направлялись к Темзе, чтобы найти лодку.

Погода была теплой, но моросило, и ветер швырял нам в лицо пригоршни мелкого дождя.

— Лорд Кромвель всегда был хорошим воспитателем, — откликнулся Барак.

— Харснет — религиозный радикалист. Надеюсь, это не повлияет отрицательно на его профессиональные навыки.

— А мне он показался весьма умным, — ответил Барак.

Я промолчал, чувствуя, что мой помощник сейчас готов превратить любой разговор в перепалку.

Мы снова проделали путь от причала Уайтхолла до Вестминстера. Капать стало сильнее, и я порадовался, что догадался уложить документы в кожаную сумку, которую нес Барак. Вместо того чтобы повернуть, как обычно, налево, во двор Нового дворца, мы прошли мимо сторожки у ворот бывшей аббатской тюрьмы и оказались на Сивинг-лейн. Дождь прекратился, по небу бежали небольшие безобидные облачка, а их тени играли в догонялки, бегая друг за другом по земле.

Улицы Вестминстера бурлили от людей. Хорошо одетые парламентарии спешили к началу утренних заседаний, а нищие и уличные торговцы всюю осаждали их. Некоторые члены парламента, жившие в Лондоне достаточно долго, уже научились отгонять эту назойливую публику высокомерным взмахом руки, но остальные еще не овладели этим искусством. Мужчину в красивой красной накидке и шапочке, вышитой самоцветами, торговцы окружили плотным кольцом, не давая пройти. Он, видимо, совершил ошибку, вступив в спор с кем-то из них, и они налетели, как стая скворцов на упавшую булочку.

— Нет, мне ничего этого не нужно! — жалобно восклицал он.

Кто-то потянул бедолагу за рукав, он вышел из себя и перешел на крик:

— Нет, нет и нет! Убирайтесь, дьявол вас забери, и уберите от меня свою дрянь!

Кто-то из коробейников тряс у него перед носом грошовым медным ожерельем.

Барак засмеялся.

— Вот ведь дурак деревенский! Они сожрут его заживо.

Внезапно перед моим лицом промелькнул длинный нож, и я инстинктивно отскочил назад. Это был торговец скобяным товаром. На шее у него висела связка ножей.

— Осторожней! — рявкнул я.

— Прекрасные стальные ножи, сэр! Самые лучшие!

Я оттолкнул его плечом, и мы двинулись дальше. Харснет уже ждал нас у старинных ворот. На нем была мантия юриста с приколотым в районе сердца королевским гербом, выдавленным на металле. Сцепив руки за спиной, он смотрел на Сивинг-лейн. Когда мы приблизились, коронер приветственно кивнул. Я сразу же принялся благодарить его за то, что он прислал ко мне Орра.

— Женщину необходимо оградить от возможной опасности. Если же злодей попытается проникнуть в ваш дом, у нас будет возможность схватить его. Орр — хороший человек. Надеюсь, ваша жена не очень пострадала, мистер Барак? — обратился Харснет к моему помощнику.

— Немного отдохнет, и все будет в порядке.

— Но что именно произошло?

Я рассказал Харснету о нападении на Тамазин. Он плотно сжал губы.

— Как это могло случиться? После встречи с настоятелем мы обсудим это во всех деталях.

— А что у вас, сэр? — спросил я его. — Сообщил ли кто-нибудь из соседних коронеров об убийствах столь же ужасных, как три наших?

— Никто и ничего. И мы по-прежнему блуждаем в потемках относительно того, откуда убийца знал своих жертв и почему выбрал именно их.

Харснет вздохнул и выдавил усталую улыбку.

— Что ж, посмотрим, что сможет сообщить настоятель Бенсон. Он будет ожидать нас в доме бывшего приора, который забрал себе после получения должности настоятеля.

Харснет нахмурился. Еще бы! Реформатор не мог одобрительно смотреть на то, как экс-монах наживаетея на растаскивании монастырского имущества.

— Я хотел спросить вас кое о чем, сэр. Не показалось ли вам на прошлой неделе, что за вами следят?

Коронер покачал головой.

— Нет.

— А вот мне показалось. Я полагаю, и вам следует быть поосторожнее.

— Благодарю вас, я непременно воспользуюсь вашим советом.

Харснет сделал глубокий вдох и направился через ворота во двор старого монастыря.

Территории, прилегающие к большинству бенедиктинских

монастырей, издревле становились местами оживленной торговли. Но с Вестминстерской обителью все было иначе — отчасти из-за ее огромного размера, отчасти из-за того, что она пользовалась статусом убежища. Те, кого преследовало правосудие, могли укрыться за ее стенами, сразу же становясь недосыгаемыми для закона. Так и получилось, что Божий дом оказался приютом разного рода злодеев, прятавшихся здесь от кары за свои преступления.

Территория бывшего монастыря была окружена домами и убогими лачугами, в которых обитали преступники всех мастей. Все они платили монахам приличную арендную плату. Большая часть старинных привилегий, которыми пользовались монастыри, канули в Лету вместе с самими монастырями (это был один из лучших починов короля Генриха), но убежище сохранило свой статус, и здесь по-прежнему скрывались от закона должники и мелкие воришки. При этом многие жили здесь до самой смерти, причем жили спокойно: вели бизнес в Лондоне, пользовались услугами адвокатов вроде Билкнэпа и каждое воскресенье посещали церковь Святой Маргариты, красивое, недавно перестроенное здание которой возвышалось в северной части монастырской территории.

Проходя мимо церкви, мы увидели группу людей. Двое из них были церковниками в белых сутанах.

— Боннер! — сказал, словно плюнул, Харснет.

Я тоже узнал приземистого, полного и круглолицего епископа Лондона, нагонявшего на всех страх. Он смеялся, разговаривая с другим клириком, возможно, викарием церкви Святой Маргариты. Я внимательно рассматривал епископа, который жаждал очистить Лондон от радикалов.

— Он производит впечатление веселого человека, — заметил я.

— Викарий Браун сделан из того же теста, — мрачно откликнулся Харснет. — В церкви осталось еще полным-полно золота, канделябров и икон. С большим трудом удалось отобрать их священную реликвию, палец святой Маргариты. Боннер, эта папистская свинья, рано или поздно приведет нас обратно к Риму.

— Но ведь Боннер был одним из людей лорда Кромвеля, — возразил я.

— Теперь, когда Кромвель мертв, волки сбросили с себя овечьи шкуры. Для них важнее остаться у власти.

Он метнул злобный взгляд в сторону епископа.

— Пусть простит меня Господь, но я хотел бы, чтобы наш убийца выбрал своей следующей жертвой Боннера, а не добрых реформаторов. Но дьявол действует по собственному усмотрению.

Я взглянул на Барака, но тот лишь пожал плечами. Мы прошли мимо

огромной старинной колокольни, превратившейся в разваливающуюся ночлежку, свернули на восток и, миновав аббатскую церковь, вышли на южную сторону монастырской территории, огороженной высокими стенами.

Глава 18

На южной стороне монастырского двора было больше всего домов, преимущественно бедных хибар, в которых ютились уличные торговцы и рабочие, перебивавшиеся случайными заработками. Мужчины грузили стоявшие возле домов повозки разнообразным скарбом, готовясь к трудовому дню. В воздухе пахло свежим деревом и смолой, поскольку тут было много столярных мастерских, обслуживающих аббатство и Вестминстерский дворец. Слева от нас тянулась стена, отделявшая от общей территории внутренний двор, на котором размещались монастырские постройки. Ворота, оберегавшие некогда беззаботную жизнь монахов от внешнего мира, были открыты, хотя возле них и стоял охранник с пикой. Харснет сообщил ему, кто мы такие, и страж пропустил нас во двор, где кипела работа над строениями бывшего монастыря: одни ломали, другие перестраивали. Прибывали все новые рабочие. Они разбирали из повозок кувалды и кирки и тут же принимались махать ими. Мы подошли к большому красивому дому с усаженным крокусами палисадником, и Харснет постучал в дверь.

Нам открыл слуга и пригласил войти. Как недавно секретарь Кранмера, он попросил Барака подождать в прихожей, а нас с Харснетом провел в кабинет, завешанный дорогими гобеленами. Главным предметом здесь был огромный дубовый стол, заваленный бумагами. Мне подумалось, что эти вещи также относились к конфискованному монастырскому имуществу. По крайней мере, лавочки для певчих, высланные подушками и стоявшие вдоль стен, — точно. Снаружи слышался стук тяжелых молотков.

Дверь открылась, и в кабинет вошел низенький человек в белых церковных одеждах. Мы обменялись поклонами, после чего он прошел к столу и сел.

— Прошу вас, джентльмены, — произнес он медоточивым голосом и широким жестом указал на сиденья для певчих.

Я рассматривал Уильяма Бенсона, последнего аббата монастыря, монаха, который переметнулся на сторону Кромвеля и был назначен аббатом, чтобы ускорить разгром монастырей. Место настоятеля нового собора являлось частью платы за то, что он сделал. Это был коренастый мужчина лет под пятьдесят, с пухлым сонным лицом, которое не покидало выражение удовлетворенности тем, что ему удалось осуществить все свои

амбиции.

— Чем я могу помочь архиепископу? — осведомился он.

Первым заговорил Харснет.

— Это дело крайне секретное, сэра. Архиепископ настаивает на том, чтобы ничего из того, о чем мы сейчас станем говорить, не вышло за пределы этих стен.

— На этот счет можете не беспокоиться. Повиноваться предстоятелю — мой священный долг. — Бенсон улыбнулся, щуря сонные глаза. — Вы заинтриговали меня.

— Боюсь, история, которую вам предстоит услышать, может обеспокоить вас, — вставил я, желая заявить о своем присутствии и показать, что я тоже не последний человек в этом деле.

Бенсон издал гортанный смешок.

— Я возделывал ниву Господню в Англии на протяжении многих лет. Теперь меня уже ничто не может обеспокоить. Кроме, пожалуй, вот этого стука молотков. — Он нахмурился. — Чтобы снести обитель, им, похоже, понадобится целая вечность.

«Обитель, которую ты возглавлял не один год», — подумал я.

Мне было интересно, изменится ли выражение его лица после рассказа Харснета про ужасающие убийства и их видимую связь с пророчествами Книги Откровения, но нет, когда коронер закончил рассказ, физиономия настоятеля оставалась такой же апатичной, как и прежде.

— И по вашему мнению, этот человек может быть бывшим монахом? — спросил Бенсон, крутя золотое кольцо на пальце.

Он с сомнением покачал головой.

— Вряд ли это возможно. Многие братья приветствовали закрытие монастыря и получили от этого немалые выгоды. Шестеро, к примеру, остались здесь же и сделались пребендариями^[21] под моим началом.

— Сколько всего было здесь монахов? — спросил я.

— Тридцать четыре. Не вся братия была в восторге от случившегося, но в основном они были реалистами и без возражений подписали отказные листы. Все, за исключением брата Элфрида, который поставил условие, чтобы после его смерти похоронить его в соответствии со старыми обрядами. Ему это было обещано, а затем и выполнено, — добавил Бенсон с легкой улыбкой. — Он умер почти сразу после того, как ушел отсюда. Полдюжины братьев отправились в мир иной вскоре после того, как покинули монастырь.

— Нас интересует монастырский врачеватель, Ланселот Годдард, и двое его помощников, — сказал Харснет. — Только они числятся в архивах

суда по делам секуляризации.

— И еще, — снова встрял я, — известно ли вам, применял ли доктор Годдард двейл?

— Применял что?

Мне показалось, что настоятель отреагировал на мой вопрос с излишней поспешностью, и при этом в его сонном взгляде на мгновение что-то промелькнуло. Я объяснил, что двейл — наркотик, и рассказал, для чего его использовал убийца.

— Это действительно не может не беспокоить, — тихо проговорил Бенсон.

Он сидел, размышляя и вертя на пальце кольцо. Прошло некоторое время, прежде чем он поднял на нас глаза.

— Мне неизвестно, использовал ли доктор Годдард этот ваш двейл. Я никогда не вмешивался в дела монастырской больницы. Он был весьма опытным врачом, и я не припомню, чтобы на него когда-либо поступали жалобы.

Настоятель помолчал.

— Я готов оказать вам любую посильную помощь, джентльмены, но мне кажется, что вы ошибаетесь. Кем бы ни был этот... ужасный человек, я не верю в то, что он отсюда.

— Насколько близко вы знали доктора Годдарда? — спросил я.

— Не очень близко. — Настоятель позволил себе циничную улыбку. — Ни для кого не секрет, что меня назначили аббатом с определенной целью — чтобы я подготовил Вестминстерское аббатство к мирному и максимально безболезненному закрытию, что я и сделал. Я обращал внимание лишь на тех монахов, которых нужно было убеждать или принуждать. Доктор Годдард к ним не относился. На его плечах лежало лечение заболевших, повседневный уход за немощными старыми монахами. Он также распорядился еще одной маленькой больницей для бедных жителей Вестминстера, которую содержал монастырь.

— То же относится и к его помощникам?

— Да. Чарльз Кантрелл работал в больнице для монахов, Фрэнсис Локли — в больнице для мирян.

— Они имели образование? — уточнил я.

— Нет. Кантрелл был монахом, а Локли — послушником, который трудился на нас и жил здесь же. Годдард обучал их обоих.

— Что за человек был Годдард?

Бенсон склонил голову.

— Не очень общительный тип. Некоторые даже говорили, что он

холоден, называли его бирюком. Он произошел из богатой семьи и на тех, кто имел низкое происхождение, смотрел свысока. Секуляризацию воспринял спокойно, как и остальные, каких-либо комментариев, тем более ругательных, от него не слышали.

— Он исчез из дома, который снимал, — сообщил настоятелю Харснет. — Куда, по-вашему, он мог подеваться?

Бенсон пожал плечами.

— Понятия не имею. Я не знаю, есть ли у него семья и где она живет, а все монастырские записи уничтожены.

Я знал, что это правда. Большую часть монастырских записей сожгли вместе с иллюстрированными книгами.

— Для нас может представлять ценность все, что вы могли бы нам сообщить, сэр.

— Когда я пришел, он уже был врачом. Я помню разговоры о том, что он стал послушником еще в ранней молодости, а когда монастырь закрыли, ему было около сорока.

— Он был снобом, — заявил я. — По крайней мере, так говорят все его соседи. Значит, он все же так и не освободился до конца от предрассудков, бытующих в миру.

Бенсон рассмеялся.

— Среди монахов такое часто встречается. Именно их приверженность всему мирскому являлась одной из причин, по которым следовало закрыть монастыри.

— Вам известно, где он учился на врача? — поинтересовался я.

— Он не учился. Ремесло врачевателя он перенимал от старого лекаря, которого сменил, а «доктором» его называли, боюсь, только из вежливости. Однако благодаря своему наставнику он получил хорошую подготовку. Знания среди врачевателей передаются из поколения в поколение.

— В том числе и знания о двейле.

Бенсон равнодушно пожал плечами.

— Может быть.

— Была ли у него оранжерея лечебных трав?

— Да, но теперь она разорена.

— Выращивал ли он опийный мак?

Настоятель развел руками, и его шелковое одеяние зашуршало.

— Не знаю, сэр. Вполне возможно.

— А каким этот Годдард был в общении?

— Весьма удобным. Всегда корректный, сдержанный. — Бенсон усмехнулся. — У него был дефект: большущая бородавка на носу. Он,

видимо, считал, что она унижает его достоинство, и очень злился, когда люди смотрели на нее. Возможно, это сказалоь на его характере. Я слышал, что он не проявлял особой теплоты по отношению к больным, но, может, это и правильно. Врач должен относиться к пациентам отстраненно.

«Как делаешь ты, — подумал я. — Но у тебя это политическая отстраненность».

Его не волновала судьба монахов, они для него были всего лишь пешки в большой игре секуляризации. Бенсон что-то скрывал, я был в этом уверен.

На его губах опять заиграла тонкая улыбка.

— Я помню, как помощник Годдарда по мирской больнице, брат Локли, подшучивал над ним, пародируя его холодную и точную манеру говорить. Локли часто попадал в неприятные ситуации из-за своей легкомысленности, хотя свои обязанности в лечебнице он исполнял безупречно.

— А второй помощник? — спросил я. — Кантрелл, кажется?

— О да, молодой брат Кантрелл. Годдард обучал его ремеслу, но, насколько мне помнится, был вечно им недоволен.

— Бывшие соседи Годдарда утверждают, что он получил наследство, — сказал Харснет.

Бенсон собрал губы сердечком.

— Как мне кажется, у его родственников были деньги, а жили они неподалеку от Лондона. Где-то к северу, по-моему. Вы, вероятно, без труда их найдете.

Лично мне это казалось весьма сомнительным. По утверждению некоторых, в Лондоне и его окрестностях в настоящее время проживало около шестидесяти тысяч душ.

— А что, записей не осталось? — спросил я.

— Нет, никаких, — потряс головой Бенсон. — Когда монастырь закрыли, люди из суда по делам секуляризации велели нам сжечь все документы, записи, тексты песнопений и даже наши книги. Кромвель хотел стереть с лица земли абсолютно все, что связано с монашеством.

— И вы утратили все связи со своими бывшими подопечными?

— Да, со всеми, кроме тех, которые трудятся сейчас под моим началом.

— Вы имеете в виду тех троих, о которых упомянули вначале? — уточнил я. — Кстати, возвращаясь к Годдарду и его помощникам. Как они были сложены физически? Можно ли их назвать сильными? Тот, кого мы ищем, силен и умен.

Настоятель опять рассмеялся.

— В таком случае можете сбросить со счетов обоих помощников. Ни один из них не блистал умственными способностями, а физическими — тем более. Локли — маленький кругленький человечек лет пятидесяти, который непрестанно тянулся к бутылке. Молодой Кантрелл — высокий жилистый парень. Помню, у него было большое адамово яблоко, на которое даже неприятно было смотреть. Он все время что-то закапывал в глаза из-за проблем со зрением. Годдард выяснил, что у него близорукость, и сделал ему очки, чтобы тот мог работать.

Бенсон воздел палец вверх.

— Теперь я вспомнил: Кантрелл живет на монастырской территории. Его отец работал здесь плотником. Не так давно я видел его на улице. Он все так же был в своих очках с толстыми стеклами. Я еще подумал, что ему, наверное, трудно поддерживать на плаву отцовский бизнес. С таким зрением и легкомыслием он запросто может отпилить себе пальцы.

Настоятель рассмеялся, довольный своей шуткой.

«А говоришь, что врач был холодным человеком», — подумал я.

— Нам нужно встретиться с двумя этими людьми, мастер Шардлейк. У Барака есть их адреса?

— Да, адреса у нас имеются.

— Хорошо. Тогда мы покидаем вас, настоятель, но не исключено, что нам придется потревожить вас снова.

— Разумеется.

Бенсон покачал головой и удивленно улыбнулся.

— Вы считаете, что этот человек способен совершить семь убийств? Чтобы выполнить пророчество Книги Откровения?

— Да, сэр, — с серьезным видом ответил я. — Пока он достиг только третьей чаши. Боюсь, что скоро настанет черед четвертой.

Бенсон снова недоуменно покачал головой, а потом встал из-за стола.

— Тогда я буду молиться о том, чтобы вы поскорее поймали его.

Мы забрали Барака и вышли. Стук молотков зазвучал громче. Я повернулся к Харснету.

— Он что-то скрывает.

Коронер согласно кивнул.

— Мне тоже так показалось. Но что именно?

— Он наблюдает за нами, — тихо сказал Барак.

Мы с Харснетом повернулись и увидели настоятеля, который стоял у окна и смотрел на нас. Встретившись с нашими взглядами, он отвернулся и

исчез в темноте своего кабинета.

— Было бы интересно осмотреться здесь, — предложил я. — Заглянуть в зал капитула,^[22] оранжерею, больницу.

— Неплохая мысль, — согласился Харснет.

Мы направились к обители, лавируя между грудями мусора и строительных материалов. Справа остался ворох матрацев, вероятно выброшенных из монастырских спален.

— Что вы думаете о Бенсоне? — спросил я Харснета.

— Жадный карьерист. — Коронер насупился. — Очень грустно, что Кромвель прибегал к услугам подобных людей.

Он посмотрел на меня.

— Это многих разочаровало.

«Интересно, — подумалось мне, — неужели Кранмер говорил ему о том, что он разочарован?»

Мы шли мимо монастырских спален, которые как раз сейчас рушили. Рабочие срывали с кровли черепичные плитки и бросали их внутрь некогда красивого древнего здания. Справа от нас, запущенный и заросший сорняками, располагался прямоугольный участок земли, где раньше, по всей видимости, находился классический монастырский сад. Рядом был другой, гораздо меньший по размеру надел, вот уже три года как заброшенный. Я сразу узнал характерные стебли и сухие коробочки мака.

— Ну вот, — констатировал Харснет, — значит, Годдард все же выращивал мак.

Я окинул взглядом царившее вокруг опустошение.

— Да и бог знает что еще.

Мы двинулись обратно и вошли в старый клуатр,^[23] расположенный между монастырскими строениями и церковью. Снова пошел дождь, колотя по крышам крытых галерей и плиткам внутреннего двора. Харснет, поглаживая короткую седеющую бородку, обозревал пространство, по которому некогда прохаживалась монашеская братия. Мне было любопытно, о чем он сейчас думает.

Коронер повернулся ко мне и неожиданно улыбнулся.

— Вон там есть лавка, — сказал он. — Возможно, сейчас самое время поговорить в спокойной обстановке, прежде чем мы войдем в зал капитула.

— Да, у меня голова идет кругом от всего происходящего.

Мы подошли к лавке и сели.

— По-моему, Бенсон знает больше, чем говорит, — заявил я.

— Согласен, — кивнул Харснет. — Мы допросим его еще раз, и очень

скоро, но я не думаю, что ему известно местонахождение Годдарда. Он не может не понимать, насколько неумно было бы это скрывать.

Коронер покачал головой и глубоко вздохнул.

— Кто же такой этот Годдард? Тот, кого мы ищем, новая жертва или ни тот ни другой?

Его акцент выходца из западных графств усиливался каждый раз, когда он волновался.

— Прошло уже более двух месяцев с момента его исчезновения. Если бы он был потенциальной жертвой, его тело давно нашли бы.

— Но куда он запропастился? — размышлял Харснет. — Настоятель должен был бы знать. Неужели ему нет дела до своих монахов, хоть и бывших?

— Он всего лишь одна из фигур в политических шахматах, — присоединился к разговору Барак. — У моего прежнего хозяина было много таких.

Харснет посмотрел на него и кивнул. Я был рад тому, что коронер не относится к моему помощнику свысока и не возражает против его полноценного участия в наших совещаниях.

— Да, — согласился он, — это правда. Однако, так или иначе, мы обязаны его найти.

— Пока что это убийца нашел нас, — мрачно пробурчал Барак. — И мою жену.

Он уставился в землю и сжал кулаки.

— Думаю, он взял нас с Бараксом на заметку в тот день на болотах, — проговорил я. — Потом каким-то образом выяснил, кто мы такие и где живем, и с тех пор следил за нами.

— Если он следил за мной, а я этого не заметил, значит, он гораздо более ловок, чем я, — все так же угрюмо проговорил Барак. — Но вообще-то в этом нет ничего невозможного.

Он ожесточенно потер ладонями лицо.

— Мне кажется, он знал о том, что тело доктора Гарнея нашли, но держат это в секрете, — сказал я. — Поэтому убийство Роджера он обставил таким образом, чтобы его было невозможно скрыть. А затем целыми днями караулил на болотах, дожидаясь, когда те, кто будет вести расследование, придут на место убийства доктора Гарнея. Он лежал на том соломенном тюфяке, который мы нашли. Ему нужно было увидеть и запомнить людей, которые пойдут по его следу.

Харснет озадаченно покрутил головой.

— Но кто на такое способен: изо дня в день дежурить в зарослях

камыша и целый день пролежать в холодном болоте, дожидаясь сумерек, чтобы ускользнуть незамеченным? В такой терпении, такой выносливости есть что-то... нечеловеческое.

Харснет снова сел на своего любимого конька — одержимость дьяволом. Я долго не решался заговорить, но все же рассказал ему о теории Гая относительно одержимости как психической болезни, о случаях, которые он упоминал, и о Стродире. Харснет внимательно слушал, не сводя с меня цепкого взгляда своих умных голубых глаз. Когда я закончил, он решительно мотнул головой.

— У меня складывается впечатление, что те люди — француз и этот ваш Стродир — были одержимы нечистым. Как и наш убийца. Что же касается доктора Малтона, то, простите, адвокат Шардлейк, но я ему не верю. Мне кажется, он до сих пор цепляется за свои старые убеждения. И, учитывая то, что епископ Боннер демонстрирует по отношению к протестантам столько же милосердия, сколько мясник — к овцам, вы должны понять, почему я до сих пор против участия Малтона в нашем следствии.

Барак резко повернулся к нам. Его глаза превратились в злые узкие щелки.

— Одержимый он или сумасшедший, это не отвечает на вопрос, почему этот мерзавец догоняет нас, а не мы его!

— О, мы его догоним, — с мрачной решимостью ответил Харснет. — В этом можете не сомневаться.

— Я вот думаю, не следует ли нам поискать его среди членов радикальных протестантских сект, — сказал я, глядя прямо в глаза Харснету. — Наряду с церквями, где служат радикально настроенные священники, существуют различные религиозные группы, которые проводят подпольные сходки и даже разработали собственные экстремистские учения. Например, адамиты, проповедующие возвращение к первозданной невинности Адама, арианцы, отвергающие Троицу...

Я ожидал, что Харснет станет ожесточенно спорить, но вместо этого он кивнул.

— Да, преследования заставляют людей уходить в себя. Если даже такой праведный человек, как один мой друг, который рифмовал божественные истории, чтобы привить детям желание читать Слово Божие, оказывается в тюрьме Флит...

— А убийца, по всей видимости, думает, что Господь возложил на него миссию лишать жизни отрекшихся радикалистов.

— Или хочет, чтобы мы так думали, — откликнулся Харснет и впился

в меня пристальным взглядом. — Возможно, на самом деле убийца стоит на стороне епископа Боннера. Если Боннер узнает про убийства, это лишь подольет масла в огонь развязанных им гонений.

— Как бы то ни было, ему было известно о прежних религиозных убеждениях доктора Гарнея, Тапхольма и моего бедного друга Роджера, — не уступал я. — Помимо этого, между тремя убитыми не было ничего общего.

Харснет вздохнул, а потом кивнул.

— Я сделаю необходимые запросы.

Поколебавшись, он добавил:

— Вы не думали, сэр, о том, что тоже можете являться потенциальной жертвой? Ведь вы, как и мастер Эллиард, некогда тоже придерживались радикальных взглядов.

— Но не таких радикальных, как Роджер, — с видимой беззаботностью ответил я, понимая при этом, что коронер, в общем-то, прав.

Теоретически я действительно мог являться потенциальной жертвой убийцы. К самому Харснету и к Бараку это, к счастью, не относилось. А вот к Дороти — да.

— К этой категории можно отнести тысячи людей, живущих в Лондоне, — добавил я. — Тысячи.

Харснет долго смотрел на меня, словно почувствовал мой страх и размышлял, хватит ли мне смелости преодолеть его.

— Что нужно сделать, так это оценить наши возможности. Мы должны найти Годдарда, прочесать секты и защитить тех, кто нуждается в защите, а это значит, что нам не обойтись без дополнительных людей, которые к тому же умеют хранить тайну. Я, благодаря своей должности, располагаю кое-какими возможностями, но и они не безграничны. — Харснет сделал глубокий вздох. — Свою помощь в этом архиепископу Кранмеру предложил еще один человек.

— Кто?

— Сэр Томас Сеймур.

Коронер понурился.

— Можете ничего не говорить: для меня это тоже стало неожиданностью. Вы знаете, почему Сеймур изначально ввязался в это дело?

— Из-за его отношений с Кэтрин Парр?

— Да, он, будучи благородным джентльменом, обязан защищать ее интересы, но это была не единственная причина. Когда доктор Гарней был

найден мертвым, Сеймур испугался, что подозрения могут пасть на него, что его заподозрят в заговоре с целью отвратить короля от леди Кэтрин. Архиепископ Кранмер сказал мне, что Сеймур испытал облегчение, когда стало известно про убийство Тапхольма, поскольку фокус сместился с него. Теперь же он предложил нам помощь, сказав, что готов предоставить заслуживающих доверия людей из своего окружения.

— Зачем ему это?

Харснет беззвучно засмеялся.

— Сэр Томас обожает приключения, и вокруг него постоянно крутится множество таких же, как он, молодых авантюристов.

— Если верить тому, что я о нем слышал, это звучит правдоподобно, — вставил Барак.

— Он отвратительный тип и шельма, но мы не должны отказываться от помощи, кто бы ее ни предлагал. Архиепископ и лорд Хартфорд слишком близки ко двору, и все, что происходит в их окружении, сразу же будет замечено. Но в той суете, которая вечно царит вокруг сэра Томаса Сеймура, никто не захочет и не будет разбираться.

— Но можно ли ему доверять? — с сомнением спросил я.

— У него есть причины держать рот на замке. Он уже замешан дальше некуда, и если все это дойдет до короля, ему тоже не поздоровится. Так что, я думаю, на него можно положиться.

— Что ж, сэр, обо всем, что связано с королевским двором, вам известно лучше, чем мне, поэтому я целиком и полностью доверяюсь вашему суждению.

Харснет склонил голову в знак признательности.

— Благодарю вас.

Поколебавшись, он добавил:

— Каковы бы ни были наши расхождения в части религиозных воззрений, я уверен, что мы с вами сможем весьма успешно работать вместе.

— Я тоже так считаю, сэр, — ответил я, пряча смущение.

— Может быть, вы не откажетесь как-нибудь вечером заглянуть ко мне в гости и отужинать со мной и моей супругой? Мы смогли бы ближе узнать друг друга.

Коронер покраснел, и я понял, что в душе он стеснительный человек.

— С огромным удовольствием, — сказал я.

— Хорошо. — Он встал. — Давайте заглянем в зал капитула. Думаю, там полным-полно папистской символики.

У проходившего мимо служки мы спросили, где находится зал капитула, и он указал нам на тяжелую дубовую дверь. Она была распахнута настежь. Войдя внутрь, мы прошли по короткому коридору и оказались в самом необыкновенном помещении их всех, которые мне приходилось видеть: огромном, восьмиугольном, освещенном лучами солнца, падавшими сквозь высоченные готические окна с витражами. Пол был выложен уникальными кафельными плитками. У входа в зал, словно охраняя его, стояли ярко раскрашенные, изумительно красивые статуи Девы Марии и святого Петра.

Однако сразило нас не это. Окаменев и открыв рты, мы молча смотрели на стенные панели, расположенные под каждым из окон, на которых, в орнаменте из золотых листьев, была написана красочная картина той или иной сцены из Книги Откровения. Тут был проиллюстрирован весь Апокалипсис и его персонажи: апостол Иоанн, Христос в Судный день, зверь с семью головами и десятью рогами, разверстое чрево ада и семь ангелов, изливающих свои чаши гнева на мир, багровый от мук.

Глава 19

Не в силах произнести ни слова, мы стояли и лишь вертели головами, рассматривая панораму конца света. Эта история, последовательно разворачивавшаяся на живописных панелях, прерывалась в одном месте картиной Страшного суда, где праведники отправлялись в райские кущи, а бледные обнаженные грешники были низвергаемы в ад. Но даже этой картине недоставало живых красок и образности, которые отличали сцены из Откровения. Впервые я ощутил всю мощь их воздействия.

Барак подошел к панелям, чтобы рассмотреть их поближе. Его шаги по кафельным плиткам гулким эхом отдавались под высокими сводами зала. Он остановился напротив изображения огромного зверя с семью растущими из могучих плеч шеями, похожими на змей, каждую из которых венчала голова с оскалившейся пастью и с одним или двумя рогами. Перед этой тварью стоял апостол Иоанн в венке из золотых листьев, на лице его был написан страх.

Я подошел к своему помощнику.

— Значит, вот как мог выглядеть зверь с семью головами и десятью рогами, — проговорил я. — Почему-то я не мог себе его представить.

По стилю живописи было ясно, что картины написаны не менее двухсот лет назад. Фигурам недоставало пластичности, передавать которую художники научились гораздо позже. Но, несмотря на это, изображения были живыми и пугающими.

— И все это видели вестминстерские монахи, — тихо произнес я. — Годдард, Локли, Кантрелл. Каждый день, когда братия собиралась в этом зале. Да, такие картины могут зацепить человека за душу.

— Локли был послушником, он не мог участвовать в собраниях монахов, — поправил меня Барак.

— Мало ли какую работу ему приходилось здесь выполнять! Можешь не сомневаться, он тоже часто видел эти изображения.

К нам присоединился Харснет.

— Паписты утверждают, что мы подарили Библию людям, которые не в состоянии постичь ее подлинный смысл и поэтому склонны толковать Священное Писание самым диким образом. Но взгляните, мастер Шардлейк, картины могут иметь точно такой же эффект. Если бы стены этого зала побелили известкой, что во время Реформации было сделано во многих церквях, у Годдарда, может, и не зашел бы ум за разум. Я думаю,

дьявол вселился в него именно через эту мазню.

— Если только убийца — Годдард.

— Он больше, чем кто-либо, подходит на эту роль.

Я покосился на коронера.

— Не это ли хотел скрыть от нас настоятель? Возможно, он помнил какие-то случаи, когда эта панорама оказывала на кого-то из монахов особый эффект?

Харснет сжал губы.

— Мы это выясним. Барристер Шардлейк, завтра же я снова встречу с настоятелем. Но до этого можете ли вы поговорить с двумя другими бывшими монахами и выяснить, что знают они? Прежде чем бросать вызов Бенсону, мы должны накопить как можно больше сведений.

— Я непременно сделаю это. Сегодня же, после слушаний в суде.

Коронер удовлетворенно кивнул.

— Хорошо. А я тем временем наведу справки в муниципальном совете Лондона относительно того, где может проживать семья Годдарда.

— Прежде чем мы уйдем, мне хотелось бы взглянуть на то, что осталось от помещений, где раньше располагалась монастырская больница.

— Я не возражаю, — ответил Харснет и, окинув неприязненным взглядом зал, направился к выходу.

Я задержался возле картины, на которой был изображен облаченный в белое ангел с мрачным лицом и расправленными крыльями. Он выливал из чаши некую жидкость, от которой земля занималась огнем. Сквозь языки пламени можно было разглядеть бледные, перекошенные от боли лица.

— Четвертая чаша, — пробормотал я в сторону Барака. — Боже Всемогущий, помоги нам поймать его, прежде чем он лишит жизни еще кого-то!

Выйдя из дома капитула, мы спросили какого-то служку, где находится больница. Он ответил, что здание бывшей монастырской больницы уже снесли, но лечебница, в которой оказывали помощь бедным прихожанам, уцелела и находится неподалеку. Чтобы добраться до нее, надо было пройти через старое монастырское кладбище.

Дождь прекратился, поэтому мы безбоязненно вышли из дворикула и пошли по тропинке через древний погост с множеством могильных камней. Возраст многих из них исчислялся веками. Пройдет совсем немного времени, и здесь случится то же, что и в остальных закрывшихся монастырях: кладбище подвергнется полному разорению. Гробы будут выкопаны из могил и разбиты, а кости монахов сброшены в

общую яму и закопаны, как обычный мусор.

Мирская больница представляла собой длинное низкое здание, выстроенное на приличном расстоянии от монастырских построек. Это было сделано сознательно, чтобы уберечь братию во время эпидемий чумы. Тяжелые деревянные двери были не заперты. Внутри пустого помещения, в которое через высокие грязные окна почти не попадал свет, не осталось ничего, кроме обрывков одежды по углам, светлых пятен на стенах — там, где раньше висели картины и распятия, — пустого очага с решеткой и мышиного помета.

— Интересно, кто теперь лечит бедняков Вестминстера? — вслух подумал я, вспомнив планы Роджера открыть больницу для бедных.

Передо мной снова возникло его лицо; он улыбался и кивал головой.

— Негде им больше лечиться, — с грустью отозвался Харснет.

За нашими спинами послышался скрип, и мы резко обернулись. Кто-то открывал дверь. Барак положил ладонь на эфес шпаги. В следующую секунду перед нами предстала необычная фигура. Это был худой, старый оборванец с напоминающим птичье гнездо пучком грязных волос на голове и впалыми щеками. Он не заметил нас и принялся разгребать длинной веткой, которую принес с собой, мусор, лежавший в одном из углов комнаты.

— Что вам здесь надо? — Голос Харснета, звонко прозвучавший в пустой комнате, заставил незнакомца резко дернуться от неожиданности.

Он уронил свою ветку, обхватил себя руками и с неопишуемым страхом воззрился на нас.

— Ну? — поторопил Харснет.

Старик съежился под нашими взглядами.

— Я... Я не хотел ничего плохого, шэр.

Он глотал буквы, шепелявил, и речь его звучала невнятно. Вначале я подумал, что он пьян, но потом понял, что у него просто нет зубов. Затем я увидел, что на самом деле это никакой не старик, а выглядит так из-за провалившихся щек.

— Вы находитесь на монастырской территории, — не отступал Харснет, — и пришли сюда не просто так, а с какой-то целью. С какой?

— Я искал швои жубы, шэр, — прошамкал незнакомец, в отчаянии ломая руки и пятясь. — Надеялся найти их в углу, там, где я ешо не шмотрел. Где-то в Вештминштере.

Во взгляде его широко раскрытых синих глаз читалась детская беспомощность, и я подумал: а уж не слабоумный ли этот бедняга?

Видимо, подумав о том же самом, Харснет произнес уже более мягким

тоном:

— Ну, тогда ладно. Только сейчас оставьте нас.

Бедняга торопливо вышел из комнаты и осторожно, точно боясь побеспокоить нас скрипом, закрыл за собой дверь.

— Господи Иисусе, что это было? — выдохнул Барак.

— Какой-то нищий бедняга, тронувшийся умом, — ответил Харснет. — Они в Вестминстере повсюду. Видимо, они нашли какой-то лаз, через который пробираются сюда. Нужно сказать стражникам.

Коронер, насупившись, посмотрел на Барака.

— А вас я попросил бы не упоминать имя Спасителя всуе.

Глаза Барака на миг вспыхнули. Вдалеке часы на башне пробили десять раз.

— Мне пора в суд, — сказал я. — Идем, Барак, нам нужно торопиться. Простите, мастер коронер, но мы должны идти. После того как я встречусь с двумя бывшими монахами, я сообщу вам о том, что удалось узнать.

Мы втроем дошли до главных ворот и снова оказались на открытой для всех территории бывшего монастыря. Здесь уже вовсю кипела жизнь, лавки распахнули свои двери, повсюду сновали люди. Увидев нас, в нашу сторону заторопилась парочка коробейников. Один из них тащил лоток с какими-то банками, распространявшими смрад на много ярдов вокруг.

— Рыбий жир, мастер! — еще не успев подойти, завопил он. — Жир из огромных рыб! Он обладает множеством магических свойств!

Барак резким взмахом руки отогнал назойливого торговца прочь. И тут же в полу моей мантии вцепилась иссохшая рука. Полуобернувшись, я увидел одетую в лохмотья женщину с исхудавшим ребенком на руках.

— Не дайте моей крошке умереть с голоду, сэр! — заныла она.

Я отвернулся, чтобы не встречаться с ней взглядом, и вспомнил истории о том, что нищенки часто намеренно морят своих детей голодом, чтобы те вызвали большую жалость. А может, это была одна из тех историй, которые мы рассказываем своей совести, чтобы не замечать таких людей?

Когда мы шли к воротам, выходящим на Сивинг-лейн, я увидел впереди какую-то суматоху. Перед одним из магазинов между двумя приходскими констеблями стояла перепуганная супружеская пара средних лет. Еще двое констеблей вытаскивали из магазина потертые сундуки, а пятый копался в другом сундуке, уже открытом и стоящем на раскисшей от дождя земле. Он вытаскивал из него какие-то странные, на вид чужеземные костюмы. Вокруг успела собраться толпа зевак. Вид у них был мрачный и

враждебный. Среди ротозеев я заметил синие куртки нескольких подмастерьев. Тут же вилась стайка покрытых струпьями, беззубых побирушек, едва прикрытых лохмотьями, некоторые из которых даже не имели тех или иных конечностей. Среди них были две женщины с потрепанными, обветренными лицами, вероятно, молодые, хотя возраст их определить было трудно. Беспричинно хохоча, они передавали друг другу кожаную флягу с выпивкой.

— Пока никаких книг, — сообщил констебль, рывшийся в сундуке.

— У нас нет запрещенных книг, — простонал хозяин магазина. — Мы лишь продаем костюмы для театральных постановок, этим и зарабатываем на жизнь. Пожалуйста...

— Ага, — проворчал стоявший рядом с ним констебль, — продаете актеришкам, которые играют пьесы Джона Бейла^[24] и прочую еретическую непристойность.

Толпа злобно заворчала. Констебль, проводивший обыск, вытащил из сундука накладные бороды, отчего пьяные нищенки зашлись в неудержимом хохоте.

— Ну вот, чистки дошли и до Вестминстера, — со злостью прошептал Харснет. — Вот почему тут околачивался Боннер.

— Мне надо спешить.

Я не хотел оставаться тут и наблюдать эту неприятную сцену.

— Пропустите!

Я стал проталкиваться через толпу, но зеваки, пытаясь занять как можно более выгодную позицию, лишь плотнее сбивались в кучу и не давали пройти к воротам.

Барак, находившийся впереди меня, стал грубо расталкивать ротозеев.

Нищих все прибывало. Протягивая худые руки, они плотным кольцом окружили толпу обычной публики. Передо мной вырос молодой оборвыш.

— Пошел прочь! — рявкнул я на него, проталкиваясь по направлению к воротам.

— Ага! — заорал он. — Горбатая ворона!

Продолжая пробираться через толпу, я вдруг почувствовал острую боль в левом предплечье и услышал, как возле моего уха кто-то шепотом произнес мое имя:

— Шардлейк!

Я вскрикнул и схватился за болевшее место. Когда я отнял руку, ладонь была в крови. Услышав мой крик, Харснет и Барак обернулись. Я закатал порванный рукав мантии и увидел длинный разрез на своем дублете, из-под которого сочилась кровь.

— Меня пырнули, — проговорил я и почувствовал, как закружилась голова.

— Снимите мантию, — велел Барак.

Его взгляд метался по толпе, но в такой суматохе было невозможно понять, кто напал на меня.

Я сбросил мантию. Стоявшие рядом зеваки с любопытством наблюдали за тем, как Барак раздвинул разрез на моем рукаве и присвистнул.

— Вас полоснули ножом, — констатировал он. — Хорошо хоть артерия не задета.

Он вытащил кинжал, разрезал безнадежно испорченную мантию на полосы, наложил из них повязку на мое предплечье и сделал перевязь, чтобы рука была подвешена к шее. Сначала кровотечение усилилось, но уже через считанные секунды прекратилось.

— Нужно наложить швы, — сказал Харснет.

Лицо его было пепельно-бледным.

— Я отведу его в суд, а потом приведу доктора Малтона, — проговорил Барак. — Вы мне поможете?

— Это был он, — тяжело дыша, проговорил я. — Я слышал, как он прошептал мое имя сразу же после того, как ударил меня.

Я снова почувствовал головокружение.

Кое-как мы пересекли площадь Нового дворца и вошли в Вестминстер-холл. Мою руку сводило от боли, а одежда пропиталась кровью. Харснет что-то сказал стражникам, и меня провели в маленькую боковую комнатку, где я уселся на лавку, держа руку так, как велел Барак.

— Я пойду за старым мавром, — сказал он.

— Сначала зайди к секретарю суда, — велел я. — Скажи, что меня ранили, и попроси отложить сегодняшние слушания. А после отправляйся к Гаю.

Увидев во взгляде Барака сомнение, я добавил:

— За меня не волнуйся, кровотечение почти остановилось. И поторапливайся!

— Я останусь с ним, — вызвался Харснет.

Барак кивнул и вышел.

— Вы не видели, кто это был? — спросил я Харснета.

Коронер отрицательно покачал головой.

— Нет, толпа была слишком плотной. Это мог быть кто-нибудь из бедняков, пришедших поглазеть на несчастных хозяев лавки.

— Это был он.

Острая боль пронзила руку, и я стиснул зубы.

— Сначала он избил Тамазин, а теперь пырнул ножом меня. Это еще одно предупреждение.

— Но откуда он мог узнать, где вы сегодня будете? Это было известно только мне и Бараку.

— Вы говорили о том, что собираетесь встретиться со мной, Кранмеру или кому-нибудь из Сеймуров?

— Нет, вчера вечером у меня не было для этого времени.

Внезапно на лице коронера отразился испуг.

— Боже мой, какой силой наделил дьявол это создание!

Мой уставший мозг был не в состоянии придумать какой-либо рациональный ответ на этот вопрос или объяснить невероятную способность этого человека следовать за нами, оставаясь невидимым, и знать о каждом нашем шаге. Внезапно все предметы передо мной опять поплыли, и я, должно быть, потерял сознание, потому что, когда я открыл глаза, то увидел юного Пирса, глядящего на меня с профессиональным любопытством. Рядом с ним стояли Гай и Барак, причем мой помощник выглядел не на шутку встревоженным.

— Ты отключился, — сообщил Гай. — Это последствия перенесенного шока. Ты находился без сознания около получаса.

Я сообразил, что лежу на лавке в маленькой комнатушке. Из-за закрытой двери доносился гул человеческих голосов. В суде, как всегда, было шумно. В отдалении пристав громко пригласил тяжёбщиков пройти в зал судебных заседаний.

— Тебя, наверное, уже тошнит при виде меня, Гай? — виноватым тоном проговорил я.

— Чепуха. Дай-ка мне тебя осмотреть.

Он размотал сделанную Баракком повязку. Чуть ниже моего левого плеча тянулся глубокий порез длиной около трех дюймов. Эта багровая рана на белой коже пробудила в памяти ужасную картину мертвого Роджера, лежащего на снегу, и окружающий мир вновь завертелся перед глазами.

— Лежи смирно, — велел Гай, аккуратно ощупывая руку вокруг раны. — Сейчас я наложу на рану специальную мазь, чтобы в нее не попала инфекция. А потом нужно наложить швы. Боюсь, эта процедура будет болезненной.

— Делай все, что считаешь нужным, — ответил я, хотя от его слов непроизвольно сжался желудок. — Барак, ты ходил в канцелярию суда?

— Сходил и сообщил, что вы заболели. Клерк сказал об этом судье, и

тот согласился отложить слушания ваших дел.

Помолчав, Барак добавил:

— Харснет говорит, что, возможно, вам стоит отказаться от ведения любых других дел до окончания нашего расследования. Кранмер или лорд Хартфорд помогут уладить это.

— Может, это и неплохая мысль — на время отказаться от некоторых дел. Но четвертого числа мне все равно придется присутствовать на слушаниях по делу Адама Кайта. Оно слишком деликатное, чтобы я мог порекомендовать его кому-нибудь другому.

Гай толстым слоем накладывал обеззараживающую мазь на мою руку.

— Нужно наложить швы. Поначалу тебе будет больно и ты устанешь. Это понятно, ведь твое тело борется с болезнью. Швы под моим присмотром будет накладывать Пирс. Не волнуйся, он уже не раз делал это.

Мальчик приблизился, держа в руке острую кривую иглу, в которую была продета черная нитка.

— Помни, — обратился к нему Гай, — медленно и бережно.

Пирс опустился рядом со мной на колени и ободряюще улыбнулся.

— Не бойтесь, сэр, я буду очень осторожен, — тихо сказал он и поднес иглу к моей руке, готовясь проколоть кожу.

Через два часа я был дома и возлежал на подушках в своей гостиной. Вошел Барак.

— Ну что, договорился? — спросил я.

— Да, некоторые ваши дела согласились взять другие барристеры из суда прошений, но судебные чиновники ершатся. Я думаю, если Кранмер или лорд Хартфорд попросят судью пойти нам навстречу, это не помешает.

— Я напишу записку Харснету. Спасибо ему за то, что помог дотащить меня до Вестминстер-холла. Немногие коронеры поступили бы так же, окажись они на его месте.

— На мой взгляд, он слишком уверен в собственной религиозной непогрешимости, — проговорил Барак, покачав головой. — Временами я даже начинаю думать: а может, он прав?

— Ты боишься демонов, Джек?

— Нет, но у меня в голове не укладывается, как этому пакостнику удается вести с нами такую игру. Сначала он нападает на Тамазин, потом на вас и каждый раз растворяется в воздухе, словно какой-то бесплотный дух. И как у него получается следить за нами так, что мы его ни разу не заметили?

— Я тоже размышлял над этим, пока ждал тебя.

Я сел, поудобнее опершись на подушки, и поморщился от боли в руке.

— Первым убийца прикончил коттера и, как я полагаю, думал, что, когда обнаружат тело, поднимется небывалый шум. Однако все списали на какую-то уэльскую потаскуху.

— Ну и что?

— Это означало, что ему не удалось устроить крупную заваруху, как он того хотел. Тогда он убил доктора Гарнея и бросил его труп в лужу на берегу Темзы. Изощренное убийство такого известного человека должно было вызвать панику, нагнать страху на всех. Возможно, он рассчитывал на то, что кто-то догадается протянуть ниточку между убийством доктора Гарнея и Книгой Откровения. Но Кранмер сделал так, что про это преступление никто не узнал.

— То есть у него опять не получилось достичь желаемого эффекта?

— Вот именно. И тогда он убивает Роджера, причем так, чтобы это убийство уже никак нельзя было скрыть. А дальше — ждет нас на болотах.

— В таком случае он должен быть хитрым и расчетливым, как лис, и терпеливым, как кошка.

— И полностью поглощенным тем, что делает. Вспомни, как прятался он на болотах, когда мы едва не изловили его. Но тогда же он увидел и запомнил нас. Потом проводил тебя до твоего дома, а меня — до моего.

— Так, что мы его не заметили? Да будет вам! Работая на лорда Кромвеля, я неоднократно следил за разными людьми. Это очень непросто, особенно если ведешь слежку в одиночку. А если это Годдард, то он со своей знаменитой бородавкой на носу вообще должен выделяться в любой толпе.

— Тут ты прав. Я еще не разобрался в том, как ему это удастся.

— Пока мы охотимся на него, он охотится на нас, и сегодня в толпе он воспользовался подвернувшейся возможностью.

— Да уж.

— Но откуда, дьявол его заberi, он узнал, что сегодня мы будем в Вестминстере? — взорвался Барак.

Я лишь пожал плечами.

— Может, знал, что мы должны быть в суде? А вот как ему удалось разузнать, в каком суде я работаю и во сколько состоятся слушания?

— Если только...

— Что?

— Если только ему не помогает кто-то другой, сообщая обо всех наших передвижениях.

— Томас Сеймур? — спросил Барак, сузив глаза. — Я ему не доверяю.

— Нет, я скорее поверю в то, что дьявол наделил убийцу нечеловеческими способностями. Что касается Сеймура, то он, наоборот, заинтересован в том, чтобы злодея поймали. Но я думаю, что у него на самом деле есть помощник.

Я удрученно вздохнул.

— Мне кажется, он только и делает, что тщательно планирует и ждет. Бесконечно, с фантастической одержимостью готовится к тому моменту, когда он вновь вырвется за пределы всех человеческих рамок и примется безоглядно убивать. Причем так, чтобы превратить убийства в настоящий спектакль. Ему это нравится.

— То же самое говорит старый мавр, — заметил Барак, — но в любом случае возникает еще один вопрос. Он чертовски рисковал, напав на вас в столь людном месте, но ведь в такой толпе он мог и убить вас. И Тамазин — тоже.

Голос Барака сорвался, и я увидел, что произнесенные им слова напугали его самого.

— Почему он этого не сделал?

— Возможно, он просто хочет, чтобы я вышел из игры?

— Но ваше место займет кто-то другой.

— Да, это верно.

— Мне порой кажется, что этот подонок над нами издевается. В одном я уверен: теперь нам с вами, выходя из дома, нужно постоянно озираться по сторонам. Хорошо хоть на кухне у нас сидит человек Харснета.

Барак сжал кулаки.

Я прикусил кончик пальца.

— Когда я поймаю эту мразь, я придушу ее собственными руками!

— Не надо, он нужен нам живым. Как ты думаешь, Барак, это все же Годдард?

— Не знаю.

— Мы настолько увязли в страхах и тайнах, окружающих это дело, что я уже готов вцепиться в любую версию.

Я вздохнул.

— Кем бы он ни оказался, я молюсь о том, чтобы мы поймали его раньше, чем еще кто-то умрет страшной смертью, а он в очередной раз продемонстрирует нам свой ум и изворотливость. По-моему, для него это тоже очень важно.

На лице Барака были все так же написаны испуг и беспокойность. Чтобы отвлечь его от мрачных мыслей, я сменил тему.

— А ведь та толпа на площади была готова к самым решительным

действиям.

— Выходит, Боннер добрался и до актеров, — откликнулся Барак без особого интереса.

— Сегодняшнее утро показало, что он способен превратить Лондон в большое осиное гнездо, где все будут жалить друг друга.

— Ага, а в один прекрасный день раскольники нанесут ответный удар. Ох, забери их всех чума! — безнадежно закончил он.

— Действительно, — согласился я. — Кстати, скажи мне, что ты думаешь о молодом Пирсе, ученике Гая?

— Не нравится он мне. Такой красивенький, обходительный, а мне все чудится, будто он подглядывает, подкрадывается. Спорить не буду, он не дурак и заштопал вас на славу, но когда он накладывал швы, я не мог отделаться от ощущения, что это доставляет ему удовольствие.

Я устало засмеялся.

— Гай сказал бы, что мальчик учится профессиональной отстраненности. Помнишь, как полтора года назад в Йорке тебя ранило и ты на время превратился в инвалида? Теперь моя очередь.

Барак улыбнулся.

— Да, в каких только переделках мы не побывали!

— Что верно, то верно.

Барак по-прежнему выглядел озабоченным.

— Как себя чувствует Тамазин? — осторожно поинтересовался я.

— Спит, — ответил он. — Ей нужно как следует отдохнуть.

Нашу беседу прервали отчаянный стук в дверь и громкие крики. Один голос принадлежал Джоан, другой — мужчине. Затем в прихожей послышались торопливые шаги. Мы с Бараксом переглянулись.

— Он снова нанес удар, — выдохнул я.

Но когда дверь открылась, на пороге предстал Дэниел Кайт. Его волосы были всклокочены, он тяжело дышал.

— Сэр! — выпалил он. — Вы должны пойти со мной. Идемте, ради всего святого!

— Что стряслось?

— Это Адам, сэр. Он сбежал. Забрался на Лондонскую стену в районе Бишопсгейта и кричит оттуда, призывая людей покаяться, отринуть священников и прийти к Богу! Его точно сожгут на костре!

Глава 20

До Бишопсгейта было полторы мили, но эта короткая прогулка через лондонские толпы обернулась для меня мучительным путешествием. На каждый толчок неосторожного прохожего рука отзывалась острой болью. Рядом со мной поспешали Дэниел и Минни Кайты. Он шел с сосредоточенным лицом, она, казалось, в любую минуту могла сломаться. Сильный порыв ветра едва не сдул с меня шапку, а ведь я оделся во все лучшее, предполагая, что в Бишопсгейте мне, возможно, придется иметь дело с кем-нибудь из представителей власти.

Дэниел успел рассказать мне, что примерно час назад к нему в мастерскую пришел его друг и сообщил о том, что Адам стоит на Лондонской стене и, вопя во все горло, призывает прохожих прийти к Богу за спасением души. Он отправился туда и увидел, что сын успел собрать большую толпу зрителей, а ко мне они пришли просто потому, что больше им было не к кому обратиться. Серdito размышляя о том, как Адаму удалось сбежать из Бедлама, я вдруг подумал, что эта безумная проповедь — что-то новое для него. Барака я послал за Гаем, хотя и испытывал угрызения совести за то, что вновь беспокоил своего друга. Но в общении с Адамом ему все-таки удалось продвинуться дальше, чем кому-либо, а если мальчишку не удастся уговорить добровольно спуститься со стены, эта история действительно может закончиться для него аутодафе.

Дойдя до улицы Всех Святых, мы услышали впереди гул людских голосов и взрывы хохота, а вскоре увидели и самого Адама. Он стоял на кромке древней осыпающейся городской стены и что-то кричал толпе, собравшейся тридцатью футами ниже. Одетый в грязные обноски, с безумными глазами и всклокоченными волосами, Адам напоминал одного из тех деревенских сумасшедших, которые сбегают из дома и прячутся в лесах до тех пор, пока не погибнут от голода.

Он стоял высоко над Вормвуд-стрит, ярдах в пятидесяти от Бишопсгейтской башни. Вероятно, он каким-то образом ухитрился забраться на ворота, а оттуда перелез на стену. Судя по всему, снимать парня со стены никто не собирался. Древняя стена была широкой, но во многих местах уже разрушалась. Вот и сейчас, пока я смотрел на Адама, он случайно наступил на большой шатавшийся камень, и тот полетел на стоявших внизу людей.

— Эй ты, поосторожнее! — крикнул кто-то из толпы.

Адам едва не упал следом за камнем, но чудом сумел восстановить равновесие.

— Вы должны прийти к Христу! — вопил он. — Каждый из вас должен сделать так, чтобы стать одним из избранных! Конец близок, и Антихрист уже среди нас! Молитесь, прошу вас!

В толпе я увидел преподобного Мифона. Его лицо было еще более красным, чем обычно. Рядом с ним стоял другой церковник, высокий худой мужчина в годах, с носом, как орлиный клюв, и густой седой шевелюрой, тщательно вымытой и расчесанной. До чего же любили эти священники-радикалисты ухаживать за своими волосами!

Минни вцепилась в руку Мифона.

— О, сэр, вы пришли!

Мифон повернулся ко мне, и я увидел, что викарий напуган.

— Адама необходимо спустить вниз, — взволнованно заговорил он. — Если его заберут, меня станут допрашивать. Всему моему приходу несдобровать!

— И моему тоже, — вставил второй священник. — Я Уильям Ярингтон, настоятель церкви, расположенной рядом с храмом преподобного Мифона.

Он говорил доверительным тоном, видимо полагая, что я симпатизирую радикалистам.

— Наша вера, наша подлинная вера, в опасности. Как никогда раньше, ей угрожают паписты и отступники. Этого безумного мальчика нужно держать в надежном, безопасном месте, и кто-то должен постоянно находиться рядом и молиться вместе с ним.

Он перевел взгляд на Мифона.

— У него и без вас хватает молитв, — огрызнулся я.

Ярингтон смерил меня холодным взглядом, отвернулся и пробормотал себе под нос что-то вроде: «Еще один неверующий».

Я обернулся к Мифону.

— Вы пытались говорить с ним?

— Да-да, я велел ему спуститься вниз, приказал перестать кричать. Я сказал, что он может навлечь неприятности на своих родителей, но он ничего не слушает.

— Если они застанут нас здесь, то могут подумать, что я как-то связан с этим, — бормотал седовласый священник, стреляя глазами по сторонам, словно ища пути отступления.

Он вновь устремил взгляд на Адама, когда мальчик громко закричал зевакам, что страдает за них, как страдал Иисус на кресте.

— О происходящем немедленно донесут Боннеру, и он приедет сюда! — Мифон в отчаянии покачал головой.

— Возможно, для всех было бы лучше, если бы этот дурак свалился со стены и сломал себе шею, — проговорил Ярингтон.

Минни разрыдалась и упала на грудь мужу.

— Сделайте что-нибудь, сэр! — взмолился Дэниел, глядя на меня. — Прошу вас!

Зеваки снова разразились хохотом. Какой-то шутник привел дрессированного медведя, чтобы потешить толпу, и теперь зверь — в цепях, наморднике и с цветными лентами, продетыми сквозь уши, — в страхе смотрел на окруживших его людей. Хозяин ударил животное по носу и приказал:

— Танцуй!

Медведь принялся извиваться всем телом, словно подражая плохой танцовщице. Хозяин зверя положил на землю шапку, чтобы зрители бросали в нее монетки.

— Эй! — крикнул кто-то, обращаясь к Адаму. — И ты тоже танцуй! Спляши для нас что-нибудь!

Рядом со мной стояли двое мужчин средних лет в одежде членов гильдии ножовщиков.

— Какое богохульство! — сердито воскликнул один из них. — Нужно сообщить Тайному совету. За подобное представление этого человека необходимо схватить, бросить за решетку и примерно наказать.

— Не волнуйся, его накажут, да еще как, — ответил товарищ говорившего. — За Боннером уже послали.

— Молодец, братишка! — послышался выкрик из толпы. — Ты не робкого десятка!

Толпа пока была настроена дружелюбно и воспринимала происходящее как некий веселый спектакль. Но, как и в случае с продавцами театральных костюмов, она в любой момент могла превратиться в агрессивного зверя.

Я вышел вперед и, оказавшись прямо под Адамом, посмотрел вверх, на него. Он замер и тяжело дышал, видимо переводя дух. Я видел, что мальчик дрожит всем телом. Если у него закружится голова...

— Адам! — позвал я. — Пожалуйста, спускайся! Твоя мама очень переживает!

Он опустил глаза на меня, а потом перевел взгляд на толпу.

— Близится конец света! — закричал он. — Антихрист уже явился! Если вы не отринете сатану и не обратитесь к Иисусу, гореть вам всем в

геенне огненной! Гореть! Гореть! Гореть!

— Говори, попка, разговаривай! — издевательски завопил кто-то из зевак.

— Вылечи руку горбуну! — подхватил другой. — Как Иисус излечивал хворых! Яви нам чудо!

Я ощутил злость и разочарование. Установить контакт с Адамом не было никакой возможности. С таким же успехом можно было пытаться пробить головой кирпичную стену. Никто из этих фанатиков не желал слушать кого-либо, кроме себя. Либо ты принимаешь то, что они говорят во имя Господа или от имени Господа, либо они безоговорочно приговаривают тебя к вечным мукам в геенне огненной. Адам был безумен, но именно из этого произрастало его безумие. Убийца тоже не только оповещал мир о том, что он полагал волей Господней, но и пытался выполнить эту волю. Чувствуя себя совершенно беспомощным, я стоял, положив руку на рану, которая не переставала ныть.

За моей спиной послышался гул голосов. Какие-то люди прокладывали себе путь через толпу. Над головами зевак я увидел острия пик, и сердце мое упало. Еще через несколько секунд появился епископ Боннер, в черном одеянии, черной шапке и в окружении охранников. Толпа расступилась, и епископ — приземистый, коренастый, исполненный власти — прошествовал к тому месту, где стояли, съезжившись от страха, Кайты и Мифон. Его седовласый коллега, представившийся викарием соседней церкви, словно по волшебству, растворился в толпе. Адам над нашими головами принялся цитировать Священное Писание, и я узнал искаженный парафраз из Книги Откровения:

— Боязливым же и неверным и любодеем и колдунам гореть в озере с огнем и серою...

— Прекратить богохульство!

Грозный рык Боннера заставил толпу боязливо умолкнуть, и даже Адам затих и испуганно моргнул. Снизу вверх на него смотрел епископ. Круглое лицо с двойным подбородком побагровело, в больших темных глазах, глядевших из-под черной шапочки, горела злость.

— Папист! — крикнул кто-то из стоявших вокруг.

Боннер принялся яростно вертеть головой, но в плотной толпе определить кричавшего было невозможно. Тогда епископ обратил свой пылающий взгляд на меня.

— Кто вы такой? Адвокат? Вы его родственник? А вы... — Он перевел взгляд на Мифона, втянувшего голову в плечи. — А-а, я вас знаю, сэр! Вы предводитель мерзкой банды сектантов и еретиков!

Мне приходилось слышать о приступах ярости у Боннера. Они были ужасны. Придя в неистовство, он начинал бушевать и долго не мог остановиться.

— Еретик! — завопил он в лицо Мифону.

Викарий вздрогнул и отступил. Мужество окончательно покинуло его.

— Он ни в чем не виноват, сэр, — храбро вступился за преподобного Дэниел Кайт. — Он пытался уговорить Адама спуститься. Адам наш сын. Он сумасшедший, сэр, совсем сумасшедший, и если он упадет...

— Господь — судья всему сущему! — снова принялся за свое Адам. — Приидет Иисус с мечом в руке!

Боннер повернулся к солдатам.

— Вы! Залезьте на стену и стащите его вниз! Если он свалится — не велика потеря!

Солдаты приблизились к стене, но остановились. Толпа зашумела, головы зевак стали поворачиваться вправо. Там, из окна надстройки над воротами на стену, вылезли три фигуры. Приглядевшись, я узнал в них Гая, Пирса и Барака. Они медленно двинулись по кромке стены по направлению к Адаму. Барак и Пирс развели руки в стороны для поддержания равновесия, но Гай, шедший последним, двигался прямо, чуть подпернув мантию, чтобы не запутаться в ней ногами. Толпа затихла, и даже Боннер умолк.

— Эй, Адам! — окликнул мальчика Гай. — Ты помнишь меня? Помнишь, как мы с тобой разговаривали?

Мальчик посмотрел на него растерянным взглядом, будто не понимая, откуда здесь появился этот человек. Барак и Пирс находились уже совсем рядом с ним. Я видел страх и сомнение на их лицах. Если они попытаются схватить Адама, он может полететь вниз и увлечь за собой всех остальных.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Гай.

К моему неописуемому удивлению, Адам ответил ему:

— Я думал, что могу привести людей к Богу и этим докажу, что я спасен.

— Но ведь не каждый спасенный может быть вестником Господа, — сказал Гай, обвел рукой толпу и добавил: — Взгляни на них. Ты недостаточно силен, чтобы обратить это сборище язычников. Тут нечего стыдиться.

Адам заплакал и медленно опустился на колени. На стоявших внизу людей с шуршанием посыпалась древняя известка. Барак и Пирс медленно присели рядом с мальчиком, подняли его на ноги и осторожно повели обратно, по направлению к воротам. Дойдя до надстройки, они помогли

ему влезть в окно. Гай забрался туда последним.

Боннер хрустнул пальцами и направился к воротам, охранники двинулись следом, а за ними, чуть поколебавшись, пошли и Дэниел с Минни. Мифон явно не знал, что предпринять. Постояв в нерешительности, он попятился и растворился в толпе. Я смотрел, как он ретируется. Что это — трусость или понимание того, что его присутствие только распалит Боннера?

И тут я напрягся. Я почувствовал, что кто-то наблюдает за мной, и краем глаза на мгновение выхватил из толпы человека с бородой и в коричневом дублете. В ту же секунду он развернулся и нырнул в толпу. Сердце колотилось как безумное. Неужели это опять он и снова следит за мной? Ноги словно вросли в землю. Я понимал: беспокойство за Адама притупило мою бдительность.

— Мастер Шардлейк, пожалуйста, помогите нам! — донесся до моего слуха голос Минни Кайт.

Я обернулся.

Из сторожки ворот на улицу вышел Адам. Гай и Барак поддерживали его под руки, поскольку мальчик вновь пытался броситься на землю. Его глаза были закрыты, губы шевелились в безмолвной молитве. Следом за ними появился привратник, боязливо поглядывая на епископа. Боннер, подбоченясь, преградил путь Адаму.

— Вот это зрелище! — загремел он. — Ты что это удумал, мальчишка?

Адам не обращал на него внимания. Уставившись в землю, он продолжал молиться даже сейчас. Боннер побагровел.

— Лучше отвечай, юный любитель молиться, а не то вмиг окажешься на костре, как Мекинс!

— Я понятия не имею, как он туда забрался, сэр, — принялся оправдываться привратник. — Наверное, через дом пролез. Клянусь вам, сэр, он то ли колдун какой, то ли умеет делаться невидимым.

Боннер фыркнул.

— Раб римской блудницы! — раздался крик из толпы.

Боннер сердито оглянулся.

— Предатель! — послышался новый выкрик.

По толпе пробежал одобрителный ропот, а солдаты крепче сжали свои пики. Атмосфера накалялась.

Дэниел и Минни стояли, беспомощно наблюдая эту сцену. Когда Дэниел переводил взгляд на Боннера, на его лице появлялась смесь страха и отвращения. Минни, однако, шагнула вперед, упала перед Боннером на

колени и вцепилась в полу его сутаны.

— Умоляю вас, сэр! — лихорадочно заговорила она. — Мой сын сумасшедший. Он повредился в уме. И Тайный совет отправил его в Бедлам. Он, должно быть, сбежал оттуда. Хотя мозги у него набекрень, он может быть хитрым.

Эта страстная тирада нисколько не тронула Боннера.

— Я слышал об этом решении совета. Архиепископ Кранмер говорил мне. Но то, что устроил ваш сын здесь, свидетельствует о том, что он закоренелый еретик.

Боннер обвел взглядом стоявших вокруг.

— Я скоро устрою вам такую веселую жизнь, что вы сами захотите, чтобы Господь поскорее прибрал вас.

Он снова перевел взгляд на Адама, и на его лице появилось брезгливое выражение.

— А начну я, пожалуй, с этого жалкого существа.

Проговорив все это, церковник снова обвел взглядом толпу. Чего-чего, а храбрости епископу Боннеру было не занимать.

Я набрал в грудь воздуха и выступил вперед.

— Сэр, мальчик ненормальный, — взволнованно проговорил я и махнул рукой Гаю. — Этот человек — врач, он подтвердит мои слова. Я был неудовлетворен условиями содержания мальчика в Бедламе, уходом за ним. В ближайшее время по этому вопросу состоятся слушания в суде прошений.

Я говорил громко, чтобы меня слышала толпа, в которой все это время нарастал ропот недовольства. Боннер с любопытством посмотрел на Гая.

— Так вы и есть тот самый доктор Мал тон, — проговорил он. — Бывший монах. Я слышал о вас.

— Да, милорд, так меня зовут.

— Я также слышал, что вы известная фигура в мире врачевания, — продолжал Боннер. — Зачем вы связались с этими еретиками?

Гай мобилизовал все свои дипломатические способности.

— Тайный совет решил, что он сумасшедший, а не еретик, милорд. Я тоже думаю, что он психически болен, и надеюсь, что его можно вылечить. Наставить на путь истинный, — многозначительно добавил он.

Один из солдат взглянул на волнующуюся толпу, шагнул к Боннеру и прошептал что-то ему на ухо. Тот снова посмотрел на зевак и повернулся ко мне и Гаю.

— Ладно, — сказал он, — но я требую, чтобы меня держали в курсе того, как продвигается лечение.

Епископ уставился на меня.

— Что до вас, адвокат, проследите за тем, чтобы его посадили под замок и как следует за ним присматривали. В следующий раз я не буду таким добреньким.

Он резко кивнул мне, развернулся и пошел прочь. Солдаты потянулись за ним.

— Молодец! — шепнул я Гаю, но тот наградил меня угрюмым взглядом.

— Я думаю, Боннер понял: если он отправит на костер мальчишку, которого врач признал сумасшедшим, на него ополчится весь Лондон. Начнется буча похуже той, какая поднялась после сожжения Мекинса. Но Боннер не забудет того, что произошло сегодня. Адама действительно нужно посадить под три замка и присматривать за ним в оба глаза.

— Мы что же, отправим его обратно в Бедлам? — спросил Барак.

— Да. Идемте. Тут недалеко. Послушаем, что скажет нам смотритель Шоумс, — мрачно добавил я.

Пирс, стоявший где-то сзади во время нашего разговора с Боннером, вышел вперед и взял Адама под руку, Барак — под другую, и мы пошли. Толпа смотрела нам вслед, жалея о том, что веселье так быстро закончилось. Дэниел и Минни следовали за нами. Они даже не попытались поговорить с сыном, поскольку знали, что из этого ничего не выйдет.

Длинное приземистое здание, в котором помещался Бедлам, смотрело на мир своим невзрачным фасадом. На мой стук дверь открыла Эллен. Без чепца, с разметавшимися темными волосами, она смотрела на меня испуганным взглядом, но, увидев Адама, вздохнула с облегчением.

— Слава Всевышнему, он с вами! Где же он был?

— Молился за жителей города с Лондонской стены.

Из гостиной высунулись головы нескольких любопытных, включая женщину, которая демонстрировала свои прелести во время моего последнего визита сюда.

— Господи Иисусе! — Эллен в изнеможении прислонилась к стене. — Я так и знала, что Адам устроит еще какое-нибудь представление.

— Где Шоумс?

— Его нет, сэр. Я тут одна с пациентами. Один помощник смотрителя болен, второй уехал к родне в Кент. Мастер Шоумс сказал, что ему нужно отлучиться, и забрал с собой нашего третьего смотрителя, Лимана. Мне нужно было присматривать за тремя десятками больных. Я думала, что Адам никуда не может деться, я думала, что он прикован цепью. Он,

наверное, выбрался через окно. Я пришла к нему, а его нет...

— Давайте заглянем в его палату.

Барак и Пирс поволокли Адама, который по-прежнему висел на их руках мертвым грузом, к открытой двери его палаты. Минни, Дэниел и Гай пошли за ними. Я повернулся к Эллен.

— Итак, Шоумс оставил вас одну?

— Да, сэр. — Поколебавшись, она торопливо добавила: — Я думаю, он поступил так специально. По-моему, он нарочно оставил Адама не прикованным, чтобы тот сбежал. Ключи от цепей есть только у Шоумса.

— Когда вы обнаружили, что Адама нет?

— Час назад.

— Но разве вы не подняли тревогу?

Я наморщил лоб, размышляя. Почему Эллен, такой добросовестный человек, ничего не предприняла в чрезвычайной ситуации?

Женщина покраснела и потупилась.

— Мне нельзя выходить, сэр.

Жестом, полным отчаяния, она сплела руки.

— Я не знала, что делать. Другие пациенты были напуганы. Шоумс, как мне кажется, хотел, чтобы Адама поймали и расправились с ним как с еретиком. Смотритель мечтает избавиться от него. А меня обвинили бы в том, что я недосмотрела за пациентом. О, он жестокий, злой человек...

— Но почему, Эллен? Когда вы сказали мне, что никогда не сможете покинуть Бедлам, мне и в голову не пришло, что вы не можете даже выйти из здания. Почему?

— Не спрашивайте меня об этом, сэр.

Она посмотрела на меня таким жалким, умоляющим взглядом, что я начал думать: а может, эта женщина и вправду сделала что-то ужасное и по приговору суда должна всю оставшуюся жизнь провести в этих стенах? Но в таком случае почему ей позволяют выполнять обязанности смотрителя?

Распахнулась дверь, и вошли Шоумс и второй смотритель. На губах Шоумса зазмеилась гаденькая улыбка.

— Добрый день, мастер адвокат. Как поживает ваш подопечный?

— Жив-здоров и находится в своей палате, — мрачно ответил я. — А с ним его родители и его врач.

— О... — Лицо Шоумса вытянулось.

— Он сумел сбежать, как вы и планировали, но мы доставили его обратно в целости и сохранности.

Я подошел вплотную к главному смотрителю.

— Ну вот что, сэр, слушайте меня очень внимательно. Ваш жестокий

план позволить Адаму бежать, а потом обвинить в случившемся эту бедную женщину разоблачен. Если что-нибудь подобное случится в будущем, я расскажу обо всем архиепископу Кранмеру.

Глаза Шоумса округлились.

— Да-да, я работаю на него. Вы понимаете, что это значит?

Шоумс посмотрел на меня диким взглядом.

— Я не знаю, как ему удалось выбраться, — пробормотал он.

Второй зритель попятился, и его словно корова языком слизнула.

— Вы зверь, зверь!

Это был голос Минни. Она и Дэниел появились на пороге палаты Адама. Позади них я увидел угрюмого Барака, но Пирс, стоявший рядом с ним, лучезарно улыбался. Казалось, он наслаждался происходящим.

— Так что намотайте себе на ус, господин зритель: больше — никаких фокусов! И не вздумайте взваливать вину на нее.

Я бросил быстрый взгляд на Эллен.

— Не знаю, чем вы удерживаете здесь эту женщину и почему она не может отсюда выходить, но превратить ее в козла отпущения я вам не позволю.

Шоумс гортанно хохотнул.

— Я ее удерживаю? Это она вам сказала?

— Она мне ничего не говорила.

— Готов побиться об заклад, что не говорила.

Он снова засмеялся, бросил на Эллен взгляд, полный злого веселья, и повернулся к пациентам, выглядывавшим из двери гостиной.

— Эй вы, там! Убирайтесь! Хватит зрелищ на сегодня!

Больные испуганно попрятались, а Эллен прошмыгнула мимо меня и взлетела по ступенькам на второй этаж.

С тяжелым вздохом я повернулся к Дэниелу и Минни, стоявшим у двери в палату Адама.

— Доктор попросил нас выйти, пока он пытается поговорить с Адамом, — объяснил Дэниел. — Как вы думаете, нам больше не на что надеяться? Особенно теперь, когда на него ополчился сам Боннер?

Казалось, что от горя этот крупный человек съежился.

— Да простит меня Господь, но там, у стены, мне почти хотелось, чтобы Адам упал и разбился, чтобы на этом закончились все его мучения.

— Нет, Дэниел, нет! — вспыхнула Минни. — Это же наш сын!

— Даже преподобный Мифон покинул нас.

— Я не покину, — пообещал я.

Каменотес кивнул, но его могучие плечи по-прежнему оставались

поникишими. Вновь появился Шоумс, позвякивая большой связкой ключей.

— Его лучше снова приковать цепями, — кислым тоном проговорил он.

— Это необходимо, сэр? — обратилась ко мне Минни.

— Боюсь, что да, если мы не хотим, чтобы он снова сбежал.

Шоумс вошел в палату. Послышалось металлическое звяканье, а потом в коридор вышли смотритель, Барак и Пирс.

— Мы покидаем вас, — сказал Барак. — Да и вам нужно домой, у вас — рука...

— Да. Мы поищем этих... этих людей завтра.

Я тщательно подбирал слова, ощущая на себе пристальный взгляд Пирса. Мне вдруг подумалось, что этот парень похож на птицу, хищную любопытную птицу в обманчиво-ярком оперении.

Они вышли, причем Барак шел быстро и не оглядываясь, словно избегая компании подмастерья.

В больничной палате Гай стоял на коленях лицом к лицу с Адамом, который вновь забился в угол. Каким-то чудесным образом ему опять удалось наладить контакт с мальчиком, и он говорил с ним ласковым шепотом:

— Неужели ты и впрямь думаешь, что, если тебе удастся обратить других людей, твоя душа будет спасена?

— Да, — тоже шепотом ответил мальчик. — Но я ошибался. Как я могу спасти их, если сам не спасен?

— То, что ты не спасен, тебе сказал темный ангел. Когда это случилось?

— Это было во сне. После того, как я согрешил.

— Как ты согрешил?

— Нет! — Адам крепко зажмурился. — Нет! Я грешил по-всякому! Нет!

— Успокойся, все хорошо.

Гай положил руку ему на плечо.

— Ты устал, Адам. Ты сегодня и бегал, и по стенам лазал...

— Усталость — ничто, — пробормотал Адам. — Я должен молиться.

— Но усталость мешает сосредоточиться. А разве можно, не сосредоточившись, молиться или говорить с Богом? Иногда, чтобы услышать его, требуется много сил. А если бы ты упал со стены? Ты бы уже никогда не смог молиться.

— Мне было страшно. Я чувствовал, что могу упасть. А до земли

было так далеко...

Впервые я услышал от Адама три связные фразы, касавшиеся реального мира. У него даже прояснилось лицо, и он стал похож на обычного, пусть и испуганного, мальчика.

— Мне тоже было страшно, когда я забрался наверх, — сказал Гай. — Сделаешь шаг по стене, и тут же голова начинает кружиться.

К моему изумлению, на губах мальчика появилась слабая улыбка.

— Ага, точно.

Он снова нахмурился, будто о чем-то вспомнил.

— Я должен молиться, — сказал он.

— Нет, сейчас не надо. Ты слишком устал. Поспишь, покушаешь, а там, глядишь, и молитвы лучше пойдут. К Богу нельзя обращаться уставшим и слабым.

Гай подался вперед, сверля Адама своими карими глазами.

— Для того чтобы спасти душу, еще есть время. А сейчас — спи... Спи... Твои глаза закрываются.

Веки мальчика опустились.

— Глаза закрываются. Спи. Спи.

Гай обхватил мальчика за плечи и осторожно уложил на пол. Адам не сопротивлялся. Он уже спал. Гай встал, его суставы хрустнули. Адам не пошевелился.

— Это было потрясающе, — восхищенно проговорил я.

— Это было просто, — откликнулся Гай.

Он выглядел уставшим до изнеможения. Словно угадав мои мысли, он посмотрел на меня и сказал:

— Ты тоже выглядишь до смерти уставшим, Мэтью. И бледным. Как твоя рука?

— Ноет. Мне нужно к Дэниелу и Минни...

Гай положил руку мне на плечо.

— Я беспокоюсь за тебя, Мэтью. Все это скверно сказывается на тебе. Я имею в виду... то, другое дело.

— Он был там, Гай. Сегодня, в толпе. Убийца. Я видел его всего лишь мгновение, да и то краем глаза, но это был он. Я знаю. Он насмехается надо мной, а я слишком слаб для всего этого.

Мне хотелось взорваться от злости.

— Нет, ты его достанешь. Уж я-то тебя знаю.

В голосе Гая слышались успокаивающие нотки, и одновременно с этим он был каким-то безжизненным. Мой друг выглядел печальным.

— Завтра во второй половине дня хоронят Роджера. Дороти сообщила

мне об этом в записке.

— Тебе следует пойти домой, Мэтью. Твоей руке нужен отдых.

— Сам знаю. И все же я боюсь, что скоро он может нанести новый удар.

Я помолчал.

— Это действительно плохо действует на меня, в отличие от Харснета, который уверен в том, что мы имеем дело с одержимым, и от Барака, который никогда прежде не сталкивался ни с чем подобным и до смерти боится узнать истину. Именно ужас всего происходящего пронизывает меня до костей. А ведь до того, как погиб Роджер, я был совершенно доволен. Доволен всем, впервые за много лет. А теперь...

Я растерянно покрутил головой.

— Мне кажется, ты прав относительно того, что он собой представляет, Гай. Наверное, это действительно какая-то странная и ужасная разновидность безумия.

Я посмотрел на Гая.

— Ты, должно быть, перенес когда-то страшные страдания, если взялся за изучение столь странных и ужасных недугов.

— Это так. Я уже говорил тебе. И все же я не жалею о своих исследованиях, наблюдениях и попытках понять скрытые механизмы этих заболеваний. Книги по медицине, если изучать врачевание только с их помощью, могут завести в тупик. Как и Библия, окажись она не в тех руках.

— По-твоему, ты разобрался в том, что движет убийцей?

Гай отрицательно покачал головой.

— Нет. Тут все слишком темно, слишком запутанно. Адама я надеюсь со временем понять, но этого человека — нет.

И вновь я уловил на его худом лице отражение какой-то душевной боли.

— Ты и сейчас страдаешь.

— Мы все страдаем, Мэтью. С Божьей помощью каждый из нас должен найти свой путь.

Он выдавил из себя улыбку.

— Юный Пирс сегодня проявил себя настоящим молодцом, тебе не кажется? Сам вызвался лезть на стену с Баракком. Вот видишь, ты был о нем неверного мнения.

— Я видел, как он улыбался, когда Минни Кайт набросилась на Шоумса. Он не тот человек, в которого тебе стоит вкладывать душу.

— Со временем он научится состраданию.

Я не стал спорить, хотя и сомневался в правоте друга. Но при этом я

думал, что в мире, где осталось так мало надежды, нельзя осуждать человека за то, что ему хочется верить в хорошее.

Глава 21

Когда я покинул Бедлам, уже вечерело. Раненая рука болела, я неимоверно устал и был голоден, поскольку с самого завтрака у меня не было во рту и маковой росинки. Домой я вернулся на закате. В гостиной ждал Барак, и мне потребовалось несколько секунд, чтобы справиться с удивлением. Наконец я вспомнил, что они с Тамазин временно переехали ко мне.

— Харснет прислал письмо, — сообщил Барак. — Он все еще пытается вычислить Годдарда и просит встретиться завтра вечером, чтобы мы рассказали о результатах наших бесед с двумя бывшими монахами. Он будет присутствовать на открытии после ремонта церкви, с которой упал шпиль. Это церковь Святой Агаты, она расположена вниз по реке.

— Наверняка какой-то радикалистский приход.

— Так оно и есть. Когда я работал на лорда Кромвеля, он частенько захаживал туда. Тамошнего vicar зовут Томас Ярингтон. Мы его видели сегодня.

— Разве?

— Да, это тот седой священник, который был с Мифоном. Тот, что юркнул в толпу, когда появился Боннер.

— А, этот...

— Харснет сообщает, что лорд Томас Сеймур тоже там будет. — Барак передал мне записку. — Харснет также приглашает вас отужинать с ним.

Записка была короткой.

— Хорошо, — сказал я, — экс-монахов мы навестим завтра после суда. Утром слушается дело, и я должен присутствовать, но у меня будет свободное время до пяти часов вечера. В пять хоронят Роджера.

— Где его похоронят?

— При церкви Сент-Брайд. Все будет очень скромно: только друзья и родственники. Сэмюель, наверное, уже приехал.

Я потер больную руку.

— Мы с тобой сначала можем посетить экс-монаха, живущего в Вестминстере, а потом отправиться к другому. Кстати, где он обитает?

— На Чартерхаус, за Смитфилдским рынком. Это Локли, послушник.

— Мне нужно перекусить и поспать. Как Тамазин?

— Спит. Целый день маялась из-за выбитого зуба. Завтра пойдет к зубодеру.

— Отправляйся к ней. Увидимся завтра утром.

Я пошел на кухню в поисках чего-нибудь съестного. Джоан готовила похлебку и выглядела более уставшей, чем обычно. Я снова почувствовал укол совести из-за того, что так и не нанял для нее помощницу по хозяйству. Моя зашитая и забинтованная рука была спрятана под дублетом. Я не хотел беспокоить женщину еще больше.

— Я принесу вам поесть чего-нибудь холодного, сэр, — сказала она.

В буфетной я увидел Орра, человека Харснета, и мальчика-прислужника. Они сидели за столом, а перед ними лежала какая-то маленькая открытая книжка.

— Он учит Питера читать, — сказал я.

— Да, но они читают всякую библейскую дребедень. Мальчику от этого будут сниться кошмары.

Я пошел к себе в спальню и выглянул в окно. Стоял чудесный весенний вечер, на лужайке под окном распускался живописный ковер из крокусов и нарциссов. Это был другой мир, не имеющий ничего общего с болью и ужасом, окружавшими меня. А ночью мне приснился странный сон — будто кто-то дергает и выкручивает мою раненую руку. Оглянувшись, я увидел, что это Билкнэп. Он выглядел больным и изможденным.

«Ты мог помочь мне, — жалобно проговорил он. — Ты мог помочь мне».

На следующее утро мы с Бараком поехали в Вестминстер. Сидя на лошади, я чувствовал себя увереннее, поскольку находился выше толпы и мог наблюдать за ней. Рука все еще болела, но не так сильно, как накануне. Я был вынужден признать, что Пирс заштопал меня на совесть. Барак за завтраком был необычно тихим, а Тамазин так и не вышла из спальни.

— С твоей стороны было смелым поступком забраться вчера на Лондонскую стену, — сказал я.

— Я опасался, что юный Кайт начнет мочиться на собравшихся внизу людей, и те разорвут нас в клочья.

— Его умопомешательство совсем иного рода.

— Кто знает, чего ждать от психа!

Я посмотрел на Барака.

— А знаешь, ведь наш убийца был там. Я мельком увидел его в толпе, когда ты находился в сторожке ворот.

— И что вы увидели?

— Увидел, как мелькнул коричневый дублет. Мне показалось, что

мужчина был высоким.

— Вероятно, вам просто почудилось.

— Нет, вряд ли. Я почувствовал его. Он будто поставил на мне какую-то метку.

Некоторое время Барак молчал.

— Не думаете ли вы, что он прикидывается сектантом, появляясь там, где собираются радикалисты? — спросил он.

— Вот-вот, и узнает на этих сборищах имена тех, кого, по его мнению, нужно убить. Ведь радикалисты в разговорах между собой наверняка обсуждают и проклинают тех, кого считают отступниками.

Утро я провел в суде, а потом мы с Баракосм оседлали наших лошадей и поехали по узким, запруженным людьми улочкам Вестминстера. Ко мне кинулся нищий, и я вздрогнул — не столько от неожиданности, сколько от испуга.

— Прочь с дороги! — крикнул Барак и, обратившись ко мне, добавил: — Все в порядке, я заранее приметил его.

— Какая горькая ирония, — невесело усмехнулся я. — Раньше я старался не смотреть на нищих, а теперь буду вынужден выискивать их в толпе.

Мы въехали в южную часть территории бывшего монастыря, где повсю кипела работа. Барак смотрел на окружающие нас постройки.

— В записях говорится, что он живет за Смитфилдским рынком, на той же улице, на которой расположена гостиница «Белый дуб». Видите? Вон она.

Он указал на маленький двухэтажный домик в довольно скверном состоянии, о чем свидетельствовала осыпавшаяся с фасада штукатурка. На дальней стороне дома находились большие двойные двери — закрытые и, по всей видимости, запертые. Над ними было намалевано выцветшими буквами:

«ЭДРИАН КАНТРЕЛЛ, ПЛОТНИК».

— Я думал, что бывшим монахам церковь предоставляет не только пенсии, но и жилье, — глубокомысленно проговорил Барак. — Похоже, ни тот ни другой не воспользовались этой привилегией.

— Локли был всего лишь послушником, ему не полагалось никаких привилегий. А вот Кантреллу — да. Очень немногие отказывались от этих льгот.

— Может, он нашел себе жену с домом?

Мы пересекли грязную улицу, и я постучал в дверь. Ответа не последовало, и я уже собирался постучать во второй раз, когда до слуха донесся звук шаркающих шагов. Дверь открылась, и взгляду предстал костлявый мужчина лет под тридцать, с худым лицом в обрамлении шевелюры соломенного цвета. Он был одет в потертую кожаную куртку поверх грязной рубахи. На носу красовались очки с такими толстыми стеклами, что его глаза казались большими голубыми лужицами.

— Это вы Чарльз Кантрелл? — спросил я.

— Ага.

Я приветливо улыбнулся, желая расположить к себе бывшего монаха.

— Я пришел к вам по поручению помощника королевского коронера. Возможно, вы сумеете нам помочь, ответив на некоторые вопросы. Мы можем войти?

— Входите, если угодно.

Молодой человек впустил нас в дом, где пахло грязью и какой-то кислятиной, и провел по темному коридору в гостиную. Из мебели здесь был только стол, сколоченный из досок, и грубые стулья. За грязным окном виднелся садик с маленьким огородом, заросшим сорняками, и сарай, в котором, вероятно, хранились инструменты молодого Кантрелла. Я заметил, что при ходьбе ладонь Кантрелла скользила по стене, словно он боялся сбиться с пути. Он жестом предложил нам сесть и уселся сам лицом к нам, сгорбленный и понурый.

— Насколько мне известно, — начал я, — вы были ассистентом в монастырской больнице до закрытия монастыря. Нам нужна любая информация о вашем бывшем начальнике, докторе Годдарде.

Кантрелл скривился в гримасе неудовольствия и спросил:

— А он что, помер?

На его лице появилось что-то, напоминающее любопытство.

— Нет, но нам необходимо найти его, чтобы кое-что прояснить. Возможно, вы знаете, где он находится?

Кантрелл скептически усмехнулся.

— Можно подумать, он мне письма пишет! Он и раньше-то обращался со мной как с вошью. Я расстроился, когда три года назад монастырь прикрыли, и радовало меня только то, что я больше никогда не увижу Годдарда.

Кантрелл помолчал и задал неожиданный вопрос:

— Он что, загубил пациента? Это был бы не первый случай.

Мои глаза округлились от удивления.

— Что? Что вы имеете в виду?

Кантрелл передернул плечами.

— Годдард был настоящей дрянью. Своим поганым лечением он раньше срока отправил на тот свет двоих, — добавил молодой человек после короткой паузы.

— Вы это точно знаете?

Кантрелл снова пожал плечами.

— Я ничего не мог поделать. Аббат Бенсон меня и слушать не хотел. Кроме того, вы не знаете Годдарда.

— Вы его боялись? — спросил Барак.

— Говорю же, вы не знаете, что это за человек.

Парень сглотнул, и под кожей на его горле прокатился большущий кадык, о котором упоминал настоятель Бенсон. Кантрелл облизнул губы, продемонстрировав серые зубы.

— Мы говорили с аббатом Бенсоном, — сообщил я, — и он сказал, что Годдард сделал для вас очки. У вас проблемы со зрением?

— Да, он действительно сделал мне очки, но лишь потому, что я был ему полезен.

В голосе Кантрелла я уловил горькие нотки, но выражения его лица понять не мог. С толку сбивали две расплывчатые голубые лужицы за толстыми линзами очков.

— Ему не хотелось взваливать на себя обузу и заново учить кого-то другого, если я не смогу работать, — продолжал молодой человек. — Тем более что аббатство со дня на день должны были прикрыть.

— Как долго вы были монахом?

— Я принял послушничество еще до того, как мне исполнилось шестнадцать. В обитель меня привел отец, поскольку он плотничал для монастыря. А чтобы я работал у него, он не хотел. Говорил, что я неумеха криворукий.

Голос Кантрелла звучал монотонным речитативом.

— Это, конечно, из-за моих глаз.

— Как случилось, что вы стали работать в монастырской больнице?

Он пожал плечами.

— Годдарду был нужен ученик, а я был единственным молодым монахом. Я не возражал. Решил, что это интереснее, чем переписывать старые тексты, а именно этим я тогда занимался. После закрытия монастыря все эти рукописи, естественно, сожгли.

Он горько усмехнулся.

— Вы скучаете по той жизни?

Кантрелл уже в который раз пожал плечами.

— Она мне нравилась. Ведь я верил всему, что они говорили о нашем служении Богу. А теперь те же люди твердят, что все это было неправдой. Служить заупокойные по мертвым, говорят они, так же бесполезно, как кидать солому против ветра.

Он помолчал.

— Мир перевернулся с ног на голову. Вам так не кажется, сэр?

— Расскажите мне про доктора Годдарда, — попросил я. — Вы сказали, что он убил двух пациентов. Каким образом?

— А у меня из-за этого не будет неприятностей? — насторожился Кантрелл.

— Будут, если вы не ответите, — с грозным видом пообещал Барак.

Собравшись с мыслями, Кантрелл принялся рассказывать:

— Доктор Годдард был очень нетерпелив. Иногда он выписывал лекарства в таких лошадиных дозах, что я боялся, как бы пациент не помер. Был у нас один старый монах. Так вот, как-то раз он свалился с лестницы и здорово разбил руку. Так разбил, что ее нужно было отрезать. Доктор Годдард обычно делал операции сам, поскольку приглашать брадобрея-хирурга со стороны было слишком накладно. Перед тем как резать, Годдард дал монаху снотворного снадобья. Во время операции монах спал, и все вроде было нормально, да вот только потом он так и не проснулся. Годдард сказал, что, наверное, переусердствовал с дозой. А еще сказал, что, может, оно и к лучшему, поскольку больше никогда не придется выслушивать его скрипучее нытье.

— Это снадобье называлось двейл?

— Да, сэр, — ответил Кантрелл, удивленный тем, что мне известны такие вещи.

— Если вы видели, как доктор отправляет на тот свет пациентов, то почему никому ничего не сказали?

Кантрелл неловко поерзал на стуле.

— У меня не было уверенности, сэр, ведь я же не врач. Тем более что, если бы я кому-то пожаловался, Годдард наверняка бы отговорился, а у меня были бы неприятности. Вы не представляете, какой это человек! Иногда он глядел на меня так, как человек глядит на жука, ползущего по столу. Бывали случаи, когда я работал молча, поскольку Годдард не любил разговаривать с теми, кто ниже его по рангу, а он вдруг как набросится на меня, причем из-за какого-то пустяка, из-за сущей мелочи.

Кантрелл грустно усмехнулся.

— Я думаю, он делал это лишь для того, чтобы напугать меня.

Бывший монах умолк, а затем поднял на меня глаза и спросил:

— Так что же он натворил, сэр?

— Боюсь, этого я сказать не могу. Как ваше зрение? По-прежнему слабое?

— Я даже в очках едва вижу. Говорят, теперь и король носит очки. Готов биться об заклад, что он видит лучше моего.

Кантрелл еще сильнее ссутулился.

— Когда монастырь закрыли, я вернулся к отцу и стал помогать ему в работе, но от меня было мало проку, а после того, как он умер, я и вовсе забросил это занятие.

Он взглянул на дверь во внутренние помещения.

— Там располагалась его мастерская. Не хотите взглянуть?

Мы с Бараком переглянулись, и он пожал плечами. Я встал.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз. Благодарю вас за помощь. Если вы вспомните что-нибудь важное, все, что угодно, меня можно найти в Линкольнс-Инн.

Поколебавшись, я добавил:

— Очень жаль, что у вас такие проблемы со зрением. Вы показывались врачу?

— С этим никто ничего не может поделать, — бесцветным голосом ответил он. — Со временем я ослепну.

— У меня есть один знакомый...

— Я не верю врачам, сэр. — Его рот скривился в саркастической ухмылке. — После работы под началом доктора Годдарда... В общем, сами понимаете.

Когда мы вышли, Барак сказал:

— Вы готовы отправить к старому мавру даже воробья, который свалится с дерева.

Я рассмеялся. И почти сразу же Барак прикоснулся к моей руке.

— Посмотрите вон туда. Видите: та старая женщина машет нам.

На противоположной стороне улицы пожилая женщина вполне респектабельного вида, в белом чепце, держа в одной руке корзину с тушками двух кроликов, призывно махала нам. Мы подошли, и она ощупала нас цепким взглядом.

— Вы были у Чарли Кантрелла? — осведомилась женщина.

— А вам-то что? — не очень любезно спросил Барак.

— У него какие-то неприятности?

— Нет, он ответил на наши вопросы и таким образом помог в одном юридическом деле, вот и все.

— Бедный мальчик. Думаю, он перебивается с хлеба на воду. Его отец умер в прошлом году, и Чарли унаследовал его дом и мастерскую. Я была дружна с его батюшкой. Но Чарли с его зрением не может плотничать, поэтому вынужден обходиться одной только монашеской пенсией.

Она перевела взгляд с Барака на меня и обратно, ожидая услышать какие-нибудь новости, о которых потом можно было бы всласть посплетничать.

— Вы живете поблизости, добрая женщина? — спросил я.

— Через пять домов отсюда. Я предлагала Чарли помощь в уборке. У него в доме ужасная грязь, а чтобы нанять кого-то, нет денег, но он отказался. По-моему, он просто постыдился пускать меня внутрь.

— Действительно, бедный мальчик.

Я смотрел на кумушку ничего не выражающим взглядом, и, поняв, что ей из нас ничего больше не вытянуть, женщина развернулась и вразвалку пошла восвояси. Мертвые головы кроликов, свисавшие из корзины, болтались из стороны в сторону.

— Настырная старая сплетница, — процедил Барак.

— Похоже, молодой Кантрелл не входит в число тех, кто зажил припеваючи в результате закрытия монастырей.

— Бедный дурачок. Вряд ли нам удалось бы выжать из него больше, чем он сказал, даже если бы он лучше видел.

— Да, но ясно одно: Годдарда он ненавидит всей душой.

— Нам осталось только найти этого самого Годдарда.

Я вздохнул.

— Поглядим, что нам расскажет его второй помощник.

Глава 22

Путь к Смитфилдскому рынку лежал через сельскую местность, которая возвращалась к жизни после долгой зимы. Скот, несколько месяцев простоявший в тесных загонах, уже пасся на лугах, мужчины пахали, а женщины медленно шли между парами мохноногих лошадей и бросали в землю пригоршни зерна из мешков, висевших у каждой на поясе. Я думал о том, что может представлять собой Локли. Не часто встретишь бывшего монаха, живущего в таверне и, возможно, управляющего ею. Но после того как тысячи монахов были выброшены на улицу, случилось и не такое.

Наконец мы добрались до широкой площади Смитфилда. День был не рыночный, поэтому временные загоны для скота были разобраны и в виде досок сложены вдоль стен. С одной стороны возвышалась огромная церковь Святого Варфоломея, где три года назад Барак спас мне жизнь во время нашего первого совместного задания. Я обратил внимание на то, что все монастырские здания, возвышавшиеся раньше в окружении высоких стен, снесены. Рядом располагалась пустующая ныне больница, напомнившая мне о мечте, которую лелеял Роджер. До его похорон оставалось всего несколько часов.

Барак повернулся ко мне, кивнул на церковь и спросил:

— Помните?

— Еще бы, — вздохнул я. — Время тогда было такое же опасное, как и сейчас.

Он с сомнением покачал головой.

— Нет, тогда мы имели дело с политиками, а эта публика совершает злодеяния, только имея на то веские основания. Они не убивают людей налево и направо в припадках безумия.

— Чаще всего «вескими основаниями», как ты это называешь, для них являются власть и богатство.

— Что ж, по крайней мере, это можно понять.

Проехав по Чартерхаус-лейн, мы добрались до каменной арки, за которой раскинулся Чартерхаус-сквер. Это был обширный зеленый пустырь, где под сенью деревьев прятались надгробные камни на могилах тех, кого унесла «черная смерть», посетившая город два столетия назад. В центре кладбища высилась старая часовня. Небольшая стайка оборванных попрошаек собралась у ее входа. К северу, за низкой стеной из красного кирпича виднелись постройки бывшего картезианского аббатства

Чартерхаус, монахи которого воспротивились разрыву короля со Святым престолом. Большинство из них были жестоко казнены. Вдохновителем этой расправы, как и многих других, явился лорд Кромвель. Сейчас эти здания использовались как склады, за исключением тех, где разместили капеллу итальянских музыкантов, выписанную из Рима за огромные деньги королем Генрихом.

Как и в других обителях, здешние монахи арендовали землю, превратив ее в монастырскую территорию. На этой стороне площади дома были маленькие и невзрачные, одно- и двухэтажные деревянные постройки, а вот напротив выстроились в ряд красивые здания из кирпича и природного камня. Я слышал, что лучшее из них раньше принадлежало лорду Латимеру, а теперь, соответственно, его вдове, Кэтрин Парр. Я рассматривал большой особняк из красного кирпича, с высокими дымоходами. Это был единственный дом, к которому вела отдельная дорожка. Как раз в этот момент мимо дома галопом проскакал всадник в красной ливрее и, подняв облако пыли, свернул на эту самую дорожку. Может, это очередной посланец короля, приехавший к вдове с уговорами?

Барак вернул меня на грешную землю, указав на вывеску, висевшую на узком и ветхом здании неподалеку.

— Вот куда нам надо. «Зеленый человек».

На вывеске ярко-зеленой краской был намалеван человечек, завернувшийся в виноградные лозы.

Стоило спешиться возле таверны, как нас окружили попрошайки. Возможно, часовня была закрыта, и они решили попытать счастья здесь. Пока мы привязывали лошадей перед входом в таверну, оборванцы тянули к нам худые грязные руки.

— Пошли прочь! — рявкнул на нищих Барак, стряхнув с себя пару рук, успевших вцепиться в его одежду.

После того что случилось в Вестминстере, вид вонючих лохмотьев и немых физиономий произвольно вызывал у нас подозрения. Среди попрошаек было несколько детей.

— Эй ты, поди сюда! — крикнул я парнишке лет десяти. — Постереги лошадей, а я, когда выйду, дам тебе монетку.

— Уж я постерегу. Не сомневайтесь, добрый господин.

В мой рукав вцепилось сразу несколько детских рук.

— Он ни на что не годен! — завопил другой мальчишка. — У-у, лысый Гарри!

— Нет, — сказал я, отпихнув жадные ручонки, — именно он.

Мы постучали в дверь таверны. Послышались шаги, и нам открыла

женщина могучего телосложения, низкая и квадратная. Поверх мятого платья на ней был фартук в жирных пятнах, а на голове — белый чепец, из-под которого неопрятно торчали лохмы черных волос. Но лицо еще сохраняло следы былой красоты, а во взгляде серых глаз угадывался ум и проницательность.

— Мы открываемся в пять, — сообщила женщина.

— Нам не нужна выпивка, — ответил я. — Мы ищем Фрэнсиса Локли. Она окинула нас подозрительным взглядом.

— Что вам от него нужно?

— Это частное дело, — с улыбкой ответил я, — но можете не волноваться: ему ничего не грозит.

После недолгих колебаний женщина произнесла:

— Ну что ж, тогда входите.

С сомнением посмотрев на наши башмаки, на которые, судя по их виду, налипла вся окрестная грязь, женщина велела:

— И не забудьте как следует вытереть ноги. Нечего растаскивать грязь по всему дому. Я только что убралась.

Таверна представляла собой небольшой зал с выбеленными стенами. На выстланном сухим тростником полу были расставлены столы и стулья. Уперев руки в боки, женщина повернулась к нам лицом.

— Вы давали деньги этим попрошайкам? — спросила она. — Обычно в это время они уже уходят на Смитфилдский рынок, а теперь будут отираться здесь полдня. Мне не жалко, что бедняги нашли прибежище в заброшенной часовне, но я не хочу, чтобы они распугивали моих посетителей.

Мне надоело ее брюзжание, и я взял быка за рога.

— Вы тут работаете?

— Я тут хозяйка. Этель Бьюнс, вдова и настоятельница этого прихода, — к вашим услугам, — с сарказмом представилась она.

— Ага, понятно.

— Фрэнсис! — громко крикнула женщина.

Открылась дверь служебного помещения, и из нее выглянул маленький, лысый и жирный человечек с круглым поросычьим лицом. На нем тоже был фартук, а за его спиной я заметил большой чан с грязной водой, в котором плавали деревянные кружки.

— Что, птичка моя? — проворковал он, но, увидев нас, на лице его появилось встревоженное выражение, а и без того заплывшие жиром глаза сузились еще больше.

— Эти джентльмены хотят перекинуться с тобой парой слов. Во что

ты вляпался?

Она засмеялась, но глаза выдавали ее обеспокоенность.

Локли выбрался из подсобки. Он напоминал бочонок, но было видно, что раньше этот толстяк обладал недюжинной силой. Наверное, силенки у него остались и сейчас. Не потому ли хозяйка Бьюнс остановила свой выбор именно на нем? Может, вдова и унаследовала патент на содержание таверны, но ей определенно был нужен мужчина, чтобы справляться с буйными клиентами. И все же во взгляде, который она бросила на Локли, усевшегося на стул возле нее, было что-то похожее на нежность. Тут я понял, почему их так встревожило наше появление: они жили невенчанными, то есть во грехе.

— Нас не интересует ваша личная жизнь, — вежливо объяснил я. — Мы пришли по поручению помощника королевского коронера, и нас интересует местонахождение брата Годдарда из Вестминстерского аббатства.

Мужчина и женщина отреагировали на это известие по-разному. Хозяйка, похоже, испытала облегчение оттого, что никто не собирается обвинять их в богопротивном блуде, Локли же, наоборот, снова сузил глаза и крепко сжал губы. По тому, как вздымалась и опускалась его бочкообразная грудь, я понял, что он тяжело дышит.

— Так вы ищете эту старую сволочь Годдарда? — спросил он.

— Вы его недолюбливаете?

— Он обращался со мной как с дерьмом, и все только потому, что мой отец мыл котлы. Как я сейчас, — добавил он, бросив на вдову многозначительный взгляд.

Она положила широкую ладонь на его руку.

— Ты мне нужен не только для этого, милый.

Я подумал, не попросить ли ее удалиться, но решил, что в этом нет смысла. Локли все равно перескажет ей наш разговор во всех подробностях.

— Насколько мне известно, вы работали под началом доктора Годдарда в лечебнице при аббатстве, — продолжил я. — Помогали ему ухаживать за больными жителями Вестминстера, которые обращались к монахам за помощью.

Вдова тоже сузила глаза, словно подражая своему мужчине.

— Вы, как я погляжу, много чего знаете о Фрэнсисе.

— Мы расспрашиваем всех бывших монахов, которые знали Годдарда, и уже успели поговорить с Кантреллом и нынешним настоятелем собора.

Локли вновь забеспокоился.

— Что они вам сказали? — встревоженно спросил он.

— Эти сведения тайные, — отрезал я.

Локли нервно засмеялся.

— Значит, и с молодым Кантреллом успели потолковать? Вот уж кто натерпелся от Годдарда, так это он.

— Вам известно, где сейчас может находиться Годдард?

Локли помотал головой.

— Я не видел его с тех пор, как мы ушли из аббатства, и видеть не хочу.

— Не помните, куда он тогда отправился?

— Он со мной даже не попрощался. Только велел выгнать на улицу оставшихся пациентов, а ключ от больницы отдать отцу-казначею, что я и сделал.

Поколебавшись, Локли спросил:

— Могу я узнать, зачем он вам понадобился?

— Мы расследуем убийство.

Мужчина вздрогнул и вновь напрягся.

— Чье убийство?

— Это не имеет значения. Лучше скажите, известно ли вам что-нибудь об использовании доктором Годдардом снадобья, называемого двейл?

Правая рука Локли, лежавшая на столе, непроизвольно сжалась в кулак.

— Я знал, что доктор Годдард дает больным какое-то снадобье, когда хочет, чтобы они уснули перед операцией. Но такое бывало только в монастырской больнице. В лечебнице для мирян он на пациентов лекарств не тратил.

Локли пожал плечами.

— Он приходил, осматривал их, давал советы, иногда потчевал какими-то травками или вправлял вывихи. Но в основном уход за больными лежал на мне.

Фрэнсис посмотрел мне в глаза. Он уж успел овладеть собой.

Я медленно кивнул.

— Расскажите еще что-нибудь про доктора Годдарда.

— Он был очень высокого мнения о себе, хотя, осмелюсь сказать, доктора все такие. Мог быть очень прямолинейным и грубым.

Локли подался вперед и сообщил доверительным тоном:

— У него на носу была огромная бородавка. Я таких здоровенных никогда не видел. Если кто-нибудь смотрел на нее, он тут же краснел и пытался прикрыть нос рукой. Это был лучший способ довести его до

белого каления, если, конечно, смелости хватит. После такого он всегда ходил мрачнее тучи.

Толстяк взглянул на Барака и заговорщически ухмыльнулся. Я чувствовал, что он что-то скрывает, но припереть его к стенке не было никакой возможности.

— Кем ты был раньше? — спросил Барак.

— До своего прихода в Вестминстер я был учеником брадобрея-хирурга. В аббатстве я пробыл десять лет, а потом снова работал у брадобрея.

— Понятно, — протянул я. — Молодой Кантрелл тоже не в восторге от Годдарда.

Я пристально посмотрел на Локли, вспомнив, как он всполошился, узнав, что мы уже разговаривали с настоятелем Бенсоном. Но сейчас Фрэнсис снова держал себя в руках.

— Да, Годдард задал этому парню перца. У него был чересчур острый язык. Но с другой стороны, Чарли Кантрелл сам напрашивался на издевки, потому что всегда был размазней.

— Вчера я побывал в здании больницы. Сейчас там, разумеется, пусто. Видно, мрачное было местечко.

— Это точно. Пока я там работал, больница приходила в упадок. Аббат Бенсон хотел, чтобы аббатство закрыли и сровняли с землей. Кромвель хорошо заплатил ему. Дескать, старая папистская церковь прогнила до мозга костей! — с неожиданной злостью заключил Локли.

— Вы, как я погляжу, принадлежите к тем, кто исповедует старую веру?

— Нет. — Локли наморщил лоб. — Но брадобрей-хирург, у которого я работал после закрытия монастыря, был одним из этих фанатиков. Хуже того, они все ходят надутые от самодовольства, поскольку уверены, что держат в руках ключи от рая и ада.

— И поэтому ты пришел ко мне, — встряла вдова Бьюнс, сжимая руку толстяка. — Чтобы обрести покой.

Локли ничего не ответил. Он посмотрел на меня сердитым взглядом.

— А может, такого права нет ни у радикалистов, ни у папистов? Может, оно есть у язычников-турок?

Он горько засмеялся, и я почувствовал какое-то отчаяние и безысходность в душе у этого человека. Что-то мучило его. Вдова Бьюнс снова положила ладонь на его руку.

— Ну не надо, цыпленочек! — предостерегающе сказала она, бросив на нас испуганный взгляд. — Он всегда говорит, не подумав. Ты ведь это не

всерьез, правда?

Внезапно из глубины таверны послышалось громохание, и каменные стены задрожали. Я вздрогнул. Откуда-то снизу послышался звук бегущей воды.

— Что это? — спросил Барак.

Локли слабо улыбнулся.

— Новые посетители всегда пугаются. Они думают, что это дьявол явился по их души. На самом деле мы просто подключены к старой канализации, которую монахи протянули в аббатство Чартерхаус. Монахи во все времена не отказывали себе в удобствах. Труба проходит под нашим подвалом, и к ней подключена большая часть соседних домов, а вода поступает из источников на Ислингтон-филдз.

— Да, — подхватила вдова, радуясь возможности увести разговор подальше от религии, — у нас даже есть собственный туалет. Нечистоты, да и вообще вся грязная вода из таверны стекают через подвал прямоком в канализацию. Вот только все время приходится напоминать сторожу Чартерхауса, чтобы он не забывал открывать сливные ворота под бывшим монастырем, а то вода скапливается и начинает бурлить, вот как сейчас. Он пьяница и постоянно забывает это делать. Там теперь никто не живет за исключением итальянских музыкантов, а с них какой спрос? Глупые иностранцы, вот и все.

Локли вновь сердито посмотрел на меня.

— Этель уже жила здесь, когда Чартерхаус бросил вызов королю и отказался признать его так называемое верховенство.^[25] Приора Хафтона схватили, повесили, выпотрошили и четвертовали на Тайберне,^[26] а потом его руку прибили гвоздями к воротам аббатства. Ты ведь помнишь это, Этель?

— Это было так давно, — с неохотой откликнулась миссис Бьюнс.

— И они еще клянутся в любви к Богу!

Толстое лицо Локли исказила гримаса презрения и боли. Он, так же как и Кантрелл, но по-своему, здорово пострадал от религиозных реформ.

Фрэнсис поднялся со стула.

— Что ж, сэр, мне пора снова приниматься за работу. Извините, если не сумел вам помочь.

Поколебавшись, я тоже встал.

— Спасибо, сэр. Если вспомните что-то, пожалуйста, свяжитесь со мной. Меня зовут мастер Шардлейк, а найти меня можно в Линкольнс-Инн.

— Обязательно.

Он явно испытывал облегчение оттого, что наша беседа закончилась.

— Возможно, мы зайдём к вам ещё раз, — добавил я.

Лицо Локли вытянулось. Он что-то скрывал, я был в этом уверен.

— Я провожу вас.

Миссис Бьюнс встала и дошла с нами до двери. Там она оглянулась, желая убедиться, что Локли не слышит ее, и, понизив голос, торопливо заговорила:

— Не обращайтесь внимания на то, что он болтал про религию, сэр. Фрэнсис привык к жизни в аббатстве, а за его пределами ему пришлось ох как несладко. Особенно он натерпелся от того фанатика, хирурга, у которого работал. Тот силком пытался обратить его в свою веру. Фрэнсис начал выпивать. Приходил сюда каждый вечер и напивался до бесчувствия. Вот тогда-то я и приютила его. Я знаю пьяниц и, глядя на Фрэнсиса, поняла, что любовь и забота могут помочь ему.

Она посмотрела на меня. Ее повелительности как не бывало. Передо мной стояла просто до предела уставшая и ранимая женщина.

— Теперь он не пьет, но часто говорит очень печальные вещи.

— Не волнуйтесь, хозяйка, — поспешил я успокоить ее. — Меня не интересуют религиозные взгляды Фрэнсиса Локли.

— Ему горько оттого, что он превратился в посудомойку, повторил судьбу отца.

Женщина подняла на меня глаза, полные боли.

— Как странно все поворачивается в этом мире, правда, сэр?

От таверны мы ехали в глубокой задумчивости. Наконец Барак нарушил молчание.

— Он что-то скрывал, вам не показалось?

— Показалось, и это связано с Годдардом.

— Я мог бы заставить его заговорить.

— Нет, пускай этим займется Харснет. Сегодня вечером я расскажу ему о разговоре с Локли.

— А женщина, по-моему, ничего не знает.

— Нет. Бедняжка. Вряд ли она видит благодарность за свою заботу о нем.

— Харснет может подвергнуть его допросу с пристрастием.

— Возможно.

Мне не хотелось думать о том, что этому маленькому, разочарованному, обиженному жизнью человечку начнут выламывать руки — ив прямом, и в переносном смысле, — но ему известно что-то важное, и

нам непременно нужно узнать, что именно.

Мы вернулись домой. Я устал, рука болела при каждом движении, и, конечно, надо было бы отдохнуть, но в пять часов состоятся похороны Роджера. Интересно, подумалось мне, каким стал Сэмюель? Когда я видел его в последний раз, он был совсем крохой.

На диване в гостиной, опершись на подушки, полулежала Тамазин. Ее глаза были уже не такими опухшими, но лицо все еще переливалось синяками самых разных расцветок — от лилового до желтого, и губы были разбиты. Она посмотрела на меня измученным взглядом.

— Ну, как ты, дорогая? — с наигранной бодростью спросил Барак.

— Скверно. Все болит, а особенно рот, — неразборчиво произнесла Тамазин.

Я заметил, что за щеками у нее были пропитавшиеся кровью ватные тампоны.

Меня передернуло, и я непроизвольно пошевелил языком, вспомнив муки, которые пережил два года назад во время пыток в Тауэре. Палач, помимо всего прочего, вырвал тогда у меня зуб.

— Пресвятая Дева, до чего же больно!

Барак подошел к жене и обнял ее.

— Могло бы быть хуже, — сказал он. — Этот несчастный зуб находился позади, так что твоя ослепительная улыбка нисколько не пострадала.

— Ага, ну тогда все в порядке, — язвительно отозвалась она.

— Я вовсе не хотел сказать, что...

Тамазин перевела взгляд на меня.

— Вы представляете, что удумал этот негодяй зубодер? Он заявил мне, что вырвать зуб будет стоить пять шиллингов. Я ответила, что это слишком дорого, и тогда он говорит: я, дескать, вообще не возьму с вас денег и сам заплачу вам десять шиллингов, если вы согласитесь на то, чтобы я вырвал вам все зубы. Зубы, говорит, у вас просто замечательные, и из них выйдет отличная вставная челюсть для какой-нибудь богатой дамочки. Вы представляете? Вытаскивает из кармана какую-то деревянную штукюину и пытается снять мерку с моей челюсти. У вас, мол, рот стандартного, самого подходящего размера. Я сказала, чтобы он и думать об этом забыл, и тогда он взялся за работу. Ну разве не бессердечно предлагать мне такое после того, что со мной сделали! Странно, что доктор Малтон порекомендовал именно его.

— Подонок! — выпалил Барак. — Ему повезло, что меня не было рядом!

— Хотя, надо признать, работу он сделал быстро и почти без боли. — Тамазин передернула плечами. — Фу-у! У него был такой страшный вид! Фартук заляпан кровью, а на его ремесленном знаке изображено ожерелье из зубов.

— Вам нужно лечь в постель, Тамазин, — посоветовал я. — И как следует отдохнуть.

— А вы пойдете на похороны мастера Эллиарда, сэр?

— Да, но сначала мне нужно переодеться. Потом я зайду за Дороти, и мы все вместе, в том числе и слуги, отправимся в церковь. Когда я вернусь, Барак, мы перекусим на скорую руку, после чего я пойду к Харснету.

— Я вот тут подумал... — нерешительно заговорил Барак. — Церковь Святой Агаты — это не та ли, с которой пару лет назад свалился шпиль?

— Та самая, но тебе идти со мной необязательно.

Я взглянул на него и многозначительно покосился на Тамазин.

Барак пожал плечами.

— Харснет в своем письме упоминал нас обоих. Возможно, у него есть какие-то поручения и для меня.

Я открыл рот, собираясь возразить, но тут же закрыл его, подумав, что, если я приструню помощника в присутствии его жены, он только разозлится.

— За меня можешь не волноваться, — выдавила Тамазин, и в словах ее явственно прозвучал зловецкий подтекст.

— Вот и ладно, — ответил Барак, — тогда отдыхай.

Я встретился взглядом с Тамазин. Ее глаза пылали негодованием.

Впервые после смерти Роджера Дороти была одета в свое лучшее платье. Одетый в черный дублет, рядом с ней стоял стройный и красивый темноволосый юноша восемнадцати лет. Его сходство с отцом было таким поразительным, что у меня перехватило дыхание. На секунду почудилось, будто Роджер вернулся.

— Сэмюель, — сказала Дороти, — ты не помнишь мастера Шардлейка. Ты был еще совсем маленьким, когда мы переехали в Бристоль.

Молодой человек почтительно поклонился мне.

— Я помню вас, сэр. Вы подарили мне юлу на день рождения. Она была очень яркой, и я подумал, что это настоящее чудо.

Голос у Сэмюеля был тоже в точности такой же, как у Роджера, — чистый и немного резкий. Вот только в его речи явственно звучал характерный акцент: он тянул гласные, как любой житель западных

районов Англии.

— Да-да, — засмеялся я, — я тоже это помню. У тебя хорошая память, ведь тебе тогда исполнилось всего пять лет.

— Доброта не забывается. Вот и сейчас я хочу поблагодарить вас за все, что вы делаете для мамы.

Он положил руку на плечо матери.

— Она мужественно держалась.

— Ну разве Сэмюель не копия Роджера? — со слезами в голосе спросила Дороти.

— Одно лицо, — подтвердил я.

— Это утешает меня. Роджер продолжает жить в моем сыне. Но, Мэтью, ты как-то странно держишь руку. Что-нибудь случилось?

До чего же она наблюдательна!

— Да так, ничего серьезного. Поранился по неосторожности. Ты надолго в Лондон, Сэмюель?

Юноша покачал головой.

— На следующей неделе мне нужно возвращаться в Бристоль. Там будет проходить ярмарка одежды, и я должен на ней присутствовать. Но я надеюсь, что, когда тут... все уладится, мама сможет переехать ко мне.

— О-о...

Мне и в голову не приходило, что Дороти может уехать так скоро, и эта новость обескуражила меня.

— У нас еще есть время подумать об этом, — сказала она. — Тут нужно закончить много дел. Не могу же я оставить все на Мэтью! Хотя все это время он был для меня надежной опорой.

Дороти посмотрела на меня и тепло улыбнулась.

— Помогаю чем могу, — смутился я.

— Представляешь, Мэтью, мой сын помолвлен! С дочерью бристольского торговца. Что ты на это скажешь?

Сэмюель вспыхнул.

— Поздравляю, — только и сказал я.

— Спасибо, сэр. Мы хотим пожениться в следующем году.

В дверь постучали, и вошла Маргарет.

— Гроб привезли, — тихо сообщила она.

Дороти вздрогнула, у нее снова сделался донельзя несчастный вид.

— Я пойду туда, — сказала она.

— Позволь мне, мама, — попросил Сэмюель.

— Нет-нет, я сама.

Она сжала руку сына и вышла из комнаты, оставив нас вдвоем.

Воцарилась неловкое молчание. Тикали часы. Я посмотрел на деревянный фриз, задержав взгляд на том его углу, который нуждался в ремонте, а затем улыбнулся Сэмюелю.

— Есть ли какие-нибудь новости, связанные с вашим расследованием, сэр? — нерешительно спросил он.

Я понимал, что ему приходится непросто. Из-за обрушившейся на них трагедии он в одночасье стал главой семьи, со всеми вытекающими из этого обязанностями.

— Незнание причин, по которым отца убили столь страшным способом, причиняет маме дополнительные страдания. Если бы он погиб, скажем, в результате разбойного нападения, это тоже было бы ужасно, но все же объяснимо, но тот кошмар, свидетельницей которого она стала...

Он обеспокоенно посмотрел на меня.

— И еще вы сказали, что ей может грозить опасность. Почему?

Дороти сдержала данное мне обещание не говорить никому про два других убийства. Она не проронила ни слова даже собственному сыну.

— Я сказал это так, на всякий случай, чтобы она была осторожнее. Что же касается расследования, Сэмюель, то оно продвигается. Пока я не имею права сказать большего, но, если тебе от этого станет легче, могу сообщить: твоего отца убили не потому, что кто-то питал к нему недобрые чувства. Думаю, он привлек внимание... скажем так, сумасшедшего. Можешь передать это и матери.

— Но зачем такая секретность? — сердито спросил юноша. — Это беспокоит маму, хотя она этого и не показывает.

Я собрался с мыслями и медленно заговорил:

— Видишь ли, во всем этом замешана политика. Были и другие убийства, подобные убийству твоего отца, причем одной из жертв стал весьма важный человек. Но его лишили жизни по той же причине, что и твоего папу: его выбрал этот безумец.

— Значит, сумасшедший. — Сэмюель нахмурился. — Да, убить такого хорошего человека, как папа, и впрямь мог только безумец.

— Роджер действительно был хорошим человеком и замечательным другом. Но не донимай меня сейчас расспросами, я и так сказал тебе больше, чем нужно.

Юноша задумчиво кивнул.

— Бедная мама. Они так любили друг друга. — Он нервно усмехнулся. — Иногда я даже чувствовал себя брошенным, потому и остался в Бристоле, приняв решение жить самостоятельно. Но, несмотря на это, я любил папу. Он так много для меня сделал.

Сэмюель внезапно снова превратился в мальчика, покрасневшего от волнения, со слезами на глазах.

— Позаботьтесь о маме, сэр. Она говорит, что вы и Маргарет — ее единственные верные друзья.

— Обязательно, — пообещал я. — Обязательно.

— Мне хотелось бы, чтобы она вернулась вместе со мной в Бристоль, но она ведь такая упрямая.

В дверях появилась Дороти. Она была бледна, но держала себя в руках.

— На улице уже собираются те, кто пришел проводить Роджера в последний путь: его друзья, слуги... Пора и нам.

Я набрал в грудь воздуха и вышел из комнаты следом за Сэмюелем.

Глава 23

Роджера предали земле в мирном уголке старого кладбища при церкви Сент-Брайд. Во время заупокойной службы, когда священник говорил о том, что Господь призвал Роджера к себе, я не мог отделаться от мысли, что Всевышний мог бы подождать еще лет двадцать-тридцать. Я оставил Дороти и Сэмюеля, чтобы они побыли вдвоем, заехал домой за Баракком, и мы отправились на встречу с Харснетом.

Церковь Святой Агаты стояла на улице, ведущей от Темз-стрит к берегу реки. Архитектура этого района была хаотичной. Ветхие развалюхи, в которых жилье сдавалось внаем, постепенно уступали место современным каменным домам. Сама церковь была маленькой и очень старой, но с новой металлической кровлей и гордо возвышающимся над нею шпилем. Я вспомнил историю о том, как два года назад во время грозы этот шпиль обрушился, убив две семьи, проживавшие в соседних домах.

Когда мы добрались до места назначения, уже вечерело, и солнце висело почти над горизонтом. Дома и деревья отбрасывали длинные тени. Улица упиралась в серую ленту реки, где лодочники только что зажгли фонари на своих суденышках. Было время отлива, и я ощутил вонь от гниющего мусора на обнажившихся берегах.

У крытого входа на кладбище было привязано несколько лошадей и стояла группа мужчин в траурных одеяниях. При нашем появлении они повернулись, а один вышел вперед.

— Я могу вам чем-то помочь, джентльмены?

Он был невысоким, с седеющей бородкой, в скромной, но хорошо сшитой одежде и напоминал купца или преуспевающего торговца.

— Мы пришли, чтобы встретиться с коронером Харснетом, — сказал я.

Его лицо сразу же приняло дружелюбное выражение.

— Ах да, он здесь. И сэр Томас Сеймур тоже. Даже лорд Хартфорд почтил нас своим присутствием. — Мужчина буквально светился от гордости. — Они оказали нам великую честь, придя на церемонию открытия нашей церкви. Я церковный староста, Уолтер Финч, к вашим услугам.

Финч подвел нас к своим товарищам.

— Это друзья коронера, — сообщил он, и мужчины приветствовали нас почтительным поклоном.

Мы прошли на церковный двор. У дальней стены, на яме, в которой горел огонь, был установлен вертел с жарившимся маленьким кабанчиком. Ручки вертела вращали два мальчика в фартуках поверх нарядной одежды. Свиной жир капал на большой поддон, и воздух наполнял аромат жареного мяса.

— Гори, Папа, гори! — сказал один мальчик, а второй засмеялся.

Я посмотрел на церковь. Только одно из трех больших окон было витражным, остальные — прозрачными. Финч с улыбкой взглянул на нас.

— Когда два года назад упал шпиль, это стало настоящей трагедией, поскольку пострадала не только кровля, но и внутренние помещения храма. Нам пришлось перестраивать их полностью. Но иногда Господь через невзгоды дарует новые возможности. Мы избавились от всех статуй и прочих идолов, освободили боковые приделы, вставили в два разбитых окна обычные стекла.

Он снова улыбнулся со счастливым видом.

— Именно таким Господь хотел бы видеть дом, где ему возносят молитвы, — простым и скромным, а не забитым золотом и провонявшим ладаном. Я бы и алтарную преграду убрал, но это может навлечь на нас неприятности. Я бы показал вам храм изнутри, но ключ у преподобного Ярингтона, а он еще не пришел.

— Понятно, — промычал я, думая о двух семьях, которых убил рухнувший шпиль.

Финч заговорщически подмигнул мне.

— А если прихвостни Боннера заявят, что наша церковь слишком напоминает лютеранскую, мы всегда можем сказать, что нам просто не хватило денег на ее восстановление в первоначальном виде. Как говорит Книга, слуги Господа должны быть мудры, как змеи.

Я окинул взглядом людей, собравшихся на церковном дворе. Судя по всему, эта церковь давно являлась неким реформаторским центром. Публика напоминала прихожан Мифона, в число которых входили и Кайты. Здесь были торговцы, члены различных гильдий и несколько простых работяг, неловко переминавшихся с ноги на ногу. Пришли сюда и другие церковники, среди которых я заметил Мифона. Он с серьезным видом беседовал с каким-то купцом. Заметив меня, священник коротко кивнул и сразу же отвел взгляд. Вероятно, он испытывал неловкость из-за того, что накануне я видел его позорное бегство от епископа Боннера. Интересно, подумал я, спасет ли этих людей их «змеиная хитрость», когда Боннер обрушит на них громы и молнии? При воспоминании о властном коренастом епископе, стоявшем против меня у Лондонской стены, по телу

пробежала дрожь.

Сэр Томас Сеймур, лорд Хартфорд и Харснет стояли неподалеку от жарившегося кабанчика. Двое последних были погружены в беседу. Сэр Томас взирал на происходящее усталым взглядом. Увидев меня, он вздернул бровь и толкнул брата локтем.

— А вот и горбун! — сказал он, даже не понизив голоса.

— Мастер Шардлейк, — кивнул мне лорд Хартфорд. — А это, должно быть, Джек Барак?

— Да, милорд, — вежливо поклонился Барак.

— Помнится, мой бедный друг Томас Кромвель очень высоко отзывался о вас, — проговорил Хартфорд с грустной ноткой в голосе.

Поверх пурпурного дублета на лорде был надет темный плащ. Золотая цепь украшала шею. Его брат Томас облачился в желтый дублет с разрезами на рукавах, сквозь которые проглядывала зеленая подкладка. На его черной шапке красовалась большая изумрудная брошь.

— Принесли какие-нибудь новости, Шардлейк? — осведомился Харснет.

Я рассказал ему о беседах с Кантреллом и Локли, добавив, что, по моему мнению, Локли что-то скрывает. Коронер кивнул.

— Побеседуем с ним снова. А также с настоятелем Бенсоном. Похоже на то, что Годдард — именно тот, кто нам нужен. Как по-вашему?

— Думаю, сейчас еще рано что-либо утверждать с определенностью.

— Да, возможно. Мне пока не удалось отыскать никаких следов, которые вели бы к родне Годдарда. Я веду поиски среди членов гильдий и тех, кто владеет землей в окрестностях города.

— Но он на протяжении многих лет был монахом, — вмешался сэр Томас. — Если его родственники обитают где-то поблизости, то их найти легко.

— Многих состоятельных людей тянет сюда как магнитом, особенно если в Лондоне у них уже есть кто-то из близких. Они съезжаются в Лондон, чтобы приумножить свое состояние. Или потерять его. Как ваша рука, мастер Шардлейк? Коронер Харснет сообщил мне, что на вас было совершено нападение.

Он перевел взгляд на Барака.

— И на вашу жену — тоже?

— Да, милорд, — ответил Барак. — Она отделалась синяками, царапинами и сломанным зубом.

Сэр Томас похлопал Барака по плечу.

— Ни за что бы не подумал, что вы женаты. Вы больше похожи на

молодого гуляку и бабника.

— Я давно перестал им быть, сэра Томас.

— До чего же не ко времени все эти события! — досадливо воскликнул лорд Хартфорд. — Несчастных мясников до сих пор допрашивают по поводу нарушения ими Великого поста, но они мужественные люди и не выдадут Боннеру никаких имен.

— Я думаю, этот человек одержим, — сказал Харснет.

— Как бы то ни было, его нужно изловить, — ответил Хартфорд.

Возле нас появился слуга, держа в руках тарелки с жареной свиной. Я взглянул на жаровню. Кабанчик был готов, и мальчишки, вытирая пот со лбов, отошли от вертела. Но огонь продолжал весело гореть, выстреливая желтые искры, когда в него падали капли свиного жира. Быстро темнело. Позади домов, к югу, Темза стала белесой, а солнце почти совсем зашло за горизонт.

— Я чувствую запах тухлой рыбы, — заявил Барак.

— Я тоже. Наверное, с реки потянуло.

И впрямь, аромат мяса смешался с неприятным запахом рыбы.

— Где преподобный Ярингтон? — спросил кто-то. — Он уже должен был прийти.

Сэр Томас схватил меня за раненую руку, и я скривился от боли.

— Харснет сказал, что один из экс-монахов, которых вы посетили, живет на Чартерхаус-сквер.

— Да, послушник по имени Локли. Он живет в расположенной там таверне.

Сеймур нахмурился.

— Я знаю все тамошние дома и таверны. В самом большом доме живет леди Кэтрин Парр. Я бывал там у нее.

— Успокойся, Томас, — проговорил его брат. — Теперь ясно, что убийства никак не связаны с ней.

— Я не хочу, чтобы ей хоть что-то угрожало.

Он выглядел обеспокоенным, и я подумал, чем вызвано это беспокойство: тем, что он любит эту даму, или тем, что она является богатой вдовой, которая, возможно, еще отвергнет притязания короля?

— Есть ли какие-нибудь новости относительно возможного брака короля? — тихо спросил я лорда Хартфорда.

В конце концов, это была главная причина, по которой такие высокопоставленные люди ввязались в это дело.

Он отрезал кусок свиной, отправил его в рот, посмотрел на своего брата и только после этого ответил:

— Леди по-прежнему отказывается дать королю окончательный ответ. Говорит, что ей нужно подумать.

Харснет фыркнул.

— Таковую же тактику использовали Анна Болейн и Джейн Сеймур. Они дразнили кроля, не говоря ни «да», ни «нет», от чего он только больше распалялся.

— Тут совсем другое, — улыбнулся сэр Томас, и его белые зубы блеснули на фоне темной бороды. — Леди Кэтрин отвечает отказом потому, что она просто не хочет за него замуж. А кто бы захотел?

— Тише! — зашипел на брата Хартфорд. — Томас, ты обещал мне не посещать больше леди Кэтрин. Если король узнает...

— Я у нее и не был, — огрызнулся сэр Томас.

— Мне бы хотелось уйти, — тихо обратился я к Харснету. — Очень болит рука и хочется отдохнуть.

— Конечно, — кивнул он. — А я еще побуду здесь.

Он огляделся вокруг.

— Странно, что преподобного Ярингтона до сих пор нет. Надеюсь, вы скоро поправитесь.

— Мне уже гораздо лучше.

Коронер улыбнулся.

— Вот и славно. Мы с супругой с нетерпением ожидаем вас завтра к ужину. Заодно посмотрите на моих детей.

— Благодарю, сэр. Сколько их у вас?

— Четверо, и все здоровые и послушные. И — замечательная жена. Вам бы тоже следовало жениться, сэр.

— Боюсь, мне предначертан иной жребий.

— Вы хотите сказать, что у вас никого нет?

Я подумал о Дороти и с грустной улыбкой ответил:

— У меня есть надежда.

— Так проявите настойчивость, брат Шардлейк! Не бойтесь связать себя узами брака! Берите пример с молодого Барака.

— Вот-вот, узами, — прошептал Барак.

— Всего доброго, сэр. — Я пожал Харснету руку и повернулся, собираясь уходить.

Барак двинулся за мной. Я бросил на него недовольный взгляд.

— Что за детская выходка! Для чего понадобилось это язвительное замечание по поводу семейных уз?

Внезапно послышался заполошный женский крик:

— Церковь! Церковь горит!

Все мигом перестали жевать и разговаривать. В одном из трех окон церкви, том самом, в котором сохранились витражи, были видны пляшущие языки пламени. Все люди и предметы во дворе теперь отбрасывали причудливые танцующие тени.

Первым к церкви бросился преподобный Мифон. Он вцепился в дверную ручку и принялся дергать ее.

— Дверь заперта! — закричал он. — У кого ключ?

— У преподобного Ярингтона! — крикнул кто-то в ответ. Все стали крутить головами, но седовласого священника по-прежнему не было видно.

— Бегите за ним! — завопил еще кто-то.

— Он не пускает к себе посетителей, — нервно откликнулся церковный староста. — Боится, что кто-нибудь найдет у него книги Лютера и Кальвина.

— Все равно на это нет времени. Нужно проникнуть внутрь и потушить огонь.

— Тогда ломайте дверь!

Сэр Томас посмотрел на тяжелую дубовую дверь и рассмеялся.

— Чтобы сломать эту дверь, понадобится стенобитная машина!

— Есть боковой вход, — вспомнил один из гостей.

Двое мужчин тут же бросились в обход церкви, но через несколько секунд вновь появились с сообщением о том, что другая дверь тоже заперта.

Я посмотрел на окно. Пламя разгоралось все сильнее. Церковный староста Финч шагнул вперед.

— У меня тоже есть ключ, но я оставил его дома!

— Так отправляйтесь домой и принесите его, дурак вы эдакий! — гаркнул Харснет, толкнув стоявшего в нерешительности старосту.

Тот бросил полный отчаяния взгляд на огонь, бушевавший за цветным стеклом, и заторопился к выходу с церковного двора. Кто-то опустился на колени и принялся молиться, прося Всевышнего пощадить церковь и не подвергать ее испытаниям во второй раз.

К нам подошел лорд Хартфорд. Наклонившись к уху Харснета, он зашептал:

— Я должен удалиться. Помочь я ничем не могу, а тут скоро соберется целая толпа. Как-никак пожар в церкви!

Харснет согласно кивнул.

— Да, милорд, так будет лучше.

— А я остаюсь, — решительно заявил сэр Томас. — Хочу поглядеть на все это.

На его лице был написан чуть ли не восторг. Старший брат с возмущением посмотрел на него, передернул плечами и величаво пошел к воротам.

Харснет смотрел на окно.

— Обратите внимание, — тихо сказал он, — по-моему, горит только в одном месте. И я не чувствую запаха дыма.

— А что это за шум? — негромко осведомился Барак.

За голосами молящихся и испуганным шепотом остальной толпы можно было различить странный звук, доносящийся из церкви. Затем послышалось какое-то приглушенное рычание, больше напоминающее звериное, чем человеческое.

— Боже Всемогуций! — воскликнул Харснет. — Да что там происходит?

На его лице, освещенном пляшущими отблесками пламени, читался испуг.

На церковный двор вбежал Финч с большим ключом в руке. Возле двери сразу возникла суматоха. Староста отпер ее и открыл нараспашку. С полдюжины людей бросились внутрь, но, словно окаменев, застыли на пороге. Раздался вопль ужаса. Сэр Томас Сеймур стал проталкиваться сквозь толпу, Харснет, Барак и я — следом. В нос мне ударила отвратительная вонь сгоревшей плоти и еще кое-что: запах рыбы, который первым учуял Барак. Переступив порог, мы застыли, парализованные кошмарным зрелищем, ожидавшим нас внутри.

Мужчина в белых церковных одеждах был привязан цепью к столбу нефа и пылал, подобно факелу, хотя вокруг него не было ни дров, ни какого-либо другого горючего материала. Кто-то из стоявших в дверном проходе потерял сознание, другие упали на колени и принялись молиться. Барак и сэр Томас прошли вперед, мы с Харснетом последовали за ними. Жар, исходивший от горящего человека, был столь силен, что нам пришлось остановиться футах в восьми. Мне никогда не забыть жуткого зрелища, открывшегося моим глазам.

Горел преподобный Ярингтон. Его сутана обуглилась, и из-под черных лохмотьев проступала багровая обожженная плоть. Из страшных ран в огонь стекала кровь и тут же с шипением закипала. Несчастный уже находился в агонии, широко открытые глаза обезумели от боли и страха. Рот Ярингтона был заткнут кляпом. Это его приглушенное мычание мы слышали, стоя возле церкви.

Выкатившимися глазами он смотрел на своих парализованных ужасом

прихожан. Наконец кто-то истерично закричал:

— Воды! Принесите воды!

Трое мужчин бросились наружу, и Ярингтон проводил их взглядом. Однако было слишком поздно. Мы опоздали еще до того, как вошли в церковь. На наших глазах пламя добралось до его головы, и я, замирая от страха, смотрел, как густая белоснежная шевелюра вспыхнула, превратилась в огненный шар, а затем с шипением исчезла. Когда огонь стал пожирать лицо, голова несчастного резко дернулась вперед, и кошмарное мычание прекратилось.

— Дыма нет, — дрожащим голосом проговорил за моей спиной Харснет. — И нет дров. Это работа дьявола.

Прибежали мужчины, неся ведра с водой и факелы. Они осветили побеленные обычной штукатуркой стены церкви и догорающие останки, привязанные цепью к колонне. Воду выплеснули на то, что осталось от преподобного, и пламя погасло с шипящим звуком. От тела потянулись вверх тонкие струйки дыма. Сэр Томас подошел ближе, взглянул на почерневшее лицо и отступил.

— Он мертв. Фу, как воняет!

Я смотрел на труп Ярингтона, обвисший на цепях, на лохмотья сутаны, которые, казалось, вплавились в обгоревшую плоть. Кого-то позади меня натужно рвало, и даже Барак, несмотря на свой луженый желудок, был мертвенно-бледен. Но отвратительным было не только зрелище, но и вонь, вместившая в себя сразу два запаха — сгоревшего мяса и тухлой рыбы. Я взглянул на пол. Там стояли банки с какой-то густой жидкостью. Наклонившись, я нерешительно опустил палец в одну из них и поднес его к носу.

— Рыбий жир, — негромко сказал я. — Его облили рыбьим жиром. Возможно, жиром из тех самых огромных рыб, который сейчас продают повсюду.

Я повернулся к Харснету.

— Это и было топливом.

Хотя мои внутренности и без того скрутила тошнота, я снова посмотрел на лицо погибшего, задержав взгляд на кляпе. Во рту убитого коттера Тапхольма тоже нашли кляп. Оставалось предположить только одно: преподобного Ярингтона каким-то образом ввели в бессознательное состояние, принесли в церковь и привязали к колонне. Не хотелось думать о том, что он испытал, очнувшись и поняв, что горит.

Вокруг нас слышался испуганный шепот, люди хватались друг за друга, женщины плакали.

«Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце; и дано было ему жечь людей огнем».

Барак подошел к двери бокового выхода и подергал ее, убедившись, что она действительно заперта. Перед моим внутренним взором уже разворачивалась знакомая картина. Убийца оглушает Ярингтона, одурманивает его, использует ключи викария, чтобы запереться с ним в церкви, поджигает несчастного и убегает через запасной выход, не забыв запереть его за собой.

— Убийца знал, что мы будем здесь, — сказал я. — Но откуда?

— Святой Боже, вы правы! — простонал Харснет. — Он устроил этот спектакль не только для прихожан, но и для нас. То, что мы оказались здесь, не может быть простым совпадением. Бедный, бедный викарий!

На глаза его навернулись слезы.

— Он издевается над нами, — со злостью сказал я. — Опять издевается. Играет с нами, доказывает, что мы бессильны против него.

Кто-то подошел к колонне и попытался развязать цепь, но вскрикнул и отдернул руку, прикоснувшись к горячему металлу. Тогда вперед вышел Мифон. Он снял с себя рясу и бережно прикрыл ею обгоревшую голову Ярингтона.

Харснет обвел взглядом омертвевшую паству покойного.

— Слушайте меня, все вы! — громогласно объявил он. — Я раскрою это чудовищное убийство, и преступник будет пойман. Но до того как это случится, вы не должны говорить ничего — повторяю, ничего! — о том, что произошло здесь сегодня! Тот, кто станет болтать, только сыграет на руку нашим врагам.

По толпе прокатился ропот.

— Ни слова, вы слышите меня? Если это известие разлетится по городу, это может вызвать панику. Мы все и без того находимся в опасности.

Западный акцент Харснета сейчас был особенно заметен.

— Финч, вы отвечаете за то, чтобы все эти люди держали рот на замке вплоть до моего возвращения. Когда цепь остынет, снимите тело несчастного викария.

Харснет повернулся ко мне, сэру Томасу и Бараку.

— Идемте, — проговорил он уже обычным голосом. — Мы должны немедленно увидеться с архиепископом.

Глава 24

Когда мы приехали во дворец Ламбет, лорд Хартфорд находился у архиепископа Кранмера. Нас сразу же впустили, но Барака, как и раньше, попросили подождать в коридоре.

Архиепископ выглядел уставшим до изнеможения, и его впалые щеки покрывала черная щетина. Лорд Хартфорд стоял рядом с ним. Кранмер жестом предложил нам садиться.

— Значит, теперь еще один? — спросил Хартфорд.

Он выглядел испуганным.

— Да, милорд, — ответил Харснет и поведал о том, что случилось в церкви.

Некоторое время Кранмер сидел молча, потом проговорил:

— Бедняга. Я уверен, что сейчас, пройдя через такие нечеловеческие муки, он находится в раю.

Архиепископ повернулся к Хартфорду.

— Каждое новое убийство неизменно эффективнее и демонстративнее предыдущего. Если он будет продолжать в том же духе, нам уже не удастся держать все в тайне.

— Неужели нельзя как-то замять это? — спросил Хартфорд.

Голос его был резким, а взгляд — острым. По сравнению с Кранмером он в большей степени контролировал себя.

— Я говорил с прихожанами Ярингтона, — сказал Харснет, — и заставил их дать обет молчания. В церкви я оставил за главного преподобного Мифона. Отсюда я снова вернусь туда, прослежу, чтобы убрали тело, и опять объясню людям, что, если про убийство Ярингтона станет известно, это сыграет на руку Боннеру.

— И никакого официального дознания! — вставил Хартфорд.

— Мы препятствуем отправлению правосудия, — проговорил Кранмер, — но если мы не хотим, чтобы дело получило широкую огласку, у нас нет иного выхода. Где он нанесет следующий удар?! — взорвался архиепископ в неожиданном приступе гнева. — И как ему удалось втащить Ярингтона в церковь и устроить эту жуткую инсценировку так, чтобы никто ничего не увидел?

Он перевел взгляд на меня.

— Думаю, убийца проделал все то же самое, что с доктором Гарнеем и мастером Эллиардом, — сказал я. — Он назначил Ярингтону встречу,

накачал его двейлом, открыл его же ключом церковь и привязал викария к колонне. Все это он сделал днем. Затем запер дверь и стал ждать, когда возле церкви соберутся люди. После этого поджег рыбий жир, который принес с собой.

— И хорошо, что там оказались мы, — добавил Харснет. — Страшное зрелище человека, горящего без дыма и без видимых причин, заставило даже меня подумать, что это проделки нечистого. И если бы нам не удалось немного успокоить прихожан, боюсь, они разбежались бы по улицам, вопя о пришествии Антихриста. Хотя я даже сейчас думаю, что, возможно, они были бы недалеко от истины.

Хартфорд посмотрел на меня пронизывающим взглядом.

— Мы обязаны остановить его, — отчеканил он. — Боннер и Гардинер до сих пор допрашивают придворных и подчиненных архиепископа, арестованных на прошлой неделе. Пока они ничего не нашли, но упрямо продолжают копать.

— Этого все равно будет недостаточно для того, чтобы король выступил против нас, — сказал его брат. — Кроме того, я слышал, арестованные мясники в один голос твердят, что не могут вспомнить, кому именно они продавали мясо во время Великого поста.

Лорд Хартфорд кивнул. На моей памяти это был первый случай, когда он согласился с братцем.

— Истинная правда. И, я думаю, Боннер опасается подвергать аресту еще большее количество людей. Вчера возле Лондонской стены его ошিকাжи.

Я удивился: значит, им известно и об этом происшествии.

— Вряд ли короля удовлетворят попытки связать вас с радикалистами на основе улик, сотканных из полуправды и слухов, — продолжал лорд Хартфорд. — Он любит вас больше, чем кого-либо другого, поверьте, милорд.

Кранмер тяжело вздохнул.

— То же самое говорили про Кромвеля и Вулси. Следите за королем, Эдвард, следите ради меня. Подмечайте, кто входит и выходит из королевских покоев, кто нашептывает ему на ухо.

— Непременно.

На некоторое время в кабинете воцарилось молчание.

— Позвольте, милорд?

Я протянул руку и взял со стола архиепископа чистый лист бумаги. Мне хотелось попытаться хоть как-то упорядочить весь этот хаос. Кранмер махнул рукой, давая понять, что не возражает. Я быстро стал писать,

остальные в молчании наблюдали. Закончив, я положил лист на середину стола. Мужчины склонились над ним и принялись читать.

ЧАША 1: Гноящаяся рана.

Тапхольм, коттер, радикальный реформатор, оказавшийся грешником. Январь. (Убит в декабре?)

ЧАША 2: Смерть в соленой воде.

Доктор Гарней, врач, радикальный реформатор, сменивший взгляды на умеренные. 20 февраля.

ЧАША 3: Смерть в пресной воде.

Роджер Эллиард, адвокат, радикальный реформатор, сменивший взгляды на умеренные. 25 марта.

ЧАША 4: Смерть в огне.

Преп. Ярингтон, священник, радикальный реформатор. 3 апреля.

ЧАША 5: Смерть от тьмы и великой боли.

ЧАША 6: Пересохнут реки.

ЧАША 7: Великое землетрясение.

— Я думаю, это Годдард, и он действует все быстрее, — проговорил Харснет. — Настоятель Бенсон и Локли что-то скрывают, в этом у меня нет никаких сомнений. Я завтра же займусь ими. Мы должны заключить их в вашу тюрьму, милорд, и подвергнуть допросу с пристрастием.

— Нет, — отрезал Кранмер, — ведь допрос не будет связан с вопросами религии. Мы не можем хватать людей на улицах Лондона и бросать их в застенки, тем более в той атмосфере, какая царит в Лондоне сегодня.

— Кроме того, мы не знаем наверняка, что это Годдард, — вставил я. — Пока не знаем.

— Что вам уже известно о нем? — осведомился Кранмер.

— Если верить свидетельствам тех, кто его знал, он был холодным человеком. Хороший врач, Годдард при этом не особо заботился о своих пациентах. Он весьма болезненно переживал из-за физического дефекта — большой бородавки на носу. Однако из всего, что я слышал о нем, у меня не

складывается картины жестокого убийцы.

— Если только он не одержим, — упрямо вставил Харснет.

Воцарилось молчание.

— Если Ярингтон продолжал оставаться радикальным реформатором, он не вписывается в схему, которую вы нам тут изобразили, — заметил Кранмер.

— Я использовал все, что нам пока известно. Возможно, мы чего-то не знаем о Ярингтоне. Если он действительно оставался убежденным реформатором, тогда моя версия о том, что убийца наказывает отступников, оказывается несостоятельной. В противном же случае круг возможных жертв существенно сужается.

— И ограничивается всеми чертовыми радикалистами Лондона, — проворчал Томас Сеймур. — Сколько сотен людей это будет?

— Много, — согласился я и потер ноющую руку.

Лорд Хартфорд взял составленный мною список.

— Откровение говорит, что, когда пятый ангел выльет свою чашу, люди в темноте станут кусать языки от страдания. Это может означать все, что угодно.

Хмурясь, он подергал свою длинную бороду.

— Мне все же интересно узнать, как он собирается осушить реки, что должно произойти после шестой чаши, — насмешливо проговорил Томас Сеймур. — Или устроить великое землетрясение, как после седьмой.

— Он что-нибудь придумает, — заверил я легкомысленного аристократа. — Что-нибудь такое, что подходило бы под эти описания.

Кранмер повернулся к Харснету.

— Вы достигли успехов в поисках Годдарда?

— Еще нет, милорд. Сейчас я тайно навожу справки среди представителей власти Сюррея и Кента.

Архиепископ кивнул и перевел взгляд на меня.

— Мэтью, вы представляете интересы этого мальчика, который находится в Бедламе. Его приходским священником является преподобный Мифон, сосед Ярингтона?

— Да, милорд. Когда вчера юный Кайт забрался на Лондонскую стену, он был там. И Ярингтон тоже.

— Позаботьтесь о том, чтобы за мальчиком как следует присматривали и чтобы он находился подальше от посторонних взглядов.

— Конечно, милорд. Все говорит о том, что главный смотритель Бедлама преднамеренно подстроил его побег, чтобы избавиться таким способом от неудобного ему подопечного. Больше он этого не сделает.

Завтра состоятся судебные слушания по иску о надлежащем содержании этого пациента.

Кранмер снова одобрительно кивнул и, бросив взгляд на мою руку, спросил:

— Вы полагаете, преступник преследует вас, пытается запугать?

— Да.

— Только вас одного?

— Похоже на то. Жена Барака тоже пострадала, но, думаю, лишь потому, что она через мужа имеет ко мне отношение. Он хочет, чтобы я отказался от расследования.

Томас Сеймур рассмеялся.

— Вы преувеличиваете собственную значимость. С чего ему вас бояться?

— Не знаю, — ответил я и повернулся к Харснету. — А с вами не случилось никаких неприятностей?

— Нет. Впрочем, поскольку я работаю в Уайтхолле, ему до меня сложнее добраться.

Кранмер устало провел ладонью по лицу.

— Что ж, нам не остается ничего иного, кроме как продолжать охоту. Завтра вновь повидайтесь с настоятелем Бенсоном и этим Локли. Где, кстати, он обитает?

— Возле Чартерхауса.

Сэр Томас нахмурился.

— Милорд, я уже говорил и хочу повторить еще раз: мне очень не нравится, что рядом с леди Кэтрин Парр живет человек, который может быть каким-то образом связан с этими убийствами.

— Она окружена слугами, — с усталой ноткой в голосе откликнулся его брат, — и не укладывается в схему, по которой он выбирает своих жертв. Она искренне верующая, набожная женщина.

— Ярингтон тоже не укладывался в эту схему, но сегодня это не помешало ему сгореть, подобно рождественской свечке.

— Милорд, — заговорил Харснет, — я считаю, что нам нужно немедленно осмотреть жилище преподобного Ярингтона. Церковный староста сообщил нам, что его дом находится всего через две улицы от церкви, и он жил там один, если не считать слуг. Я велел не сообщать им о том, что произошло.

Немного подумав, Кранмер кивнул.

— Очень хорошо. Мэтью, Грегори, отправляйтесь в дом бедного Ярингтона, поговорите со слугами, разузнайте как можно больше о том, как

он жил. Возьмите с собой пару моих стражников, и если сочтете нужным задержать кого-то из слуг, хватайте и без особого шума волоките сюда. Мэтью, прежде чем вы уйдете, я хотел бы поговорить с вами наедине.

Остальные вышли, оставив меня один на один с архиепископом.

— Все это ужасно действует на вас, Мэтью?

Я почувствовал, как к глазам подступают слезы. Что ни говори, архиепископ умел играть на струнах человеческой души.

— Да, — ответил я.

— Потому что одной из жертв стал ваш близкий друг, а теперь убийца преследует вас и насмехается над вами?

— Да. А еще потому, что прежде я никогда не видел такой... такой жестокости.

— На меня это тоже давит. Мне пришлось повидать много, даже слишком много людей, убитых из-за политики. Но тут совсем другое. Я чувствую: этот человек наслаждается тем, что делает.

— Мне тоже так кажется.

— Разве можно творить подобные зверства и при этом думать, что выполняешь волю Господа?! — Кранмер уже почти кричал. — Разве это не богохульственная насмешка над верой, вдохновленная самим дьяволом? Грегори Харснет думает именно так.

— Не знаю, милорд. Я стараюсь не особенно задумываться над этим.

— Умереть в огне... Как это ужасно! Убеждая еретиков покаяться и отречься от своих богопротивных заблуждений, я пугал их костром: рассказывал, как от жара съезживается кожа, как плавится и скворчит в огне человеческий жир.

Он закрыл глаза и тяжело вздохнул.

— Я бы спас их, будь на то моя воля, но король всегда ратовал за самые строгие наказания. Раньше он преследовал католиков, но нынче все больше разворачивается к старым верованиям. Католицизм без Папы.

Архиепископ помолчал, а потом впился в меня взглядом и спросил:

— Скажите, вы сможете вынести тяготы, выпавшие на вашу долю в связи с расследованием убийств?

— Да, милорд, я поклялся отомстить за своего бедного друга и сдержу слово. Я найду в себе и мужество, и силы.

Кранмер устало улыбнулся.

— Значит, и мне придется. Кэтрин Парр тянет время, не давая королю ответа, вы знаете? Она напугана, бедняжка, и это неудивительно, учитывая, что прошел всего год с того дня, как Кэтрин Говард взошла на плаху. И все же я должен просить друзей леди Кэтрин убедить ее принять предложение

короля — ради влияния, которое она сможет оказывать на него.

— Ей будет грозить опасность.

— Да, — не колеблясь, ответил он, — но с этим сталкиваемся все мы во имя истины Господа нашего Иисуса Христа. Страдая за нас, он пошел на еще более ужасные мучения.

Некоторое время архиепископ сидел молча. Он был испуган и опечален одновременно. Наконец он решительно проговорил:

— Развяжите этот узел. Найдите его.

И взмахом руки отпустил меня.

Барак и Харснет ждали меня в коридоре. Харснет, нахмурившись, ходил взад-вперед, а Барак сидел на стуле, нервно подергивая ногой. На его лице читались нетерпение, злость и страх. Харснет с любопытством посмотрел на меня, ожидая пояснений, но я ограничился двумя короткими фразами:

— Архиепископ хотел перекинуться со мной парой слов относительно убийств. Они не дают ему покоя.

— Он тоже ощущает в этом присутствие дьявола?

— Он не знает, и я тоже. Пустопорожние домыслы нам не помогут, — резко добавил я и повернулся к Бараку. — Идем. Мы отправляемся в дом Ярингтона.

Мы вышли, и к нам присоединились двое охранников из дворцовой стражи — рослые парни в шлемах и с мечами у пояса. Резиденция архиепископа нуждалась в охране не меньше, чем жилище любого другого высокопоставленного государственного деятеля.

Спустившись к причалу, мы погрузились на персональный бот архиепископа, который отвез нас обратно в город. Сойдя на берег, мы дошли до церкви Ярингтона по темным и опустевшим с наступлением комендантского часа улицам. Констебли поднимали фонари, чтобы осветить наши лица, и кланялись, увидев дорогую одежду и вооруженных стражников.

— Я чуть не обделался со страха, когда увидел горящего человека, — признался Барак. — Бедняга пылал, как свеча, и поначалу я всерьез подумал, что его подожгла какая-то сверхъестественная сила.

— Это был рыбий жир, — резко ответил я, — а домыслы по поводу всякой чертовщины не помогут нам продвинуться вперед.

Мы дошли до церкви — пустой, молчаливой, с темными окнами — и двинулись дальше. Вскоре перед нами предстал дом приходского священника, стоявший в аккуратном, ухоженном садике. Харснет громко

постучал в дверь. Окно осветилось изнутри, будто кто-то там зажег свечу, и из-за двери послышался испуганный мужской голос:

— Кто там?

— Мы пришли по поручению архиепископа Кранмера, — ответил Харснет.

Звякнул отодвигаемый засов, дверь открылась. На нас смотрел низенький пожилой человек. Его редкие седые волосы торчали в разные стороны, ночная рубашка была наспех заправлена в штаны. При виде стражников его глаза округлились.

— Что-то случилось с хозяином? — испуганно спросил он. — Боже мой, надеюсь, он не арестован?

— Нет, — отозвался Харснет, — дело в другом. Ребята, вы останьтесь здесь, — велел он стражникам и прошел мимо старичка в маленькую переднюю, откуда вели несколько дверей и лестница на второй этаж. — Вы его слуга?

— Я Тоби Уайт, сэр, его управляющий. Так что же...

— Почему вы решили, что его могли арестовать? — резко спросил Харснет.

— Говорят, Боннер арестовывает всех божьих людей, — ответил управляющий чересчур поспешно.

Этот Уайт мне не понравился, он выглядел каким-то скользким, неискренним.

— Кто еще живет в доме?

Слуга замаялся. Его взгляд перепрыгивал с Харснета на меня и обратно.

— Только мальчик, но он спит в конюшне.

— Боюсь, у меня плохие новости, мистер Уайт, — сказал Харснет. — Сегодня вечером вашего хозяина не стало.

Брови старика полезли на лоб.

— Не стало? Я не знал, где он находится, уже стал волноваться, но... Он что, умер?

— Убит. Когда вы в последний раз видели его?

Управляющий смотрел на нас изумленным взглядом, словно не веря собственным ушам. Наконец он заговорил:

— Вчера вечером он получил какое-то письмо, прочитал его и сказал, что должен встретиться с другим священником, но не сообщил, где будет происходить встреча.

— Где письмо?

— Хозяин забрал его с собой.

Харснет посмотрел на меня.

— В точности как доктор Гарней и ваш друг.

Он снова повернулся к дрожащему слуге.

— Вы знали, что сегодня вечером он должен был присутствовать на торжественном открытии церкви?

— Да, сэр. Я решил, что со встречи он отправился прямо туда.

Несколько секунд Харснет размышлял. Я заметил, что Уайт украдкой метнул быстрый взгляд в сторону лестницы.

— Вероятно, нам следует осмотреть дом, — предложил я.

— Здесь никого нет, — быстро сказал управляющий. — Только я один.

— Если ваш хозяин хранил запрещенные книги, то нас это не интересует, — успокоил его я.

— Нет, но...

Харснет подозрительно посмотрел на старика.

— А ну-ка дайте мне вашу свечу, — приказал он тоном, не терпящим возражений.

Старик замялся, но все же отдал свечу, которую держал в руке.

— Оставайтесь здесь, — велел ему Харснет. — Барак, присмотрите за ним.

Коронер мотнул мне головой, и мы стали подниматься по лестнице.

Первой комнатой, в которой мы очутились, оказался кабинет. На большом столе среди бумаг и гусиных перьев лежали замусоленные книги. Я взял одну и попытался разобрать почти стершееся название. «Наставление в христианской вере» Жана Кальвина. Я слышал о нем. Он был самым радикальным и непримиримым из нового поколения европейских реформаторов.

Харснет поднял руку.

— Тсс! — прошептал он. — Я что-то слышал.

Он показал на дверь в конце коридора, подошел к ней и резко распахнул. Изнутри послышался истошный крик. Это была спальня, в которой безраздельно господствовала огромная кровать. На перине лежала обнаженная женщина. Скорее даже не женщина, а девочка-подросток, с гладкой кожей и светлыми волосами. Она схватила простыню и прикрылась ею до самой шеи.

— На помощь! — верещала девчонка. — Грабители!

— Тихо! — рявкнул Харснет. — Я помощник королевского прокурора, а ты кто такая?

Девушка смотрела на нас во все глаза, но не отвечала.

— Ты шлюха Ярингтона? — задал вопрос Харснет.

В его голосе звучала злость.

— Как тебя зовут, девочка? — ласково спросил я.

— Абигайль, сэр. Абигайль Дэй.

— И ты женщина преподобного? Пойми, лгать не имеет смысла.

Она залилась краской и кивнула. Лицо Харснета исказила гримаса отвращения.

— Ты соблазнила слугу Господа!

В глазах девушки вспыхнула обида и зажглись бунтарские искорки.

— Это еще кто кого соблазнил! — огрызнулась она.

— Не смей пререкаться со мной! Надо же, тварь вроде тебя — в постели преподобного! Ты не боишься за свою душу?! — Харснет уже кричал, его лицо пылало гневом. — А за его?

За последние несколько дней я успел проникнуться уважением к коронеру, и он мне даже стал нравиться, но ужасные события этого вечера открыли для меня новую сторону его личности — жесткую, бескомпромиссную преданность вере.

Видимо, страх девчонки уступил место злости, и она яростно ответила:

— После того как моего отца повесили, я только и думала о том, как бы удержать душу в теле! Например, когда воровала кошельки у джентльменов.

В ее голосе зазвучала горечь.

— Это убило мою мать.

Харснета нисколько не тронуло это искреннее признание.

— Давно ты здесь? — спросил он.

— Четыре месяца.

— Где Ярингтон подобрал тебя?

Она замаялась, но все же ответила:

— В борделе в Саутуорке, куда он часто заходил. У нас там много попов бывает, — доверчиво призналась девушка.

— Они всего лишь слабые люди, а вы способствуете их грехопадению! — Голос Харснета дрожал от злости и возмущения.

Это была пустая трата времени.

— Тебе приходилось слышать о шлюхе по кличке Елизавета Уэльская? — спросил я.

— Нет, сэр.

Она переводила взгляд с Харснета на меня. Ее снова охватил страх.

— А почему вы спрашиваете, сэр? Что случилось?

— Твой хозяин мертв, — бесцветным голосом сообщил Харснет. —

Его убили нынче вечером.

У Абигаиль отвисла челюсть.

— Убили?

Коронер кивнул.

— Одевайся. Я забираю тебя в тюрьму архиепископа. Там тебе зададут еще кое-какие вопросы. По тебе никто не будет скучать, — жестко добавил он. — А если ты станешь артачиться, тебя как шлюху привяжут к повозке и проволокут по всему городу.

Вконец напуганная девица разразилась рыданиями, и я поспешил успокоить ее:

— Всего лишь несколько вопросов, связанных с твоим хозяином. Соберись и оденься. Мы будем ждать внизу.

Я взял Харснета под руку и повел к выходу из спальни. Когда мы вышли, он сокрушенно покачал головой.

— Разнообразны сети, которые дьявол расставляет, чтобы склонить нас к грехопадению.

— Мужчина всегда остается мужчиной, — нетерпеливо ответил я. — Так было и так будет во веки веков.

— Вы циник, мастер Шардлейк. Человек слабой веры. Лаодикиец.

Я вздернул брови.

— Вы говорите фразами из Откровения.

Харснет удивленно моргнул, наморщил лоб и поднял руку в извиняющемся жесте.

— Прошу прощения. На меня произвело слишком сильное впечатление то, что мы видели сегодня. Но вы же понимаете: если бы Ярингтон не подцепил эту шлюху, его бы не убили. Преподобного погубило его собственное лицемерие.

— Да, я думаю, вы правы.

Харснет устало закрыл глаза, а потом взглянул на меня.

— Почему вы спросили про Елизавету Уэльскую?

— Так звали женщину, с которой жил коттер Тапхольм. Вот я и подумал: может, убийца получал нужную ему информацию через бордель? Двое грешников, которых покарали смертью. Теперь понятно, почему Ярингтон очень даже укладывается в схему убийцы.

— Да, укладывается. — Лицо Харснета напоминало застывшую маску. — Я выясню, что это за бордель.

— Будьте помягче с этой девочкой, — попросил я. — Лютость тут не поможет.

— Посмотрим, — проворчал он.

Слуга Тоби сидел на кухне. Рядом с ним примостился перепуганный мальчик лет десяти, с грязными босыми ногами, одетый в какую-то рвань и пропахший конюшней. Он смотрел на нас большими круглыми глазами из-под шапки каштановых волос.

— Это еще кто? — спросил Харснет.

— Тимоти, сэр, подручный конюха, — сообщил Тоби. — Встань, когда пред тобой знатные люди, ты, маленький грязный болван!

Мальчик поднялся на дрожащие ноги.

— Оставь нас, мальчик, — велел Харснет.

Парень развернулся и выбежал из кухни.

— Та-ак, — язвительно протянул коронер, обращаясь к слуге, — значит, дома так-таки никого и нет?

— Он хорошо платил мне за то, чтобы о ней никто не узнал, сэр, — убитым голосом ответил Тоби.

— Ты потворствовал греху.

— Каждый человек грешен.

— Кто еще знал о девушке? — спросил я.

— Больше никто.

— Люди наверняка видели, как она входит и выходит из дома.

Тоби помотал головой.

— Он впускал ее в дом только после наступления темноты. Зимой все было просто, поскольку девчонка и не хотела выходить из дома в снег и холод. Я ломал голову над тем, как все будет теперь, когда пришла весна и дни стали длиннее. Скорее всего, хозяин вскоре попросту прогнал бы ее.

Слуга язвительно улыбнулся, обнажив желтые остатки зубов.

— У него был убедительный повод не пускать никого в дом: его драгоценные копии книг Лютера и этого, нового, как его там... Кальвина!

— Долго вы работаете в этом доме? — поинтересовался Барак.

— Пять лет. — Глаза Тоби сузились. — Хозяин щедро платил мне за то, чтобы я был верным слугой и не совал нос в его дела. Так я и поступал.

Слуга помолчал.

— Как он умер? Его ограбили? От этих нищих бандитов в Лондоне сегодня уже и шагу не ступить.

— Вот именно, — уклончиво ответил Харснет.

Тоби сокрушенно покачал головой, и все же я не чувствовал в нем искренней привязанности к хозяину.

— Значит, он нашел девушку в публичном доме, — констатировал я.

Тоби развел руками.

— Я думаю, он частенько туда захаживал. Забавно: после того как хозяин привел сюда Абигайль, я думал, что он будет счастлив, однако он лишь более ревностно ополчался на греховность. Наверное, совесть мучила. Церковники — это вообще чудной народ, доложу я вам. Я-то сам регулярно посещаю службы, как велит король.

— А как же мальчик? Ведь он знал о девице?

— Да, но я приказал ему держать рот на замке, пригрозив тем, что вышвырну его на улицу. Он бы не посмел болтать. Он сирота и, окажись на улице, там бы и подох. Хозяин позаботился о том, чтобы как следует спрятать девицу. Если бы о ней пронюхали церковные старосты, он бы лишился сана.

— У нас есть все основания полагать, что убийца знал о присутствии здесь девушки, — сказал я.

Тоби встревоженно выпрямился на стуле.

— Уверю вас, сэр, я никому ничего...

— Кто еще мог знать о ней? — перебил слугу Харснет. — Кто бывал в доме?

— Если у преподобного случались какие-то деловые встречи, они проходили в церкви, а в дом, кроме меня, никто не входил. Даже уборку я выполнял сам. Когда мне нужно было отлучиться, я велел Тимоти, если кто-то придет, говорить посетителям, чтобы они заглянули позже. Он парень сообразительный и схватывает все на лету.

Харснет поднялся со стула.

— Вы пойдете со мной, Уайт. Ночь вы проведете в Башне лоллардов и, возможно, вспомните что-то еще. Джейкоб! — окликнул Харснет, и в кухню вошел один из стражников.

Тоби со страхом уставился на него.

— Я не сделал ничего плохого! — воскликнул он.

— В таком случае вам нечего бояться, — отозвался Харснет, а стражник поднял старика на ноги.

Я тоже встал и проговорил:

— Мне, пожалуй, стоит расспросить мальчика.

— Хорошая мысль, — кивнул коронер.

Я вышел во двор перед домом. Огонек свечи, мерцавший через открытую дверь конюшни, помог мне добраться до нее кратчайшим путем. Мальчик сидел на перевернутом ведре возле соломенного тюфяка, прислонившись к боку большой серой кобылы, и гладил животное. Услышав мои шаги, он поднял чумазое испуганное лицо с дорожками от слез. Я испытал то же, что чувствовал всегда, встречая одинокого,

страдающего ребенка.

— Тебя зовут Тимоти? — спросил я.

— Да, сэр, — еле слышно прошептал мальчик. — Сэр Тоби сказал, что хозяин умер. Его убил нехороший человек?

— Боюсь, что так.

— А что будет с мастером Тоби?

— Он пойдет с коронером. Я хотел бы задать тебе несколько вопросов.

— Да, сэр.

Я говорил мягко, и Тимоти немного расслабился, но страх пока не оставил его. В этом не было ничего удивительного. Что еще может испытывать маленький мальчик, когда посреди ночи в дом вламывается шайка незнакомцев?

— Ты знаешь про Абигайль? Женщину, которая здесь живет? — задал я вопрос.

Мальчик не ответил.

— Тебе велели никому не рассказывать про нее? Но это уже не важно.

— Тоби сказал, что хозяин побьет меня, если я даже произнесу ее имя. Один раз он и вправду стукнул меня — за то, что я выругался. Но я никому ничего не рассказывал. Абигайль была добра ко мне, хотя Тоби и твердил, что она великая грешница. А что теперь будет с Абби, сэр? Она не страдает?

«Пострадает, да еще как, если Харснет не добьется от нее того, чего хочет», — подумалось мне.

Сделав глубокий вдох, я спросил:

— Ты точно никому не рассказывал про нее? Не бойся, тебя не накажут. Только скажи правду.

— Нет, сэр, честное слово! Могу поклясться на Библии, если хотите. Я никому ни слова не сказал. Мне нравилось, что Абби здесь жила. Она была доброй и иногда даже давала мне монетки, разрешала приходить и греться у очага, если хозяина и Тоби не было дома. Она говорила, что знает, каково это, когда тебе голодно и холодно.

Глаза мальчика снова наполнились слезами. Я понял, что он не видел доброго отношения ни от Ярингтона, ни от слуги. Только от шлюхи. И мне показалось, что, придавленный страхом, Тимоти что-то скрывает. Но если я скажу об этом Харснету, мальчика вместе с остальными сволокут в тюрьму архиепископа. Мне это было не по душе. Нет, я не обреку ребенка на подобную участь.

От дома послышался голос Харснета:

— Мастер Шардлейк!

Мальчик подпрыгнул от неожиданности и страха.

— Я должен идти, Тимоти, — сказал я. — Но завтра я непременно зайду, чтобы повидаться с тобой. Теперь, когда твоего хозяина не стало, ты ведь останешься без места? Тоби сказал, что у тебя нет семьи.

— Верно, сэр. Мне придется просить милостыню.

— Что ж, я попытаюсь подыскать для тебя что-нибудь, обещаю. Завтра я снова приду, и мы с тобой поговорим, ладно? Запри конюшню и ложись спать.

— Я сказал вам правду, сэр. Я никому не рассказывал про Абигайль.

— Я тебе верю.

— А констебли поймали человека, который убил хозяина?

— Еще нет, но обязательно поймают.

Я вышел из конюшни, остановился и досадливо прикусил губу. А что, если он сбежит? Нет, не сбежит, тем более что я пообещал ему найти другое место. Ему явно что-то известно, и это будет легче вытянуть из него, когда он оправится от первого потрясения.

— Мастер Шардлейк! — снова позвал меня Харснет, уже более нетерпеливо.

— Иду! — откликнулся я, продолжая с горечью думать о несчастном ребенке.

Я догнал Харснета и Барака, которые успели спуститься вниз по улице и стояли, глядя на церковь.

— И откуда только он пронюхал про шлюху Ярингтона? — вздохнул Харснет. — Я допрошу девчонку и этого слугу так, что им мало не покажется, но вряд ли они знают что-то еще. А что с мальчишкой?

— Он никому не рассказывал про Абигайль. Я сказал, что зайду завтра, когда он успокоится. Бедняга останется без места и кровя над головой. Я обещал подыскать ему какую-нибудь работу.

Коронер с любопытством посмотрел на меня.

— Где?

— Пока не знаю.

— Надеюсь, вам это удастся, иначе из него вырастет еще один нищий, который будет голодать на улицах и пугать добрых людей. — Он покачал головой. — Как бы мне хотелось, чтобы им помогли и привели их к Господу!

От недавнего гнева Харснета не осталось и следа.

— Мой друг Роджер незадолго до смерти начал собирать пожертвования среди адвокатов, чтобы создать больницу для бедных.

— Это очень хорошо, очень правильно, — сказал коронер. — Неплохо было бы привлечь к этому благородному делу и священнослужителей. Бедняки начисто лишены страха Божьего. Я много раз сталкивался с этим, выполняя свои обязанности.

— Неудивительно. Ведь они отверженные.

— Такими же были Христос и его последователи. Но у них была вера.

— Они думали, что скоро настанет новый мир.

— Он непременно настанет. — Харснет улыбнулся. — Прошу прощения за свою недавнюю вспышку. Вы все же придете ко мне на ужин завтра вечером?

— Обязательно.

— Интересно, была ли у Ярингтона семья? Впрочем, я выясню это у слуги.

Из дома вышли стражники. За ними, едва переставляя ноги от ужаса, плелись Тоби и Абигайль.

— Я должен идти с ними, — бросил Харснет, быстро поклонился и пошел прочь.

— Не завидую я им, — пробормотал Барак, когда задержанных увели.

Глава 25

Мы с Баракком возвращались на Канцлер-лейн. Я едва тащился от усталости, руку в том месте, где были наложены швы, дергало от боли.

— Когда вернемся, нужно будет поспать хотя бы несколько часов, — проговорил Барак, который, судя по его виду, умаялся не меньше моего. — Завтра у нас дел невпроворот. Утром в суде слушается дело Адама Кайта, потом вместе с Харснетом — в Смитфилд, потом — к настоятелю.

При мысли о дне, который нас ожидал впереди, он застонал.

Некоторое время мы шли молча.

— А этот бедолага Ярингтон был тот еще кобель? — спросил Барак.

К нему вернулось его обычное насмешливое настроение. Наверное, это было вызвано тем, что он вновь столкнулся с обычной человеческой слабостью после того ужаса, свидетелями которого мы стали в церкви.

— Да, и убийца откуда-то узнал об этом.

— Откуда?

— Понятия не имею, но если мы это выясним, то сумеем его поймать.

— Что он предпримет дальше?

— Откуда мне знать! Харснет правильно говорит: пятое пророчество очень туманно.

— Как вы думаете, что скрывают эти люди — Локли и настоятель? Они ведь явно чего-то недоговаривают!

— Вот это нам завтра и предстоит выяснить.

— А может, они члены какого-нибудь тайного общества содомитов? В монастырях этих мерзких тварей хоть пруд пруди.

— Я не знаю, но по Локли этого не скажешь. Не похож он на... одного из этих.

— С этой публикой ни в чем нельзя быть уверенным наверняка.

— Ты обличаешь грехи столь же пламенно, как и Харснет.

Барак ухмыльнулся.

— Только те из них, которые не привлекают меня самого. А остальные почему бы и не поругать?

Наконец мы дошли до Канцлер-лейн. За одним из окон горела лампа. Орт, наш охранник, был начеку.

— Завтра я первым делом пойду повидаться с этим мальчиком, Тимоти, — устало сказал я.

— А что, если ночью он сбежит?

— Не сбежит. Говорю же тебе, ему нужно новое место.
— Вы что же, это место для него из пальца высосете?
— Есть у меня одна идея. Я его не подведу. Идем, я слишком устал, чтобы разговаривать. Нам нужно отоспаться, иначе завтра у нас будет двоиться в глазах.

Когда мы дошли до дома, я попросил Барака разбудить меня на рассвете, а затем обессиленно поднялся по лестнице в свою спальню. Несмотря на усталость, сон не приходил. Я и так и сяк крутил в голове обстоятельства ужасной смерти Ярингтона, сопоставляя ее с другими и пытаюсь найти в них общие черты. Наконец я выбрался из-под одеяла, набросил плащ поверх ночной сорочки и зажег стоявшую на столе свечу из пчелиного воска. Спальня наполнилась желтым светом, и от этого мне стало как-то уютнее.

Усевшись за стол, я стал размышлять. Я был уверен в том, что, когда мы стаскивали Адама с Лондонской стены, убийца находился там. Может быть, именно тогда он выбрал Ярингтона в качестве новой жертвы? Нет, спектакль с сожжением планировался заранее, и убийце было известно о греховной связи Ярингтона с этой бедной девочкой. Но откуда? Тот факт, что доктор Гарней и Роджер отвернулись от идеи радикальных реформ, был широко известен, шумное, наполненное скандалами сожительство несчастного Тапхольма с девицей по кличке Елизавета Уэльская тоже не являлось ни для кого секретом. Однако Ярингтон окружил свою склонность к прелюбодеянию такой плотной завесой тайны! В этом состояло главное отличие первых трех жертв от последней.

Было очень важно увидеться с мальчиком завтра утром и выяснить, известно ли ему что-нибудь еще. Пока у меня не было достаточно улик, чтобы объявить убийцей Годдарда. Но если не Годдард, то кто этот человек, который разбирается в медицине, юриспруденции и совсем недавно имел отношение к религиозным радикалистам? В моей душе зародились подозрения: не слишком ли мягок Харснет со своими единомышленниками радикалами, добывая нужную нам информацию? Небось с такими, как Абигаиль, он не станет церемониться.

На столе лежала старая книга по юриспруденции, которую я одолжил в библиотеке. Я раскрыл ее на деле Стродира и снова вдохнул запах пыли и старых чернил. Стродир, вероятно, тоже тщательно планировал свои преступления, не зря же его не могли поймать в течение стольких лет. Я вновь перечитал то место, где рассказывалось о том, как на суде он отказался от последнего слова, но зато часто «с яростью одержимого»

(именно так, слово в слово, говорилось в документе) обрушивался на порочную практику торговли женским телом. Возможно ли, что и наш убийца верит в то, что делает богоугодное дело, или для него все это какая-то страшная игра? А может, и то и другое сплавилось воедино в его больном мозгу? Я вспомнил германских анабаптистов, захвативших власть в Мюнстере и организовавших там коммуну. Живя в своем невероятном обществе, они искренне верили, что с помощью повсеместно применяемого ими насилия они претворяют в жизнь Божью волю и приближают день долгожданного Армагеддона. Нельзя исключать, что и наш убийца считает каждый свой шаг осуществлением пророчеств Книги Откровения и торопит таким образом наступление конца света.

Я решил, что мне необходимо снова посоветоваться с Гаем, и наконец уснул.

Когда утром в дверь деликатно постучал Барак, я с трудом разлепил глаза и встал с постели. У меня ныла спина, а вот рука болела гораздо меньше, поэтому я решил не надевать больше перевязь. Небо за окном посветлело, очистилось, и на его голубом фоне бежали легкие пушистые облачка. Впервые за последние несколько дней я сделал упражнения для спины, крикая при каждом повороте и наклоне туловища. Потом поскреб заросшую щетиной щеку и подумал, что неплохо бы зайти к брадобрею. Наконец я спустился вниз.

В гостиной Барак, одетый в рубашку и теплые рейтузы, уже завтракал сыром, хлебом и сморщенными яблоками.

— Прошлогодние яблоки чересчур быстро высыхают, — пожаловался он.

— Я велел Питеру открыть новую бочку. Там яблоки будут свежее.

— Как ваша рука? Получше?

— Да, почти не болит.

— Выходит, юный Пирс потрудился на славу.

Я пододвинул к себе каравай.

— Тамазин еще не встала?

— Только что. Она в последнее время стала лениться.

Я посмотрел на Барака, и он покраснел.

— Синяки у нее на лице почти сошли, да и рот заживает, но она все равно пока не хочет, чтобы ее видели. Через день или два она будет в полном порядке. До сих пор бушует, вспоминая того зубодера, который пытался купить у нее зубы.

— В ту ночь ее могли убить, — со всей серьезностью напомнил я, — и

виной тому наша работа. Моя работа.

Барак положил на стол недоеденное яблоко. Некоторое время он молчал.

— Мне самому ненавистно гоняться за этим сумасшедшим, или одержимым дьяволом, или кто он там такой. И я вымещал это на Тамазин, — со вздохом признался он и неловко поерзал на стуле.

— Почему? — мягко спросил я.

— Наверное, потому что она всегда оказывалась рядом и попадала под горячую руку.

— Ты по-прежнему хочешь, чтобы она была твоей женой? — так же осторожно спросил я.

— Конечно хочу!

Барак зыркнул на меня глазами, и я на миг испугался, что зашел слишком далеко, но Джек вздохнул и покачал головой.

— Я понимаю, что вел себя с ней по-свински, но...

Он провел ладонью по своей нерасчесанной густой каштановой шевелюре и снова вздохнул.

— Я принял решение: когда все это закончится, я сниму маленький уютный домик поближе к Линкольнс-Инн, и мы переедем в него из Олд-Бардж.

Я улыбнулся.

— Вот этим ты меня порадовал! Тамазин будет на седьмом небе от счастья.

— И я буду проводить дома больше времени и перестану шляться по... кабакам.

То, что Барак запнулся, заставило меня насторожиться. Неужели Тамазин была права и он действительно встречался с другими женщинами?

— Ты уже сказал ей?

— Нет. Подожду, пока все немного не уляжется.

— Тебе следует сообщить ей о своем решении теперь же.

Барак нахмурился, и я понял, что на сей раз действительно зашел слишком далеко.

— Я скажу ей тогда, когда сочту нужным, — отчеканил он. — Пойду оденусь и велю Питеру седлать Сьюки и Бытие, чтобы они были наготове.

Барак встал из-за стола и вышел.

Упомянув Питера, он невольно напомнил мне обещание, которое я дал мальчику по имени Тимоти. Перекусив хлебом с сыром, я сунул в карман одно сморщенное яблоко и пошел на кухню. Там я нашел Джоан и Тамазин. Жена Барака сидела за столом и резала овощи для вечерней готовки.

Отечность немного спала, но лицо женщины по-прежнему оставалось опухшим, а синяки цвели всеми цветами радуги. Увидев меня, Джоан приветливо улыбнулась, а Тамазин, наоборот, прикрылась рукой.

Джоан стирала, склонившись над большим деревянным ведром. Она принялась выжимать выстиранную простыню, и ее лицо под белым чепцом покраснелось от усилий. Ощувив укол вины, я подумал, что бедняжке почти шестьдесят лет и хлопотать по дому ей нелегко. Ее муж когда-то был у меня слугой, и после его смерти пятнадцать лет назад я оставил Джоан своей домоправительницей. Это было необычно для холостяка вроде меня, даже несмотря на нашу разницу в возрасте, но мне был по душе ее спокойный нрав и заботливое, почти материнское отношение ко мне. Накануне я собирался спросить ее, не нужен ли помощник по дому кому-нибудь из соседей, но ночью у меня родилась другая мысль.

— Послушай, Джоан, — заговорил я, — а не взять ли нам мальчика, чтобы он помогал тебе на кухне?

После недолгих раздумий она ответила с усталой улыбкой:

— У Питера, конечно, много дел — и на конюшне, и по хозяйству, но я, признаться, не знаю, как он отнесется к появлению в доме еще одного парня.

Теперь улыбнулся я.

— Мальчик, которого я имею в виду, младше Питера, и мы сразу же дадим им понять, что Питер из них двоих — главный.

— Что ж, помощник, конечно, не помешает, сэр.

— Тогда, возможно, он появится у тебя уже сегодня.

— Спасибо, — поблагодарила Джоан, взяла ведро с грязной водой и понесла его на двор.

Тамазин тоже встала, открыла ей дверь и вернулась к столу.

— Ты выглядишь гораздо лучше, Тамазин, — сделал я комплимент.

— На меня все равно страшно смотреть, сэр, но вскоре синяки должны сойти.

— Как твой рот?

— Сейчас почти не болит. В конце концов, тот зубодер оказался не так уж плох.

— Гай не стал бы рекомендовать негодного врача.

— И все же мне до сих пор не верится, что он хотел купить мои зубы и собирался вырвать их все до единого.

Голос женщины был печальным и лишенным эмоций. Она подняла на меня глаза.

— Что случилось вчера вечером? Джек не стал мне ничего

рассказывать, когда вернулся. Сказал только, что ложится спать.

— Он не хотел тревожить тебя, Тамазин, но, к несчастью, произошло новое убийство.

Ее глаза округлились.

— Вы с Джеком были в опасности?

— Нет, мы всего лишь обнаружили тело.

— Да закончится ли это когда-нибудь?! — в отчаянии воскликнула женщина. — На Джека уже без слез не взглянешь, и на вас тоже, сэр. Я замечаю!

На лице Тамазин появилась саркастическая усмешка, отчего она сразу будто постарела.

— Или, может быть, я ошибаюсь? Может, Джек просто устал от меня, а я ошибочно думаю, что так влияет на него ваша охота за убийцей?

— Ты его по-прежнему любишь? — напрямую спросил я.

— Да, — не задумываясь, ответила она. — Но я не смогу выносить этого вечно. В отличие от многих других женщин я не стану половой тряпкой, о которую можно вытирать ноги.

Я улыбнулся.

— Вот этим ты и привлекла его в Йорке. Своим боевым духом.

Тамазин выдавила из себя улыбку, в которой все еще ощущался горьковатый привкус.

— А не своим привлекательным личиком? Впрочем, оно уже далеко не привлекательное!

— Твое личико по-прежнему прелестно, Тамазин. Наверное, я не должен говорить тебе об этом, но я скажу. Джек все так же любит тебя. Он понимает, что вел себя не лучшим образом, и сказал мне, что, когда это дело будет закончено, вы переедете из Олд-Бардж в хороший дом.

— Он так и сказал?

— Да, клянусь честью. Но не выдавай меня. Он не должен знать, что я первым рассказал тебе об этом.

Женщина наморщила лоб.

— Но почему он сам не скажет мне об этом?

— Даже мне пришлось буквально клещами выдирать из него это признание. Ты же знаешь Барака.

— Я думала, что знаю его.

— Дай ему время, Тамазин. Я знаю, с ним может быть нелегко, но... Дай ему время.

Она посмотрела на меня в упор.

— Я дам ему время, но оно не будет длиться вечно.

Открылась дверь, ведущая во двор, и вернулась Джоан с пустым ведром.

— Пожалуй, мне пора отправляться на конюшню. Джек, наверное, заждался меня. Этим утром нам нужно поспеть в несколько мест. Подумай о том, что я тебе сказал, Тамазин.

Женщина кивнула и улыбнулась, а я ушел на конюшню.

Барак разговаривал с Орром, который поправил шапку при моем появлении. Мне нравился этот человек: он был наблюдателен, спокоен и ненавязчив.

— Ночь прошла без происшествий? — осведомился я.

— Да, сэр.

Я посмотрел на Барака и почувствовал внезапный прилив раздражения. Как может человек быть настолько глуп, чтобы искать женщин на стороне, имея такую жену, как Тамазин? Если бы мы были с Дороти...

Я мысленно одернул себя.

— Готов? — резко спросил я. — Тогда поехали.

Мы вновь отправились к дому Ярингтона. Лошади, полные сил, бодро цокали по дороге. Добравшись до цели нашего путешествия, мы привязали Сьюки и Бытие к изгороди. Подспудно я побаивался того, что ночью мальчик действительно мог сбежать. В таком случае моя мягкость обернется потерей важных свидетельских показаний. Но Тимоти был в конюшне и все так же сидел на перевернутом ведре рядом с лошадью. Он снова плакал, и из его левой ноздри выдулся здоровенный зеленый пузырь.

— Доброе утро, Тимоти, — приветливо поздоровался я. — Это мой помощник. Его зовут Барак.

Мальчик смотрел на нас испуганными глазами.

— Как здесь, однако, холодно, — ворчливо проговорил Барак, видимо вспомнив о собственном неустроенном детстве.

— Хочу тебе кое-что предложить, — сказал я мальчику. — Хочешь работать у меня, на кухне и в конюшне? Как ты на это смотришь?

— Спасибо, сэр, — просиял мальчик, — я буду стараться изо всех сил! Я набрал в грудь воздуха.

— Но есть одно условие.

— Какое, сэр?

— Ты должен рассказать мне кое-что. Вчера ты утверждал, что никому не рассказывал про Абигайль.

— Нет, сэр, не рассказывал. Честное слово! — пылко проговорил

Тимоти, но при этом покраснел и неловко поерзал на своем ведре.

Лошадь чутко повернула голову и посмотрела на него.

— Но ведь кое о чем ты не рассказал.

Тимоти в нерешительности переводил взгляд с меня на Барака и обратно.

— Давай, приятель, выкладывай, — сказал Барак.

— Я обещаю тебе, что Абигаиль это не повредит.

Тимоти тяжело дышал, зеленый пузырь дрожал у него под носом.

— Ну же, парень, не робей! — поторопил Барак. — В доме у мастера Шардлейка тепло, тебе там понравится.

— Я наблюдаю за людьми, — вдруг выпалил Тимоти и, указав на дверь конюшни, добавил: — Вот отсюда. Мне опостылело торчать тут одному.

— Мастер Тоби не пускает тебя в дом?

— Только чтобы помочь ему с уборкой. Извините, если это было нехорошо — подглядывать.

— Что ты видел?

— Всех, кто сюда приходил: торговцев, продавца яиц, трубочиста, плотника, приходившего, чтобы починить ставень, который случайно отломал Тоби. Но это было до появления Абигаиль.

— А после?

— Мужчину, который иногда приходил, чтобы повидаться с Аби. Он появлялся только тогда, когда хозяин уходил из дома, а у Тоби был выходной. Тоби не знал про него.

Мальчик повесил голову.

— Кто он такой?

— Не знаю.

— Он часто приходил?

— Несколько раз. Зимой, когда еще снег лежал.

— Он был высоким? Средних лет? — уточнил я, думая о Годдарде.

— Нет, сэр, — мотнул головой Тимоти, — он был молодым.

— Сколько ему было лет?

— Точно не скажу, сэр, — немного подумав, ответил мальчик. —

Может, лет двадцать.

— Как он выглядел?

— Выше любого из вас и крепкий, как он.

Тимоти указал на Барака.

— Волосы у него были светлые, темные?

— Темные. Он красивый. Так Абигаиль говорила.

— Вы с ней говорили о нем?

Я едва сдерживался, чтобы дрожь в голосе не выдала охватившего меня возбуждения.

— Немного, сэр. Я сказал, что видел его, а она ответила, что, чем меньше я знаю, тем меньше смогу рассказать. Ей вообще не хотелось, чтобы я что-то знал.

— Значит, этот человек посещал ее тайно?

— Они были знакомы до того, как Абигайль переехала сюда?

— Да.

— Не знаю, сэр. Честно вам говорю: я этого не знаю.

— Он был прихожанином преподобного? — продолжал допытываться я.

— И это мне тоже не известно. Я и заметил-то его лишь потому, что он входил через заднюю дверь. Когда хозяйина не было.

Мальчик поднял на меня жалобный взгляд.

— Сэр, я вам все рассказал. Все, без утайки.

— Хорошо, — ответил я, — спасибо тебе, Тимоти. Пойдем, ты едешь со мной. Барак, отвези документы в суд. Я присоединюсь к тебе, когда отвезу Тимоти домой.

Во взгляде Барака читалось сомнение.

— Может, перед тем, как забирать его, вам стоит посоветоваться с Харснетом?

— Это ни к чему. Хозяин Тимоти умер, и я нанимаю его.

Я наклонился к Бараку.

— Кроме того, в моем доме он будет в безопасности. Возможно, он единственный, кто видел убийцу и уцелел.

— Кем бы ни был тот, кого он описал, это не Годдард.

— А я и не утверждаю обратного.

Тимоти поднялся на ноги и положил ладонь на круп лошади.

— Сэр, могу я взять с собой Дину? Ну пожалуйста!

— Мне очень жаль, дружок, но это невозможно. У нас уже есть две лошади.

Мальчик прикусил губу, а я подумал, что эта кобыла и Абигайль, наверное, единственные друзья, которые были у него за всю его жизнь. Но я не мог держать еще одну лошадь, тем более что она была мне не нужна.

— Идем, заморыш, — с грубоватой лаской проговорил Барак, протягивая мальчику руку. — Познакомишься со своим новым домом.

Глава 26

Я медленно ехал, возвращаясь на Канцлер-лейн, мальчик трусил сбоку, положив руку на круп Бытия, поскольку опасался потеряться на людных улицах Лондона. Я размышлял о том, что Харснету не понравятся мои новости, поскольку он твердо убедил себя в том, что убийца — именно Годдард. Конечно, такой вариант тоже не исключался, но для начала нужно было установить личность загадочного молодого человека, который посещал Абигайль.

Был ранний час. Лавочники только-только открывали двери своих магазинов и разгоняли нищих, которые уже успели столпиться у их порогов. Один из попрошайек, молодой парень, упал на мостовую и едва не был затоптан другими. Тимоти, наблюдавший эту сцену, с испугом перевел взгляд на меня. Повинуясь какому-то шестому чувству, я остановился и велел мальчику забраться на лошадь позади меня.

Наконец мы добрались до моего дома, и по округлившимся глазам Тимоти я понял, что мальчик поражен его размерами. Я провел его на кухню, где, как обычно, хлопотала Джоан. Мне было приятно видеть, что человек Харснета, Орт, охотно помогает ей. В данный момент он умело чистил картошку. Поохав по поводу того, какой мальчик чумазый, Джоан дала ему ведро с водой и велела отправляться на конюшню и как следует вымыться. Тимоти покорно отправился выполнять приказание. Юный Питер тоже находился на кухне и сухо приветствовал Тимоти кивком головы. Джоан посмотрела на него, грозно сдвинув брови.

— Будь поприятливее с Тимоти, — велела она. — Он младше тебя, да к тому же оказался в незнакомом месте. Ты должен радоваться тому, что он будет выполнять кое-какую работу, которая тебе не по душе. И отдай ему свои старые вещи, поскольку тебе они уже малы.

— Хорошо, хозяйюшка Джоан, — ответил Питер и выскользнул за дверь.

Джоан посмотрела на меня и улыбнулась. Я тоже ответил ей улыбкой.

— Чины важны для всех, даже для кухонных мальчишек? — весело спросил я.

— Не забывайте и о боязни лишиться места. В Лондоне сегодня столько маленьких побирюшек, что всегда можно найти того, кто обойдется подешевле, — заметила женщина.

— Это верно. Подобная, с позволения сказать, конкуренция порождает

страх.

Пристроив Тимоти, я решил, что теперь непременно найму мужчину в помощь Джоан.

Я поднялся к себе и надел все самое лучшее. Хотя погода стояла теплая, меня знобило, а швы на руке снова разболелись. В уме я перебирал доводы, которые подготовил для выступления на слушаниях дела Адама Кайта. Моей задачей было убедить суд в принудительном порядке заставить больничное начальство регулярно отчитываться перед судебными органами об уходе за этим пациентом и добиться того, чтобы содержание мальчика оплачивалось из фондов Бедлама. Я настоял на участии в суде Гая, который должен был засвидетельствовать, что Адам серьезно болен и нуждается в судебной защите. О том, чтобы выпустить его из больницы, пока не могло быть и речи, тем более что там он находился в большей безопасности.

Удастся ли его когда-нибудь вылечить, или он так и останется до конца своих дней в похожей на тюремную камеру палате с зарешеченными окнами и со смятением в душе?

Мои мысли перескочили с этого дела на наше тайное расследование. Что за человек убийца? Страдает ли он? Что-то подсказывало мне, что скрупулезное планирование жестоких убийств и их осуществление доставляют ему удовольствие. Он наверняка давно замыслил новое душегубство. Ту часть Книги Откровения, в которой говорилось о семи чашах, я уже помнил наизусть.

«Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя; и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания».

«Престол зверя», должно быть, означал логово дьявола.

«...и они кусали языки свои от страдания».

Я поежился.

Барак ждал меня в заполненном людьми вестибюле суда прошений. Я окинул взглядом знакомую картину. Истцы расположились на лавках вдоль стен, а в центре зала переговаривались друг с другом адвокаты. Я узнал знакомую супружескую пару, сидевшую рядом с моим коллегой-адвокатом, братом Эрвином. Увидев меня, он приветственно кивнул. Я здорово помог Эрвину, отказавшись в его пользу от большинства дел. Таким образом я потерял много денег, но это беспокоило меня в последнюю очередь: сбережений у меня хватало. Пожилая чета, приехавшая в Лондон аж из Ланкашира, надеясь найти здесь справедливость и защиту от своего землевладельца, тоскливо посмотрела на меня. В дверном проеме, тесно

прижавшись друг к другу, появились Дэниел и Минни Кайты, а следом за ними и Гай, облаченный в докторскую мантию. Мы с Бараком подошли к ним.

— Адама еще нет, сэр, — возбужденно сообщил Дэниел.

— Мы приехали слишком рано. Его скоро привезут.

— Судья не будет чересчур строг по отношению к нему? — волнуясь, спросила Минни.

— Судья — справедливый и порядочный человек, — ответил я. — А почему с вами сегодня нет преподобного Мифона?

— Он задержался в соседнем приходе. Тамошний священник заболел.

В этот момент кто-то грубо толкнул меня, задев раненую руку. От боли я скривился и зашипел, а повернувшись, увидел низкорослого коренастого мужчину лет сорока, в дорогом плаще на меху и шапке из шелка и бархата. Красные прожилки на носу выдавали в нем сильно пьющего человека.

— Это вы тут представляете интересы мальчишки Кайта? — властным тоном спросил он.

— Да, сэр, — с поклоном ответил я.

— Я сэр Джордж Метвис, директор Бедлама, и пришел сюда по просьбе архиепископа Кранмера. — Он взглянул на Кайтов и Гая. — Не понимаю, чем заинтересовали архиепископа эти люди!

— Благодарю вас за то, что пришли, сэр, — как можно более покладистым тоном сказал я. — Мне хотелось бы узнать заранее, какие возражения вы выдвинете против нашего иска. Его суть, позволю себе напомнить, заключается в том, чтобы больница регулярно предоставляла отчеты о состоянии юного Адама Кайта, уходе, который ему предоставляется, и оплачивала счета за его содержание из собственных фондов.

«Из тех самых, которые выделяются на содержание пациентов и в которые ты регулярно запускаешь свою жадную лапу, — подумал я. — Это означает, что отныне у тебя будет меньше денег на выпивку».

— Я не собираюсь выдвигать никаких возражений, — пробурчал Метвис. — Люди Кранмера мне уже кое о чем намекнули. Хотя, будь моя воля...

Его прервал какой-то звенящий звук, за которым последовал громкий стон. Все головы повернулись в сторону двери. Старший смотритель Шоумс и два его крепких помощника втащили в вестибюль Адама. Его ноги были скованы цепью, а руки, больше похожие на палки, казалось, вот-вот сломаются в огромных лапах санитаров. Мальчик пытался упасть на пол, чтобы молиться, и громко стонал, когда санитары не позволяли ему

сделать это. Шоумс был красным от волнения. Дэниел Кайт прикусил губу, а его жена всхлипнула. Адам, свесив голову на грудь, даже не взглянул на нас, проходя мимо. От него исходил ужасный запах.

Адама усадили на скамью, а помощники зрителя расположились по обе стороны от него. Люди расступились, стараясь держаться подальше от них, один мужчина испуганно перекрестился. Почему-то в этих декорациях вид Адама был более жалким и пугающим, нежели в палате Бедлама или даже на Лондонской стене. Минни дернулась по направлению к сыну, но Гай успокаивающим жестом положил ладонь ей на плечо и прошептал:

— Не теперь.

— Что за представление! — проворчал Метвис, уставившись на Адама и своих подчиненных.

Шоумс, завидев директора, встал и отвесил низкий поклон.

В неловком ожидании мы провели еще полчаса. От того места, где находился Адам, изредка доносился звон цепей, возвещающий о том, что он снова пытается бухнуться на колени. Гай подошел к парню, надеясь поговорить с ним, но сегодня удача не благоволила ему, и он вернулся ни с чем.

Барак сосредоточенно следил за происходящим.

— Господи Иисусе! — прошептал он, когда Адам предпринял очередную попытку вырваться из рук тюремщиков. — Какой кошмар!

Наконец появился судебный пристав и пригласил всех в зал. Я подошел к стоявшей впереди скамье для адвокатов и положил на нее свои бумаги. Метвис уселся сзади, подальше от Адама и санитаров. Барак, Гай и Кайты заняли места в первом ряду лавок. Из двери, ведущей во внутренние помещения, вышел судья Эйнсворт и занял свое место. Он окинул взглядом зал заседаний, и в тот же миг Адам громко заскулил. Судья перевел взгляд на меня.

— Думаю, мы рассмотрим дело Адама Кайта первым, — объявил он. — Брат Шардлейк?

Я принялся излагать суть своего иска. Судья медленно кивал, а затем метнул острый взгляд в сторону Шоумса.

— Этот несчастный выглядит так, словно вот-вот испустит дух. Вы хоть его кормите?

Побагровевший Шоумс встал, не зная, куда девать руки.

— Иногда он отказывается жрать, ваша честь, и тогда его приходится кормить с ложечки, словно малое дитя. А другой раз — выплевывает все, что у него во рту, прямо на санитаров.

— Значит, вам следует удвоить ваши старания, приятель.

Эйнсворт повернулся к Метвису.

— Сэр Джордж, вы директор. Что скажете в ответ на высказанные претензии?

Метвис поднялся.

— Я готов был бы согласиться с ними, ваша честь, если бы не одно обстоятельство. Я прилагаю все силы к тому, чтобы выполнять свои обязанности наилучшим образом, но в соответствии с существующими правилами в Бедлам принимаются лишь те пациенты, которых можно вылечить, да и то на ограниченный срок.

— Но наверняка некоторые пациенты живут у вас годами и за их содержание платят родственники?

Я вспомнил о смотрительнице Эллен, сказавшей, что она никогда не сможет выйти из Бедлама.

Метвис, казалось, был близок к обмороку.

— Только в тех случаях, когда родственники не могут обеспечить им надлежащий уход, — промычал он.

— И достаточно богаты, чтобы сплавить несчастных вам и таким образом избавиться от них.

Судья Эйнсворт раздраженно постучал гусиным пером по столу.

— Я намерен положить конец подобной практике, хотя обычно такими делами занимается суд по делам сирот и опеки. Но меня беспокоит то, сколь долго может сохраняться подобная ситуация.

Он повернулся к Гаю.

— Доктор Малтон, вы осматривали этого мальчика. Что вы можете сообщить суду?

Гай встал.

— Адам Кайт очень болен, ваша честь. По каким-то причинам, не до конца мне понятным, он решил, что Господь обделил его своей милостью. И все же я полагаю, что сумею ему помочь.

— Значит, его нельзя назвать отъявленным еретиком?

— Ни в коем случае, ваша честь. Но, конечно, я понимаю, что при желании его действия можно интерпретировать и так.

Гай помолчал.

— В интересах общественного порядка ему лучше оставаться там, где он находится, но, с другой стороны, мне не хотелось бы, чтобы он остался в Бедламе на неопределенный срок.

— Да, это было бы жестоко по отношению к мошне сэра Джорджа Метвиса.

Судья Эйнсворт позволил себе легкую улыбку и снова посмотрел на Адама.

— Имеет ли смысл допрашивать его? — спросил он у меня.

— Нет, ваша честь. Вряд ли мастер Кайт отдает себе отчет даже в том, где в данный момент находится.

— И все же вы полагаете, что ему можно помочь. И сколько времени, по-вашему, для этого понадобится? — обратился Эйнсворт к Малтону.

Гай колебался.

— Не знаю, — ответил он. — Но я не собираюсь требовать денег за его лечение.

— В таком случае я постановляю: каждые две недели мне должны предоставляться отчеты. Оплата должна производиться из средств Бедлама. Через два месяца — повторное рассмотрение дела.

Судья вновь взглянул на Адама.

— Он еще совсем мальчик и не заслуживает бесконечно гнить в Бедламе лишь из-за того, что в своем безумии изрекает опасные вещи.

Эйнсворт повернулся ко мне.

— По закону, если он является душевнобольным, ему должен быть назначен опекун, но Тайный совет этого не сделал. Выходит, что в данный момент его юридически не существует.

— Это так, ваша честь.

— Благодаря Тайному совету. Ну что ж, в такие времена мы живем!

Эйнсворт снова посмотрел на меня.

— Позаботьтесь о том, чтобы за ним ухаживали надлежащим образом, брат Шардлейк.

— Непременно, ваша честь.

Судья углубился в чтение лежавших перед ним бумаг, я кивнул Бараку, а тот толкнул Шоумса локтем в бок. Санитары подняли Адама со скамьи и повели к выходу, я же вышел вместе с Дэниелом и Минни. Метвис шествовал в некотором отдалении от нас.

Когда мы вышли на улицу, Дэниел и Минни принялись горячо благодарить нас. Гай предложил немного проводить их. Кайты радостно согласились, но их глаза тут же затуманились печалью, когда они посмотрели вслед Адаму, которого под взглядами множества любопытных уводили санитары. Мы с Бараксом остановились на ступенях суда. Дождь прекратился, хотя небо по-прежнему было затянуто свинцовыми тучами.

— Харснета нет и в помине, — констатировал Барак, посмотрев по сторонам.

— Придется нам подождать.

Я смотрел на удаляющиеся фигуры Гая и Кайтов. Мой друг, склонив голову набок, прислушивался к чему-то, что говорила ему Минни.

— Старому мавру понадобится все его умение, помоги ему Бог, — проговорил Барак, в голосе которого вдруг зазвучала злость.

— Сегодняшние слушания расстроили тебя? — повернувшись к нему, спросил я.

— А какого нормального человека они не расстроили бы? Иногда...

Он замялся.

— Что?

— В последнее время, куда я ни взгляну, мне везде мерещатся сумасшествие, темнота и демоны.

— Мы обязаны найти убийцу и обязаны помочь Адаму Кайту.

Я говорил спокойно и размеренно, убеждая скорее себя, нежели его.

— Ага, и вот как раз идет человек непоколебимой веры, который, без сомнения, расскажет нам, что делать дальше.

Барак кивнул на приближающегося Харснета. Полы его плаща задирались, когда он пробирался через людское скопище у здания суда. Вид у коронера был обеспокоенный и усталый.

— Девчонка сбежала, — начал он без предисловий.

— Абигаиль? — переспросил я, не веря собственным ушам. — Проститутка? Но как?

— Попросилась в нужник и выскользнула в окно. Хорошо еще окно находилось на первом этаже, поэтому она не свернула себе шею.

— А слуга Ярингтона?

— О, этот сидит под замком в Башне лоллардов. Жалкое создание. Но из него больше ничего не вытянешь.

— У меня наконец появились кое-какие новости.

Я пересказал коронеру то, что рассказал мне Тимоти. Немного подумав, тот тряхнул головой.

— Возможно, это ничего не значит. Посетитель Абигаиль не обязательно должен быть убийцей.

— Но кто другой мог знать о том, что в доме преподобного живет шлюха? Если только этот таинственный незнакомец не растрепал об этом всей округе.

— Не растрепал, — твердо заявил Харснет. — Я говорил с каждым из прихожан, и все они убеждены в том, что Ярингтон свято соблюдал обет безбрачия. Он только в последние несколько месяцев стал рьяно оберегать свой дом от любых посетителей.

— Что с поисками Годдарда?

— Я опросил и лондонский Городской совет, и коронеров, и шерифов Кента, Сюррея и Мидлсекса, задавая им всем один и тот же вопрос: не проживает ли на вверенной им территории обеспеченное семейство по фамилии Годдард, сын которого ушел в монахи? Ничего. Кроме того, я с превеликой осторожностью прощупал все радикалистские церкви и религиозные группы.

Харснет бросил на меня многозначительный взгляд.

— Дело, сами понимаете, щекотливое, и хорошо еще, что мне доверяют в этих кругах. Но никто не знает человека, отвечающего описанию Годдарда.

— Может, стоит расспросить и о высоком красивом молодом человеке с темными волосами, которого описал Тимоти?

— Таких могут быть сотни, — раздраженно отмахнулся Харснет. — Но я все равно спрошу, — добавил он более спокойно. — Придется изменить планы на сегодня. Мне нужно встретиться с лордом Хартфордом. Боннер распространил аресты мясников и актеров, игравших запрещенные пьесы, до территории Вестминстера, на которую его юрисдикция не распространяется. Мы попытаемся остановить его.

Он посмотрел на расписную башню, в которой собирался парламент. Она стояла на противоположной стороне двора, а у ее ступеней, с пиками в руках, застыли двое стражников в красных мундирах королевских гвардейцев.

— Они собираются одобрить акт, который запретит читать Библию всем, кроме людей благородного происхождения, — понизив голос, сообщил он. — Король уже одобрил этот документ. Нас загнали в угол.

Харснет тяжело вздохнул.

— К Локли вам придется отправиться без меня, но можете сказать ему, что я наделил вас широкими полномочиями, и если он откажется помогать нам, то будет немедленно арестован. Потом вы расскажете мне о том, что вам удалось узнать. Мы сможем снова встретиться здесь в три часа?

— Да. Возможно, с моей стороны было бы разумным, если останется время, снова посетить молодого Кантрелла, — сказал я. — Хотя вряд ли он сможет сказать что-то еще.

— Пусть говорит все, что угодно. Главное, чтобы это помогло нам, мастер Шардлейк.

Харснет бросил на меня отчаянный, тревожный взгляд, повернулся и пошел прочь.

— Наш совместный ужин сегодня не состоится? — крикнул я ему вслед.

Харснет на ходу отрицательно помахал рукой и прокричал в ответ:
— Нет-нет, сейчас не до того!

Мы вернулись на Канцлер-лейн. Улицы заполнились людьми, и в этом людском водовороте я нервничал, чувствуя себя беспомощным и уязвимым. Да и рука вдобавок разболелась. Когда мы пришли домой, Филипп Орр сидел на кухне и чинил сломанный ящик.

— Никого подозрительного не заметили? — спросил я его.

— Никого, сэр, благодарение Всевышнему, — серьезно ответил он. — Только обычных побирушек, которых на Канцлер-лейн как рыбы в пруду.

— И которые шляются по улице так же бесцельно, как адвокаты?

Орр посмотрел на меня непонимающим взглядом. Подобно многим радикалистам, он был начисто лишен чувства юмора.

— То-то вы обрадуетесь, когда все это закончится и вам можно будет вернуться к своей обычной работе, — сказал я и тут же поймал себя на мысли, что даже не знаю, в чем заключается «обычная работа» Орра.

— Сидеть с утра до вечера на кухне — это сущее наслаждение по сравнению с моими обычными обязанностями, — грустно улыбнулся мужчина. — Работая на мастера Харснета, я собираю трупы умерших и отвожу их в покойницкую. Кроме того, я слежу за порядком во время судебных заседаний, а иногда ловлю и доставляю свидетелей, которые не желают приходить по своей воле.

— Уверен, что вашему хозяину вас очень не хватает, — сказал я и с благодарностью подумал о Харснете, который отказался, пусть и на время, от столь ценного помощника ради того, чтобы обеспечить мою безопасность.

— У меня есть ассистент, и он пока заменяет меня.

Немного отдохнув, мы снова поехали в Смитфилд.

— Похоже, Харснету пока не очень-то везет в его розысках, — заметил Барак.

Началась сельская местность, и поэтому мы перестали каждую минуту опасливо озираться по сторонам.

— Лондон и его окрестности не так просто прочесать. Говорят, в Лондоне живут шестьдесят тысяч человек, и с каждым годом это число увеличивается.

— Ага, а богомольный народ подозрительно зыркает на любого, кто задает вопросы, даже если это Харснет.

— Убийца как раз и рассчитывает на обезличенность и анонимность, царящие в этом человеческом улье. Он не смог бы орудовать столь

безнаказанно в каком-нибудь деревенском приходе или даже в маленьком городке. Там его изловили бы в два счета.

— Харснет называет его сумасшедшим и одержимым.

— Этот человек не одержим, — ответил я и решил рассказать Бараку о своем разговоре с Гаем.

И пока, оказавшись в районе Холборн, мы ехали вдоль богатых домов, выходящих фасадами на северную сторону, я поведал ему историю де Реца и Стродира.

— Они убивали потому, что получали от этого извращенное наслаждение, и ни Бог, ни дьявол были тут ни при чем.

Барак неохотно кивнул.

— То же самое можно сказать о любом из сильных влечений, которым подвержены мужчины. Если у кого-то возникает неудержимое желание избивать шлюх или заниматься содомией с мальчиками, то он, не в силах устоять, отдается во власть своей страсти. А в остальном этот человек может быть совершенно нормальным.

Барак искоса глянул на меня.

— Лорд Кромвель знал и пользовался этим с помощью своих шпионов в сауторкских борделях. Они там высматривали посетителей, отличавшихся, гм, необычными пристрастиями.

— Понимаю, — тихо сказал я. — Это одержимость. Тайная, всепоглощающая одержимость жестокими убийствами.

Преодолев плотную толпу, собравшуюся в Смитфилде по случаю базарного дня, мы оказались на Чартерхаус-сквер. Там, на ступенях старой церкви, сидели всего трое нищих — два старика и старуха. Они были настолько стары и измождены, что вряд ли смогли бы пройти и десяток шагов. Остальные попрошайки переместились на рынок. Интересно, подумалось мне, помогают ли они трем этим немощным старикам, делятся ли с ними хотя бы крохами той скудной милостыни, которую получают сами?

Возле ограды, к которой мы привязали Сьюки и Бытие, стояли еще несколько лошадей. Дверь таверны была открыта. Внутри гудел народ. За одним из столиков сидели гуртовщики со Смитфилдского рынка, за другим накачивалась элем оборванная троица с дублеными физиономиями, принадлежавшая, как я рассудил, к братству нищих. Вдовушка Бьюнс и Локли обслуживали клиентов. Толстяк метался между столиками и буфетной стойкой.

Стоило нам войти, как клиентура «Зеленого человека» воззрилась на нас с нескрываемым интересом. Локли и вдова переглянулись.

— Нам хотелось бы переброситься с вами парой слов, — громко сказал я.

— Идемте в заднюю комнату. — Голос Локли был тихим и злым.

Посетители проводили нас любопытными взглядами, а через минуту к нам присоединилась миссис Бьюнс. Задняя комната представляла собой унылую каморку, где из мебели стояли лишь стулья да исцарапанный стол. Я не стал прогонять вдову, подумав, что по неосторожности она может сболтнуть что-нибудь интересное.

— Чего надо? — с откровенной враждебностью спросил Локли.

Он стоял, сжимая кулаки и буравя нас злым взглядом своих глубоко посаженных глаз.

— Но-но, полегче, посудомойка! — рявкнул на него Барак. — Не разевай пасть на джентльмена, прибывшего с поручением от коронера его королевского величества!

Локли сразу сник, пожал плечами и со вздохом сел на стул. Миссис Бьюнс осталась стоять рядом с ним.

— Что вам угодно? — уже гораздо вежливее спросил Локли.

— Мы так и не нашли лекаря Годдарда.

— Чтоб он сдох!

— Вы точно не знаете ничего, что могло бы помочь нам в его поисках?

— В прошлый раз я рассказал вам все, что знал. Годдард не интересовался лечебницей для мирян. Он, хоть и ругал меня за невежество, взвалил на меня все заботы о пациентах. Мне приходилось все делать самому. А все потому, что он считал этих больных всего лишь досадной обузой.

— А тех, кто лечился в монастырской больнице и за которыми ухаживал молодой Кантрелл?

— О них Годдард заботился больше, в противном случае ему пришлось бы держать ответ перед братией. Он присматривал за Кантреллом и даже сделал ему очки, когда стало ясно, что тот едва-едва видит.

— Раньше я сообщил вам, что мы расследуем убийство. Так вот, у нас есть основания полагать, что человека убил Годдард.

— Как?

— Этого я сказать не могу, но убийство было совершено с невероятной жестокостью.

Я был готов поклясться, что Локли испытал облегчение. Он рассмеялся с оттенком презрения.

— Годдард никогда ни на кого не напал бы. Он был холодный человек

и ленив, как дьявол. Если он нужен, его никогда не дозовешься. А еще у него было полно денег, я это точно знаю. С какой стати ему кого-то убивать?

Я медленно кивнул и сказал:

— Не сомневаюсь, вы верите в то, что говорите.

Я посмотрел Локли прямо в глаза.

— Но я уверен, что вы скрываете от нас что-то, имеющее отношение к Годдарду. Советую вам рассказать все.

Локли крепче сжал в кулаки лежавшие на столе руки — большие, грозные, огрубевшие от тяжелой работы. Его лицо побагровело.

— Да оставите вы меня когда-нибудь в покое?

Его выкрик заставил меня вздрогнуть от неожиданности, а Барака — потянуться к шпаге.

— Я ничего не знаю! Ничего! Отстаньте от меня! всю жизнь мной кто-нибудь помыкал! Пациенты, Годдард, тот чертов брадобрей-хирург, который внушал мне, что я проклят.

Он обернулся и уставился на миссис Бьюнс.

— И ты! — Локли уронил голову на руки и простонал: — Я уже сам не знаю, на каком свете живу...

Барак был поражен таким искренним, почти детским всплеском эмоций. Этель Бьюнс стояла, поджав губы, в глазах ее блеснули слезы.

— Что вы скрываете, мастер Локли? — мягко спросил я. — Расскажите, и, возможно, вам станет легче.

— Он ничего не знает, сэр, уверяю вас, — сказала миссис Бьюнс. — Видели бы вы, в каком состоянии он находился, когда я его подобрала! Последние деньги пропивал. Фрэнсис не такой сильный, каким кажется.

Локли внезапно вскочил на ноги, да так резко, что стул с грохотом полетел на пол.

— Убирайтесь отсюда! Убирайтесь оба!

— Если вы не ответите мне, вас могут арестовать, бросить в темницу, и там вас будут допрашивать уже совсем по-другому, — ровным голосом сообщил я.

— Валяйте, арестовывайте! Мне наплевать! К черту вас всех! Я возвращаюсь к своим клиентам!

Он направился к двери. Барак сделал движение, намереваясь преградить ему путь, но я отрицательно качнул головой. Локли вышел, двигаясь необычайно быстро для человека его комплекции. Миссис Бьюнс помялась и подняла на меня умоляющий взгляд.

— Фрэнсис не очень крепок на голову, сэр. То, что он говорит, —

правда. Его действительно всю жизнь унижали люди, считавшие себя лучше его.

— Так поступает большинство, — неприветливо отозвался Барак.

— Но Фрэнсис не выносит этого, такое обращение дурно действует на него. Я пыталась помочь ему, но, по-моему, все закончилось тем, что он стал видеть во мне еще одного... мучителя. Но ведь это не так.

Женщина беспомощно посмотрела на нас.

— Ладно, мадам, оставьте нас пока, — велел я.

Когда она вышла, Барак категорично заявил:

— Его надо арестовать.

Я вздохнул.

— У нас нет на это полномочий. Мы расскажем о том, что произошло, Харснету, и, я уверен, он сегодня же, как только таверна закроется, пришлет сюда людей.

— А может, он тот, кого мы ищем? — спросил Барак. — Большинство людей покрылись бы холодным потом, если бы им пригрозили арестом, а этому хоть бы хны. Даже его женщина сказала, что он не в своем уме.

Я покачал головой.

— Держать таверну — хлопотное дело, и вряд ли у него получилось бы совершить все то, что сделал убийца, так, чтобы о том не прознала миссис Бьюнс. Кроме того, я не могу представить его убивающим Роджера и других. Просто не могу.

— Откуда вам знать?

Я пристально посмотрел на своего помощника.

— Если Локли действительно убийца, неужели ты думаешь, что он дастся нам живым? Нет, пусть с ним разбирается Харснет.

Глава 27

Из Смитфилда мы решили отправиться напрямик в Вестминстер, поскольку это будет быстрее, чем гнать лошадей домой, а потом искать лодку и плыть по реке. Миновав Холборн и проехав через поля, мы срезали путь и оказались на Друри-лейн. На лужайке резвились заяц и зайчиха, в упоении прыгая в своем незатейливом брачном танце.

— Весна наконец наступила, — сказал Барак.

— Да, хотя в последние дни я постоянно ощущаю холод, как будто зима задержалась внутри меня.

Пока мы ехали через Вестминстер, утопая в его шуме, запахах и тревожном ощущении опасности, я не мог отделаться от чувства беспокойности и страха. Под старой часовой башней расположилась группа цыган. Перед маленьким шатром из ярких полотнищ, на которых были намалеваны луна и звезды, стоял столик. Двое играли на флейтах, зазывая народ, а старая цыганка, сидевшая за столиком, гадала на картах, предсказывая судьбу любому желающему. Барак остановился, чтобы рассмотреть их. И впрямь, цыгане в разноцветных тюрбанах и развевающихся цветастых платках являли собой красочное зрелище. Эти живописные пришельцы, высадившиеся когда-то на наших берегах, несколько лет назад были изгнаны по приказу короля, но многим удалось избежать гонений, а некоторые укрылись в вестминстерском убежище.

У этих, судя по всему, дела шли неплохо, даже несмотря на то, что чуть поодаль стоял одетый в черное человек, который, размахивая Писанием, обличал цыган за их языческое, богопротивное занятие. Толпа не обращала на него внимания. Убежище было не местом для проповедей.

— Едем, — поторопил я Барака, нервно оглядываясь по сторонам. — Я не хочу торчать здесь в качестве живой мишени.

Барак кивнул и пустил Сьюки шагом. Мы проехали мимо проповедника, который продолжал надрываться:

— Горе тем, кто идет путем дьявола!

На территорию бывшего Вестминстерского монастыря мы въехали через южные ворота. Поглядев на башню с часами, я обнаружил, что до встречи с Харснетом остается еще добрых полтора часа. Поэтому мы повернули лошадей к дому Кантрелла. Стайка бездомных собак обнюхивала сваленную на углу кучу мусора, надеясь отыскать что-нибудь

съедобное. Я громко постучал в дверь под выцветшей вывеской плотника, а Барак тем временем привязывал лошадей. Мне не хотелось оставлять животных здесь, но не тащить же их в дом! По крайней мере, Сьюки с бойцовским характером: она может крепко лягнуть незнакомца, попытайся тот ее отвязать. За дверью, как и в первый раз, послышались шаркающие шаги, и испуганный надтреснутый голос Кантрелла спросил:

— Кто там? Учтите, я вооружен!

— Это я, мастер Шардлейк. Я уже был у вас. В чем дело?

После короткой паузы звякнул засов, и дверь приоткрылась на несколько дюймов. В образовавшейся щели возникло худое лицо Кантрелла. Он близоруко смотрел на нас через толстые стекла очков, отчего его глаза казались огромными.

— Ах, сэр, это вы! — с облегчением произнес он.

Кантрелл открыл дверь шире. Я опустил глаза и увидел, что в руке он держит длинную палку, на конце которой было темное пятно, похожее на запекшуюся кровь.

— На меня кто-то напал, — сообщил он.

— Мы можем войти? — вежливо осведомился я.

Поколебавшись, он распахнул дверь и впустил нас в дом. В нос мне опять ударил кислый запах грязи и запустения.

Кантрелл провел нас в гостиную с голыми стенами. На столе стояла деревянная миска с остатками чего-то жирного, рядом лежала потемневшая оловянная ложка. Окно, выходившее во двор, было разбито, а на полу валялись осколки стекла.

Кантрелл уселся на жесткий стул и уставился на нас. Мы тоже сели за стол. Я старался не смотреть на грязную тарелку, тем более что от моего внимания не укрылся крысиный помет в углу комнаты.

Выражение лица Кантрелла было напряженным и жалким, на лбу, под грязными светлыми волосами, высыпали прыщи. Он поставил палку на пол.

— Что вы хотите, сэр? — с беспокойством в голосе спросил он. — Вы нашли доктора Годдарда?

— Еще нет.

— Я рассказал вам все, что знал.

— У нас к вам всего несколько вопросов. Но расскажите, что здесь произошло? Пятно у вас на палке — это кровь?

— Это случилось два дня назад. Ночью мне не спалось. Я услышал звон разбитого стекла. На тот случай, если в дом заберутся воры, у меня возле кровати всегда стоит эта палка.

— Да что здесь красть-то? — воскликнул Барак.

— Воры ведь не знают, что тут ничего нет. Я спустился вниз. Было темно, но я увидел, что окно открыто нараспашку, а в комнате кто-то есть. Это был мужчина. Когда я вошел в комнату, он просто стоял. Вряд ли он заметил у меня палку. Он что-то сказал, это позволило мне понять, где находится его голова, и я ударил.

— Конец вашей палки в крови. Вы, видимо, ранили его.

— Да, я попал ему точно по голове. Он застонал, скорчился, и я врезал ему еще раз. Тогда он выскочил в окно и заковылял прочь.

— Что он вам сказал?

Кантрелл наморщил лоб.

— Нечто странное для ночного вора.

— Что именно?

— Он сказал: «Вот и твоя очередь настала». Как вы думаете, что он имел в виду?

У меня перехватило дыхание, и с минуту я смотрел на Кантрелла, не в силах вымолвить ни слова. Неужели он едва не стал пятой жертвой убийцы? Наконец мне удалось выдавить:

— Вы сообщили констеблю?

Кантрелл пожал тощими плечами.

— А зачем? На монастырском подворье постоянно случаются кражи. А этот вор больше сюда не сунется. Ему здорово досталось от меня. Надеюсь, он, убегая, свалился в какую-нибудь сточную канаву, — мстительно добавил Кантрелл.

— Не показался ли вам знакомым этот человек? — спросил я, тщательно подбирая слова. — Может быть, что-то в его внешности? Или голос?

Кантрелл вперил в меня свои полуслепые рыбы глаза.

— Я видел только фигуру, темный силуэт. А что-то разглядеть я могу, если это находится прямо перед моим лицом. Вот даже сейчас, хотя я в очках, ваше лицо для меня всего лишь размытое пятно.

— Он был высоким или низким?

— Довольно высоким. По крайней мере, я целился высоко.

Подумав несколько секунд, Кантрелл добавил:

— А в голосе его и впрямь было что-то знакомое. Резкий такой голос.

— Не мог ли это быть ваш бывший начальник, доктор Годдард? — вкрадчиво спросил я.

Мой собеседник долго размышлял, не произнеся ни слова.

— Вообще-то... вполне возможно. Но зачем... зачем этому старому

мерзавцу могло понадобиться нападать на меня в моем же доме? Я не видел его уже три года.

— Он мог знать, что дом вашего отца стоит рядом с аббатством.

— Но... что он натворил, сэр? В прошлый раз вы мне так и не сказали. В голосе Кантрелла звучали истерические нотки, однако я колебался.

— Можно мне взглянуть на вашу палку?

— А у меня не будет из-за этого неприятностей, сэр? Ведь я только защищался.

— Я знаю. Я хочу всего лишь посмотреть на нее.

С видимой неохотой Кантрелл передал мне палку. Внимательно осмотрев ее конец, я обнаружил несколько волос, прилипших к пятнышку засохшей крови. Волосы были черными.

«Как у Годдарда, — подумалось мне. — И как у неизвестного визитера шлюхи Абигаиль».

— Судя по виду палки, вы здорово приложили его. Но раны на голове обычно сильно кровоточат. Вы, вероятно, не столько поранили его, сколько напугали.

Я вернул палку Кантреллу. Его запястья были тонкими — кожа да кости, — и я невольно вспомнил Адама.

— Вы не ответили на мой вопрос, сэр.

Я вздохнул.

— Возможно, лекарь Годдард... душевнобольной.

— Даже если так, с какой стати ему на меня нападать?

Я смотрел на осколки стекла на полу. Кто-то явно выбил его снаружи. Кантрелл почему-то не стал подметать. Может, обладая таким скверным зрением, он боялся порезаться?

— Вы когда-нибудь имели отношение к радикальным религиозным реформаторам? К тем, кто называет себя праведниками?

Некоторое время он молчал, затем повесил голову.

— Это очень важно, поскольку может объяснить причину, по которым на вас напали.

— Когда я был монахом, — заговорил он тихо, не поднимая глаз, словно стыдился, — мой отец стал реформатором. Он примкнул к группе, которая тайно встречалась в доме проповедника, не имевшего официального разрешения проповедовать. Когда после закрытия монастыря я вернулся домой, то только и слышал: «Вы, монахи, получили то, что заслужили, вы отправитесь в ад, если не пойдете истинным путем, ведущим к Богу».

Когда Кантрелл имитировал грубую манеру разговора отца, в его

голосе звенела злость.

— Тогда я стал терять веру в старые догматы. Как-то раз я позволил отцу затащить меня на одно из таких подпольных собраний. В этой группе было всего-то с полдюжины человек. Они считали, что должны подготовиться к концу света и что Господь возложил на них миссию найти тех, кого он выбрал, чтобы спасти и обратить. Они были глупы и знали лишь несколько цитат из Библии, подходивших, чтобы подкрепить их сентенции, да и те оставались для них непонятными. Некоторые даже не умели читать. Я же читал Библию годами, поэтому для меня сразу стало ясно: они ничего не знают и не понимают.

— Таких множество, — вставил я.

— На этой встрече не было ничего, кроме пустой болтовни и исступленного бормотания. — Голос Кантрелла зазвучал громче, в нем слышалась злая горечь. — Они твердили, что могут спасти меня, обратив в истинную веру.

Он безнадежно покачал головой.

— Когда я вернулся домой, мой отец был уже болен, и после его смерти я перестал посещать эти сборища.

Кантрелл обвел комнату взглядом.

— У него была опухоль.

Бывший монах помолчал, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями. Затем он снова заговорил, но без прежнего пыла.

— Когда отец умер, я боялся, что он будет являться ко мне, чтобы ворчать и браниться, как при жизни. Но этого не случилось. С тех пор в доме царила тишина.

Кантрелл устало вздохнул, словно заблудившись в собственных мыслях. Я посмотрел на запущенную комнату, грязную тарелку и разбитое стекло. Кантрелл, может быть, и выживет благодаря монашеской пенсии, но ему определенно был нужен кто-то, кто стал бы ухаживать за ним.

— Как вы собираетесь чинить окно? — спросил я.

Он только пожал плечами.

— Может, соседи помогут?

Молодой человек яростно замотал головой.

— Они только и делают, что суют нос в чужие дела. Приходила ко мне одна старая мегера, что живет вверх по улице. Прибиралась, копалась в моих вещах, твердила, что мне нужно жениться.

Он зло засмеялся.

— Может, мне и вправду найти какую-нибудь слепую женщину, и мы будем вместе ошупью ходить по дому, натываясь на все подряд и друг на

друга? Я и в лавку-то за провизией сходить боюсь, опасаясь, что меня переедет повозка.

— Что случилось с той маленькой религиозной группой в Вестминстере? Она до сих пор существует?

Кантрелл отрицательно мотнул головой.

— Викарий церкви Святой Маргариты прослышал про то, что в его приходе собираются какие-то радикалисты. По его доносу их лидера арестовали, а остальные разбежались. Это еще в прошлом году было.

С его губ снова сорвался злой смешок.

— Недолго же они хранили верность истинному слову! Бросились врассыпную, что твои крысы!

Значит, о судьбе, постигшей эту группу, стало известно всей округе. Что же случилось с теми, кто в нее входил? Наверняка они присоединились к другим подобным ячейкам или церквям. Может быть, недавно среди них затесался и убийца, а потом услышал разговоры о том, что Кантрелл стал отступником? Если убивал действительно Годдард, имя Кантрелла было ему хорошо знакомо.

— Вы не могли бы припомнить имена людей, входивших в эту группу? — спросил я, и Кантрелл назвал с полдюжины фамилий.

Мне они ничего не говорили, но, возможно, могли что-то сказать Харснету.

— Но какое отношение все это может иметь к мастеру Годдарду, сэр? — осведомился Кантрелл, глядя на меня и беспомощно моргая.

Я не посмел рассказать ему всю правду.

— Я пока ни в чем не уверен, мастер Кантрелл, но, возможно, вам понадобится защита. Я мог бы устроить так, чтобы вам выделили охранника, человека, который будет постоянно находиться в вашем доме.

Кантрелл яростно воспротивился.

— Нет, я не хочу, чтобы здесь кто-то был! Будет кривить нос, говорить о том, какая кругом грязь...

Лужицы его глаз вновь пристально смотрели в моем направлении.

— Если Годдард заявится ко мне снова — ну и пусть. Вы не сказали мне, почему он охотится за мной, но мне теперь уже все равно: жить или умереть.

Я взглянул на Барака, тот пожал плечами. Я решил, что все равно организую охрану для Кантрелла.

— Вы, наверное, считаете, что я большой грешник, если меня не беспокоит смерть? — неожиданно спросил хозяин дома.

— Скажем так: я считаю, что думать так негоже.

— А в конечном итоге что такое смерть? Кто может знать, что будет дальше — вечные муки или вечное блаженство, да и какое это имеет значение?

Он издал невеселый надтреснутый смешок.

— Последний вопрос. Я только что снова был у Фрэнсиса Локли, и у меня сложилось впечатление, что он утаивает от нас какие-то сведения, имеющие отношение к лекарю Годдарду. Как, по-вашему, что это может быть?

— Не представляю, сэр. Я не имел никакого отношения к лечебнице для мирян и видел Фрэнсиса лишь тогда, когда он приходил к мастеру Годдарду за лекарствами или какими-то больничными принадлежностями.

Кантрелл растерянно развел руками, и я понял, что он действительно не знает ни о чем, даже о собственной жизни и смерти.

Мы вышли из дома и вновь окунулись в шум и вонь монастырского подворья.

— Кантрелл погано выглядит, — задумчиво заметил Барак.

— Я бы сказал, что он находится в состоянии глубокой меланхолии, и это неудивительно, учитывая состояние его зрения и то, во что превратилась его жизнь.

— Мог бы хоть немного собраться, взять себя в руки, наконец, принять чью-то помощь. Подумать только, не беспокоиться насчет того, будешь ты жить или умрешь, но зато переживать из-за того, что кто-то скажет, что у тебя в доме грязно!

— Когда встретимся с Харснетом, я попытаюсь договориться о том, чтобы к Кантреллу приставили охрану. Не хочу видеть его истерзанным, как те, предыдущие.

Я не думал, что убийца вернется в дом Кантрелла, поскольку тот теперь будет начеку, но нельзя было исключать ни одной вероятности.

— Ну вот, у нас появились кое-какие новые сведения. Будем искать мужчину с раной на голове.

Мы пересекли улицу и подъехали к воротам в монастырской стене. До встречи с Харснетом оставался час, и мне вдруг захотелось хоть немного побыть одному.

— Барак, — обратился я к помощнику, — поищи какую-нибудь конюшню, куда на время можно было бы поставить лошадей, а я прогуляюсь немного.

— Вы уверены, что вам ничего не угрожает?

— Я все время буду находиться на подворье, а оно охраняется. До

скорой встречи.

Пока Барак не успел затеять спор, я спешил, подошел к воротам и приветственно кивнул стражнику. Тот, узнав меня, открыл калитку. Я снова оказался во дворе Вестминстерского аббатства.

Лавируя между кучами битого кирпича и прочего строительного мусора, я дошел до старого клуатра. Здесь царили тишина и спокойствие. Я шел по древним плиткам безлюдного дворика и напряженно думал. Мне удалось найти кое-какие зацепки, но от этого тайна стала еще более непроницаемой. Кого мы ищем — Годдарда или некоего молодого человека, что навещал Абигайль? И почему убийца выбрал своей пятой жертвой Кантрелла, в чем сомневаться не приходилось? Если это был Годдард, он должен был знать, что молодой человек вряд ли сможет защититься. Я поймал себя на том, что испытываю неизъяснимое удовольствие, представляя, как Кантрелл обрушивает свою палку на голову нападавшего, но тут же подумал, что Кантрелл, как и Мифон, пусть и опосредованно, имел отношение ко мне. С досады я потрянул головой. Было бы опасно и глупо воображать, будто убийца, совершая преступления, ориентируется на меня, как артист на публику. Не потому ли он прилагает такие старания? Действительно ли он хочет запугать меня и заставить бросить это дело? Но, несмотря на все доводы здравого смысла, мне не удавалось избавиться от противного холодка в груди. Ведь я идеально вписывался в схему, по которой убийца выбирал жертв: бывший радикалист, превратившийся в отступника.

Я находился на взводе и решил прогуляться до старой церкви Вестминстерского аббатства в надежде хоть немного успокоиться. Неторопливо шагая вперед, я обнаружил, что дверь, ведущая в зал капитула, приоткрыта, а изнутри доносятся голоса и — удивительно! — стук молотков. Чуть помедлив, я шагнул в вестибюль.

Несколько одетых в черное клерков аккуратно вынимали из старых сундуков пожелтевшие древние свитки и укладывали их на плиточный пол. Рабочие, многие из которых для удобства взобрались на лестницы, приколачивали к стенам массивные деревянные полки, и под ними одна за другой скрывались обрамленные темно-бордовой каймой картины апокалипсиса. На моих глазах длинный гвоздь впился в туловище чудища о семи головах.

Один из чиновников, высокий молодой мужчина, посмотрел на меня вопросительным взглядом.

— Вы из церковного архива, сэр?

— Н-нет, я просто... проходил мимо и услышал стук молотков. Ну конечно же, теперь я вспомнил! Бывший зал капитула решено превратить в хранилище государственных документов.

Он кивнул с серьезным видом.

— Работы с государственными бумагами становится все больше и больше. Старые документы необходимо куда-нибудь переместить.

Я взглянул на стены.

— Значит, старинных фресок больше не будет?

Клерк пожал плечами.

— И витражей тоже, насколько мне известно. Что ж, в конце концов, все это не более чем старая монастырская бутафория. А эти маленькие росписи, на мой взгляд, так себе.

— Это Апокалипсис Иоанна Богослова. История, рассказанная в Книге Откровения.

Услышав эти слова, один из клерков поднял голову, а рабочие перестали стучать молотками. Молодой чиновник, который разговаривал со мной, подошел к стене и с видимым чувством неловкости посмотрел на изображение великой блудницы.

— Правда? — спросил он и, подумав пару секунд, добавил: — Что ж, конец света надо живописать жестокими картинами, такими, как эти.

«Еще один богомолец», — подумал я.

Выйдя наружу, я прошел по дорожке клуатра к монастырской церкви. Там царило безлюдье, лишь несколько церковников лениво слонялись туда-сюда. Огромное молчаливое пространство, в котором не осталось ни икон, ни украшений, было тускло освещено серым светом, лившимся сквозь высокие окна. Веками здесь молились монахи, а теперь тут царили безмолвие и праздность. Единственный стражник, стоявший у двери, спал, опершись на свою пику. Тут было нечего воровать. Все ценное уже прибрал к рукам король.

Я прошел к часовне Генриха VII, где покоился отец нынешнего короля. Большая сводчатая усыпальница до сих пор находилась на своем месте, и ее светлая каменная поверхность являла разительный контраст с полумраком, царившим в соборе. Я вернулся в неф и двинулся вдоль гробниц прежних королей.

Наконец я оказался перед саркофагом Эдуарда Исповедника. Сейчас он представлял собой простое каменное сооружение, но я помню, что до начала антимонастырской кампании эта усыпальница находилось в роскошном обрамлении золотых и серебряных статуй и икон, отражавших свет множества свечей. Возле могилы всегда можно было увидеть груды

костылей и палок для ходьбы, поскольку считалось, что она обладает чудодейственной силой, исцеляющей калек. Насколько мне помнилось, одним из первых, кто обрел здесь исцеление, был горбун.

«Все это, конечно, чушь, — подумалось мне, — но чушь, обладающая огромной силой».

Только сейчас я заметил четверых могучих мужчин в красных мундирах. Они собрались у каменного алтаря, украшенного одним только распятием. Каждый в одной руке держал шапку, а вторую положил на эфес шпаги. Перед ними стояла коленопреклоненная женщина со склоненной головой. На ней было красивое алое шелковое платье с черными обшлагами, вышитыми золотом, а на каждом пальце молитвенно сложенных рук сияло по кольцу. Ее черный капюшон был осыпан жемчугом.

Один из охранников, увидев, что я смотрю на его подопечную, бросил на меня строгий взгляд, словно предупреждая, что я не должен приближаться. Женщина со вздохом опустила руки, и я увидел, что это леди Кэтрин Парр. Выражение ее лица было таким же, как в день похорон мужа, когда я увидел ее в окне кареты, — замкнутым и тревожным. Но когда леди Парр встала, ее лицо разгладилось, и тревога покинула его. С легкой улыбкой она кивнула своим охранникам, и они пошли к выходу.

Когда они уже находились на полпути к двери, возник переполох. Возле одной из могил молился какой-то оборванец, и в тот же миг, когда я его заметил, он вскочил, метнулся к леди Кэтрин Парр и упал перед ней на колени. Я дернулся, повинувшись инстинкту, требовавшему защитить женщину, но ее охранники действовали быстрее. Один из них шагнул вперед и приставил острие меча к шее босяка. Мужчина поднял голову, и я увидел, что это тот самый сумасшедший нищий, которого мы с Бараком встретили в заброшенной лечебнице и который заявил, что ищет свои зубы.

Затем из тени выступила еще одна фигура с обнаженным мечом. Это был сэр Томас Сеймур, облаченный в темно-синий дублет с украшениями из драгоценных камней. Леди Кэтрин побледнела.

— Вы не пострадали, миледи? — спросил он.

— Нет, Томас, со мной все в порядке. — Она нахмурилась. — Уберите свой меч, глупец вы эдакий.

Она опустила взгляд на нищего.

— Добрая леди! — затараторил оборванец. — Я не могу найти свои зубы! Я не могу есть! Велите им вернуть мне мои зубы!

— Ты, ненормальный, — проговорил охранник, не убирая лезвия меча от шеи бедолаги, — как ты смеешь приставать к благородной леди Кэтрин!

— Мои зубы... Мне нужны только мои зубы...

— Отпустите его, — велела леди Кэтрин. — Вы же видите: он не в своем уме. Мне ничего не известно о твоих зубах, — сказала она, обращаясь к сумасшедшему. — Я только вижу, что у тебя их нет. Но если они выпали, то тут уж ничего не поделаешь. Со мной такое тоже когда-нибудь произойдет.

— Нет, добрая леди, вы не понимаете...

— Надо бы его задержать, миледи, — предложил стражник.

— Нет, — отрезала Кэтрин. — Он не понимает, что творит. Дайте мне шиллинг.

Стражник убрал меч в ножны, достал кошель и вынул из него серебряную монету. Леди Кэтрин передала ее нищему, который продолжал смотреть умоляющим взглядом. Она улыбнулась и сразу напомнила мне Дороти, хотя внешне две эти женщины были совершенно не похожи.

— На, держи. Купи себе похлебки.

Попрошайка перевел взгляд с леди на суровые лица ее охранников, поднялся с колен и поплелся прочь. Сэр Томас стоял на прежнем месте с удивленной миной. Кэтрин шагнула к нему, и ее охранники как по команде отвернулись.

— Томас, — проговорила она слегка дрожащим голосом, — тебе же сказали...

— Слуга у тебя в доме сообщил мне, что ты собираешься в аббатство, — перебил ее Сеймур, — вот я и решил приехать, чтобы хоть издали посмотреть на тебя.

Вид у него был весьма серьезный.

— Но когда я увидел, что тебе может грозить опасность, мне пришлось обнажить свою шпагу.

В подтверждение своей искренности он приложил ладонь к сердцу. Мне этот жест показался актерским, но лицо леди Кэтрин на секунду озарилось радостью.

— Ты знаешь, что не должен искать встреч со мной. Это жестоко с твоей стороны, да и опасно, — негромко сказала она.

Женщина огляделась, и ее взгляд ненадолго задержался на мне. Сэр Томас рассмеялся.

— Горбун ничего не расскажет. Я его знаю. А попам я заранее заплатил, чтобы они в течение некоторого времени держались подальше от этой части храма.

Леди Кэтрин с минуту стояла, погруженная в раздумья, а затем подала знак своей охране и быстро пошла к выходу. Стражники последовали за

ней. Сэр Томас едва заметно пожал плечами и обернулся ко мне.

— Вы ведь не станете мести языком? — Он говорил тихо, но в его тоне явственно звучала угроза. — Не расскажете о том, что видели, ни моему брату, ни Кранмеру?

— Нет, я не хочу оказаться втянутым еще и в это.

Сеймур улыбнулся, блеснув белоснежными зубами в обрамлении рыжей бороды.

— Правильное решение, горбун! — бросил он, развернулся и пошел прочь.

Его шаги звучали громко и уверенно.

Глава 28

С Бараком мы встретились у ворот монастырского подворья. Он стоял с лошадами в поводу и цепким взглядом ощупывал всех, кто входил и выходил. Выслушав рассказ о моей встрече с леди Кэтрин Парр и Томасом Сеймуром, он вздернул брови.

— Король велел ему оставить ее в покое, но он все равно рискует встречаться с ней в Вестминстерском аббатстве.

— Вряд ли Сеймур собирался заговорить с нею. Думаю, он всего лишь хотел, чтобы она увидела его стоящим поодаль и поняла, что он ее до сих пор не забыл.

— Он не похож на человека, терзаемого любовной лихорадкой.

— Нет, не похож, а вот она — наоборот. — Я сочувственно покачал головой. — Леди Кэтрин производит впечатление умной и добросердечной женщины. Что могло ее привлечь в таком типе, как Сеймур? Может быть, это зов плоти? У нее был старый муж, а на горизонте маячила перспектива стать женой короля. Когда она молилась, на ее лице были написаны испуг и отчаяние.

— Похоже, леди Кэтрин Парр произвела на вас неизгладимое впечатление, — насмешливо оскалился Барак.

— Не говори глупостей! Просто... мне показалось, что в ней есть что-то доброе, честное, качества, которые нечасто встретишь в придворных дамах.

— И не только в придворных...

Барак хотел добавить что-то еще, но осекся.

— Смотрите, вон идет Харснет. Полагаю, мы с вами не станем рассказывать ему о сцене, которую вы наблюдали в церкви?

— Ни в коем случае. Это нас не касается. Теперь мы точно знаем, что убийства никак не связаны с леди Кэтрин Парр, а остальное — не наше дело.

Харснет уверенно шагал по монастырскому подворью, не глядя по сторонам. Нищие и торговцы не осмеливались приставать к нему. Возможно, им было известно, кто он такой и что он может запросто отправить любого из них в каталажку. У этой публики имелись свои источники информации.

— Добрый день, — приветствовал нас Харснет.

Вид у него был гораздо более жизнерадостный, чем в нашу

предыдущую встречу.

— Совещание прошло успешно? — осведомился я.

Коронер кивнул головой.

— Вероятно, у нас получится дать по рукам Боннеру и не позволить ему распространить свою охоту на Вестминстер. Эта территория ему не подвластна.

Он впился в меня своим пронизательным взглядом.

— Есть какие-нибудь новости относительно Локли?

Я поведал ему о том, что по-прежнему подозреваю бывшего послушника в сокрытии неких важных данных, а потом рассказал о нападении на Кантрелла.

— После того как мы повидаемся с настоятелем, я прикажу задержать Локли для допроса. А его жена? Как по-вашему, ее тоже следует арестовать?

— Нет, не думаю, что ей что-то известно.

— Значит, на молодого Кантрелла было совершено нападение? — задумчиво проговорил Харснет. — Но почему, во имя всего святого, он не хочет, чтобы у него в доме поставили охрану?

— Говорит, что ему уже все равно, будет он жить или умрет. Мне кажется, он малость не в своем уме.

— В каком смысле?

— Он наполовину ослеп, его вышвырнули из Вестминстерского аббатства, а позже у него на глазах умер отец. Этого вполне достаточно, чтобы рехнуться.

— Да, хотя отец и его друзья, как я понял, предлагали ему спасение. Я знаю некоторые такие группы. У них слепого энтузиазма больше, чем истинной веры. Но при этом они находятся на верном пути.

Харснет посмотрел на меня открытым взглядом, который должен был показать, что он ничего не скрывает.

— Как бы там ни было, мастер Кантрелл сначала присоединился к этой ячейке, а потом вышел из нее. Этого вполне достаточно, чтобы наш убийца решил, что он заслуживает смерти.

— Я все же поставлю там пост, хочет он того или нет. — Коронер вздохнул. — Мне уже не хватает стражников. Нужно будет поговорить с лордом Хартфордом и выяснить, может ли он помочь нам с людьми. Кого назвал вам Кантрелл?

Я перечислил имена тех, кого экс-монах назвал в качестве членов секты, к которой принадлежал его отец. Харснет задумчиво потер подбородок.

— Одно или два из этих имен кажутся мне знакомыми. Я наведу справки. А теперь поглядим, что нам удастся вытянуть из настоятеля Бенсона.

Настоятель, как и в прошлый раз, находился в своем кабинете в маленьком домике, стоявшем среди руин наполовину разрушенного монастыря. Бенсон работал с какими-то бумагами. Стук молотков и визг пил раздавался сегодня громче, и на его лице застыло раздражение. Когда мы вошли в кабинет, хозяин окинул нас недовольным взглядом и патрицианским взмахом руки предложил садиться.

— Судя по вашим лицам, — заметил он, — дело все еще не разрешено? Признаюсь, ваши домыслы относительно того, что в преступлениях замешаны бывшие монахи Вестминстерского аббатства, мне глубоко отвратительны.

— Они больше чем отвратительны, — ответил Харснет столь резко, что брови Бенсона полезли на лоб. — Произошло новое убийство, а мы до сих пор не можем найти ни Годдарда, ни его родных. Никаких следов!

Коронер говорил стальным голосом, глядя прямо в глаза настоятелю. Бенсон наморщил лоб.

— Но уверены ли вы в том, что Годдард действительно связан с этими преступлениями? — вкрадчиво осведомился он. — Что у вас есть, кроме знака пилигрима и предположений о возможном применении двейла? По моему, этого маловато.

— Возможно. Но, так или иначе, нам необходимо найти его.

— Я уже рассказал вам все, что знал. У меня нет ни малейшего представления о том, где может находиться Годдард.

— Мастер Шардлейк, присутствующий здесь, имел беседу с бывшим послушником, работавшим в лечебнице для мирян. С Фрэнсисом Локли.

— Вот как? — пробурчал настоятель. — И где же этот Локли сейчас? Готов биться о заклад, что на дне бутылки.

— Дело не в этом, — отрезал Харснет, — а в том, что мы уверены: Локли знает что-то важное относительно Годдарда, но скрывает это.

— Сомневаюсь, что ему известно местонахождение лекаря, — вставил я, — но что-то важное он знает наверняка.

— А вот я — не знаю.

— Я арестую Локли для допроса, — сказал Харснет.

— Какое отношение все это имеет ко мне?

Взгляд Бенсона не изменился, но его пухлая рука скользнула по столу к гусиному перу. Настоятель взял его и принялся вертеть в пальцах.

— Хочу предупредить: когда имеете дело со мной, будьте поосторожнее на поворотах. У меня много влиятельных друзей, я имею особую благодарность от короля за то, что организовал мирную капитуляцию Вестминстерского аббатства, я, в конце концов, являюсь настоятелем этого великого собора, где покоятся английские короли.

— Мы же, — отвечал Харснет, — ведем охоту на убийцу, который зверски умертвил четырех человек и едва не прикончил пятого.

— Повторяю вам, это никак не связано с аббатством. — В голосе настоятеля зазвучало нетерпение. — Клянусь святыми мощами, я знал Годдарда, разговаривал с ним. Он был одним из немногих монахов, с которыми можно было вести умные беседы. Но его интересовало только собственное благополучие и социальный статус. Предполагать, что он станет убивать людей, считая, что выполняет тем самым некие пророчества Книги Откровения, просто смехотворно.

— Если в человека вселился дьявол, — тихо и размеренно заговорил Харснет, — не имеет значения то, каким он был прежде. Одержимый целиком поглощен лишь одним — желанием выполнить волю нечистого.

Бенсон перестал играть с пером и рассмеялся с нескрываемым цинизмом.

— Одержимый! Вы считаете его таковым? Эта версия заведет вас в тупик.

— В зале капитула я видел стенные росписи, иллюстрирующие Апокалипсис апостола Иоанна, — сказал я. — Теперь они будут скрыты за полками для документов.

— Да, это была моя идея — использовать зал капитула для хранения официальных бумаг. У нас, знаете ли, много свободного места образовалось. Ну и что из этого?

— Монахи, вероятно, сотни раз видели эти изображения. Так же, как и вы. Вряд ли можно было, рассматривая их изо дня в день, не думать об истории, о которой они повествуют.

Настоятель передернул плечами.

— Я этих картинок почти не замечал. Разве что думал иногда о том, что нарисованы они из рук вон плохо.

— И все же на некоторых людей они могли оказывать сильное воздействие, — возразил я.

Бенсон просверлил во мне дыру взглядом и наставил на меня перо.

— Ваше имя все время казалось мне знакомым, и я вспомнил, кто вы такой. Вы адвокат, которого король высмеял в Йорке два года назад. Как он назвал вас? Согбенным пауком? Мне рассказали эту историю после его

возвращения. Он сравнил вас с каким-то здоровым йоркширским малым, который был с вами. Йоркширцам эта шутка пришлась по душе.

Я ничего не ответил.

— Вы не божий человек, сэр, — тихо сказал Харснет.

— Я реалист! — разъярился Бенсон. — Такие люди, как я, уменьшают количество проблем, существующих в мире. Я понял, что наша система продажна и прогнила, еще будучи молодым монахом, и со временем подался к лорду Кромвелю. Вот уж кто был реалистом, так это он. Кромвель сделал меня аббатом, а я сделал так, что эта обитель сдалась тихо и мирно, без протестов и скандалов, поскольку они в королевской резиденции совершенно ни к чему. Король надеется, что когда-нибудь тоже будет здесь погребен. И он очень разозлится, если вы устроите скандал.

Бенсон встал, давая понять, что разговор окончен. По глазам Харснета я понял, что больше всего на свете ему сейчас хочется арестовать настоятеля, бросить в темницу и лично подвергнуть его допросу третьей степени. Но в одном Бенсон был прав: он являлся важной персоной, обладал влиянием, и при отсутствии прямых улик Харснету нужно было действовать с крайней осторожностью. Мне подумалось, что он изначально выбрал неправильную тактику поведения с настоятелем и в результате сразу же настроил его против себя.

Когда мы вышли на двор, Харснет повернулся ко мне. Я видел, что он буквально кипит от ярости.

— Вы ему верите? — спросил он.

— Мне кажется, что настоятель тоже что-то скрывает. Причин тому может быть две: он либо думает, что это не имеет значения для нашего расследования, либо считает себя слишком влиятельной шишкой, на которую нельзя надавить.

— Ему не помогут никакие высокопоставленные друзья, если он утаивает важную информацию, которая помогла бы в раскрытии четырех убийств.

— Хотелось бы в это верить, — откликнулся я.

Харснет стиснул губы.

— Послушаем, что нам скажет Локли. Не исключено, что это поможет прижать Бенсона. Я должен прихватить пару констеблей и взять в оборот Локли. Увидимся вечером, в шесть часов, мастер Шардлейк.

Он поклонился и ушел.

— Не завидую я Локли, — сказал Барак.

— Да уж.

Я оглянулся на дом настоятеля.

— Бенсон называет себя реалистом. Что ж, так оно и есть. Как и у любого из монахов, помогавших Кромвелю, им руководило только одно: жажда власти и денег. Едва ли он хоть изредка задумывается о судьбе монахов, которых выбросили из монастыря, и уж тем более не испытывает угрызений совести.

— У него она, по-моему, вообще отсутствует, — заметил Барак.

С крыши трапезной, которую сносили рабочие, свалился огромный каменный блок, и Джек от неожиданности моргнул, обвел взглядом картину разрушений, царивших вокруг, и расхохотался.

— Что смешного? — удивился я.

— Этот болван Бенсон распинаялся о том, как он стал аббатом. Посмотрите вокруг. Он стал хозяином развалин.

— И тем не менее по соизволению короля он до сих пор управляет Вестминстерским собором, — серьезно ответил я.

Барак поднял глаза на огромную церковь.

— Значит, Генрих хочет, чтобы его здесь похоронили, — тихо проговорил он.

— И чем скорее — тем лучше, — еще тише отозвался я.

Харснет жил на северной стороне Вестминстера в одном из красивых старых домов, стоявших вдоль Королевской улицы, чуть ниже дворца Уайтхолл. Над дворцом развевались флаги, его силуэт был красиво очерчен на фоне ясного синего неба, а солнце ярко отражалось в высоких окнах караульной постройки в воротах. Я остановился перед дверью дома Харснета с отполированным до блеска дверным молоточком в виде львиной головы. Мне было интересно, каким будет этот ужин с семьей Харснетов, но еще интереснее было узнать, что рассказал ему Локли.

Я постучал в дверь, и слуга проводил меня в большую гостиную.

На высоком деревянном буфете, отражая свет ламп, сияло золотое блюдо, а одна стена была увешана картинами, изображавшими путешествие волхвов в Вифлеем. Верблюды и повозки были выписаны в мельчайших деталях, а сами полотна выдержаны в теплых песочных тонах.

Меня уже ждали Харснет и его жена. Коронер, облаченный в черный бархатный дублет, выглядел щеголевато, аккуратно подстриженная борода с седыми прядями составляла контраст темным волосам. Однако выражение его лица было озабоченным. Жена Харснета оказалась маленькой круглолицей женщиной со светлыми волосами и яркими глазами, полными любопытства. Она сидела на подушках и вышивала, но при моем появлении поднялась и сделала книксен.

— Элизабет, — сказал Харснет, — позволь представить тебе выдающегося адвоката Мэтью Шардлейка, который работает вместе со мной над... одним сложным делом.

Харснет бросил на меня предупреждающий взгляд, и я понял, что его жена ничего не знает про убийства. Значит, чтобы услышать новости о Локли, придется подождать.

Элизабет заговорила высоким, но приятным голосом.

— В последнее время я почти не вижу Грегори, а когда он появляется, то у него такой усталый вид! Надеюсь, это не вы взвалили на него столько работы?

— Упаси меня бог, мадам, я всего лишь временно работаю вместе с ним.

— Грегори очень тепло отзывается о вас.

Я с удивлением взглянул на Харснета, поскольку полагал, что он не может испытывать уважения к тем, кто не разделяет его строгих религиозных воззрений. Коронер смущенно улыбнулся, и я опять убедился в том, что он застенчив.

— Я еще не поблагодарил вас за то, что вы прислали ко мне в дом человека, — сказал я. — Этот Орр — симпатичный парень, и теперь женщины чувствуют себя гораздо спокойнее.

Харснет выглядел польщенным.

— Я не сомневался в том, что Орр будет работать на славу, ведь он — член нашей церкви.

Элизабет пригласила меня за стол, застеленный нарядной вышитой скатертью.

— Надеюсь, вы любите жареную баранину?

— Больше всего на свете! — ответил я, ничуть не покривив душой.

Она позвонила в маленький колокольчик, и слуги внесли большое блюдо с бараниной и миски с овощами. Я вдруг поймал себя на мысли, что впервые нахожусь на званом ужине после того — последнего — вечера, который провел в гостях у Дороти и Роджера.

«Сэмюель, должно быть, уже уехал, и она опять осталась одна, — подумал я. — Завтра непременно ее навещу».

Дверь снова открылась, и служанка ввела в гостиную четверых тщательно причесанных детей: двух мальчиков и двух девочек в возрасте примерно от четырех до десяти лет. Двое младших были в ночных рубашках.

— Входите, дети, — пригласил Харснет. — Я хочу познакомить вас с мастером Шардлейком.

Дети подошли и послушно выстроились перед отцом. Мальчики вежливо поклонились мне, девочки сделали книксен. Харснет улыбнулся.

— Юных джентльменов зовут Авессал и Ревнитель, юных леди — Рахиль и Бела.

Все это были ветхозаветные имена, за исключением Ревнителя, одного из многих странных имен, которые протестанты давали своим детям: Богобоязненный, Неколебимый, Спасенный. Две маленькие девочки с испуганным любопытством поглядывали на мою горбатую спину. Младший мальчик смотрел в пол, но у самого старшего из детей, Ревнителя, был злой, неприветливый взгляд. Отец положил ладонь ему на голову.

— Надеюсь, ты извлек урок из сегодняшнего наказания? — серьезным тоном спросил он. — Ты понял, что произносить имя Спасителя всеу — большой грех?

— Да, отец, — ответил мальчик.

В его голосе звучала покорность, но глаза оставались колючими.

Харснет отпустил детей, проводил их взглядом и, когда они вышли, грустно покачал головой.

— Мне пришлось ударить Ревнителя палкой, — пояснил он. — За то, что он ругался. Не самая приятная, но необходимая часть отцовских обязанностей. Я и представить себе не мог, что он знает такие слова.

Коронер умолк, и лицо его снова приняло озабоченное выражение.

— Дети могут быть испытанием, — сказала Элизабет, — но при этом они и великое утешение, и наше будущее.

Женщина с улыбкой посмотрела на меня.

— Муж сказал мне, что вы не женаты.

— Да, — коротко ответил я, дотянувшись ножом до нового куска баранины.

— Господь повелевает мужчине вступать в брак, — сказала Элизабет, не сводя с меня взгляда.

— Ну, мне он этого пока не повелел, — отозвался я и повернулся к Харснету. — Вы сказали, что занимаете должность помощника коронера уже шесть лет. Могу я спросить, где вы изучали юриспруденцию, сэр?

— В Миддл-Темпле.^[27] Затем в течение нескольких лет я работал в Линкольншире, откуда родом мои родители. А потом, шесть лет назад, случилось Северное восстание.^[28] Я собрал отряд для борьбы с этими папистами, но сражаться нам не пришлось. Они сдались без боя.

— В Йоркшире все обстояло иначе, — заметил я.

— Божьей милостью восстание удалось подавить и там. После этого я получил письмо, в котором меня приглашали к лорду Кромвелю. Вы ведь его тоже знали?

Харснет уставился на меня своим пронизательным взглядом, словно пытаюсь проникнуть в мою душу.

— Да, с тех самых пор, когда он был молод и еще только стал радикалистом.

— Тогда он находился на вершине власти. Он сказал, что разглядел во мне способного человека, и попросил занять пост помощника королевского коронера. Препятствие только что умер.

Харснет вздохнул.

— В Линкольншире мы были счастливы и не хотели переезжать, хотя предложенная мне должность, как и любая другая на королевской службе, предусматривала солидный доход. Но деньги никогда не стояли для нас на первом месте.

— Лорд Кромвель был не из тех, кому легко отказать.

— О, я и не собирался отказываться, и убеждать меня тоже не было нужды. Хватило единственного аргумента: Кромвель сказал мне, что, если я приму это предложение, при дворе станет одним добрым христианином больше.

— Он работает просто на износ, мастер Шардлейк, — посетовала Элизабет, — но каждый из нас должен жить так, как предназначил ему Господь.

Женщина улыбнулась, и я подумал: не относится ли ее последняя фраза к моей холостой жизни?

— Вы как-то упомянули о том, что подумываете организовать больницу для бедных? — напомнил Харснет.

Я был только рад сменить тему.

— Да, это была идея Роджера Эллиарда. Он задумал собрать пожертвования с членов Линкольнс-Инн, а то и вообще всех адвокатских корпораций и учредить лечебницу для бедных и больных. Когда у меня появится свободное время, я непременно займусь этим.

Харснет согласно кивнул.

— Это было бы замечательно. Между нами говоря, король не горит желанием тратить деньги, полученные от разорения монастырей, заменяя монастырские больницы чем-то получше.

Пришла моя очередь согласиться.

— Да, — сказал я, — он занят только сооружением дворцов и теперь, когда скотты побеждены, подготовкой войны с Францией.

— Ага, и все это ради суетной, призрачной славы.

— Грегори! — одернула его жена.

— Я знаю, дорогая, мы должны проявлять осторожность. Однако вернемся к теме больницы, мастер Шардлейк. Я хотел бы помочь вам в осуществлении этого проекта. У меня до сих пор множество знакомых в Миддл-Темпле. В каком месте вы собираетесь ее строить?

— Признаюсь, я еще не задумывался об этом, хотя после того, как снесли все монастыри, в Лондоне появилось сколько угодно свободного места.

Коронер кивнул.

— Больницу нужно строить поближе к центру. Именно туда стекаются нищие со всего города, чтобы просить подаяние. Мы каждый день становимся свидетелями их страданий. Именно эти страдания вкупе с необразованностью становятся для них соблазном усомниться в милости Господа и мудрости Его.

— В больнице их можно было бы знакомить с Библией, — вставила Элизабет.

— Верно, — глубокомысленно кивнул ее муж. — Позаботившись о теле несчастных, позаботиться и об их душе.

Мы уже закончили с ужином и, перехватив мой полный нетерпения взгляд, Харснет сказал:

— Надеюсь, ты извинишь нас, дорогая, но нам с мастером Шардлейком нужно поговорить. Не желаете ли пройти в мой кабинет? — обратился он ко мне.

Я поднялся из-за стола и поклонился миссис Харснет.

— Благодарю вас за прекрасное угощение, мадам.

Она склонила голову.

— Рада, что вам понравилось. Подумайте, сэр, если бы вы нашли себе добрую жену, такой стол встречал бы вас каждый вечер.

Харснет провел меня в свой кабинет, небольшую комнату, главным предметом которой являлся письменный стол, заваленный бумагами. На одной стене висел большой витраж в раме. На темном фоне были изображены красные и белые розы с золотыми листьями. Это произведение словно освещало комнату, наполняя ее теплой атмосферой уюта. Заметив мой взгляд, Харснет пояснил:

— Это из старого женского монастыря в Бишопсгейте. Мне понравился этот витраж, тем более что на нем нет изображений святых, что было бы идолопоклонничеством.

— Да, вещь и впрямь красивая. Но, сэр, что там с Локли?

Только что энергичный, подобранный, как на параде, Харснет словно сдулся и вялым жестом предложил мне садиться. Я понял: нужно ждать новой порции плохих новостей.

— Его нет, — бесцветным голосом сообщил коронер. — Сбежал. Придя в таверну, мои люди застали эту женщину — как ее там, Бьюнс, что ли? — в панике. Локли за три часа до этого ушел к пивовару, чтобы сделать заказ, да так и не вернулся. Она сказала, что после вашего прихода он пребывал в ужасном возбуждении.

— Это лишь доказывает, что он что-то скрывал.

Харснет положил длинную руку на стол и неожиданно сжал ее в кулак.

— Локли сбежал. Он может быть убийцей.

— Едва ли. У него для этого ума не хватит, не говоря обо всем прочем. Нет, тут что-то другое. Всех, кто имел отношение к монастырским больницам, объединяет какая-то тайна. Барак предположил, что, возможно, тут замешана содомия, но такой вариант мне тоже не кажется правдоподобным.

— Будь моя воля, я бы немедленно заключил настоятеля Бенсона под стражу, но это не так просто. На завтра у меня назначена встреча с лордом Хартфордом. Посмотрим, что можно сделать. Ему это явно не понравится.

— Пока нам не очень-то везло.

— А вот убийце — напротив, и, возможно, этому не стоит удивляться. Благодаря помощи дьявола, сидящего в нем, ему удастся все, что бы он ни делал. Он становится невидимым, неуязвимым.

Харснет посмотрел на меня напряженным взглядом, в котором читался страх.

— Однако с Кантреллом он потерпел неудачу, — напомнил я. — Разве допустил бы это дьявол?

Не спуская с меня взгляда, коронер подался вперед и заговорил еще более убежденным тоном:

— Я знаю, сэр, вы не верите в то, что убийца одержим. Но чем тогда можно объяснить совершение столь зверских, изощренных убийств, причем без видимой причины и цели и без какой-либо личной выгоды?

— Что-то он все же получает от этого. По крайней мере, в своем вышедшем из-под контроля сознании. Я думаю, он испытывает болезненное импульсивное желание убивать. Он не первый такой.

— Сумасшествие? Если вы хотите, чтобы я принял вашу сторону, сэр, извольте мне обосновать свое утверждение, объясните мне, в чем именно заключается его психическое расстройство, как и почему он сошел с ума.

— Не могу, — честно признался я. — Все, что я могу, это сообщить вам, что похожие случаи наблюдались и раньше.

— Когда? — удивился Харснет.

Я рассказал ему про Стродира и де Реца. После того как я закончил, Харснет развел руками и печально улыбнулся.

— Вот видите, сэр, это два ярких примера одержимости, а не сумасшествия, каким мы его знаем, что бы там ни говорил этот ваш бывший монах доктор Малтон.

— Возможно, истинного объяснения поступкам таких людей не будет найдено никогда.

— А вот одержимость представляется мне отличным и вполне логичным объяснением, — торжествующим тоном заявил Харснет и, подавшись вперед, добавил: — Эти акты обретают смысл лишь в том случае, если трактовать их как злобное и нечестивое издевательство над истинной верой.

— Истинной верой? — негромко переспросил я. — Так вы называете Книгу Откровения?

— А как же иначе? — Харснет широко развел руки. — Это неотъемлемая часть Библии, которая есть Слово Божье, говорящая нам, как жить и обрести спасение, как начался мир и каким будет его конец. Нам не дано решать, каким частям Библии верить, а каким — нет.

— Многие — от первых отцов церкви до нашего современника Эразма — сомневаются в том, что Книга Откровения является боговдохновенной.

— Но тем не менее отцы церкви приняли ее, Эразм был и остается папистом. Он не истинный праведник. Откровение — это часть Священного Писания, а в человека, которого мы ищем, вселился дьявол и заставляет его вершить безбожные дела.

Я не ответил, понимая, что в этом нам с Харснетом никогда не прийти к согласию. К моему удивлению, он вдруг улыбнулся и сказал:

— Вижу, я вас не убедил.

— Боюсь, что нет, — также с улыбкой ответил я. — Как и я вас.

Он смотрел на меня без капли враждебности и, наоборот, с каким-то сочувствием.

— Извините настойчивость моей жены в вопросах ценностей семейной жизни. Женщинам в наши дни позволено говорить все, что им заблагорассудится. Но она права. Мэтью... Вы позволите мне называть вас просто Мэтью?

— Конечно.

— Так вот, я с интересом наблюдал за вами всю последнюю неделю.

Совместная работа дает прекрасную возможность оценить человека. Вы человек большого ума и высоких моральных принципов.

— Благодарю вас.

— Вы были удачливым адвокатом и находились рядом с Томасом Кромвелем, когда он только начинал. Я думаю, вас вполне могли бы назначить одним из уполномоченных, которым было поручено свести на нет все монастыри.

— Такая работа не по мне. Для нее требуются более безжалостные люди.

— Да, в вас сильны моральные устои. Но высокоморальный человек не должен терять веры.

— Когда-то я делил адвокатскую контору с одним хорошим человеком, приверженцем новой веры. Потом он ушел и сделался уличным проповедником. Я часто вспоминаю его. Наверное, он и по сей день шатается где-нибудь по дорогам. Однако я знал и хороших людей, которые исповедовали старую веру. То же относится и к злодеям — их можно встретить среди приверженцев и той и другой веры.

— Я думаю, вы полны сомнений. Вы из тех, кого Библия называет лаодикийцами.

— Лаодикия. Город, где возникла одна из церквей, на которые Иоанн Богослов обрушивается в Откровении. Да, я сомневаюсь.

Я поймал себя на том, что в моем голосе зазвучал холод. Мне не хотелось этого разговора, не хотелось, чтобы Харснет обращал меня в свою веру, к тому же в столь покровительственной манере, но мне также не хотелось быть с ним грубым. Его страстность была искренней, а мне с ним еще предстояло работать.

— Простите меня за нескромность, — продолжал он, — но, может быть, испытывать душевную горечь, упорствовать перед Богом вас заставляет ваш физический недостаток? Я заметил, как болезненно вы отреагировали на слова настоятеля Бенсона, вспомнившего случай, когда король в Йорке высмеял вашу горбатость. К сожалению, когда подобные вещи говорят тебе в лицо, это надолго врежется в память.

Вот теперь я почувствовал злость. На сей раз он зашел слишком далеко.

— Я был горбат и тогда, когда являлся, говоря по-вашему, человеком истинной веры, — твердо ответил я. — Сейчас я сомневающийся, лаодикиец, как вам угодно было выразиться. А все потому, что на протяжении десяти лет я видел с обеих сторон людей, которые твердили о своей любви к Господу, но одновременно с этим грабили и убивали себе

подобных. «По плодам их узнаете их». Не так ли говорится в Библии? Поглядите на плоды, которые принесла религия за эти десять лет. Перед глазами у нашего убийцы не счесть примеров, которые могут вдохновлять его на самые изощренные преступления.

Харснет нахмурился.

— Сторонники Папы делают все, чтобы доказать, будто истинной вере чуждо милосердие, и мы должны бороться с этим. Вам известно, что творит Боннер. Я не сторонник жестких мер, более того, я их терпеть не могу, но иногда без них не обойтись.

— Во что вы верите, Грегори? — осторожно спросил я. — Неужели, подобно Кранмеру, вы полагаете, что король — наместник Бога на земле, посаженный на трон, чтобы претворять в жизнь доктрину церкви, и что все должно происходить в соответствии с его волей?

— Нет, я верю в то, что истинная христианская церковь должна быть самоуправяема. Никаких епископов, никаких таинств. Так, как было в начале, так должно быть и в конце. А конец близок, в это я тоже верю.

— Так я и думал.

— Я вижу знамения, странные вещи, происходящие повсюду, вроде тех огромных рыб, которых извергли воды, вижу преследования истинных христиан. Антихрист здесь, это Папа. Сейчас не время для полумер.

— Я же уверен в том, что Книга Откровения была написана лжепророком, — ответил я, — а убийца осуществляет его дикие мечты и фантазии.

Я думал, Харснет взорвется от злости, но его взгляд оставался сочувственным. Он тяжело вздохнул.

— Вижу, вы искренне верите в то, что говорите, Мэтью. Я способен взглянуть на вещи с вашей позиции, и поверьте, мне самому зачастую не нравится делать многое из того, что мне приходится делать. Например, способы, которые я применяю в этом расследовании.

Его щека дважды дернулась, будто от нервного тика.

— В тот день я усердно молился, и, как мне кажется, Бог услышал меня и утвердил меня в мысли о том, что истину о смерти несчастного Эллиарда необходимо сохранить в тайне. Я никогда ничего не делаю без молитвы и начинаю действовать, только получив ответ от Бога и поняв, что я нахожусь на верном пути.

Харснет улыбнулся.

— В конце концов, держать ответ мне придется перед Ним, а не перед смертными.

Он посмотрел на меня взглядом, в котором сочетались страстность и

серьезность.

— В юности я тоже сомневался, как, наверное, любой человек. Но однажды, когда я молился, прося просветления, я почувствовал, как в меня вошел Бог, и мне показалось, будто я очнулся после долгого сна. Я ощутил любовь Бога, с моего сознания словно спала пелена.

— Мне казалось, что однажды я испытал то же самое, — с грустью отозвался я.

— Но этого, видимо, оказалось недостаточно?

— Нет.

Харснет улыбнулся.

— Возможно, такой момент еще наступит. После того, как закончится весь этот кошмар.

Он замялся, и в его глазах вновь проступила застенчивость.

— Мне хотелось бы быть вашим другом, Мэтью, — сказал он. —
Поверьте, я умею дружить.

— Даже с лаодикийцами? — рассмеялся я.

— Даже с ними.

Я пожал ему руку и подумал, что, когда все это останется позади, произойдет одно из двух: либо я обрету веру, либо он ее потеряет.

Глава 29

Уже стемнело, когда, смертельно уставший после долгого дня, я возвращался домой. Конь неспешно трусил по Стрэнду,^[29] мимо богатых домов, выстроившихся вдоль этой улицы от Вестминстера до Сити. В окнах мерцали желтые огоньки свечей. Поскольку наступил комендантский час, людей на улицах почти не было, но, как всегда в последние дни, я оставался начеку.

Воздух был теплым, но сырым, и, поглядев на небо, я увидел, что звезды спрятались за тучей. Значит, скоро будет дождь. Это предсказывали и разболевшиеся швы на моей раненой руке. Завтра, если выдастся свободное время, нужно будет сходить к Гаю и спросить, когда можно будет их снять. Я хотел также поговорить с ним и об Адаме Кайте, и об убийце. Разговор с Харснетом эхом отдавался в моей голове. Я не верил в одержимость преступника, но никакого другого, более реалистичного объяснения предложить не мог. И еще я не знал, где и когда негодяй нанесет новый удар.

Войдя в дом, я увидел человека Харснета. Орт сидел в прихожей и читал Писание.

— Все спокойно, Филипп? — осведомился я.

— Да, сэр. Я несколько раз прошелся вверх-вниз по улице, так, чтобы меня видели. Все как обычно. Много адвокатов, уличный торговец, с самого утра во все горло расхваливающий свой товар...

— Далеко он забрался. Вряд ли в этом районе он может ожидать бойкой торговли.

— Сейчас многие из тех, кто остался без работы, подались в торговцы. Они теперь по всему городу.

— Что верно, то верно.

Я прошел дальше, довольный тем, что Орт на своем посту. Мне была по душе его основательность и добросовестное отношение к порученному делу. Если убийца попытается причинить нам еще какие-нибудь неприятности, присутствие Филиппа окажется как нельзя кстати.

В доме царила тишина. Впрочем, нет. Подойдя к лестнице, я остановился, поскольку до моего слуха донеслись какие-то звуки, раздававшиеся из-за двери кухни. Плакала женщина. Я осторожно подошел к двери и распахнул ее.

За столом сидела Тамазин, шмыгая носом и горько всхлипывая. Рядом

с ней, полная сочувствия, примостилась Джоан. Она по-матерински обнимала молодую женщину за плечи. Посмотрев в окно, я увидел стоявших на дворе мальчишек, Питера и Тимоти. Прижавшись носами к стеклу, они наблюдали за происходящим на кухне. Я махнул на них рукой, и они упорхнули, как два воробья.

Тамазин подняла голову и посмотрела на меня. Синяки почти сошли, но сейчас ее лицо было красным и опухшим от слез.

— Что стряслось? — спросил я.

— Ничего, — ответила она.

— Но я же вижу, что что-то случилось, — не отступал я.

— Поссорилась с Джеком, — пояснила Джоан.

— Он вернулся домой час назад, — пролепетала Тамазин. — Пьяный. А когда я спросила, что случилось, набросился на меня и такого мне наговорил... Я этого больше не вынесу! — с неожиданной злостью добавила она.

— Я поговорю с ним, — успокоил я женщину. — В этом доме никому не позволено напиваться.

Выйдя из кухни, я стал подниматься по лестнице, злясь на Барака и на самого себя. Я предложил ей помощь, и что из этого вышло?

Барака я нашел в комнате, которую выделил им с Тамазин. Он сидел на стуле возле кровати. У него тоже было красное лицо, но только не от слез, а от выпивки.

— Только не начинайте снова, — проворчал он.

— В своем доме я сам решаю, когда и с чего начинать. Вот как ты держишь свое обещание наладить отношения с Тамазин?

— Н-не ваше дело, — промычал Барак.

— Мое, если ты доводишь женщину до слез. Где ты был?

— В городе. Выпивал со старыми друзьями.

— Раньше ты так никогда не напивался. По какому поводу надрался сегодня? Все оплакиваешь умершего ребенка?

Он не ответил.

— Ну?

— Я устал от этой работы, — признался он. — Меня от нее тошнит. Он может нанести новый удар сегодня ночью, а у нас нет ничего, кроме каких-то крох и обрывочных сведений.

— Знаю, — уже более спокойным тоном отозвался я. — Знаю и испытываю такие же чувства. Но ты не имеешь права отыгрываться за это на Тамазин.

— Я и не отыгрывался. — В голосе Барака вновь зазвучала

агрессия. — Я вошел, а она набросилась на меня за то, что я выпил. Я велел ей оставить меня в покое, а когда она не послушалась, обозвал ее пару раз. Она не умеет вовремя остановиться.

— Ты мог бы рассказать ей о том, что тебя беспокоит.

Он вскинул на меня глаза.

— Что? Рассказать о том, что человек, который избил ее, все еще на свободе, продолжает убивать, а мы ждем, когда он снова кого-нибудь прикончит? Или нападет на кого-нибудь из нас? Ненавижу ощущать себя беспомощным. Как бы я хотел до него добраться!

Он в отчаянии помотал головой.

— Тебе нужно как следует выспаться, Барак. А когда проснешься, попроси прощения у Тамазин. Иначе ты потеряешь ее.

— Может, в меня вселился один из чертей, о которых все время толкует Харснет? — с горькой усмешкой спросил он.

— Ага, из бутылки.

Я закрыл дверь и оставил его одного.

Как ни странно, в ту ночь я спал как дитя, словно злость, которую я выплеснул на Барака, освободила что-то внутри меня. Когда я укладывался в постель, пошел проливной дождь, и последнее, что я слышал, засыпая, был стук тяжелых капель по оконному стеклу. Проснулся я рано. Небо было пасмурным, но ливень перестал. Должно быть, он хлестал всю ночь, поскольку на дорожке двора под моими окнами образовались большущие лужи.

В доме царила тишина. Барак и Тамазин, наверное, еще не проснулись. Интересно, подумалось мне, удалось ли им помириться вчера вечером? Впрочем, вчерашнее настроение Барака делало это маловероятным. Отругав его, я испытывал странное ощущение, поскольку давно относился к нему не как к подчиненному, а как к другу.

Пока не пришли ответы на запросы Харснета и не дала результата его попытка надавить на настоятеля Бенсона, меня ждала уйма дел на Канцлерлейн. Перво-наперво я навещу Дороти. Как она там одна, без Сэмюэля? Жаль, что пока я не могу порадовать ее новостью о поимке убийцы Роджера.

На кухне послышались голоса Джоан и Орра, но я не стал спускаться к ним, не желая, чтобы моя домоправительница втянула меня в дискуссию относительно взаимоотношений Барака и Тамазин. Завтракать мне тоже не хотелось, поэтому я оделся и потихоньку вышел из дома. Отсюда до Линкольнс-Инн было недалеко, но дорога после дождя превратилась в

грязное месиво, и я порадовался, что догадался надеть башмаки для верховой езды.

В Линкольнс-Инн рабочий день был в полном разгаре. По Гейт-хаус-корт сновали адвокаты с кипами бумаг, струи фонтана весело журчали под серым облачным небом.

На мой стук открыла Маргарет. Она сообщила, что хозяйка дома и просматривает документы.

— Как она? — спросил я.

— Пытается вернуться к нормальной жизни, сэр. Но мне кажется, у нее это плохо получается.

Дороти находилась в гостиной. Она была печальной и бледной, но встретила меня улыбкой.

— У тебя усталый вид, — сказала она.

— Эта охота... — Я помолчал. — Он до сих пор на свободе. А ведь прошло уже две недели.

— Я уверена, ты делаешь все, что в твоих силах.

Она встала из-за стола, вытерла перо и положила его рядом с бумагами.

— Пойдем. Этот проклятый дождь наконец закончился, и я хочу, чтобы ты отвел меня погулять в Кони-Гарт. Мне нужно вдохнуть свежего воздуха.

— С удовольствием!

Я был рад, что к ней вернулась способность думать о столь обыденных вещах.

— Но тебе придется надеть башмаки, на улице сплошная грязь.

— Так я и сделаю.

Оставив меня в гостиной, она вышла. Я стоял у камина, а с резного деревянного фриза на меня смотрели животные. Вернулась Дороти, одетая в черный плащ с капюшоном и высокие башмаки для прогулок. Мы вышли из дома и двинулись через Гейт-хаус-корт. Попадавшие навстречу адвокаты приветствовали нас, но в их взглядах читалась смесь любопытства и страха. Я заметил, что Дороти старательно отводит глаза в сторону, чтобы не смотреть на фонтан.

Мы вышли на безлюдную пустошь полей Линкольнс-Инн. Именно через нее бежал убийца после того, как разделался с Роджером. Поблизости тянулся длинный невысокий холм со склонами, испещренными заячьими норами. Совсем скоро сюда будут наведываться студенты, чтобы раздобыть себе обед, поймав парочку длинноухих.

Мы шли по тропинке к вершине холма. Земля здесь была немного суше. Дороти задумчиво молчала.

— Сэмюель, верно, уже в Бристоле, — произнес я.

— Да. Он очень хотел, чтобы я поехала с ним, а не оставалась тут совсем одна.

— Но он также сказал, что тебя невозможно вытащить из дома.

— Это так. Я останусь здесь до тех пор, пока убийца не будет пойман. Тем более что мне еще тут нужно кое-что закончить. Мастер Бартлетт был так добр, что подсчитал, сколько денег я должна получить за дела, которые вел Роджер. Да я и не одна: меня навещает много добрых людей.

Она грустно улыбнулась.

— Ты помнишь мадам Лодер, которая была у нас на ужине в прошлом месяце? Два дня назад она ко мне заходила. Только я усадила ее на кушетку и дала стакан вина, как она наклонилась, и ее фальшивые зубы вывалились ей на колени.

Дороти засмеялась.

— Бедняжка! Она была ужасно смущена. Она собирается сказать пару ласковых слов зубодеру, который сделал ей эту вставную челюсть.

Рассказ Дороти напомнил мне недавний случай, когда другой зубодер пытался купить зубы Тамазин, и я подумал, знает ли эта мадам Лодер, откуда взялись зубы для ее вставной челюсти?

— Надеюсь, ты соблюдаешь меры предосторожности и не выходишь из дома одна? — спросил я.

— Да, не волнуйся.

— Как ты думаешь, в конечном итоге ты останешься в Лондоне или все же переедешь в Бристоль?

Дороти вздохнула.

— Вряд ли мне удастся купить дом в Лондоне, а вот в Бристоле — смогу.

Она вздернула брови.

— Казначей Роулэнд прислал мне письмо. Очень вежливое, но в нем недвусмысленно говорится, что я должна освободить квартиру, причем как можно скорее.

— Он просто бессердечный тип!

Дороти пожала плечами.

— После смерти Роджера в корпорации появилась вакансия, и он хочет взять на это место нового человека.

Она бросила на меня испытующий взгляд.

— Сэмюель хочет, чтобы я переехала в Бристоль навсегда. Но меня удерживает здесь не только упрямство. Я еще не готова принимать столь важные решения.

Дороти вздохнула.

— Мысли путаются. После смерти Роджера меня преследует ощущение пустоты. В мире словно образовалась дыра. Но все же, ты знаешь, сегодня утром я так углубилась в работу, что не думала о нем целых полчаса. И мне стыдно. Я словно предала его.

— Таково горе. Дыра, проделанная в мире, навсегда остается с тобой, но постепенно ты начинаешь замечать другие вещи. Тебе не за что себя винить.

Дороти с любопытством взглянула на меня.

— Тебе тоже пришлось познать горе?

— Одна женщина, которую я знал очень хорошо, умерла во время чумы тысяча пятьсот тридцать четвертого года. Прошло девять лет, а я все равно вспоминаю ее. После ее смерти я даже носил траурное кольцо.

— Я этого не знала.

— Это было после того, как вы с Роджером переехали в Бристоль.

Я посмотрел на нее.

— Дороти, могу я тебя кое о чем спросить?

— Конечно. О чем угодно.

— Ты хочешь остаться в Лондоне лишь потому, что ждешь того момента, когда поймут убийцу? Но ведь неизвестно, когда это произойдет.

Она резко остановилась и положила ладонь мне на руку. Ее бледное лицо в обрамлении черного капюшона было взволнованным.

— Мэтью, — заговорила она, — я вижу, что это ужасное дело буквально сжигает тебя изнутри. Мне очень жаль, что я фактически втравила тебя в охоту за убийцей, но я думала, что официальные власти не ударят для этого пальцем о палец. Теперь я вижу, что ошибалась и они ищут этого человека. Потому я хочу, чтобы ты оставил это им. На тебя это очень плохо влияет.

Я печально покачал головой.

— Я слишком глубоко увяз в этом деле, с которым связан и официальными обязательствами. Он... снова убил.

— О нет!

— В остальном ты права, Дороти, происходящее действительно словно сжигает меня, но я не могу отступить. Тем более что я вовлек в это других людей: Гая, Барака.

Про себя я подумал: «А если бы я действительно решил оставить этого убийцу в покое, оставил бы он меня?»

— Не вини себя, — продолжал я. — Возможно, мы уже знаем, кто убийца. Мы поймем его. И еще одно мы знаем точно: Роджер был

случайной жертвой. То есть на его месте мог оказаться любой другой.

— Для меня это слабое утешение. Это даже хуже. Но что случилось, то случилось, и я должна жить с этим.

— Ты заметно успокоилась. Твоя внутренняя сила помогает тебе.

— Возможно.

— Ощущаешь ли ты помощь Бога? — спросил я, повинувшись какому-то непонятному импульсу. — Поддерживает ли Он тебя в трудную минуту?

— Я молюсь. Прошу помочь мне справиться с тем, что произошло. Но я не прошу у Господа освободить меня от горя, я должна сама справиться с ним. Хотя я до сих пор не могу понять, как мог допустить Всевышний, чтобы такой хороший человек, как Роджер, погиб столь страшной и нелепой смертью. Именно это я подразумеваю, говоря, что это еще хуже — то, что Роджер оказался случайной жертвой.

— Кто-то мог бы ответить на твой вопрос так: убийца — злой человек, который отвернулся от Бога и добра. А Бог предоставляет каждому из нас право на выбор.

Дороти покачала головой.

— У меня не лежит душа к подобной схоластике.

Некоторое время мы шли молча, затем она сказала:

— Ты очень смелый человек, Мэтью, если продолжаешь заниматься этим делом. Любой другой давно сбежал бы от него на край света, а ты — нет. Оно словно засосало тебя.

— Оно засосало и Барака, и Гая.

— Ты и вправду не можешь отказаться от него?

— Нет, уже не могу.

Мы дошли до вершины холма и стояли, озирая поля Линкольнс-Инн, переходящие в более отдаленные поля Лонг-Акра. По небу наперегонки бежали облака различных оттенков серого, обещая новый дождь.

— Ты помнишь нашу первую встречу? — внезапно спросила Дороти. — Тот случай с бумагами мастера Торнли?

Я улыбнулся.

— Помню, словно это было вчера.

Торнли был студентом, который двадцать лет назад учился с Роджером и со мной. В корпорации мы делили на троих клетушку, которую называли кабинетом. Мы с Роджером как раз работали, когда появилась Дороти, дочь моего начальника. Ей было велено передать мне, что завтра назначены слушания и ее отец нуждается в моей помощи. Едва она успела все это рассказать, как в нашу каморку ворвался Торнли.

— Он был таким забавным толстым парнем, — смеясь, вспоминала

Дороти. — На его круглом лице всегда играл румянец, но в тот момент он был бледен как смерть.

Я помнил, что он тогда по уши увяз в написании контрольной работы по земельному законодательству, которую должен был сдать на следующий день.

— Ну и историю он нам тогда рассказал! — подхватил я. — Дескать, он не сможет представить документ, потому что его съела собака! Глупое оправдание, но оно соответствовало истине. Ты хоть раз видела эту его собаку?

— Нет, она ведь жила у него дома.

— Здоровенная ищейка, которую он привез из деревни. Торнли держал ее в комнате, которую снимал на аллее Монашенок. Он даже продемонстрировал нам изжеванные обрывки документа, которые ему удалось спасти из пасти собаки. Некоторые из них все еще были в собачьей слюне.

— И мы помогли ему. Ты разложил обрывки по порядку, а мы с Роджером и Торнли переписывали то, что можно было прочитать. Но на некоторых чернила расплылись, и Торнли пришлось изрядно напрячь мозги, чтобы вспомнить, что там было написано.

— Некоторые пробелы восполнил для него Роджер.

— А на следующий день Торнли сдал эту работу, и она была отмечена за точность и аккуратность выполнения.

— Что стало с Торнли? Я не видел его с тех пор, как мы выпустились. — Я посмотрел на Дороти. — Ведь ты тогда и с Роджером встретила впервые?

— Да, но пришла я в тот день именно к тебе.

— Ко мне?

Она едва заметно улыбнулась.

— Неужели ты думаешь, что у моего отца не было слуги, который мог бы передать тебе сообщение? Я предложила свои услуги, чтобы увидеться с тобой.

— Об этом я и не подумал. Но помню, как смотрел со стороны на ваш роман с Роджером и ужасно ревновал.

— Мне показалось, что я тебя ничуть не интересую, и поэтому, когда я встретила Роджера...

— Значит, ты пришла, чтобы увидеть меня, — следом за ней тихо повторил я, ощутив тянущую боль в груди.

Я смотрел на плоскую равнину, переливавшуюся зеленым и коричневым цветами.

— Как мало мы друг друга знаем, — задумчиво произнес я. — И как легко совершаем ошибки.

— Да, — печально согласилась она.

— В последнее время... мне кажется, что даже Гая я знаю не так хорошо, как полагал раньше.

Я замялся, мучимый сомнениями, но затем посмотрел прямо на нее и сказал:

— Я не хотел бы, чтобы ты уезжала в Бристоль, Дороти. Мне будет тебя не хватать. Но решать тебе.

Она опустила глаза.

— Я ощущаю себя обузой для своих друзей.

— Для меня ты никогда не будешь обузой.

Дороти смотрела в поля. Возникла неловкая пауза.

— Нужно возвращаться, — сказала она, повернулась и пошла обратно.

Ее юбки волочились по мокрой траве.

Я боялся, что обидел ее, и вдруг понял: если она останется, по прошествии приличествующего трауру времени я буду просить ее руки. Возможно, со временем прежние чувства, которые она когда-то испытывала ко мне, вернуться. Возможно, они уже возвращаются, иначе зачем ей было бы вспоминать эту старую историю? И внезапно у меня возникло чувство, что Роджер одобрил бы это.

То, что я наконец признался самому себе в своих чувствах к Дороти, которые, по всей вероятности, никуда и не уходили, а дремали в моей душе все эти годы, и мысль, что в будущем у меня, возможно, есть надежда, вселили в меня радость. Посреди ужаса и опасностей, окружавших со всех сторон, это было светлым спасательным кругом, за который хотелось уцепиться.

А потом, идя по двору от двери Дороти к моей конторе, я снова увидел Билкнэпа. Он шел по Гейт-хаус-корт, но вдруг остановился и скрючился. Я заметил, что передвигается он с помощью палки. Его голова была опущена, и я мог бы уклониться от встречи, но не стал этого делать. Я вспомнил, как встретился в лавке Гая с его врачом — толстяком, уверенно рассуждавшим о клизмах и очищении желудка.

При моем приближении Билкнэп поднял голову. Его и без того худое лицо теперь напоминало череп, туго обтянутый кожей. Во взгляде вспыхнула злоба. А между тем в прошлые времена, когда Билкнэп был здоров, он никогда не смотрел другому человеку в глаза.

— Очень прискорбно видеть вас с палкой, — сказал я.

— Оставьте меня! Прочь с дороги! — прохрипел он и крепче сжал палку, словно собирался ударить меня. — Вы еще пожалеете, что так обошлись со мной!

— Тогда? В суде прошений? Я не мог поступить иначе. Но хотите — верьте, хотите — нет, мне не доставляет радости видеть вас больным.

Я помолчал, борясь с искушением повернуться и уйти, но продолжил:

— Несколько дней назад я познакомился с вашим врачом, доктором Арчером.

Его глаза подозрительно сузились.

— При чем тут доктор Арчер?

— Он находился в лавке моего друга, доктора Малтона, когда я зашел туда, и упомянул о том, что вы являетесь его пациентом. Он показался мне большой старой клизмой.

— Таков он и есть. Он замучил меня слабительным и кровопусканиями, утверждая, что мое тело разбалансировано и вырабатывает не те жидкости, поэтому их необходимо выводить таким способом.

Билкнэп прижал руку к животу и сморщился.

— Он дал мне какие-то новые слабительные пилюли. Они действуют так быстро, что я не успеваю и шагу ступить, как меня скручивает.

— Некоторые лекари бывают буквально зациклены на промывании желудка. У вас никогда не возникало мысли о том, чтобы показаться другому врачу?

— Доктор Арчер лечил еще моего отца. Что даст посещение другого лекаря, кроме путаницы и... новых расходов?

Он враждебно смотрел на меня, а я не мог понять, почему Билкнэп, не веривший никогда и никому, доверяет врачу, который явным образом не лечит, а калечит его? Однако на одном витке своей жизни человек может быть хитрым, как змея, а на другом — наивным, как ребенок. Я набрал в грудь воздуху и сказал:

— Билкнэп, почему бы вам не показаться доктору Малтону и не узнать его мнение?

— Этому темнокожему мавру? А что, если об этом прознает доктор Арчер? Он откажется лечить меня.

— Доктору Арчеру об этом знать необязательно.

— Наверняка доктор Малтон потребует деньги вперед. Уж он не упустит собственной выгоды.

— По этому поводу можете не переживать, — ответил я, а сам подумал: «Если Билкнэп обратится к Гаю, я скорее сам заплачу за лечение,

чем заставлю друга гоняться за жадным адвокатом, пытаюсь получить гонорар».

Билкнэп молчал, производя в уме какие-то вычисления. Он, без сомнения, размышлял о том, удастся ли ему получить бесплатную консультацию и таким образом заработать дополнительное очко в нашем противостоянии.

— Ладно, я пойду! — агрессивно заговорил он, будто принимая вызов. — Поглядим, что он мне скажет.

— Вот и хорошо. Вы найдете его в Баклсбери. Я увижусь с ним завтра и попрошу, чтобы он осмотрел вас.

Глаза Билкнэпа превратились в щелочки.

— Почему вы это делаете? — подозрительно спросил он. — Хотите заполучить еще одного клиента для своего друга?

— Мне не нравится наблюдать, как человека сводят в могилу никчемным лечением. Даже вас, Билкнэп.

— Откуда адвокату знать, какое лечение хорошо, а какое нет? — пробормотал он, повернулся и пошел прочь, даже не поблагодарив меня.

Я смотрел, как он уходит, постукивая палкой по каменным плиткам двора. Действительно, зачем я это сделал? А потом понял: если Гай сумеет помочь ему, именно я заработаю очко в борьбе со своим старинным противником. Кроме того, я буду знать, что сделал доброе дело. Может, именно это заставило меня предложить ему помощь? Впрочем, если мы станем что-то делать, лишь будучи уверены в том, что наши помыслы абсолютно чисты, мы никогда ничего не сделаем.

Глава 30

Остаток дня я работал, не выходя из конторы. Снова пошел дождь и лил, не переставая, почти до вечера. Барак находился здесь же. Он сидел молча, то и дело морщась от головной боли и, по всей видимости, страдая от жестокого похмелья.

«Ну и поделом тебе», — мстительно думал я.

Ближе к вечеру прибыл гонец из дворца Ламбет. Кранмер вызывал меня на совещание, которое было назначено на завтрашний день. Я решил, что вряд ли произошло нечто экстраординарное, иначе он приказал бы мне явиться немедленно. Видимо, архиепископ хотел выяснить, почему мы до сих пор топчемся на месте.

Я рано лег спать. Ночью снова зарядил дождь, и, просыпаясь пару раз, я слышал, как его струи хлещут по крыше. Лежа в темноте с открытыми глазами, я думал об убийце, который в эти минуты скрывался где-то там, в ночи. Возможно, как раз сейчас он наблюдает за домом, поскольку холод и дождь ему нипочем. А может быть, он сидит в какой-нибудь комнате в этом огромном городе и, подобно мне, слушает звуки дождя, а в голове его ворочаются темные, никому не ведомые мысли.

Следующее утро снова выдалось солнечным и ясным, суля очередной теплый день. Весна уверенно вступала в свои права. Сидя за столом и завтракая, я увидел в окне Тамазин, которая в одиночестве гуляла по саду, останавливаясь перед клумбами с нарциссами и крокусами. Затем она подошла к дому и села на скамейку возле входной двери. Я вышел во двор и направился к ней. Синяки с лица Тамазин сошли окончательно, и к женщине вернулась ее прежняя миловидность и привлекательность. Однако вид у нее был озабоченный. При моем приближении она привстала, но я жестом попросил ее не беспокоиться.

— Скамейка не мокрая? — спросил я.

— Она стоит под ветвями, и дождь на нее не попадает. У вас чудесный сад! — восхищенно добавила она.

— Ничего удивительного. Знаешь, сколько лет мне пришлось ухаживать за ним, чтобы он стал таким? Как себя чувствует Джек? Надеюсь, он никуда больше не уходил прошлой ночью?

— Нет. У него до сих пор раскалывается голова. — Она глубоко вздохнула. — Но вчера он попросил прощения. Он сказал мне то же самое, что и вам: когда с этим делом будет покончено, мы переедем в какой-нибудь

маленький уютный домик. Может быть, там даже будет сад. По его словам, тогда мне будет чем заняться. Жаль, что он не сказал об этом мне первой.

— Но ведь ты все равно рада?

— Мне бы хотелось иметь сад, — тусклым голосом ответила Тамазин, — но, боюсь, мы не сможем позволить себе такой роскоши.

— Возможно, пришло время поднять ему зарплату, — сказал я.

— Странно, что вы вообще не уволили его после того, как он вел себя в вашем доме, — с холодной злостью сказала женщина.

— На нас сейчас давит страшное бремя, Тамазин.

— Я знаю, но, как вам известно, наши с Бараком неурядицы начались задолго до этого.

— Он понимает, что вел себя неправильно, Тамазин. Когда все закончится и вы переедете в другое место, дела пойдут на лад, вот увидишь.

Женщина мотнула головой.

— Вы знаете, какой у него острый язык. Он уже не в первый раз, когда его одолевает хандра, напивается и начинает меня оскорблять. Наутро он, конечно, извиняется, клянется в вечной любви, но проходит время, и все повторяется снова и снова. Я знаю, это наш умерший ребенок разводит нас все дальше и дальше друг от друга.

— Бывают мужья и похуже, — рассудительно заметил я. — Он тебя, по крайней мере, не бьет.

— Я должна его за это благодарить?

— Дай ему время, Тамазин.

— Иногда я думаю: почему я должна терпеть все это? Мне даже приходит в голову мысль о том, чтобы бросить его, вот только идти мне некуда.

Она прикусила губу.

— Впрочем, я не должна взваливать на вас еще и это, сэр.

— Дело не в том, что тебе некуда идти, а в том, что у тебя, кроме Джека, больше никого нет.

Я внимательно посмотрел на Тамазин, словно пытаюсь внушить ей серьезность того, что собираюсь сказать.

— И, что бы ни происходило, помни: Джеку сейчас очень нелегко.

— Мне всегда нравилась его страсть к приключениям, и в то же время я хотела, чтобы он уgomонился. После всего этого он будет только рад зажить спокойной жизнью. Но найдется ли в этой жизни место для меня?

— Уверен, что найдется. Мне очень жаль, что я втянул его в это опасное приключение, но ведь убили моего друга!

— Как его вдова? — осведомилась Тамазин.

— Она сильная женщина. Но бремя утраты до сих пор давит на нее.

Тамазин посмотрела на меня испытующим взглядом, и на миг я подумал, не прочитала ли она моих чувств к Дороти? Я поспешно поднялся со скамейки.

— Мне нужно закончить кое-какие дела, а потом я отправляюсь в Ламбет.

— К архиепископу?

— Да.

— Будьте осторожны, сэр.

— И ты тоже, Тамазин. Будь осторожна.

Оставив ее, я в обход дома направился к конюшне. Я решил не брать с собой Барака. Может, находясь наедине друг с другом, они сумеют поговорить и хоть немного сблизиться. Идти в Вестминстер пешком мне не хотелось. Верхом на лошади я ощущал себя гораздо увереннее, хотя в последние дни ни разу не испытывал чувства, что за мной кто-то следит. Мне было жаль Тамазин, да и Барака тоже. Я снова подумал о Дороти, и в моей душе зародились сомнения. Даже если допустить, что мои чувства к ней дремали все эти годы, с какой стати я решил, что она — сейчас или позже — должна испытывать то же самое по отношению ко мне? Наконец, я пришел к единственно верному решению: нужно ждать и смотреть, как все обернется в ближайшие месяцы.

В конюшне я нашел Тимоти. Мальчик сгребал в кучу старую, запачканную конским навозом солому. Возле дверей лежала охапка свежей. Я был рад видеть, что мальчик быстро подружился с лошадьми.

— Как дела, Тимоти?

— Хорошо, сэр.

Он улыбнулся, и на его грязной мордашке блеснули белые зубы. Я впервые видел, как он улыбается.

— Мастер Орт научил нас с Питером буквам, с которых начинаются наши имена.

— Это просто здорово. Буквы обязательно нужно знать.

— Да, сэр, вот только... Что?

— Он все время говорит про Бога.

«А тебе, — подумал я, — после твоей жизни у Ярингтона, наверное, меньше всего хочется слышать об этом».

Чтобы переменить тему, я спросил:

— Как вы с Питером — ладите?

— Да, сэр, если только я не мешаю ему делать его работу и занимаюсь

своей.

— Ну и хорошо. Ты, похоже, подружился и с моим конем. Его, кстати, зовут Бытие.

— Он покладистый. — Мальчик замялся. — Сэр, а вы не знаете, что стало с лошастью мастера Ярингтона?

— Боюсь, что нет. Наверное, ее кто-нибудь купит.

Заметив, как востроился Тимоти, я торопливо добавил:

— Но мне не нужна еще одна лошадь. А теперь — взнуздай и оседлай Бытие. Мне нужно уезжать по делам.

Я ехал по дороге и думал: как грустно, когда единственным другом ребенка оказывается лошадь! Но о том, чтобы купить ее для Тимоти, не могло быть и речи. Помимо всего прочего, три лошади просто не поместились бы в конюшне.

Я резко дернул за поводья, чтобы не столкнуться с седобородым уличным торговцем, который толкал перед собой тележку с одеждой. Беспорядочные дети и беспорядочные животные, думал я. Они повсюду. А еще — нищие и торговцы. Больница — вот о чем надо думать. Когда все это останется позади, я должен вплотную заняться больницей.

Чтобы добраться до Вестминстерского причала, мне понадобилось больше времени, чем обычно, потому что улицы раскисли от дождя, а одна или две и вовсе оказались затоплены. Люди говорили, что река Тайберн выше по течению вышла из берегов и залила поля. Я обратил внимание на мастерскую печатника. Она была закрыта и заколочена досками, и я подумал: уж не наложили ли лапу на ее хозяина люди Боннера?

В кабинете Кранмера в Ламбете уже собрались все государственные мужи, вовлеченные в наши мрачные поиски. Харсет, потупившись, стоял у двери, лорд Хартфорд — напротив него. Он нервно перебирал пальцами свою длинную бороду и гневно сверкал глазами. Рядом с ним, скрестив руки на груди, с недовольной миной на лице стоял его брат, сэр Томас. Как обычно, одежда на нем была яркая и дорогая: зеленый дублет с рукавами, через разрезы на которых выглядывала красная шелковая подкладка. Кранмер в белой сутане и епитрахили сидел за своим столом. Архиепископ был мрачнее тучи.

— Надеюсь, я не опоздал, милорд? — осведомился я.

— У меня мало времени, — ответил он. — Есть и другие дела, которые требуют моего внимания.

Он выглядел уставшим и одновременно возбужденным.

— Например, не объясняя причин, убедить Тайный совет дать

разрешение на допрос настоятеля Бенсона. — Он горько рассмеялся. — Хотя большинство из его членов с большей радостью арестовали бы меня, нежели его.

Хартфорд посмотрел на меня.

— Мы пытались выяснить у коронера Харснета, как это ему до сих пор не удалось найти Годдарда, несмотря на широкие полномочия и ресурсы, которыми мы его наделили.

— Лондон — большой город, в нем несложно раствориться.

Харснет едва заметно кивнул мне в знак благодарности.

— Но ведь была же у этого человека какая-то прошлая жизнь! — взорвался Кранмер, грохнув кулаком по столу.

Это было так неожиданно, что все стоявшие в комнате вздрогнули.

— Ведь откуда-то он приехал, где-то жил, прежде чем появился в аббатстве, или, по-вашему, он вдруг взял да и выскочил из-под земли, как бес из преисподней?

— Не думаю, что его семья родом из Лондона, — сказал Харснет. — Возможно, они живут в ближних к нам районах Мидлсекса, Суррея или Кента. По крайней мере, они должны были жить где-то недалеко, чтобы он имел возможность приезжать и уезжать из Лондона. Я до сих пор навожу справки у тамошних властей, но это требует времени.

— Вот как раз времени-то у нас и нет, — отозвался Кранмер. — Еще три чаши должны быть излиты, три убийства — совершены, и с каждым из них становится все труднее держать происходящее в тайне.

Архиепископ устремил на меня колющий взгляд.

— Мастер Харснет сказал, что, по вашему мнению, может быть еще один подозреваемый, какой-то молодой человек, посещавший шлюху Ярингтона. Шлюху, которая сбежала, — добавил он, красноречиво покосившись на Харснета.

Я понял, что они хотят свалить на него вину за все: за отсутствие успехов в расследовании, за побег проститутки и за исчезновение Локли.

— Один лишь тот факт, что этот молодой человек знал о пребывании девицы в доме Ярингтона, уже делает его подозреваемым, — осторожно заговорил я. — Но нет ничего, что связывало бы его с другими тремя убийствами. Но с другой стороны, улики, свидетельствующие против Годдарда, тоже косвенные.

Я посмотрел на Харснета и снова перевел взгляд на архиепископа.

— Милорд, человек, которого мы ищем, чрезвычайно умен. Похоже, он превратил убийства в миссию всей своей жизни.

— Он больше похож на одержимого дьяволом, чем на безумца, —

возразил лорд Хартфорд, и я подумал, не является ли он единомышленником Харснета?

— Мы не можем этого знать, — ответил я.

— Это что-то новенькое, — заметил сэр Томас. — Впрочем, новости в этом мире случаются каждый день.

Он цинично ухмыльнулся.

— Может, нам не следует мешать этому человеку выполнять пророчества, а сосредоточить все внимание лишь на том, чтобы скрыть убийства? После седьмого он наверняка остановится. Кто знает, возможно, по его мнению, этого будет достаточно, чтобы наступил конец света. А когда этого не произойдет, он возьмет да и покончит с собой от горького разочарования.

— Боюсь, человек, столь пристрастившийся к убийствам, вряд ли остановится, — ровным голосом ответил я, не обращая внимания на фиглярничание аристократа.

— Согласен, — откликнулся Кранмер. — Но можем ли мы позволить, чтобы эти чудовищные преступления продолжались?

Он снова повернулся к Харснету.

— Сколько у вас людей, Грегори?

— Четверо.

— И вы должны отыскать тех, кого Кантрелл назвал вам в качестве членов бывшей радикальной секты?

— Да.

— А теперь нам предстоит найти Локли и эту девчонку Абигайль. — Кранмер задумался. — Вам нужно больше людей, причем людей компетентных, способных вести такие поиски. Из моего окружения брать никого нельзя, там сейчас слишком много шпионов.

— Мне тоже следует проявлять осторожность, — вставил лорд Хартфорд.

— Возможно, тут смогу помочь я, — вызвался сэр Томас. — Среди моих сподвижников — множество умных и исполнительных молодых людей. Если надо, я вам предоставлю хоть дюжину таких.

Его брат и Кранмер переглянулись. По их лицам я понял: они размышляют, можно ли довериться сэру Томасу до такой степени. В то же время мне было интересно, почему Сеймур-младший сделал такое предложение. Возможно, он воспринимал это как некое приключение, что-то вроде войны с турками, только в уменьшенном варианте. Поколебавшись, Хартфорд наконец кивнул.

— Хорошо, Томас, — сказал Кранмер, — если бы вы обеспечили нас

надежными людьми — тихо и незаметно, — вы оказали бы нам неоценимую услугу. Но они должны подчиняться напрямую коронеру Харснету.

Сеймур скептически посмотрел на коронера.

— Чтобы мои люди выполняли приказы какого-то клерка?

— Да, если ты хочешь, чтобы мы приняли твою помощь, — отрезал лорд Хартфорд.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, словно играли в гляделки, и сэр Томас, сдавшись, пожал плечами.

— Я использую их с умом, — пообещал Харснет. — Я отправлю их к констеблям всех городков, расположенных вокруг Лондона — от Барнета до Энфилда и от Бромли до Сарбитона, — чтобы они выяснили, знают ли те кого-нибудь по имени Годдард.

Архиепископ посмотрел на коронера и беззлобно усмехнулся.

— Наверное, мне следовало побеспокоиться о том, чтобы у вас не было недостатка в людях, раньше, до того, как я намылил вам шею.

Я взглянул на него с уважением. Чтобы государственный деятель столь высокого ранга публично признавал свои ошибки? Это было большой редкостью.

Харснет благодарно кивнул головой.

— А вы, Мэтью, — добавил Кранмер, обращаясь ко мне, — продолжайте думать, пытайтесь собрать эту головоломку. Это ваша основная задача. И берегите себя и своих близких.

Он приложил ладонь ко рту и зажал нижнюю губу между большим и указательным пальцами.

— Как вы полагаете, что он предпримет после того, как будут излиты все семь чаш?

— Найдет новую тему для убийств, — ответил я. — В Книге Откровения их сколько угодно.

Вскоре после этого Кранмер объявил совещание закрытым, попросив братьев Сеймур задержаться. Мы с Харснетом шли по сумрачным коридорам архиепископского дворца.

— Подкрепление сейчас будет для нас как нельзя кстати, — проговорил он.

— Да, — согласился я, — Кранмер видит, что вы работаете на пределе сил.

— Он неизменно благожелателен по отношению к тем, кто верен ему. И все же мне кажется, что я не оправдываю тех надежд, которые он на меня

возлагает. Сначала упустил шлюху, потом — Локли... Кстати, слугу Ярингтона я отпустил. Он больше ничего не знает.

— Мы все совершаем ошибки, Грегори.

Он покачал головой.

— Я должен был лучше служить ему. Ему и так сейчас приходится ох как непросто. Вы сами видели, насколько он напряжен и напуган.

— Нашли ли у его подчиненных, которые были арестованы, что-нибудь, что может уличить их в ереси?

— Не нашли и не найдут. Архиепископ слишком осторожен, чтобы нанимать людей, которых паписты могут изобличить в ереси.

— Тогда, возможно, ему ничего не угрожает. Его враги не могут идти к королю, не имея на руках улики.

— Они так просто не успокоятся. Да и в парламенте дела идут не лучшим образом. Работа над актом, который сделает Библию недоступной для женщин и простого люда, буквально кипит. Но Иисус и его святые в конце концов все равно одержат победу, ибо так сказано. Гонимая церковь есть церковь истинная.

Коронер буравил меня взглядом. Передо мной уже стоял не прежний Харснет, а фанатичный протестант.

— Есть какие-нибудь новости относительно Кэтрин Парр? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Она все еще не дала согласия на то, чтобы стать женой Генриха. Говорят, перед ее глазами неотступно стоит страшная участь, постигшая Кэтрин Говард. Но Божья воля состоит в том, чтобы она все же стала королевой и таким образом обрела возможность влиять на короля.

— Разве можно знать, в чем состоит Божья воля?

Харснет улыбнулся. Его бойцовское настроение улетучилось так же быстро, как и пришло.

— Можно, Мэтью, можно, если усердно молишься. Когда-нибудь вы поймете это, я уверен.

Возвращаясь, я ехал вдоль реки по направлению к Лондонскому мосту. Вот то место, где было найдено тело доктора Гарнея. В отдалении показались хижины коттеров, в одной из которых был изувечен и брошен умирать Тапхольм. Река серебрилась в ярких лучах солнца, прибрежный камыш еле слышно шуршал под порывами ласкового весеннего ветра, а я не был уверен в том, что когда-нибудь найду в себе силы в полной мере насладиться всей этой красотой.

Я пересек Темзу по Лондонскому мосту и оказался на людных

городских улицах. Хотя в седле мне было спокойнее, чем пешком, я все равно настороженно поглядывал по сторонам. На углу Темз-стрит и Нью-Фиш-стрит несколько попрошайек сидели возле новой башни с часами. Собственно говоря, пока еще не было ни часов, ни башни, она только строилась. Из всего будущего великолепия имелись только ступени да строительные леса. Двое крепкого вида мужчин в обносках и дырявых шапках разглядывали толпу. Между ними примостилась женщина. Такая же оборванная, как и ее дружки, она сидела, опустив голову. Когда я проезжал мимо, она подняла голову, и я увидел, что она настоящая красotka и совсем молода. Ей было не больше шестнадцати лет. Наши глаза встретились. В ее взгляде читалось отчаяние. Я подумал о зубодерах, которые охотно заплатили бы за то, чтобы изуродовать эту красоту.

Тот из молодых людей, что был повыше, заметив, как мы с девушкой обменялись взглядами, поднялся и сделал несколько шагов по направлению ко мне.

— Эй, нечего пялиться на мою сестру! — крикнул он с явным деревенским выговором. — Думаешь, ты красивей всех в своей нарядной одежде? Проклятый горбун! Лучше дай нам денег, мы помираем с голоду!

Я хлестнул коня по крупу, и он рванулся вперед. Мое сердце едва не выпрыгивало из груди, поскольку позади себя я слышал шум и вопли. Нищий пытался нагнать меня, осыпая оскорблениями и требованиями денег.

— Если хочешь смотреть на нормальных людей, плати! — орал он. — Тварь горбатая!

Я оглянулся через плечо. Приятель попрошайки схватил его за руку и тащил назад, видимо опасаясь, что шум привлечет внимание констебля. Прохожие оборачивались, не желая пропустить захватывающее зрелище. Я продолжил свой путь, радуясь тому, что эта встреча произошла не ночью.

На следующее утро я отправился в лавку Гая. Привязав Бытие у входа, я постучал в дверь. От верховой езды швы на моей руке вновь разболелись. Я не мог дождаться того дня, когда их снимут.

Гай сам открыл мне дверь. К моему удивлению, на носу у него красовались очки в деревянной оправе. Увидев мое озадаченное лицо, он улыбнулся.

— Да-да, это устройство необходимо мне для того, чтобы читать. Старую, друг мой. Раньше, когда приходили посетители, я снимал их, но теперь решил, что это грех тщеславия.

Он провел меня в дом. Глядя на его глаза, увеличенные линзами, я

невольно вспомнил Кантрелла и представил себе, как он бесцельно слоняется по своему грязному жалкому жилищу.

Перед моим приходом Гай, видимо, делал заметки. На столе лежал открытый анатомический атлас с кошмарными иллюстрациями, а рядом с ним — бумага, перо и чернильница.

Я сел на стул, а Гай устроился напротив меня и указал на книгу, на которую я даже не решался смотреть.

— Чем глубже я вникаю в этот труд, тем отчетливее понимаю, насколько он все меняет. — Голос Гая звенел от возбуждения. — Как, оказывается, много было неверного в тех книгах по медицине, которые мы привыкли читать! В сочинениях Галена, Гиппократы и других древних греков и римлян. А если они заблуждались в анатомии, то почему не могли ошибаться и в другом?

— Берегись корпорации врачей. Для них эти книги — священное писание.

— Но ведь это не так! Книги писали обычные люди, а их превратили в каких-то идолов, усомниться в правоте которых считается чуть ли не смертным грехом. В твоей области знаний есть хоть какой-то прогресс. Она развивается, идет вперед.

— Уверенной поступью хромого старца, — хмыкнул я. — Впрочем, ты прав.

— Я смотрю на эти древние книги как на бесконечный хаос дремучих заблуждений.

— То же самое можно сказать и про юриспруденцию, и про другие науки, — согласился я. — Мы вообще склонны воспринимать древние знания как некую данность, не подлежащую обсуждению. Как Книгу Откровения. Просто людям нужна определенность, особенно в наши времена, когда все сбиты с толку и не знают, в какую сторону идти.

Гай нахмурился.

— Даже если эта определенность наносит вред? Знаешь, в гильдии врачей я слышал историю про одного лекаря из числа провозвестников скорого конца света, которые утверждают, что Армагеддон случится со дня на день. Так вот, он сломал ногу, но отказался лечиться, хотя перелом был открытый, кость проткнула кожу и в рану могла попасть инфекция. Однако этот тип заявил, что второе пришествие произойдет раньше, чем он загнет. Он считал, что сломанная нога — это испытание, ниспосланное ему свыше. Вот ведь парадокс! Откровение. Какой властью обладало оно на протяжении веков над сознанием христиан! Многие были уверены, что конец света настанет в тысячном году. Они поднимались на вершины гор и

холмов и ждали начала Апокалипсиса. Какой злой силой обладает эта книга, утверждающая, что человечество — ничто и цена ему — грош!

Гай сокрушенно покачал головой, а потом с усилием улыбнулся и спросил:

— Как твоя рука?

— Очень мешают швы. Хорошо бы снять их поскорее.

— Через пять-то дней? — с сомнением в голосе спросил он. — Ну ладно, дай я посмотрю.

Я снял плащ и дублет и протянул Гаю руку. Рана почти зажила.

— Пирс отлично потрудился, — сказал Гай. — Да и ты молодец, Мэтью, на тебе все зарастает как на собаке. Да, я думаю, швы можно снять. Пирс!

Видимо, мальчишке, который накладывал швы, предстояло и снимать их. Лицо Гая просветлело.

— Он делает просто замечательные успехи. Схватывает все на лету.

Я мог бы многое сказать на эту тему, но придержал язык. Вместо этого я рассказал Гаю про Билкнэпа.

— Он пошел к доктору Арчеру с жалобами на слабость и тошноту, а тот принялся прочищать ему желудок и пускать кровь. В итоге Билкнэп превратился в тень самого себя. Мне кажется, он вот-вот отдаст богу душу.

Гай задумчиво нахмурился.

— Боюсь, он станет не первым больным, которого Арчер своим лечением отправит на тот свет. Он самый закоренелый традиционалист из всех традиционалистов. И все же я не имею права переманивать пациентов у своих коллег.

— Речь идет только о том, чтобы ты осмотрел его и высказал свое мнение. Билкнэп начинает понимать, что от Арчера больше вреда, чем пользы. Начиналось с головокружений и расстройства желудка, а теперь Билкнэп уже серьезно болен.

— Билкнэп, Билкнэп... Мне знакомо это имя. Не тот ли это тип, который столько вредил тебе в прошлом?

— Тот самый. Наипервейшая сволочь во всем Линкольнс-Инн. Но я даже готов заплатить за его лечение, потому что в противном случае, чтобы получить гонорар, тебе придется гоняться за ним по всему городу. Представляю, как мучается с ним Арчер, выбивая свои денежки.

— Ты хочешь помочь своему врагу?

Я улыбнулся.

— Он тогда будет обязан мне до гробовой доски. Хочу посмотреть, как он это переживет. Так что не считай, что мои помыслы чисты и

безгреховны.

— Таких вообще не бывает, — буркнул Гай. — Просто ты не любишь смотреть, как другие страдают.

— Возможно.

Дверь открылась, и на пороге предстал юный Пирс в синей робе подмастерья и со своим обычным вкрадчиво-почтительным выражением на красивом лице. Гай встал и прикоснулся к его руке.

— Вот твой пациент. Отведи его в процедурный кабинет и сними швы.

— Доброе утро, мастер Шардлейк, — поклонился Пирс.

Я встал и неохотно поплелся за ним. В глубине души я надеялся, что Гай тоже пойдет с нами, чтобы проконтролировать действия ученика, но тот предпочел общество анатомического атласа.

Процедурный кабинет, как и приемная, был увешан полками, на которых расположились банки со всевозможными снадобьями, а посередине комнаты стоял стол с разложенными на нем инструментами устрашающего вида. Пирс улыбнулся и указал на табуретку.

— Присядьте, сэр, и закатайте, пожалуйста, рукав.

Я снова закатал рукав рубашки. Пирс отвернулся и стал рассматривать инструменты, а я глядел на его широкую спину, обтянутую синей тканью. Когда минуту назад Гай на все лады расхваливал его, я уловил во взгляде друга какое-то затравленное выражение, словно, превознося умение мальчишки, он успокаивал самого себя. Но что же за этим кроется?

Наконец Пирс взял маленькие ножницы и пощелкал ими для пробы. Он смотрел на меня с ободряющей улыбкой, но в глазах читалось холодное удовольствие. Я с опаской следил за тем, как, склонившись над моей рукой, он принялся аккуратно разрезать черные нитки швов. Покончив с этим, Пирс взял миниатюрные щипчики и медленно, одну за другой, вытащил перерезанные нитки. Тянущее ощущение, которое не оставляло меня в последние дни, сразу исчезло.

— Ну вот и все. Рана зажила безупречно. Обеззараживающие мази доктора Малтона творят настоящие чудеса.

— В самом деле.

— Шрам, конечно, останется, ведь порез был серьезным.

— Ты многому научился у доктора Малтона? — спросил я.

— Очень многому. Я узнал от него гораздо больше, чем от своего прежнего хозяина. — Пирс улыбнулся. — Тот относился к числу врачей, которые верят в чудодейственную силу снадобий, приготовленных в соответствии с указаниями астрологических таблиц.

— Он был традиционалистом?

— Можно сказать и так, сэр. Он держал у себя в лавке какого-то высушенного ящера — огромного и страшного, отрезал от него кусочки, а потом толлок их в ступе и давал своим пациентам. Из-за того, что ящер был такого необычного вида, люди верили в то, что он обладает чуть ли не магической силой.

Парень скептически усмехнулся и сразу словно постарел на десяток лет.

— Люди вообще верят всему странному и необычному. Это очень здорово, что я сейчас работаю у доктора Малтона. Он честный и разумный человек.

— Твой прежний хозяин умер?

— Да.

Пирс снял с полки одну из банок, открыл ее, и в нос мне ударила знакомая вонь снадобья, которое Гай уже однажды опробовал на мне. Ученик взял немного мази на кончик шпателя и принялся аккуратно наносить ее на мою зажившую рану.

— Его унесла оспа. Странно, но он даже не пытался лечиться зельями собственного изготовления. Наверное, сам не верил в их силу. Он просто лежал на кровати и ждал, когда оспа убьет его, что в итоге и произошло. Все готово, сэр, можете опустить рукав.

То, как спокойно, даже безразлично парень рассказывал о смерти своего бывшего хозяина, показалось мне отвратительным.

— У него была семья?

— Нет, только мы вдвоем — он и я. Доктор Малтон сделал для него все, что мог, но оспа — штука коварная. Иногда она убивает человека, иногда — щадит. Когда я был маленьким, от нее умерли мои родители.

— Мне очень жаль.

— С тех пор, как я живу здесь, доктор Малтон заменил мне и мать, и отца.

— Он говорит, что намерен помочь тебе выучиться на врача.

Пирс метнул на меня острый взгляд, вероятно гадая о причинах столь пристального интереса к его персоне. Он знал, что не нравится мне.

— Я очень ценю ту доброту, которую доктор Малтон проявляет по отношению ко мне, — сказал он после короткого замешательства.

— Да, таких добрых людей еще поискать надо.

Я встал.

— Спасибо за исцеление.

— Я рад, что вы выздоровели, — с поклоном ответил Пирс.

Когда я вышел из кабинета, ученик не последовал за мной.

Я вспомнил, как он подслушивал под дверь, когда мы с Гаем говорили об убийствах. Да, подумалось мне, Гай действительно добр к тебе, а вот ты к нему — нет. Ты холоден и расчетлив, как хищник. Каким-то образом ты обрел власть над моим другом, но я докопаюсь до истины.

Гай все так же сидел за столом и читал книгу. Он предложил мне стакан вина, осмотрел мою руку и удовлетворенно кивнул.

— Пирс свое дело знает.

— Я вот думаю, обладает ли он симпатией по отношению к тем, кого лечит? Без этого, как мне кажется, не может обойтись ни один врач.

— У него было мало возможностей развить в себе это качество. Его родители умерли, когда он был совсем маленьким, а мой сосед, аптекарь Хепден, больше заставлял его работать, нежели учиться.

— Пирс рассказал мне о том, как его прежний хозяин умирал. Мне показалось, что он не испытывает по этому поводу никаких чувств.

— Да, Пирс иногда может быть жестким, но я верю, что со временем он научится сочувствию. Я сам научу его этому.

— По его словам, ты заменил ему и мать, и отца.

— Правда? Он так и сказал?

Лицо Гая озарилось радостью, но тут же погасло. Он помрачнел.

— О чем ты думаешь? — осторожно задал я вопрос.

— Да так, ни о чем, — уклонился он от ответа и тут же сменил тему: — Я снова навестил Адама Кайта, и знаешь, мне кажется, улучшение налицо. Эта смотрительница, Эллен, уделяет ему много времени: заставляя его есть, учит содержать себя в чистоте, пытается отвести от навязчивого желания молиться.

— Тебе известно, что раньше она сама была пациенткой Бедлама и ей не разрешено покидать его стены?

— Нет. — Гай был ошарашен. — Как странно!

— Она сама рассказала мне об этом.

— Эллен применяет в общении с ним одновременно и мягкость, и жесткость, и, знаешь, это дает эффект. Недавно он говорил, правда недолго, о самых обычных, повседневных вещах. Сказал, что погода становится теплее, что ему уже не так холодно. Но мне до сих пор не удается добиться от него внятных объяснений, почему он считает себя погрязшим во грехе. Мне, как врачу, интересно, что ввергло его в такое состояние.

— Что говорят об этом его родители? Я видел, что после судебных слушаний ты ушел вместе с ними.

— Говорят, что понятия не имеют, и я им верю.

— Спасибо тебе за то, что ты делаешь все это. С Адамом, наверное, не просто... работать.

Гай грустно улыбнулся.

— Он кажется мне трогательным и в то же время интригует меня. Но, как и у тебя в случае с этим Билкнэпом, мотивы моего поведения тоже не совсем бескорыстны.

— Мне самому пора навестить Адама.

— Я собираюсь к нему завтра утром. Если хочешь, поехали вместе.

— Хорошо, если только время позволит.

— Судя по твоему голосу, тебе этого не очень-то хочется.

— Эти посещения нагоняют на меня тоску. Он такой жалкий! И это его безумие на религиозной почве заставляет меня неотступно думать о том человеке, на которого мы охотимся...

Я посмотрел на свою раненую руку.

— И который охотится на меня. Как может он думать, что, совершая столь ужасные преступления, выполняет волю Всевышнего?

— А разве мало перед нашими глазами примеров того, как, верша жестокие, злые дела, люди считают, что делают это по велению свыше? Взять хотя бы короля.

— Да, вера в Бога и сострадание могут находиться за тысячи миль друг от друга. Но к нашему убийце это не относится. Эта его всепоглощающая жестокость...

Я посмотрел на Гая.

— Если мы не ошиблись в наших предположениях, ему предстоит совершить еще три убийства. Я, как и ты, считаю, что он на этом не остановится. То же самое я сказал сегодня Кранмеру.

— Нет, не остановится. Эта стремнина будет нести его все дальше и дальше, до тех пор, пока он не будет пойман... или не погибнет.

— Как ты думаешь, что он испытает, когда после седьмой чаши ничего не произойдет?

— В последние годы многие утверждали, что знают, когда наступит конец света, а когда он не наступал, возвращались к Книге Откровения в поисках какой-то подсказки, которую они, как им казалось, не заметили. На самом же деле все очень просто. Откровение — это не одна история, в которой события развиваются в строгой логической последовательности. Это набор нескольких жестоких сценариев конца света. Как говорится, выбирай на вкус. И вот, не дождавшись апокалипсиса в тот срок, который они для себя вычислили, эти люди выбирают новый сценарий.

— Интересно, он страдает?

— Убийца? — Гай покачал головой. — Вот уж не знаю. Могу только предположить, что, совершая убийство, он впадает в состояние исступленного восторга, но, с другой стороны, в остальное время он, возможно, живет в мире страданий.

— Но он это скрывает и, значит, способен жить нормальной с виду жизнью. Чтобы не бросаться в глаза.

— Да, я думаю, что, помимо всего прочего, он еще и хороший актер.

— Может ли это быть Годдард? — Я с сомнением покачал головой. — Не знаю. Харснет продолжает считать, что он одержим.

— Он действительно одержим, но совсем не так, как полагает коронер. Любая одержимость проистекает из нарушений в мозгу. Дьявол тут ни при чем.

Гай умолк и сложил губы трубочкой, а я подумал: почему ты в этом так уверен?

Мы немного помолчали, а потом я спросил:

— Ты не помнишь, что должно произойти после того, как будут вылиты все семь чаш? В Книге Откровения об этом что-нибудь говорится?

Гай подошел к книжной полке, снял с нее Новый Завет и открыл его на Откровении апостола Иоанна.

— Семь чаш гнева Господня выливаются в пятнадцатой и шестнадцатой главах. Но еще раньше в Апокалипсисе излагается другая версия конца света, когда семь ангелов трубят в свои трубы.

Длинными темными пальцами Гай листал страницы.

— Град и огонь, гора падает в море... Но нет того чрезмерного внимания к человеческим страданиям, какое мы видим в истории о семи чашах. Может быть, именно этим она и приворожила убийцу.

Гай перевернул страницу.

— Дальше идет суд над великой блудницей.

— Да-да, это место показалось мне куда более мрачным, чем все остальное. Кто, по-твоему, подразумевается под великой блудницей?

Гай улыбнулся.

— Раньше было принято считать, что это Римская империя, а теперь так называют Римско-католическую церковь.

Он передал мне книгу. Ту ее часть, где говорилось о семи чашах, я уже знал наизусть, поэтому сейчас прочитал вслух другое:

— «...И я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами».

Я вспомнил изображение чудовища на стене зала капитула в Вестминстерском аббатстве.

— «И облечена была в порфиру и багряницу... И на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным... И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель... Ибо грехи ее дошли до неба, и Бог вспомянул неправды ее».

Я положил книгу на стол.

— Моему пониманию это недоступно.

— Моему тоже.

В дверь громко забарабанили. Мы с Гаем подскочили от неожиданности и обменялись взглядами. Гай встал, чтобы впустить посетителя, но тут в кабинет вошел Пирс, и я подумал, не подслушивал ли он, часом, снова под дверью?

— Кто там еще? — спросил Гай.

— Это Барак!

Гай распахнул входную дверь. На пороге стоял Барак, за его спиной я увидел Сьюки, привязанную к изгороди рядом с Бытием. Она тяжело дышала. Барак, видно, гнал ее во весь опор. Сам же он, трезвый как стеклышко, был мрачен и сосредоточен.

— Совершено убийство, — с порога сообщил он, — и в нем есть кое-что странное и таинственное. Доктор Малтон, не могли бы вы поехать с нами?

Глава 31

— Кто теперь? — спросил я.

Барак бросил взгляд на Пирса, Гай тоже повернулся к ученику.

— Не мог бы ты привести лошадь к дому? — попросил он.

Пирс несколько секунд колебался, а потом вышел. Барак переводил взгляд с Гая на меня и обратно. Его лицо было словно из камня.

— Жена Локли.

— Он убил женщину? — выдохнул Гай.

— Сэр Томас послал в таверну человека для охраны, но было слишком поздно. Женщина лежала на полу. Она была обезображена. На ее теле вырезали послание. Какое-то странное. В нем говорится что-то об отравленном воздухе. Харснет уже там, и мы должны присоединиться к нему немедленно.

— А что с самим Локли?

— Не знаю.

Бросив взгляд в окно, я увидел Пирса, ведущего к крыльцу белую кобылу Гая. Мы вышли из дома.

— Можно мне с вами? — спросил Пирс, когда мы вскочили в седла.

— Нет, Пирс, тебе нужно заниматься. Ты еще вчера вечером должен был выполнить задание.

Ученик отступил назад, и на его лице промелькнуло выражение злости и разочарования.

— Что известно этому парню о происходящем? — на скаку спросил я Гая.

— Только то, что произошла серия убийств. Он не мог не знать об этом, — словно оправдываясь, сказал Гай, — ведь Пирс помогал мне проводить вскрытия. Но ему известно, что он должен держать язык за зубами.

— Ты сам знаешь, что он подслушивал под дверью, — напомнил я.

Гай не ответил.

Мы быстро доскакали до Смитфилда и вскоре оказались на Чартерхаус-сквер. Площадь была безлюдной, только двое мужчин стояли у входа в таверну под вывеской с зеленым человечком. Одним из них был Харснет, а вторым — высокий мужчина со шпагой, то и дело кашлявший в носовой платок. Возле церкви топтались несколько побирушек, но они

смотрели на нас издалека, не осмеливаясь приближаться. Мы спешили и привязали своих лошадей рядом с конем Харснета. Гай подошел к высокому мужчине и тихо спросил:

— Вы чем-то болеете?

Тот отнял от лица носовой платок. Это был молодой человек лет двадцати, с аккуратной черной бородкой. Он посмотрел на темнокожее лицо Гая и ответил:

— Не знаю. Я приехал сюда два часа назад. Долго стучал, но мне никто не открыл.

Он снова зашелся в кашле.

— Ставни были закрыты, но я сломал один из них и забрался в дом. Женщина лежала на полу. Изуродованная. — Говоривший захлебывался от возбуждения. — А в воздухе стоял какой-то запах... Он отравлен. У меня до сих пор жжет горло.

— Дайте-ка мне посмотреть, — велел Гай.

Он заставил молодого человека открыть рот и заглянул туда.

— Да, гортань у вас воспалена. Присядьте на ступени и постарайтесь дышать ровно.

— Это было ужасно. Как будто кто-то сдавил мне горло и не дает дышать.

Я посмотрел на дверь. Замок был сломан. Видимо, охранник выбил его, когда рвался из дома наружу.

— Вы уже были внутри? — спросил я Харснета.

— Нет, только заглянул, но мне хватило одного вдоха. Все именно так, как рассказывает этот парень: такое ощущение, будто кто-то пытается вырвать у тебя горло.

Он посмотрел на Гая.

— А как вы здесь оказались, сэр?

— Я был у доктора Малтона, когда получил сообщение, — пояснил я. — Может быть, доктор Малтон сумеет помочь нам. Гай, как по-твоему, что могло случиться с воздухом?

— Есть только один способ выяснить это.

Гай достал из кармана платок, приложил его к носу и широко распахнул дверь. В нос мне ударила острая вонь, и я непроизвольно сделал шаг назад. Гай вошел внутрь. Поскольку ставни были закрыты, в доме царил сумрак, и я, оставаясь на улице, сумел рассмотреть только темный силуэт, от которого по полу разбежались еще более темные дорожки. Труп.

Гай, не теряя ни секунды, подошел к ставням и открыл их нараспашку. В окна полился свет и свежий воздух. Мы с Харснетом подошли ближе к

порогу. В таверне царил суший кавардак, столы и стулья перевернуты и разбросаны по всей зале. Темный силуэт под буфетной стойкой действительно оказался телом хозяйки. Миссис Бьюнс лежала на каменном полу лицом вниз. Чепец с нее был сорван, и длинные темные волосы рассыпались вокруг головы. Платье женщины задралось почти до подмышек, содранная нижняя юбка валялась под одним из столов. Ее полное бледное тело было наполовину обнажено, а руки связаны за спиной.

— Лопни мои глаза! — потрясенно пробормотал Барак.

Веревка так сильно впилась в запястья несчастной, что на них были видны глубокие багровые борозды. Наверное, она пыталась освободиться от пут, но узлы оказались слишком тугими. Рядом с головой женщины лежал еще один предмет ее туалета, а поверх него — что-то темно-красное.

— Боже милостивый, что же с ней сделали? — едва слышно прошептал Харснет.

Он стоял, так крепко сцепив руки, что суставы побелели.

Гай подошел к телу и стал его рассматривать. Потом он быстро перекрестился. Харснет, следивший за ним от порога, сузил глаза.

— Можно входить, — сказал Гай. — Опасность миновала. Но все равно прижмите платки ко рту и носу и дышите короткими вдохами.

Харснет, Барак и я приложили к лицам платки и боязливо вошли в таверну.

— Что это была за дрянь? — спросил Барак.

— Витриол, — ответил Гай, — причем в очень сильной концентрации.

Мы посмотрели на тело. На бледной коже туловища и ног выделились красные отметины, напоминавшие ожоги. Я с ужасом увидел, что большая часть ягодиц женщины была начисто сожжена, и на этом месте зияла чудовищная вишнево-красная рана. И — никакой крови, только лужица бесцветной жидкости на полу.

Воздух в доме немного очистился, но в нем чувствовался резкий, острый запах.

— Что такое витриол? — осведомился Харснет и тут же, не выдержав ужасного зрелища, воскликнул: — Господи, да что же он с ней сделал?

— Витриол — это жидкость, которая сжигает все, с чем соприкасается. Это вещество хорошо известно. Его часто применяли алхимики, чтобы растворять камень. Они считали, что витриол обладает особыми свойствами, поскольку одной из немногих субстанций, которые он не способен разрушить, является золото. Чтобы растворить золото, необходимо производить одну и ту же операцию много раз и в течение длительного времени.

И тут с Гаем произошло нечто такое, чего не случалось с ним, какую бы ужасную картину он ни наблюдал. Он содрогнулся всем телом.

Харснет склонился над прозрачной лужицей возле тела.

— А это что такое? — спросил он и потянулся к ней пальцем.

— Не прикасайтесь! — вскричал Гай, и коронер поспешно отступил назад.

Гай вытащил из кармана медицинский шпатель и опустил его конец в лужицу. Послышалось тихое шипение, и деревянная лопаточка задымилась.

— Витриол, — констатировал он. — Видите, как он пожирает дерево? Он даже частично разъел каменные плитки пола.

— Если эта жидкость настолько ядовита, как мог убийца ждать здесь несколько часов?

— По всей видимости, дело было ночью, и ставни на окнах, выходящих во двор, были открыты. Но даже при этом ему необходимо было находиться рядом с окном.

Барак осматривал буфет. На сушильной доске стояло несколько чашек и оловянных кружек, другие лежали в тазу с грязной посудой. Все говорило о том, что убийца пришел в таверну после закрытия или оказался последним посетителем.

— Джанли! — позвал Харснет, и охранник с неохотой вошел в таверну, косясь диким взглядом на обезображенный труп. — Обыщите остальные комнаты, — приказал коронер, — да пошевеливайтесь.

Все так же неохотно, положив руку на эфес шпаги, молодой человек открыл дверь, ведущую во внутренние помещения и скрылся из виду.

— Может, это сделал Локли? — выдохнул я. — Может, он и есть убийца?

— Не исключено, что Локли тоже убит и лежит в соседней комнате, — проговорил Барак и вытер лоб.

По его лицу градом струился пот.

— «Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя... — процитировал я Книгу Откровения, строки, которые все мы уже успели выучить назубок. — ...И сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих».

Гай наклонился и очень осторожно перевернул изуродованное тело. Из его груди вырвался стон, похожий на рычание. Я заставил себя посмотреть на лицо миссис Бьюнс. Его нижняя часть была залита кровью. Мне никогда не забыть ее мертвых, широко открытых глаз, в которых застыл предсмертный ужас и боль. Гай ощупал ее челюсти, достал шпатель и

прикоснулся им к тряпке рядом с лицом женщины и к красному предмету, лежавшему на ней. Затем он подцепил край тряпки и прикрыл ею этот предмет.

— Что... — Не будучи в силах закончить вопрос, я умолк.

— Это ее язык. Этой тряпкой убийца заткнул жертве рот, когда терзал ее, а под конец вырвал у нее язык. Чтобы закончить ту часть пророчества, в которой говорится о том, что «они кусали языки свои». Он вытащил ее язык и сильно ударил ее в челюсть — снизу вверх. Получилось, что женщина как бы сама откусила себе язык.

Гай снова ощупал изувеченное лицо.

— Да, так и есть. Челюсть сломана. После этого она, видимо, и умерла. У нее просто остановилось сердце.

— Что за тварь могла сотворить такое с женщиной?! — воскликнул Харснет.

— Она не первый человек, кого он замучил до смерти, — напомнил Барак. — Коттера тоже сначала истязали, а потом бросили умирать. Но тут все гораздо хуже.

— Когда в Библии говорится про «престол зверя», — заговорил Харснет, — то имеется в виду место, где правит дьявол, а не человек. Проще говоря, человеческий зад. Это тоже напоминает какую-то богохульственную шутку. Дьявольскую насмешку.

Из задней двери появился Джанли, и мы все повернулись к нему.

— Там ничего нет, — сообщил он. — Остальные помещения выглядят вполне нормально.

— Так это сделал Локли? — спросил Харснет, глядя на нас.

— Мне начинает казаться, что убийца все-таки он, — проговорил Барак.

— И все же мне в это не верится. Да, он знает, что такое двейл, и, наверное, умеет его применять, но как быть с познаниями в области юриспруденции, которые продемонстрировал убийца в письме, что он прислал Роджеру? Локли не производит впечатления человека, способного составить столь грамотное с юридической точки зрения послание.

— Тогда где же он? — взорвался Харснет.

Чудовищный антураж, среди которого мы находились, вконец расшатал его нервы.

— Локли исчез, а миссис Бьюнс мертва, — принялся рассуждать я. — Годдард исчез, а на Кантрелла напали. Три человека, работавших в Вестминстерской больнице.

— Наверняка Годдард напал на двух других, — заявил Харснет.

— Но с равной долей уверенности можно предположить и другое: что Локли напал на Годдарда и Кантрелла, а тело Годдарда где-то спрятал.

Я с сомнением покачал головой.

— Эта женщина не работала в больнице, — возразил Харснет. — Из того, что вы мне рассказали, можно сделать вывод, что она даже не была особенно набожной.

Он взглянул на обезображенный труп и повернулся к Джанли.

— Ради всего святого, закройте ее чем-нибудь!

Молодой человек достал из кармана носовой платок и прикрыл им изуродованное лицо миссис Бьюнс. У него самого лицо было зеленого цвета. Ужасные раны на теле женщины, однако, оставались открытыми. Гай встал, взял нижнюю юбку хозяйки из-под стола, куда швырнул ее убийца, и накрыл ею тело.

— Вас прислал сэр Томас Сеймур? — спросил я Джанли.

— Да, я его главный конюший.

— Готов поспорить, вы не ожидали увидеть подобного ужаса.

— Нет, сэр. Меня послали сюда всего лишь для того, чтобы охранять таверну.

Молодой человек истерически засмеялся.

Я повернулся к Бараку.

— Нужно как следует обыскать весь дом. Начнем с жилых помещений.

По узкой деревянной лестнице мы поднялись на второй этаж. Там располагались две спальни. В одной, где спали Локли и миссис Бьюнс, стояла дешевая низенькая кровать, в другой — только большой сундук, набитый женской одеждой.

— Бедная баба! — проговорил Барак, роясь в вещах убитой. — Я думаю все же, ее прикончил Локли. Это не мог быть Годдард.

— Почему?

— Потому что ему пришлось бы предварительно выяснить, как работает таверна, когда приходят и уходят хозяева. То есть он должен был бы неоднократно приходить сюда под видом посетителя. Если бы это был Годдард, Локли узнал бы его и непременно сообщил нам.

— Твои рассуждения звучат вполне логично, — сказал я, глядя на нижнее белье и платья, которые Барак доставал из сундука и выкладывал на кровать.

Это копание в вещах женщины, которая лежала внизу бездыханная, покорило меня. Над ней будто бы снова глумились, уже после смерти.

— Хватит, — велел я Бараку. — Сложи все это обратно в сундук и

давай осмотрим соседнюю комнату.

Во второй спальне стояли сломанные стулья, разное барахло и еще один сундук, запертый на большой висячий замок. Я велел Бараку открыть его. Взламывать замки он научился, когда работал на лорда Кромвеля. Через пару минут дело было сделано, и мой помощник поднял тяжелую крышку сундука. Здесь хранилась мужская одежда, но на самом дне лежало несколько маленьких деревянных коробочек. Барак вынул их и принялся открывать. В одной были деньги — два фунта в монетах различного достоинства, но в следующей оказался весьма странный предмет — деревянный куб с углублением в форме человеческой челюсти. Там были даже прорези для зубов.

— Что это за чертовщина? — спросил Барак.

— Футляр для хранения вставной челюсти, — объяснил я.

Я взял у помощника кубик.

— Помнишь, Тамазин рассказывала, что зубодер показывал ей такую же штуку? Старая жена одного из барристеров в Линкольнс-Инн носит вставную челюсть, но ей ее плохо подогнули, и поэтому челюсть то и дело вываливается у нее изо рта.

— Может, ей стоит примерить одну из этих? — спросил Барак, указывая на последние четыре коробочки, которые он уже успел открыть.

В них находились вставные челюсти разных размеров.

— Зачем он держал все эти штуки? — непонимающе проговорил Барак. — Ведь он не был брадобреем-хирургом. Да, он работал на одного из них, но потом ушел.

Я повертел безобразную деревянную штуквину в руках. В эту искусственную челюсть не вставляли зубы, поскольку в прорезях для них не было клея. Отдельные кусочки головоломки в моей голове стали постепенно вставать на свои места.

— Нет, — тихо ответил я, — не был. Он был кое-кем другим. Теперь я знаю, почему они так старались сохранить все это в тайне. Идем, нам нужно немедленно повидаться с настоятелем Бенсоном. Возьми с собой эти коробочки.

Я первым спустился по лестнице. Харснет и Гай сидели за столом с круглыми отметинами от сотен кружек. Харснет выглядел возбужденным, Гай — опустошенным и грустным. Джанли стоял у окна и смотрел на двор таверны. Харснет поднял на меня глаза.

— Что-нибудь нашли?

— Да. Нам нужно к настоятелю и...

Меня прервал громкий грохочущий звук. Пол под нашими ногами

заходил ходуном. Глаза Харснета округлились.

— Во имя всего святого, что это такое?

— Таверна соединена с водопроводом старого монастыря Чартерхаус, — пояснил я. — Наверное, сейчас там открыли сливные ворота. То же самое произошло, когда мы были здесь в первый раз. Нужно осмотреть подвал. Где-то тут должен быть люк, ведущий вниз.

— Я помогу Джанли найти его, — сказал Барак и положил коробочки на буфетную стойку.

Я взглянул на тело и спросил Харснета:

— Как вы с ней поступите?

— Велю отвезти в свою покойницкую в Уайтхолле. К Ярингтону. — Он многозначительно посмотрел на меня. — И — помалкивать о случившемся.

Я понимающе кивнул.

— Почему вы сказали, что нам нужно ехать к настоятелю?

— По-моему, я знаю, что он скрывает.

— Мы нашли подвал! — крикнул Барак из глубины дома. — Тут, в прихожей, железная крышка люка.

— Нужно посмотреть, что там, внизу, — сказал я и пошел в прихожую. Харснет последовал за мной.

Барак уже поднял крышку люка и смотрел вниз. Там была лестница. Из подвала на меня дохнуло холодом. Подошел Джанли с лампой, внутри которой горела свеча.

Барак глубоко вздохнул.

— Ну что ж, поглядим, что там есть.

— Будь осторожен, — попросил я.

Однако в подвале было не на что смотреть. Колеблющийся свет свечи выхватывал из темноты лишь облицованные плиткой стены да бочки, стоящие вдоль них. Здесь Барак и Джанли нашли еще один люк, ведущий к самой канализации.

— Нам нужно туда спускаться? — спросил Джанли, нервно вглядываясь в темноту.

— Нет, — ответил Барак. — Прислушайся.

Снизу доносился звук бегущей воды. Затем он стал нарастать, пока не перешел в грохот, и дом снова заходил ходуном. В Чартерхаусе опять открыли сливные ворота, и в трубы хлынула новая порция сточных вод. Подвал заполнило зловоние, от которого сморщились даже мы, стоявшие наверху.

— Там очень много воды, — сообщил снизу Барак.

— Ничего удивительного, — откликнулся Харснет. — В результате затяжных дождей ручьи на Ислингтоне наверняка вышли из берегов.

Барак с Джанли выбрались из подвала, и мы все вернулись в главную комнату. Гай, стоявший на коленях возле тела, поднялся и отряхнул пыль со своей одежды. Пока нас не было, он молился.

— Так что же скрывает Бенсон? — спросил Харснет.

— Расскажу по дороге. Нам нужно...

На сей раз меня прервал стук в дверь, тихий и неуверенный.

Мы переглянулись.

— Войдите! — крикнул Грегори.

Дверь отворилась, и в таверну, заметно нервничая, вошла пожилая супружеская пара. Низенькие, худые, седоволосые, они явно были из бедного сословия. Сначала они посмотрели на нас, потом на то, что лежало на полу. Женщина издала тоненький крик и выскочила за дверь. Муж повернулся, намереваясь сделать то же самое, но Харснет окриком остановил его. Женщина, дрожа всем телом, стояла на ступеньках крыльца.

— Кто вы такие? — грубо спросил мужчину коронер.

— Мы живем в соседнем доме, — писклявым голосом ответил незванный гость, нервно потирая руки. — Мы услышали шум и забеспокоились, не случилось ли чего.

— Миссис Бьюнс убили, мастер Локли исчез, а я — мастер Харснет, помощник королевского коронера.

— О-о...

— Пожалуйста, попросите вашу жену войти. Нам нужно задать вам несколько вопросов.

— Она очень расстроилась, — промямлил мужчина, но Харснет наградил его взглядом василиска, и он в мгновение ока приволок свою благоверную.

Женщина висела на муже, стараясь не смотреть на труп.

— Мы думаем, что все случилось прошлой ночью, после закрытия таверны, — сказал я. — Вы что-нибудь слышали?

Мужчина уставился на Гая — на его длинное платье врача и темнокожее лицо, словно недоумевая, откуда он здесь взялся.

— Прошлой ночью! — угрожающе напомнил Харснет.

— Мы слышали шум в час, когда таверне положено закрываться.

— Когда это было?

— Они закрылись в двенадцать. Мы уже спали, и этот шум нас разбудил. Казалось, что падают столы. Но публика в таверне собирается грубая, заходят и попрошайки, когда у них в карманах появляется монета.

Мы знали, что Фрэнсис пропал. Миссис Бьюнс была сама не своя, приставала на площади к каждому встречному с расспросами, не видел ли кто его. Она, знаете ли, привыкла быть хозяйкой в своем курятнике. Бедная Этель!

Говоривший обвел взглядом комнату и поглядел на прикрытое тело.

— Пожалуйста, позвольте нам уйти отсюда.

— Подождите минуту. Насколько близко вы знали миссис Бьюнс и Фрэнсиса Локли?

— Мы живем рядом с таверной десять лет. Мы хорошо знали мастера Бьюнса, когда он еще был жив. Он содержал дом и таверну в порядке и был истинным праведником.

— Что вы имеете в виду? — уточнил я.

Сосед смотрел на нас, беспокойно переводя взгляд с одного на другого.

— Только то, что он принадлежал к одной из радикальных конгрегации. Стоило поговорить с ним подольше, как он обязательно переводил разговор на Библию и спасение.

— И при этом держал таверну? — недоверчиво спросил Харснет.

Пожилый мужчина пожал плечами.

— Думаю, его обратили в новую веру после того, как он купил это заведение. Для него таверна была единственным источником доходов, и, как я уже сказал, он содержал ее в идеальном порядке. Здесь у него никто никогда не ругался, не дрался.

— А по воскресеньям таверна всегда была закрыта, — вставила женщина.

Опасливо взглянув на труп, она осенила себя крестом.

— Потом Этель пришлось несладко. Сами понимаете, каково это — одинокой женщине тащить на себе таверну.

— Давно они с Локли стали жить вместе?

— С Фрэнсисом? Он появился года два назад. Сначала Этель наняла его, чтобы мыть посуду, и постепенно они сошлись. — Женщина покачала головой. — Иногда я думала, что, глядя на это с небес, Эдди Бьюнс, наверное, в гробу переворачивается. Подумать только, Этель живет во грехе с бывшим монахом!

— Не пыталась ли она приобщить Локли к конгрегации ее покойного мужа?

Женщина снова покачала головой.

— Нет, с тех пор, как его не стало, мы больше никогда не слышали разговоров про Библию и истинную веру. После смерти Эдди таверна стала работать и по воскресеньям. Наверное, Этель вообще отошла от церкви.

— И посетители стали вести себя более шумно, — с недовольным видом добавил мужчина.

Мы с Харснетом обменялись взглядами. Значит, миссис Бьюнс, как и остальные убитые, с точки зрения радикалистов, была отступницей.

— Где находится церковь, которую посещал мастер Бьюнс? — спросил Харснет.

— В Клеркенвелле. Тамошним радикалам следует поостеречься, не то епископ Боннер и до них доберется.

— Остался ли у миссис Бьюнс кто-нибудь из родных, кого вы знаете?

— Нет, сэр, — ответил муж. — Мы не были близки до такой степени, чтобы рассказывать друг другу о родне. Фрэнсис временами бывал раздражителен, а вот Этель...

Он снова посмотрел на прикрытое тело.

— Этель была славной, порядочной женщиной, хоть и жила во грехе.

— Мы хотели бы проводить ее в последний путь, — пропищала женщина.

Ее муж поднял глаза на Харснета.

— Скажите, сэр, что здесь, по-вашему, произошло? Я спрашиваю лишь потому, что хочу знать, не угрожает ли и нам опасность? Может, в округе завелись воры?

— Вам ничего не грозит, — ответил Харснет, — но до тех пор, пока мы не проведем расследования, большего я сказать не могу. Вы же никому не должны рассказывать о смерти миссис Бьюнс, потому что это может помешать следствию.

— Но как...

— Ни одной живой душе! Считайте, что это приказ именем короля. Какое-то время здесь будет оставаться охранник, а вы можете отправляться домой. И спасибо вам за помощь.

— Бедные старики, — покачал головой Харснет после того, как супружеская пара удалилась, и сразу же его тон стал деловым и собранным: — Ну ладно, Мэтью, если, по-вашему, мы должны ехать в Вестминстер, то нам следует поторопиться. Мне хочется поскорее узнать, что вы там разгадали. Вы, Джанли, оставайтесь здесь. Стерегите дверь и гоните любопытных. Я прикажу, чтобы тело забрали как можно скорее.

— А я могу вернуться домой? — спросил Гай.

— Да, — лаконично ответил Харснет.

Было очевидно, что он то ли испытывает к Гаю антипатию, то ли не доверяет ему. Большинство людей испытывали подобные чувства из-за

цвета его кожи, но в случае с Харснетом я не сомневался, что дело было в религии.

Мы вышли наружу, испытывая огромное облегчение от того, что наконец-то покидаем это страшное место, остановились на крыльце и оглядели широкую площадь. На противоположной ее стороне во двор дома Кэтрин Парр въезжала карета, сопровождаемая четырьмя всадниками.

— К леди Кэтрин пожаловали гости, — заметил я. — Возможно, это сам архиепископ.

— Если и так, то его направляет Господь, — ответил Харснет. — Истинная вера нуждается в помощи этой женщины.

Он спустился по ступенькам и отвязал свою лошадь. Я было двинулся за ним, но Барак удержал меня, ухватив за руку.

— Что дальше? — спросил он. — Что произойдет, когда изольется шестая чаша?

На его вопрос ответил Гай:

— В Книге Откровения говорится о том, что пересохнут великие воды. Евфрат.

— Какую же подлость придумает этот гад, чтобы она символизировала такое? Осушит Темзу?

— Он что-нибудь придумает, — мрачно ответил я. — Но в любом случае еще один невинный человек умрет страшной смертью. А вот какой именно, это только Богу известно.

Глава 32

До Смитфилда Гай ехал с нами, а потом мы остановили лошадей, чтобы попрощаться.

— Так как, Мэтью, увидимся завтра в Бедламе? — спросил он. — Я буду там в девять утра.

Я согласился приехать. Гай тронул лошадь и свернул налево. Некоторое время я смотрел ему вслед, наблюдая, как удаляется его одинокая фигура. Чем дальше он отъезжал, тем заметнее становилась его сутулость.

— А теперь, Мэтью, рассказывайте, — мягко потребовал Харснет. — До чего вы там додумались? И что это за деревянные коробочки везет Барак?

Я повторил свои предположения относительно того, что и Локли, и настоятель, и, возможно, Кантрелл что-то скрывают.

— Может, сначала попробовать надавить на Кантрелла? — предложил Барак. — Пусть подтвердит это.

— С Кантреллом мы успеем побеседовать, а сейчас я хочу взять за шиворот настоятеля, — проговорил Харснет тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— А ты можешь отправляться домой, — сказал я Бараку. — Побудь с Тамазин.

— Ну уж нет! — решительно мотнул головой мой незаменимый помощник. — Я поеду с вами. Хочу посмотреть, чем все это кончится.

Я видел, что, как и мы с Харснетом, Барак был потрясен тем, как поступили с несчастной миссис Бьюнс.

— Как жаль, что мы не смогли спасти ее! — сказал он.

Мы ехали по направлению к Вестминстеру. По случаю субботы парламент и суды были закрыты, а улицы — малолюдны. Торговцы и лавочники провожали нас взглядами, двое или трое — окликнули, но мы не обратили на них внимания.

Оказавшись в убежище, мы проехали мимо большой телеги, груженной досками. Запах свежеструганой древесины казался сладким среди дурных городских ароматов. Двери собора были закрыты, но изнутри доносились мужские голоса, распевавшие церковный гимн. Без сомнения, соборный хор оттачивал свое вокальное искусство, готовясь к мессе.

— Где же настоятель? — спросил я.

— Поедем прямо к нему домой! — принял решение Харснет.

Миновав ворота, мы въехали на монастырское подворье и вскоре снова оказались у красивого деревянного дома, стоявшего посреди хаоса разрушения и нового строительства.

Расспросив слугу, мы выяснили, что настоятель Бенсон сегодня будет весь день занят в соборе, но у нас на этот счет были другие планы. Харснет написал настоятелю записку, в которой просил немедленно явиться домой, поскольку речь якобы идет о его, настоятеля, безопасности.

— Теперь он наверняка прибежит, — удовлетворенно сказал Харснет.

Слуга взял записку и поторопился к хозяину, а мы остались ждать в просторной прихожей.

Вскоре на садовой дорожке послышались торопливые шаги. Вошел настоятель. Он хватал воздух ртом. Должно быть, получив записку, возвращался домой чуть ли не бегом. Взгляд его был злым и колючим.

— Ну, — спросил он, — что случилось, во имя всего святого? Почему вы написали, что мне грозит опасность?

— Мы можем поговорить в вашем кабинете? — осведомился Харснет.

— Ладно, — вздохнул настоятель и повел нас по коридору.

Пройдя несколько шагов, он остановился и посмотрел на Барака, который нес деревянные коробочки Локли.

— Вы хотите, чтобы при разговоре со мной присутствовал ваш слуга? — высокомерно спросил меня Бенсон.

— На сей раз Барак пойдет с нами, — отрезал Харснет, посмотрев на настоятеля тяжелым взглядом. — Он должен кое-что показать вам.

Настоятель поглядел на коробочки в руках Барака, пожал плечами и пошел дальше.

Когда мы оказались в кабинете, Харснет рассказал настоятелю про убийство Этель Бьюнс, исчезновение Локли и нападение на Кантрелла.

— Как вы сами можете видеть, господин настоятель, — резюмировал он, — убийца сфокусировал свое внимание на тех людях, которые так или иначе были связаны с монастырскими больницами.

— Но каким образом это может представлять угрозу для меня?

Настоятель снова взглянул на коробочки, лежавшие на коленях у Барака, и вдруг сделал резкий выдох. Я понял: он догадался, что находится внутри.

— Вы обладали безграничной властью над монастырской больницей и лечебницей для мирян, и по этой причине между вами и теми тремя — Годдардом, Локли и Кантреллом — существовала некая связь, невидимая

другим. Я думаю, именно это вы и скрывали.

Барак открыл коробочки и продемонстрировал вставные челюсти. По тому, как округлились глаза настоятеля и как он откинулся в своем кресле, я понял, что мои догадки оказались верны.

— Позвольте мне изложить свою версию того, что здесь происходило, — размеренно начал я. — Годдард применял двейл, сильный и опасный наркотик, который он давал пациентам, чтобы усыпить их перед хирургической операцией. Тем временем у богачей в моду вошли искусственные челюсти, изготовленные из дерева. Зубы обычно брали у здоровых молодых людей, причем предпочтительно все сразу, полным, так сказать, комплектом. Совсем недавно один зубодер предложил жене мастера Барака, чтобы она продала ему свои зубы, причем был готов хорошо заплатить.

— Для чего вы рассказываете мне все это? — злобно спросил настоятель, не отрывая глаз от коробочек.

— Не знаю, часто ли вы бываете в заброшенных частях монастыря, но лично я дважды встречал там нищего, который бродит по окрестностям и пристаёт ко всем с расспросами, не видали ли они его зубов. У него во рту действительно не осталось ни одного зуба. Этот бедняга, конечно, сумасшедший, но почему он лишился разума? Ведь что-то свело его с ума? Может быть, то, что, когда он находился под действием двейла, кто-то вырвал у него все зубы? И может быть, сейчас они находятся в одной из вот этих коробочек, которые мы нашли в сундуке Локли? Одна из причин, по которой зубодерам трудно уговорить людей расстаться с зубами, — это боль. Ведь рвать зубы очень больно. Но бедным людям, которые приходили сюда со своими болезнями, можно было дать приличную дозу двейла и таким образом сделать эту процедуру безболезненной.

В кабинете повисла тишина. За окном снова застучал молоток, и настоятель вздрогнул от неожиданности. Сделав глубокий вдох, он произнес:

— Если Годдард, Локли и Кантрелл и занимались какими-то неблагоприятными делами, то я об этом ничего не знал. И вообще, какое отношение это имеет к вашему расследованию?

— Нам необходимо знать все, настоятель. А то, как вы смотрели на эти коробочки, доказывает, что для вас все сказанное не является новостью.

К первому молотку присоединился второй. Настоятель закрыл глаза.

— Этот шум, — тихо проговорил он. — Этот непрекращающийся шум. Разве можно спокойно думать, когда так шумят?

Он снова открыл глаза и еще раз глубоко вздохнул.

— Вы правы, адвокат Шардлейк. Четыре года назад, в тысяча пятьсот тридцать девятом году, я узнал, что Годдард кладет в больницу пациентов для того, чтобы продавать их зубы. Вставные челюсти тогда только входили в моду, и он вступил в сговор с местным брадобреем-хирургом. Тот жил в Вестминстере, в гостинице «Красный куст», и звали его Снит. Как я слышал, он покупал и зубы, и многое другое.

Настоятель перевел дух и продолжал, тщательно выбирая слова:

— Локли орудовал заодно с Годдардом. К тому времени уже ни для кого не являлось тайной, что монастырям скоро придет конец, поэтому многие монахи, как могли, пытались заранее обеспечить свое будущее. По такому же пути пошел и Годдард, хотя при его знаниях он мог сохранить свое положение даже в случае закрытия монастыря. Локли, я полагаю, тратил все, что получал, на выпивку.

— Откуда вы узнали все это?

— Мне рассказал молодой Кантрелл. Он работал в больнице для монахов и не знал о том, что происходит в лечебнице для мирян, но как-то раз случайно подслушал разговор между Годдардом и Локли. Годдард велел ему держать язык за зубами, пригрозив в противном случае превратить его жизнь в сплошной кошмар. Однако Кантрелл подозревал, что несколько человек, которых Годдард с Локли усыпили, чтобы вырвать у них зубы, так и не проснулись.

— Кантрелл... — повторил я. — Его охватил ужас при одном только упоминании имени Годдарда.

— Лорд Кромвель поручил мне брать на заметку любой скандал, с помощью которого можно будет надавить на монахов в том случае, если они воспротивятся закрытию аббатства.

Он обвел нас взглядом.

— Между прочим, все вы тоже работали на него, так что нечего сейчас разыгрывать передо мной праведников. Кромвель велел мне не вмешиваться и не мешать им заниматься тем, что они делали, чтобы в нужный момент мы могли расставить ловушку и поднять большой шум. Но он все же предпочел бы, чтобы аббатство прекратило свое существование без шума и скандалов, потому что этого хотел король. И я им это обеспечил.

— Знал ли Годдард, что Кантрелл донес на него?

— Нет, я ему об этом не сказал.

— Чтобы умирали новые люди? — укоризненно спросил Харснет.

— А хоть бы и так! Я выполнял приказ лорда Кромвеля. Как вам, должно быть, известно, это был не тот человек, которого можно было

ослушаться.

Настоятель подался вперед. Уверенность вернулась к нему.

— И королю не понравится, если вспыхнет новый скандал, связанный с Вестминстерским аббатством. Даже сейчас. Я повинился лорду Кромвелю потому, что он в то время был всемогущим, хотя его радикальным религиозным убеждениям я никогда не симпатизировал. Но уже тогда я знал, что он пойдет слишком далеко и, воспользовавшись этим, враги Кромвеля низвергнут его. Что, собственно, и произошло. А теперь мы постепенно даем задний ход.

— Значит, вы всегда поворачиваетесь по ветру, — констатировал Харснет.

— Лучше поворачиваться по ветру, чем качаться на ветру, как случилось со многими.

Настоятель направил на коронера похожий на обрубок палец.

— Королю ничего не известно? Ни про убийства, ни про убийцу, которого вы ищете? Я наводил справки — о, не волнуйтесь, очень осторожно! Король не обрадуется, узнав, что архиепископ Кранмер держит его в неведении, когда повсюду поднимает голову измена.

Бенсон обратил свой взгляд на меня.

— Ваши поиски идут ни шатко ни валко. Похоже, вы попали в серьезный переplet, мастер горбун. Вы же не захотите вывести короля из себя во второй раз?

Не обращая внимания на Бенсона, словно его тут не было, Харснет повернулся ко мне.

— Что нам это дает? — спросил он. — Может быть, убийца — кто-нибудь из их бывших пациентов, которых они изуродовали, лишив зубов?

— Сомневаюсь, — ответил я. — Их пациентами были бедняки, совершенно беспомощные, забытые люди. И все же тут есть какая-то ниточка. Должна быть.

— Это определенно Годдард, — сказал Харснет. — Он выбирает жертв из тех, кого знал.

Коронер посмотрел на настоятеля.

— Вы рассказали нам все?

— Все. Клянусь своим саном настоятеля Вестминстера.

— Знаю я, чего стоит такая клятва, Сэмюэль, — откликнулся Харснет голосом, полным сарказма.

Бенсон пронзил его испепеляющим взглядом и обратился ко мне:

— Мне что-нибудь угрожает?

— Не думаю, сэръ. Все предыдущие жертвы так или иначе имели

отношение к религиозному радикализму, а потом порвали с ним. Но вы, сэр, всегда были, гм, приспособленцем, если мне будет позволено так выразиться.

— Я всегда был практичным человеком, господин горбун.

Выйдя из дома настоятеля, Харснет покачал головой.

— Мы ни на шаг не продвинулись вперед, — сказал я.

— Но мы хотя бы знаем, насколько жестокими и бессердечными могли быть Годдард и Локли. Почему только Бенсон не рассказал нам про эти махинации раньше? Ведь он знал, что ему ничего не грозит.

Я не ответил, думая о том, что агрессивный тон, который с самого начала избрал Харснет в общении с настоятелем, не помог. Им двигала антипатия к этому человеку. Но в некоторых случаях, общаясь с политиками, нужно вести себя так же, как они: подстраиваться, прикидываться, изображать дружелюбие.

— И почему нам не рассказал об этом Кантрелл? — продолжал вопрошать Харснет.

— Думаю, потому, что он был слишком напуган, — ответил я. — Тем более что после того, как он поведал об этом Бенсону, все равно ничего не изменилось. Интереснее другое: что он расскажет нам теперь? Мы даже можем оставить здесь лошадей, поскольку он живет в нескольких шагах отсюда. Вернее, не живет, а существует.

Мы перешли через дорогу и подошли к полуразвалившейся плотницкой мастерской.

— Я не вижу охранника, — удивился Харснет.

— Зная Кантрелла, могу предположить, что он отказался от его услуг.

— Значит, нужно заставить его согласиться.

— С этим я согласен.

Мы постучали в дверь, и через несколько секунд она отворилась.

— Это опять вы, сэр, — без всякого энтузиазма протянул Кантрелл.

Он перевел взгляд на Харснета и спросил:

— А это кто такой?

— Я помощник лондонского коронера, — довольно миролюбиво сообщил Харснет. — Мастер Шардлейк работает вместе со мной. Мы хотели посмотреть, как вы тут поживаете, и надеялись увидеть охранника.

— Он на заднем дворе.

— Мы можем войти?

Сутулясь больше обычного, Кантрелл провел нас по грязному коридору в запущенную маленькую каморку с гордым названием гостиная.

Здесь, как и прежде, стоял затхлый запах немытого тела и тухлятины. Через починенное окно я увидел во дворе дородного мужчину, который сидел на перевернутом ящике и ел хлеб с сыром.

— Я не хочу, чтобы у меня в доме находился посторонний человек, — сообщил Кантрелл, заметив, куда я смотрю. — Пусть, если угодно, остается там.

Рядом со столом валялись осколки разбитой тарелки, по полу растеклась похлебка.

— Мой ужин, — уныло пояснил Кантрелл. — Я уронил тарелку, когда вы постучали.

— Вам следует лечить глаза. Помните, я говорил, что у меня есть знакомый врач, который проконсультирует вас бесплатно?

Я уже решил, что сам заплачу Гаю. Если я могу сделать это для Билкнэпа, смогу и для нищего Кантрелла.

Некоторое время Кантрелл молча смотрел на меня, а я гадал, что за болезнь столь пагубно сказалась на его зрении.

— Я боюсь, сэр. А вдруг он скажет, что я ослепну? — признался молодой человек.

— Но возможно, он скажет, что вам просто нужны другие очки. Давайте я договорюсь о приеме?

Не ответив на мой вопрос, Кантрелл мотнул головой в сторону окна и угрюмо спросил:

— Долго еще этот человек будет здесь торчать?

— Возможно, некоторое время вам придется потерпеть его общество, — вступил в разговор Харснет. — Должен сообщить вам, что Фрэнсис Локли пропал без вести, а женщина, с которой он сожительствовал, убита. Тот человек, который проник в ваш дом... Это мог быть Локли?

От удивления у Кантрелла открылся рот.

— Нет, — ответил он, — это не мог быть Фрэнсис. Локли — низенький, а тот, кто вломился сюда, был высоким. Годдард тоже был высоким.

— С большой бородавкой на носу, как сообщил мне мастер Шардлейк.

— Да.

— А после того, как ты врезал ему палкой, у него вдобавок ко всему еще и голова разбита, — с одобрением в голосе вставил Барак.

— Не знаю, не знаю! — с неожиданным раздражением воскликнул Кантрелл. — С какой стати вы заявились сюда целой гурьбой и задаете мне все эти вопросы? Я не понимаю, что происходит, и хочу только одного —

чтобы меня оставили в покое и больше не приставали.

Харснет посмотрел на бывшего монаха долгим внимательным взглядом.

— Мы только что были у аббата Бенсона, — заговорил он, — и тот рассказал нам про махинации, которыми занимались Годдард с Локли, выдирая зубы у пациентов, находившихся под действием двейла. По его словам, он узнал об этом от вас.

— Почему вы сразу не рассказали мне об этом? — спросил я.

Кантрелл обессиленно плюхнулся на стул.

— Значит, вот почему доктор Годдард решил со мной расправиться? Потому что я его выдал?

— Настоятель Бенсон не сообщил об этом Годдарду, — сказал я. — Но почему вы утаили это от меня?

— Один раз я уже рассказал об этом настоятелю, и много мне это дало? Я всегда подозревал, что доктор Годдард догадывается о том, что я сделал. Он даже намеком не дал мне этого понять, но после того случая стал со мной еще более груб.

Молодой человек глубоко вздохнул.

— Когда пытаешься поступать правильно, из этого обычно не выходит ничего хорошего. Лучше оставить все как есть.

Он поднял на нас свои большие водянистые глаза за толстыми линзами очков.

— Знаете, они ведь забирали зубы не только у пациентов. Среди нищих и уличных торговцев быстро распространилась молва о том, что молодые люди могут получить деньги за то, что у них быстро и безболезненно вырвут зубы.

Мне вдруг невольно вспомнилась молодая привлекательная нищенка, которую я видел накануне.

— Доктор Годдард мог выбрать любого. Меня удивляло, что никто из представителей власти не знал, какой новый источник дохода нашли нищие. Впрочем, чему тут удивляться! Власти вообще не замечают бедняков.

Кантрелл погрузился в молчание, уставившись в грязный пол.

— Мне нужно перемолвиться парой слов с охранником.

Харснет посмотрел на Кантрелла, сочувственно покачал головой и вышел в заднюю дверь. Поговорив с мужчиной во дворе буквально несколько секунд, он вернулся.

— За то время, пока он находится здесь, ничего подозрительного не произошло. Но он недоволен тем, что его не пускают в дом. Ему даже спать

приходится в сарае, набитом всяким плотницким инструментом. Почему вы не выпускаете его, мастер Кантрелл?

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое, — повторил тот.

Я испугался, что он сейчас ударится в слезы, и положил ладонь на руку Харснета. Мы поднялись и вышли из гостиной. В дверях я повернулся и сказал Кантреллу:

— Я поговорю со своим знакомым врачом и попрошу его принять вас. Он не ответил, понуро сидя на стуле и глядя в пол.

Когда мы оказались на улице, Харснет снова сокрушенно покачал головой.

— Как ужасно пахнет в этом доме! А вы заметили, насколько грязная на нем одежда?

— Да, он находится в скверном состоянии. Бедняга.

— Судя по его виду, он движется в том же направлении, что и Адам Кайт.

— Я помогу ему, если смогу, — пообещал я.

— Вы готовы помогать всем сумасшедшим Лондона, — буркнул Барак. — Так недолго и самому сойти с ума.

— Мастер Шардлейк всего лишь хочет помочь бедолаге, — поддержал меня Харснет.

Он заметил, что я потерял руку и невольно сморщился от боли.

— Совсем забыл спросить: как ваша рука?

— Гораздо лучше. Мне только что сняли швы. Надеюсь, что охранник знает свое дело. Не хотелось бы потерять еще и Кантрелла.

Харснет немного удивленно посмотрел на меня, видимо подумав, как и Барак, что я принимаю чрезмерное участие в судьбе молодого Кантрелла.

— Он последний из моих людей и вполне надежен. Если нам понадобится помощь, придется положиться на сэра Томаса Сеймура.

Коронер тяжело вздохнул.

— В конце концов все будет так, как пожелает Господь.

Харснет отправился в свою контору, а мы с Бараком поехали по Стрэнду, направляясь домой. Вечерело, тени становились длиннее.

— Что за дьявольщина происходила в таверне прошлой ночью? — задал вопрос Барак. — Если бы убийцей был Локли и убийство жены являлось частью его плана, он наверняка приберег бы ее напоследок, для седьмой чаши. Зачем ему было обнаруживать себя раньше времени?

— На меня он тоже не произвел впечатления убийцы. Ему для этого не

хватает злобы, холодного ума, расчетливости. Разве что он хороший актер и умеет казаться не тем, кем является? По словам Гая, убийца должен притворяться постоянно, чтобы выглядеть обычным человеком.

Я почесал в затылке.

— Но откуда Локли может знать хоть что-то из юридической науки? А ведь это было необходимо, чтобы сочинить правдоподобное письмо Роджеру.

— Не знаю. По мне, так и Годдард тоже не подходит на роль убийцы. Ну не укладывается все как-то.

— Согласен. Доктор Годдард все больше и больше предстает перед нами как человек, которого больше волнуют деньги и положение, а вовсе не какие-то религиозные материи.

— В отличие от нашего безгрешного брата, коронера Харснета, — кисло усмехнулся Барак.

— Он не так уж плох. В нем есть и много хорошего.

— Он что, уже успел и вас обратить в свою веру? Вы тоже стали истинным праведником? — Барак фыркнул. — Как вообще можно верить в божественное всепрощение после того, что мы видели сегодня в таверне?

— В ответ на твой вопрос многие могли бы сказать, что Бог дарует человеку свободу выбора, и если он использует ее не во благо, а во зло, это вина его, а не Бога.

— Расскажите об этом миссис Бьюнс.

Когда мы свернули на Канцлер-лейн, я вспомнил о том, что согласился навестить Адама Кайта. А еще я должен был попросить Гая осмотреть Кантрелла. Мне был понятен страх этого молодого человека. А вдруг Гай и вправду скажет, что ему суждено окончательно ослепнуть?

Мы отвели лошадей в конюшню и вошли в дом. Как только я открыл дверь, ко мне метнулась Джоан.

— Приходила Маргарет, служанка Дороти Эллиард, с сообщением от хозяйки.

У меня оборвалось сердце.

— С ней что-то случилось?

— Нет, с ней все в порядке. Но в ее гостиной лежит мастер Билкнэп. Ему стало плохо, и он упал прямо у ее порога. Маргарет говорит, что он находится при последнем издыхании.

— Билкнэп? — переспросил я, не веря своим ушам. — Но они с Дороти почти не знакомы.

— Так сказала Маргарет. Она была здесь полчаса назад и просила,

чтобы вы пришли сразу, как только вернетесь.

— Я пойду сейчас же.

Я распахнул дверь и торопливо зашагал по тропинке, ведущей к Линкольнс-Инн, окна которого с наступлением темноты осветились. Мне открыла Маргарет. На ее пухленьком лице читалось возбуждение.

— Что случилось? — с порога спросил я.

— Днем я услышала стук в дверь, а когда открыла, увидела мужчину в адвокатской мантии, лежавшего прямо у нашего порога. Хозяйка позвала повара и велела ему перетащить этого беднягу на кровать. Она говорит, что вы его знаете...

— Я здесь! — крикнула Дороти из гостиной.

— Пойду я, пожалуй, к нему, сэръ, уж больно он плох, — сказала Маргарет и убежала, шурша юбками.

Я вошел в гостиную. Дороти сидела у огня и смотрела на поврежденный угол деревянного фриза.

— Нужно его отремонтировать, — проговорила она. — Теперь, когда я провожу тут так много времени, он меня раздражает.

Женщина была бледна, и я видел, что ей стоит больших трудов сохранять спокойствие.

— Спасибо, что пришел, Мэтью.

— Что произошло? Почему Билкнэп в твоём доме?

— Маргарет нашла его лежащим у нашего порога и позвала меня. Он хватал воздух ртом и был белый, как простыня.

Голос Дороти слегка дрожал, и я понял, что вид человека в адвокатской мантии, скорчившегося на земле, напомнил ей убитого Роджера, лежавшего у фонтана. Чертов Билкнэп!

— Маргарет сказала, что ты велела перенести его на кровать.

Дороти развела руками.

— А что мне оставалось делать? Он сказал, что умирает, и попросил помощи. Вот я и помогла, хотя едва знала его, да и отношусь к нему не лучше, чем ты.

— Он знал, что женщина не откажет ему в помощи. — Размышляя, я наморщил лоб. — Пойду-ка я к нему.

— Мэтью, прошу тебя, не будь слишком грубым, — попросила Дороти. — Мне кажется, он очень болен.

— Поглядим.

Билкнэпа уложили в спальне. Судя по маленькой — для школьника, не иначе — теннисной ракетке, лежавшей на сундуке, раньше это была

комната Сэмюеля. Маргарет склонилась над Билкнэпом и пыталась напоить его чем-то из кружки. Мой давний недруг лежал на кровати, и я был потрясен его ужасным видом. В свете свечи, стоявшей на тумбочке, он был бледнее смерти, белее подушки, на которой покоилась его голова. Тем не менее Билкнэп был в сознании и смотрел на меня безумными, расширившимися от ужаса глазами.

Маргарет повернулась ко мне. Вид у нее был крайне расстроенный. Видимо, она тоже вспомнила мертвого Роджера.

— Я пытаюсь напоить его разбавленным вином.

— Оставь нас, — мягко попросил я.

Девушка поставила кружку и вышла из комнаты. Я посмотрел на Билкнэпа. Было странно видеть его вблизи да еще в столь жалком состоянии. Его растрепанные рыжеватые волосы уже начали редеть, а на макушке образовалась изрядная плешь. Немного вина, которым пыталась напоить его Маргарет, пролилось ему на подбородок. Он выглядел совершенно беспомощным и, судя по его одичалому взгляду, понимал это.

— Почему вы пришли сюда? — спросил я. — Вы же знаете, какое горе случилось в этом доме.

— Я знал, что... миссис Эллиард... пока здесь.

Его голос звучал еле слышно, а дыхание было частым и прерывистым.

— Я знал, что она... добрая. Больше мне не к кому... было... постучаться.

— Любой адвокат помог бы своему коллеге, если тому стало плохо.

— Только не мне. Меня все... ненавидят.

Он перевел дух и на несколько секунд закрыл глаза.

— Со мной покончено, Шардлейк. Я не могу есть. Пища просто проскакивает сквозь меня. Доктор Арчер обещал, что поможет новое промывание желудка, но у меня началось кровотечение, и оно уже не прекращается.

— Я договорюсь, чтобы доктор Малтон пришел и осмотрел вас прямо здесь.

— Наверное, слишком поздно. У меня перед глазами туман, все время кружится голова...

С огромным усилием он выпростал из-под покрывала отощавшую руку и схватил мое запястье. Я едва сдержался, чтобы не вздрогнуть от неожиданности.

— Я никогда не верил в Бога, — зашептал он, не сводя с меня наполненного болью взгляда. — Даже когда был маленьким. Мир — это поле боя, люди бывают либо хищниками, либо дичью. Законы и

юриспруденция лишь маскируют этот бесспорный факт. Но теперь мне страшно. Католики говорят, что, если исповедаться и покаяться в грехах перед смертью, Господь впустит тебя в рай. Мне нужен священник — из тех, прежних.

Я сделал глубокий вдох.

— Для начала я приведу доктора Малтона. Он знаком со многими священниками и посоветует, к кому обратиться. Но мне все же кажется, Билкнэп, что правильное лечение вполне способно поставить вас на ноги. Сейчас я пришлю к вам Маргарет.

Я попытался встать, но Билкнэп на удивление крепко держал мою руку.

— А вы верите? — спросил он.

Я замешкался.

— У меня нет... уверенности. Уже некоторое время.

На лице больного отразилось удивление.

— А я всегда считал вас верующим. То, как усердно вы следуете всем правилам, блюдете нормы этики... Я думал, что вы — один из этих... праведников.

— Нет.

— Тогда почему же вы помогаете мне? Ведь вы меня ненавидите. Я причинил вам много неприятностей, потому что вы всегда смотрели на меня не как на человека, а как на... вошь.

На мгновение в его взгляде вспыхнула злая искорка.

— Но ведь вы все же человек, а не вошь.

Билкнэп, казалось, задумался, прикусив губу длинными желтыми зубами. Наконец он сказал:

— Священник может не успеть... вовремя. А вам я, по крайней мере, успею рассказать про один свой грех, про то, что я совершил. Я, правда, не знаю, почему он просил меня об этом...

— Я вас не понимаю, Билкнэп. О чем вы толкуете?

Он закрыл глаза.

— Это случилось две недели назад, после того как вы посрамили меня в ходе процесса по иску болотного коттера. На следующий день ко мне в контору пришел человек. Его зовут Колин Фелдэй.

Билкнэп сделал паузу, чтобы отдышаться.

— Он — поверенный и занят тем, что слоняется по вестминстерскому убежищу, подыскивает подходящих клиентов и приводит к барристерам. В частности, ко мне. Он не отличается особой порядочностью и вам бы наверняка не понравился.

Билкнэп попытался рассмеяться, но хриплые звуки, вырвавшиеся из его груди, больше напоминали кашель. Глаза больного снова расширились от страха и боли.

— Он сказал мне, что у него есть клиент, который готов заплатить хорошие деньги за информацию о вас.

— Какую именно информацию?

— Любую. О ваших привычках, о том, где вы живете, даже о том, что вы за человек. И о вашем помощнике Бараке. Я сказал ему, что вы — надутая свинья и ненавидите весь свет из-за того, что горбаты. Я также сообщил, что вы очень упрямы и настойчивы в работе, прямо как какой-нибудь фокстерьер. И что вы не дурак.

Он снова попытался засмеяться.

— О нет, далеко не дурак!

Я смотрел на Билкнэпа, а в голове вертелось: это был убийца, не иначе. Так вот как он разузнал про меня! И поверенный, приходивший к Билкнэпу, написал под его диктовку письмо Роджеру.

— Кто клиент этого Фелдэя? — резко спросил я. — Как его зовут?

— Фелдэй сказал, что не может назвать его, но заверил, что он желает вам зла. Этого для меня было достаточно.

В глазах Билкнэпа горела злость. Его исповедь была вызвана отнюдь не раскаянием, а только диким страхом перед лицом смерти.

— Я имею все основания думать, что клиент Фелдэя убил пятерых человек, — проговорил я. — Я охочусь на него, а он с недавних пор охотится на меня. Недавно он ранил меня в руку и зверски избил жену Барака.

Глаза Билкнэпа скользнули в сторону.

— Я этого не знал, и моей вины в этом нет.

Я невесело улыбнулся. Передо мной вновь был тот самый, прежний Билкнэп, и в этот момент я понял: он не умрет.

— Где живет Фелдэй?

— Снимает какую-то конуру рядом с собором на Эддл-Хилл.

— Я пришлю к вам Гая, — тихо проговорил я, — и позабочусь о священнике.

Билкнэп слабо кивнул, не открывая глаз. Признание лишило его последних сил, и, может быть, после него он не мог смотреть мне в глаза. Я вышел, бесшумно притворив дверь.

Дороти все так же сидела в кресле у огня. Маргарет — на стуле, напротив нее. У обеих женщин был усталый вид.

— Маргарет, — сказал я, — не могла бы ты вернуться к больному и побыть с ним. Если бы тебе удалось влить в него хоть немного жидкости, это было бы хорошо.

— Он умрет? — напрямик спросила Дороти после того, как служанка вышла из гостиной.

— Не знаю. Сам он думает, что умирает. Я привезу к нему Гая, но Билкнэп хочет и священника, чтобы исповедаться.

Дороти безрадостно усмехнулась.

— Билкнэп никогда не производил на меня впечатления религиозного человека и тем более приверженца старой веры. И вообще чего угодно, кроме набивания собственных карманов.

— Мне кажется, для него это что-то вроде страховки. — Я покачал головой. — Он вообще очень странный. Говорят, где-то в его конторе спрятан большущий сундук с золотом, но при этом у него нет ни жены, ни друзей. Только враги. Любопытно, что сделало его таким?

Дороти пожала плечами.

— Кто знает! Будем надеяться, что он выживет. Я не хочу, чтобы здесь еще кто-нибудь умер. И спасибо, что пришел, Мэтью. — Она улыбнулась. — Мы с Маргарет не знали, что делать. Как-то не подумали.

— В этом нет ничего удивительного. Обстоятельства застали вас врасплох.

Дороти встала с кресла.

— Позволь, я хотя бы накормлю тебя ужином. Готова спорить, что сегодня у тебя маковой росинки во рту не было.

— Нет, мне нужно срочно заняться кое-какими делами.

— Это как-то связано с убийствами?

— Да, появился новый след.

Дороти подошла, взяла меня за руку и посмотрела на нее.

— Тебе пришлось пройти через столько всего! Ты выглядишь более усталым, чем обычно.

— Мне кажется, что мы, возможно, уже недалеко от разгадки.

— Когда я увидела этого Билкнэпа — белого как полотно, лежащего на пороге моего дома, — я невольно вспомнила мертвого Роджера.

Она неожиданно расплакалась и закрыла лицо руками. Позабыв обо всем, я обнял ее и прижал к себе.

— О Дороти! Бедная Дороти!

Она подняла заплаканное лицо, посмотрела мне в глаза, и мне на секунду показалось, что, если я сейчас поцелую ее, она ответит мне. Но в следующий момент Дороти моргнула и отступила назад.

— Бедный Мэтью, — с печальной улыбкой сказала она. — Попадаешь из огня да в полымя, и все — чтобы помочь мне.

— Ради тебя я готов сделать все и в любое время.

— Я знаю, — тихо ответила она.

Я поклонился и вышел, но, оказавшись на крыльце, остановился, обуреваемый чувствами. Теперь я ощутил, как много она значит для меня. Я посмотрел на Гейт-хаус-корт. Он был темным, и лишь несколько окон слабо светились в вечернем сумраке. Сделав несколько глубоких вдохов, я быстро направился по направлению к своему дому, решив отправить Питера за Гаем. Что касается нас с Баракком, то перед нами стояла другая задача — найти Фелдэя. Мое сердце билось быстрее обычного, а ноги слегка дрожали при мысли о том, что, возможно, мы наконец попали на след, который приведет нас к убийце.

Глава 33

Когда я вошел в дом, у меня вдруг закружилась голова, и мне пришлось прислониться к притолоке и немного постоять, чтобы отдышаться. Затем я поднялся на второй этаж и постучал в дверь комнаты Барака и Тамазин. Барак пригласил меня войти.

То, что я увидел, выглядело вполне миролюбивой семейной картиной: Тамазин сидела за столом и шила, Барак лежал на кровати. Вот только брови его были слегка нахмурены, а одна нога нервно подергивалась вверх-вниз.

— Джек, — сказал я, — боюсь, мне придется забрать тебя ненадолго.

— Что, снова...

Он не договорил, глядя на меня округлившимися от страха глазами.

— Нет-нет, — успокаивающе улыбнулся я, — это не то, что ты подумал. Просто нам нужно кое-куда съездить по делу.

— Что стряслось? — спросил Барак, когда мы спускались по лестнице.

Он был рад тому, что можно снова заняться делом и при этом не любоваться очередным обезображенным трупом. Я рассказал ему о признании, сделанном Билкнэпом, относительно поверенного по имени Фелдэй.

— Ты иногда выпиваешь с безработными поверенными. Не встречал ли ты, случаем, этого человека?

— Да знаю я его! — воскликнул Барак. — Худой тип с острым лицом. Он находит клиентов по большей части в вестминстерском убежище, и его там многие знают.

Барак посмотрел на меня серьезным взглядом.

— Мои друзья говорят, что за деньги он готов сделать все, что угодно. Они, впрочем, тоже не ангелы.

На нижней ступеньке лестницы я остановился.

— Мы должны немедленно найти его. Если его клиент и есть убийца — а кто другой мог задавать подобные вопросы относительно нас с тобой? — мы наконец выясним его личность.

Я замешкался на пороге.

— Как ты думаешь, может, стоит позвать Харснета?

— Нужно срочно отправляться к этому Фелдэю, — воспротивился Барак. — Нельзя тянуть время. Мы можем упустить его.

— Да, возможности лучше нам еще не выпадало.

Барак посуровел.

— Значит, вот как эта тварь узнала, где я живу, и о том, что вы работаете в суде прошений. Он, наверное, постоянно следил за нами.

— Вот именно, и сверхъестественные силы, дарованные якобы дьяволом, тут ни при чем. Нет ничего сверхъестественного в том, чтобы через продажного поверенного получить информацию у продажного барристера. Однако, если он может позволить себе использовать поверенного и адвоката в качестве шпионов, у него должны быть деньги.

— И мы не знаем, как ему удавалось следить за нами, оставаясь незамеченным.

— Ничего, скоро узнаем.

— Пошли Питера за Гаем. Пусть приведет его к Билкнэпу.

— Будь моя воля, я оставил бы эту старую сволочь гнить заживо.

— Только не в доме Дороти. Давай же, поторопись.

Я пошел на кухню. Филипп Орр сидел за столом с кружкой пива в руке и разговаривал с мальчиками. Стул покряхтывал под его массивным телом. Питер и Тимоти сидели на полу у его ног.

— А потом в город вошел король, — с драматическими интонациями рассказывал Орр. — Вы никогда не видели никого, кто хотя бы напоминал его величество. Огромный мужчина, на голову выше всех придворных и слуг, которые следовали за ним. На его шапке и дублете сияли самоцветы, а рядом с ним шла королева, Анна Болейн, которая оказалась грязной потаскухой...

При нашем появлении мужчина резко умолк и поднялся со стула. Мальчики тоже вскочили.

— Простите, сэр, — виновато проговорил он, — я просто рассказывал ребятам про те времена, когда я служил городским констеблем.

— Все в порядке, Орр, — успокоил я его. — Но у меня есть поручение для Питера. Идем, — позвал я старшего из мальчишек, — я напишу записку, и ты отнесешь ее в Баклсбери. И чтобы одна нога здесь, а другая там.

Затем я посмотрел на Тимоти.

— А тебе не пора ли укладываться спать?

— Пора, сэр.

Мне было приятно видеть, что Питер и Тимоти подружились. В потухших глазах Тимоти вновь зажглась какая-то искорка.

— В таком случае спокойной ночи.

Я вышел в гостиную. Торопливо нацарапал записку для Гая и отдал ее Питеру. Тот поспешил за дверь.

— Ну вот, — сказал я Бараку, — с одним делом покончено. Пора узнать, что скажет нам добрый мастер Фелдэй. Эддл-Хилл совсем недалеко отсюда. Захвати свою шпагу.

Мы быстро шли по Флит-стрит по направлению к городской стене. Увидев мои адвокатские одежды, стоявший там стражник пропустил нас без помех. Громадина собора Святого Павла виделась теперь всего лишь огромным черным силуэтом впереди нас. Ночь была темной, луна спряталась за облаками, и в воздухе снова запахло дождем.

— Вы с Тамазин сегодня выглядели идеальной супружеской парой.

— Я пытаюсь вести себя подобающим образом, но это сложно, учитывая то, что мне не удастся думать ни о чем другом, кроме кошмаров, с которыми нам приходится сталкиваться чуть ли не ежедневно.

— Это пройдет.

Свернув на Картер-лейн, мы увидели впереди какую-то суматоху. Двое полицейских тащили за шиворот оборванца.

— Я всего лишь хотел переночевать на крыльце, под козырьком! — орал он. — Ведь снова дождь пойдет!

— Ничего, помокнешь, — прорычал один из констеблей, ударил бездомного в спину концом своего жезла, и тот кубарем полетел по мостовой. — Пошел вон, бродячий пес!

Босяк поковылял прочь, а констебли, заслышав звук наших шагов, повернулись к нам и осветили факелами наши лица.

— Я барристер и направляюсь к его, — я ткнул пальцем в Барака, — поверенному.

Констебли поклонились и пропустили нас.

Эддл-Хилл представляла собой длинную, как кишка, улицу, ведущую к Темзе. В ее начале стояли старые четырехэтажные дома с выступающими карнизами. Построенные на зыбком речном берегу, многие из них просели, покосились и выглядели так, будто вот-вот обрушатся. Женщина, стоявшая на крыльце одного из таких сооружений, метнула в нашу сторону призывный взгляд и юркнула назад, в темноту.

— Шлюх здесь как крыс в амбаре, — заметил Барак.

— А кроме них, похоже, никого. Нам придется постучаться во много дверей, чтобы найти того, кого мы ищем.

Навстречу нам, негромко переговариваясь, шла группа людей с фонарями. От нее отделились мужчина и женщина и, пожелав друг другу спокойной ночи, отправились по домам.

— Можно спросить у этих людей, — сказал Барак.

— Прошу прощения, — проговорил я, шагнув вперед. — Вы позволите задать вам вопрос?

Пожилой мужчина, шагавший впереди, поднял фонарь, и я увидел, что и он сам, и те, кто шел за ним, были одеты во все черное и держали в руках Библии. Судя по всему, они возвращались с какого-то подпольного религиозного собрания. Я спросил, не знают ли они, где живет поверенный по имени Фелдэй. Мужчина отрицательно покачал головой, но в тот же момент вперед выступил юноша.

— Я знаю его, — сказал он, ухватившись за мою адвокатскую мантию. — Он вас нанял?

— У меня есть к нему одно дело.

— Соседи его не очень-то жалуют, — осуждающе сказал этот молодой, не старше двадцати, парень. — Его знают как человека бессовестного и неверующего. Как можно иметь с ним дело?

Остальные согласно закивали.

Я насупился и резко ответил:

— Мои дела вас не касаются. А теперь — во имя христианской любви! — укажите мне, где он живет.

Молодой человек скорбно покачал головой и указал рукой вдаль, в сторону холма.

— В десятке домов отсюда, по правой стороне. Дом с синей дверью.

— Благодарю вас, — коротко бросил я и отступил в сторону.

Группа продолжила свой путь.

— Он говорил безбожно, Томас, — проговорил кто-то из сектантов. — Как можно столь легкомысленно отзываться о христианской любви!

Барак посмотрел им вслед.

— Снова праведники, — сказал он. — Никогда не упустят возможности заложить того, кого считают более порочным, чем они сами.

— Им не откажешь в смелости, — заметил я. — Ходят скопом после наступления темноты, зная, что Боннер ведет на них охоту.

— Половина этих праведников мечтают стать мучениками, — отмахнулся Барак.

— Хватит разглагольствовать. Давай-ка лучше найдем Фелдэя.

Дом, на который нам указали сектанты, находился не в столь ужасающем состоянии, как остальные. Дверь была совсем недавно покрашена в синий цвет. Я подергал ее, но она оказалась заперта.

Мне пришлось долго стучать, пока дверь наконец открыла женщина лет тридцати.

— Что вам угодно, господа? — с улыбкой спросила она.

— Нам угодно повидаться с мастером Фелдэем.

Улыбка моментально сменилась гримасой раздражения.

— И вам тоже! Я его несколько дней как не видела, а к нему все приходят, приходят, стучат, стучат...

— Можем мы пройти в его комнаты? Где они находятся?

— На первом этаже, слева. И если вы его найдете, передайте ему, чтобы он, когда захочет снова исчезнуть, предупреждал об этом своих дружков. Его соседке вовсе не обязательно открывать на каждый стук!

Последнее она проговорила нам вслед, поскольку мы уже торопливо поднимались по ступеням.

На площадке первого этажа было две двери. Этот дом очень напоминал Олд-Бардж, где жили Барак с Тамазин, только здесь было просторнее и чище. Мы громко постучали в левую дверь. Ответа не последовало. Барак подергал ручку — закрыто.

— Куда же подевался этот болван? — раздраженно прорычал Барак. — Неужели смылся?

— Откуда мне знать! — ответил я и после недолгих раздумий решился: — Ломай дверь!

Барак удивленно посмотрел на меня.

— Что, вот так и ломать? Вломиться в чужой дом без разрешения?

— В случае чего, если кто-то пожалуется, нас прикроет Кранмер.

— Но для начала нам нужно чем-то посветить. Я схожу к этой бабе за свечой.

Барак отправился вниз, а я тем временем смотрел на запертую дверь и думал. Если убийца был связан с Фелдэем, а в этом я не сомневался, он наверняка немножко «высунулся», чтобы дать мне новую зацепку. Это была часть дьявольской игры, которую он затеял со мной. Что ж, тем лучше! Он сам выводит меня на свой след.

Вернулся Барак со свечой в руке.

— Эта девка внизу — отменная шлюха. Она спросила, не хочет ли адвокат провести с ней время. Я сказал, что вы подумаете.

Он ухмыльнулся, но за его клоунадой я ощутил похоть.

— Что ж, в таком случае ее ждет разочарование. Вперед!

Барак разбежался и со всех сил умело саданул плечом в дверь. Она вылетела и ударилась в стену напротив. На нас дохнуло холодным воздухом, и мне пришлось загородить ладонью фитилек свечи, чтобы она не погасла.

— Где-то открыто окно, — сказал я.

— Если он собирался уходить, то, возможно, открыл окошко, чтобы проветрить комнаты, — предположил Барак, вытащив, однако, шпагу из ножен.

Осторожно ступая, мы вошли внутрь.

Первое, что я увидел, была стена, увешанная полками. Под открытым окном стоял письменный стол, а на нем — моя рука непроизвольно стиснула рукоятку кинжала — лицом вниз лежало тело мужчины в белой рубашке. Одна его рука покоилась на стопке страниц, угол верхней из которых трепыхался на сквозняке.

Мы вошли в комнату. Барак потыкал лежащего ничком человека концом своих ножен. Тот не пошевелился. Я поднес свечу к голове лежащего и осветил лицо. Это был сравнительно молодой мужчина лет около тридцати, с густыми каштановыми волосами и тонкими, красивыми, даже изысканными чертами. Глаза его были закрыты, на лице застыло мирное выражение. Он походил на спящего.

— Это Фелдэй, — констатировал Барак.

Сбоку от нас послышался какой-то звук, и мы резко развернулись в ту сторону. Барак выставил вперед шпагу. Но уже в следующую секунду мы с облегчением вздохнули. Это был отклеившийся кусок обоев, зашуршавший на ветру.

— Господи, у меня сердце в штаны провалилось! — сказал Барак.

— У меня тоже, — признался я.

Барак подошел к окну, закрыл его и зажег от свечи лампу, стоявшую на столе. Затем взял лежавшего на столе человека за плечи и откинул его на спинку стула. Это оказалось непросто, поскольку под грудь тела натекла кровь и успела засохнуть. Положив на пол шпагу, Барак разорвал рубашку на груди мертвеца.

— По крайней мере, этот бедолага не мучился. Кинжал в сердце. Он даже не успел понять, что его убило. — Барак поднял глаза на меня. — Шестая жертва?

— Нет, — тихо ответил я. — Это убийство было совершено тихо и без всяких вывертов, не так, как другие. Тут нет ничего, что можно хотя бы отдаленно связать с пересыханием рек.

— Вы хотите сказать, что Фелдэя убил кто-то другой? — ошарашенно спросил Барак.

— Нет, вероятнее всего, это был наш убийца, но Фелдэй не входил в последовательность его жертв. Он убил Фелдэя, замечая следы, чтобы тот не заговорил, если мы его вычислим.

Я вздохнул.

— Не зря же Билкнэп сказал Фелдэю, что я упрям. Я думаю, убийца пришел к нему с обычным визитом, как клиент к своему поверенному, они сидели за столом, спокойно разговаривали, и вдруг он неожиданно вонзил парню кинжал в сердце. Видишь стул напротив Фелдэя? На нем наверняка сидел убийца.

Я посмотрел на странно умиротворенное лицо убитого.

— Как сказали встретившиеся нам люди, Фелдэй не верил в Бога. В этом ему повезло. Если бы он принадлежал к праведникам, а потом стал отступником, он умирал бы долго и мучительно.

Я прошелся по комнате.

— Знаешь, для чего убийца открыл окно? Чтобы запах разложения не скоро разошелся по дому и труп подольше не нашли.

— Да, умен, сукин сын! Судя по тому, что этот бедняга воняет, как головка французского сыра, он мертв уже несколько дней.

— Давай пороемся в бумагах. А вдруг найдем какую-нибудь зацепку: счет, записку... все, что угодно.

Целый час мы обыскивали кабинет и всю квартиру поверенного. За окном снова зарядил дождь. Его капли гулко колотили по плиткам мостовой, вода потоками стекала с ветвей деревьев. Но найти нам так ничего и не удалось — лишь пустое место на одной из полок, где, вероятно, лежало шпионское досье Фелдэя. Его прихватил с собой убийца. След, на который я так рассчитывал, оказался тупиком.

Глава 34

После возвращения домой я отправил Харснету письмо, в котором рассказал о последних событиях. Ужинать мне пришлось в одиночестве, поскольку Бараку после увиденного кусок в горло не лез. Жуткое убийство миссис Бьюнс, а теперь еще и Фелдэя — для него это оказалось чересчур.

Поэтому я почти обрадовался, когда неожиданно раздался стук в дверь. Открыв, я обнаружил на пороге запыхавшегося мужчину, одного из бывших клиентов Роджера. Это был мастер Бартоломью, тот самый, который организовал спектакль в Линкольнс-Инн. Господи, подумалось мне, ведь это было всего три недели назад, а казалось, что с тех пор прошла целая вечность! Двоих из нанятых им актеров недавно арестовали за то, что они лицедействовали в запрещенных властями пьесах Джона Бейла.

Несмотря на то что сам Бартоломью сторонился всякой религиозной казуистики, в последнее время он заметил, что многие из тех, с кем ему приходилось работать, стали сторониться его самого. А все из-за страха, который густым туманом окутал Лондон.

Прямо с порога мой незванный гость затараторил:

— Портной, который шьет костюмы для моих театральных постановок, отказался выполнить заказ для нового спектакля, а плотник заявил, что не станет изготавливать декорации и вообще не желает больше иметь со мной никаких дел! Но «Замок стойкости» нам предстоит показывать в палатах лорда-мэра уже в следующий четверг! Они нарушают все наши договоренности! Неужели я ничего не могу сделать? В иных обстоятельствах я обратился бы к мастеру Эллиарду, но поскольку его больше нет...

Я объяснил ему, что он может подать в суд, но до спектакля выиграть дело все равно не успеет. Поэтому остается только одно: понадеяться на силу убеждения. Мрачный, но уже не столь возбужденный мастер Бартоломью, уходя, задержался на пороге, глянул на густую пелену дождя, накинул капюшон и повернулся ко мне.

— Есть какие-нибудь новости в расследовании убийства мастера Эллиарда? До меня дошли слухи, что этим делом занялся сам главный коронер?

— Ничего не могу вам об этом сказать. Просто не знаю.

Мужчина покачал головой.

— И мы, наверное, не узнаем никогда. Так всегда бывает. Если убийцу

не поймать по горячим следам, его не поймать никогда.

Он ушел, а я подумал: «Какая паника поднялась бы, прознай народ об этой жуткой серии убийств!»

На следующее утро я спозаранку выехал в Бедлам. Бытие осторожно ступал по раскисшей после дождя дороге, а я чувствовал себя уставшим и разбитым. Ночью я то и дело просыпался от звуков ливня, и теперь это давало о себе знать. Помимо того, меня преследовала картина мертвого Фелдэя, лежащего лицом вниз на своем столе. Если бы убийца не зациклился на моей персоне, этот человек остался бы жив. Но с другой стороны, не будь он столь продажен, он также уцелел бы. Ответа от Харснета я пока не получил и поэтому оставил дома сообщение с указанием, где меня можно найти.

Утром принесли короткую записку от Дороти. Она сообщала, что приходил Гай и, осмотрев Билкнэпа, вынес вердикт: надлежащее лечение и покой поставят больного на ноги, а вот новые промывания желудка и кровопускания наверняка убьют его. Дороти писала:

«Твой друг доктор считает, что больной должен оставаться в постели еще как минимум несколько дней, пока не окрепнет».

Было, впрочем, понятно, что самой Дороти этого совершенно не хочется.

Вид ворот Бедлама заставил меня вернуться к реальности. Въехав во двор, я увидел знакомые фигуры, выходящие из здания. Это были Минни и Дэниел Кайты. Дэниел своей большой рукой обнимал жену за плечи. Он выглядел задумчивым, женщина — спокойнее, нежели обычно.

Я натянул поводья, и мой конь остановился.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Навещали Адама?

— Да, сэр, — ответил Дэниел.

— А я должен встретиться здесь с доктором Малтоном. Он тоже собирался проведать вашего сына.

Лицо Минни озарилось улыбкой.

— Ах, он такой хороший человек! Я уверена, что ему удастся помочь Адаму. По его словам, на это потребуется много времени, но я чувствую, что моему сыну уже сейчас лучше.

— Да, — согласно кивнул Дэниел, — он временами даже обращает на нас внимание и прекращает свои бесконечные молитвы, пусть и ненадолго. И начал кушать. Я вот все думаю, сможет ли он когда-нибудь унаследовать

мое ремесло?

Мужчина посмотрел на меня молящим взглядом, словно будущее его сына зависело от меня.

— Что ж, возможно, со временем это и случится, — ободряюще ответил я.

— А может, он и не захочет заниматься твоим ремеслом? — запальчиво проговорила Минни. — Я вообще думаю: возможно, наш сын на нас за что-то сердится? Иначе почему он так к нам относится?

Женщина тоже вопросительно смотрела на меня, словно ожидая объяснений.

— Если вы дождетесь доктора Малтона, он постарается ответить на ваши вопросы, — уклончиво сказал я.

Супруги с сомнением посмотрели друг на друга.

— Послушай, Дэниел, — заговорила женщина, — а давай сегодня...

— Нет, милая, — перебил ее муж, видимо заранее зная, о чем собирается просить жена, — мы должны идти в церковь. В эти тяжелые дни мы просто обязаны поддержать нашего vicария.

Мужчина перевел взгляд на меня, и по лицу его побежала тень.

— Кстати, как поживает преподобный Мифон? — поинтересовался я.

— Он очень озабочен, сэр. Настали дни гонений. Мы опасаемся, что настоятель соседней церкви, преподобный Ярингтон, арестован. Его давно не видели, и никто из его прихожан не знает, что с ним случилось. Но преподобный Мифон просто в отчаянии! Он говорит, что истинные христиане должны сплотиться и вместе противостоять дьяволу. И он прав!

— Ну что ж, на этом я вас оставлю. Передать доктору Малтону, чтобы он сообщил вам о результатах осмотра Адама?

— О да, сэр! Это было бы очень благородно с вашей стороны!

Они ушли, а я никак не мог понять, как Минни — мать! — могла ставить церковь превыше собственного сына. Если верить ее словам, сын рассердился на них. Значит, тому была причина. Но какая?

Впрочем, гадать было бесполезно. В последнее время все встало с ног на голову. На прошлой неделе арестовали священника. Его вина состояла в том, что во время причащения паствы он проткнул себе палец булавкой, чтобы кровь капнула на облатку. Таким способом он собирался доказать истину таинства превращения хлеба и вина в тело и кровь Христовы.

Я привязал Бытие к специально предназначенной для этого жерди, тянувшейся вдоль длинного, приземистого здания сумасшедшего дома и постучал в дверь. Открыл мне смотритель Шоумс. При виде меня он

сначала скривился, а потом с усилием скроил нечто похожее на приветливую гримасу.

— А-а, мастер Шардлейк! — пробормотал он.

— Здравствуйте. Я договорился встретиться здесь с доктором Малтоном.

Смотритель отступил в сторону, позволяя мне пройти.

— Его еще нет, но с Адамом находится Эллен. Мы ухаживаем за Адамом как за родным.

Шоумс старался говорить уважительным тоном, но в его взгляде сквозила неприязнь.

— Хорошо. На этой неделе вы обязаны подать в суд первый отчет. Причем я желаю ознакомиться с его содержанием до того, как вы его отправите. Как Адам?

— Темнокожий лекарь утверждает, что он идет на поправку, хотя лично я этого не вижу. Эллен пытается привести его в гостиную, но его присутствие заставляет нервничать других пациентов.

— Надеюсь, вы ведете себя правильно.

Я уже с минуту назад слышал какой-то шум, раздававшийся неподалеку, теперь же дверь с грохотом распахнулась, и из нее появилась красная, запыхавшаяся рожа смотрителя Гибонса.

— Сэр, — залопотал он, обращаясь к Шоумсу, — его величество буйнит! Требуется, чтобы починили корону! Вы сможете его утихомирить?

С тяжелым вздохом Шоумс отпихнул Гибонса в сторону и пошел к палате разбушевавшегося безумца. Я последовал за ним. Умалишенный, считавший себя королем, восседал на стульчаке, облаченный в свою лоскутную «мантию». Бумажная корона на его голове действительно пострадала: у нее было оторвано несколько зубцов.

— Почините мою корону! — завопил он, завидев нас. — Вы мои верноподданные, и я вам повелеваю!

Шоумс сорвал с головы полоумного бумажную корону и скомкал ее в своем мясистом кулаке.

— Вот тебе твоя корона! — прорычал он. — Когда-нибудь договоришься до того, что потеряешь свой поганый язык! Заткнись или не получишь ужина!

Безумный старик словно усох, закрыл лицо руками и заплакал. Шоумс вышел из палаты, громко грохнув дверь.

— Это заткнет ему пасть! — удовлетворенно сообщил он Гибонсу и, обернувшись ко мне, добавил: — Вот видите, мастер Шардлейк, сколько у нас дел. Так что я оставляю вас, а вы отправляйтесь к Адаму Кайту.

Дверь палаты Адама была открыта. Эллен сидела на стуле напротив мальчика, закованного в цепи. Жестокая, но необходимая мера: случившееся на Лондонской стене не должно было повториться.

— Ну давай же, Адам, — мягко уговаривала Эллен, — возьми ложку и кушай. Не буду же я кормить тебя с ложечки как маленького! Агу-агу-агу, — пропела она детским голоском.

К моему удивлению, Адам отреагировал на это беззлобное подшучивание улыбкой, которая, впрочем, почти сразу исчезла с его лица. Он взял ложку, миску и под присмотром Эллен принялся есть похлебку.

— Молодец, Эллен! — восхищенно проговорил я. — Первый раз вижу, чтобы Адам улыбался!

Женщина покраснела, вскочила на ноги и сделала книксен.

— Простите, сэра, я не увидела, как вы вошли.

— У меня назначена здесь встреча с доктором Малтоном.

— Да, он должен скоро прийти. А я тем временем пытаюсь рассмешить Адама. Он пока не смеется, но улыбаться, как вы видели, уже начал.

Адам быстро поглощал похлебку, не обращая на меня никакого внимания.

— Я слышала, король внес в парламент законопроект, который запретит женщинам читать Библию? — спросила Эллен.

— Да, женщинам и необразованным простолюдинам.

Она грустно улыбнулась.

— Все возвращается на круги своя. Что ж, может, так тому и быть. Ведь именно в результате нововведений Адам и рехнулся. Его рассудок не вынес их.

Я подумал: «А может, она инакомыслящая и запрет покидать пределы Бедлама вызван именно этим?»

Однако Эллен говорила без всякого фанатизма, даже с некоторой отчужденностью. Я посмотрел на закованную в цепь ногу Адама.

— Эллен, я не знаю, почему вам не разрешено покидать этих стен, но если я хоть чем-то могу помочь, я с радостью сделаю это.

Она вымученно улыбнулась.

— Спасибо, сэра, но я всем довольна.

Выражение ее лица, впрочем, говорило об обратном. Да и как столь умная женщина может довольствоваться жалким существованием в этой убогой обители, куда и новости-то доходят лишь по прошествии многих дней?

Адам доел, встал на колени и принялся молиться:

— Отец небесный, прости меня, ибо я согрешил против Света! — зашептал он. — Я греховен...

— Теперь, когда он сыт, пускай немного помолится, — сказала Эллен. — По крайней мере, до прихода доктора Малтона. Это, кстати, тоже его идея — наладить отношения с Адамом вроде как по договоренности: ему разрешают молиться, а он за это делает то, что положено.

— Вы замечаете в нем какие-то перемены? — спросил я.

— Мне кажется, да. Но Адам — тяжелый случай. Вчера он проснулся, за окном щебетали птицы, а он заявил, что они оплакивают его грехи.

— Вы выполняете тяжелую работу, Эллен. Тяжелую не только для женщины. Лично я не смог бы ее делать. Представляю, насколько трудно вам все время находиться рядом с этими несчастными. Общение с любым из них — это настоящий подвиг.

— А разве в этом мире что-нибудь дается легко? — философски спросила она, но я понял, что мои слова задела ее.

Чтобы сгладить неловкий момент, я сказал:

— Только что встретил родителей Адама. По их мнению, у мальчика налицо улучшение.

— Мне тяжело смотреть на его отца. Большой, сильный человек, он чувствует себя совершенно беспомощным!

— Со зрителем Шоумсом проблем больше не возникало?

Эллен снова улыбнулась.

— Нет, сэр. Благодаря вам. Он даже разрешает мне приводить Адама в гостиную, чтобы мальчик находился в компании других пациентов. Доктор Малтон говорит, что это важно для Адама — оказываться в обществе других людей, вырываясь хотя бы изредка из того скорбного мира, который он для себя создал.

— По словам Шоумса, Адам нервнрует других пациентов.

— Но уже меньше, чем раньше. Они просят его перестать молиться и молчать. Это тоже неплохо для него. Тут каждый может помочь другому. Но к сожалению, не себе.

— Это не совсем так, — послышался голос от двери, и в комнату вошел Гай.

Я с удивлением увидел в его руке Новый Завет. Мой друг выглядел усталым, и я почувствовал себя виноватым за то, что накануне заставил его мчаться в Линкольнс-Инн.

— Что с Билкнэпом? — спросил я.

— Доктора Арчера надо бы привлечь к суду за предумышленное нанесение тяжких телесных повреждений. Как я понял, Билкнэп обратился

к нему с жалобами на непрекращающиеся боли в животе. Из-за них он перестал есть и ослаб, а Арчер своими постоянными кровопусканиями и промываниями желудка ослабил его еще больше. Неудивительно, что он решил, будто умирает. Я прописал ему хорошее питание и постельный режим в течение недели, а потом он сможет отправиться восвояси, и врачебная помощь будет ему не нужна.

— Спасибо тебе.

— Боюсь, миссис Эллиард не понравилось, когда я сказал, что ей в течение некоторого времени придется ухаживать за ним.

— Дороти можно понять. Зрелище Билкнэпа, лежащего на пороге ее дома, напомнило ей мертвого Роджера.

— Она добрая и жалостливая женщина. Я, к своему стыду, даже немного сыграл на этом. Но твоими стараниями Билкнэп теперь мой пациент, и его здоровье для меня превыше всего.

— Не сомневаюсь, — ответил я, а про себя подумал: «Черт бы побрал этого негодяя!»

— Я пообещал проведать его завтра вечером.

— Ты вызвал к нему священника?

— Нет, исповедь ему не понадобится. Наоборот, это повредило бы больному, вернув его к мыслям о скорой кончине.

— Приходи ко мне поужинать после того, как наведишь этого мерзавца. В качестве компенсации за хлопоты. А заодно я заплачу тебе за его лечение. Билкнэпу оно обойдется даром.

Гай улыбнулся.

— Странный он человек! Подробно ответил на мои вопросы о своих хворях, а потом, когда я сообщил ему о том, что его жизни ничто не грозит, он вдруг умолк и больше не произнес ни слова. В том числе ни слова благодарности — ни тебе, ни мне.

— В этом весь Билкнэп. Как-нибудь при случае я расскажу тебе о нем.

Гай развел руками и повернулся к Эллен.

— Ну-с, как наш Адам?

— Позавтракал. И даже улыбнулся мне!

— Значит, делает успехи.

Гай подошел к Адаму и осторожно прикоснулся к его плечу. Мальчик перестал исступленно шептать и поднял свое изможденное лицо.

— Мне нужно молиться, доктор Малтон. Я и без того потерял много времени.

Гай присел на корточки и стал вглядываться в лицо больного, а я подивился гибкости его тела.

— Я опять принес Библию. Давай почитаем ее? Ведь чтение этой книги угодно Господу, как ты полагаешь?

— Если не возражаете, я пойду проведать других пациентов, — произнесла Эллен. — Сисси сегодня чего-то хандрит... Боюсь, с рукоделием у нее ничего не выйдет...

— Спасибо вам за все, что вы делаете! — искренне поблагодарил Гай.

Женщина присела и удалилась. Ее длинные каштановые волосы, выпущенные из-под чепца, взметнулись, накрыв плечи и спину шелковистой пелериной. Я повернулся к Гаю. Тот открыл Библию и пытался разговорить Адама.

— Если ты внимательно почитаешь Писание, то увидишь: Иисус не хочет, чтобы Его последователи страдали без нужды. Он мечтает о том, чтобы они жили в окружающем мире, а еще больше — чтобы они жили в гармонии с ним, а не превращались в отшельников, каким сделался ты.

— Но Господь посылает людям испытания, проверяет их веру на прочность. Вспомните Иова. Он насылал на него одну невзгону за другой! — воскликнул Адам и стукнул костлявым кулачком по полу.

— И тебе кажется, что Бог испытывает и тебя?

— Я надеюсь на это. Вечно страдать в аду все же лучше, чем быть отринутым Богом. Но все равно я так боюсь преисподней! Так боюсь! В Книге Откровения я прочитал...

— Читай Евангелия четырех апостолов, Адам, и ты поймешь, что ни один из тех, кто раскаялся, не бывает отвергнутым. Взгляни на Марию Магдалину...

Не дослушав Гая, Адам отчаянно помотал головой, согнулся и вновь принялся молиться, беззвучно шевеля губами. На его тощей шее бусинами выпирали позвонки. Гай вздохнул и поднялся на ноги.

— Я оставлю его на несколько минут, — сказал он. — Такова наша договоренность.

— Друг мой, — восхитился я, — твое терпение бездонно, как море.

— Я иду по следу тайны, пытаюсь разгадать болезнь, наблюдаю за реакциями Адама.

— Ты не оставишь ему Библию?

— О нет! Иначе он станет читать все, что связано с Божественным проклятием, отлучением за грехи, и впитывать все это в свое сердце. Я ломаю голову над тем, что послужило отправной точкой его недуга. С чего все началось? Случается так, что душевнобольных заставляют замыкаться в себе какие-нибудь ужасные события, происходящие вокруг.

— Его мать до сих пор предполагает, что он рассердился за что-то на

них с Дэниелом.

— Возможно, отчасти она права, но это далеко не вся правда.

Гай смотрел на скрюченную фигуру Адама, задумчиво потирая подбородок.

— А мне вот интересно другое, — заговорил я, — какой внутренний мир создал для себя наш убийца? Ты знаешь, он прикончил еще одного человека.

Я рассказал Гаю про то, в чем покался мне Билкнэп, и про убийство Фелдэя. Я говорил шепотом, чтобы меня не услышал Адам, но он был до такой степени погружен в молитвы, что вряд ли расслышал бы хоть слово, даже если бы я кричал. С минуту Гай стоял, погруженный в раздумья.

— Думаю, внутренний мир убийцы очень отличается от того мирка, который сотворил для себя Адам. Но кажется, он находится в состоянии столь глубокой одержимости и восхищения самим собой, что с этим уже ничего не поделаешь. Известно ли тебе, Мэтью, что в Библии всего несколько раз говорится об одержимости, причем в Новом Завете — ни разу.

— А Иоанн Богослов? А Книга Откровения?

— Без этой книги христианство, безусловно, было бы лучше. В ней превозносится только жестокость и разрушение, она учит тому, что уничтожение человеческих существ не только ничего не значит, но, напротив, может доставлять наслаждение. Она есть зло. Неудивительно, что именно ее выбрал убийца.

Гай вздохнул.

— Мэтью, мне придется поработать с Адамом некоторое время. Сегодня вечером мы с ним еще поговорим. А за надлежащий уход можешь не волноваться: он ему теперь обеспечен. Шоумс и его хозяин Метвис здорово напуганы судом.

— Гай, — нерешительно проговорил я, — можно мне попросить тебя об одном одолжении?

— Ну конечно же!

И тогда я рассказал ему про беду с глазами Чарльза Кантрелла.

— Разумеется, — ответил Гай, — я осмотрю его, но до той поры сказать, в чем его беда, не могу.

Мой друг серьезно посмотрел на меня и добавил:

— Возможно, у него какая-то пустяковая болезнь, но не исключен и другой вариант: он действительно может окончательно лишиться зрения.

— Так пусть хотя бы знает, что его ждет, а не мучается неопределенностью.

Я оставил Гая и Адама вдвоем, на сей раз — с легким сердцем. По пути я заглянул в маленькую гостиную. Эллен сидела рядом со своей пациенткой Сисси и помогала женщине с ее рукоделием — так же терпеливо, как и Адаму. Сисси, сгорбившись, сидела на стуле, устремив невидящий взгляд в пол.

— Возьмите иголку, милая, — говорила Эллен. — Блузка выйдет просто на загляденье!

Мне подумалось, что эта женщина обладает поистине ангельским терпением. Она, без сомнения, услышала, как я вошел в дверь, но глаз не подняла.

В тот вечер я велел Джоан приготовить к ужину густое жаркое из курицы. Гай, как всегда пунктуальный, пришел в шесть часов, и мы сразу сели за стол. Тамазин сообщила мне, что Барак, как обычно, отправился выпивать с друзьями. Голос у нее был усталый и злой. Это был дурной знак. Пока мы ужинали, я во всех подробностях рассказал Гаю историю с Фелдэем.

— То есть вам пришлось полюбоваться еще на один труп, — подытожил Гай, выслушав мое повествование.

— Да. Это крайне угнетающе действует на Барака.

— А как складываются его отношения с женой?

Я упоминал Гаю о неурядицах, возникших на семейном горизонте моего помощника.

— Тешу себя надеждой на то, что, когда этот кошмар останется позади, им удастся наладить отношения. Впрочем, как все обернется на самом деле, одному только богу известно.

Внезапно на меня накатила волна холодной ярости.

— Получилось так, что сумасшедший убийца довлеет над жизнью каждого из нас! Сегодня днем я собирался поработать над проектом Роджера по организации больницы для бедных, но у меня ничего не получилось! Я просто не могу сосредоточиться и думать о чем-то другом, помимо всего этого ужаса!

— У тебя все непременно получится, — заверил меня Гай, — и это послужит огромным утешением для его вдовы.

— Я знаю.

— Ей нужно оправиться от своего горя, Мэтью. И, даже несмотря на то что она сильная женщина, на это уйдет много времени.

— Ты прав, — с усталой улыбкой ответил я; он словно прочитал мои мысли. — Раненой душе нужен немалый срок, чтобы исцелиться от

страданий. А Адам? Сможет ли он когда-нибудь обрести выздоровление?

— Думаю, да. С помощью Эллен, которая уделяет очень много внимания лечению мальчика, его, я полагаю, удастся вернуть в мир нормальных людей. А я непременно выясню, что стало причиной его страшной болезни. Я твердо решил это для себя!

В голосе Гая вдруг зазвучала страстность.

— Сколько на это уйдет времени? — Он развел руками. — Не знаю. Может быть, шесть месяцев, может быть, год. Но я во что бы то ни стало верну его в реальный мир, где все мы должны жить, чтобы самим не лишиться рассудка.

— Чувствую, беда мальчика задела тебя за живое.

Гай кивнул головой, медленно и тяжело, и поднял на меня взгляд.

— На самом деле я вовсе не такой уверенный во всем на свете человек, каким кажусь со стороны, Мэтью.

— Ты однажды сказал мне, что когда-то тебе тоже довелось пережить горе.

— Да.

— А теперь? Тебя снова что-то тревожит?

— Да, тревожит. — Он издал тяжелый вздох, который больше напоминал всхлип. — Но это связано не с Богом и Его милостью, а с тем, что я есть такое.

Я набрал в грудь побольше воздуха и осмелился спросить:

— Это как-то связано с Пирсом?

Гай бросил на меня острый взгляд, но не ответил.

— Он имеет над тобой какую-то власть, Гай?

— Нет. По крайней мере, не в том смысле, какой ты вкладываешь в эти слова.

На лице моего друга внезапно появилась гримаса острой, мучительной тоски.

— Он был таким услужливым, когда только появился у меня. Всегда под рукой, всегда готов помочь... Но в последнее время по вечерам, когда ему вздумается, он исчезает и пропадает где-то. И ты тогда не ошибся: он действительно подслушивает под дверью, когда я принимаю пациентов. И я подумал...

Гай умолк и оперся подбородком на крепко сжатый кулак.

— Что ты подумал?

Когда Гай вновь заговорил, голос его прерывался, а взгляд не хотел подниматься на меня.

— Я уже стар, Мэтью. Мне пятьдесят семь лет. Тридцать из них я был

монахом, а последние пять живу в миру. Становясь монахом, ты по собственной воле возлагаешь на себя обет бедности, целомудрия и послушания. Если ты относишься к этим зарокам всерьез (а в монастыре в Скарнси, где мы с тобой впервые встретились, ты собственными глазами видел, что это делают далеко не все монахи), то должен отринуть все земные страсти. Сделать же это очень и очень непросто. Помнишь, я говорил тебе про одну женщину?

— Про ту, которая умерла.

— Да. Как же я был зол на Бога, когда это случилось! Мне казалось, что Он забрал ее у меня специально, чтобы я навсегда похоронил себя в монастырской обители.

Гай покрутил головой.

— Затем злость в моей душе сменилась сомнениями в доброте Господа. Я стал думать: а может, Бог вовсе не такой, как Его представляет церковь, а правы дикари Нового Света, считающие верховное божество злым и мстительным существом, требующим человеческих жертв? Мне казалось, что одной из таких жертв стала и моя Элоиза. В своих медицинских изысканиях я принялся изучать душевные болезни, которые совпадали бы с моими представлениями о человеке и Боге как существах никудышных и с изъяном.

Никогда прежде я не слышал, чтобы Гай говорил столь пылко, даже исступленно. Перехватив мой взгляд, он снова покивал, а потом мягко улыбнулся.

— Но это был предел, Мэтью, дно, ниже которого я не опустился. А не опуститься, окончательно утратить веру мне, возможно, не позволил Всевышний, поскольку я находился уже на пороге отчаяния. Я продолжал молиться. Не хотел, но молился, так как чувствовал, что это важно. Как ни странно, это стало тем самым якорем, который позволил мне не оторваться от реального мира, очертания которого стали затуманиваться перед моим внутренним взором. И однажды мне показалось, что я услышал мягкий голос, который говорил: «Я не забирал Элоизу из мира. Почему твоя жизнь должна иметь большее значение, чем ее?» И лишь услышав эти беззлые упреки, мне стало ясно: а ведь все это время я действительно полагал, что, будучи ученым, и впрямь важнее для Бога, чем Элоиза! Что с Его стороны это была хитрая уловка — забрать ее жизнь и таким способом заставить меня заточить себя в монастыре!

Гай откинулся на спинку стула.

— Ну вот. Так что не те, кто, помолвившись, поднимается с колен, раздувшись от осознания собственной праведности, могут с большей

уверенностью полагать, что с нами говорил действительно Он, а мы, кого Бог мягко, ненавязчиво упрекает в гордыне.

— Аминь!

— После этого горечь, которой была преисполнена моя душа, стала покидать ее, однако я снова не нахожу себе места и пребываю в смятении. Странно, что мы вынуждены охотиться за одержимым убийцей именно сейчас, когда меня самого вновь стали преследовать тревожные чувства. Связанные на этот раз с Пирсом.

Помявшись, Гай добавил:

— Я даже стал задумываться: а порядочно ли это — думать о нем такое?

«Значит, вот что его беспокоит, — подумал я. — А Пирс наверняка использует это!»

— Что же именно ты о нем думаешь?

Гай грустно качнул головой.

— Я и сам путаюсь в своих мыслях. Я впервые встретился с ним, когда умирал его прежний хозяин. Кстати, тот старый пройдоха относился к нему не самым лучшим образом. Первое, что поразило меня в Пирсе, был его ум — невостребованный, пропадающий без дела. Но я также обратил внимание на его красивое лицо и тело и, когда он пришел в мой дом, обнаружил в себе чувства, которые были новы и необычны для меня.

Я не знал, что сказать в ответ на это, и лишь с неприятно удивившим меня эгоизмом велел самому себе: «Гай — твоя опора. Не дай ей обрушиться!»

— Я долго думал об этом, — продолжал рассказывать Гай. — И молился. И знаешь, к какому выводу я пришел? Возможно, я хочу — или даже всегда хотел — сына! Чтобы учить его, обмениваться с ним идеями, чтобы он проведывал меня, когда я выйду на покой. В монастыре всегда было с кем поговорить, но здесь, в мирской жизни, я так часто ощущаю одиночество! Уверяю тебя, многие монахи страдают от того же самого.

Гай поднял на меня повлажневшие печальные глаза.

— Ты когда-нибудь испытывал что-то подобное, Мэтью? Тебе знакома потребность в ребенке или хотя бы в том, кто мог бы его заменить?

— Я коллекционирую сирот, — ответил я, — и, по-моему, так было всегда. Мальчишки Тимоти и Питер, теперь вот Кантрелл. Да и Барак с Тамазин в известном смысле тоже являются моими приемными. А еще у меня был мой старый Вренн и мой помощник Марк. Ты видел его в Скарнси.

Я вздохнул.

— Даже если человек движим самыми что ни на есть благородными порывами, он вполне может совершить ошибку, выбрав недостойную личность в качестве... заместителя ребенка.

— Да.

Гай помялся, явно находясь в нерешительности, но потом с усилием все же заставил сорваться со своих губ слова, которые он явно и сам не хотел слышать.

— Пирс... Видишь ли, он... флиртует со мной.

Гай прикусил губу.

— То, как он улыбается, то, как временами с нежностью прикасается ко мне... У меня возникает чувство, будто он меня куда-то зовет. И боюсь, какая-то часть меня хочет откликнуться на этот зов. Он знает это и умело пускает в ход, когда я сержусь на него. Боюсь, он разбудил во мне что-то, о существовании чего не догадывался я сам, нечто большее, чем просто желание стать ему отцом.

— Гай, мне кажется, сейчас важнее не твои чувства, а чувства Пирса. Он холоден, расчетлив, корыстолюбив. Я видел, как он подслушивает за дверью, заметил, как льстит он с другими и заносчив с тобой.

Гай закрыл лицо руками и, посидев так немного, снова заговорил:

— Но и это еще не все. В последнее время я замечаю, что стали пропадать деньги. Сначала понемногу, из моего кошелька, оттуда, отсюда, но к сегодняшнему дню сумма исчезнувших денег уже составила несколько фунтов.

— Тебе необходимо избавиться от него, — тихо, но твердо заявил я.

— Я, который привел его в свой дом, должен вышвырнуть его за дверь?

— Ты пригрел змею на груди.

— Разве? А может, дело не во мне, а в том, что у Пирса из-за всех последних событий тоже зашел ум за разум и именно поэтому он таскает мои деньги? Ведь он ни в чем не испытывает нужды, я даю ему вполне достаточно.

— Избавься от него.

— Ты думаешь, он один из тех, кто предпочитает мужчин женщинам? — с неожиданной прямоотой спросил Гай.

— Это мне не известно, зато я знаю другое: Пирс — из породы тех людей, которые не остановятся ни перед чем ради достижения своей цели.

Джоан подала следующее блюдо, и мы умолкли. Так, в молчании, и закончился ужин, и уже перед самым уходом Гай сказал:

— Я стану молиться об этом, Мэтью. С Пирсом я пока ни о чем таком

разговаривать не буду.

Мой друг в отчаянии помотал головой.

— Не хочу верить в то, что он такой плохой, как ты о нем говоришь. У него светлый ум.

— И темное сердце.

Проводив Гая, я вернулся в гостиную, сел и стал думать об одиночестве, которое в этом противоречивом, сложном возрасте поселяется в сердцах у многих, и о плохих людях, готовых использовать это себе на благо.

Вдруг в моей голове родилась новая мысль, от которой мороз побежал по коже. Мы сошлись во мнении, что Пирс холоден, умен и начисто лишен человеческого сочувствия. Он знал о нашей охоте за убийцей. Он подслушивал наши разговоры и видел тела убитых. Но нет, это невозможно! Пирс работает у Гая, а убийца должен обладать свободой приходить и уходить в любое время. И не мог Пирс следить за нами. Нет, Пирс — не убийца! Как ни странно, он для этого был слишком эгоистичен и обладал слишком холодным здравомыслием.

Мой мозг находился словно в лихорадке. Еще чуть-чуть, и я начну подозревать Джоан или Тамазин. Может, убивает все же действительно Годдard? А если не он, то кто? Кто?!

Глава 35

Меня ждала беспокойная ночь, а все из-за отвратительного сна. В нем я снова вернулся в то холодное темное утро, когда верхом на своей лошадке въехал во двор Линкольнс-Инн и увидел двух студентов у покрытого ледяной коркой фонтана. Но когда они повернулись ко мне, один нырнул в темноту и скрылся, а другой оказался Пирсом. Он потянулся к телу в фонтане, перевернул его, и я увидел, что это Гай с перерезанным горлом. Я проснулся со сдавленным криком, и меня безрадостно приветствовали густые струи дождя, заливающего окно. И тут же у меня вновь сжалось сердце, ибо я услышал, как кто-то поднимается по лестнице. Однако в следующий миг я узнал шаги Барака и успокоился. Он, вероятно, возвращался с затянувшейся пирушки.

Утром все еще дождило, и на лужайке перед домом разлились бескрайние лужи. Одеваясь, я взглянул на стену, отделявшую мою землю от старой оранжереи Линкольнс-Инн. Оттуда, как и два года назад, будет подтекать вода, в результате чего земля буквально пропитается ею.

За столом в гостиной сидел Барак и с сомнением глядел на блюдо с хлебом и сыром.

— Я слышал, как ты вернулся вчера вечером. Это было довольно поздно.

— Да, мы со старыми друзьями решили пропустить по кружечке.

— Опять? Как-нибудь, вернувшись с очередной попойки, ты можешь не найти Тамазин.

Барак уперся в меня мутным взглядом.

— Я должен время от времени выходить, чтобы выпить и расслабиться. Мне опостылело слоняться здесь в ожидании какого-нибудь нового кошмара.

— Где Тамазин?

— Где ж ей быть! Сопит в постели. Когда я вернулся вчера ночью, она проснулась и устроила мне очередной скандал, а теперь, видать, наверстывает упущенное.

Я понял, что ни о каком примирении между ними не может быть и речи. О том же говорило и упрямое выражение на лице Барака. Было видно, что он не желает даже обсуждать эту тему.

— Вчера вечером ко мне на ужин приходил Гай.

— И вы, небось, рассказывали ему про нас? — не удержался от колкости Барак.

— Он рассказывал мне о своих собственных проблемах. У него стали пропадать деньги. Он полагает, что их таскает Пирс, но так до конца и не может поверить в это.

Взгляд Барака мгновенно стал острым и пронизательным.

— Когда я впервые увидел их вдвоем, старый мавр смотрел на мальчишку так, будто у того солнце из задницы светит.

— По его словам, он хотел, чтобы у него был кто-то, о ком он мог бы заботиться, учить, но теперь, похоже, начинает понимать, что представляет собой Пирс на самом деле.

— Вы в этом уверены?

Мне подумалось: не читает ли мой помощник между строк, догадавшись, что помыслы Гая не так просты и безыскусны?

— Да, но он пока не станет ни в чем обвинять его, а Пирс умеет быть очень... убедительным.

— Может, нам стоит нанести визит юному Пирсу и немного поприжать его? — предложил Барак, и на его лице промелькнула недобрая улыбка. — По его реакции можно было бы многое понять.

— Ты предлагаешь заявиться туда в отсутствие Гая? — оторопел я.

— Но ведь он не позволит нам сделать это, если будет находиться там.

После короткого замешательства я ответил:

— Мне известно, что сегодня вечером Гая не будет в лавке. Он собирался навестить Билкнэпа. Зная его привычки, я могу предположить, что вернется он только после ужина, часов в семь.

— Так значит, едем в Баклсбери?

Я согласно кивнул.

— Но мы только поговорим с юнцом! Никакого насилия!

— Даже если этот парень не вор, он все равно любитель подслушивать и вообще мерзкий недоделок. Мы всего лишь насыплем соли ему на хвост.

— Хорошо.

Я доел свой хлеб с сыром и поднялся из-за стола.

— Нам пора в дорогу. Вчера я получил сообщение. Харснет зовет нас на совещание, чтобы обсудить последние события. На сей раз не в Ламбет, а в Уайтхолл.

Барак проворно вскочил на ноги.

— Да, мне нужно хоть чем-то заняться, а то я рехнусь, подобно Адаму Кайту.

Приехав в Уайтхолл, мы узнали, что лорд Хартфорд и сэр Томас Сеймур уже находятся у коронера. Бараку запретили присутствовать и на этой встрече, поэтому он, как всегда, уселся на лавку в коридоре.

— Ты уж извини, — виновато шепнул я, когда стражник постучал в дверь.

— Да чего там! — отмахнулся Барак, закинув ногу на ногу и продемонстрировав стражнику сапоги, заляпанные грязью после верховой езды по раскисшим улицам города. — Я начинаю привыкать. На что еще может рассчитывать простой парень вроде меня.

Усмехнувшись своей обычной сардонической ухмылкой, он добавил:

— Как говорится, рылом не вышел.

Стражник нахмурился. Он впервые столкнулся со столь вопиющим нарушением этикета в королевском дворце. Однако в этот момент из-за двери раздался голос Харснета, пригласившего меня в кабинет, и я вошел внутрь.

Харснет сидел за письменным столом, лорд Хартфорд стоял у стены, а сэр Томас Сеймур, на лице которого застыла злая гримаса, привалился спиной к стене рядом с братом. Он и сегодня разделся как павлин: в яркосиний дублет и шапку с огромным пером под лентой.

— Закройте дверь, Мэтью, и подойдите поближе, — сказал Харснет. — Я не хочу, чтобы наш разговор кто-нибудь услышал.

— Возле входа сидит Барак, но он совершенно надежен.

— В Уайтхолле нынче ни на кого нельзя положиться, — ответил Хартфорд. — Здесь даже стены имеют уши.

Он обратил на меня пронизывающий взгляд.

— Мы должны были встретиться во дворце Ламбет, но у его высокопреосвященства сегодня появились другие заботы.

— Надеюсь, это не связано с какими-нибудь плохими известиями, милорд? — осведомился я.

— По крайней мере, не с придворными, которые были арестованы. Их отпускают. Но Боннер продолжает сжимать тиски вокруг радикалистов. Нынче утром люди епископа и лондонские констебли схватили восемь человек за хранение запрещенных книг, троих печатников и целую кучу лицедеев, принимавших участие в незаконных постановлениях. Иисусе Христе, благодаря Боннеру у констеблей нет ни минуты покоя! Архиепископ пытается выяснить, можно ли как-то связать с ним кого-нибудь из этих арестованных.

— А такая опасность существует? — спросил Томас Сеймур.

— Он считает, что нет. Король всегда любил его, — негромко сказал

Харснет.

— Король и Анну Болейн любил, — с горечью вымолвил Томас Сеймур. — А еще Кромвеля и Вулси. И тем не менее отправил всех их на плаху. По-настоящему он никогда никому не доверял и не будет!

— Тише, Томас! — яростно одернул брата лорд Хартфорд. — Все не так плохо!

Он посмотрел на Харснета, а затем на меня.

— Но все станет гораздо хуже, если наружу выплывет правда о происходящем: архиепископ ведет тайную охоту на сумасшедшего, убивающего бывших радикалистов якобы потому, что так повелевает ему Книга Откровения. И чем дольше будет продолжаться эта охота, тем труднее ее будет скрывать. Неужели вы так и не узнали ничего нового, Грегори? — спросил он Харснета.

— Хотелось бы вас порадовать, да нечем. Я не покладаю рук ни днем, ни ночью. Годдард не известен ни одной из радикальных групп, его следов не обнаружено ни в Лондоне, ни в соседних графствах. Создается впечатление, что, съехав со своего последнего жилища, он будто в воздухе растаял.

Лорд Хартфорд повернулся ко мне.

— А вам стало известно, что убийца сделал своим шпионом поверенного и убил его?

— Так и есть, милорд, — кивнул я и рассказал историю Билкнэпа и Фелдэя.

Когда я закончил, Хартфорд некоторое время стоял в задумчивости, подергивая себя за бороду с такой энергией, что у меня возникли опасения за ее сохранность.

За окнами барабанил дождь.

— Итак, мы имеем пять убийств, связанных с чашами гнева. Должно произойти еще два, а этого человека, Фелдэя, убили мимоходом, на всякий случай. Мы должны изловить его!

Хартфорд устремил взгляд на своего брата.

— Судя по твоим новостям, король все-таки во что бы то ни стало намерен жениться на Кэтрин Парр, сколько бы она ни тянула с ответом?

— О каких новостях идет речь, милорд? — вскинулся Харснет.

— Мой брат назначен посланником при дворе правителя Южных Нидерландов.

— Король просто боится, что леди Кэтрин может согласиться стать моей женой, — пояснил сэр Томас, легким движением переменив позу.

— Мы не можем быть уверены в том, что выбор пал на тебя именно по

этой причине, — отозвался его брат. — А если и так, радуйся, что король отправляет тебя послом за границу, а не узником в Тауэр.

— Может, и так, — лениво согласился сэр Томас и с любопытством посмотрел на меня. — Кто-то рассказывал мне, сэр, что король высмеял вашу горбатую спину, когда два года назад он был в Йорке.

Гадая, кто мог рассказать ему об этом, я набрал в грудь воздуха и признался:

— Да, сэр, так оно и было.

— Больше он в Йорк не поедет, — заявил Сеймур. — Он так безобразно разжирел, что едва может ходить. Более того, ноги нашего августейшего владыки покрыты язвами, и, когда они воспаляются, его возят по дворцу на специальном кресле с колесиками. Говорят, когда язвы начинают гноиться, в королевских покоях стоит такая вонь, что она может свалить с ног быка. Так что, мастер Шардлейк, если, случаем, услышите скрип колесиков, когда выйдете отсюда, лучше бегите во весь опор в противоположном направлении.

Сэр Томас невесело рассмеялся.

Харснет, явно ощущая неловкость, поерзал в своем кресле, лорд Хартфорд покачал головой.

— Твоя несдержанность рано или поздно будет стоить тебе жизни, Томас. Но в одном ты прав: здоровье короля ухудшается с каждым месяцем. Много лет ему уже не прожить. А потом, если бы королева не утратила симпатий к идее реформ и была бы готова выполнять роль регентши при юном принце Эдварде...

Он развел руками.

«А ведь они планируют этот брак, заглядывая на много лет вперед, — подумалось мне. — Интересно, насколько глубоко погряз я в этих дворцовых интригах со своей погоней за убийцей Роджера?»

— Когда вы отбываете за границу, сэр Томас? — спросил Харснет.

— Пока не знаю. Возможно, через несколько недель.

Харснет кивнул. Лицо его оставалось бесстрастным, но я не сомневался в том, что коронер в данный момент испытывает желание аналогичное моему: чтобы сэр Томас со своим болтливым языком убрался прямо завтра. Однако мы нуждались в помощи со стороны его многочисленной челяди.

Раздался громкий стук в дверь, и я вздрогнул. Ветерок страха, казалось, пронесся по всей комнате. Еще бы, после всего, что наговорил тут сэр Томас...

— Войдите! — твердым голосом проговорил лорд Хартфорд.

В кабинет вошел Барак. Когда нужно, этот хитрец умел изобразить покорность, вот и теперь он потупился и опустил голову под требовательным взглядом лорда Хартфорда.

— Простите, что помешал вам, милорд, — заговорил он, — но только что пришел Джанли, охранник из таверны Локли. Они нашли его.

— Живым? — спросил Харснет, и лицо его озарилось надеждой.

— Нет, сэр. Мертвым.

Барак обвел взглядом вельможную компанию и добавил:

— В старом монастыре Чартерхаус. Характер его смерти указывает на то, что он стал шестой жертвой.

Лорд Хартфорд словно стал ниже ростом и закрыл лицо ладонью.

— Кто об этом знает?

— Никто из представителей власти, милорд. Пока никто.

— Шардлейк, Харснет, отправляйтесь туда.

— Я тоже хочу поехать с ними, — заявил сэр Томас.

— Хорошо, — согласился лорд Хартфорд и поочередно посмотрел на каждого из нас. — Он заставил всех нас плясать под его дудку. Увидим ли мы когда-нибудь, как он пляшет джигу на конце веревки?

Глава 36

Дождь не прекращался в течение всего времени, пока мы ехали в Чартерхаус. Я то и дело смахивал капли с глаз и громко, чтобы перекричать стук копыт, расспрашивал охранника Джанли о том, что произошло. Остальные, стараясь не пропустить ни слова, прислушивались к нашему разговору, а иногда и сами задавали вопросы. Мы скакали, не жалея лошадей, по улицам, превратившимся в трясины, поэтому наши сапоги и бока животных были залепаны грязью.

— Нынче утром в таверну «Зеленый человек» прибежал сторож заброшенного аббатства, — рассказывал Джанли. — Там уже давно никто не живет, кроме него самого и семьи Бассано, итальянских музыкантов, которых выписал король. Они обустроили под жилище бывшие монашеские кельи.

— Больше там точно никого нет? — спросил Сеймур.

— Нет, сэр. Это место используется под склад королевского охотничьего снаряжения и костюмов для маскарадов. Самого сторожа в таверне знают как безнадёжного пьяницу. Он частенько заявлялся в «Зеленого человека» и напивался там как свинья, после чего Локли и миссис Бьюнс приходилось едва ли не взашей выгонять его. Одна из его немногих обязанностей состояла в том, чтобы открывать и закрывать заслонку водопроводной станции для стока воды по трубам, проложенным под домами на площади. Он часто забывал это делать, и тогда местным жителям приходилось отпраиваться в старый монастырь, чтобы напомнить ему об этом.

— Кстати, окрестные жители знают про убийство? — поинтересовался Харснет.

— Нет, сэр. Сторож прибежал час назад и принялся что-то лепетать о наводнении и мертвом человеке в канализации. Он считал, что я какое-то официальное лицо, и сказал, что мертвец — не кто иной, как Локли. Я отправил его восвояси, а сам поспешил в офис коронера, как мне и было приказано на тот случай, если что-то произойдет.

Покосившись на охранника, я заметил, что молодой человек выглядит уставшим и напряженным.

— Вам удалось сохранить в тайне то, как была убита миссис Бьюнс? — спросил я.

— Ага. Всем, кто этим интересовался, я рассказывал, что объявился

Локли, прикончил бедняжку и снова смылся. При этом я намекал, что тут замешаны деньги. А интересовались многие: и соседи из местных, и бывшие клиенты таверны.

— Отлично. Вы просто молодец.

— Я хотел бы уехать вместе с моей семьей. У меня из головы не выходит та бедная женщина, лежащая на полу. Особенно по ночам.

— Она была всего лишь содержательницей трактира, — проворчал сэр Томас. — Нужно радоваться, что на ее месте не оказался кто-нибудь поважнее, иначе огласки было бы не избежать.

И вот наконец Чартерхаус-сквер. Проехав по тропинке между деревьями, прикрывающими древний чумный погост, мы миновали старинную церковь. Ее дверь была закрыта. Нищие, должно быть, отправились заниматься своим промыслом куда-нибудь в город. В стену длинной кирпичной стены разогнанного монастыря была вделана коновязь, и мы привязали к ней наших лошадок. Сэр Томас брезгливо поглядел на свои выпачканные грязью нарядные чулки.

Джанли громко постучал в ворота. Вскоре послышались шаркающие шаги, и дверь открылась. На нас испуганно уставился мужчина средних лет, с красным лицом и носом в мраморных прожилках.

— Я привел людей, которые хотели бы взглянуть на тело, Падж, — вежливо проговорил Джанли.

Сторож с сомнением посмотрел на нас.

— Им придется спуститься в канализацию. И я не знаю, как вы станете вытаскивать его оттуда. Труп каким-то образом прикрепили к сливным воротам, и он не позволяет им открыться. Он совершенно голый. — Голос сторожа взлетел. — Это ужасно! Почему кому-то понадобилось это делать? Зачем?

— Оставь это нам, приятель, — по-свойски проговорил Барак.

Миновав руины древнего монастырского храма с выбитыми окнами и разрушенной кровлей, мы оказались на большом квадратном дворе, поросшем травой. Посреди двора стояло сооружение в виде восьмиугольника, под медной крышей и с кранами по бокам.

Видимо, это и был старый монастырский водопровод, который питали ручьи Ислингтона. Он давал монахам воду и служил для промывки канализационных труб, проходивших под подвалами окрестных домов. По периметру двора возвышались маленькие квадратные постройки, в которых когда-то помещались кельи монахов. К каждому домику примыкал крохотный клочок земли. С поникших ветвей деревьев стекала дождевая

вода. Давным-давно здесь царили мир и покой. Монахи аббатства Чартерхаус вели уединенную жизнь в своих кельях, расположенных вокруг центрального двора, — уникальное архитектурное решение для монастырей той поры. Каждая келья была снабжена толстой деревянной дверью с висячим замком. Слева от нас находился дом побольше. Его дверь была открыта, а внутри я заметил каких-то людей.

— Я перевел туда семью Бассано, — пояснил сторож. — Они пришли ко мне в сторожку и стали жаловаться на то, что их затопило. Вон, сами взгляните.

Он указал на водопроводную будку. Сквозь щели между керамическими плитками, которыми была выложена земля вокруг нее, с сердитым шипением пробивалась вода. Она уже успела затопить часть поросшего травой пространства между будкой и кельями, и этот участок напоминал болото.

Нас продолжал поливать дождь. Вытерев лицо дрожащей рукой, сторож снова заговорил:

— Я отправился взглянуть на водопроводную будку, где находятся сливные ворота, и увидел тело, зажатое ими. Перегнулся через поручень, чтобы получше рассмотреть лицо. Глядь, а это бедняга Фрэнсис!

— «Шестая чаша высушит воду в Евфрате», — пробормотал я себе под нос и спросил: — Мастер Падж, вы что-нибудь слышали прошлой ночью?

— Нет, — сварливо пробубнил он, — по ночам человек должен спать.

— Только не в том случае, если он сторож! — резко осадил его сэр Томас. — Где сейчас итальянцы?

Падж провел нас к постройке с открытой дверью. Некогда здесь, без сомнения, располагался монастырский зал капитула, поскольку вдоль стен — в точности как в Вестминстерском аббатстве — стояли скамьи. Но это помещение было гораздо меньше и, безусловно, скромнее. Большую часть пространства занимали сундуки и комоды, в которых, вероятнее всего, хранились костюмы и маски для карнавалов, поодаль стояли два тяжелых манекена с надетыми на них рыцарскими латами, а у стены было навалено с полдюжины турнирных копий.

На лавках, тесно прижавшись друг к другу, сидела небольшая группа людей — четверо мужчин и трое женщин с детьми на руках. Смуглые, темноволосые, они сжимали в руках музыкальные инструменты: лютни, тамбурины и даже одну арфу. Дублеты мужчин и платья женщин были насквозь промокшими, а сами бедняги выглядели перепуганными.

— Кто-нибудь из вас говорит по-английски? — спросил я.

Один из мужчин поднялся.

— Я говорю, — сообщил он с ужасающим акцентом.

— Вы семья Бассано? Королевские музыканты?

— Да, сэра, — поклонился мой собеседник. — Я их слуга, синьор Гранци.

— Что с вами стряслось? — поинтересовался сэра Томас. — Вы похожи на семейку утопленных крыс.

— Проснувшись сегодня утром, мы обнаружили, что наши комнаты залиты водой выше щиколоток, — принялся объяснять итальянец. — Нам пришлось срочно спасать свои инструменты. Мы перебрались сюда и позвали сторожа. Что-то случилось, сэра? Мы слышали, как сторож закричал.

— Вас это не касается.

— Слышал ли кто-то из вас прошлой ночью что-нибудь странное? — спросил я.

Мастер Гранци пошептался со своими соплеменниками на странном для меня музыкальном языке, а потом помотал головой:

— Нет, сэра. Мы все спали.

Когда мы возвращались через двор, Харснет, поравнявшись со мной, сказал:

— Эти музыканты играют для короля. Если они пронюхают о том, что здесь произошло убийство, по дворцу поползут слухи. Они не должны узнать о том, что тут приключилось на самом деле.

— Согласен, — ответил я, а про себя подумал: «Может, именно этого хотел убийца».

— Мы скажем, что это был несчастный случай.

— Но Падж — отъявленный забулдыга, и во время первой же попойки, залив глаза, он станет во всех подробностях рассказывать своим собутыльникам о случившемся.

— Когда мы поедем обратно в Лондон, я возьму его с собой и до поры до времени спрячу в каком-нибудь укромном месте, а вместо него оставлю одного из людей сэра Томаса. С судом по делам секуляризации трудностей не возникнет, я все улажу.

Падж привел нас в свою сторожку. Он занимал одну комнату, в которой из мебели имелся лишь тюфяк на полу. В каморке царил густой, застоявшийся запах пива. В очаге горел огонь. Сторож зажег от него три лампы и вручил их Бараку, Джанли и мне.

— Они нам понадобятся, сэра, — сказал он и снова повел нас во внутренний двор заброшенного аббатства.

Пряча лица от дождя, мы двинулись за ним.

В маленькой низкой постройке, стоявшей в центре двора, посередине каменного пола располагалось большое квадратное отверстие, огражденное по периметру перилами. В глубь этого колодца уходила металлическая лестница, покрытая зеленым лишайником. Сбоку от колодца было установлено большое колесо.

— Накануне вечером я оставил заслонку приоткрытой, — стал давать пояснения Падж. — Сами видите: зарядили дожди, и воде надо куда-то стекать. А сегодня утром пришел, чтобы открыть ее с помощью вот этого колеса, но его, гм, намертво заклинило. Я заглянул вниз, в колодец, и... В общем, сейчас сами увидите.

Его рука, державшая лампу, задрожала.

Мы все вместе подошли к шахте и, светя себе лампами, заглянули в колодец. Он уходил на двадцать футов вниз. На дне, с одной стороны кирпичной стены, были тяжелые деревянные ворота примерно восьми футов высотой. Они были слегка приоткрыты — достаточно для того, чтобы в оставшийся просвет тонким ручейком могла уходить вода. А в самом низу ворот — мои глаза расширились от ужаса! — виднелось голое тело мужчины. Раскинув в стороны руки и ноги, он лежал на спине между створками. Свет наших ламп не мог рассеять царивший в колодце мрак, и лицо убитого выглядело белым пятном, но я безошибочно узнал Локли.

— Тело каким-то образом прикреплено к воротам, — сказал Падж.

— Вы спускались вниз, чтобы выяснить, в чем там дело? — спросил сэр Томас.

Падж в ужасе замотал головой.

— Тогда нам самим придется это сделать. Барак, Харснет, вы идете со мной. Вы тоже, Шардлейк. Если, конечно, вам сподручно лазать по лестницам, — добавил сэр Томас с гаденькой усмешкой.

— Пустяки, — резко ответил я, хотя меня несколько не манила перспектива карабкаться по шаткой железной лестнице.

Сэр Томас легко перемахнул через перила и стал спускаться вниз, за ним последовали Барак и Харснет, а я замыкал цепочку, изо всех сил цепляясь за скользкие перекладки.

Добравшись до низу, мы оказались на мокром кирпичном полу, переходящем под уклоном в центральный канал, из которого вода по дуге падала в непроглядную темень. Посмотрев на сливные ворота, мы лишились дара речи от того, насколько чудовищным оказалось зрелище, представшее нашим глазам. Обнаженное тело Фрэнсиса Локли было уложено вдоль сливных ворот, а потом приколочено к нему большими

гвоздями с широкими шляпками: руки — к левой створке, а ноги — к правой. Это выглядело кощунственной и дикой пародией на распятие. Ворота не могли открыться, пока не будут вырваны гвозди, а для этого было необходимо усилие побольше, чем давление воды или вращение колеса наверху.

Присмотревшись к несчастному, я увидел, что его затылок покрыт коркой запекшейся крови, а вот из ужасных ран на теле крови вытекло совсем немного. Что ж, по крайней мере, смерть его была быстрой. Вероятно, убийца решил, что если усыпить Локли с помощью двейла и оставить здесь, то его могут найти и спасти раньше, чем он испустит дух. В данном случае забота душегуба о собственной безопасности взяла верх над его садистской жестокостью. И все же то варварство, с которым было совершено это преступление, было невозможно ни измерить, ни выразить словами.

Ворота издали громкий скрип, и от неожиданности мы отпрянули назад.

— Там скопилось чересчур много воды! — с тревогой в голосе проговорил Барак.

— Каким образом убийца, гори он в огне, сумел затащить его сюда? — не обращаясь ни к кому конкретно, спросил сэра Томас.

— Очень просто, — ответил Барак. — Сбросил сверху, вот и вся недолга. А сам спустился по лестнице.

Ворота снова заскрипели.

— По-моему, нам пора отсюда выбираться, — еще более обеспокоенно проговорил Барак. — Во время дождей за этими воротами скапливается больше воды, чем обычно. До поры до времени ее напор сдерживают гвозди, но это не будет продолжаться вечно.

— Вы правы, — согласился сэра Томас. — Идем отсюда.

Мы взобрались по лестнице. Джанли и Падж сидели на табуретках по разным концам маленькой темной комнатки. Некоторое время, подавленные увиденным, мы стояли молча, затем Харснет сдавленно сказал:

— Мне нужно на свежий воздух.

Мы вышли вслед за ним. Дождь, казалось, немного умерил свой пыл.

— Вытащить Локли из этой ямы будет нелегким делом, — констатировал Харснет. — И, как правильно подметил Барак, очень рискованным. Прежде всего придется каким-то образом заблокировать ворота. А потом на веревках поднимем тело.

— Я отдам все необходимые распоряжения теперь же, — сказал сэра

Томас; даже он был словно в воду опущенный. — Все сделают люди из моей челяди. Они умеют держать рот на замке. Ждать нельзя.

— Нельзя, — согласился Харснет, — иначе вода зальет не только музыкантов с их инструментами, но и все хранящееся здесь королевское добро. Я одного не понимаю: как он ухитрился притащить Локли сюда и откуда узнал, где находится водопроводная будка?

Я огляделся и после недолгих размышлений предложил свою версию.

— Если он в течение какого-то времени шатался поблизости, то мог заметить, что сторож — пьяница. Это облегчало задачу: пробраться ночью на монастырскую территорию и внимательно изучить здания на предмет того, насколько они отвечают его цели. А план у него, я в этом уверен, был готов загодя.

— Если он разговаривал со сторожем, то, может, этот пьянчуга запомнил его? — предположил сэр Томас.

— Вряд ли он с ним разговаривал.

— Это почему же?

— Потому что Падж до сих пор жив. Допросить его, конечно же, нужно, но вспомните, ведь убийца уже прикончил одного человека, который мог бы помочь нам установить его личность.

Харснет кивнул.

— Тогда нам необходимо еще раз расспросить посетителей таверны, выяснить, не задавал ли какой-нибудь незнакомец вопросов относительно Чартерхауса.

— Неплохо было бы допросить и нищих, — предложил я, кивнув на старую церковь.

— Правильно. Быть может, кто-то расспрашивал их, соблазнив монеткой. Такое вполне возможно.

Сэр Томас посмотрел на меня и спросил:

— Как по-вашему, является ли простым совпадением то, что два из шести убийств произошли поблизости от Чартерхауса? Я спрашиваю это потому, что буквально в двух шагах отсюда, по другую сторону вон той лужайки, живет леди Кэтрин Парр. Доктор Гарней был убит после того, как вышел из ее дома. Итого три убийства так или иначе связаны с Чартерхаус-сквер. Может, это неспроста?

— Сомневаюсь, — ответил я. — На мой взгляд, он выбрал в качестве жертв Локли и его жену потому, что знал их прошлое. А вот то, что незадолго до своей смерти на этой же площади побывал доктор Гарней, как раз и является простым совпадением.

— Он должен обладать недюжинной силой, если сумел притащить

сюда Локли, — заметил Барак.

— Этот человек тащил тело моего друга Роджера Эллиарда в Линкольнс-Инн через огромные поля! Локли, как и Роджер, не относился к разряду крупных мужчин, но зато был толст. Если предположить, что Локли был убит в каком-то другом месте... Да, ты прав, убийца, должно быть, весьма силен.

— Может, посмотримся и попробуем выяснить, как он сюда пробрался? — предложил Барак.

— Верно, нам нельзя упустить ни одной мелочи.

Мы повернулись, собираясь идти, но тут в ворота бывшей обители вошли трое — такие же грязные после скачки на лошадях, как и мы. Рука Барака скользнула к шпаге, но в этот момент в шедшей впереди фигуре я узнал настоятеля Бенсона, облаченного в тяжелую шубу. Он знаком велел двум своим спутникам остановиться, и они замерли под дождем. С их шапок потоками стекала вода. Сам Бенсон приблизился к нам. На его одутловатом лице читалось возбуждение.

Харснет сделал шаг вперед.

— Что вам здесь понадобилось, сэр? — спросил он.

Настоятель утер лицо рукавом.

— Я проскакал пол-Лондона, разыскивая вас, сэр. Ваш слуга в Уайтхолле ни в какую не желал сообщить о вашем местонахождении, и мне пришлось чуть ли не клещами вырывать у него эти сведения. Давайте войдем внутрь. Я весь промок и покрыт грязью...

— Плевать на грязь! — прорычал сэр Томас Сеймур. — Кто вы такой и что вам надо?

Бенсон выпятил грудь.

— Я Уильям Бенсон, настоятель Вестминстерского собора. А вы кто такой?

— Сэр Томас Сеймур, брат лорда Хартфорда.

— Сеймур?

Настоятель наморщил лоб, мысли его заметались.

«Ага, — видимо, подумал он, — значит, Сеймуры тоже причастны к...»

— Так что же вам надо, сэр? — повторил свой вопрос Харснет.

— Мы должны войти внутрь. То, что я привез, не должно промокнуть.

Поколебавшись, Харснет повернулся и пошел обратно к водопроводной будке. Падж и Джанли поклонились, когда следом за ним в каморку вошел высокопоставленный церковник. Настоятель озадаченно огляделся.

— Что здесь происходит?

— Пусть это вас не заботит, — откликнулся Харснет. — Объясните лучше цель вашего появления.

Бенсон сунул руку в карман и вытащил оттуда лист бумаги.

— Вот что подсунули под дверь моего дома перед самым рассветом. Мой слуга принес мне это.

Он передал бумагу Харснету, и мы дружно столпились вокруг коронера. Лист был свернут, и на нем написано имя настоящего Бенсона, а также слова: «ОЧЕНЬ СРОЧНО». Харснет развернул бумагу. Внутри, тоже заглавными буквами, значилось:

ЛАНСЕЛОТ ГОДДАРД

ДЕРЕВНЯ КАЙНСВОРТ

У ТОТТЕРИДЖА

ХАРТФОРДШИР

Мы смотрели на это короткое незатейливое послание.

— Значит, Хартфордшир, — тихо проговорил Харснет. — Я и не подумал разослать запросы так далеко.

— Я был в Тоттеридже, — сказал Барак. — Он находится на самом конце длинного выступа графства Хартфордшир, который, словно палец, показывает в сторону Лондона. Это примерно в двух часах езды отсюда.

— По вашим словам, эту записку подсунули вам под дверь, — угрожающе заговорил сэр Томас. — А вы, часом, не сами ее написали?

— Разумеется, нет! — возмущенно фыркнул Бенсон.

— Убийца знал, что мы вот-вот найдем шестую жертву, — рассудительно сказал я.

— И теперь сообщает нам свой адрес? — недоверчиво спросил Харснет. — Он что, капитулирует?

Я взял лист бумаги, хотя мне было противно прикасаться к этой писанине изувера.

— Нет, это означало бы, что он не доведет до конца свою миссию. Убийца вовсе не приглашает нас, чтобы сдать. Он указывает нам на

Годдарда, седьмую жертву. Последнюю. Великое землетрясение ознаменует наступление конца света.

Несколько секунд царило молчание. Настоятель Бенсон, ничего не понимая, переводил взгляд с одного на другого.

— Значит, была шестая жертва? Кто это? Где?

Он стал озираться по сторонам и остановился на мрачном колодце посередине будки.

— Там, внизу, — тихо сказал я. — Ваш бывший послушник Фрэнсис Локли.

Бенсон, не отрывая глаз от шахты, отступил назад. Его лицо побелело.

— Настоятель, — заговорил Харснет, — отправляйтесь домой и оставайтесь там до тех пор, пока снова не понадобится нам. И никому ничего не говорите. Вы только что узнали, что в это дело вовлечено даже семейство Сеймур, так что должны понимать, до каких высоких сфер все дошло.

— Что вы намерены предпринять? — спросил Бенсон.

— Необходимые шаги, — уклончиво ответил коронер.

— Уезжайте, вы только теряете время, — проговорил Томас Сеймур. — Или хотите, чтобы я помог вам спуститься в этот каменный мешок и вы сами поглядели, что там и как? Уверяю вас, это не самое приятное зрелище.

Настоятель шарахнулся в сторону от вельможи. Он снова посмотрел по сторонам, повернулся и вышел во двор. Там он окликнул свою свиту, и вскоре их шаги затихли в отдалении.

Харснет обвел нас взглядом.

— Мы должны отправляться в Тоттеридж немедленно, — сказал он. — Сэр Томас, вы сможете вызвать подкрепление?

— Не думаю, что это разумно, — поспешно вставил я. — Это именно то, чего он хочет. Возможно, мы отправимся напрямиком в западню.

— Но если сэр Томас сможет предоставить нам еще несколько человек, — заговорил Барак, — и мы нагрянем туда целым отрядом...

— Горбун прав, — перебил его сэр Томас, — эта тварь наверняка приготовила там для нас какую-нибудь ловушку. Будет лучше, если я отправлю в это захолустье парочку доверенных людей — моего слугу и еще одного, бывшего солдата, воевавшего вместе со мной в Венгрии. Они разведают, что к чему, выяснят, живет ли там Годдард, потолкуют с членами тамошнего магистрата и сегодня же вечером доложат обо всем, что смогли узнать. Коронер Харснет, вам следует немедленно отправляться к

архиепископу и рассказать обо всем, что было здесь, а я приеду к нему сразу же, как у меня появятся новости.

— Мы должны взять эту деревушку штурмом! — не отступал Барак.

— Сначала разведаем обстановку, — отрезал Сеймур, — а нагрянуть туда с отрядом можно и завтра.

Он посмотрел на Харснета.

— Но для этого нам потребуется согласие архиепископа.

Несмотря на бесцеремонное поведение этого вельможи и его постоянные оскорбительные выпады в мой адрес, я посмотрел на сэра Томаса по-новому, с уважением. Он не понаслышке знал, что такое война, и поэтому мыслил стратегически.

— Я поеду с вашими людьми, — заупрямился Харснет.

— Нет, Грегори, — сказал я. — Существует вероятность того, что убийца узнает вас, тем более учитывая то, с каким усердием он за нами следил. А посланцы сэра Томаса наведут справки, не выдавая себя.

— По вашему мнению, этот человек одержим дьяволом, — напомнил Сеймур. — Мы должны быть не менее хитры, чем он.

Харснет задумчиво наморщил лоб.

— Для такого дела нужны надежные люди, — сказал он.

Сеймур рассмеялся.

— Не волнуйтесь, коронер, мой слуга всегда надежен и трезв. А по воскресеньям, когда не нужен мне для устройства охоты, даже ходит в церковь.

Харснет посмотрел на меня. Я кивнул.

— Ну ладно, будь по-вашему, — неохотно согласился он.

Сеймур взглянул на сторожа.

— Я оставлю кого-нибудь, чтобы заменить его, и уведу людей. А вы посадите-ка его в какое-нибудь надежное место да напоите до потери памяти. Он в последний час буквально хлопал своими большими ушами, как птица крыльями.

Сторож наградил вельможу горьким взглядом незаслуженно обиженного человека, но сказать ничего не посмел.

— Джанли вернется в таверну, — закончил Сеймур и неожиданно оскалился в жестоком веселье. — Начинаем загон, джентльмены! Охота близится к концу!

Когда он ушел, Харснет велел Джанли и сторожу оставаться в будке, а нас с Баракком попросил выйти вместе с ним во двор. К счастью, дождь прекратился, и теперь сквозь облака неуверенно пыталось пробиться

солнышко.

— Вы предположили, что, возможно, нам удастся обнаружить след убийцы, Барак. Давайте попытаемся что-нибудь найти. А потом мне нужно с докладом к архиепископу.

Харснет был молчалив и задумчив. Мы прошли через наружные ворота в стене, окружавшей монастырскую территорию. Ворота привели нас в оранжерею, отчего я вновь невольно вспомнил обстоятельства и декорации, сопровождавшие убийство Роджера в Линкольнс-Инн.

Барак шел первым по высокой траве, которая обдавала ноги ледяными брызгами. Мои туфли и чулки промокли окончательно.

— Ничего не вижу, — сказал он. — Все залито водой, никаких следов. Хотя нет, взгляните-ка сюда.

Он указал на землю. По ней тянулась длинная узкая полоса. Не знаю почему, но на меня она произвела тяжкое впечатление.

— Что это? — спросил я.

— След от колеса тачки, — ответил Барак. — Где бы он ни прятал Локли, ему было нужно переместить тело на некоторое расстояние. Значит, вот как он это сделал.

— Но человек, который везет тело на тачке, непременно привлечет к себе внимание.

— Лишь в том случае, если не догадается чем-нибудь прикрыть его. Интересно, куда ведет след?

Барак двинулся вдоль тонкой полосы, тянувшейся по оранжерее. След привел нас обратно к Алдерсгейт-стрит, нырнул в просвет между кустами и пропал в низкой траве на тропинке, бегущей вдоль поля. Барак посмотрел в сторону видневшейся вдалеке дороги.

— Он не жалеет ни времени, ни усилий, — заметил Харснет. — Видимо, сначала он убил Локли, спрятал его и вернулся за миссис Бьюнс. А тело Локли где-то хранил до тех пор, пока вчера не перевез его в колодец водопроводной будки.

— А на то, что он вытворял с миссис Бьюнс, у него, наверное, ушла целая ночь, — добавил я.

— Как ему удалось справиться с ними обоими?

— Вероятно, он каким-то образом подсыпал им двейл. Может быть, пришел перед самым закрытием и уговорил их выпить с ним по кружечке пива. Он умный и горазд на выдумки.

— И теперь хочет, чтобы мы приехали и в ту деревню, — сказал Барак.

— Да. — Харснет посмотрел на меня. — Наверное, вы правы. Седьмая чаша каким-то образом изольется в той хартфордширской деревеньке. Я

должен был поехать с ними!

Я был восхищен его смелостью, но не мог с ним согласиться.

— Нет, тогда не удалось бы потихоньку выяснить обстановку.

Коронер неохотно кивнул.

— Что же делать? — проговорил он голосом, в котором сквозило нечто близкое к отчаянию. — Кто станет седьмой жертвой? Один из нас? Какой-нибудь незнакомец? Или кто-то еще из аббатства? Возможно, этот несчастный уже убит и его тело ждет, пока его обнаружат?

— А если седьмой жертвой должен стать сам Годдард? — спросил я. — Нужно, чтобы кто-нибудь проверил, не случилось ли чего с молодым Кантреллом.

— Ага, — подхватил Барак, — что ему не дали по башке дубиной и не укатали потом куда-нибудь на тачке.

В голосе Джека зазвенела ярость, лицо его исказилось.

— Какой кровавый ужас придумает это чудовище на сей раз? Как он собрался устроить землетрясение?

Глава 37

Мы вернулись к нашим лошадам. Сьюки и Бытие мирно пощипывали высокую траву, росшую вдоль внешней монастырской стены. Обернувшись, я посмотрел на ворота, к которым когда-то была прибита рука приора Хафтона. Мне почудилось, что я опять наяву вижу ее красный силуэт на фоне деревянной поверхности.

— Как много крови пролилось за последние десять лет! — вздохнул я. — Остается удивляться тому, что одержимость убийствами не заразила еще большее число людей.

На память пришел несчастный голый Локли, распятый на дне черного каменного мешка. Лицо мертвого Роджера виделось мне все реже, словно его заслоняли другие ужасы, происходившие в последние дни.

— Куда теперь? — спросил Барак. — Домой и ждать инструкций?

— Нет, давай-ка мы с тобой навестим юного мастера Пирса. Проверим, действительно ли он ворует. В Хартфордшир нам ехать все равно не скоро.

— А если старый мавр сейчас дома?

— Тогда придумаем какой-нибудь предлог для нашего неожиданного визита. И вот еще что, мне не нравится, когда ты его так называешь.

— Но я не подразумеваю ничего дурного. Уверен, его называли и похуже. Помочь вам забраться в седло?

Мы тронулись в путь. На ступенях часовни собрались с полдюжины нищих. Все они были убогими: двое опирались на костыли, лица других были болезненно бледными. Среди них я заметил и мальчика, который присматривал за нашими лошадьми в тот день, когда мы впервые приехали к Локли и миссис Бьюнс. Наверное, сначала бездомные находились внутри часовни, но выползли наружу, привлеченные необычной для них суматохой возле бывшего аббатства. Теперь они двинулись — кто пошел, кто заковылял — в нашу сторону, протягивая руки и нудными голосами выпрашивая милостыню.

— Прочь с дороги! — гаркнул на них Барак. — У нас срочное дело!

Мы поехали дальше.

— Надеюсь, Харснет не забудет допросить эту голозадую братию, — пробурчал Джек.

— Не забудет. Он человек дотошный и скрупулезный.

— И зануда, вам не кажется?

— В этом я с тобой согласен, богатым воображением коронер не блещет.

— Богомолец несчастный.

Я улыбнулся.

— Он ведь тебе с самого начала не нравился?

— Вы мне с самого начала тоже не понравились.

— Харснет лучше большинства из тех, кто действует именем короля. Он обладает принципиальностью и в то же время человечностью. Возможно, временами коронер бывает неповоротлив, но ведь он никогда не сталкивался ни с чем подобным.

Предвидя ответ Барака, я сам произнес его:

— Впрочем, с таким еще никто из нас не сталкивался.

— Тут вы правы, — кивнул Барак и неожиданно спросил: — Знаете, что пугает меня больше всего?

— Что?

— Каждое убийство спланировано и совершено таким образом, чтобы показать нам: убийца умнее всех нас, вместе взятых. Каждую жертву он преподносит как свой охотничий трофей. С тех пор как мы занялись этим делом, произошло три новых убийства: Ярингтон, миссис Бьюнс, Локли...

— Я знаю. Убийца пытался отвести меня от дела, напав сначала на Тамазин, а потом на меня самого, но когда из этого ничего не вышло, применил другую тактику, стараясь продемонстрировать, что может перехитрить нас.

— Но зачем? — спросил Барак. — Зачем?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Может, это тоже проявление его болезни.

— А теперь он сообщает нам свой адрес, — удивленно покачал головой Барак. — Вот уж это действительно форменное безумие.

— Он дал нам не свой адрес, а просто адрес. Я до сих пор не убежден в том, что убийцей является Годдард. Бывшего лекаря наверняка узнали бы в сектах, хотя бы по описанию. Тем более что у него такая заметная отличительная примета, как здоровенная бородавка на носу.

Я тяжело вздохнул.

— Не перестаю задавать себе вопрос: если не Годдард, то кто это может быть? Представь, мне даже пришла в голову мысль, что убийца Пирс!

Барак с сомнением покачал головой.

— Не-а! Убийца затрачивает на каждое преступление много времени и

усилий, а Пирс с утра до вечера трудится в лавке Гая. Кроме того, он никак не связан с религиозными группами. Не удивлюсь, если религия ему вообще чужда.

— Да, конечно, это сумасшедшая мысль. Я дошел до того состояния, когда цепляешься за любую соломинку.

— Потому что не верите, что это Годдард?

— Не то что не верю, а скорее не уверен.

Я потянул за повод, и от этого незначительного усилия в руке на миг вспыхнула боль, заставившая меня поморщиться.

— Вам нехорошо? — обеспокоенно спросил Барак.

— Да вот, рука... И еще я здорово замерз.

— Солнышко уже пригревает.

— Знаю, только в последнее время я вообще постоянно мерзну.

К дому Гая мы подъехали в половине третьего. В аптеках, выстроившихся вдоль улицы Баклсбери, вовсю кипела работа. В соседнем с Гаем окне я увидел мужчину в длинном аптекарском халате. Он сосредоточенно насыпал в стеклянную банку какой-то порошок. Мы привязали лошадей к коновязи, и Барак попросил:

— Вы позволите мне начать разговор с этим мозгляком?

— Ты что, опасаясь, что я стану с ним церемониться? Напрасно.

Барак наградил меня скептическим взглядом.

— Несколько грубых вопросов в начале разговора помогут выбить его из колеи.

Подумав пару секунд, я кивнул.

— Договорились.

Он громко забарабанил в двери. Мы услышали звук шагов, Пирс со свечой в руке отворил дверь и с удивлением воззрился на нас.

— Мастера Малтона сейчас нет, сэр.

— Без тебя знаем, щенок, потому и приехали, — бодро ответил Барак и, отпихнув подмастерье плечом, вошел в дом. — Нам нужен не он, а ты.

Я последовал за ним и сразу заметил, что совсем недавно кто-то — либо Гай, либо Пирс — ставил здесь какие-то опыты: стол в дальнем конце комнаты был заставлен прозрачными склянками с разными жидкостями.

— Ну как, прирезал кого-нибудь сегодня? — осведомился Барак.

— Не понимаю, о чем вы говорите. Я находился наверху и занимался.

Голос Пирса был спокойным, выражение лица — услужливым, но когда он повернулся ко мне, я заметил в его глазах злость.

— Сэр, почему вы позволяете этому человеку разговаривать со мной

подобным образом?

— У меня возникли кое-какие вопросы, и Барак задаст их тебе, как один верный слуга — другому.

— Мне стало известно, что у доктора Малтона начали пропадать деньги, — сказал Барак. — Ты что-нибудь об этом знаешь?

На лице Пирса не дрогнул ни один мускул.

— Нет, ничего такого я не знаю. И уверен, если бы у доктора Малтона стали бы пропадать деньги, он сам поговорил бы со мной об этом.

— Мастер Шардлейк — адвокат доктора и представляет его интересы.

Глаза Пирса метались между мной и Бараксом. Он был явно сбит с толку и ошеломлен этим шквалом вопросов.

— Не может быть, чтобы доктор Малтон уполномочил вас допрашивать меня вот так...

— Но мы же здесь. Воровство — серьезное преступление.

Глаза подростка превратились в щелочки.

— Я не сделал ничего плохого! Я обо всем расскажу доктору Малтону. Ему это не понравится.

— Именно он сообщил нам о пропаже денег, — сказал я.

— Где твоя комната? — спросил Барак.

— На втором этаже. Но вы не смеее туда входить. Я, как подмастерье, имею свои права!

Его голос звучал все громче, а лицо наливалось краской.

— Экий ты несговорчивый, — крикнул Барак и, повернувшись ко мне, спросил: — Мне осмотреть его берлогу?

— Я сам поднимусь наверх, — ответил я, — а ты оставайся здесь и глаз с него не спускай.

Мальчик шагнул, преградив мне путь к двери, что вела внутрь дома, своими широкими плечами.

— Нет! Вы не имеете права!

Барак выхватил из ножен клинок и лезвием отогнал мальчишку от двери.

Тяжело дыша и крепко стиснув губы, Пирс горящими глазами наблюдал за тем, как я вошел внутрь.

Я поднялся по узкой темной лестнице. Гай не доверял слугам и не держал их, поэтому сейчас никого, кроме Пирса, в доме не было. Дверь на втором этаже была открыта. Войдя в комнату, я увидел любопытную картину. На столе лежал бесценный для Гая анатомический атлас Везалия, открытый на очередной ужасной иллюстрации. На ней был изображен скелет на виселице. Судя по всему, Пирс перерисовывал эту

отвратительную картинку, поскольку рядом с атласом лежали перо и лист бумаги с рисунком. Я был вынужден признать, что копия была сделана отменно.

Я обыскал комнату. На полках, помимо многочисленных трудов медицинского характера, обнаружился экземпляр «Черной книги», содержащей перечисление самых чудовищных случаев прелюбодеяния и содомии, которые выявили восемь лет назад агенты Кромвеля в ходе расследования, направленного против монастырей. Эта книжка пользовалась большим спросом у похотливых читателей.

Я также обнаружил сундук с одеждой, причем очень дорогой, а затем осмотрел кровать и, приподняв матрац, обнаружил под ним маленькую кожаную сумку, а в ней — серебряные монеты больше чем на фунт. Не та сумма, которой может владеть подмастерье. Взяв сумку, я вышел из спальни и спустился вниз.

Пирс стоял возле стола, Барак — напротив него, опустив шпагу к полу. Войдя в комнату, я поднял сумку над головой и объявил:

— Деньги!

— Значит, ты, сладенький мой, все-таки ворюга! — с веселой злостью пропел Барак.

Выражение лица Пирса мгновенно изменилось. Оно стало холодным и расчетливым.

«Вот как спадают маски», — подумал я.

— Я мог бы многое рассказать про черномазого, — заговорил Пирс голосом, вдруг ставшим острее бритвы. — Про то, как он простирается ниц перед большим старым распятием в своей комнате, поклоняясь идолам. Про то, что он посещает священников, известных как скрытые паписты. Про то, что он — педераст и заставляет меня совершать с ним непристойные действия.

— Это ложь! — гневно выкрикнул я.

— Пусть так, но в глубине души он мечтает об этом. Я достаточно хорошо изучил его, чтобы знать, насколько болезненно он отреагирует на подобные обвинения. Вы юрист, вы должны понимать, как это будет выглядеть пред судом. Он бывший монах, а содомия — еще большее преступление, чем воровство.

Произнеся все это, Пирс мрачно воззрился на меня.

— Вот ведь какая мелкая гадина! — злобно восхитился Барак.

Следующие действия Пирса ошеломили нас. Он метнулся к столу, неподалеку от которого стоял, схватил какую-то склянку и выплеснул ее содержимое в лицо Бараку. Тот закричал от боли, шархнул назад и,

бросив шпагу, поднес руки к лицу. Пирс подбежал к двери, распахнул ее и вылетел в ночную тьму. Я слышал, как удаляется топот его ног по Баклсбери.

Я подбежал к Бараку, отвел его руки от лица, дрожа от страха при мысли о том, что я могу увидеть. Однако ничего ужасного я не увидел. Его глаза были красными и слезились, но никаких повреждений или ожогов не было. Зато я сразу унюхал острый запах лимона.

— Проклятье! Мои глаза! — простонал Барак.

— Я принесу с кухни воды. Не волнуйся, с тобой ничего не случится. Думаю, это всего лишь лимонный сок.

Я вернулся с кружкой воды и чистой тряпкой. Брызнув водой в глаза Бараку, я раздосадованно сказал:

— Поморгай, недотепа!

Через пару минут зрение Барака пришло в норму, хотя глаза и оставались красными. Проморгавшись и отругавшись, он сказал:

— С какого нечистого Гаю понадобилось ставить опыты с лимонным соком? Лимоны стоят больших денег.

— Наверное, придумывал какое-нибудь новое снадобье, — предположил я.

— Крысенок, наверное, уже сбежал за тридевять земель.

— Да, и, я думаю, нам лучше остаться здесь и дожидаться возвращения Гая.

Я горько вздохнул, поскольку не ждал от этого события ничего хорошего.

Гай пришел через час и изумился, увидев нас в своей лавке, тем более что Барак все еще тер глаза тряпкой.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Я рассказал ему о произошедшем, умолчав, однако, относительно угрозы Пирса в его адрес. У Гая словно землю из-под ног выбили. Он рухнул на стул и несколько минут сидел с опустошенным видом, глядя в никуда. Когда он поднялся, мне показалось, что он постарел лет на десять.

— Позвольте мне взглянуть на ваши глаза, Барак, — устало проговорил он и, поднеся свечу к глазам Барака, осмотрел их. — Вы промыли глаза. Это хорошо. Я тут как раз пытался сделать новые припарки на основе лимонного сока...

Гай повернулся ко мне, и лицо его исказила гримаса гнева.

— Вы сначала должны были поговорить со мной! — проговорил он дрожащим от злости голосом. — А не действовать за моей спиной!

— Я счел необходимым самостоятельно надавить на Пирса, прижать его к стене.

— Опасался, что я тебе помешаю?

Я промолчал. Мне было нечего ответить.

— Я только что проведывал Билкнэпа, — сказал Гай. — Ему лучше, вот только он замучил слуг миссис Эллиард жалобами на то, что они недостаточно часто опорожняют его ночной горшок. Я взял этого несносного человека в качестве своего пациента только потому, что ты попросил меня об этом. И по этой же причине я ввязался в эту вашу сумасшедшую гонку за убийцей. И вот чем ты платишь! А ведь я так верил тебе, Мэтью!

— Мне не показалось, что ты способен трезво оценивать Пирса. А дело было срочным. К тому же он действительно оказался вором.

— А теперь он пропал!

— Мне очень жаль. Что еще я могу сказать!

— Ничего!

Гай сидел, свесив голову на грудь и комкая в руках мокрую тряпку. В комнате повисла звенящая тишина. Это продолжалось с минуту, но мне показалось, что прошла целая вечность. Наконец я проговорил:

— Случилось новое убийство.

Я рассказал про Локли и про записку с адресом Годдарда.

Гай поднял на меня глаза.

— От меня что-нибудь нужно?

— Нет.

— В таком случае желаю вам удачи в Хартфордшире.

Гай посмотрел на меня ледяным, почти ненавидящим взглядом.

— Если Пирс попадетсЯ, я не позволю, чтоб его привлекли к ответственности. Я не допущу, чтобы восемнадцатилетнего парня повесили за кражу каких-то грошей, как то предписано законом.

Он схватил со стола кожаный кошель, который я вытащил из-под матраца Пирса, и сунул его в карман.

— Вот! Никаких улик! Я хочу, чтобы ты ушел, Мэтью. Надеюсь, ты найдешь Годдарда.

Глядя на Гая, я понял, что больше он в этом деле не участвует.

— Гай...

Он воздел руку.

— Нет, не надо! Уходи, пожалуйста! У меня назначен визит. Я должен навестить Адама Кайта в Бедламе.

Я перехватил тревожный взгляд, брошенный Гаем на Барака, и понял:

он беспокоится, не рассказал ли я своему помощнику о его неурядицах с подмастерьем.

— Мне не хотелось... — начал я.

— Уходи, Мэтью. Пожалуйста.

Холод и злость, которыми был наполнен его голос, пронизали меня насквозь.

Мы с Бараком вышли из лавки, а когда отвязывали лошадей, Барак спросил:

— И о чем же вы мне не рассказали?

— Да так, это касается только Гая.

Дальше мы ехали в молчании. Я едва не стонал от мучительной боли, которую доставляла мне мысль о том, что я, возможно, разрушил нашу многолетнюю дружбу.

Глава 38

Людей на улицах было видимо-невидимо. На мостовые вышли, казалось, все лондонские констебли, которые несли дежурство совместно с людьми епископа Боннера. Прохожие поглядывали на них либо с испугом, либо с враждебностью. Я невольно подумал о тех, кто уже был арестован, и об опасности, грозившей Кранмеру. Я размышлял о том, чем в эти дни занимаются затаившиеся праведники. Может, дожидаются, когда уляжется буря, надеясь на наступление новых времен? Безусловно, в результате последней волны гонений они окончательно сочтут себя мучениками. Мне подумалось, что Харснет, являясь королевским чиновником и при этом радикалистом, и сам находится в постоянной опасности. Достаточно ли ему будет заступничества со стороны Кранмера и лорда Хартфорда, чтобы защитить себя от преследований?

Я валился с ног от усталости, поэтому, вернувшись домой, сразу поднялся к себе, проспал несколько часов кряду, а потом поужинал в одиночестве. Барак и Тамазин оставались в своей комнате. К этому времени люди Сеймура уже должны были находиться в Хартфордшире. Спать я лег рано, но утром никаких новостей не было. Завтракали мы вдвоем с Баракком.

— Что же происходит? — воскликнул я.

— Может, люди Сеймура решили сами разобраться с Годдардом? — предположил Барак.

Я отрицательно мотнул головой.

— Они не стали бы этого делать, не сообщив прежде нам. А где Тамазин? Она снова не захотела завтракать?

— Тамазин еще не встала. — Барак серьезно посмотрел на меня. — Она каким-то образом догадалась о том, что произошло новое убийство, хотя я ей ничего не рассказывал. Она в последнее время вообще часто стала хандрить. Вот и сейчас просто лежит в постели и выглядит такой... грустной.

— Как ты считаешь, почему у вас испортились отношения?

— Не знаю, — ответил Барак и, как обычно в таких случаях, поспешил сменить тему: — Так вы не станете доносить властям на Пирса?

— Нет.

— Что у них за отношения со старым мавром? — Барак смотрел на меня, не скрывая любопытства.

— Я думаю, желание Гая заботиться о ком-то и передавать свои знания настолько овладело им, что затмило собой все остальное, в том числе и здравый смысл. Но в конечном итоге это уже не имеет значения, ведь теперь он избавлен от этого парня. Надеюсь, Пирс сбежал окончательно и находится далеко от Лондона.

— Если у него есть хоть капля мозгов, он поступил бы именно так. Должен же он понимать, что, если его обвинят в воровстве, не миновать ему пенькового галстука.

Я резко встал из-за стола.

— Я еду в Бедлам. Гай сказал, что он заглянет туда сегодня, чтобы проведать Адама. Попробую снова поговорить с ним, воззвать к его рассудку.

Барак с сомнением покачал головой.

— Вчера он здорово разозлился.

Мне хотелось ответить колкостью, предложив Бараку уделить побольше внимания собственной жене, которая тоже здорово злится, но я прикусил язык и лишь пробурчал:

— Я не могу оставить все как есть.

— Мне поехать с вами?

— Нет, я один.

Барак посмотрел на меня с тревогой. Мне были понятны его опасения. Он думал, что события последних дней могут стать для меня слишком тяжелым испытанием. Да и у него самого вид был измученный. Я положил руку ему на плечо.

— Не волнуйся, у меня все будет в порядке. И извести меня, если появятся какие-нибудь новости из Хартфордшира.

До Бишопсгейта я добрался без происшествий, но когда въезжал во двор Бедлама, услышал странные звуки. Мне показалось, что это заходится в рыданиях насмерть испуганная женщина. На несколько ужасных секунд меня сковал безотчетный страх. Я подумал: а может, убийца снова перехитрил нас и седьмое убийство совершается здесь и сейчас? А потом я увидел женщину, которая и издавала эти ужасающие звуки. Она кричала и колотила в двери больницы, требуя, чтобы ее пустили внутрь. Вокруг уже начали собираться любопытные. Некоторые смеялись и показывали пальцем на несчастную, сочтя ее буйнопомешанной. Меня удивляло, почему никто не открывал дверь. Подъехав поближе, я увидел, что женщина — не кто иная, как смотрительница Эллен.

Спешившись, я торопливо привязал Бытие к коновязи.

Эллен не обращала внимания на зевак. Она билась в дверь всем телом и страшно кричала. Весь ее облик дышал ужасом.

— Впустите меня, мастер Шоумс! Пожалуйста, ну пожалуйста!

Я протолкался через толпу, положил руку на плечо женщины и негромко позвал:

— Эллен!

Женщина не обернулась, а только вся сжалась и перестала кричать.

— Кто это? — прошептала она.

— Это я, мастер Шардлейк. Что тут произошло?

— Во имя всего святого, мастер Шардлейк, велите ему впустить меня внутрь!

Произнеся это, Эллен, продолжая всхлипывать, сползла по двери, словно ей отказали ноги. Я забарабанил в дверь и закричал:

— Шоумс! Открывайте! Что тут у вас творится?

Я услышал, как за дверью кто-то перешептывается. Откуда-то из глубины здания донеслись крики, и мне показалось, что среди них я услышал голос Адама.

Повернулся ключ, дверь открылась, и передо мной предстал Шоумс. Позади него хмурился здоровенный Гибонс. Лицо Шоумса было злым. Как только дверь открылась достаточно широко, Эллен скользнула внутрь и, тяжело дыша, прижалась к стене вестибюля. Из открытой двери гостиной выглядывали головы других пациентов. Старушка Сисси сделала несколько неуверенных шагов вперед, протянула дрожащую руку и пролепетала:

— О Эллен! Бедняжка Эллен!

Я обратил внимание на то, что двери других палат закрыты. Из-за одной из них доносились вопли сумасшедшего, считавшего себя королем. «Его величество» громко призывал своих «подданных» к порядку. Другой больной, свихнувшийся ученый, судя по звукам, несшимся из его узилища, разбежался и изо всех сил гулко бился телом в дверь. А еще я услышал голос Адама. Он громко призывал Господа «спасти и сохранить бедную Эллен».

Шоумс захлопнул дверь перед физиономиями сгоравших от любопытства зевак.

— Что вы тут вытворяете с этими людьми? — строгим голосом спросил я.

Смотритель посмотрел на меня так, будто собирался ударить, но взял себя в руки и ответил как мог спокойно:

— Эллен нужно было преподать урок. Благодаря вам она возомнила себя ответственной за судьбу Адама Кайта и дошла до такой наглости, что

пытается диктовать мне, как его лечить. А теперь перенесла свои заботы и на других пациентов. Несет всякую околесицу относительно того, что старую дуру Сисси нужно освободить и выпустить под присмотр ее родственников.

Шоумс злобно зыркнул на старуху, которую от этого взгляда словно ветром сдуло.

— Можно подумать, что родственникам она нужна. Как же, держи карман шире! Она нужна им не больше, чем Эллен — своей родне.

Шоумс повысил голос.

— Вы все еще не поняли, что это за место, мастер Шардлейк? Это помойка, в которую зажиточные люди выбрасывают своих свихнувшихся родственников. Иногда объявляются филантропы, иногда больные выздоравливают или прикидываются выздоровевшими, чтобы выбраться на волю. Но Бедлам все равно остается мусорной ямой, предназначение которой — приносить золото директору Метвису. Бедлам буквально рождает золото, как любая выгребная яма рождает полчища крыс.

— Эллен служит в вашей больнице, даже если когда-то она являлась ее пациенткой. Так какого же дьявола вы с ней так поступаете?

Шоумс расхохотался мне в лицо.

— Это она вам сказала, что когда-то была пациенткой? Она и сейчас пациентка! И всегда ею будет! Я позволил ей выполнять кое-какие обязанности смотрителя, поскольку у нее получается находить общий язык с пациентами, хотя она и проявляет по отношению к ним излишнюю мягкость.

Он посмотрел на женщину.

— Но иногда она начинает задаваться, и тогда мне приходится напоминать ей, кто она такая, вышвыривая ее за дверь.

Шоумс перевел взгляд на Эллен, которая все так же стояла, прижавшись к стене. Она тяжело дышала и старалась не смотреть на закрытую дверь.

— Вот именно в этом и заключается ее безумие, — с жестокой откровенностью продолжал говорить Шоумс. — Она не может выходить на улицу, твердит, что окружающий мир крутится и шатается и хочет проглотить ее. Эллен такая с тех пор, когда банда молодых людей напала на нее в Суссексе, откуда она родом, и до срока сделала ее женщиной. Ну что, разве не так было дело, Эллен?

Эллен заставила себя отлепиться от стены и молитвенно сжала руки на груди.

— Да, мастер Шоумс, — тихо проговорила она и перевела взгляд на

меня.

Ее удлиненное лицо залила краска стыда.

— Теперь, мастер Шардлейк, вы знаете обо мне все.

Один бог знает, какую жалость я испытал по отношению к этой несчастной женщине, но какое-то внутреннее чувство подсказало мне: если я покажу это, ей будет только хуже.

— Не важно, Эллен, — проговорил я. — Послушайте, бедный Адам в отчаянии. Не могли бы вы пойти вместе со мной, чтобы помочь ему? Вам лучше других удастся общаться с ним. Если, конечно, вы в состоянии...

Она с благодарностью посмотрела на меня и тихо ответила:

— Да, конечно.

Эллен шатко пошла по коридору, нащупывая на поясе связку ключей. Я повернулся к Шоумсу.

— Надеюсь, Адам не слишком встревожился из-за этого инцидента. В противном случае я буду вынужден поставить в известность суд.

Шоумс окатил меня злобным взглядом. Посмотрев на Гибонса, стоявшего за его спиной, я увидел в глазах верзилы что-то сродни восхищению.

Я подошел к Эллен, стоявшей у закрытой палаты Адама.

— Эллен! — кричал он изнутри. — Что они с тобой сделали?

— Со мной все в порядке, — откликнулась женщина. — Я здесь.

— А доктор Малтон разве не приехал? — спросил я.

— Нет, сэр. Мы его ждем, но он до сих пор так и не появился.

Голос и поведение Эллен были уже почти нормальны, хотя в ней еще чувствовалась неуверенность, словно она приходила в себя после дурного сна.

Женщина открыла дверь. Прямо за порогом стоял Адам. Он подошел к двери настолько близко, насколько позволяла ему цепь, которой он был прикован за лодыжку. Его лицо было красным от напряжения, но при виде Эллен на нем появилось облегчение. Она вошла в палату.

— Как ты? — спросил он. — Я слышал, как ты кричала.

— Все хорошо, Адам, не волнуйся, — сказал я и, увидев, что в палате появилась табуретка, добавил: — Садись-ка сюда.

Мальчик нерешительно сел.

— Это доктор Малтон придумал принести сюда табуретку. Пусть, дескать, парень лучше сидит, чем валяется на полу во время своих молитв.

Только сейчас до меня дошло: а ведь Адам впервые проявил заботу о ком-то другом! И тут же он повернул ко мне свое блеклое лицо и произнес нечто, чего я не смог понять:

— Мое беспокойство об Эллен было богоугодным. Подтвердите это, сэр, если вас спросят. Я больше не грешил — даже в помыслах! Я не такой, как женщина этого богомерзкого викария.

Тут Адам безобразно раззявил рот и упал бы на колени, если бы Эллен его не подхватила.

— Ну же, Адам! — проговорила она.

Мальчик закрыл лицо руками и заплакал.

И тут кусочки головоломки в моем мозгу встали по местам. Его викарий, отец Мифон, дружил с преподобным Ярингтоном. По словам Тимоти, парень, навещавший Абигаиль, был высоким и темноволосым. Точь-в-точь как Адам. Сейчас, правда, он напоминал ходячий скелет, но, по словам его матери, до того, как парень впал в состояние этой сумасшедшей одержимости, он был хорош собой.

Я шагнул вперед.

— Адам, имя Абигаиль тебе что-нибудь говорит?

Мальчик вырвался из объятий Эллен, упал на пол и отполз к стене, с ужасом глядя на меня.

— Мой грех открыт! — зашептал он. — О Боже, прости меня! Не отвергай!

— Что вы делаете, сэр? — с возмущением спросила Эллен.

— Поворачиваю ключ, который должен быть повернут.

Присев на корточки рядом с мальчиком, я спросил как можно более спокойным голосом:

— Адам, как-то раз ты пришел в дом преподобного Ярингтона с посланием от твоего викария.

Он смотрел на меня глазами, полными ужаса.

— Да.

— Абигаиль увидела тебя и зазвала к себе. Ей был нужен молодой. Она научила тебя вещам, о которых ты грезил, но никогда не испытывал. Я прав?

— Откуда вы это знаете? — шепотом спросил Адам. — Господь назначил вас орудием своего возмездия?

Я позволил себе улыбнуться.

— Нет, Адам. Мальчик из конюшни Ярингтона кое-кого видел, и я только что понял: он видел тебя. Вот и все. Абигаиль сбежала, и мне необходимо найти ее, чтобы распутать дело.

Я не сказал Адаму, что Ярингтон убит.

— Это мой великий грех, — проговорил Адам. — Я знал: если мои родители и церковь узнают о нем, они отвергнут меня, поскольку тогда я

утрачу право быть среди Божьих избранных. Вы не расскажете об этом моим родителям, сэр?

— Нет, не расскажу. Обещаю тебе.

— В ее руках я превращался в податливый воск, — продолжал свой рассказ Адам. — Господи Иисусе, я оказывался совершенно беззащитным. Ее, должно быть, прислал сам дьявол!

— Она была всего лишь бедной девушкой. Беспомощной жертвой в руках этого фарисея Ярингтона.

— Верно, — исступленно закивал Адам, — он был фарисеем! Я знал, что должен рассказать обо всем своим родителям, церкви... Я обратился к Богу, прося у него наставления и совета, но не чувствовал ничего... Ничего! Он что, покинул меня?

— Я не теолог, Адам, но одно для меня очевидно: ты не покинул его. Разве что пытался достучаться до него не самым правильным способом.

Для мальчика это оказалось чересчур. Он закрыл лицо руками и снова принялся всхлипывать. Поглядев на эту скорбную картину пару минут, я повернулся к Эллен.

— Мне пора уходить. Да будет вам известно, сведения, которые сообщил мне Адам, имеют чрезвычайную важность. Когда появится доктор Малтон, я не знаю. Могу ли я оставить Адама с вами?

Губы женщины искривились в горькой улыбке.

— Вы беспокоитесь о том, не опасно ли будет ему со мной?

— Нет... я...

— На этот счет можете не волноваться, — резко проговорила Эллен. — Со мной всегда все в порядке.

Она набрала в грудь воздуха.

— Если только меня не выгонят наружу. А в остальном я не сумасшедшая.

— Я уверен: с вами Адам в хороших руках.

Лицо Эллен залила краска смущения.

— Вы и впрямь так думаете?

— Да. Если придет доктор Малтон, пожалуйста, расскажите ему то, что сказал Адам. И еще скажите ему... скажите, что я его очень ждал.

— Вы выглядите так, будто произошли какие-то неприятности, — заметила Эллен. — Адаму что-то угрожает?

— Нет, клянусь вам, что это не так, — улыбнулся я. — Вы добрая женщина, Эллен. И не позволяйте вонючей свинье вроде Шоумса думать о себе иначе.

Она кивнула, и из ее глаз хлынули слезы.

Я вышел из палаты. Мысли мои были в смятении. Значит, Абигайль посещал Адам! Именно он был тем самым темноволосым юношей, которого я искал! На миг меня охватил страх: а правильно ли я сделал, оставив Эллен наедине с ним? Ей ничто не угрожает? Нет, решил я. Если не считать странного недуга, заставляющего ее бояться открытого пространства, она выглядит совершенно разумной. Гораздо разумнее, чем большинство горожан, что шляются по улицам Лондона.

Глава 39

Домой я возвращался в глубокой задумчивости. Чтобы избежать утреннего столпотворения на улицах, я направил коня вдоль северной городской стены. Народу здесь почти не было, и это приятное ощущение покоя не смогло испортить даже то обстоятельство, что мне пришлось проехать мимо вонючего Хаундсдича, куда, невзирая на строгие предупреждения Городского совета, лондонский люд продолжал сбрасывать дохлых собак и лошадей.

Я думал про Адама. Как просто забыть, что сумасшедшие тоже когда-то были обычными людьми! Иссохшее лицо Адама раньше привлекало своей красотой, а сам он, как описывал его отец, был веселым и беззаботным парнем. Такой юноша непременно должен был попасть в круг внимания других прихожан, которые решили, что его нужно воспитывать, приучать к дисциплине, и принялись запугивать мальчишку геенной огненной. И вот что из этого вышло. Я задумался также и об Эллен, о ее трагической истории и о том, какой она могла бы быть, не случись с ней этого несчастья.

К Канцлер-лейн я подъехал с северной стороны. В этот час на улице царило оживление. Погруженный в свои мысли, я совсем не следил за дорогой, целиком положившись на свою славную лошадку, но внезапно меня вывел из задумчивости пронзительный крик:

— Эй, ты там! Гляди, куда едешь!

Я резко натянул поводья и увидел прямо перед мордой лошади уличного торговца, толкавшего трехколесную тачку с разной дребеденью. На нем было некое подобие плаща из какой-то драной мешковины, полы которого волочились по грязи. Немытое лицо обрамляли густые седые волосы и всклокоченная борода.

— Ты меня едва не переехал! — пробормотал он через плечо, удаляясь с мостовой. — Если попортил мой товар — заплатишь!

Я успокаивающе похлопал Бытие по крупу. Инцидент взбудоражил животное. А когда обернулся, коробейник уже успел дойти до Холборна. Вскоре я миновал ворота Линкольнс-Инн и подъехал к дому. Времени было всего полчетвертого.

Поднимаясь к себе в комнату, чтобы переодеться с дороги, я думал о том, что, по крайней мере, одна часть загадки разгадана. Я узнал, что юноша, посещавший дом Ярингтона, на протяжении последних недель был

накрепко заперт в Бедламе. В центре подозрений вновь оказывался Годдард. Но зачем тогда он сообщил нам свой адрес?

Я взял Новый Завет и открыл его на Откровении Иоанна Богослова.

«Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое!»

Я задумчиво откинулся в кресле. До последнего времени каждое убийство представляло собой имитацию, жестокую пародию тех кар, которые обрушивают семь ангелов Апокалипсиса на погрязшее в грехе человечество. Тело несчастного Локли убийца использовал, чтобы перекрыть водопровод и имитировать тем самым пересыхание Евфрата после излияния шестой чаши гнева. Но Барак был прав, задавая вопрос: как этот безумец собирается имитировать землетрясение?

Я потянулся, чтобы положить Писание на стол, но промахнулся, и оно упало на пол, непроизвольно открывшись на предшествующих Апокалипсису страницах. Мое внимание привлек абзац. Это было первое послание апостола Павла к коринфянам.

«Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви — то я ничто».

Мне подумалось: а читал ли убийца эти слова? Если да, то они явно не произвели на него впечатления. Они противоречили его злобной потребности в насилии, и он, вероятнее всего, даже не обратил на них внимания. Я закрыл книгу, сокрушенно размышляя над тем, что сотворили люди со своим Богом.

Спустившись вниз, я застал в гостиной Тамазин. Она ставила в вазу букет каких-то первоцветов. На лице ее было выражение задумчивой печали, однако, увидев меня, женщина улыбнулась.

— Я подумала, что так будет красивее, — словно оправдываясь, проговорила она. — Я срезала цветы в саду. Вы не против?

— Конечно же нет. Цветы будут напоминать нам о том, что на дворе весна. Где Джек?

— Отправился в Линкольнс-Инн, чтобы посмотреть, как там в одиночку справляется Скелли.

— Мне самому следовало бы сходить туда.

Помешкав в нерешительности, я все же заговорил:

— Послушай, Тамазин, мы уже почти у цели. Нам удалось установить дом, где находится тот, кто стоит за всем этим. Это неподалеку от Барнета. Сэр Томас Сеймур отправил туда своих людей, чтобы они схватили его. Возможно, сегодня вечером нам придется отправиться вслед за ними.

— Вы поймали убийцу? — напрямик спросила Тамазин.

— У нас практически не осталось сомнений в том, кто это такой.

— Значит, Джеку снова придется пуститься в опасные похождения?

— Поверь, Тамазин, ему самому ненавистно все это.

— Вы правы, — согласилась женщина. — Он боится того чудовища, за которым вы охотитесь.

Она в отчаянии развела руками.

— А я ничем не могу утешить его. Когда я пытаюсь поговорить с ним об этом, он обвиняет меня в том, что я ругаюсь или ворчу. — Она устало вздохнула. — И то же самое повторяется от раза к разу. Поневоле сравнишь себя с ослом, который ходит по кругу, вращая мельничный жернов.

— Тамазин...

Она жестом остановила меня.

— Не надо, сэр. Я знаю, вы хотите как лучше, и благодарна вам за это. Но я дошла до предела. Не могу больше.

Она сделала формальный книксен и вышла из гостиной.

Не находя себе покоя, я решил сходить в Линкольнс-Инн и навестить Дороти. Если Билкнэпу полегчало, возможно, мне удастся призвать мерзавца к совести и уговорить его убраться восвояси. Однако когда я пришел туда, Маргарет сказала мне, что Дороти отлучилась, чтобы с кем-то расплатиться.

— Хорошо, что она снова способна заниматься делами, — сказала горничная.

— Да, — согласился я. — Как мой собрат по адвокатскому цеху, мастер Билкнэп?

— Он извел нас своими жалобами и нытьем. Можно подумать, что он здесь хозяин, а я его служанка!

— Могу ли я увидеть его?

— Сейчас узнаю.

Маргарет вошла в комнату и через несколько секунд выскочила как ошпаренная, с красным от ярости лицом.

— Он заявляет, что не желает вас видеть, сэр! Дескать, плохо себя чувствует. Вы уж простите меня, сэр, но без хозяйки я не могу...

— Разумеется. Видеть его — невелика радость, — сказал я, думая: «Стыдно ли Билкнэпу за то, что он снабдил Фелдэя сведениями обо мне?»

Вряд ли, решил я. Кстати, мерзавец до сих пор не знал о том, что Фелдэя больше нет в живых.

— Ты передашь хозяйке, что я очень сожалею из-за того, что этот склочник Билкнэп до сих пор находится в вашем доме? — спросил я.

— Обязательно передам, сэр.

Я ушел. Выйдя из дома, я впервые почти за месяц остановился и посмотрел на фонтан посередине двора. Вода мирно плескалась в большущей каменной чаше. Откуда же убийце стало известно о том, что Роджер когда-то принадлежал к протестантским радикалистам? Глядя на струи воды, я почувствовал, как в моем мозгу шевельнулось какое-то смутное воспоминание. Что-то такое, что я услышал от Тимоти в доме Ярингтона. Но что же именно? Я мысленно проклинал свой уставший мозг, но от этого было мало проку.

Придя в контору, я выяснил, что Барак только что ушел. Пришлось снова отправляться домой. Я нашел Джека в гостиной. Он, как обычно, ел хлеб с сыром.

— Спасибо, что присмотрел за текущей работой, — поблагодарил я.

— Ну как, получилось у вас поговорить со старым... гм, с доктором Малтоном?

— Его там не оказалось.

— Есть хотите?

— Нет, я не голоден.

Я посмотрел на своего помощника тяжелым взглядом.

— Мне кажется, тебе следует подняться в свою комнату и поговорить с Тамазин. Она в ужасном настроении.

Барак со вздохом кивнул, встал из-за стола и направился к двери. Возле порога он обернулся и сказал:

— Кстати, Орт сообщил, что ему намозолил глаза какой-то уличный торговец, который постоянно ошивается на Канцлер-лейн. В последние два дня он несколько раз стучался в наши двери, пытаясь продать свои финтифлюшки, причем требовал, чтобы к нему вышла одна из женщин, живущих в доме.

— Подожди! Затвори-ка дверь.

Я был пронзен внезапной догадкой.

— Этот торговец... Он такой оборванный и с седой бородой?

— Ага, он самый. Он здесь уже несколько дней отирается.

— И таскает свою поклажу в трехколесной тачке?

— Не думаете же вы... — растерянно заговорил Барак, потом умолк и продолжил совсем другим тоном: — Но он старик! И к тому же половина лондонских коробейников таскаются с трехколесными тележками!

— Но ведь это прекрасный способ следить за нами, следуя по пятам и оставаясь незамеченным! Не это ли он делал, Барак? Неужели это он?

— Он в Хартфордшире.

— Убийца всего лишь пытается приковать наше внимание к Хартфордширу, завлечь нас туда. Позови Орра! А сам выйди на улицу и погляди, не видно ли этого торговца. И если он там, постарайся, чтобы он тебя не заметил.

Барак с сомнением посмотрел на меня, но, пожав плечами, пошел исполнять приказание. Через минуту вошел Орр.

— Что продавал торговец? — спросил я его.

— Да так, обычную ерунду. Грошовые украшения, гребни, кухонная утварь...

— Уличные торгаши обычно не стучатся в те двери, от которых однажды получили отворот.

— Он спрашивал домоправительницу. Возможно, надеялся уговорить Тамазин или Джоан купить что-нибудь из его барахла. Причем, когда я открывал ему дверь, он смотрел мимо меня, в глубь дома.

Вернулся запыхавшийся Барак.

— Он идет по Канцлер-лейн от Олдгейта! Он будет здесь уже через минуту!

Мой помощник нахмурился.

— Вы правы, тут есть что-то странное. Он толкает свою тележку по улице, не останавливаясь перед домами и не предлагая свой товар прохожим.

— Возможно, это и есть убийца, — тихо проговорил я. — Оборванный торговец, слоняющийся повсюду, один из тех, кого мы не хотим замечать... Разве придумаешь личину лучше, чтобы слоняться, оставаясь незамеченным, следить за людьми и подслушивать их разговоры!

— Но ведь он старик! — воскликнул Орр.

— Я в этом не уверен, — возразил Барак. — У него походка молодого человека. И разве вы забыли, как всего несколько дней назад, на Пальмовое воскресенье, люди переодевались в старых пророков и привязывали фальшивые бороды?

— Господи, неужели мы сейчас все-таки схватим его? — выдохнул Орт.

— Мы справимся с тобой вдвоем? — спросил у него Барак.

— Думаю, да, — кивнул Орт. — Похоже, он не вооружен.

— Тогда — вперед! — приказал Барак. — Нужно торопиться, иначе он пройдет мимо нашего дома и растворится в толпе на Флит-стрит.

— Я иду с вами, — сказал я, поднявшись из-за стола и говоря с гораздо большей смелостью, чем ощущал в себе. — И если, когда мы его схватим, он окажется дьяволом с рогами и взлетит над Холборном, я признаю, что Харснет был прав.

— Я схожу за шпагой. А ваша — у вас в комнате?

— Да, — ответил я.

Моя шпага лежала в комнате уже много лет. Адвокаты в Англии не носили оружия.

— Мой клинок на кухне, — проговорил Орт и вышел.

На лице его была гримаса ожесточенной решимости.

Я огляделся. Все здесь: мой знак принадлежности к адвокатской гильдии, стоявший на высоком шкафу; фреска на стене с изображением охотничьей сцены... Все это было так дорого мне! Эта комната являлась средоточием всей моей жизни.

Стиснув зубы, я пошел в свою спальню за шпагой. Выйдя на лестничную клетку и вкладывая клинок в ножны, я едва не столкнулся с Баракком, вышедшим из своей комнаты.

— Я спешу, женщина! — крикнул он через плечо. — Он почти у нас в руках!

С этими словами он скатился по лестнице. Из комнаты выскочила Тамазин. Ее лицо было перекошено от злости и отчаяния. Она схватила меня за рукав.

— Скажите мне во имя всего святого, что происходит? Хоть кто-нибудь может мне что-то объяснить?

— Мы думаем, что убийца находится возле нашего дома и замаскировался под уличного торговца, — сказал я. — Мы не имеем права упустить этот шанс и обязаны идти.

Я сбежал вниз и выскочил из дома. Барак и Орт уже находились снаружи. Последним, что я успел увидеть, была Джоан, стоявшая на пороге кухни, и двое мальчишек, вцепившихся в ее юбки.

Солнце висело низко, и дом отбрасывал длинную тень на Канцлер-лейн. Подойдя к воротам, я увидел того самого коробейника. Он только что

миновал мой дом, толкая перед собой тележку по улице, слегка уходившей под уклон. Мы трое, путаясь друг у друга под ногами, бросились вдогонку. Адвокаты и клерки, проходившие мимо, останавливались и в изумлении тарасились на эту сцену. С каким-то злорадным удовольствием я заметил, как ком грязи, вылетевший из-под чьего-то башмака, смачно чмокнулся в плащ казначея Роуланда, прижимавшегося к стене, чтобы избежать столкновения.

— Если этот тип окажется обычным торговцем, у нас будет глупый вид, — на бегу заметил Орт.

У меня не хватило дыхания для ответа.

Услышав топот, оборванец оглянулся на ходу. Барак был прав: он двигался чересчур проворно для старика, да и голубые глаза светились слишком ярко на грязном лице. Увидев погоню, он оттолкнул свою тележку и пустился наутек.

Барак одним мощным прыжком настиг его и схватил за ворот. Любой другой человек повалился бы на землю, но этот не только устоял, но еще и схватил Барака за запястье, не позволив ему дотянуться до шпаги. Орт ухватил лжеторговца за седую бороду. Та с треском оторвалась и повисла сбоку, обнажив красный шрам на щеке мужчины. Не обратив на это внимания, он заехал коленом в промежность Бараку, и тот, задохнувшись, сложился пополам. Лжеторговец подскочил к своей тележке, сунул руку в ворох разнообразной дряни, которой та была набита, и в ту же секунду в его руках оказалась большая шпага. Он встал спиной к тележке и принял оборонительную позицию.

Мы с Орром кружили вокруг неприятеля, направив на него острия клинков. Только сейчас я краем глаза заметил, что вокруг нас успела собраться толпа зевак, наблюдавших это бесплатное представление с безопасного расстояния.

Я всматривался в лицо «торговца». Густая шевелюра — без сомнения, парик — съехала ему на самые брови, кровь из ранки, возникшей на щеке после того, как оторвали фальшивую бороду, стекала на его обноски. Вот только цвет длинного носа был какой-то не такой! И вот тут я понял: нос был такой же фальшивкой, как и борода, а «грязь» на лице являлась искусно наложенным театральным гримом! Только голубые глаза, в которых плескалась ненависть, были настоящими.

«Торговец» сделал резкий выпад клинком в мою сторону. Благодаря скорее счастливому случаю, а не умению фехтовать, я парировал его. Тут же рядом со мной возник Барак с побелевшим от боли лицом. Он бросился вперед, желая вцепиться в ту руку «коробейника», в которой была зажата

шпага, но внезапно прозвучал крик:

— Приказываю прекратить драку!

Это вопил казначей Роулэнд — так, словно мы были стайкой не в меру разгулявшихся юнцов. Буквально на секунду крик этого старого дурака отвлек нас, и, воспользовавшись шансом, лжеторговец ткнул в Барака шпагой, ранив его в предплечье и заставив выронить оружие. Затем он метнулся к толпе, выбрав в качестве мишени студента-законника, спешившегося с лошади, чтобы поглазеть на драку. Негодяй полоснул юношу по щеке острием клинка и, когда парень с криком ухватился за лицо, выпустив из рук поводья, вскочил в седло, хлестнул лошадь и ускакал по Канцлер-лейн в направлении Холборна.

Несчастный студент кричал, держась за щеку, Барак сыпал проклятиями, зажимая рану на руке. Я хотел было отобрать лошадь у кого-нибудь из зевак и пуститься в погоню, но понял, что это ничего не даст, поскольку преступник уже далеко. Устало я оглядел место побоища.

Барак отделался всего лишь царапиной, а вот рана бедного студента была серьезной. Теперь ему до конца жизни придется ходить со шрамом поперек щеки и носа. Чудо еще, что лезвие не задело глаза! Казначей Роулэнд велел отвести раненого в Линкольнс-Инн, а потом повернулся ко мне. Он был в ярости и требовал объяснений, почему мы напали на торговца. Услышав, что этим «торговцем» был человек, убивший Роджера Эллиарда, казначей ошеломленно заткнулся.

Толпа медленно рассосалась, лишь мы трое — я, Барак и Орт — остались стоять возле тележки мнимого коробейника. Мы обыскали ее, но не нашли ничего, кроме грошовой бижутерии, щеток для обметания пыли, каких-то тряпок и укуса для чистки серебра.

— Тележка довольно большая, — рассудительно отметил Барак. — В ней вполне хватит места, чтобы спрятать тело.

Он взял одну из тряпок и перевязал ею кровоточащую руку.

— Вот таким образом он и следил за нами и подслушивал наши разговоры, — откликнулся я. — Правда, я не помню, чтобы замечал седобородого «торговца» в толпе, но предполагаю, что у него могли иметься и другие обличья.

— Как по-вашему, сэр, это был Годдард? — спросил Орт.

— Разве тут разберешь? Фальшивый нос, парик, искусственная борода...

— Я не заметил на его носу бородавки, — сказал Барак. — Если она такая большая, как про нее говорят, ее невозможно спрятать даже под фальшивым носом.

— Зачем он приперся? — недоумевал Орт. — Что ему здесь понадобилось?

— Возможно, решил разнюхать, что и как. А может, решил снова поугубить нас или даже сделать что-нибудь с нашими женщинами.

Подумав несколько секунд, я стал вытаскивать со дна тележки склянки с уксусом для чистки серебра, откупоривать их и выливать содержимое прямо в тележку. Содержимое седьмой зашипело и стало разъедать дерево.

— Витриол. Снова витриол! Вот почему он стучался в дом. Он собирался облить этой пакостью Джоан или Тамазин!

Мы медленным шагом возвращались домой, оставив тележку там, где она была. Этот предмет уже не мог сказать нам ничего нового. Фальшивую бороду я бросил туда же.

На пороге нас ждала Джоан. Она и без того выглядела испуганной, а увидев кровоточащую руку Барака, едва не хлопнулась в обморок.

— Что случилось? — дрожащим голосом прошептала она.

— Там был человек, который избил Тамазин, а потом ранил меня, — пояснил я и, посмотрев в ее встревоженное лицо, добавил: — Но его больше нет, он сбежал.

Мне была мучительна сама мысль о том, что могло бы произойти, открой ему дверь Тамазин или Джоан.

— С вами все в порядке? Где мальчишки?

— Я велела им оставаться в конюшне.

Я устало кивнул.

— Они уже могут выйти оттуда. Орт, спасибо за помощь!

Он склонил голову и пошел вслед за Джоан на кухню. Барак прислонился спиной к дверной перекладине. Лицо его было блее полотна.

— Я бы достал его, если бы не этот идиот Роулэнд! — с яростью выдавил он сквозь сжатые зубы.

— Наверняка достал бы.

— Я не могу рассказать Тамми про витриол. Не могу, хоть убейте. — Он тяжело вздохнул. — Значит, она не может выходить за порог, пока все это не закончится.

— Почему это я не смогу выйти из дому? — слышался голос с балюстрады второго этажа.

Мы подняли глаза и увидели стоявшую наверху лестницы Тамазин. Она, видимо, слышала последние слова Барака. Заметив раненую руку своего мужа, Тамазин гневно выкрикнула:

— А теперь-то какого дьявола с тобой случилось?!

Я впервые услышал, чтобы эта милая женщина сквернословила.

— Там, на улице, был убийца. Нам почти удалось словить его, но он сумел смыться. А рана... Да это, собственно, и не рана. А так, царапина. Согрей воды, чтобы я мог промыть ее.

— Но почему ты сказал, что я не смогу выйти за порог?

— Потому что он все еще может быть где-то поблизости.

— Он был «где-то поблизости» на протяжении последних трех недель. Вы в конце концов объясните мне, что происходит?

— Думаю, ты должен рассказать ей все, — едва слышно прошептал я Бараку. — Она сильная и вынесет это.

— Нет, я не могу, — также шепотом ответил он. — Не могу сказать ей, что такая штука могла случиться с ней только потому, что она является моей женой.

Он вздохнул, едва не подавившись этим вздохом.

— Что это ты там бормочешь? — спросила сверху Тамазин.

— Делай, что я говорю, женщина, и не задавай вопросов! — громко прорычал Барак и стал взбираться по ступеням, держась за раненую руку.

Жена посторонилась, позволяя ему пройти. На его лице была смесь злости и тревоги. Барак вошел в комнату, Тамазин — следом за ним. Дверь шумно захлопнулась.

На дворе снова зарядил ливень и принялся щедро поливать окна своими уже успевшими опостылеть мне струями.

Перед тем как лечь спать, я стоял у окна и, глядя на дождь, думал, починили ли сливные ворота в водопроводе Чартерхауса. Вдруг мои раздумья прервал стук в дверь. Я открыл. На пороге стоял Барак.

— Какие-то новости от Харснета? — спросил я.

— Нет.

Правый рукав его рубашки был закатан, а на предплечье наложена чистая повязка. Над этой свежей раной виднелись другие шрамы, следы, оставшиеся от прежних рукопашных. Вид Джека был очень усталым.

— Можно мне войти? — спросил он. — Я хочу поговорить с вами.

Я кивнул. Барак вошел в спальню и уселся на мою кровать. Некоторое время он молчал, потом тряхнул головой и сказал:

— Она злится из-за того, что я запретил ей выходить из дому и при этом не объясняю почему.

— Тебе следовало рассказать ей про витриол.

Он снова упрямо качнул головой.

— Не могу! Ну не могу я рассказывать ей про все эти ужасы! Да и сам

я... Как представлю себе, что он плеснет ей в лицо этой дрянью...

Барак умолк, но на глазах у него выступили слезы.

— Ну же, дружище! — ободряюще проговорил я, взяв его за локоть. — Ведь ты же знаешь, какая она сильная! Ведь именно за это ты полюбил ее в Йорке. Помнишь?

— Но теперь я ее муж. И обязан защищать ее, и должен быть способен сделать это.

Помолчав, он добавил:

— Я должен подарить ей ребенка.

Барак снова умолк. Собравшись с силами, он продолжил:

— Я знаю: когда дитя, только что покинувшее чрево матери, умирает, в его смерти принято обвинять именно мать. Но все так смешалось... Я не знаю, что и думать. Может, я тоже виноват? Но я стремился лишь к одному: обеспечивать ее, делать ее жизнь безопасной, создать ей семью! В конце концов, моей целью было не допустить, чтобы канул в Лету мой род, моя древняя еврейская фамилия. И ничего из этого у меня не получилось...

Он уперся невидящим взглядом в дверь.

— Я люблю ее! Лишь одному богу известно, как я ее люблю! Я не испытывал таких чувств ни к одной из женщин, а их у меня было с избытком!

— Возможно, в этом-то и состоит проблема, — как можно мягче сказал я. — Ты создал для себя идеальную картину того, каким должен быть брак. А теперь, когда он подвергается испытаниям, ты пошатнулся. В этом нет ни твоей вины, ни вины Тамазин. Если бы только еще вы могли разговаривать об этом открыто и доброжелательно!

Барак посмотрел на меня долгим взглядом.

— Для одинокого сыча вы обладаете удивительно обширными познаниями в области семейной жизни.

— Чужую беду просто разглядеть со стороны. Ошибку противоположного рода я допустил с Дороти. Я сказал ей слишком много и слишком скоро.

— А я-то думаю, что там у вас происходит.

— Ничего не происходит. И если ты кому-то заикнешься об этом хоть словом, то вылетишь из Линкольнс-Инн быстрее ошпаренной вороны, — шутливо пригрозил я, желая снять напряжение.

Барак понимающе улыбнулся и кивнул.

— Кстати, о воронах, — заговорил он. — Не кажется ли вам, что в лице Билкнэпа у вас появился конкурент? Может, он вовсе и не болен, а просто пытается вызвать по отношению к себе женскую жалость?

— Билкнэп заинтересуется женщиной лишь в том случае, если она сделана из чистого золота и ее можно взвесить и распилить на кусочки.

Мы посмеялись.

Барак, снова став серьезным, спросил:

— Вы сумеете наладить отношения со старым мавром?

— Не знаю, но буду стараться. Точно так же, как ты с Тамазин.

— Я должен возвращаться к ней, — со вздохом сказал он и встал, а потом добавил: — Спасибо.

— Джек, помнишь, в Йорке ты рассказывал мне, как разрывался между своей прежней — разгульной и полной приключений — жизнью и желанием остепениться? Ты выбрал последнее и свил гнездышко с Тамазин. Ты сделал свой выбор, перестал быть одиночкой и решил делить жизнь с другим человеком. Ты всегда был смелым и должен найти в себе решимость, чтобы открыться ей.

Барак задержался у двери.

— Тут нужна храбрость совсем иного рода, — невесело усмехнулся он. — Очень немногие имеют два этих вида смелости в необходимой пропорции.

Посланец из дворца Ламбет появился, когда все мы уже улеглись, готовясь ко сну. Я еще не спал и, лежа в кровати, прислушивался к приглушенным голосам, доносившимся из комнаты Барака и Тамазин. Они снова ругались. Перепалка прекратилась, только когда снизу донесся тяжелый стук в дверь.

Нам с Бараксом было приказано незамедлительно явиться к архиепископу Кранмеру.

Мы торопливо оделись, взнуздали лошадей и поехали по темным улицам города к причалу Уайтхолла, где нас ждала длинная лодка, чтобы перевезти нас на другой берег Темзы. Дождь прекратился, и лунный свет посеребрил пустынную водную гладь.

Нас повели к кабинету Кранмера. Когда мы подходили к дверям, с противоположного конца коридора появился незнакомый мне чиновник, сопровождавший Харснета. По виду коронера несложно было понять, что его тоже выдернули из постели.

Архиепископ сидел за своим письменным столом. Лицо его носило следы крайней напряженности и усталости, под глазами набрякли серые мешки. Лорда Хартфорда не было, но зато сэр Томас Сеймур в своем очередном павлиньем наряде стоял у стены, скрестив на груди руки. Весь его вид выражал нетерпение.

Я рассказал им о стычке с лжеторговцем.

— Вы не смогли определить его личность? — спросил Харснет после того, как я закончил.

— Нет, он был умело замаскирован.

— У Годдарда на носу была большая бородавка, — напомнил Кранмер.

— Я ее не увидел, но она могла скрываться под фальшивым носом.

Некоторое время Кранмер пребывал в молчаливой задумчивости, а затем повернулся к сэру Томасу.

— Расскажите им про новости из Хартфордшира, — велел он.

— Я отыскал Кайнсворт без особого труда. Это маленькая деревенька, расположенная всего в миле от Тоттериджа. Глава магистрата знает все про семейство Годдарда. Оно обитало в особняке, стоящем на окраине, и в свое время являлось довольно состоятельным. Но отец Годдарда был беспробудным пьяницей и потерял все, что имел. К тому моменту, когда тридцать лет назад отец умер, земли Годдардов уже были распроданы. Сам Годдард и его мать ютились в доме. По-видимому, она была женщиной достойного воспитания и стыдилась того, что с ними произошло. Повзрослев, Годдард отправился в Вестминстерское аббатство, чтобы стать монахом. Старуха, его мать, жила в доме затворницей, пока не умерла три месяца назад, после чего он и унаследовал особняк.

— Как раз в это время Годдард съехал с лондонской квартиры, — протянул я. — Вот, значит, где он находился.

Я сделал глубокий вдох.

— Сейчас он там?

— Судя по всему, он то появляется, то исчезает. Вчера его видели едущим по дороге в Лондон. Мы ждали его возвращения целый день, но только после полуночи из трубы дома показался дым.

— Значит, он там, — подытожил Кранмер.

— Учитывая расклад времени, он вполне мог быть тем самым «торговцем», — предположил я. — Мы схлестнулись с ним, когда уже вечерело.

— Да.

— Так давайте же схватим его! — Голос сэра Томаса звенел от возбуждения.

— Не торопитесь, — унял его пыл архиепископ Кранмер. — Что еще говорят о нем соседи?

— Говорят, что он недружелюбен и не желает иметь никаких дел с местными жителями. В деревню он не ходит, а припасы ему отправляют на

дом. Кстати, дом, глядишь, вот-вот рухнет.

— Значит, деньги у него все же есть? — спросил Харснет.

— Кое-какие водятся.

Я невольно подумал о бедняках, приходивших к Годдарду, чтобы продать свои зубы.

— Вы видели дом? — осведомился Кранмер.

— Я рассмотрел его из укрытия. Это было просто, поскольку он окружен деревьями. Настоящий особняк, который когда-то, несомненно, выглядел весьма солидно, но со временем одряхлел и пришел в упадок. Все ставни закрыты. Дом окружает запущенный разросшийся сад, а дальше начинаются леса. А вот еще одна любопытная деталь.

Сеймур помолчал, собираясь с мыслями.

— После смерти матери Годдард разогнал нескольких ее старых приживалок. В деревне это вызвало волну возмущения.

— Итак, в настоящее время он находится в особняке совершенно один? — уточнил я.

— Да. Я оставил у дома своего человека для скрытного наблюдения, а сам со слугой поспешил сюда.

— Этот глава магистрата... — заговорил Харснет. — Ему можно доверять?

— Думаю, да. Он производит впечатление здравомыслящего человека.

— Вы не сообщили ему о том, что сюда вовлечен я? — резко спросил Кранмер.

— Нет, милорд. Я сказал лишь, что это государственное дело величайшей секретности.

Кранмер удовлетворенно кивнул, после чего обернулся к Харснету.

— Сэр Томас предлагает сейчас же послать туда вооруженный отряд и взять дом штурмом.

— Так давайте сделаем это. — Харснет горько усмехнулся. — Неудивительно, что мои поиски в Лондоне и соседних графствах ничего не дали. Стоило мне раскинуть сети чуть дальше, и...

— Не казните себя, вы сделали все, что могли, — утешил коронера Кранмер.

Он повернулся к сэру Томасу.

— Сколько людей вы можете предоставить?

— Дюжину, милорд, — уверенно ответил тот.

Я видел, что ему льстит находиться в центре внимания.

— Под командованием моего слуги Рассела. Молодые, сильные, спортивные мужчины. Я люблю, чтобы меня окружали такие, — с

самодовольной улыбкой добавил Сеймур.

— Что вы намереваетесь сообщить им?

— Лишь то, что королевский двор охотится на опасного преступника и они должны нам помочь поймать его.

Кранмер обвел взглядом присутствующих.

— Думаю, именно так нам и следует поступить, — сказал он. — Положите этому конец сегодня же.

— После той записки, — заговорил я, — именно этого он от нас и ожидает. Все это как-то связано с убийством седьмой жертвы.

— Я знаю, — тихо ответил Кранмер. — Но что нам остается, кроме как ворваться в его логово с оружием в руках?

Мне нечего было сказать.

— Мэтью, я хочу, чтобы вы отправились с отрядом сэра Томаса, — продолжал архиепископ. — Все говорит о том, что в представлении убийцы вы как-то связаны с его, гм, миссией. После нападения на вас лжеторговца это стало еще более очевидным.

Он посмотрел на меня колючим взглядом, вероятно ожидая возражений, но я лишь покорно ответил:

— Да, ваша милость.

Архиепископ обратился к Сеймуру:

— Отнесите к этому серьезно, Томас. Это не охота на оленя и не спортивные состязания. Если что-то пойдет не так и король узнает, чем мы занимались за его спиной, туго придется не только мне. Смирите на время свою страсть к приключениям. И запомните: если Годдард будет пойман, он ни в коем случае не должен предстать перед судом. Дело будет закрыто — тайно и без шума.

Сэр Томас вспыхнул, но кивнул.

— Я понимаю, насколько все это важно, милорд, — надменно ответил он.

— Вот и хорошо. И спасибо вам за помощь, которую вы оказывали нам вплоть до сегодняшнего дня. А теперь поведайте, что происходит в Чартерхаусе?

— Мои люди вытащили тело Локли, но сливные ворота все равно не открываются. Их что-то держит. Мой брат собирается отправить туда инженера, чтобы тот выяснил, в чем проблема.

— А я допросил нищих, — стал рассказывать Харснет. — По их словам, пару недель назад в заброшенной часовне, где они нашли приют, появился какой-то незнакомец. Он вынюхивал все, что только можно, относительно Чартерхауса и таверны, но сам туда не заходил. Это был, —

коронер бросил на меня многозначительный взгляд, — старик с грязным лицом, густыми седыми волосами и бородой. Остальным нищим он не понравился. Я думаю, они почувствовали, что он не тот, кем пытается казаться.

Сеймур рассмеялся.

— Нет, этот человек — истинный гений! Королю следовало бы принять его на службу в качестве шпиона.

— Его хитрость идет от дьявола, — буркнул Харснет.

— Разве это когда-нибудь имело значение?

Кранмер перевел взгляд на Барака, который молча стоял у двери.

— Я хочу, чтобы вы помогли сэру Томасу организовать его людей в вооруженный отряд, — сказал архиепископ. — Вы служили лорду Кромвелю и поэтому имеете опыт в делах подобного рода.

— Да, милорд, — поклонился Барак.

Вероятнее всего, архиепископ хотел, чтобы Барак проконтролировал действия сэра Томаса: чтобы тот организовал все наилучшим образом, не говоря при этом ничего лишнего. Судя по тяжелому взгляду, которым сэр Томас наградил Барака, аристократ подумал о том же.

Архиепископ встал из-за стола.

— Я буду молиться о том, чтобы вам удалось положить конец этому кошмару, — сказал он.

В прощальном взгляде, который бросил на меня Кранмер, я увидел нескрываемое сочувствие. Что ж, подумалось мне, я сам встал на эту тропу в то утро, когда нашел бедного Роджера.

Идя по коридору, мы с Харснетом шагали нога в ногу.

— Неужели скоро все это закончится, Мэтью? — тихо спросил он.

— Не знаю.

— Мне понятна ваша осторожность. У меня у самого такое чувство, будто мы суем голову в зубы дьявола.

— С нами будет много людей.

— Я не доверяю Сеймуру. Он авантюрист.

— Да, авантюрист, но в этом деле он доказал, что умеет быть полезным. Сказывается его военный опыт.

— Возможно.

Некоторое время Харснет молчал, а потом сказал:

— Сегодня днем я видел, как леди Кэтрин Парр въезжает в свой дом на Чартерхаус-сквер в окружении челяди и приживалок. Ей принадлежат обширные владения на севере, но она предпочитает оставаться здесь. Может быть, из-за того, что она все еще обдумывает предложение короля?

— Без разрешения короля ее отсюда все равно не отпустили бы. Она здесь словно в западне.

— Она обязана выйти замуж за короля, — с неожиданной страстностью проговорил Харснет. — Хотя бы ради того, чтобы выжила реформа. А мы обязаны остановить Годдарда. Любыми средствами.

На причале нас ждал сэр Томас, на воде покачивалась лодка с тремя гребцами, ее корму освещали факелы.

— Я сейчас отправляюсь домой, чтобы забрать людей и коней.

Он стоял, уперев руки в бока, словно актер, и своей позой напомнил мне короля. Я пожал плечами.

Глава 40

Чуть меньше чем через час я взобрался в седло Бытия, стоявшего рядом с домом. Конь фыркал, нервничая оттого, что его выгнали из стойла в столь неурочный час. В больших лужах, испещривших безлюдную Канцлер-лейн, отражался лунный свет. Я устал, и моя раненая рука вновь принялась ныть.

Сэр Томас Сеймур отправился в свой дом на Стрэнде завершить последние приготовления к путешествию в Хартфордшир. Поскольку Канцлер-лейн была по пути, он разрешил мне заехать домой, чтобы оставить записку Тамазин и Джоан с сообщением о том, что мы вернемся только днем. Я спросил Барака, не хочет ли и он написать Тамазин хотя бы несколько строк, но он только отрицательно качнул головой.

Со стороны Стрэнда послышалось звяканье шпор и конской сбруи, и ко мне подъехала группа вооруженных мужчин. Луна набросила на них светлую призрачную вуаль. Их было около дюжины; все в строгих темных одеждах, молодые и крепкие. Некоторые с трудом сдерживали нетерпение. Предводителем, по всей видимости, являлся высокий мужчина тридцати с небольшим лет; рядом с ним ехали Харснет и Барак. Сэра Томаса среди них не было.

— Готовы? — спросил Харснет.

— Да.

Он кивком указал на высокого мужчину.

— Это Эдгар Рассел, управляющий сэра Томаса.

Я кивнул Расселу, и тот ответил мне таким же коротким кивком. Сразу становилось понятно, что это серьезный, основательный человек.

Барак взглянул на темные окна дома.

— Все спят? — спросил он.

— Да. Я оставил записку, в которой написал, что ты очень сожалеешь, что не сможешь увидеть Тамазин раньше завтрашнего дня.

— Благодарю.

— Где сэр Томас?

Барак улыбнулся.

— Отправился к настоятелю Бенсону. Хочет вытащить его из постели и взять с нами в Хартфордшир. Он присоединится к нам уже на месте.

— Для чего это ему понадобилось?

— Если мы найдем Годдарда, Бенсон должен будет опознать его.

Сьюки, лошадь Барака, ударила копытом о землю. Барак посмотрел на меня взглядом, в котором читалось сдерживаемое возбуждение.

— Вы готовы?

— Да.

— Ну ладно, девочка, — сказал Барак своей лошадке и повернулся к слуге: — Тогда поехали. Возьмем этого недоноска за мягкое место.

— Сквернословить вовсе не обязательно, — с упреком сказал ему Харснет.

— «Недоносок» — не сквернословие. Сквернословить — значит упоминать имя Божье всуе.

Несколько мужчин рассмеялись. Рассел повернулся в седле.

— Тише там! — шикнул он, и шум моментально смолк.

Было приятно видеть, что Рассел полностью контролирует свою команду.

— Если мы хотим оказаться на месте до рассвета, нужно выдвигаться прямо сейчас, — сказал он, обращаясь ко мне.

Я согласно кивнул.

Мы проехали по Канцлер-лейн. В безмолвной ночи стук лошадиных копыт и звон сбруй звучал неестественно громко.

— Что будет, когда мы доберемся до Кайнсворта? — спросил я у Харснета.

— Прямо на границе деревни стоит гостиница. Мы используем ее в качестве перевалочной базы. Хозяин гостиницы — божий человек и друг главы магистрата мастера Гудриджа. Перед рассветом мы отправим людей в леса, что окружают особняк Годдарда, а с первыми лучами солнца ворвемся в дом и схватим его.

Он наклонился поближе ко мне.

— Управляющий Рассел — хороший человек. Все эти люди подчиняются ему безоговорочно. Он был в Венгрии с сэром Томасом и поэтому знает ратное дело. Именно он потребовал у всех одеться в темное, дабы не привлекать к себе внимания.

Мы проехали по спящим улицам и оказались за городом. Стояла тишина, которую лишь изредка нарушали потревоженные нами птицы. На лугах маячили расплывчатые фигуры пасущихся животных. Езда была монотонной, и один раз, задремав, я едва не свалился с седла. Было еще темно, когда Рассел поднял руку, призывая всех остановиться. Мы добрались до маленькой провинциальной гостиницы, стоящей чуть поодаль от дороги. Ее окна были освещены. Мы бесшумно спешили.

— Глава магистрата Гудридж ждет нас в гостинице, — сообщил

Рассел. — Коронер, мастер Шардлейк, заходите внутрь, за вашими лошадьми присмотрят. Вы тоже, Барак, — с улыбкой добавил он. — Нам необходимо как можно больше мозгов, умеющих мыслить практично.

Войдя, мы оказались в большой комнате с низким потолком. Она была уставлена столами и по вечерам, без сомнения, выполняла функции таверны. Это заставило меня вспомнить Локли и бедную миссис Бьюнс. В жаровне, установленной, как в старые времена, в центре зала, полыхал огонь. После долгого пути, за время которого все успели озябнуть, он буквально притягивал к себе.

За одним из столов сидел мужчина лет шестидесяти, перед ним лежала нарисованная от руки карта. При нашем появлении он поднялся, чтобы поприветствовать нас. У него была смуглая кожа и грустные пронизательные глаза.

«Опытный и знающий городской чиновник», — подумалось мне.

Мужчина назвался Уильямом Гудриджем.

— Каков будет наш план? — осведомился Харснет.

Усадив нас за стол, Гудридж указал на свою карту.

— Вот дом. Он расположен в миле от деревни, стоит на открытой лужайке. Трава на ней некошенная, высокая. Кроме того, дом окружен лесами.

— Идеальный вариант, чтобы расставить дозорных, — с удовлетворением сказал Рассел.

— Дом выглядит довольно большим, — заметил я. — Сколько в нем комнат?

— Если мне не изменяет память, около дюжины. Старый Невилл Годдард был гостеприимным человеком. Я помню, как еще молодым бывал там на разных празднествах и торжествах. Но он не умел побороть свою тягу к выпивке, да и с женой ему несладко приходилось. Она была сварливой женщиной.

— А молодого Годдарда вы помните? — спросил я у главы магистрата. Тот кивнул.

— Вечно угрюмый и мрачный молодой человек. Несмотря на явный ум, в нем всегда было что-то... не то. Для человека, отец которого пропил все свое состояние, он был чересчур заносчив. Я не удивился, когда после смерти Невилла Годдарда он подался в монахи, вместо того чтобы остаться со своей мамашей-мегерой. К тому времени все их угоды отошли кредиторам. Когда старуха умерла и Ланселот Годдард вновь появился, мы надеялись, что, возможно, он приведет в порядок дом, который его мать довела почти до полной разрухи. Но он то появляется, то исчезает и ни с

кем не говорит.

— В котором часу он появился вчера?

— Не могу сказать с уверенностью, но когда вечером мы с мастером Расселом отправились, чтобы посмотреть на дом издалека, из трубы уже шел дым.

— Он никогда не приходит в деревню? Не посещает церковные службы?

— Нет. Мы здесь почти все реформаторы, и, возможно, наши церемонии кажутся ему недостаточно папистскими. Про него тут, как вы сами можете догадаться, ходит множество слухов, но в целом он действует людям на нервы.

— У человека, на которого мы охотимся, имеются собственные представления о религии, — мрачно заметил я.

— Вы уверены, что он находится в доме? — спросил Харснет.

— О да. Человек, которого я оставил наблюдать за домом, полчаса назад прислал донесение, в котором сообщает, что в доме светится окно.

Рассел поднялся.

— Я слышу лошадей, — сказал он. — Кто-то подъехал.

Двери распахнулись, и в зал ввалился сэр Томас в сопровождении еще четырех вооруженных слуг. Они буквально конвоировали настоятеля Бенсона. Кутаясь от холода в толстую шубу, тот имел жалкий и испуганный вид. Как и люди Рассела, слуги сэра Томаса были облачены во все темное, но сам аристократ красовался в шапке с красным пером, дублете, вышитом жемчугом, и шелковых перчатках.

— Привет честной компании, — улыбнулся он. — Ну вот мы и в сборе. Настоятеля пришлось уговаривать, но в итоге он согласился поехать с нами.

Сэр Томас отвесил шутовской поклон Бенсону.

— Возможно, мы сумеем предложить вам небольшую потеху.

Настоятель, не ответив, окатил его злым взглядом. Сэр Томас рассмеялся. Он подошел к карте и принялся изучать ее с профессиональным интересом. Рассел пояснил ему детали расположения дома Годдарда. Немного подумав, сэр Томас сказал:

— Мы отправимся туда, как только рассветет. Теперь у нас шестнадцать человек, нешуточная сила.

Он обвел комнату взглядом.

— Ну что, ребята, вы готовы подпалить это осиное гнездо?

— Да, сэр Томас! — ответил ему дружный хор голосов.

Мы с Харснетом переглянулись. Эти люди не представляли, с чем они

могут столкнуться.

Глава магистрата позвал хозяина гостиницы и попросил его приготовить завтрак для присутствующих. Нашелся только хлеб с сыром, но после долгого пути и они показались нам королевским угощением. Пока мы завтракали, появился человек с сообщением о том что из трубы дома Годдарда до сих пор идет дым.

— И так — всю ночь? — спросил я.

— Да, сэр.

— Странно, — проговорил Рассел.

— Он ждет нас, — тихо сказал я.

После того как мы перекусили, не оставалось ничего другого, кроме как дожидаться рассвета. Все молчали. Настоятель Бенсон сидел в сторонке от всех и делал вид, что читает. Книга тряслась в его пухлых руках. Некоторые из людей сэра Томаса и примкнувший к ним Барак, желая перехватить хоть капельку сна, закрыли глаза и тихонько посапывали. Я же устроился у открытого ставня и смотрел наружу. Свет за окном начинал меняться, небо из чернильно-черного сделалось темно-серым. Начали просыпаться птицы, и вскоре чириканье нескольких пернатых перешло в неумолкающий щебет, раздававшийся отовсюду.

Рассел вопросительно посмотрел на сэра Томаса. Тот кивнул и встал. Те из мужчин, которые не спали, принялись тормошить своих задремавших товарищей. В комнате нарастало напряжение.

— Пора братья за дело, — провозгласил сэр Томас. — Подойдите сюда все и внимательно рассмотрите эту схему.

Когда все собрались вокруг стола, сэр Томас, указывая на план рукой в шелковой перчатке, заговорил:

— Восемь человек я расставлю вокруг дома, в лесных зарослях. Остальные вместе со мной входят в дом. В том числе и вы, Барак.

Он повернул голову к тому месту, где стоял я, и словно впервые заметил меня.

— Что до вас, мастер горбун, то я хочу, чтобы вы тоже вошли с нами в дом. Убийца выказал неподдельный интерес к вашей персоне.

— Очень хорошо, — ответил я.

Мое сердце прыгало, как загнанный кролик.

— Коронер Харснет, вы тоже отправитесь с нами, но я не хочу, чтобы вы входили в дом. Гудридж, вы поведете нас туда: вы знаете дорогу. Вы же, настоятель Бенсон, можете пока протирать этот стул своей круглой толстенькой задницей.

Настоятель с облегчением вздохнул.

Когда мы выходили из гостиницы, я слышал, как управляющий предложил своему хозяину скрыть нарядный костюм под плащом. Тот со вздохом уступил и набросил на плечи плащ, принесенный хозяином гостиницы. Я заметил, с каким отвращением сэра Томас смотрел на грубую ткань, и подумал, что многих высокопоставленных господ спасает от собственной глупости ум и сообразительность их слуг. Во дворе стояло несколько ушатов, наполненных грязью, и Рассел велел нам натереть ею лица, чтобы не быть замеченными во время наблюдения за домом. Сеймур, увидев, что я наблюдаю за ним, скорчил недовольную мину, а я в очередной раз подивился: чем же я ему так не нравлюсь? Быть может, просто мой вид оскорблял его представления о том, каким должен быть и как обязан выглядеть мужчина?

Мы ехали по узким деревенским тропам. Над полями поднималось солнце, высвечивая деревья, только что одевшиеся в прозрачный наряд из новых молодых листочков. Навстречу нам попала женщина с двумя ведрами, соединенными ремнем и переброшенными через плечо. Она шла на дойку в луга, где паслись тучные коровы, собственно говоря и давшие название этому местечку. Из труб нескольких бедных домов, ютившихся вдоль дороги, шел дым, но никто из их обитателей еще не вышел, чтобы пахать или сеять. Женщина с изумлением во взгляде проводила глазами отряд вооруженных людей.

— Очень скоро по городу поползут слухи, — заметил Барак.

Вскоре мы добрались до лесистой полосы, тянувшейся вдоль дороги. Дом стоял в самом центре опушки, и, прежде чем углубиться в лес, мы увидели его из-за деревьев. Из высокой каменной трубы вился дымок. Рассел шепотом приказал своим людям двигаться по лесу, производя как можно меньше шума.

Мы медленно крались вперед, к границе леса, и вскоре оказались перед прогалиной, заросшей высокой некошеной травой. Посередине нее находился дом. Все окна были закрыты, и, если бы не печной дым, это жилище выглядело бы совсем заброшенным. Стены заросли плющом и зелеными пятнами лишайника.

Рассел, командуя с помощью жестов и шепота, назначил своим людям позиции за деревьями. Вокруг нас громко щебетали птицы. Четкость действий управляющего и изрядное число наших бойцов вселили в меня надежду, что, возможно, хоть теперь удача будет на нашей стороне.

— Интересно, чем там занят Годдард? — прошептал Харснет,

склонившись к моему уху.

— Чем бы он там ни занимался, на этот раз мы точно загнали его в угол, — откликнулся Барак.

— Это мы скоро узнаем, — мрачно изрек Харснет.

— Если мы поймаем Годдарда, то он должен быть убит? — спросил я. — Не это ли имел в виду Кранмер, когда говорил, что дело должно быть закрыто сегодня же, тихо и тайно?

— А вы придерживаетесь иной точки зрения?

— Это выходит за рамки моих убеждений.

— Мне это тоже не по душе, ведь я также законник. — Коронер посмотрел на меня. — Но разве мы можем привлечь его к суду, сделав таким образом достоянием гласности тот факт, что архиепископ и Сеймуры в частном порядке охотились на человека? Кроме того, он нечистое создание, а таких должно бесшумно уничтожать вдали от света.

Я посмотрел туда, где, погруженные в негромкий разговор, стояли сэры Томас, Рассел и глава магистрата Гудридж.

— Мы все здесь пешки в политической игре, мастер Харснет, — проговорил я под влиянием целой волны разных чувств, нахлынувших вдруг на меня.

— Но кто переставляет эти фигуры? Кто-то может думать, что король, но я считаю, это Всевышний распоряжается своими слугами в соответствии со своим великим промыслом.

— Эта шахматная стратегия Бога очень дорого обходится многим людям, Грегори.

Глава 41

К нам неслышно подошел Рассел, и мы разом повернулись.

— Мы готовы начать, — сказал он. — В дом войдут сэр Томас, я, Барак, мастер Шардлейк и еще шестеро других. Всего десять человек. Мы подбежим к дому, ворвемся внутрь и тут же разделимся на группы. Две группы по два человека обыщут верхний этаж, две другие — нижний. Остальные люди останутся в лесу, готовые схватить преступника, если тому удастся выбраться из дома.

Рассел огляделся. Появился сэр Томас.

— Первым пойду я, — сказал он и, набрав полную грудь воздуха, вышел из-за деревьев и двинулся по направлению к дому, ступая осторожно и беззвучно.

Мы молча последовали за ним. Сэр Томас достиг лужайки и ступил в высокую густую траву. И тут мы все буквально подскочили от неожиданности, когда из-под его ног в разные стороны стали разлетаться призрачные, похожие на фантомы, белые силуэты, издавая резкие звуки, словно целый отряд воинов потянул из ножен свои клинки.

Сэр Томас издал крик, и тут же за его спиной послышались звуки вразправдашнего оружия, вытаскиваемого из ножен.

Первым пришел в себя Барак. Он рассмеялся.

— Да это же гуси! Стая обычных гусей.

Действительно, два десятка разозленных птиц, возмущенно гогоча, вылетали из травы.

Сэр Томас застыл на месте, всматриваясь в дом. Ничего не изменилось, только обычно напыщенный царедворец выглядел испуганным и беззащитным.

— Это опасно, — сказал я Бараку. — Гусей выпустили здесь на выпас, чтобы они предупредили о появлении незваных гостей. Обычный прием для деревенских жителей. Теперь он знает, что мы здесь.

Я посмотрел на темные, закрытые ставнями окна.

— Мы утратили преимущество внезапности.

Рассел вышел из-за деревьев, присоединился к своему хозяину и призывно помахал нам рукой. Путаясь в траве, мы двинулись по направлению к центральному входу. Доски крыльца прогнили, но сама дверь выглядела довольно прочной.

— Высади ее! — отрывисто приказал сэр Томас молодому здоровяку.

Тот отступил на шаг и занес ногу в тяжелом башмаке, но, прежде чем он успел ударить, Барак скользнул вперед и слегка дернул за ручку. Дверь легко открылась, даже не скрипнув на тщательно смазанных петлях.

— Он намеренно облегчает нам путь, — сказал Барак.

Мы сгрудились у дверного прохода, заглядывая внутрь. Поскольку ставни на окнах были закрыты, а на улице только начинало светать, разглядеть можно было не много. Я сумел увидеть лишь голые доски пола, выстланные давно высохшим тростником, да тяжелую пыльную мебель. Сэр Томас раздвинул нас плечом и вошел внутрь, а я подумал, что смелости ему все же не занимать. Остальные, настороженно стреляя глазами во все стороны, последовали за ним.

Мы оказались в просторном вестибюле, в дальнем конце которого стояла большая деревянная ширма. По обе стороны две лестницы вели на галерею второго этажа. Позади каждой из лестниц начинался коридор с помещениями в глубине дома.

Сэр Томас подошел к ширме и отшвырнул ее ударом клинка. Она с грохотом упала на пол, подняв облако пыли. За ней не оказалось ничего, кроме старого выцветшего гобелена. Грохот от падения разнесся по всему дому, но, когда он отзвучал, вновь воцарилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь чиханьем людей, в нос которых попала пыль.

Рассел заговорил, раздавая приказы:

— Вы двое — вверх по этой лестнице, вы — по другой. Мы с Брауном осмотрим правый коридор.

— А я и мастер Шардлейк займемся левым, — вставил Барак.

— Очень хорошо. Мастер Харснет, сэр Томас, оставайтесь здесь и будьте начеку на тот случай, если крыса выскочит сюда.

Харснет угрюмо кивнул, а сэр Томас улыбнулся и положил руку на эфес шпаги.

— Мне будет чем ее встретить.

Я понял: он собирался убить его. Годдарду не суждено было выбраться из этого дома живым.

Мужчины с клинками наголо разошлись в тех направлениях, которые указал им Рассел, и по ступеням лестниц загрохотали тяжелые шаги, я же последовал за Бараксом по направлению к правому коридору.

— Я заметил там свет, — прошептал мне на ухо Барак. — Сейчас я его прищучу.

Он крепче сжал шпагу здоровой рукой.

Барак оказался прав. Идя по пыльному проходу мимо закрытых ставнями окон, я заметил в дальнем конце коридора приоткрытую дверь, из

которой лился мерцающий красный цвет. Должно быть, там горел очаг. Мою догадку подтвердили волны тепла, исходявшие оттуда. Затем послышался звук бьющегося стекла и раздался новый звук — низкое ровное шипение, словно кто-то потревожил очень большую змею.

— Что, во имя Господа, это такое? — прошептал я, глядя на Барака округлившимися глазами. — Что происходит?

— Не знаю.

Барак, чуть помешкав, решительно двинулся вперед, держа шпагу перед собой. Дойдя до двери, он остановился и стал прислушиваться. Шипение здесь слышалось громче. Бросив на меня взгляд, он толкнул дверь, и нашим глазам предстала картина, достойная ада.

Эта комната, должно быть, являлась хозяйской спальней. В большом камине ярко пылал огонь, делая атмосферу душной, а прямо перед нами стоял единственный предмет обстановки — кресло с высокой спинкой. На таком мог бы восседать какой-нибудь чиновник высокого ранга. Однако сейчас в нем сидел мужчина в черной сутане бенедиктинского монаха, с капюшоном, наброшенным на голову. Высокие скулы, красная ссадина вдоль щеки, большая бородавка на носу... На нас смотрел сам Годдард, а в его глазах плясали отсветы огня из камина.

Его губы сложились в ужасную триумфальную улыбку. Одна рука Годдарда лежала на ручке кресла, вторая свободно свесилась, а на полу под ней лежали осколки разбитой лампы. Так вот что разбилось, когда мы шли по коридору. Свеча из нее все еще горела, упав на кучку чего-то серого, напоминавшего золу. От этой кучки тянулась такая же серая дорожка, по которой с громким шипением бежал огонь. Пороховая дорожка тянулась к двум большим бочкам, стоявшим у закрытого окна. Нетрудно было догадаться, что они тоже наполнены порохом. Бочки находились в дальнем конце комнаты, и нам было ни за что не успеть добежать туда, чтобы затоптать огонь. Я заметил, что ставни на дальнем окне закрыты не до конца.

Впервые моя реакция оказалась быстрее, чем у Барака, который словно замороженный следил за бегущим по пороховой дорожке огнем. Я схватил его за руку, развернул к себе лицом и закричал:

— Беги!

Мы вылетели из комнаты и, пробежав по коридору, влетели в вестибюль. Сэр Томас, Харснет и Рассел смотрели на нас непонимающими глазами.

— Выводите всех на улицу! — проорал я. — Там порох! Сейчас весь дом взорвется!

Здание наполнилось топотом ног. Те, кто находился в вестибюле, уже бежали к выходу. Мы с Бараком огромными скачками последовали за ними.

И тут что-то горячее ударило меня в спину и сбilo с ног, швырнув, словно тряпичную куклу. Все вокруг завертелось, и мир лишился звуков.

Последнее, что я подумал перед тем, как потерять сознание, было: «Он все-таки устроил землетрясение!»

Глава 42

Придя в себя, я решил, что умер и отправлен в ад за свое неверие. Все вокруг было окутано дымом, в глубине которого что-то горело. Потом я увидел какие-то круглые огни, перемещавшиеся в дыму. Один из них приблизился ко мне, и я на секунду зажмурился, ожидая увидеть демона. Однако вместо служителя преисподней надо мной склонилось лицо Харснета, потрясенное и перепачканное копотью. Он опустился на колени. Я понял, что лежу на боку в высокой сырой траве, а моя спина обнажена. Об этом говорили прикосновения к коже холодного ветра.

— Не шевелитесь, мастер Шардлейк, — участливым тоном проговорил Харснет. — У вас обожжена спина. Не очень сильно, но деревенский лекарь наложил на нее лечебную мазь.

Теперь я ощутил и боль в спине. В ушах все еще гремели отдаленные взрывы, а вот слова коронера звучали приглушенно, как сквозь подушку.

Я сел и потряс головой. Меня до половины прикрывала простыня, и я закутался в нее плотнее, чтобы закрыть голую спину. Это движение заставило меня сморщиться от боли.

— Я же говорил: именно это он и сделает в первую очередь, когда очнется, — произнес голос сзади.

Я повернулся и увидел Барака. Ниже пояса он тоже был закутан в простыню. Другие мужчины в разных позах лежали по всей лужайке. На дальнем ее конце полыхал дом Годдарда. Через рухнувшую кровлю и оконные проемы рвались языки пламени и валил густой дым.

— У него был порох, — торопливо заговорил я, схватив коронера за руку. — Он был там. Он подпалил бочки...

— Да, я знаю, — мягко сказал Харснет. — Но все позади. Задняя часть дома обвалилась, остальное быстро догорает. Предупредив нас об опасности, вы спасли нам жизнь, сэр.

— Все успели выбраться?

— Да, но несколько человек получили ранения. Одного из людей сэра Томаса подбросило в воздух, после чего он упал на голову. Вероятно, он умрет. Уже послали за врачом из Барнета. Вы напугали нас, сэр. Вы находились без сознания больше часа.

— Ты не ранен? — спросил я Барака.

— Получил несколько ожогов, как и вы, и, кажется, сломал пару ребер.

— Почему на тебе простыня?

— Взрывом мне спалило чулки, а вам — верхнюю одежду и дублет.

Барак говорил легко, но в его глазах я видел страх — точно такой же, какой он, наверное, видел в моих.

— Все кончено, — умиротворяющим тоном произнес Харснет. — Он излил седьмую чашу и сделал землетрясение. А заодно убил самого себя, вероятно полагая, что отправится напрямиком в рай.

Губы коронера сложились в жесткую линию.

— Но сейчас он наверняка находится в аду!

Поколебавшись, Харснет добавил:

— Мы думаем седьмой жертвой предстояло стать вам.

— Откуда ему было знать, что я тоже приеду сюда?

— Он знал, что в расследовании вы являетесь ключевой фигурой.

Харснет прикоснулся к левому плечу, сморщился и зашипел от боли. Он тоже был ранен.

— Да вы сами говорили, что он наверняка ожидал появления здесь большой группы вооруженных людей. Он предположил, что в их числе, несомненно, будете и вы. Заряд, видимо, был заложен довольно давно, и порох успел немного отсыреть, иначе погибли бы все, кто находился в той части дома. Впрочем, ему было безразлично, сколько человек погибнет, — с горечью произнес Харснет. — А вот и доктор.

Я увидел, как сэр Томас, Рассел и человек в робе врача переходят от одного раненого к другому.

— Местным жителям скажут, что Годдард был алхимиком, преследовался законом за проведение запрещенных опытов и взорвал дом по неосторожности. Чуть не половина деревни собралась здесь. Люди сэра Томаса удерживают любопытных на границе леса, не позволяя им пройти дальше.

— Зачем Годдарду понадобилось убивать себя? — спросил я. — Только для того, чтобы концовка поставленной им драмы оказалась более эффектной? Если он считал, что по окончании всего должен произойти Армагеддон, то непременно захотел бы посмотреть на это.

— Кто знает, что творилось в его голове? Я все же продолжаю думать, что он был одержим, мастер Шардлейк, и дьявол заполучил его душу.

Голос Харснета звучал глухо, и мне оставалось только надеяться на то, что со временем мой слух полностью восстановится. Испытывая невероятную усталость, я лег, облокотившись на локоть.

— Хотите, я принесу вам воды? — спросил он.

— Сделайте одолжение.

Коронер ушел, а я лежал в траве, морщась от боли, которой была

охвачена вся спина. Сев, я плотнее завернулся в простыню и посмотрел на пылающий дом. Послышался треск, и в воздух взлетел огромный сноп искр. Это провалилась остававшаяся часть крыши. Я повернулся к Бараку и сказал:

— Ничего еще не закончилось.

— Но мы видели его. Это был Годдард — с бородавкой на носу и ссадиной на щеке, которую он получил, когда Орт сорвал с него фальшивую бороду. Он расставил нам ловушку, гуси предупредили его о нашем приближении, а потом он поджег заряд, так, чтобы, войдя в дом, мы скоренько отправились в царствие небесное.

— Но из этого ничего не вышло. Мы все успели спастись.

— Пока!

На секунду у меня закружилась голова, и я провел ладонью по лицу.

— Ты обратил внимание на окно, под которым стояли бочки с порохом? Ставни на нем были слегка приоткрыты. Там мог быть некто, кто поджег заряд и выскочил в окно. Заряд был рассчитан таким образом, чтобы у обнаружившего его осталось время выскочить из дома и засвидетельствовать, что убийца погиб.

— Но ведь мы сами видели, как он сидит и ухмыляется, глядя на нас. Успокойтесь, пожалуйста.

— Что, если убийцей был все же не Годдард? Что, если семь чаш — всего лишь первая ступень какого-то более грандиозного плана, для осуществления которого ему удобнее, если его будут считать мертвым?

Я встал и пошатнулся.

— Ложитесь. Вы были без сознания больше часа.

Но я лишь плотнее завернулся в простыню и позвал сэра Томаса и его спутников. Мне показалось, что собственный голос звучит откуда-то из-под воды.

— Если вы сейчас скажете сэру Томасу, что после всего этого убийца снова ушел от нас, он будет вне себя. Он и без того находится не в лучшем расположении духа.

Однако я не внял доводам своего помощника. Наконец подошли сэр Томас, Рассел и врач. У Сеймура был подавленный вид.

— Что ж, Шардлейк, — проговорил он, — вот и эффектная концовка нашей охоты. Вам удалось уцелеть, а вот один из моих людей обречен на смерть.

— Мне очень жаль, — ответил я, — но я вовсе не уверен в том, что убийцей был Годдард. Мне кажется, в той комнате мог находиться кто-то еще, кто выбрался через окно.

Я повернулся к Расселу.

— Может, кто-то из ваших людей, остававшихся в лесу, слышал или видел что-нибудь после взрыва?

— У вас повредились мозги! — со злостью выпалил сэр Томас, а доктор, тщедушный старичок с длинной бородой, пронизал меня профессиональным взглядом, словно пытаюсь распознать первые признаки душевного расстройства.

Рассел задумчиво кивнул.

— Да, сразу после взрыва один из моих парней заметил, как что-то движется по лесу. Ему показалось, что это человек. Но вокруг творился хаос, все заволкло дымом, люди были потрясены взрывом, а по лесу метались испуганные животные.

— Наверняка это был олень, — заявил сэр Томас, но по взгляду Рассела я понял, что у него тоже возникли сомнения.

Командный пункт устроили в конюшнях, стоявших позади дома Годдарда. Рассел помог мне дойти туда и послал за человеком, который, по его словам, что-то видел. То был один из молодых слуг сэра Томаса, цепкий и сообразительный парень.

— Я был уверен, что мимо меня метнулся человек, — заверил он. — Это была всего лишь размытая фигура, промелькнувшая между деревьями, но могу поклясться, что передвигалась она на двух ногах, а не на четырех.

Я сидел на большой охапке соломы, Барак стоял рядом. Он посмотрел на говорящего, потом на меня и воскликнул:

— Помоги нам Бог! Если убийца не Годдард, то кто же он?

— Понятия не имею. — Я повернулся к Расселу. — Задняя стена дома не загорелась при пожаре. Почему?

— Она рухнула от взрыва. Все, что осталось от Годдарда, погребено под обломками.

— Я хочу, чтобы руины разобрали и привели сюда настоятеля Бенсона, чтобы он опознал останки Годдарда.

— Бенсону это не понравится. Он все еще здесь, но ему сообщили, что Годдард взорвал сам себя.

— Сэр Томас считает, что дело закрыто, — предостерегающим тоном заметил Рассел.

— Возможно, ему следует сказать, что мы хотим убедиться в том, что убийца больше не рыщет на свободе, поскольку, если произойдет новое убийство, это не самым лучшим образом отразится на его репутации.

Я улыбнулся управляющему.

— Я уверен, вы умеете излагать своему хозяину неприятные вещи в дипломатичной форме.

Молодой человек провел рукой по густым волосам соломенного цвета.

— Сделаю, что смогу.

— А я пока попытаюсь убедить Харснета.

Я уже привык к рассудительности Харснета и его способности мыслить логически, но, когда коронер, потирая ушибленное плечо, выслушал мою версию случившегося, он был потрясен.

— Мы не можем пойти на это. Ваши догадки строятся на словах одного слуги, которому показалось, что он кого-то видел. У нас возникнут крупные неприятности с настоятелем Бенсоном, а сэр Томас вообще будет вне себя. Вы ему и так не нравитесь, мастер Шардлейк, а Томас Сеймур — не тот человек, с которым стоит враждовать.

— У меня были враги и посерьезнее.

Харснет сокрушенно покачал головой.

— Все кончено. Годдард завершил эту эпопею так, как хотел. Нам остается только одно: в срочном порядке доложить о случившемся архиепископу.

Я посмотрел на коронера.

— Без сомнения, все желали бы считать дело закрытым. Я сам желаю этого больше всего на свете. Но к сожалению, нельзя тешить себя иллюзиями, веря лишь в то, во что нам хочется верить.

Вероятно, Рассел умел уговаривать лучше, чем я, поскольку через час те из людей сэра Томаса, которые не пострадали при взрыве, уже разгребали руины, оставшиеся от заднего крыла дома. Сам Рассел трудился вместе с ними. Взрыв разворотил стены, выбросив каменную кладку наружу, но большая часть кровли рухнула внутрь. Я наблюдал за тем, как мужчины растаскивают балки, рядом со мной недовольно хмурился сэр Томас. Харснет стоял чуть поодаль, время от времени встряхивая головой, а настоятель Бенсон присел на кучу битого кирпича.

— Где бы ни оказался этот старый балбес, он везде найдет место, куда примостить свою задницу, — проворчал Барак.

Он стоял рядом со мной, потирая ребра, которые доктор успел туго перебинтовать.

— Да.

К счастью, мой слух постепенно возвращался к норме.

Я окинул взглядом страшную картину. От большого старого дома

осталось несколько внутренних стен, напоминавших дымящиеся скелеты. Рабочие с опаской поглядывали на ближайшую к ним стену, опасаясь, что она может рухнуть. На лужайке еще оставались завернутые в простыни люди, которые глазели на руины дома, едва не похоронившего их. Из Барнета приехала повозка, и под руководством врача и Гудриджа на нее погрузили тяжелораненых.

Крик Рассела заставил меня обернуться. Мы вместе с сэром Томасом и Харснетом, пробравшись через развалины, подошли к нему. Он указывал на что-то у своих ног. То была оторванная человеческая рука с обрывками рукава монашеской рясы. Рука была совершенно неповрежденной и отвратительно белой. Несколькими секундами позже другой участник раскопок приподнял лист шифера и тут же с криком ужаса отпрыгнул в сторону. Приблизившись, мы увидели человеческую голову. Она была засыпана штукатуркой и потому неузнаваема. Сэр Томас, на которого жуткая находка не произвела, по-видимому, никакого впечатления, присел на корточки, достал платок и стал стирать штукатурку с лица оторванной головы.

Это был тот самый человек, который сидел в похожем на трон кресле. Глаза были выбиты взрывом, и на их месте зияли пустые красные глазницы, но я узнал и бородавку на носу, и ссадину на щеке. Как ни странно, голова продолжала улыбаться и сейчас. Преодолевая тошноту, я присмотрелся внимательнее и понял почему. Уголки рта были растянуты в стороны и прибиты сапожными гвоздиками к челюсти. Я поднял глаза на Харснета.

— Этот человек был уже мертв, когда мы вошли в комнату.

Сеймур наклонился и поднял голову за волосы — с такой простотой, будто это был обыкновенный мяч. Я вспомнил рассказанную им отвратительную историю про повозку, полную отрубленных турецких голов. С шеи головы стекло немного крови — как раз к тому месту, где сидел настоятель Бенсон. Настоятель вскочил, его глаза наполнились ужасом.

— Это что...

— Голова, — отрезал сэр Томас. — Но чья?

— Это Ланселот Годдард, — пролепетал Бенсон и упал в обморок.

Ранним утром следующего дня мы с Бараком встретились за завтраком. Обратный путь из Кайнсворта доставил нам обоим немало мучений, поэтому мы рано улеглись и долго спали. Моя спина до сих пор горела, и каждое движение отзывалось болью. Даже не прикасаясь к коже,

я ощущал, как на ней вздуваются волдыри.

— Как твои ребра? — спросил я.

— Ноют, — с гримасой ответил он. — Но они, к счастью, не сломаны, а только треснули.

— Тамазин спустится к завтраку?

— Не знаю. Когда я ушел, она одевалась. — Барак вздохнул. — Иногда мне кажется, что она считает, будто я получаю все эти раны и увечья с единственной целью — позлить ее.

— Вы все еще не помирились?

— Как видите, нет. Когда мы вчера вернулись, я сказал ей, что хочу только одного — спать, но она желала узнать все в подробностях. А я слишком устал, чтобы рассказывать. И был слишком встревожен, потому что вся эта история не закончилась.

Перед тем как уйти с руин дома Годдарда, мы с Харснетом и сэром Томасом провели что-то вроде военного совета. Теперь стало очевидным, что Годдард был не палачом, а жертвой. Мне подумалось, что, возможно, после закрытия Вестминстерского аббатства он тоже примкнул к какой-то группе реформаторов, а потом отошел от нее и стал таким образом кандидатом на роль седьмой жертвы. Убийца по-прежнему находился на свободе, а мы не имели ни малейшего представления о том, кто он и где нанесет очередной удар.

— Кто же этот мерзавец? — спросил Барак. — Откуда ему известно все о религиозных путях тех людей, которых он убивает?

— Нам, по крайней мере, известно, как он узнал про нас. Он постоянно шпионил, прикрываясь личиной уличного торговца. Кстати, ссадина на лице бедняги Годдарда располагалась не с той стороны, где ей было положено быть. Желая убедить нас, что мы видим перед собой убийцу, настоящий душегуб допустил небольшую промашку.

— Да, тут он дал маху, — согласился Барак.

— Но такое случилось с ним впервые.

— Как он добрался до Годдарда? Откуда узнал, где тот живет?

— Бог его знает. Глава магистрата сказал, что Годдарда не видели несколько дней. Готов побиться об заклад, что убийца проник в дом, привязал его к креслу и отправил настоятелю Бенсону ту самую записку. Этот спектакль стал наиболее выдающимся из всех его постановок.

Я сжал кулаки.

— Кто же он? Где он теперь?

— Мы вернулись туда, откуда начинали, — заметил Барак.

— И при этом даже не можем предположить, где он нанесет

следующий удар. Ведь на этом все не закончится.

— Думаете, он продолжит охоту на вас?

— Откуда мне знать! Почему бы ему просто не взорвать весь дом, когда мы будем находиться внутри?

Я вздохнул. Больше всего мне сейчас хотелось посоветоваться с Гаем, но после нашей ссоры от него не было ни слуху ни духу. Я не удивился бы, узнав, что Пирс вернулся, проложив своими змеиными уловками путь к сердцу хозяина.

Я отодвинул тарелку, встал и поморщился от боли, которая обожгла спину.

— Сегодня мне нужно ехать в Бедлам. Шоумс должен был подготовить отчет для суда. Хочу предварительно просмотреть его, а заодно и проведать Адама. А позже — Дороти. Не сомневаюсь, что Билкнэп все еще торчит у нее в доме.

— Вы достаточно хорошо себя чувствуете для всех этих перемещений? — спросил Барак.

— Здесь я просто не усую. Навестив Дороти, я зайду в контору. Нужно сделать кое-какую работу. Я...

Дверь открылась, и в гостиную вошла Тамазин. На ней было простое платье, а распущенные светлые волосы свободно ниспадали на плечи. Она окинула нас сердитым взглядом.

— Вы оба побывали на войне, как я погляжу.

— Где твой чепец? — спросил Барак. — Твои волосы распущены, как у незамужней женщины.

Не удостоив его ответом, Тамазин повернулась ко мне.

— Джек сказал, что вам не удалось поймать его.

— Нет, не удалось, — ответил я, — но мы продолжаем поиски.

— Он убил уже восемь человек, — нетерпеливо сказал Барак. — А если умрет пострадавший при взрыве человек сэра Томаса, то девять. Причем семеро из них приняли страшную, мучительную смерть.

— Потому-то мы и должны продолжать то, что делали до сегодняшнего дня, — добавил я.

Тамазин села напротив мужа и посмотрела на него взглядом, в котором слились воедино злость и печаль.

— Меня злит не то, чем ты занимаешься сейчас, — выдала она, — а то, каким ты стал после смерти нашего ребенка.

Барак посмотрел на меня и перевел взгляд на жену.

— Ты не должна говорить об этом в присутствии постороннего человека, — заметил он. — Хотя мне известно, что ты это уже делала.

— Мне приходится, потому что, когда я говорю тебе одному, ты меня не слушаешь.

Голос Тамазин перерос в крик, и она яростно стукнула кулаком по столу, заставив нас вздрогнуть.

— А ты не задумывался о том, каково все это время приходилось мне? Нет того часа, чтобы я не вспомнила день, когда родился наш малыш. Но тебя тогда не было, ты пьянствовал в каком-то кабаке. Да, именно тогда все и началось...

— Тамазин! — Барак повысил голос, но женщина стала кричать еще громче.

— Боль. Страшная боль. Я никогда не чувствовала ничего подобного. Ты не можешь себе представить, что испытывает женщина в такие минуты. А повитуха говорит, что ребеночек весь перекрутился в моей утробе, что вытащить его живым она не может и придется сломать его маленький череп. Звук был негромкий, но он до сих пор стоит у меня в ушах. А потом она вытащила его, и я сразу поняла, что он мертв. Это понял бы кто угодно. Но мне все равно так отчаянно хотелось услышать его крик. Его крик...

По лицу Тамазин катились слезы. Барак побелел и сидел не шевелясь.

— Ты никогда не рассказывала мне об этом, — пролепетал он.

— Я берегла тебя! — крикнула она. — А ты меня беречь не желаешь. Вечно приходишь пьяным и заводишь свою песню: мой сын, мой бедный сын... Это и мой сын!

— Я не думал, что все выглядело так, — оправдывался Барак. — Знал только, что он родился мертвым.

— А как, во имя всего святого, это могло выглядеть?

Барак тяжело сглотнул.

— Я слышал, что, когда дитя в утробе матери вот так поворачивается, она уже не может иметь других детей. Мы...

— Я не знаю, по этой ли причине у нас нет детей! — закричала Тамазин. — И это все, что тебя волнует? Все, что ты можешь мне сказать?

Барак поднял руку.

— Нет-нет, Тамми, я вовсе не это хотел сказать...

Ему следовало бы подойти к жене, обнять ее и успокоить, но он был слишком потрясен ее эмоциональным всплеском. Поднять руку — это все, на что его хватило.

Тамазин встала из-за стола, повернулась и вышла.

— Иди к ней, — велел я. — Иди к ней немедленно!

Но Барак продолжал сидеть, беспомощный и оглушенный.

— Давай же, — поторопил его я. — После всего, через что мы с тобой

прошли, ты наверняка найдешь в себе силы собраться и успокоить жену.

Барак кивнул и поднялся, сморщившись от боли в ребрах.

— Бедная Тамазин, — прошептал он и направился за женой.

Но в этот момент хлопнула входная дверь, на пороге возникла Джоан и сообщила:

— Тамазин только что ушла. Я сказала ей, что она не должна выходить из дома одна, но она пропустила мои слова мимо ушей.

Барак выскочил на крыльцо, я — следом за ним. Тамазин нигде не было видно. Мы подошли к воротам и остановились, всматриваясь в оба конца улицы. В следующее мгновение мимо нас рысью проскакала лошадь Барака Сьюки. В седле боком сидела Тамазин. Барак окликнул ее, но она уже находилась в дальнем конце Канцлер-лейн, быстро удаляясь по направлению к Флит-стрит.

Двумя часами позже я привязывал Бытие во внутреннем дворе Бедлама. Барак отправился на поиски Тамазин, но она словно растворилась в людских толпах. Мы не имели представления о том, куда она могла направиться. Тамазин была сиротой, и, кроме Барака, у нее никого не было. Сохранились, правда, несколько подружек еще с тех времен, когда она являлась младшей служанкой у королевы Кэтрин Говард, но, по словам Барака, она виделась с ними крайне редко. Только сейчас я осознал, какое ужасное, щемящее одиночество она испытывала на протяжении всех этих месяцев.

Барак все же надеялся отыскать хотя бы какие-то следы ее прежних подруг. Похоже, эмоциональный взрыв Тамазин настолько потряс его, что он впервые понял, сколько бед наделал своим неправильным поведением, и был полон раскаяния. Я молился о том, чтобы, отыскав ее, он не замкнулся снова в своей защитной скорлупе. С этой задачей ему предстояло справиться в одиночку, поэтому я отправился проведать Адама.

Меня впустил Хоб Гибонс и отвел в кабинет Шоумса. Смотритель дал мне прочитать отчет, подготовленный им для суда. В бумаге говорилось, что Адам исправно получает питание, содержится под надежным присмотром и его регулярно посещает врач. У меня сразу вызвало подозрение то, что отчет был написан чрезвычайно гладко, на что сам Шоумс вряд ли был способен.

— Вам помог написать это смотритель Метвис? — напрямик спросил я.

Шоумс наградил меня кислым взглядом.

— Я не мастак в писанине, — сказал он. — Я ведь не из какого-нибудь

там богатого и образованного семейства.

— Я хочу увидеть Адама. Если дело действительно обстоит так, как тут написано, я одобрю отчет.

После короткой паузы я спросил:

— Доктор Малтон приходил к нему?

— Его теперь отсюда не отвадишь.

— А сегодня должен прийти?

— Он приходит и уходит, когда ему угодно.

— А как Эллен? Надеюсь, вы больше ее не мучаете?

— О, она сейчас ведет себя как паинька. Хоб! — позвал он. — Посетитель к Адаму Кайту. У этого парня за месяц бывает больше посетителей, чем у иного пациента за пять лет.

Гибонс отвел меня в палату Адама. Тот был один и, как всегда, прикован к кольцу в полу. К моему удивлению, он стоял и смотрел в окно на задний двор.

— Адам, — негромко позвал я.

Он повернулся и, как только увидел меня, соскользнул по стене на пол, согнулся и начал молиться. Я подошел и присоединился к нему, несмотря на то что встать на колени оказалось непросто: болела спина.

— Ну же, Адам, это же я. Я не причиню тебе вреда. Ведь только что ты не молился.

Вдруг в голову мне пришла неожиданная мысль.

— Скажи, ты делаешь это специально, чтобы не разговаривать с людьми?

Он умолк и бросил на меня косой взгляд.

— Иногда. Люди пугают меня. Они выведывают про мои грехи.

Адам замешкался, но все же спросил:

— Вы не рассказывали моим родителям о том, что я делал с этой Иезавелью?

— Ты имеешь в виду девушку по имени Абигайль? Нет, ни я, ни Гай никому ничего не расскажем. Наши профессии обязывают нас хранить чужие секреты. Но тебе нечего бояться, Адам, твои родители любят тебя, я сам в этом убедился.

Он покачал головой.

— Они всегда критикуют меня, велят вести себя смирно и быть почтительным. Они рассказали мне о том, насколько опасно грешить. Им известно, что я грешник.

— Но ведь они всего лишь повторяют то, что говорит им преподобный Мифон, — сказал я.

Адам глубоко вздохнул.

— Он божий человек. Все, чего он хочет, это привести людей к спасению...

— Твои родители хотят большего. Им нужно, чтобы ты ответил любовью на их любовь. Твой отец мечтает о том, чтобы в один прекрасный день ты освоил его ремесло и присоединился к нему в работе.

— Не знаю. Говорят, если сын займется ремеслом отца, он может разрушить его репутацию. К тому же я не хочу быть каменотесом. Мне никогда не нравилось это занятие. — Адам тряхнул головой. — Это тоже грех.

— Мой отец был фермером, но мне эта профессия была не по душе. Я хотел стать юристом. Не думаю, что с моей стороны это был грех. Разве Господь не предоставляет нам возможность следовать велениям своего сердца?

— Он призывает нас к спасению. — Адам крепко зажмурился и забормотал: — Отец небесный, взгляни на меня, взгляни и спаси меня, увидь мое раскаяние...

Я медленно поднялся с колен и задумался. Что-то из сказанного Адамом словно колокол звенело в голове. А потом внезапно возникла параллель с тем, что рассказывал Тимоти о посетителях. Я провел так много времени, гадая, кем был молодой человек, посещавший Абигаиль, что совсем упустил из виду остальную часть рассказа мальчика. Я почувствовал, что дрожу. Адам совершенно случайно подсказал мне ответ, и, если я прав, теперь я знал, кто убийца. Осознание этого потрясло меня.

Я вздрогнул от неожиданности, когда дверь вдруг открылась и в палату вошла Эллен с подносом. Увидев меня, она залилась краской.

— Я принесла Адаму поесть, сэр, — словно оправдываясь, проговорила она. — Как и положено хорошей служанке.

— Все это время вы были для бедного Адама кем-то гораздо более важным, чем просто служанка, Эллен. Я хотел бы поговорить с вами подольше, но сейчас должен спешить. Меня ждет неотложное дело. И все равно примите еще раз мою благодарность за то, что вы так самоотверженно и трогательно ухаживаете за Адамом. Скоро мы с вами снова увидимся.

Женщина посмотрела на меня озадаченным взглядом, а я наспех откланялся и вышел. Когда я проходил мимо палаты больного, считавшего себя королем, тот через дверь велел мне ступать неслышно возле монарших покоев.

Сначала мне предстояло заехать домой и поговорить с Тимоти, а затем

повидать Дороти, потому что, если я прав, именно она может поставить на место последний кусочек головоломки.

Через час я постучал в ее дверь, но предварительно заглянул к себе домой. Тимоти испугался, когда я снова стал задавать ему вопросы относительно Ярингтона, и хотя он не мог назвать нужное имя, но дал описание, которое, пусть и не подтвердило моих подозрений, зато и не противоречило им. Этого оказалось достаточно, чтобы я поспешил к Дороти, на ходу узнав от Джоан, что Барак до сих пор не вернулся.

Мне открыла Маргарет.

— Миссис Эллиард у себя? — спросил я.

— Она спустилась в контору, чтобы обсудить с клерком мастера Эллиарда какие-то положенные ему выплаты. Некоторые клиенты не стали платить, поскольку узнали, что хозяин умер. Они считают, что это сойдет им с рук.

Ее голос дрожал от возмущения.

— И после этого люди еще говорят, что адвокаты жулики!

Несмотря на страшное нетерпение, я не мог не улыбнуться.

Все эти дни Маргарет являлась для Дороти опорой и источником жизненной силы.

— Вы очень переживаете за свою хозяйку? — спросил я.

— А как же иначе! Она всегда была так добра ко мне, а когда я только начинала служить, терпела мою неловкость и неуклюжесть. А мастер Эллиард? У меня просто таяло сердце при виде того, как сильно они любят друг друга.

— Да, так оно и было.

Я вдруг подумал о том, что всего неделю назад Дороти ни за что не пошла бы в контору, чтобы разбираться вместе с клерком в каких-то там выплатах. Она попросила бы меня. Эта мысль заставила меня погрустнеть, и я отчитал себя за эгоизм.

— Она возвращается к жизни, — сказал я.

— Да, сэр, хотя и медленно. Но было бы еще лучше, если бы в нашем доме не угнездился этот мерзкий кукушонок.

Она понизила голос и кивнула на дверь комнаты, которую отдали Билкнэпу.

— Своими капризами и нескончаемыми требованиями он доводит слуг до белого каления, а плюс ко всему, к нему вернулся аппетит, и он ест за троих. В конце концов он сожрет и миссис Эллиард, и всех нас. Он, конечно, гость, но такой ценой...

— Ну я сейчас положу этому конец, — мрачно пообещал я и направился к комнате Билкнэпа.

Рубашка прилипла к воспаленной спине. Раньше я показался бы Гаю, но теперь мне было не к кому обратиться за помощью, поскольку я ни за что не позволил бы, чтобы кто-то другой рассматривал мою горбатую спину. Я набрал в грудь воздуха и распахнул дверь комнаты, которую столь бесцеремонно занял Билкнэп.

Он спал, лежа на спине, и выглядел спокойным, как младенец. Младенец с густой копной волос и щеками, заросшими рыжей щетиной. Я заметил, что лицо его порозовело и пополнило. На полу рядом с кроватью стоял поднос с тарелкой, на которой осталась только подлива и несколько куриных косточек. Я яростно ударил ногой по кровати.

Билкнэп разом проснулся и уставился на меня раздраженным взглядом своих бледно-голубых глаз.

— Что это вы себе позволяете, врываясь сюда без стука и пиная мою кровать? — с возмущением проговорил он. — Я все-таки гость.

— Гость, который беспрестанно донимает слуг приютившей его хозяйки и жрет столько, что на его прокорм не хватит никаких денег.

— Доктор Малтон сказал, что я должен оставаться здесь как минимум неделю! — негодуя парировал он. — Я был очень болен и только-только пошел на поправку.

— Чушь! Гай ни за что не сказал бы такого, не посоветовавшись прежде с миссис Эллиард. Он джентльмен и воспитанный человек.

Я снова ударил ногой по кровати.

— Чего вы так злитесь?

Билкнэп задумался, и его взгляд скользнул куда-то в сторону.

— Это из-за того поверенного, про которого я вам рассказал? Но я уверен, он всего лишь наводил справки для своего клиента в связи с какой-то тяжбой.

Он попытался сесть.

— Вы не можете подать на меня за это жалобу. Я рассказал вам об этом, думая, что нахожусь на грани смерти. Я был временно *non compos mentis*.^[30]

— Сомневаюсь, что вы хоть когда-нибудь бываете в ином состоянии.

Я посмотрел на Билкнэпа. Он был так сосредоточен на самом себе, что вряд ли задумывался, сколько хлопот доставляет обитателям приютившего его дома. Я склонился над ним и сказал:

— Либо вы оденетесь и сегодня же уберетесь восвояси, либо завтра я попрошу миссис Эллиард зайти ко мне домой, а пока ее не будет, сюда

явится мой помощник Барак и вышвырнет вас за дверь прямо в ночной рубашке. Маргарет впустит его и сохранит все в тайне, можете не сомневаться.

На губах Билкнэпа заиграла гнусная ухмылочка.

— Ага, теперь я понимаю. Решили приберечь миссис Эллиард для себя? Так вот оно в чем дело!

Он хрипло хохотнул.

— Вот только ее ни за что не заинтересует старый уродливый горбун вроде вас.

— Я велю Бараку вывалить вас в самой глубокой луже, когда он выволочет вас из этого дома. А вы проследите за тем, чтобы миссис Эллиард была перечислена определенная сумма денег из того сундука с золотом, что хранится у вас дома.

На физиономии Билкнэпа появилась оскорбленная мина.

— Она бедная вдова, негодяй вы эдакий. Думаю, два золотых покроют ее расходы на вас. А я проверю, получила ли она эти деньги.

— Я гость, а гости не платят!

Голос Билкнэпа дрожал от возмущения. Я услышал, как открылась, а потом снова закрылась входная дверь. Дороти вернулась.

— Вон отсюда, Билкнэп! — прошипел я. — Сегодня же! Или пожалеете.

Напоследок я еще раз как следует пнул ногой по кровати и вышел.

Дороти находилась в гостиной, однако она не сидела в кресле у камина, где после смерти Роджера проводила большую часть времени, а стояла у окна и смотрела на фонтан во дворе.

«Значит, у нее хватает сил и на это», — отметил я про себя.

Я только сейчас осознал, что не видел ее уже несколько дней, прошедших со времени того «почти поцелуя». У меня возникли опасения, что она злится на меня, но Дороти была просто усталой.

— Сегодня вечером Билкнэп съезжает, — сообщил я.

На ее лице отразилось облегчение.

— Спасибо тебе. Не хочу выглядеть бессердечной, но этот человек просто невыносим.

— Мне очень жаль, что Гай предложил оставить его здесь. Я чувствую ответственность за...

— Нет, ведь это я впустила мастера Билкнэпа в дом. Доктор Малтон навещал его вчера. По словам Билкнэпа, он велел ему остаться здесь на неделю.

— Вранье.

Я слегка изменил позу, и меня окатила волна боли. Я сморщился.

Заметив это, Дороти шагнула ко мне.

— В чем дело, Мэтью? Ты болен?

— Ерунда. Легкий ожог. В Хартфордшире загорелся дом, а я оказался слишком близко.

Я глубоко вздохнул.

— Мы думали, что поймали убийцу, но ему удалось улизнуть.

— Кончится ли это когда-нибудь? — негромко проговорила она. — О, прости меня. Ты устал, ранен, а я настолько эгоистична, что навешиваю на тебя свои проблемы. Глупая, ветренная женщина. Ты сможешь меня простить?

— Тебя не за что прощать.

Дороти подошла к своему излюбленному месту — камину под деревянным фризом — и разлила по стаканам какой-то напиток из бутылки.

— Aqua vitae.^[31] — Она с улыбкой протянула мне стакан. — Думаю, это как раз то, что тебе сейчас нужно.

Я с благодарностью отпил огненной жидкости.

— Ты так добр ко мне, — с грустной улыбкой сказала она; ее щеки вспыхнули. — После нашей последней встречи у меня в голове все шиворот-навыворот. Ты уж прости меня, Мэтью, мне нужно время, чтобы понять, каким может быть будущее без Роджера.

— Я понимаю, Дороти, и ни о чем не прошу. Все в твоих руках.

— Так ты на меня не сердишься?

— Нет, — улыбнулся я. — Наоборот, я думал, что это ты сердишься на меня из-за Билкнэпа.

— Он просто раздражает меня сверх всякой меры. Мы, женщины, становимся в таких случаях ужасно сварливы.

— Ты никогда не станешь такой, даже если доживешь до восьмидесяти лет.

Дороти снова зарделась. Луч солнца из окна упал на деревянный фриз, осветив плохо отремонтированное место. Заметив, куда я смотрю, Дороти сказала:

— Стыд и позор. Этот кусок — совершенно другого цвета и сразу бросается в глаза. Это ужасно раздражало Роджера.

— Да.

— Человек, создавший эту резьбу, был настоящим мастером. После того как фриз повредили, мы снова хотели нанять его, но выяснилось, что он умер. Вместо него пришел его сын, и вот полюбуйся, что он натворил.

Парень оказался никудышным мастером.

Я глубоко вдохнул. Слова не хотели идти с моего языка.

— Плотник и его сын. Ты, случайно, не помнишь, как их звали?

Дороти бросила на меня пронзительный взгляд.

— А это важно?

— К одной из жертв убийцы приходил плотник, чтобы починить поврежденную деревянную ширму.

Дороти побелела и схватилась за горло.

— Как их звали, этих отца и сына?

— Кантрелл, — выдавила она. — Их фамилия Кантрелл.

Глава 43

Я бегом вернулся домой, оседлал Бытие и поскакал быстрее, чем когда-либо за последние годы, по Флит-стрит, мимо Чаринг-кросс, к Уайтхоллу. Прохожие останавливались и смотрели мне вслед, а двоим пришлось отпрыгнуть, чтобы не угодить под копыта. Мне бы надо было прихватить с собой Барака, но Джоан сказала, что он все еще ходит по улицам, разыскивая Тамазин. У моей домоправительницы был опечаленный вид: эти двое ей очень нравились.

Я сумел убедить стражу Уайтхолла в том, что мое дело не терпит отлагательств. С утра Харснет находился на рабочем месте, а потом отъехал в Чартерхаус. Меня провели в его кабинет, а за ним послали человека. Слуга разжег камин, с любопытством глядя, как я меряю комнату шагами.

Мне казалось, что ожидание длится целую вечность. Все это время я гадал, какие новые ужасы может придумать Кантрелл. Моей первой мыслью было взять с собой Барака и нагрять прямоиком к нему в лачугу. Но даже если бы Барак находился сейчас дома, он все равно был бы не полностью дееспособен, поскольку не успел оправиться от полученных травм. Тогда я подумал, что можно взять с собой Филиппа Орра, но не хотел оставлять Джоан и мальчиков без защиты. А для выполнения моего замысла требовались как минимум двое.

Наконец, уже после полудня, в кабинет вошел Харснет. Он выглядел до смерти уставшим. При его появлении я с болезненной гримасой поднялся из кресла за его столом.

— Что случилось, Мэтью? — настороженно спросил он. — Надеюсь, не очередное убийство?

— Нет.

На его лице отразилось облегчение.

— Приношу извинения за то, что заставил вас вернуться...

— В Чартерхаусе возникла серьезная проблема, — стал рассказывать коронер. — Инженер починил механизм поворотного колеса, открывающего сливные ворота. Но за воротами скопилось столько воды, что он боится, как бы при попытке открыть ворота ее напор не снес бы их с петель. Тогда будут затоплены подвалы всех домов на Чартерхаус-сквер, включая дом Кэтрин Парр.

Он посмотрел в окно. День был солнечным и ясным, на что я даже не

обратил внимания.

— Мне кажется, я знаю, кто убийца, — сказал я.

Харснет молча воззрился на меня. Я рассказал про работу, которую Кантрелл-старший и его сын выполнили в домах Роджера и Ярингтона. Коронер слушал, не перебивая, а когда я закончил, долго стоял задумавшись.

— Мы должны действовать немедленно, Грегори, — поторопил я.

— Но как же глаза Кантрелла? Ведь он наполовину слепой! Мы видели его, кроме того, как докладывает охранник, он вовсе не выходит из дома.

— А что, если с его глазами все не так плохо, как он говорит? Человек может иметь слишком слабое зрение, чтобы прочесть наклейку на флаконе с лекарством, но этого ему вполне хватит, чтобы убивать. И можно ли придумать лучшее прикрытие, чем объявить себя наполовину слепым? За толстыми линзами очков прятаться удобнее всего. Он никогда не пускает охранника в дом и поэтому мог отлучаться без его ведома.

— И он знал Локли, — задумчиво сказал Харснет, — и Годдарда. А теперь нам стало известно, что он побывал в домах Роджера Эллиарда и преподобного Ярингтона. Когда же он посещал реформаторскую секту, в которую входил его отец, то мог слышать о других людях, отошедших от этих воззрений.

— Вестминстер всего лишь в шаге от нас, — напомнил я.

— Мне известно, где живут констебли. — В голосе Харснета появилась решимость. — Я вызову двух или трех, и мы сейчас же отправимся туда.

— Пока он не нанес новый удар.

— Вы думаете, он это сделает?

— Я всегда так думал, мастер Харснет.

— Согласен. Дьявол слишком крепко держит его в своих лапах и не отпустит просто так.

Мы быстро дошли до Вестминстера. Я сгорал от нетерпения, стоя под высокой колокольной на оживленной площади и ожидая, пока Харснет найдет констеблей. Наконец он появился в сопровождении трех крепких молодых людей в форме и с оружием. Вестминстер был беспокойным местом, и в констебли здесь брали молодых и сильных.

Харснет сообщил констеблям, что нужно задержать подозреваемого в убийстве, и предупредил, что преступник очень опасен. Мы отправились на монастырский двор. При виде констеблей небольшая стайка проституток,

щебетавших друг с другом у ворот, мгновенно упорхнула. Харснет занес руку, чтобы постучать в дверь Кантрелла, но я остановил его.

— Нет, оставьте двух человек здесь, а мы обойдем дом и сначала поговорим с охранником.

— Хорошо, давайте так и поступим.

Мы двинулись по грязному узкому проходу, огибавшему дом. Наши шаги эхом отражались от стен. Констебль толчком отворил ворота, ведущие во двор Кантрелла. Он был пуст, дверь маленького сарая закрыта. Мы с Харснетом подошли к трухлявому заднему окну дома и заглянули внутрь. Запущенная гостиная, представшая нашим взорам, также была безлюдна. Тем временем констебль распахнул дверь сарая. Заглянув внутрь, он не удержался от смеха. Мы подошли к нему и увидели охранника Кантрелла, вольготно раскинувшегося на охапке грязной соломы. Мужчина громко храпел и, по всей видимости, был мертвецки пьян.

— Подъем! Петушок пропел давно! — громко и весело проговорил констебль и пнул спящего носком сапога.

Тот пошевелился, сонно застонал и открыл глаза. Харснет, склонившись над нарушителем дисциплины, вперился в него яростным взглядом.

— Значит, вот как вы выполняете свой долг! — с ненавистью прошипел он. — Архиепископу будет доложено об этом.

Охранник с видимым усилием заставил себя сесть. Я услышал капающий звук и, повернув голову, увидел в углу сарая бочонок. Он был наполовину полон пивом.

— Он позаботился о том, чтобы у охранника появилось искушение, перед которым тот не смог бы устоять, — констатировал я.

— Где он? — рявкнул Харснет. — Где Кантрелл? Он в доме?

— Я не знаю, — промычал опростоволосившийся охранник. — Он не пускает меня внутрь, сэр, и заставляет постоянно находиться здесь. Он вообще какой-то ненормальный, — с надутым видом добавил он.

— Ты даже не представляешь, насколько ты близок к истине, болван, — пробурчал Харснет и отвернулся. — Идемте в дом.

Церемониться мы не стали. По знаку Харснета констебль вдребезги разбил недавно починенное окно, и один за другим мы забрались внутрь. Пьяный охранник остался во дворе и наблюдал за нами. На лице его было написано отчаяние, поскольку он понимал, что, вероятнее всего, остался без работы.

В доме нас встретила тишина.

— У меня такое чувство, будто я снова оказался в доме Годдарда, —

прошептал Харснет.

Я увидел в углу окровавленную палку, которой Кантрелл якобы ударил напавшего на него незнакомца, и подумал, на голову какой из его жертв пришелся этот удар?

— Позовите констеблей, которые дежурят на улице, — предложил я. — Пускай обыщут дом.

Констебли отправились осматривать комнаты. Я велел им ни к чему не прикасаться. Через пару минут они вернулись с сообщением о том, что дом пуст.

— Давайте поглядим, что удастся найти нам, — сказал я Харснету.

В гостиной не было ничего, в соседней с ней кухне — тоже, только грязь да куски протухшей еды на разделочном столе.

Мы повернулись к массивной дубовой двери, которая, как когда-то сказал мне Кантрелл, вела в мастерскую его отца. На ней висел тяжелый замок, и, чтобы сбить его, потребовались усилия двух констеблей. Ставни на окнах мастерской были закрыты, поэтому внутри царил темнота. Возле одной из стен я заметил какие-то каменные плиты и тележку. Поколебавшись у порога, я заставил себя войти в комнату, снял со ставней железные решетки и открыл окна, впустив в помещение свет и уличный шум.

Вдоль стены рядом стояли три больших деревянных сундука, кроме того, я узнал тележку лжеторговца. Именно в ней, надевая личину коробейника, он возил разные безделушки. И тела — мертвые или находящиеся в бессознательном состоянии. Внезапно меня наполнил гнев. Он был вызван мыслью о том, что наделал Кантрелл. И я сам.

— Каким же я был дураком! — в отчаянии воскликнул я.

— Почему только вы? — откликнулся Харснет. — Он одурачил всех нас.

— Я виноват в том, что позволил обвести себя вокруг пальца. Я видел Кантрелла именно таким, каким он хотел казаться: несчастным, с которым жизнь обошлась несправедливо и жестоко.

— Необходимо обыскать эти сундуки, — негромко заметил Харснет.

— Я займусь вот этим, а вы — этим.

Я поднял крышку ближайшего ко мне сундука, содрогаясь от мысли о том, что могу там обнаружить. Но внутри была лишь кипа одежды для переодевания в различных уличных персонажей: разные лохмотья, а также парики и накладные бороды. Целый актерский гардероб.

— Все это, должно быть, стоило ему немалых денег, — прокомментировал находку Харснет.

— Многие из этих вещей выглядят старыми и неоднократно бывшими в употреблении.

В сундуке, который обыскивал Харснет, находились обернутые в лоскуты склянки с сушеными травами и какими-то жидкостями. Я с величайшей осторожностью принялся открывать их. В одной колыхалась густая желтая жидкость с горьким запахом. Я поднес пузырек к свету и проговорил:

— Думаю, это и есть тот самый двейл.

— Где он мог раздобыть его?

— Он изготовил его сам, используя формулу мастера Годдарда.

Я взял другую бутылочку, осторожно понюхал и вылил несколько капель ее содержимого на пол. Деревянные доски зашипели и задымилась.

— Витриол.

— Больше сомнений быть не может, — констатировал Харснет.

— Никаких, — подтвердил я. — Откуда в нем эта всеобъемлющая ненависть?

— От дьявола, — произнес Харснет так, словно это было очевидной истиной, и посмотрел на меня.

Я с сомнением покачал головой.

— Возможно, так проще думать, поскольку подобное утверждение якобы все объясняет, но...

— А может, на самом деле все действительно очень просто, вы же слишком много думаете об этом человеке и невольно все усложняете.

— У меня имеется для этого веская причина. Он убил моего друга.

Я открыл третий сундук, и мы склонились над ним.

Под кипой какой-то одежды обнаружилась большая плоская деревянная коробка. Я вспомнил, что видел похожую у Гая. Я открыл ее, и мы одновременно отступили назад, выдохнув от ужаса.

Внутри коробки были аккуратно уложены ножи различного размера, маленький топорик и даже предмет, напоминающий небольшой мясницкий нож. В боковых отделениях покоились крюки, спицы, большие и малые щипцы и пинцеты. Мясницкий нож и некоторые другие инструменты были покрыты засохшей кровью, и от них исходил тошнотворный запах.

— Хирургический набор Годдарда, — сказал я.

— Я же говорил, он одержим дьяволом!

Харснет отвернулся, его лицо исказила гримаса отвращения.

Мы поднялись на второй этаж. Там располагались две спальни. Одна, из которой убрали всю мебель, за исключением старой кровати, видимо,

когда-то принадлежала отцу Кантрелла, вторая — ему самому. В ней стояла низкая кровать, еще один сундук — старый и обшарпанный — и стол, на котором лежал большой тяжелый том Библии на английском языке. В сундуке обнаружилась бедная одежда, в которой я видел Кантрелла, расшатанный раскладной столик и табуретка.

Харснет открыл Библию и тихо проговорил:

— Взгляните, чем он тут занимался.

Он открыл Священное Писание на Откровении Иоанна Богослова. Поля были заполнены заметками, написанными красными чернилами и таким мелким почерком, что они были почти нечитаемы. Мне однако удалось выхватить из текста такие слова, как «возмездие», «кара», «огонь». Каждое из них было написано с нажимом, крупнее остальных и подчеркнуто. Листая страницы, я обратил внимание, что некоторые строки, в которых рассказывалось о том, как семь ангелов последовательно изливают чаши с гневом Господним, также были подчеркнуты: «жестокие и отвратительные гнойные раны», «реки и источники вод сделались кровью», «они кусали языки свои от страдания»...

— Какое богохульство! — воскликнул Харснет.

Никогда, даже в самые страшные моменты нашей эпопеи, я не слышал, чтобы голос отважного коронера дрожал так сильно. Я пролистал Библию. Красными чернилами были подчеркнуты и некоторые другие места, например, в рассказе о разрушении Содома и Гоморры. Но в основном пометки содержались только в Новом Завете и только в Откровении, причем лишь в определенных его главах. После повествования о семи чашах гнева они были сделаны только в рассказе о суде над великой блудницей.

— Взгляните сюда! — привлек я внимание Харснета. — В этой части пометок даже больше, чем в главах, рассказывающих о семи ангелах. Дает ли это нам какую-нибудь зацепку, которая помогла бы предугадать его следующий ход?

— Эта книга осквернена, — ответил Харснет. — От нее исходят миазмы.

— Великая блудница... Кто же это может быть в его представлении?

— Она символизирует Папу и Рим, ставший современным Вавилоном, — сказал Харснет. — Теперь мы это знаем.

— А вот апостол Иоанн не знал, когда писал эту книгу.

— Но именно это он предсказал, — твердо ответил Харснет. — Для тех, кто прилежно изучает Священное Писание, это совершенно ясно.

— В мозгу Кантрелла был кто-то другой. Нет, он думал не о Папе, а о

человеке, находящемся гораздо ближе.

Харснет несколько мгновений молчал, а затем повернулся ко мне.

— Где он сейчас, Мэтью? — тихо спросил он. — Должен признаться: мне страшно.

На лестнице послышались шаги, и появился один из констеблей.

— Пришла какая-то старуха, она говорит, что знает Кантрелла, — сообщил он.

— Соседка, — пояснил я Харснету.

Мы спустились вниз и обнаружили ту самую старую каргу, которая заговорила со мной во время моего первого визита сюда. Она стояла на пороге и безуспешно пыталась заглянуть за плечо высоченного констебля, преградившего ей путь. Узнав меня, она раздвинула губы в беззубой улыбке.

— А, господин законник! Сэр! Мы с вами уже как-то разговаривали. Я увидела, что к Кантреллу кто-то пришел, вот и решила разузнать, кто и зачем. С Чарли ничего не случилось?

Кумушка буквально сгорала от любопытства.

— Его здесь нет, и мы его разыскиваем.

— Это связано с совершенным преступлением, — мрачно добавил Харснет. — Что вы о нем знаете?

— Я живу через несколько домов отсюда, — затараторила старуха. — Я дружила с отцом Чарли до тех пор, пока он не ударился в религию и не стал слишком праведным, чтобы иметь дело с такими, как я. А что натворил Чарли?

Она вновь предприняла попытку осмотреть комнату через плечо констебля.

— Уверена, он не мог сделать ничего плохого, ведь Чарли — несчастное, слабое создание.

Она горестно покачала головой.

— Как вас звать? — спросил я.

— Джейн Бекетт.

— Пойдемте, Джейн, мне нужно задать вам несколько вопросов.

— Ага, значит, на сей раз вы все-таки решили поговорить со мной.

Я провел старуху через гостиную, где она невольно сморщила нос, в мастерскую. Лицо ее сделалось печальным.

— Только взгляните, на что похоже это место! — запричитала она. — Здесь стало так пусто и грустно! Эдриан был мастером на все руки. Когда он был жив, у него всегда было полно заказов, и мастерская буквально ломилась от всякой всячины.

Я открыл сундук с одеждой.

— Не знаете ли вы, откуда могло взяться все это? Тут такого барахла хоть отбавляй.

Я вытащил разноцветный лоскутный плащ.

— О да, — закивала женщина, — это принадлежит Эдриану. Он собрал целую коллекцию таких нарядов, поскольку работал для разных актерских трупп. Строил для них сцены, декорации, всякие хитрые театральные штучки. Как-то раз его даже попросили соорудить подмости в Хэмптон-Корт, где должны были давать спектакль для короля. А Эдриан другой раз брал с актеров плату костюмами.

Старуха хитро поглядела на меня.

— Он был мужик не промах, знаете ли. Все эти вещи стоят денег, негоже им валяться здесь.

— Эдриан когда-нибудь брал сына на эти представления?

— Кого, Чарли? Да, когда тот был еще совсем мальчишкой. Ему это нравилось. Только в те дни я видела его счастливым. Если представление проходило где-то неподалеку, на него собиралась вся округа. Мне кажется, Чарли с детства мечтал стать актером, но у него не было для этого данных, вот он и подался в монахи.

Женщина презрительно рассмеялась, повернулась ко мне и сказала уже серьезным тоном:

— А вот у Эдриана был настоящий талант. Он сооружал деревянных драконов и такие приспособления, благодаря которым они двигались по сцене как живые.

Она погладила плащ костлявой рукой и положила его обратно в сундук, а когда снова подняла на меня глаза, в них горело любопытство.

— Так что же он натворил, наш никчемный Чарли?

— Не забивайте себе этим голову, — отрезал Харснет.

Вдруг меня поразила внезапная догадка.

— Как умер Эдриан Кантрелл? — спросил я.

— По словам Чарли, как-то ночью он свалился с лестницы и сломал себе шею. — Старуха горько усмехнулась. — Значит, если верить религии, которую так рьяно исповедовал Эдриан, он отправился прямиком на небеса. А что это за другие вещи в сундуке? Они не принадлежали Эдриану.

Я взял соседку под локоть и вывел ее из мастерской. Она была явно разочарована тем, что я не собираюсь рассказывать ей никаких подробностей. Уже на пороге я спросил:

— А вот та тележка, что стояла в мастерской, она принадлежала

Эдриану Кантреллу?

— Ага, он развозил в ней выполненные заказы.

Тут в мозгу у меня родилась новая мысль. Для того чтобы добраться от Вестминстера до Хартфордшира, у Кантрелла должна была быть лошадь.

— А что стало с его лошастью? — словно невзначай осведомился я.

— Чарли, наверное, продал жеребца.

— Какой он был?

Старуха пожала плечами.

— Какой, какой... Обычный. Коричневый, с треугольной отметиной под носом.

— Вы никогда не видели, чтобы он приезжал домой или куда-нибудь уезжал с лошастью и тележкой?

— Это он-то? Который едва видит? — Женщина фыркнула. — Нет. Раз или два я видала, как он выходит из дому за покупками и при этом держится рукой за стену, чтобы не сбиться с пути.

— А ночью он когда-нибудь уходил?

Старуха громко рассмеялась.

— Вряд ли такое было возможно. Впрочем, я рано ложусь спать и при этом крепко запираю двери. Здесь у нас не безопасно. Послушайте, сэра, а к чему вы задаете мне все эти вопросы?

— Неважно. Благодарю вас.

Я аккуратно выпроводил ее за порог, закрыл дверь и повернулся к Харснету.

— Значит, он кое-что смыслил в актерском ремесле. Возможно, даже в детстве, чтобы чувствовать себя нормальным человеком, он испытывал потребность играть. Я не исключаю, что это он убил отца и тогда наконец понял, кем хочет быть на самом деле.

— Это всего лишь предположения. Они нам ничего не дают.

— Тут вы правы.

— А почему вы заговорили о лошади?

— У него должна была быть лошадь.

— Вы полагаете, с таким слабым зрением он способен ездить верхом?

— Я начинаю думать, что разговоры о его проблемах со зрением сильно преувеличены. Он не мог добраться до дома Годдарда иначе, как верхом. Мне нужно еще раз взглянуть на его Библию и на выделенные в ней места. Поглядим, может, мне и удастся извлечь из его каракулей что-нибудь полезное для нас.

— Я пойду с вами.

Харснет был слишком зашорен своими религиозными воззрениями,

чтобы оказать мне сколько-нибудь серьезную помощь.

— Нет, Грегори, не надо. Лучше я поработаю один.

Я снова поднялся на второй этаж. Мне было странно сидеть в этой тихой, отгороженной от уличного шума комнате, за столом Кантрелла, рядом с его кроватью. Я сжал голову руками и склонился над книгой. Как юрист, пытающийся разгадать тайные помыслы оппонента, вчитываясь в текст его искового заявления, я искал то, что мог видеть Кантрелл на этих страницах, старался понять, кого он считал своим главным врагом, полагая, что обязан уничтожить его. Мой мозг просеивал и расшифровывал слова очень короткой главы Апокалипсиса.

«Я покажу тебе суд над великою блудницею», с которой «и цари земные любодествовали». «И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель».

Я думал, что после семи чаш гнева новая жертва станет восьмой по счету, но в чем-то будет непременно отличаться от предыдущих. Это будет самая важная жертва, поскольку после суда над ней наступит Армагеддон. Я размышлял столь напряженно, что мои мозги находились на грани кипения. Станет ли восьмой жертвой женщина? По всей вероятности, да, поскольку она будет символизировать собой великую блудницу, виновную в прелюбодеяниях с царями земными. Для Кантрелла это, без сомнения, должна быть протестантка, усомнившаяся в прежних убеждениях, подобно несчастной миссис Бьюнс и бывшему монаху Локли. Мысли вертелись в голове: прелюбодеяние, цари, кто-то восьмой... Женщина, которая еще не предала истинную религию, но, несомненно, предаст ее, если свяжет свою жизнь с царем, исповедующим старую веру.

«Зверь, который был и которого нет, есть восьмой...»

Король Генрих VIII!

Я встал и посмотрел в окно. Пьяный охранник сидел на перевернутом ведре. Спустившись на первый этаж, я приблизился к Харснету и, пытаясь говорить как можно более спокойно, сказал:

— Я думаю... — Голос мой сорвался. — Я думаю, он замыслил убить Кэтрин Парр.

Глава 44

Я стоял перед заваленным бумагами письменным столом архиепископа Кранмера. Прелат сверлил меня пронизывающим взглядом, и я буквально физически ощущал силу ума, таящегося за его светло-голубыми глазами. У стола, также глядя на меня, стояли оба брата Сеймура. Мы с Харснетом только что закончили рассказ о нашем посещении дома Кантрелла. Оттуда мы отправились напрямик в Ламбет, и архиепископ распорядился немедленно послать за Сеймурами.

— Итак, убийца — Кантрелл, — подвел итог Кранмер. — Вы оставили людей в его доме?

— Трех констеблей, — ответил Харснет. — Они прячутся в доме и на заднем дворе. Если Кантрелл вернется, они в тот же миг схватят его.

— А если не вернется? — задал вопрос лорд Хартфорд.

Он, как обычно, предпочел сразу взять быка за рога.

— Что, если именно сейчас он разрабатывает план убийства восьмой жертвы?

— Нужно отправить взвод вооруженной охраны в дом Кэтрин Парр, — проговорил сэр Томас. — Необходимо сделать все для обеспечения ее безопасности. У меня есть люди в Чартерхаусе...

— Нет, — непререкаемым тоном отрезал Кранмер. — Что подумает король, узнав, что в доме Кэтрин Парр толчется целая ватага ваших людей? Боже милостивый, если с ней хоть что-то случится... Арестованных царедворцев уже стали выпускать, поскольку против них не нашли никаких улик. Боннер опасается производить новые аресты в Лондоне, он начинает бояться, что нарвется на сопротивление со стороны народа. Сегодня днем я виделся с королем, и он заверил меня в том, что по-прежнему доверяет мне. Но теперь, когда я и так скрыл от него так много всего, если что-нибудь случится с Кэтрин Парр...

— Мы не можем быть уверены в том, что догадки Шардлейка истинны, — заявил Хартфорд. — Кантрелл мог сочинить тысячу и один сценарий расправы над той, кого он считает великой блудницей.

— Верно, — согласился Кранмер. — Это он умеет. Но я хорошо знаю Книгу Откровения и полагаю, что Мэтью, скорее всего, прав. Мы пошлем в дом леди Кэтрин несколько человек из числа моей личной охраны, а для нее придумаем какую-нибудь правдоподобную историю о том, что до нас якобы дошли слухи о каком-то опасном воре, который собирается

проникнуть в ее дом.

Приняв решение, архиепископ вызвал секретаря и отдал ему два приказа: во-первых, отобрать дюжину лучших людей из дворцовой стражи и, во-вторых, перевезти на барже пятнадцать лошадей на другой берег Темзы.

На лице секретаря появилось озадаченное выражение.

— Целую дюжину, милорд? Но тогда дворец останется практически без охраны.

— Наплевать! Делайте, что вам приказано!

Впервые я увидел, как Кранмер вышел из себя.

— Велите начальнику стражи отобрать людей, а сами отправляйтесь в конюшни и лично подготовьте лошадей. Я желаю, чтобы пятнадцать лучших скакунов были готовы не позже чем через двадцать минут.

Лорд Хартфорд протянул руку и осторожно прикоснулся к плечу архиепископа. Тот кивнул и продолжал уже более спокойно:

— И самое главное: я хочу, чтобы в дом леди Кэтрин Парр на Чартерхаус-сквер был немедленно отправлен самый быстрый из гонцов. Пусть скажет хозяйке, что ее дом задумала ограбить банда опасных воров. Пусть управляющий сейчас же запрет все двери и окна, а сама леди Кэтрин остается дома и дожидается прибытия моих охранников.

Секретарь поклонился и вышел. Кранмер повернулся к Харснету.

— Грегори, я назначаю вас главным. Мэтью, вы с Бараком будете сопровождать коронера.

— Да, милорд.

Барак ждал в коридоре. По дороге во дворец Ламбет я послал домой записку, и он приехал сюда даже раньше нас. Ему все же удалось проследить путь сбежавшей Тамазин. Она была в доме одной из своих подруг, но не захотела видеть его, поэтому сейчас в груди Барака боролись раскаяние и злость.

Мою спину пронзила острая боль, и, не в силах сдержаться, я поморщился.

— Вам плохо? — осведомился Кранмер.

— В доме Годдарда мне обожгло спину, но это не страшно.

— Я знаю, Мэтью, на вашу долю выпало немало всего. — Он посмотрел на меня серьезным сосредоточенным взглядом. — Надеюсь, у управляющего леди Кэтрин в голове есть хоть немного мозгов. Игра еще далека от завершения.

Мы надели плащи и поторопились к выходу, по пути прихватив с

собой Барака. Пройдя через Большой зал, мы оказались в дворцовых садах. Уже вечерело, и солнце, опустившись за ширму белых облаков, окрасило ее в нежно-розовый цвет. Я поежился.

— Где охранники? — нетерпеливо осведомился Харснет.

— Начальнику стражи понадобится какое-то время, чтобы собрать их, — ответил Барак.

Харснет повернулся ко мне.

— Как вы себя чувствуете, Мэтью? — спросил он. — Не помешают ли вам ваши ожоги доехать до Чартерхауса?

— Я участвую в этом деле с самого начала и хочу присутствовать при его конце.

Послышался стук копыт и звон упряжи, и из ворот дворца вылетел всадник.

— Они послали гонца, — сказал Барак.

Через несколько секунд из-за угла здания появилась дюжина крепких и рослых мужчин в шлемах под командованием высокого сержанта лет тридцати, с орлиным носом и острым взглядом. Они были вооружены мечами и пиками. Судя по всему, неожиданное задание озадачило их: стражники привыкли патрулировать дворец и дворцовую территорию, а не носиться по Лондону.

— Мастер коронер? — обратился сержант к Харснету.

— Да.

— Я сержант Кибл.

— Ваши люди готовы?

— Да, сэр. Мне сказано, что мы должны немедленно отправляться на Чартерхаус-сквер.

— Совершенно верно. По дороге я объясню вам вашу задачу.

— В распоряжении Кантрелла был целый день для того, чтобы проникнуть в дом леди Парр, — шепнул мне Барак. — И я уверен, что он уже давно успел тайком обследовать все окрестности.

— Леди Кэтрин наверняка хорошо охраняют. Особенно учитывая то, какое значение имеет ее персона сейчас.

Секретарь архиепископа выполнил полученные указания безупречно: возле причала нас уже ждала лодка, а на лондонском берегу — отменные лошади. Мы с трудом передвигались по раскисшей от дождей дороге, по обеим сторонам которой меланхолично паслись коровы. От тряски моя несчастная спина горела словно в огне. Миновав Смитфилд, наш отряд оказался на Чартерхаус-сквер. Двери и окна стоявшего на углу трактира

«Зеленый человек» были заколочены досками. Мы проехали по заросшей травой площади и остановились у ворот бывшего монастыря. Небольшая группа нищих толклась у открытых дверей заброшенной часовни. При нашем появлении они даже не пошевелились. У попрошаек не было желания приближаться к отряду вооруженных людей.

Сэр Томас натянул поводья.

— Думаю, сначала нам стоит обыскать окрестности, — сказал он. — Если мы направимся напрямиком в дом, а убийца находится где-то рядом, он может сбежать, я же хочу, чтобы на сей раз он оказался пойман.

Сэр Томас посмотрел на меня тяжелым взглядом и направил лошадь в открытые ворота Чартерхауса. Мы последовали за ним.

Из водопроводной будки вышел Рассел, управляющий сэра Томаса.

— Я предлагаю послать трех или четырех людей из охраны архиепископа, чтобы они пешими осмотрели окрестности, — предложил сэр Томас. — А вы, Шардлейк и Барак, должны теперь оставаться в тени. Преступник вас знает.

И вновь его способности стратега сослужили хорошую службу. Трех из людей Кранмера отправили на разведку, мы же остались на монастырском дворе. Из двери водопроводной будки появился мужчина в заляпанной рабочей одежде и подошел к нам, вытирая руки тряпицей.

— Я сделал все, что мог, сэр Томас, — доложил он. — Кроме того, я отправил человека в Ислингтон. Тамошние реки и ручьи переполнены, поэтому за сливными воротами скопилось чересчур много воды.

— Но мы не можем оставить все как есть, мастер инженер, — сказал Харснет.

— Если дождей больше не будет, вода на полях Ислингтона начнет впитываться в землю, и давление на ворота уменьшится. В таком случае через несколько дней мы сумеем их открыть. Остается надеяться на то, что дождливая погода позади.

— Мне хочется поскорее убраться отсюда, — проворчал сэр Томас. — А вдруг сюда неожиданно заявится кто-нибудь из придворных и увидит, что на Чартерхаус, прямо напротив дома Кэтрин Парр, полным-полно моих людей? Это немедленно дойдет до Ричарда Рича, а тот сообщит королю. Пойдемте, мастер инженер, поглядим, что можно сделать.

Он прошествовал в водопроводную будку, инженер и Рассел — следом за ним.

— Сэр Томас намерен учить специалиста, как тот должен делать свою работу, — не скрывая сарказма, проговорил я.

Коронер вздохнул.

— Он прав. Нам совершенно ни к чему, чтобы Рич пронюхал о том, что здесь что-то не так, и в конце концов узнал бы, что сливные ворота были заблокированы трупом распятого мойщика посуды.

— Согласен с вами.

Я посмотрел на водопроводную будку, приоткрытая дверь которой была очерчена светом горевшей внутри свечи.

— Мне приходилось сталкиваться с Ричем. Ради продвижения по службе он готов на все. Как, впрочем, большинство придворных.

— К счастью, архиепископ не из этой породы. Он порядочный человек, человек принципов. На него вся надежда тех, кто радеет за реформу.

Я с любопытством взглянул на Харснета.

— Но при этом он верит в то, что Господь избрал нашего короля в качестве своего наместника на земле. А ваш образ мысли не допускает существования посредников между человеком и Богом.

— Он — все, что у нас есть. Не считая лорда Хартфорда, конечно. — Харснет улыбнулся каким-то своим мыслям. — Если настанет время, когда лорд Хартфорд станет править этой страной... Впрочем, на сегодняшний день нашим рулем и ветрилами является архиепископ. Ради того, чтобы защитить его, я готов пойти на все, абсолютно на все.

Последнюю фразу он проговорил со злой решимостью.

Мы услышали приближающиеся шаги и обернулись. Трое охранников из стражи архиепископа вернулись из дозора. Они вошли в водопроводную будку, а уже через несколько секунд оттуда выскочили сэр Томас и Рассел и поспешили к нам.

— Мастер Шардлейк, — заговорил сэр Томас, — вы сказали, что у лошади Кантрелла была характерная отметина в виде треугольника под носом?

— Да, так сказала нам старуха, его соседка. Гнедая лошадь с белой треугольной отметиной под носом.

— На общинном выгоне позади домов привязана именно такая лошадь, и никаких следов ее хозяина.

Харснет судорожно выдохнул.

— Вы снова оказались правы, — сказал он мне. — А я сомневался в вас. Простите.

Он повернулся к сэру Томасу.

— Нужно собрать людей архиепископа вместе. Время таится прошло. Мы должны теперь же войти в дом Кэтрин Парр.

— Я поведу их, — вызвался сэр Томас.

— А вот этого я бы не советовал делать, — сказал Харснет. — Вас там не должны видеть.

— Коронер прав, сэр, — тихо проговорил Рассел.

Поколебавшись, сэр Томас все же кивнул и при этом обжег взглядом Харснета и меня.

— Постарайтесь, чтобы все прошло без осложнений, — предупредил он. — Если с леди Кэтрин что-нибудь случится, вы оба оплатитесь головами, это я вам обещаю.

Он повернулся и зашагал прочь.

— Скотина! — пробормотал Барак, когда Сеймур отошел достаточно далеко.

— Не обращайтесь внимания, господа, — успокоил нас Рассел, — это всего лишь пустые угрозы. Он не может сделать ничего без дозволения брата.

Мы быстрым шагом пересекли заросшую деревьями площадь и вышли к большому дому, стоявшим на ее восточной стороне. Особняк лорда Латимера представлял собой внушительное трехэтажное здание, отделенное от дороги обширным садом. В нескольких окнах горел свет, и они напоминали большие серебряные подносы. Когда мы подходили к дому по усыпанной гравием дорожке, дверь открылась и на пороге показался человек с лампой в руке. Он приблизился к Харснету. Это был мужчина средних лет, с окладистой бородой и взволнованным выражением на лице. На его дублете я увидел герб лорда Латимера — серый щит с красным крестом.

— Мастер коронер? — спросил он.

— Да, это я. У вас тут все спокойно?

Мужчина утвердительно кивнул.

— Мы обыскали дом, но не нашли никого из посторонних. Леди Кэтрин мы сказали, что вокруг дома рыщет шайка грабителей, и попросили ее оставаться в своих покоях, но она настаивает на том, чтобы самой всем распоряжаться.

— Она просто не знает, с кем имеет дело, — мрачно сказал я.

— Этот гад где-то здесь, поблизости, — пробормотал Барак. — Я кожей чувствую.

Он окинул взглядом глубокие тени, которые отбрасывал дом. Вдоль внутренней стены росли деревья и густой кустарник — прячься, не хочу. Возможно, где-то там и затаился Кантрелл.

— Что вы имеете в виду? — озабоченно спросил управляющий с

тревогой во взгляде. — Я полагал, мы имеем дело с бандой воров.

— Мы охотимся за одним-единственным человеком. — Харснет посмотрел ему прямо в глаза. — Он сумасшедший, убийца. Леди Кэтрин следует сообщить о том, что ей грозит нешуточная опасность. Сколько входов имеется в доме?

— Два, — ответил мужчина, глаза которого округлились от страха. — Этот, главный, и задний, для торговцев и челяди.

— Приходил ли к вам сегодня кто-нибудь?

— Приезжал гонец от короля с посланием для леди Кэтрин.

Управляющий замешкался, но потом добавил:

— С того времени она сама не своя.

— Где она сейчас? — спокойным тоном осведомился Харснет.

— В своих комнатах, на втором этаже.

— Хорошо. Отправляйтесь к ней и скажите, что ей следует оставаться там. С вами пойдут двое наших людей и будут охранять ее.

Двое охранников и слуга бегом направились в дом. Харснет повернулся к остальным.

— Я хочу, чтобы шесть человек патрулировали снаружи, все остальные идут вместе со мной внутрь.

Охранники разошлись, чтобы выполнить приказ, а я мысленно восхитился способностью Харснета выступать в роли командира и его решительностью. Он, мы с Баракком и четверо оставшихся охранников вошли в дом.

Мы оказались в просторном зале, стены которого были увешаны дорогими гобеленами с изображениями древнегреческих и древнеримских богов на фоне зеленых кущ. Широкая лестница прямо перед нами вела наверх, у ее основания два деревянных льва, выкрашенных светлой краской, держали в лапах герб Латимера. В зал выходило несколько дверей. Одна из них была открыта, и из нее выглядывали перепуганные лица двух служанок.

— А ну-ка, брысь! — рыкнул на них Харснет, и они в тот же момент исчезли.

Со второго этажа спустился управляющий. Он, похоже, немного успокоился, и теперь его лицо выглядело сосредоточенным.

— Леди Кэтрин сказала, что останется в своих покоях, но она хотела бы поговорить с вами, мастер коронер.

Харснет набрал в грудь воздуха.

— Что ж, очень хорошо.

— Что вы ей скажете? — спросил я.

— Скажу, что до нас дошли слухи о каком-то убийце, и ни слова больше.

Он повернулся к управляющему.

— Проверьте, все ли слуги на месте и соберите их.

Мужчина кивнул и ушел в ту часть дома, где размещалась домашняя челядь, а Харснет, сделав еще один глубокий вдох, пошел вверх по лестнице. Мы с Баракком остались с четверьмя охранниками, которые нервно переминались с ноги на ногу, держа руки на эфесах клинков.

— Значит, это правда, сэр? — спросил один из них. — Леди Кэтрин действительно преследует какой-то сумасшедший?

— Похоже на то.

Через несколько минут вернулся Харснет. Вид его был мрачен.

— Леди Кэтрин пообещала оставаться у себя, — сообщил он тихим голосом. — Она умная и покладистая женщина, но, как мне показалось, чем-то напугана.

Открылась дверь лакейской, и в зал снова вошел управляющий.

— Все слуги на месте, сэр. Они собрались на кухне. Все, кроме горничной леди Кэтрин, которая сейчас находится с хозяйкой. Им сказали про шайку грабителей, и они не на шутку напуганы.

— Привозили ли вам сегодня что-нибудь? — спросил его Барак.

— Нам ежедневно что-нибудь привозят. Об этом лучше других знает повар.

— Вот и давайте спросим у него, — решил Харснет. — Вы мыслите в правильном направлении, мастер Барак. А вы, — обратился он к охранникам, — оставайтесь здесь.

Коронер перевел взгляд на слугу.

— Отправляйтесь к своей хозяйке. Ваше место сейчас рядом с ней.

Мы вошли в дверь для слуг, прошли по выложенному каменной плиткой коридору и оказались в просторной кухне. Над огнем жарилась половина косули, мальчишка крутил вертел и поливал мясо соусами. Вокруг большого стола расселась перепуганная челядь.

— Кто повар? — спросил Харснет.

— Я, сэр. — Вперед выступил толстый мужчина. — Меня зовут Гривс.

— Какие доставки вы сегодня получали?

— Джордж и Сэм привезли эту косулю со Смитфилдского рынка. — Повар кивнул в сторону очага. — А утром приходил угольщик. Он привез новую порцию угля, который мы сложили в подвал.

— У кого вы берете уголь? — задал вопрос я.

— У одного человека со Смитфилда. Его зовут Робертс, и он снабжает

нас углем вот уже много лет.

Парень, крутивший вертел, повернул к нам свою веснушчатую физиономию.

— Сегодня он прислал вместо себя своего нового помощника, — сообщил мальчишка. — И на прошлой неделе тоже. Я впустил его.

Мы с Бараком переглянулись.

— Как он выглядел? — спросил я у парнишки.

— Честно говоря, я не особо разглядел его лицо. Он был весь черный от угольной пыли. Он словно специально вывалялся в угле.

— Этот человек был высоким или низким?

— Высоким и худым, сэр. Он, как положено, отнес уголь в подвал. Я показал ему, где это, на прошлой неделе.

— Ты видел, как он выходил оттуда?

Мальчик отрицательно мотнул головой.

— Нет, сэр. Мастер Гривс велел мне почистить репу, и я пошел в кладовую.

Повар занервничал.

— Не могу же я сам принимать каждую доставку! — оправдывающимся тоном сказал он.

— Видел хоть кто-нибудь, как уходил посыльный угольщика?

Слуги дружно замотали головами.

— Ты должен был пойти в подвал вместе с ним, Джеймс, — принялся отчитывать поваренка Гривс. — В доме много ценных вещей...

— Отведите нас в подвал, — прервал его Харснет и, повернувшись ко мне, спросил: — Это может быть он?

— Судя по описанию — да.

— Но как он догадался, что в доме ждут угольщика?

— Вероятно, он долго следил за домом, отмечая для себя каждую доставку. А с угольщиком Робертсом он, вероятнее всего, поступил точно так же, как с несчастным поверенным, — мрачно ответил я и повернулся к повару. — Ну же, поторопитесь!

— Я позову солдат, — сказал Харснет.

Повар провел нас коридором и остановился возле люка в полу с вделанным в него металлическим кольцом. Харснет сходил за охранниками, остававшимися в зале, и они присоединились к нам.

— Что находится внизу? — спросил Харснет.

— Фляги с вином, корзины с овощами и уголь. А еще там есть другой люк, ведущий к системе канализации.

— Это часть общей канализации Чартерхауса? — уточнил Харснет.

— Да, сэр. Наш дом — последний в системе, и после того, как вода проходит через наши трубы, она выливается в речку, текущую у дома. Отверстие, через которое сливается вода, закрыто большой металлической решеткой, так что через него в дом никто не мог пробраться.

— Вы думаете, он затаился там, внизу? — спросил Харснет.

— Вряд ли, иначе он оказался бы в западне. Нет, если он и спрятался где-то в доме, то в таком месте, где есть путь для отступления.

— Мы должны провести тщательный осмотр, — сказал Харснет. — Вы, двое, спуститесь вниз и обыщите подвал и канализацию.

— В канализации сухо, сэр, — сообщил повар. — Что-то случилось с механизмом слива в Чартерхаусе.

— Мне это известно.

Принесли факелы, крышку люка открыли, и два охранника Кранмера спустились в подпол. Я бросил взгляд в просторный темный подвал, заставленный бочками и корзинами. В углу возвышалась большая куча угля. Охранники заглянули за каждую бочку и даже несколько раз проткнули клинками груды угля, проверяя, не спрятался ли кто в ней. Затем они осмотрели люк, ведущий в канализацию.

— Он запирается на засов сверху, — крикнул нам один из них. — Там, внизу, никого не может быть.

— Все равно проверьте.

Охранники открыли крышку люка, и на нас дохнуло холодом и зловонным духом.

— Полежайте! — приказал Харснет.

Они спустились вниз. Вскоре снова послышались шаги подошв по железному полу, и кто-то крикнул снизу:

— Никого!

Пришел один из солдат, которым Харснет велел обыскать дом, и доложил:

— Посторонних не обнаружено, сэр.

Мы с Харснетом обменялись взглядами.

— Возможно, он выбрался из дома в тот момент, когда прибыл гонец от Кранмера и начались поиски? — предположил Барак. — Понял, что затевается что-то против него.

Харснет мрачно кивнул.

— Даже если так, леди Кэтрин на протяжении некоторого времени потребует опеку и охрану. Вы, четверо, еще раз прочешите весь дом. Прошу вас, постарайтесь как следует. Загляните в каждый угол, в каждую

щель.

Мы вернулись в зал.

— Мне нужно еще раз повидаться с управляющим, — сказал Харснет и ушел, оставив нас с Баракком вдвоем.

Барак направился к лестнице.

— Ты куда это собрался? — спросил я его.

— Подумал, что мне стоит принять участие в осмотре дома. — Он грустно улыбнулся. — Может, хоть так сумею отвлечься.

— Я пойду с тобой.

Мы поднялись по широкой лестнице. На втором этаже был еще один коридор, а прямо перед нами — две приоткрытые двери. На пороге каждой из них стоял стражник. Из одной двери выглянула молоденькая девушка со светлыми волосами, в красном бархатном платье. Должно быть, одна из фрейлин леди Кэтрин.

Подойдя ближе, я увидел две открытые внутренние двери. За одной из них виднелась кровать, украшенная богатой драпировкой и яркими гобеленами, рядом с ней стояли Харснет и управляющий. Они разговаривали с высокой женщиной. Я сразу узнал точеную фигуру и строгое лицо Кэтрин Парр. Она обернулась, увидела меня, и ее глаза сузились от испуга. Я понял, что в тот день, когда она ехала в траурном кортеже через Вестминстер и мы встретились взглядами, она не запомнила меня. Возможно, сейчас она решила, что представший перед ней человек странного вида и есть убийца.

— Вы не должны заглядывать сюда! — возмущенно отчитала меня юная фрейлина.

— Я... Прошу прощения, — промямлил я. — Я не хотел...

Но она уже захлопнула дверь перед моим носом.

Барак посмотрел на меня сочувственным взглядом.

— Откуда вам было знать... — заговорил он, но тут же умолк, поскольку с улицы раздался истошный крик.

— Пожар! Помогите! Пожар!

Глава 45

Харснет опрометью выскочил из покоев леди Кэтрин. Несколько секунд он непонимающе смотрел на меня, а потом мы оба кинулись к ближайшему окну. В темноте были видны сполохи пламени. На пороге комнат леди Кэтрин топтался ее управляющий. Харснет выкрикнул ему приказ оставаться со своей госпожой.

Пылала большая летняя беседка, стоявшая на противоположной стороне лужайки, из всех ее окон вырывались языки пламени, а клубы дыма черными змеями ползли по направлению к дому. Во дворе суетливо бегали слуги и охранники, поднося к пожарищу ведра воды. Перед лицом такой страшной опасности, которую неизменно представляет собой пожар, дисциплины как не бывало.

— Что он задумал? — выдохнул Харснет.

— Пытается отвлечь нас, — обеспокоенно ответил я. — Сейчас же прикажите сержанту вернуть всех его людей в дом!

Несколько мгновений коронер смотрел на меня, а затем развернулся и бегом побежал вниз по лестнице. Барак распахнул окно и выглянул наружу. Беседка была объята пламенем целиком. Спасти ее уже было невозможно, но при этом она находилась на достаточно большом расстоянии от дома, и опасаться, что огонь перекинется на него, не приходилось. Мы видели, как во двор выбежал Харснет и криками принялся созывать охранников обратно. Я обернулся и посмотрел на закрытые двери покоев леди Кэтрин.

— Если он пытается увести от нее всех, кто здесь находится, можно считать, что он потерпел фиаско. Пошли!

Мы поспешили на первый этаж. От резких движений мою спину снова свела боль, и мне пришлось крепко сжать губы, чтобы не застонать. Через распахнутую входную дверь мы видели бегущих стражников, сержант покрикивал на них, приказывая взять под охрану все окна и двери. Здание постепенно заполнял едкий запах дыма.

— Подлинный хаос! — проговорил я. — Так случается всегда во время пожара, и Кантрелл это знает.

— Вы думаете, он все еще где-то снаружи? — спросил Барак.

— Он мог вернуться после того, как устроил пожар.

Барак почему-то не ответил. Я повернулся к нему, но он поднес палец к губам и показал на неплотно закрытую дверь комнаты сзади нас.

— Там открыто окно, — прошептал он. — Я чувствую сквозняк.

Он вытащил из ножен шпагу, я обнажил кинжал. Сделав шаг назад, Барак выждал пару секунд и ударом ноги распахнул дверь. Мы ворвались внутрь.

Это была кладовая, забитая столами, стульями и диванными подушками, уложенными вдоль стен. Мы никого не увидели, но одно из окон, выходящих на лужайку, было наполовину открыто. Барак закрыл дверь, проверяя, не прячется ли кто-нибудь за ней, но увидел лишь голую стену. Тогда он принялся орудовать шпагой под грудой сваленных как попало столов и стульев. Кашляя от дыма, я подошел к окну. В лунном свете я видел, как рухнуло то, что осталось от беседки, взметнув в воздух грандиозный сноп искр. Несколько человек, остававшихся на лужайке, в испуге отпрыгнули назад. Я вспомнил дым в доме Годдарда и снова испытал боль в спине. И тут я услышал за своей спиной металлический лязг и глухой стук.

Я развернулся. Барак лежал на полу, его лоб был залит кровью, шпага валялась рядом. А над ним, разбросав кучу подушек, где он до этого прятался, возвышался Кантрелл, одетый в свои обычные лохмотья. В руке он держал ту самую палку, которую показывал мне в своем доме. Очков на нем не было, и теперь я понял, что имела в виду старуха, говоря о том, что у него странные глаза. Они были большими, светло-голубыми, а внутри них таилась какая-то темная тяжесть, какой мне еще не приходилось видеть в человеческих глазах. Кантрелл не косил и не щурился. Его зрение было в полном порядке. Значит, все это время он лишь прикидывался близоруким, пытаясь одурачить нас, и ему это удалось. Взгляд его страшных глаз лишал сил, будто высасывая мою сущность. Меня охватило жуткое чувство.

Я сжал в руке свой кинжал, но Кантрелл оказался проворнее. Плавным, как у леопарда, движением он наклонился, поднял с пола шпагу Барака и приставил ее острие к моему горлу. Куда только подевалась его неуклюжесть! Я в отчаянии посмотрел на лежащего Джека. В лучшем случае тот был без сознания...

— Иудей вам уже не поможет.

Голос Кантрелла звучал низко, в нем не было и в помине унылых ноток. Он бросил свою дубинку на подушки, а шпага Барака продолжала прижиматься к моему горлу. Острие едва не прокалывало мне кожу.

— Вот вы и попались, — хмыкнул он. — Сам Бог преподнес вас мне. Поджигая беседку, я знал, что все примутся метаться, как перепуганные муравьи.

Он засмеялся каким-то странным детским смехом, от которого меня пробрал ужас до самых костей.

— Кэтрин Парр хорошо охраняют, — сказал я, пытаясь не сбиться с дыхания.

— Я думал, вы решите, что после Годдарда, седьмой чаши гнева, все закончилось.

Он с серьезным выражением лица покачал головой.

— Но дьявол знает, что Кэтрин Парр и есть та самая великая блудница, о которой говорится в пророчестве. Это дьявол раскрыл вам истину.

Кантрелл наморщил лоб и стал похож на обиженного ребенка.

— Но Господь привел вас ко мне, чтобы уничтожить врага и укрепить мою длань.

Он посмотрел на бездыханного Барака, ткнул его носком башмака и улыбнулся собственной сообразительности. Лицо Барака было белым как полотно. Я мысленно молился, чтобы он был жив. Снаружи послышались голоса, но я не осмелился позвать на помощь, понимая, что Кантрелл в тот же миг проткнет мне горло.

— На колени! — прошипел он и сильнее прижал острие клинка к моему горлу.

Поколебавшись, я опустился на колени на деревянный пол. Обожженная кожа на спине натянулась и откликалась острой болью на каждое движение. В колено вонзилась острая щепка. Кантрелл что-то вытащил из кармана. Маленький стеклянный флакон с желтой маслянистой жидкостью. По-прежнему держа клинок у моего горла, он откупорил склянку и протянул ее мне.

— Выпейте, — велел он.

Я со страхом смотрел на пузырек, поскольку знал, что это такое. Двейл. Прелюдия к пыткам и смерти.

— Вам нипочем не выбраться из этой комнаты, да еще с моим бессознательным телом, — сказал я. — Дом битком набит охранниками.

— Пейте, иначе я сначала перережу горло вам, а потом — иудею.

Он сильнее нажал на шпагу. Я почувствовал острую боль, и по шее потекла струйка крови.

— Хорошо.

Я взял склянку. Жидкость пахла медом, в который Кантрелл намешал дьявольское зелье. Рука дрожала. Я подумал, что, если откажусь пить и он убьет меня прямо сейчас, моя смерть, по крайней мере, окажется легкой. Но тогда непременно погибнет Барак. Выпив снадобье, я проживу чуть дольше, а инстинкт выживания всегда оказывается сильнее остальных. Я поднес пузырек к губам. Горло сжалось, и я подумал, что не смогу проглотить жидкость, но тем не менее выпил ее одним глотком. Интересно,

подумалось мне, через сколько времени начнется действие двейла? Может, до того, как это случится, в комнату кто-нибудь войдет? И тут же на меня навалилась огромная тяжесть, словно тело стало весить в десять раз больше. Это было на удивление странное чувство. Я пытался сделать вдох, но не мог. А затем весь окружающий мир куда-то исчез.

Я очнулся в темноте от омерзительного запаха помойной ямы, от которого меня сразу затошнило. Я задышался. Собственное тело казалось мне тяжелым и неповоротливым. Спину пронизывала боль. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что мои запястья и щиколотки связаны. Я находился в сидячем положении, прислонившись спиной к кирпичной стене, подо мной был каменный пол, покрытый какой-то отвратительной слизью.

Сбоку находился какой-то источник света, и я с усилием повернул голову в ту сторону. Это была лампа, в которой горела жирная свеча. Рядом сидел, скрестив ноги, Кантрелл, глядя на меня задумчивым взглядом. Огонек свечи отражался в его зрачках. Он находился всего в четырех футах от меня. Возле него лежала шпага Барака.

Только сейчас я ощутил, какой холод царит в этом непонятном помещении, и поежился; в ответ на это царапина на моей шее ужалила меня острой болью.

— Проснулись? — будничным тоном осведомился Кантрелл.

— Где мы? — спросил я.

Во рту пересохло, отчего голос напоминал хриплое карканье.

— В канализации. Под домом.

Я огляделся. В кирпичных стенах были видны длинные узкие ниши, через которые расположенные сверху туалеты соединялись с главной системой канализации. Когда мои глаза немного привыкли к темноте, я увидел впереди большую металлическую решетку, за которой мерцало звездное небо. В нескольких местах толстые железные пруты были сломаны и торчали, подобно острым пикам, под разными углами. В отверстие можно было разве что просунуть руку. Мы находились в мышеловке. За решеткой слышался звук бегущей воды. Вероятно, это была та сама речушка, в которую сливалось содержимое канализации.

— Я завалил вас подушками и сам спрятался там же, — стал рассказывать Кантрелл обыденным, чуть ли не приятельским тоном. — В комнату несколько раз заходили, но все думали, что мы выбрались из нее через окно. Они суетились как ошпаренные, думая лишь о том, как спасти великую блудницу. А когда в доме немного успокоилось, я спустил вас

сюда.

— А Барак?

— Все еще спрятан под подушками. Они найдут его.

— Он мертв?

Кантрелл пожал плечами.

— Не знаю. Да это и неважно.

Он наморщил лоб, погружившись в какие-то свои мысли.

— А почему же я жив? — осмелился я задать вопрос по прошествии нескольких минут.

Кантрелл нахмурился.

— Не отвлекайте меня! — со злостью сказал он. — Вы мешаете мне думать!

Я умолк. Свеча медленно догорала, а Кантрелл продолжал предаваться своим размышлениям. Наконец он вздохнул и посмотрел на меня тяжелым беспощадным взглядом.

— Вы встали на пути планов Господа, — изрек он. — Даже не знаю, что теперь делать.

Он покачал головой.

— Я не выполнил последовательность в нужном порядке и потому потерпел неудачу.

— Я не понимаю.

Кантрелл приложил ладони к вискам.

— У меня кружится голова. С того дня, когда Господь впервые заговорил со мной, было так много посланий, так много мыслей...

Он издал вздох, больше напоминающий стон.

— Господь надоумил меня установить заряд так, чтобы вы могли спастись и подумали бы, что все это устроил Годдард, но Годдард не был отступником от истинной религии, и поэтому пророчество оказалось неисполненным. Вы тот отступник, на которого должна быть излита седьмая чаша, вы посредник дьявола, и вам по-прежнему суждено погибнуть в великом землетрясении.

Кантрелл говорил очень быстро, обращаясь скорее к самому себе, нежели ко мне.

— Это необходимо для того, чтобы пророчества исполнились, а я смог убить великую блудницу. Теперь я это отчетливо понимаю.

Он посмотрел на меня.

— Но у меня не получается придумать, как сделать это здесь, внизу, а выпустить вас живым я тоже не могу.

Безумец нацелил на меня костлявый палец.

— Я понял, что вы посланец сатаны, уже тогда, когда вы пришли на то место, где я оставил доктора Гарнея. Я обратил внимание на вашу горбатую спину, которая является верным признаком искривленной души. Я узнал, что вы предали истинную реформу. У вас был грустный, потерянный вид. Я заметил это в тот день, когда увидел вас на берегу реки. И тогда же подумал: «Да, именно так и должен выглядеть человек, одержимый дьяволом».

Я с содроганием думал: «Бормотал ли он что-нибудь подобное Тапхольму или миссис Бьюнс, когда они умирали в мучительной агонии?»

Меня била дрожь, но в основном из-за царившего в подземелье холода. Я продрог до костей. Я мерз на протяжении нескольких последних недель, но до такой степени не замерзал еще никогда. Что до Кантрелла, то он, похоже, вовсе не ощущал холода.

— Мне придется вытащить вас отсюда живым, — продолжал он, — для того, чтобы придумать для вас подходящую смерть.

Я испытал облегчение. Значит, по крайней мере, в ближайшее время меня не ждут ни пытки, ни смерть, если только что-нибудь в пылающем, скособоченном мозгу Кантрелла не прикажет ему убить меня здесь же.

Кантрелл достал из кармана большой узкий пинцет, поднял его и улыбнулся. Я испуганно моргнул.

— О спасении даже не мечтайте, — сказал он. — Никому и в голову не придет, что мы находимся здесь, внизу. Спустив вас в подвал, я использовал этот пинцет, чтобы снизу задвинуть верхний засов. Там большие щели, так что это оказалось несложной задачей.

Он посмотрел на ошметок грязи, прилипший к его руке, вытер ее об одежду и сморщился.

— До чего отвратительное место!

После этого Кантрелл посмотрел на меня взглядом, от которого по коже побежали мурашки.

— Это по вашей вине мне приходится торчать здесь!

Кантрелл умолк и вновь погрузился в свои мысли. Я знал, что он сумасшедший, и его поглощенность собственными идеями напоминала одержимость Адама Кайта в худшие для того периоды. Однако в Кантрелле чувствовалось нечто дикое, необузданное, к пониманию чего я еще даже не приблизился. В любой момент этот безумец мог вскочить и прикончить меня, но он продолжал сидеть в задумчивости. А через некоторое время вдруг заговорил:

— Годдард скверно со мной обращался. Он был несдержан на язык, но пожалел об этом, когда я вбивал гвозди в его челюсти прежде, чем лишить

его сознания с помощью двейла.

Он улыбнулся.

— Какой удивленный у него был вид, когда я проник в дом и вырубил его! Он-то считал меня глупцом, но под конец жизни убедился, что это не так.

Моя спина горела, запястья и лодыжки онемели от веревок, но я внимательно слушал своего мучителя. А он говорил, даже не глядя на меня.

— Когда монастырь закрыли, а я оказался выброшенным на улицу, у меня стала кружиться голова. Я ощущал себя беспомощным, как утлый челн в великую бурю. Таков был промысел Божий. И вот настал день, когда я услышал Его голос и понял, что являюсь избранным.

Кантрелл посмотрел на меня и едва заметно улыбнулся. Похоже, он впервые обратил внимание на то, в каком неудобном положении я нахожусь, и, склонив голову набок, спросил:

— У вас что-то болит? Может быть, спина?

— Да.

— А вы подумайте о том, каково вам придется в аду. Там вас уже ждут все ваши друзья: и мастер Эллиард, и остальные. Возможно, дьявол даст вам кирку и заставит дробить камни посреди адских костров — вечно, невзирая на мучительную боль в вашей горбатой спине.

Он ухмыльнулся.

— Именно так следует карать врагов нашего Господа.

Мне показалось, что я услышал какой-то звук в канализационном коридоре, и я напряг слух. Если мои сторонники сумеют подкрасться незамеченными, я спасен. Но это оказалось иллюзией. В подземелье вновь повисла тишина, нарушаемая лишь бормотанием ненормального, сидевшего рядом со мной.

— Поверенный Фелдэй сказал мне, что вы знали Эллиарда? — спросил Кантрелл.

— Да, он был моим другом. — Я глубоко вздохнул. — Именно тогда я решил для себя, что непременно найду вас.

— Нет-нет, это был дьявол, — яростно помотал головой Кантрелл, а потом вскочил на ноги и схватил клинок. — Не смейте обманывать меня!

Он опустился на колени передо мной, и острое клинка вновь оказалось у моего горла.

— Скажите правду! — потребовал он. — Ведь вы одержимы дьяволом. Признайтесь, что он внутри вас!

И тут до моего слуха донеслись те самые звуки, которые я так мечтал услышать. Где-то вдалеке послышались металлический лязг, скрип петель и

приближающиеся голоса. Сердце мое провалилось. Кто-то открывал сливные ворота, которые сдерживали напор воды. Они знали или подозревали, что мы находимся где-то внизу, и хотели смыть нас, как крыс. Я помнил слова Харснета о том, что он готов на все ради того, чтобы защитить архиепископа.

— Признайтесь, что в вас сидит дьявол!

Лицо Кантрелла было перекошено яростью, а я не знал, что сказать. В каком случае он скорее убьет меня — если я признаю его безумные объяснения или стану их отрицать?

— Я ничего не соображаю, — уклонился я от ответа. — У меня в голове полный сумбур...

А сам лихорадочно думал: «Что, если, когда хлынет поток воды, забраться в ближайшую нишу и изо всех сил вжаться в нее?»

— Дьявол борется внутри вас, — продолжал бормотать Кантрелл. — Признайте это. Я приказываю вам именем Иисуса Христа!

Он повел клинком, и на моей шее появился новый порез.

И тут в нас ударила тугая волна холодного воздуха и раздался оглушительный ревущий звук. Кантрелл резко развернулся. В свете свечи я увидел огромный вал воды и пены, несущийся по канализационному тоннелю прямо на нас. Я заставил себя перекатиться влево, в расположенную там нишу. Кантрелл не успел произнести ни звука. Вода смыла его, как муху, и в моей памяти запечатлелась его долговязая фигура с растопыренными в стороны руками, словно он собрался куда-то лететь.

Мощное течение спасло мне жизнь, поскольку напором воды меня прижало к дальней стене ниши, и только благодаря этому поток не утащил меня с собой. Спиной я уперся в одну стену ниши, связанными ногами — в противоположную, и изо всех сил пытался удержать равновесие. Боль во всем теле была ужасная, но я понимал, что должен удержаться во что бы то ни стало, иначе меня смоеет. Вода бурлила вокруг, пытаясь вырвать меня из моего укрытия. Ноги дрожали, шершавые кирпичи немилосердно обдирали спину, но я терпел. Вода уже поднялась до шеи и заливала рот, легкие горели, а волосы налипли на лицо, подобно зловонным водорослям. Неужели это конец? Неужели все вот так и закончится?

Что-то снова потянуло меня. По ощущению это напоминало отливную волну, на самом же деле просто начал понижаться уровень воды. Вот она опустилась ниже подбородка, ниже груди и наконец совсем ушла с каким-то мрачным прощальным всхлипом.

Я перестал упираться ногами в стену и рухнул на кирпичный пол,

ударившись плечом и закричав. Сейчас я представлял собой сгусток боли, мокрый и вонючий. Я выкатился из ниши в главный тоннель. В голове билась только одна мысль: если мне удалось выжить, Кантрелл тоже мог уцелеть.

В сточный люк, забраный решеткой, сочился слабый свет. Занимался рассвет. Значит, мы находились здесь всю ночь. Я лихорадочно огляделся. Где он сейчас? И тут мое сердце провалилось в пятки: он сидел у решетки и смотрел на меня.

Из моей груди вырвался стон. От слабости я не мог не только драться, но и думать. Но Кантрелл оставался неподвижным. Я изо всех сил вглядывался в него сквозь сумрак, пытаюсь понять, дышит ли он. Один или два раза за несколько минут, тянувшихся целую вечность, мне показалось, что он пошевелился. А потом я увидел огни, замелькавшие позади решетки, крики, и несколько человек прыгнули в сточную речушку и, борясь с течением, стали пробираться к сливному отверстию. В руках они держали факелы, и их крики стали еще более возбужденными, когда они увидели Кантрелла, сидящего к ним спиной. Теперь, в свете факелов, я увидел, что из его груди торчит толстый металлический прут. Могучий поток воды насадил убийцу на железную арматуру, как цыпленка на вертел. Второй прут проткнул ему голову, и лицо Кантрелла было залито кровью и мозгами. Его глаза были открыты, в них застыли удивление и злость. Должно быть, в последние секунды он окончательно понял, что потерпел неудачу. Мне показалось странным, что на протяжении всей ночи я ни разу не почувствовал, что рядом со мной находится само зло.

Над решеткой наклонился стражник с ключом в руках и отпер замок.

— Адвокат здесь! — крикнул он. — Живой!

Харснет вошел в тоннель и поднес факел к моему лицу. Наши глаза встретились.

— Барак жив? — прохрипел я.

— Да.

— Вы меня едва не утопили.

Он выглядел грустным, но ничуть не пристыженным. Лицо его оставалось сосредоточенным.

— Мы предполагали, что вы находитесь здесь, — медленно заговорил коронер, и в его речи снова зазвучал западный акцент. — На засове люка мы обнаружили царапины и поняли, что кто-то исхитрился закрыть его снизу. Я побоялся, что, обладая столь разносторонними способностями, он ускользнет от нас, даже если я пошлю в погоню за ним дюжину людей.

Пустить в тоннель воду было единственным способом убить его наверняка.
Простите, Мэтью.

Глава 46

Через три дня в мой дом пожаловал неожиданный гость.

Я все еще лежал в постели, поправляясь после тяжелых испытаний, выпавших на мою долю в последние дни, как вдруг в спальню ворвалась запыхавшаяся Джоан и сообщила, что нас удостоил посещением сам лорд Хартфорд. Я понимал, что, согласно правилам приличия, должен подняться с кровати и принять его в гостиной, но я был слишком измучен и поэтому велел домохозяйке провести гостя прямо ко мне.

Лорд Хартфорд был одет в дорогой, подбитый мехом плащ, из-под которого виднелся зеленый дублет. Я невольно подумал, как сильно он отличается от своего вечно расфуфыренного брата. Прежде этот государственный муж неизменно удивлял меня своей несокрушимой серьезностью, но в этот раз он был расслаблен и, усевшись на стул возле постели, одарил меня дружеской улыбкой.

— Простите, что приходится принимать вас здесь, — извинился я.

Он протестующе поднял руку.

— Я был потрясен, узнав о том, что вам пришлось пережить в той ужасной канализации. И раньше — в доме Годдарда. Мы бы никогда не сумели остановить Кантрелла, если бы вы не догадались, что убийство Годдарда предназначено лишь для того, чтобы сбить нас со следа. В таком случае Кэтрин Парр была бы уже мертва.

Я вздохнул.

— Очень жаль, что нам не удалось остановить его раньше. Погибли девять человек, включая поверенного и ни в чем не повинного угольщика, которого мы также нашли мертвым.

— Леди Кэтрин знает, что именно вы спасли ей жизнь, — сказал лорд Хартфорд. — Знает и благодарит вас.

— Вы рассказали ей про Кантрелла?

— Рассказали, но не все. Она лишь знает, что был некий убийца, выбравший ее в качестве жертвы. Харснету в тот вечер пришлось убедить ее оставаться в своих комнатах. Тогда же она на мгновение увидела вас и решила, что вы и есть тот самый преступник.

— Я так и подумал.

— Я рассказал ей, что она обязана вам своей жизнью. Она хочет встретиться с вами и лично выразить вам свою благодарность. Она настоящая леди и не забывает добра.

— Я польщен.

Это было действительно так, но при этом я понимал, что кто-то из царедворцев — умный и хитрый — взял меня на заметку. Я снова посмотрел на лорда Хартфорда. Он улыбался и был совершенно счастлив.

— Не знаю, когда она придет за вами. В следующие несколько месяцев леди Кэтрин предстоит много хлопот, поскольку она все же согласилась выйти замуж за короля.

— Согласилась?

— Она сочла, что такова воля Божья.

— Когда состоится свадебная церемония? — спросил я.

— Не раньше лета. Король желает, чтобы их обвенчал епископ Гардинер. — Хартфорд засмеялся. — Представляю, как тот будет скрежетать зубами, сочетая узами брака короля и сторонницу реформы.

— Но почему в таком случае король женится на ней, если сам он настроен против религиозных реформ? — не удержался я от вопроса.

— Он давно положил глаз на леди Кэтрин. Еще до того, как умер ее супруг. Кроме того, он стар, болен и одинок.

— Это будет его шестой брак. Переживет ли он его, как вы думаете?

— Все в руках Божьих. Теперь члены семьи Парр могут рассчитывать на высокие посты и привилегированное положение при дворе. Они все реформаторы. И архиепископу Кранмеру больше ничто не грозит.

— Правда?

Я был рад слышать это.

— Да. Король понял, что все обвинения Гардинера в адрес окружения его высокопреосвященства не стоят и выеденного яйца, учредил комиссию для расследования подоплеки дела и поставил во главе ее самого архиепископа Кранмера. Гнусный план Гардинера оказался раскрыт и потерпел неудачу. Точно так же провалилась и кампания епископа Боннера, направленная против праведных людей. Она не выявила ничего, что даже он смог бы назвать ересью. Все испытали облегчение, но все равно в течение некоторого времени придется соблюдать осторожность. И все же течение изменилось и стало благоприятным для нас.

— А что с настоятелем Бенсоном?

— Он по-прежнему занимает свою должность, но архиепископ Кранмер велел ему держать рот на замке.

— Если бы он остановил Годдарда и Локли, запретил бы им использовать двейл, чтобы добывать зубы у бедных людей, много жизней было бы спасено.

— Мы сейчас не можем раздувать скандал вокруг этого. Подумайте,

что начнется, если все подробности этой истории станут достоянием гласности.

Лорд Хартфорд несколько секунд смотрел на меня внимательным взглядом, перебирая пальцами свою длинную бороду.

— Вы показали, чего стоите, мастер Шардлейк. Не хотели бы вы работать на меня, как когда-то работали на лорда Кромвеля?

— Благодарю вас, милорд, но если я чего и хочу, так это спокойной жизни. Я работаю в суде прошений и пытаюсь учредить больницу для бедных, для чего собираю средства среди юристов Линкольнс-Инн.

— Мой брат Томас вскоре покинет Англию, чтобы занять пост посла в испанских Нидерландах. Я знаю, он был жесток по отношению к вам, и извиняюсь за него. Вы его больше никогда не увидите.

— Не принимайте это близко к сердцу. Издевки меня не задевают. Я много их наслушался за свою жизнь.

Он склонил голову в знак признательности.

— Я тоже очень хотел бы помочь бедным людям. Последние годы выдались для них особенно нелегкими. Возможно, я сумею помочь вам в осуществлении ваших планов. Мое покровительство может оказаться весьма полезным для вас, точно так же, как ваши навыки — для меня.

— Простите, милорд, но я не создан для публичной жизни и не умею принимать жесткие решения, без которых не обойтись людям вашего круга.

Лорд Хартфорд посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом, но кивнул.

— Будь по-вашему, — тихо проговорил он. — Вам в последнее время и без того пришлось настрадаться, и теперь вы будете долго приходить в себя. Но все же подумайте над моим предложением.

— Коронер Харснет едва не утопил меня. Мне казалось, хотя бы поэтому он мог бы навестить меня, но он не соизволил.

— Не думаю, что решение открыть сливные ворота он принял с легким сердцем.

— А я полагаю, что это его решение было исполнением Божьей воли. Много ли домов оказались затоплены?

— Некоторые действительно залило водой.

— Почему же Харснет решил, что мы с Кантреллом находимся внизу? — с любопытством спросил я.

— Засов на крышке люка, ведущего в канализационные тоннели, был закрыт не до конца, хотя Кантрелл думал иначе. Харснет сразу понял, что кто-то спустился вниз. Но поймите, мастер Шардлейк, если бы Харснет и его люди бросились бы вам на выручку по тоннелю, Кантрелл наверняка

убил бы вас раньше, чем они подросли на помощь.

— Да, такая вероятность была, но коронер должен был понимать, что, выпуская в тоннель такую огромную массу воды, он убьет нас обоих. Это настоящее чудо, что мне удалось укрыться от потока в нише и что уровень воды опустился раньше, чем я успел утонуть.

— Коронер решил, что следует поступить именно так.

— Милорд, если люди, состоящие на службе в Уайтхолле, полагают, что поступать следует именно так, я предпочту остаться адвокатом.

Поняв, что он потерпел поражение, лорд Хартфорд встал, и я подумал, что мы с ним вряд ли увидимся снова. Он был амбициозным царедворцем и пытался собрать вокруг себя людей, которые работали бы на него. Он также был человеком принципов, как Кромвель. Но при всех его способностях лорду Хартфорду было не суждено стать вторым Кромвелем, ибо он был подвержен слабостям. Таким, например, как трогательная любовь к своему брату.

— Как поживает ваш помощник Барак?

— С ним все в порядке. Он получил очень сильный удар, но, к счастью, у него крепкая голова.

— Я хотел бы повидаться с ним, прежде чем уйду. Чтобы поблагодарить, в том числе и от имени архиепископа.

Я позвал Джоан и велел привести Барака. Вскоре тот появился, бледный, с запавшими глазами. Он отвесил лорду Хартфорду глубокий поклон, а тот выразил ему благодарность за все, что он сделал.

— Я пытался уговорить вашего хозяина работать на меня, — сказал он. — Нашлось бы место и для вас, как для его помощника. Я мог бы пообещать вам обоим увлекательную жизнь. Может быть, у вас получится убедить его?

С этими словами лорд Хартфорд поклонился и вышел из комнаты. Когда звук его шагов затих, Барак повернулся ко мне.

— Убеди мою задницу, — пробормотал он, видимо адресуя эту реплику ушедшему гостю. — Хватит с меня. Я и без того едва не потерял все, что имел.

— Это точно, — с улыбкой откликнулся я.

Вернувшись из Чартерхауса, мы обнаружили, что вещи Тамазин исчезли, а Барака на столе дожидается записка. Тамазин перебралась к своей старой подруге, которой два года назад помогала в приготовлении сладостей, столь любимых королевой Кэтрин Говард. Барак не захотел показать мне записку, но сказал, что, по словам Тамазин, ей предложили вернуться на прежнюю работу. Теперь, когда король должен был жениться

на Кэтрин Парр, загодя создавалась обслуга для будущей королевы, и дворцовый камергер набирал опытных слуг. Тамазин приняла это предложение, а вместе с ним получила и жилье в Уайтхолле. Тамазин писала, что им с Баракком следует некоторое время пожить отдельно, и просила его не искать с нею встреч.

Джек был сражен наповал, и мне стоило больших трудов удержать его от того, чтобы немедленно помчаться в Уайтхолл и устроить объяснение с женой. В конечном итоге он согласился немного подождать. Но главное состояло в том, что он наконец-то понял: быть с ней — вот что желанно ему больше всего на свете.

— Скоро ли мы вновь вернемся к работе? — спросил он. — Мне необходимо чем-нибудь занять мозги.

— Через несколько дней, Джек. Сначала я должен кое-кого навестить.

К концу недели я уже был на ногах, но все же чувствовал себя слабым и больным. Я отправил Барака в суд прошений с сообщением о том, что смогу приступить к работе со следующего понедельника, и мой помощник притащил кипу новых дел. Читать их было для меня истинным удовольствием, поскольку я почувствовал, что наконец-то вернулся к прежней жизни.

В воскресенье я оседлал Бытие и отправился в город.

Первым делом я собирался посетить Гая. На дворе было двадцать второе апреля. Минуло ровно четыре недели с тех пор, как погиб Роджер и начались все последующие ужасы. Стояло тихое весеннее утро, и я неторопливо ехал по улицам Лондона. Даже этот мрачный город сейчас казался чистым и светлым. Серо-коричневые тона улиц смягчала зелень деревьев, растущих в церковных дворах. Благодаря обильным дождям, пролившимся на город в последние дни, все вокруг цвело и зеленело.

Я полагал, что в воскресный день застану Гая дома. Он, должно быть, уже сходил в церковь и засел за свои книги. Последние десять дней я ничего не слышал о нем, хотя сам, еще лежа в постели, послал ему весточку с сообщением, что убийца найден и погиб.

Когда я привязывал Бытие у дома Гая, мое сердце трепетало. Вдруг он скажет, что нашей дружбе конец, и выгонит меня вон? Подойдя к двери лавки, я с удивлением обнаружил, что она открыта, а изнутри доносятся знакомые голоса. Я неслышно вошел и, осторожно ступая, подошел к двери приемной. Сквозь узкую щелку я увидел закрытый том Везалия, лежащий на столе.

Голос Пирса, доносившийся из приемной, звучал глухо, но был

острым, как скальпель.

— Вы, старый черномазый мерзавец! Если бы этот адвокатишка заявил властям, что я вор, меня могли повесить ко всем чертям!

— Он не стал бы...

— Откуда вам знать? А теперь я скатился до состояния нищего, живу со всякими отбросами и шарахаюсь, только завидя констебля.

— Тебя никто не пытается преследовать, Пирс. — Голос Гая звучал невыразимо устало. — Но почему ты обворовывал меня?

— А почему бы и нет? Подмастерьям платят сущие крохи, и я горбатился на вас, почитай, бесплатно.

— Ты мог бы попросить прибавки.

— Я в любом случае не собирался оставаться у вас в услужении. Я хотел найти новую работу, и деньги были мне весьма кстати.

Молодой негодяй рассмеялся.

— Мне опостытели ваши жалкие причитания о том, что я должен научиться состраданию к людям.

Слушая этот диалог, я очень жалел о том, что рядом со мной нет Барака.

— Я пытался научить тебя чувству моральной ответственности. — Голос Гая надломился. — Я хотел сделать из тебя хорошего человека.

— А я тем временем выполнял за вас всю грязную работу и убирал кровавые ошметки, которые вы оставляли после себя, когда потрошили тела покойников. А также я знал, что вы равнодушны к моему телу. По крайней мере, к моей заднице.

— Никогда... — В голосе Гая звенело отчаяние.

— Я хочу денег. Мне нужно все, что у вас есть. А потом вы напишете мне рекомендательное письмо, и я отправлюсь на север искать новую работу.

— Денег я тебе дам, Пирс, а вот рекомендацию — никогда, — твердо ответил Гай.

— Тогда я вырежу ваше сердце и посмотрю, такая же коричневая у вас кровь, как лицо, или нет.

Я вытащил из ножен кинжал и пинком ноги распахнул дверь.

Гай сидел на табуретке, прислонившись спиной к стене, а Пирс стоял рядом, приставив к его груди длинный нож. Лицо парня, которое я привык видеть спокойным и лишенным эмоций, сейчас покраснело и было искажено яростью и перепачкано уличной грязью. Некогда привлекательный, аккуратно одетый подмастерье теперь выглядел совершенно иначе. При виде меня его глаза округлились, однако приняли

прежнее выражение, когда он понял, что я один.

— Не прихватил сегодня с собой своего телохранителя, горбун? — издевательски осведомился он. — Что ж, тогда я и с тобой разберусь, причем с большим удовольствием.

— Нет! Если ты причинишь вред Гаю, клянусь Богом, ты не выйдешь из этого дома живым. Гай говорит правду, тебе ничего не грозит. Он забрал деньги, которые ты украл у него, так что против тебя нет никаких улик. Уходи, убирайся отсюда и никогда больше здесь не показывайся. Поверь, это лучшее предложение, на которое ты можешь рассчитывать по эту сторону могилы.

Меня переполняла холодная ярость. После того как я лицом к лицу столкнулся с Кантреллом, это жалкое существо казалось мне просто насекомым. Мой тон, поведение и взгляд, которым я смотрел в его безжизненные глаза, должно быть, произвели впечатление, поскольку Пирс опустил нож.

— В таком случае отойдите от двери, — сказал он.

— Сначала ты брось нож.

Поколебавшись, парень положил нож на рабочий стол Гая. Я отодвинулся от двери, и, пройдя мимо меня, он вышел в лавку. Там он схватил со стола том Везалия и опрометью выбежал из дома. Вскоре его шаги затихли в конце улицы. Гай судорожно перевел дыхание.

— Спасибо, — сказал он. — Хотя вряд ли он убил бы меня. У него на это попросту не хватило бы смелости. И все равно приятно, что в этом не пришлось убедиться на собственной шкуре. Еще раз спасибо.

— Он стащил твоего Везалия.

— Да, он получит за него неплохие деньги. Что ж, придется потратить то, что он украл, на покупку нового экземпляра.

— Утром я сомневался, стоит ли ехать к тебе, и очень рад, что все-таки решил это сделать.

Гай кивнул. Я обратил внимание на то, что его темные руки, лежавшие на коленях, заметно дрожат.

— Пирс постучал в дверь примерно с час назад, — стал медленно рассказывать мой друг. — Когда я открыл ему, он отшвырнул меня в сторону, ворвался внутрь, вытащил нож и привел меня сюда. Раньше, работая со мной, он всегда улыбался, был приветлив и услужлив, но сегодня его лицо выражало лишь холодную решимость и злость.

Гай покачал головой.

— Прости меня за то, что я не давал о себе знать, Мэтью, но я оставался в обиде на тебя. Прежде чем разоблачать Пирса, ты должен был

обратиться ко мне, и я обязательно согласился бы устроить ему перекрестный допрос, ты знаешь.

— Я приношу тебе свои извинения.

Гай с усилием улыбнулся.

— Что ж, сегодня наконец все точки над «i» расставлены. — Он указал на второй стул. — Присядь. Я пока не чувствую себя в силах подняться на ноги.

Когда я сел, он долго смотрел на меня, не произнося ни слова, а потом спросил:

— Кантрелл мертв?

— Да.

— Расскажи мне обо всем, что произошло, и как закончилась эта история. Если, конечно, ты в состоянии говорить об этом.

Он сидел, внимательно слушая мой рассказ о том, как мы взяли приступом дом Годдарда, как я догадался, что убийцей является Кантрелл, о часах, полных отчаяния, проведенных мною в канализации дома леди Кэтрин Парр.

— Я и думать не мог, что на твою долю выпали столь ужасные испытания, — тихо проговорил Гай, когда я умолк. — И вот что: перед тем, как ты уйдешь, я должен осмотреть твою спину.

— Буду тебе весьма признателен. Она до сих пор беспокоит меня. Послушай, Гай, кем все-таки был Кантрелл? Он убил семь человек, чтобы исполнить пророчество о семи чашах гнева, двоих — просто так, между прочим, и, возможно, еще раньше лишил жизни собственного отца. Я пытаюсь представить его в квартире Роджера и Дороти, как он чинит их деревянный фриз. Может быть, он даже оставался наедине с ней. Он пытался казаться обычным человеческим существом. При мысли об этом у меня просто кровь в жилах стынет. Я много думал, но так и не смог понять, почему он творил все эти вещи. Под конец он выглядел сконфуженным, растерянным существом, а вовсе не расчетливым зверем, которого я ожидал увидеть. Но Кантрелл не был одержим. Он искренне верил в то, что выполняет миссию, возложенную на него Богом.

— Не знаю я, кем он был, — тихо ответил Гай. — Хотел бы, да не знаю. Точно так же я не знаю, кем был Жиль де Рец и Стродир. В их головах произошли какие-то глубокие изменения, превратившие их из людей в хищников, рыскающих в поисках добычи. Возможно, когда-нибудь наука позволит нам проникнуть в те темные закоулки человеческого мозга, где гнездятся подобные твари.

— И все же мне кажется, что Кантрелл стал жертвой дикого,

необузданного фанатизма, который распространился сегодня по всей нашей стране, отчего Англия пожирает собственных детей. Я отчасти извиняю его хотя бы за то, что он хотел сделать.

Гай печально кивнул.

— Мы все оказались между молотом и наковальней в жестоком конфликте двух религий. Это доводит людей до крайности, заставляет их высокомерно полагать, что только они в состоянии разгадать многочисленные тайны Писания, а то и помыслы самого Всевышнего. Такие люди неспособны понять даже самих себя, поскольку путают собственную потребность в уверенности или власти с гласом Божьим, который якобы обращается к ним. Я удивляюсь тому, что на этой почве не свихнулось еще больше людей. Сам я по мере моих скромных сил пытаюсь следовать путем смирения, который гораздо труднее, чем любой другой. Особенно когда видишь на каждом шагу ужасы жестокости и страдания и начинаешь сомневаться в том, что через молитвы ты правильно понял волю Господа, услышал его голос или вообще ощутил его присутствие. Да, я считаю смирение величайшей человеческой добродетелью.

Я покачал головой.

— А я, как мне кажется, уже оказался за краем веры. На протяжении последнего месяца мне снова и снова приходилось перечитывать Книгу Откровения. Она устрасила меня. Я понял жестокое, варварское послание, содержащееся в ней, и испытал отчаяние.

— Нет, — твердо ответил Гай, — отчаиваться нельзя, Мэтью. Не позволяй Откровению искорезить и твою жизнь. Ну что ж, давай взглянем на твою бедную спину.

Я уехал от Гая, находясь в состоянии душевного покоя, хрупкого, но окрыляющего. Гай смазал мои ожоги какими-то чудодейственными мазями, отчего мне сразу стало легче.

Я направился напрямиком в Линкольнс-Инн, поскольку Дороти просила навестить ее. Еще находясь в постели, я успел отправить ей письмо, в котором сообщал, что Чарльз Кантрелл мертв. В ответном письме Дороти спрашивала, можно ли ей навестить меня, но я не хотел предстать перед нею больным и беспомощным и поэтому пообещал прийти сразу же после того, как немного поправлюсь.

Дверь мне открыла Маргарет.

— Ваш гость наконец-то убрался восвояси? — с улыбкой спросил я, поскольку из письма Дороти уже знал, что Билкнэп покинул их дом.

— Да, он ушел в тот же день, когда вы в последний раз приходили к

нам, причем в великой спешке. Он даже не потрудился поблагодарить хозяйку.

— Поблагодарить кого-то для Билкнэпа — все равно что лишиться зуба. Ты не знаешь, прислал ли он после этого твоей хозяйке какие-нибудь деньги?

— Вот уж нет!

— Я на это и не рассчитывал, но это ему с рук не сойдет.

Дороти была в гостинной. Мне сразу бросилось в глаза, что резной фриз над камином исчез. Хозяйка дома наконец сняла траур и теперь была одета в серое платье с высоким воротником и красной вышивкой на рукавах.

Увидев меня, она улыбнулась, поднялась навстречу и протянула руки.

— Мэтью! — обрадованно проговорила она. — Я так за тебя волновалась! Ты выглядишь усталым, но, благодарение Богу, не больным, чего я боялась.

— Нет, я крепче, чем может показаться. Я вижу, ты избавилась от фриза?

— Я сожгла его на заднем дворе и с удовольствием смотрела, как его пожирает пламя. Поварята, должно быть, решили, что я тронулась умом, но мне было все равно. Тот зверь прикасался к нему. Если бы не этот фриз, он никогда не оказался бы в нашем доме и не избрал бы Роджера в качестве своей очередной жертвы.

— Да, бедный Роджер погиб в результате ужасного стечения обстоятельств.

— Что заставляло его убивать ни в чем не повинных людей?

— Я только что говорил об этом с Гаем. Для нас обоих это загадка, и пусть она ею и остается. Это не тот вопрос, над которым стоит слишком долго ломать голову.

— Ты был там, когда его поймали? — спросила Дороти.

— Да, но не расспрашивай меня ни о чем больше, Дороти. Подробности этого дела должны храниться в тайне.

— Я буду благодарна тебе до конца жизни, — сказала она. — Я хотела, чтобы убийца Роджера был пойман и понес наказание, и ты сделал это.

Дороти отпустила мои руки, отступила на шаг назад и сжала ладони у себя на груди. Я понял, что она собирается сказать что-то важное.

— Мэтью, — медленно заговорила она, — не так давно я сказала тебе, что пока не решила, как жить дальше. У меня в голове до сих пор нет ясности на этот счет. Но я приняла решение: я поеду в Бристоль и останусь с Сэмюелем, хотя бы на два или три месяца. Все дела Роджера благополучно улажены, убийца наказан, а мне необходимо время, чтобы

прийти в себя и подумать. Я уезжаю во вторник.

— Мне будет не хватать тебя.

— Это ненадолго, — ответила Дороти. — В июне я вернусь и к тому времени приму окончательное решение: остаться в Бристолье или снова переехать в Лондон и снять здесь маленький домик. Теперь я смогу себе это позволить. Бристоль полон торговцев, вскоре им станет и Сэмюель, и я боюсь... заскучать в этом обществе.

Я улыбнулся.

— Еще бы! Ведь в отличие от адвокатов торговцы не обладают отточенным интеллектом и пытливым умом.

— Вот именно, — согласилась Дороти. — А здесь у меня хорошие и интересные друзья. Мэтью, останься на ужин, и давай поговорим о чем-нибудь приятном. Например, о старых добрых временах, когда мир еще не сошел с ума.

— Не имею ничего против, — ответил я.

Эпилог

Июль 1543 года. Три месяца спустя

В тот день должно было состояться венчание короля и Кэтрин Парр. На главных улицах Лондона были разложены костры и установлены огромные вертела для туш свиней с королевских кухонь Уайтхолла. Мы с Баракком неторопливо ехали по Чипсайду, и, глядя на пылающие костры, я невольно вздрогнул, вспомнив, как горел в своей церкви преподобный Ярингтон. Повсюду бегали мальчишки, подбрасывая в огонь хворост и оглашая воздух восторженными воплями в предвкушении предстоящего веселья. Их лица покраснелись под жарким летним солнцем. Констебли отогнали нищих подальше от Чипсайда, чтобы те своими назойливыми приставами не испортили горожанам праздник.

За месяц до этого леди Кэтрин пригласила меня в свой дом на Чартерхаус-сквер. Мы встретились в гостиной, увешанной великолепными гобеленами. У окна, занятые вышиванием, расположились две фрейлины. Леди Кэтрин выглядела совсем не так, как в день нашей последней встречи. На ней был пышный наряд: коричневое шелковое платье с вышитым цветочным узором, рубиновое ожерелье на шее, а золотисто-каштановые волосы украшал французский чепец, усыпанный жемчугом. Для ее высокого роста рот и подбородок были непропорционально малы, чтобы назвать их красивыми. Но в целом выглядела она величественно и, несмотря на это, доброжелательно и дружелюбно.

Я глубоко поклонился.

— Позвольте поздравить вас с помолвкой, миледи, — проговорил я.

Она слегка кивнула в знак признательности, и я ощутил в ней необыкновенную твердость. Твердость, без которой не обойтись человеку, принявшему нелегкое решение и готовому до конца сыграть свою роль на зловещих подмостках королевского двора.

— Мне известно, что вы спасли мне жизнь, мастер Шардлейк, — произнесла она своим глубоким голосом, — и ради этого прошли через жестокие испытания и претерпели невыносимые муки.

— Я с готовностью шел на это, миледи, — ответил я, думая о том, понял бы Кантрелл, увидев ее ближе, насколько сильно отличается эта женщина от того образа, что создало его безумное воображение.

И решил: нет, он бы этого не понял.

Леди Кэтрин одарила меня теплой улыбкой.

— Мне также известно, что к вам навещался лорд Хартфорд и предлагал вам остаться в мире политики, однако вы ответили отказом. Что ж, в этом я вас понимаю. Я хочу, чтобы вы знали одно, мастер Шардлейк: я никогда не обращусь к вам с какими-либо просьбами, но если вам когда-нибудь понадобится друг, или услуга, или что-нибудь другое из того, что вскоре будет в моей власти, вам нужно только попросить об этом.

За все те годы, что я имел дело с королевским двором, никто и никогда не предлагал мне поддержки, не попросив чего-то взамен.

— Благодарю вас, миледи, — ответил я, — вы очень добры. Я с радостью сохраню ваши слова в своем сердце.

Она опять улыбнулась, но вся ее высокая стройная фигура продолжала оставаться напряженной.

— Я буду наблюдать за вами с расстояния, и не для того, чтобы просить вас об услуге, а для того, чтобы предоставить ее вам, если в этом когда-нибудь возникнет необходимость.

Она протянула мне тонкую руку, унизанную кольцами, я склонился и почтительно поцеловал ее.

— Теперь у короля будет шестая жена. — Слова Барака вывели меня из задумчивости. — А я не могу разобраться даже с одной.

— Не ставь крест на своей семье, — ответил я. — Еще не все потеряно.

— Мне почему-то кажется иначе, но я все равно не оставлю попыток вернуть Тамазин.

Он уже несколько раз был на кухнях дворца в Уайтхолле, умолял Тамазин простить его и вернуться. Простить-то его она простила, а вот возвращаться не хотела, по крайней мере пока. Но пообещала хранить ему верность, сколько бы слуг и придворных ни проявили к ней интерес. Я подозревал, что Тамазин хочет заставить Барака понять, насколько она для него важна, невзирая на все несходство их характеров, и что при любых обстоятельствах он должен воспринимать ее как равную себе.

А в моей душе поселилась глубокая грусть, потому что Дороти так и не вернулась в Лондон. Несколько недель назад она прислала мне письмо, в котором сообщала, что приобрела маленький домик в Бристоле, рядом с тем местом, где жила невеста ее сына. Ее письмо заканчивалось так:

«Что до нас с тобой, то я знаю, какие чувства ты

испытываешь по отношению ко мне — те же самые, которые, вероятно, жили в твоей душе на протяжении долгих лет и ожили после смерти Роджера. Ты вел себя как благородный человек, Мэтью, ты просто не мог иначе, будучи таким, каков ты есть, и, я думаю, решение найти и покарать убийцу ты принял не только ради Роджера, но и из-за меня.

И все же я знаю, что никогда больше не выйду замуж. Я просто не смогу. Двадцать счастливых лет, прожитых с Роджером до того дня, как то злобное существо забрало его жизнь, — это великое счастье для любой супружеской пары. Повторный брак с кем бы то ни было стал бы лишь слабым подобием первого, и это не пошло бы на пользу никому.

Прости меня и когда-нибудь приезжай в гости».

Я не просил ее выйти за меня замуж, хотя и собирался это сделать, и она предугадала это. Ехать в Бристоль, чтобы проведать ее, я не хотел, по крайней мере в обозримом будущем. Это было бы слишком мучительно для меня.

Мы проехали верхнюю часть Баклсбери, и я подумал о Гае, сидящем в своей лавке. Наша дружба возобновилась, но временами я ощущал в нем некоторую замкнутость и задумывался над тем, сможет ли он снова в полной мере доверять мне, как доверял в прошлом.

— Удалось получить новые пожертвования на больницу? — поинтересовался Барак.

— Немного. Дело пошло бы более споро, если бы казначей Роуленд в большей степени поддерживал меня. Он так и не простил меня за то, как резко я обошелся с ним, когда в тот злополучный день он помешал тебе поймать Кантрелла. Очень жаль. Если бы он разослал членам адвокатского братства послание с призывом жертвовать на благое дело, они сразу бы раскошелились, и при этом каждый, желая выглядеть более щедрым, нежели его собратья по цеху, жертвовал бы немало.

Барак покачал головой.

— Значит, бедняки должны страдать только потому, что какая-то старая надутая задница обиделась на то, что с ней обошлись недостаточно почтительно. Что ж, в этом мире ничего не меняется.

— Боюсь, что ты прав.

— Наступит день, когда беднота устанет терпеть и распорядится по-своему, — мрачно предрек он и, усмехнувшись, спросил: — А у Билкнэпа вы денег не просили?

Мы оба рассмеялись. С тех пор как я вернулся в Линкольнс-Инн, Билкнэп усердно избегал меня. При моем появлении он выскальзывал из комнаты или прятался за углом. Его здоровье полностью восстановилось, и он вновь стал прежним. Денег Дороти он, разумеется, не послал и даже не заплатил Гаю за лечение, с помощью которого была спасена его жалкая, никчемная жизнь. И все же его нежелание встречаться со мной говорило о том, что он, возможно, испытывал некое чувство вины. В Линкольнс-Инн уже стало расхожей шуткой, что Билкнэп боится брата Шардлейка, как черт лаdana. Он мог бы исправить положение в любой момент, явившись ко мне с некоторой суммой денег для возмещения расходов Дороти и оплаты гонорара Гая, но Билкнэп был готов стерпеть любое унижение, лишь бы не расстаться даже с малой толикой золота, которое без всякой пользы хранилось в его сундуке. Вот за это его действительно можно было пожалеть. Мы миновали Бишопсгейтский мост.

— Ну вот мы и приехали, — с сомнением в голосе сказал Барак. — Уж не знаю, как визит сюда поможет поднять нам настроение.

— Не спеши, сам увидишь, — ответил я, въезжая через ворота Бедлама на территорию лечебницы.

Мы привязали лошадей, и я постучал в дверь. Барак опасливо оглядел здание, словно боясь, что какой-нибудь псих может выпрыгнуть из окна и наброситься на него. Но в этот день здесь царил покойствие. Нам открыл огромный смотритель Гибонс. Увидев меня, он поклонился. После нашей стычки с Шоумсом из-за того, что тот издевался над Эллен, выгнав ее за порог, Гибонс, похоже, проникся ко мне уважением.

— Мастер Кайт и его жена все еще здесь? — спросил я.

— Да, сэр, они здесь и находятся в гостиной вместе с Эллен.

— Идем, Барак, это именно то, что я хотел тебе показать.

Я провел его в гостиную. Сцена, которую мы там застали, словно была взята из образцовой семейной жизни. Адам с отцом сидели за столом и играли в шахматы, а Минни наблюдала за ними с таким счастливым видом, какого я никогда прежде не видел на ее лице. Рядом, занятая вышиванием, устроилась Эллен, и ее продолговатое чувственное лицо светилось гордостью. Старуха Сисси тоже шила. Иногда она замирала и с невыразимой грустью смотрела в пространство, словно видела что-то, недоступное взглядам других.

— Молодец, Адам! — радостно рассмеялась Минни и захлопала в ладоши, потому что ее сын сделал заключительный ход, объявив отцу шах и мат.

Когда мы вошли, все попытались встать, чтобы приветствовать нас, но

я попросил их не делать этого.

— Я привел своего помощника, чтобы ты смог познакомиться с ним. Возможно, ты помнишь его по судебному заседанию, на котором решалась твоя судьба. Это мастер Барак. Он помогал мне вести твое дело.

Барак поклонился присутствующим.

— Я победил отца в шахматы уже в третий раз, — с гордостью сообщил Адам.

Он помолчал несколько секунд, обратил взгляд на Эллен и спросил:

— Я получаю от этого удовольствие, но, наверное, это грех?

— Нет-нет, Адам! Сколько раз мы говорили тебе, что нет ничего греховного в том, чтобы получать удовольствие от невинных развлечений, которые подарил нам Господь в этом жестоком мире.

Адам удовлетворенно кивнул. Его все еще беспокоило, является он грешником или нет, но он принял мысль о том, что решать, кто будет проклят, а кто — спасен, должен исключительно Господь Бог. Родители боялись, какой будет его реакция после того, как, выйдя из Бедлама, он узнает о страшной участи, постигшей Ярингтона, вину за которую прихожане дружно возложили на фанатиков католической веры. Но Гай твердо верил, что вскоре Адам вернется в нормальной жизни и привыкнет к реалиям окружающего мира. Дэниел и Минни оставались верны своим радикальным религиозным воззрениям, но из-за любви к сыну согласились в общении с ним соблюдать крайнюю осторожность во всем, что так или иначе связано с религией. Развернув нынешней весной преследования радикалистов, епископ Боннер невольно сослужил этой семье хорошую службу. Преподобный Мифон покинул Лондон в мае, переехав на жительство в Норвик. Вместо него был назначен новый викарий, безбидный и не слишком верующий человек.

Дэниел Кайт поднялся из-за стола.

— Ну что, сынок, может, прогуляемся? Я думаю, сегодня мы можем дойти аж до Бишопсгейта.

— Хорошо, — ответил Адам и тоже встал.

Минни подошла к сыну и взяла его под руку. Адам повернулся ко мне с робкой улыбкой на губах.

— Мастер Шардлейк, когда мы вернемся, не расскажете ли вы мне что-нибудь о том, как живут адвокаты?

— С превеликим удовольствием.

Во время двух моих последних посещений Адам проявил живой интерес к своему юридическому статусу и даже выразил некоторые признаки возмущения, когда я сообщил ему, что его не могли кормить без

разрешения Тайного совета. Для него это был совершенно новый мир по сравнению с тем, в котором он вел отчаянную борьбу со Всевышним.

Адам подошел к Бараку и, слегка покраснев, проговорил:

— Я помню вас, сэр. Я видел вас в зале суда.

— Точно.

— Но я тогда был очень плох, — тихо добавил мальчик.

— И это верно.

Барак улыбнулся, хотя я видел, что ему неуютно находиться в этом месте и разговаривать с Адамом.

Через открытую дверь мы наблюдали за тем, как отец, мать и сын, беседуя, неторопливо идут через больничный двор. Позади нас стояла Эллен, как всегда боясь подойти к порогу и к тому миру, что начинался за ним.

— Родители очень заботятся об Адаме, — сказала она. — Они не такие, как те, что навсегда оставляют здесь своих беспокойных родственников, желая избавиться от них.

В ее голосе прозвучала горькая нотка. Я посмотрел на нее, и она выдавила из себя беспомощную улыбку. Единственным, что я знал про эту женщину, да и то со слов Шоумса, был тот факт, что в детстве она стала жертвой жестокого насилия, но я никогда не осмелюсь спросить у нее об этом, да она и не расскажет.

— Этот интерес к юриспруденции, внезапно проснувшийся у Адама, радует меня, — признался я. — У парня светлая голова.

— Кто знает, может быть, когда-нибудь он станет адвокатом.

— Ага. Тогда я возьму его на место Барака и выучу. Он обойдется мне дешевле.

Эллен засмеялась.

— Это будет называться эксплуатацией сумасшедшего, — буркнул Барак и повернулся ко мне. — Он определенно выглядит лучше, чем когда я видел его в прошлый раз, и все же в нем есть что-то...

— Хрупкое? — подсказала Эллен. — Ему еще предстоит долгий путь к выздоровлению, но я уверена, что он пройдет его до конца. Когда-нибудь.

— А, вот вы о чем, — догадался Барак. — Безумие — это болезнь, и однажды, как и любой другой недуг, может быть излечена.

Я подумал, хоть и не сказал вслух, что время от времени эта болезнь, возможно, будет брать свое, но мне хотелось верить, что Адам больше никогда не соскользнет в то ужасное состояние, в котором находился во время нашей первой встречи. Поправится ли он когда-нибудь окончательно и бесповоротно? Этого я не знал.

Барак вышел на крыльцо и поклонился Эллен.

— Мне нужно вернуться в Олд-Бардж, чтобы собраться и упаковать вещи Тамазин. Она сказала, что я могу привезти их туда, где она теперь живет. Лучше сделать это без спешки, чтобы ничего не забыть.

— В таком случае встретимся в Линкольнс-Инн завтра поутру.

— Ага, тем более что наклеивается парочка любопытных дел.

Барак явно испытывал облегчение оттого, что нашел повод покинуть это скорбное место. Он отвязал Сьюки и ускакал, приподняв шапку, когда проезжал мимо Кайтов.

— Ваш помощник переезжает? — поинтересовалась Эллен.

— Да, он разошелся с женой. Это очень печально, и ему невыносимо оставаться в их прежнем жилище, поэтому он снял комнату неподалеку от Линкольнс-Инн. Возможно, со временем они снова сойдутся, потому что очень привязаны друг к другу. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Документы с запросом об освобождении Адама из больницы поступят в суд прошений уже на этой неделе? — спросила Эллен.

— Да, во вторник. Если судья согласится с запросом, он будет направлен в Тайный совет. Надеюсь, они удовлетворят его.

На самом деле я твердо знал это. Кранмер прислал мне письмо, в котором пообещал лично проследить за тем, чтобы запрос был удовлетворен.

— А сам он готов к этому? — спросила Эллен. — До сих пор бывают случаи, когда я, заходя к Адаму, застаю его погруженным в молитвы или, того хуже, стоящим на полу на коленях. Время от времени на него снова накатывает страх оказаться проклятым.

— Гай считает, что Адаму пора выйти из больницы и начать налаживать отношения с окружающим миром. Разумеется, под присмотром родителей и наблюдением со стороны самого Гая, который станет часто его навещать. Срывы неизбежны, но состояние мальчика должно неуклонно улучшаться; время безумных выходок осталось позади. Так думает Гай, и я надеюсь, он не ошибается.

— Значит, я его больше никогда не увижу, — бесцветным голосом произнесла Эллен.

Я повернулся и увидел, что она на несколько шагов отошла от двери.

— Да, это грустно, — согласился я, — особенно вам, так много сделавшей для него. По словам Гая, если бы не ваша настойчивость и стремление понять Адама, он вряд ли смог бы добиться таких успехов в выздоровлении. Я уверен, что Кайты будут рады, если вы станете навещать их.

— Вы знаете, что это невозможно, сэр, — потупившись, ответила она. — И пожалуйста, не давите на меня.

Из своего кабинета появился Шоумс и, проходя мимо, бросил на нас двусмысленный сальный взгляд. Когда он удалился, Эллен спросила:

— Могу я попросить вас об одном одолжении, сэр?

Она проговорила это торопливо, залившись румянцем, и я понял, что ей пришлось собрать все свое мужество, чтобы обратиться ко мне с просьбой.

— Все, что угодно, Эллен.

— Не могли бы вы хоть изредка навещать меня, когда у вас будет время? Мне нравится слушать о том, что происходит в мире, и до сегодняшнего дня, пока вы не рассказали мне об этом, я даже не знала, что король собирается жениться. Каждый из здешних обитателей живет в своем собственном мире, а все, что происходит за пределами этих стен, является для нас тайной, покрытой мраком.

— Я предпочел бы, чтобы вы сами вышли во внешний мир. Ну же, Эллен, что вам стоит сделать всего несколько шагов за порог? Вы можете держать меня за руку. Разве это так трудно?

— Для меня это труднее, чем вы можете себе представить.

Даже мысль о том, чтобы выйти наружу, заставила ее задрожать и прижаться спиной к стене.

— Сэр, здесь многих можно вылечить с помощью хороших друзей и тех, кто их любит. Что касается остальных — таких, как я, — для них единственная надежда на вменяемость лежит в признании собственной... ненормальности.

— Вот что, Эллен. Я хочу предложить вам сделку. Я буду приезжать и навещать вас каждый раз, когда позволят обстоятельства, и рассказывать о последних новостях. Вы же пообещаете мне приложить все усилия для того, чтобы справиться со своей... проблемой. Я не стану заставлять вас выйти наружу, если вы не готовы к этому, но зато и не отстану от вас в попытках вытащить вас на свет божий.

Я улыбнулся.

— Ну что, договорились?

— Вы умеете торговаться, сэр, как и все адвокаты.

— В этом вы правы. Так как же, принимаете мои условия?

Женщина улыбнулась слабой печальной улыбкой.

— Принимаю. И спасибо вам за заботу.

И в этот момент над городом разнесся торжественный звон колоколов. Мы выглянули на залитый солнцем двор, прислушиваясь к перезвону. Где-

то там, в дворцовой часовне, король наконец женился на Кэтрин Парр.

Исторические заметки

Весной 1543 года развернулся новый виток борьбы между религиозными реформаторами и традиционалистами, которые доминировали в последние годы правления Генриха VIII. Хотя Эдвард Сеймур, граф Хартфордский, начал свое восхождение к вершинам власти, но одной из наиболее выдающихся фигур среди реформаторов продолжал оставаться Томас Кранмер, который благодаря своим хорошим личным отношениям с королем сумел сохранить за собой сан архиепископа Кентерберийского. Частично своим благополучием он был обязан тому, что в отличие от Кромвеля и Вулси он не пытался манипулировать королем.

Но все же после возвращения из-за границы ультраконсерватора Стивена Гардинера последовали попытки сместить Кранмера, чему активно содействовал епископ Лондона Боннер. Преследованиям подверглись радикалисты из числа приближенных к Кранмеру людей как в Кембридже, так и в Лондоне, но против них не нашли каких-либо серьезных улик. Король напугал Кранмера, заявив ему: «Теперь я знаю, кто самый главный еретик в Кенте», но тут же поверг Гардинера в шок, поставив Кранмера во главе комиссии, которой предстояло расследовать обвинения против него самого. Работая над романом, я руководствовался фактами, изложенными в книге Дайармейда Маккалока «Кранмер» (Лондон, 1996 г.). Наибольшей опасности со стороны своих недругов Кранмер подвергался, скорее всего, осенью, а не весной, как написано в романе.

В начале 1543 года атаки против протестантизма были предприняты и в парламенте. Епископ Боннер возобновил кампанию преследования радикалистов в Лондоне. В тот год парламент принял суровый закон, направленный против реформаторов, фактически запретивший рабочим сословиям и женщинам читать не столь давно появившуюся Библию на английском языке, экземпляр которой во времена Кромвеля имелся в каждой приходской церкви. Я весьма благодарен сотрудникам библиотеки колледжа Святого Иоанна в Кембридже, позволившим мне полистать экземпляр Библии 1539 года, принадлежавший, возможно, самому Томасу Кромвелю. Именно ее фразеологию я использовал, цитируя Книгу Откровения, хотя и немного изменил правописание, бытовавшее в эпоху Тюдоров.

Неоценимую помощь оказала мне книга Сьюзан Бриджен «Лондон и

Реформация» (Оксфорд, 1989 г.), в которой, в частности, рассказывается о преследованиях «сектантов» в Лондоне и охоте на тех, кто отступал от религиозных догм и осмеливался употреблять в пищу мясо во время Великого поста. В ее книге описывается Лондон, разделенный на приходы реформаторов и консерваторов. Радикалисты, считавшие себя гонимыми святыми, часто утешались верой в то, что в Книге Откровения предсказан скорый конец «зверя» в лице Рима. В то время многие, подобно сегодняшним христианским фундаменталистам, были убеждены в том, что живут в последние дни перед Армагеддоном, и повсюду видели «верные приметы» приближающегося апокалипсиса. Они воспринимали неизбежное, по их мнению, жестокое уничтожение человечества как нечто само собой разумеющееся. Удивительное сходство между пуританами эпохи Тюдоров и нынешними фанатиками христианской веры прослеживается и в том, насколько избирательно они читают и цитируют Библию, какое чрезмерное внимание уделяют Книге Откровения, как слепо уверены в своей правоте и каким языком излагают свою точку зрения. Что касается Книги Откровения, то я разделяю мнение Гая относительно того, что, когда после долгих колебаний первые отцы церкви все же решили включить ее в христианский канон, они выпустили в мир нечто весьма опасное.

Леди Кэтрин Парр стала супругой Генриха VIII в июле 1543 года. Венчанию предшествовали несколько месяцев настойчивых ухаживаний со стороны короля. Много лет спустя, уже будучи королевой, Кэтрин призналась, что в отличие от своих предшественниц не имела ни малейшего желания выходить замуж за монарха. Возможно, отчасти это объяснялось нежными чувствами, которые она испытывала по отношению к сэру Томасу Сеймуру. Нельзя сказать наверняка, симпатизировала ли Кэтрин Парр реформаторам уже в 1543 году. Мне думается, что да, поскольку в противном случае остается предположить, что она стала убежденной сторонницей реформ только после брака с королем. Но в последние годы жизни антипатия Генриха VIII по отношению к реформаторам неуклонно росла, делая такие воззрения крайне опасными. Поэтому второй вариант кажется маловероятным.

Взгляды врачей эпохи Тюдоров на психические заболевания были более разнообразны и глубоки, чем можно предположить. Как и любая другая отрасль медицины, тогдашняя психиатрическая наука основывалась на теории дисбаланса между «четырьмя жизненными жидкостями», питающими человеческое тело. Так, например, меланхоликам рекомендовалось чаще употреблять в пищу салат, поскольку он «холодный

и влажный». Но вместе с тем многие врачи давали пациентам вполне разумные советы, поощряя меланхоликов или «удрученных», как почтительно называли страдающих депрессией представителей привилегированных классов, почаще выходить из дома, гулять на свежем воздухе, слушать музыку и вести приятные беседы.

Не думаю, что методы Гая являются необычными для того времени, хотя его интерес ко всему, что связано с психическими заболеваниями, безусловно необычен. С другой стороны, и католики, и протестанты часто рассматривали наиболее ярко выраженные формы того или иного психического недуга в качестве одержимости. Католики в таких случаях предписывали исповедь и поклонение святым образам, протестанты — молитвы и пост. Временами, как это происходит с Адамом Кайтом в романе, люди, обладающие нестабильной психикой и одержимые какой-нибудь религиозной идеей, оказывались в нешуточной опасности, поскольку им грозило обвинение в ереси и публичное сожжение на городской площади.

Относительно медицинских воззрений того времени я почерпнул много полезного из книги Роя Портера «Социальная история безумия» (Лондон, 1987 г.), а труд Майкла Макдональда «Загадочный Бедлам» (Кембридж, 1981 г.) рисует захватывающую картину психиатрической практики одного из врачей, жившего в начале XVII века. Ему приходилось встречаться со случаями «синдрома грешника», от которого страдал Адам Кайт и который породили к жизни постулаты лютеран и кальвинистов о том, что Бог поделил человечество на спасенных и проклятых. Этот феномен неоднократно проявлялся и в последующие века. Взять, к примеру, первое Большое пробуждение (the first great Awakening) в колониальной Америке восемнадцатого века, когда произошло несколько получивших широкую известность самоубийств, совершенных людьми, которые считали себя безнадежно проклятыми.

Что касается лечения умалишенных, то оно было примитивным и крайне дорогим, как и вся медицина. Появление многочисленных лечебниц для душевнобольных в восемнадцатом веке объясняется тем, что люди, работавшие на промышленных предприятиях, не имели ни времени, ни возможности обеспечить надлежащий уход своим больным родственникам в домашних условиях и поэтому сдавали их в подобные заведения на длительный срок. В доиндустриальном обществе умственно отсталые и умалишенные получали гораздо лучший уход. Но наряду с этим существует множество свидетельств того, что людей с серьезными психическими заболеваниями держали дома, прикованными цепью, или

прогоняли в пустынные районы, обрекая на жалкое существование и скорую смерть. Поэтому не приходится сомневаться, что жизнь психически больных людей в Европе того времени была полна невзгод и лишений.

Бедлам, основанный в пятнадцатом веке как лечебница для умалишенных Лондона, был одной из немногих в Европе больниц, где занимались проблемами душевнобольных. Он заработал мрачную репутацию не в последнюю очередь благодаря тому, что по выходным обычные люди приезжали туда ради развлечения, чтобы посмеяться над ужимками и причудливыми выходками несчастных безумцев, сидевших на цепи. Это продолжалось вплоть до наступления эпохи Стюартов. О том, что представляло собой это заведение в эпоху Тюдоров, известно мало, за исключением того, что в нем постоянно содержалось около тридцати больных. Их держали в лечебнице примерно год (хотя некоторые оставались там гораздо дольше), а затем выпускали вне зависимости от результатов лечения. Больница была платной. Значит, большинство пациентов происходили из состоятельных сословий. Возможно, и тогда предпринимались серьезные попытки лечить душевнобольных, но тот факт, что начальство подобных заведений повсеместно «приватизировало» их и использовало как средство обогащения, а также отвратительные условия содержания делали дома скорби весьма мрачным местом. Однако доподлинно мы этого не знаем, поэтому я не стал ничего изобретать.

В ходе подготовки к работе над романом мне пришлось прочитать довольно много книг, посвященных серийным убийцам. Больше всего меня поразило, что, несмотря на общность определенных качеств, лишь некоторые преступники проявляют их все сразу. До сих пор не существует четкого понимания, что же заставляет людей превращаться в подобных монстров.

История Жилия де Реца, к сожалению, является историческим фактом, а вот персонаж под именем Стродир выдуман мною. Это объясняется тем, что мне не удалось найти более или менее правдоподобных описаний случаев, связанных с серийными убийцами в средневековой Англии. Конечно, это не означает, что в те времена их не было вовсе. Я благодарен Джеймсу Уиллоуби за помощь, которую он оказал мне, обнаружив записи об одном подобном деле. Увы, на поверку это оказалось «уткой».

Весьма полезной стала для меня книга Джона Вудворда «Странная история вставных зубов» (Рутледж, 1968 г.), хотя я не могу согласиться с его утверждением относительно того, что пришедшая в шестнадцатом веке из Франции мода на вставные зубы не получила широкого распространения в Англии.

Как обычно, я старался придерживаться достоверной исторической хронологии, но бывали и исключения. Так, должен сообщить, что упомянутый в романе анатомический атлас Везалия вышел в свет только в 1543 году, поэтому в Англии он, вероятнее всего, появился чуть позже.

Все лондонские церкви, упомянутые в романе, вымышлены.

notes

Примечания

1

Пальмовое воскресенье — праздник Входа Господня в Иерусалим. В православной традиции — Вербное воскресенье.

Суд палаты прошений возник в XVI в. для разбора дел небогатых тяжущихся, которым было отказано в судах «общего права». Компетенция суда была столь же обширна, как и у канцлерского, но касалась менее значительных дел. Этот суд был проще, дешевле и потому популярнее среди населения.

Бедлам (искаж., от англ. Bethlehem: Bethlehem Royal Hospital, Вифлеемская королевская больница) — изначально английский монастырь сестер и братьев «Звезды Вифлеема», основанный в 1247 г. мэром Лондона С. Фитмэри. С 1330 г. служил госпиталем, а с 1402 г. — местом содержания и лечения душевнобольных. Получил печальную известность из-за жестокого обращения с больными.

Саккос — белая одежда до колен, с широкими, не достигающими до запястья рукавами; надевается священником на время богослужения (обычно поверх сутаны) или мальчиками-певчими.

Сакраментарий — в западной церкви раннего Средневековья собрание текстов, которые произносились во время мессы.

Дублет — узкая короткая (до пояса) мужская куртка с узкими длинными рукавами.

7

Конduit — раздаточная колонка водопровода.

Джеркин — облегающая куртка с короткими рукавами. К этой части одежды крепились штаны-чулки. В эпоху раннего Средневековья — часть воинского облачения, в эпоху готики и Ренессанса — светская одежда.

9

Находящийся в здоровом уме и твердой памяти; вменяемый (лат.).

«Про боно» (от лат. pro bono publico — ради общественного блага) — безвозмездное оказание профессиональной юридической помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям, а также частным лицам, которые не могут подобную помощь оплатить.

11

Жестокий мир (лат.).

Уильям Оккам (ок. 1284 — ок. 1350) — английский философ-схоласт, известный сегодня главным образом благодаря предложенному им принципу экономии мышления («бритва Оккама»), суть которого состоит в том, что всякое подлинное объяснение (а стало быть, любая теологическая или философская система) должно быть предельно простым.

Коттер — представитель части феодально-зависимых крестьян средневековой Англии, державший очень мелкий надел: дом с приусадебным участком. Коттеры, как правило, становились батраками, а позднее — наемными рабочими.

Йомены — крестьяне в Англии XIV–XVIII вв., которые вели самостоятельное хозяйство на земле.

«Разлитием черной желчи» (или меланхолией) Гиппократ называл состояние, которое сейчас обозначается как депрессия.

Мориски — мусульманское население, оставшееся в Испании после падения эмирата Гранады (1492 г.), насильственно обращенное в христианство, но в своем большинстве продолжавшее тайно исповедовать ислам. Жестоко преследовались инквизицией.

Гилдхолл — лондонская ратуша, в которой с XV в. было сосредоточено управление городом, где проходили заседания магистрата и различных городских корпораций.

В судебной системе Великобритании существует много различного рода специальных судов. Коронерские суды созываются для установления причин насильственной смерти.

На неопределенный срок (лат.).

Слово fountain в английском языке означает одновременно «источник» и «фонтан».

Пребендарий — духовное лицо, имеющее приход и пользующееся доходами от духовного места, или каноник, пользующийся пожизненной пенсией, или бедный, призреваемый церковью.

Зал капитула — помещение для ежедневных собраний монашеской братии.

Клуатр (в западноевропейском монастыре) — прямоугольный или квадратный двор, окруженный с четырех сторон крытыми арочными галереями.

Джон Бейл (1495–1563) — английский драматург, историк, религиозный деятель. Автор моралите «Моисей и Христос»; исторической драмы «Король Джон» (1558). Также ему принадлежит «Жизнеописания знаменитых писателей Великобритании» на латинском языке.

В 1534 г. по настоянию Генриха VIII парламент принял Акт о верховенстве (The Act of Supremacy), который объявлял короля «верховным главой английской церкви». Акт решительно упразднял всякий «иностранный авторитет» и любое иностранное вмешательство в церковные дела Англии. Последнее положение недвусмысленно было направлено против папства.

Тайберн — площадь в западной части Лондона, где до 1783 г. совершались публичные казни.

Миддл-Темпл — Средний Темпл, один из четырех судебных иннов.

Имеется в виду крупное восстание на севере Англии в 1536–1537 гг., известное как Паломничество благодати. Оно вспыхнуло как реакция на уничтожение монастырей и стало единственной реальной угрозой короне Генриха VIII за все время его правления.

Одна из главных улиц центральной части Лондона (букв. «берег», т. к. улица шла непосредственно вдоль Темзы).

Невменяемый (лат.).

Живая вода (лат., шутл., о крепких спиртных напитках).